

Дорогие наши читатели!

В февральском номере журнала мы предлагаем вашему вниманию увлекательную и трагическую повесть Ивана Переверзина “Росомаха”, в которой автор повествует о суровой и самоотверженной жизни советских людей на просторах Якутии.

В этом же номере мы продолжаем публикацию страстных размышлений Александра Проханова “Вихри русской мечты”.

В том же номере будут опубликованы главы книги Сергея Куняева “Вадим Кожин. Жизнь замечательных людей” и эпилог исследования выдающегося историка русской музыкальной жизни Александра Белоненко “Шостакович и Свиридов: история взаимоотношений”.

Начиная с этого же февральского номера на продолжении полугодия будет публиковаться долгожданная книга Станислава Куняева “К предательству таинственная страсть” о судьбах и творчестве шестидесятников.

Кроме этого в портфеле журнала лежат романы, повести и рассказы Альберта Лиханова, Александра Сегеня, Сергея Михеенкова, Михаила Тарковского, Владимира Крупина, Сергея Шаргунова, Андрея Убогого, стихи Дианы Кан, Андрея Антипина, Глеба Горбовского, статьи Александра Казинцева, Михаила Делягина, Юрия Лоцица, Александра Севастьянова, Николая Рыжкова.

Конечно, старикам везде у нас почёт, но и молодым у нас дорога, всех их не перечислить, мы вырастили достойную смену.

А поэтому подписывайтесь и читайте, не забывайте, что “вначале было слово”.

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 1 2019

Премия им. В. В. Кожина

А. Смолко

Дорогие читатели!
Редакция журнала поздравляет вас
с Новым годом и Рождеством
Христовым!

* * *

*Какой туман!
Он заполняет русло,
ползёт к домам,
скрывая берега,
где медленно теряющая чувства
с оцепененьем борется река...
Дряхлеет мать,
но думает о сыне,
о том, что ненадёжен зимний путь
и что туман, клубящийся в долине,
опасен тем, что затекает в грудь.
А сын скорбит о том, что, замерзая,
теряют память реки и поля,
и шепчет в ночь: "Дай веру, мать родная,
и ты не выдай,
мать сыра земля..."*

Станислав Куняев

Премия
им. Л. М. Леонова

С. Доровских

Премия
им. Ю. П. Кузнецова

И. Александровский

Премия
им. А. Г. Кузьмина

П. Беседин

Ежегодные премии журнала

В. Боченков

М. Делягин

М. Ершов

В. Казанцев

В. Казмин

Ю. Ключников

Ю. Козлов

М. Ласурия

Н. Лесцова

А. Новикова-Строганова

З. Прилепин

А. Проханов

Е. Тулушева

А. Убогий

М. Чванов

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

- Владимир КРУПИН
Исцеление. Рассказы 9
- Валерий ХАЙРЮЗОВ
По главной сути,
жизнь проста. Рассказ 38
- Роман СЕНЧИН
Два рассказа 57
- Сергей ГУЛЯЕВ
Дети Кушки. Рассказ 70
- Филипп РЕЗНИКОВ
На полуслове. Рассказ 84
- Николай ГЛАЗУНОВ
Надежда. Рассказ 103

Поэзия

- Валерий ФОКИН
Жить вместе со своим народом 3
- Игорь ТЮЛЕНЕВ
Пред снежным
образом Христа 35
- Владимир СКИФ
Державные рощи... 54
- Александр ЩЕРБАКОВ
Светит Родина в душу мою... 67
- Сергей АГАЛЬЦОВ
Мгновенья дивные
проносятся 82
- Николай РАЧКОВ
Здесь лес и поле,
здесь Россия... 98

Очерки и публицистика

- Александр ПРОХАНОВ
Вихри русской мечты 112
- Николай РЫЖКОВ
Размышления о тернистом
пути России 132
- Михаил ДЕЛЯГИН
Формирование мировой цены
на нефть 145
- Яна ПАВЛИДИ
Русофобия от соседей 159
- Александр БОБРОВ
Вечно старший брат 163

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Отдел прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техцентром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

А. А. Жуков —
юрист —
(495) 625-57-45

Израэль ШАМИР
Камикадзе из Калифорнии 177
Валерий СДОБНЯКОВ
Искры потухающих костров 181

Мир Свиридова

Александр БЕЛЮНЕНКО
Шостакович и Свиридов:
к истории взаимоотношений 197

Критика

Александр РАЗУМИХИН
Ярмарка невест 233

Валентина ЕРОФЕЕВА
Мир, который ты несёшь... 259

Ирина МОНАХОВА
Афористичное слово
Белинского 263

Станислав МИНАКОВ
“Художник начинается
с ощущения...” 266

Слово читателя

“Очень любим ваш журнал...” 273

Память

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожинов
(вступление к книге) 283

Творческие итоги
2018 года 288

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и публикует наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией. Срок хранения рукописей один год. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2** (пн.-чт. с 11 до 17 ч.)

Адрес электронной почты: **n-sovrem@yandex.ru** (рукописи по e-mail не принимаются)

Адрес сайта в интернете: **www.nash-sovremennik.ru**

Юрист редакции оказывает юридическую помощь читателям журнала

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП “ПараТайп”.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 27.12.2018. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ №0086-2019. Тираж 4000 экз.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

ЖИТЬ ВМЕСТЕ СО СВОИМ НАРОДОМ

ЗАПОВЕДЬ

Закат сменяется восходом,
а солнце светит и во мгле.
Жить вместе со своим народом
одной судьбою на земле,
в трудах вершить свои дела
и знать:
добро сильнее зла.

БОЯН

И молитва,
и стих боевой,
как оружие в битве с врагами.
Вновь с хоругвями над головой
собрались мы под русское знамя.
С нами Бог,
и победа за нами.

ФОКИН Валерий Геннадьевич родился 1 января 1949 года в вятском селе Пищалье. Закончил семинар Ю. П. Кузнецова на ВЛК. Автор одиннадцати поэтических сборников, книги прозы “Все-го-навсего” и документального издания “Вятская гармоника”. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого. В 2014 году после речной аварии стал инвалидом, перенёс несколько операций. Живёт в г. Кирове (Вятке).

Но усвоила русская рать
из суровых отцовых заветов:
даже в битве негоже терять
самых лучших певцов и поэтов.
Нас прикроют в смертельном бою,
словно князя — щитом или телом,
чтоб мы веру и правду свою
подтвердили и словом, и делом.
Кровью братьев своих подтвердим,
как, спасая нас, воины пали,
чтобы мы передали другим
то, что сами в бою испытали.
Мы пример подадим молодым
не в речах — в задушевной беседе,
и для правнуков станет своим
наше слово о нашей победе.

“РУССКИЙ С КИТАЙЦЕМ БРАТЬЯ НАВЕК...”

Солнце Китая восходит над миром...
Мао Цзэдун

*Видят китайцы сиянье Кремля.
Мы не боимся военной грозы...*
Из песни “Москва — Пекин” (1949)

“Солнце правды восходит с Востока”...

Хоть звучит, как китайский пароль,
правда памяти слишком жестока
про Даманский и Жаланашколь.
Не тревожь меня, память немая,
дай забыть, как с границы в тоске
друг в коляске вернулся, сжимая
орден Красной Звезды в кулаке.
Он то плакал,

то пил,

то ругался

среди других госпитальных калек:

“Штык-ножом припорол я китайца,
позабыв, что мы “братья навек”.

Мы ведь так нашу дружбу ценили:

кто бы мне бы сумел объяснить,

почему они это забыли

и заставили нас позабыть.

Разве дружба — ненужная малость? —

за неё, если надо, умри!

Наша братская кровь запекалась,

не смешавшись,

на льду Уссури.

Полегло погранцов нас немало,

чтобы остров на время спасти.

До Байкала,

а там — до Урала

тихой сапой надёжней дойти...”

И дойдут,

улыбаясь по-братски,

как друзья,

не таясь по ночам:

мы ведь любим красивые сказки,

мы ведь верим красивым речам.

Друг, подвыпив, твердил виновато:
“Я жалею убитого брата.
Ни к чему были наши бои,
если сдали всё позже свои...”
И в бреду,
  умирая до срока,
всё твердил друг израненный мой:
“Солнце правды восходит с Востока,
но зайдёт за кремлёвской стеной...”

“ЯБЛОЧКО”

Даже самые умные книжки
не озвучат живые слова:
“Хорошо заштормило, братишки!” —
и чуть позже: “Полундра, братва!!!”
За сто лет не закончились споры:
те — не эти,
  а эти — не те.
Корабельный прожектор с “Авроры”
не нащупает цель в темноте.
Ту народную страшную ярость
расплескать мы не можем до дна,
и вопрос:
  “А за что мы сражались?!” —
как пароль нам на все времена.
Не шарахнет “Аврора” по цели:
Туробъект —
  только рябь по реке...
Просадили мы всё,
  просвистели,
как матрос-анархист в кабаке.
Неохота за маузер братья,
лучше “Яблочко” — смерть каблукам!
А Свобода
  без Равенства-Братства
проституткой пошла по рукам.
Сняли даму за баксы мажоры,
чтоб, натешившись,
  скинуть с утра,
как похмельное селфи с “Авроры”:
“Хорошо погуляли вчера!”

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
радуйся жизни, новый буржуй:
день твой последний пока не придёт —
верен присяге российский Балтфлот.

БЕЗДОННОСТЬ

Как будто ждёшь сигнала для атаки,
чтоб не оставить Родину в беде...
Здесь предки наши
  крестоносцев всяких
топить умели в ледяной воде.
Задумайтесь: а что бы было с нами
без этой глубины и высоты?
Упало небо чёрными крестами

на наши православные кресты.
И, солнце заслонив неумолимо,
армады в небе нагоняли страх.
Выпускники Осоавиахима
навстречу поднялись на “ястребках”.
Они врагов загнали в поднебесье
и сбросили с заоблачных высот.
А с фюзеляжей все кресты,
как плесень,
сдирал наждачной шкуркой русский лёд.
Врагам России вместо эпитафий —
лишь ледяная чёрная вода:
псы-рыцари
и асы из люфтваффе
в ней растворились напрочь без следа.
И прежде, чем тревогу вновь сыграют,
пускай усвоят новые враги:
в России ледяной воды хватает,
чтобы посмертно остудить мозги.
А что до наших соколов-пилотов,
до тех, что приземлиться не смогли,
то души их, уже без самолётов,
остались там — в заоблачной дали.
Они в раю так шурились лучисто,
ведь Божий Свет — не свет походных ламп,
и по сто грамм за сбитого фашиста
им отмерял небесный интендант.
И пусть в их кружках не вода живая,
и в небесах — гроза, а не салют,
они,
нас от беды оберегая,
поныне в нашей памяти живут.
Они свой край благословляют снова,
тот отчий край,
в котором мы живём,
где вся бездонность озера земного
и неба, отразившегося в нём.

ТАК БЛОК ПИСАЛ

Страдание дано на испытанье.
Всегда, когда нелёгкая пора,
то кое-кто твердит, как заклинанье:
“Давно отсюда сваливать пора!”
Но напрягая гаснувшие силы
над огненную бездну — на краю:
“Я никогда не бросил бы Россию...” —
так Блок писал,
предвидя смерть свою.
Пусть говорят: “Его не отпустили!
Его могли б на Западе спасти...”
А он себя не мыслил вне России
и не искал к спасению пути.
Во времена глобального трансферта
ещё не поздно,
позабыв покой,
что значит искупительная жертва,
суметь понять над блоковской строкой.

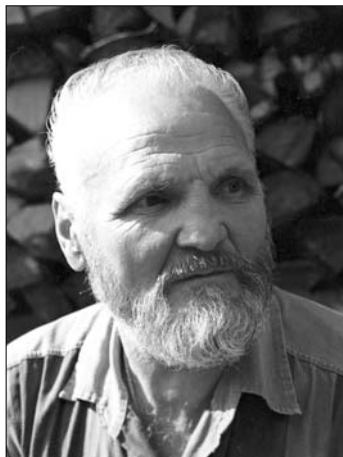
В КУЛАКЕ

До конца размотался клубок.
Жизнь почти уже вся пролетела.
И за то, что его не берёг,
начинает мне мстить моё тело.
Не поднять ни ружья,
ни весла.
Дальний берег, как будто в тумане...
Просто сила куда-то ушла,
словно спирт испарился в стакане.
Добираю остатние дни
у костра вместе с другом на Вятке.
— Вася, хоть самогону плесни,
как ты сам говоришь, по лампадке.
Пусть не спирт, но красиво горит,
словно душу мне сжечь норовит
за грехи,
за былое враньё,
за уставшее тело моё.
А душа не желает гореть,
не желает меня погубить,
а желает меня пожалеть,
потому что не петь мне,
не пить
и уже вместе с ней не грешить...
Не поднять ни весло,
ни ружьё —
бесполезно сжимать кулаки.
Мстит за прошлое тело моё.
Тянет холодом смертным с реки.
Сам тяну я ладони сквозь тьму:
а куда,
и зачем,
и к чему?..
Будто щупаю,
что там и как?..
И сжимаются пальцы в кулак
лишь затем, чтоб сберечь в кулаке
этот день
у костра
на реке.
Ведь не будет таких больше дней.
Будет только больней и больней —
на полслове прервётся строка...
Вася-друг, помяни и попей:
я покинул реку и друзей,
но ушёл,
не разжав кулака.

.....
*Дорогой наш друг! От души поздравляем с юбилеем.
Годы идут, а душа твоя не стареет, и сила поэтическая прибавляется.
Ждём новых стихотворений. Крепко жмём твою руку!*

Редакция журнала

ВЛАДИМИР КРУПИН

ИСЦЕЛЕНИЕ

РАССКАЗЫ

Ранней осенью в монастыре отпевали хорошего человека. Сладкий кадильный дым, умильные слова молитв, согласное пение хора снимали скорь, умиротворяли.

После отпевания архимандрит пригласил меня к себе и решительно сказал:

— Сколько я ещё могу отпевать? Конечно, Богу виднее, кого призывать, но Он не возбраняет нам заботиться о здоровье. А оно необходимо для трудов во славу Божию. Так? Вы согласны?

— Н-ну да, — я не понял, к чему это сказано.

— Вот что, — решительно сказал архимандрит, — и не вздумайте отказываться от моего предложения.

— Какого?

— Вы плохо выглядите. Надо вам немедленно лечь на обследование. У нашего спонсора есть договорённость с одним очень хорошим лечебным центром. За неделю ничего не изменится. Вас полностью обследуют, дадут какие-то рекомендации. Может, где-то что-то надо подвинтить, что-то убавить, а что-то прибавить. Усилить защиту против инфаркта-инсульта. Как раз сегодня арендованная спонсором отдельная палата освободилась. Завтра с утра будьте готовы.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в армии, окончил Московский областной пединститут. Автор многих повестей и рассказов, романа "Спасение погибших", путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор "Православной азбуки", "Детского церковного календаря", книги "Русские святые". Лауреат Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия. Печатается в нашем журнале с 1972 года. Живет в Москве.

— Но...

— Вы служили в армии?

— Так точно.

— А у нас дисциплина сильнее, чем в армии. Примите как послушание. Вернулся домой — жена встречает очень радостная.

— Это же очень хорошо — обследоваться. Врач звонил, говорит, чтоб ты взял халат, пижаму и шлёпанцы.

— Но у меня нет халата и пижамы, — обрадовался я. — Может, не примут?

— Есть же летние брюки лёгкие, и туфли летние есть. И приличные тапочки. И курточка лёгкая. Я уже приготовила. Вот ложечка для заварки, тебе Валя подарил, вот чай. Но врач сказала: там нет посещений. Почему?

— Почему вообще меня туда везут?

— Обследоваться! Тебе это надо. Ты плохо спишь.

— Да сейчас уже и медведи в берлоге плохо спят.

И вот жизнь моя назавтра с утра резко изменилась: в сопровождении монастырского врача я был доставлен в этот медицинский центр. Ехал с великой неохотой, надеялся, что что-то сорвётся и я вернусь. Ещё ограда устрашила — высокая, плотная, по верху обведённая колючей проволокой. Проволоку облагораживал оплетавший её дикий виноград.

— Тут был связанный с обороной режимный объект. В 90-е ликвидировали, потом — ни то, ни сё, потом вот — медицина, — объясняла врачиха.

На проходной, оказывается, и пропуск был уже заказан. В приёмном отделении она меня сдала другому врачу, та велела мною заняться женщине в синем халате. А эта отобрала у меня верхнюю одежду и обувь, видимо, чтобы не сбежал, дала больничные тапочки и сопроводила в терапевтическое отделение. Просторный лифт, потом длиннющие чисто вымытые пустые коридоры с дверьми справа и слева. Очень похоже на тюрьму для блатных. Завела в кабинет, где у меня прослушали грудь и спину, измерили давление, и ещё одна сопровождающая привела, наконец, в отдельную палату. Стол, стул и какая-то замысловатая кровать на шарнирах. На стене — провода, кнопки, табличка: время приёма пищи, процедуры, подъём, отбой, номера телефонов дежурной.

Я хотел полежать на кровати, я же лёг на обследование. Собирался осмыслить перемену в жизни, но даже и не присел: пришла медсестра и повела к заведующей. Попросила отключить телефон. А он у меня, оказывается, и вообще сегодня не включался. На ходу сообщила, что из центра выходить нельзя, только по заявлению, которое подпишет лечащий врач и которое заверит зав. отделением.

А вскоре сама зав. отделением обрадовала ещё и тем, что это обследование не неделя, а минимум десять дней. Да и то, сказала, это очень быстро для полного обследования. Очень много анализов, и разовых, и повторных, всё это скоро не бывает. И из пальца, и из вены, и сок желудочный, и, конечно, моча. И капельница, и таблетки утром и вечером, и всякие рентгены. Кардиограммы, энцефалограммы. УЗИ. И процедуры. И глотание маленькой телекамеры, тоже всё будет.

— А выходить, значит, нельзя?

— По специальному разрешению. Но у вас будет такой плотный график, что выходить будет просто некогда.

Я затосковал: уж хватило бы в моей жизни заборов, ограждений и оград, но куда тут денешься, архимандриту надо подчиняться.

Подписал, не читая, несколько многостраничных бумаг, вернулся в палату. Подошёл к окну. И такой мне вид открылся! Он меня необычайно восхитил и даже примирил с ролью временного жителя в запертом пространстве. Центр этот на юго-востоке столицы. Из окна палаты был вид на Московскую кольцевую автодорогу, МКАД, за ней — Николо-Угрешский монастырь. В нём я, конечно, бывал. Но была видна ещё и церковь села Беседы, вот что впечатлило. Я её многократно замечал, когда проносился по этой кольцевой трассе. И справа налево, и слева направо. Невольно возникло сравнение

с наброшенными на город овальными обручами хула-хуп. И Москва их крутит, вращаясь одновременно и туда, и сюда. Она такая — всех завертит. А может, и они её.

Но вот почему-то в церковь Рождества Христова в Беседах не получалось заехать: или торопился, или ещё что. Всегда жалел: село Беседы значительно для русской истории. Не только оттого, что тут располагались великокняжеские угодья, но главное, тут происходил военный совет — беседа — перед Куликовской битвой.

И я возмечтал побывать в Беседах. Казалось, село близко. Дойти до кольцевой автострады, перейти её, тут и церковь. Может, тут километра два. Да, надо жене позвонить, обещал же. Но когда было звонить? И только начал тыкать в кнопки мобильного, как в палату безо всякого стука пришла женщина в белом, в затемнённых очках и — ни здравствуйте, ни прошу прощения — сразу:

— Отключите телефон, садитесь. Я ваш лечащий врач. Римма Оскаровна. Левую руку кверху ладонью на стол.

Стала измерять давление. Потом прослушивать.

— А от чего меня лечить? — спросил я. — От старости же не лечат. У меня оба дедушки у врачей не бывали, а жизнь-то какая им досталась, и ничего, жили. До старости дрова пилили-кололи. Хочу на них походить.

Моя разговорчивость ей не понравилась. Так я понял. Или она немножко недослышывала. Также я сообразил, что они у меня всё равно чего-то найдут. А дальше по кругу: примутся одно лечить, другое тоже захочет лечиться, и уже из этого круга не выскочить. Тут только начни.

— Меня же только на обследование положили. Так-то я себя хорошо чувствую. Если что-то и есть, так возраст всё-таки. — Я всё-таки надеялся, что она даст мне от ворот поворот, то есть получится, что не сам отсюда убегу. А убежать мне захотелось.

— Зачем меня здесь держать? — рассуждал я, тоскливо глядя на белые стены. — Живу же. Не слепой, не глухой. А если что и есть, так это нормально. Надо же от чего-то умирать.

Врачиха, никак не реагируя на моё нытьё, присела к столу и стала заполнять бумажки, похожие на квитанции. Может, она меня и не слышала. Протянула несколько штук:

— Это уже на сегодня. На завтра у дежурной медсестры. С утра не завтракать, анализ крови. — Снова померила давление.

— Нормальное? — спросил я. — Третий раз за два часа измеряете. Конечно, оно от переживаний прыгает.

— А какое для вас нормальное? — спросила она.

— Не знаю, — честно сказал я. — Да зачем и знать? Прекрасно себя ощущаю! Может, ничего мне и не нужно? Поеду обратно?

— Вы прибыли на обследование, — холодно сказала она, — а в этом обследовании многие десятки параметров, кроме кровяного давления.

— Хорошо, спасибо. — Я взял бумажки.

— Давайте познакомимся, — сказала она.

— Так мы же уже знакомы. Вы — Римма Оскаровна.

— С вашим организмом. Снимите рубашку.

Выслушивала она мои внутренности внимательно. Эти с детства знакомые: дышите — не дышите.

— Повернитесь спиной. — Простучала лопатки и рёбра. — Рёбра ломали?

— Да. Восьмое-девятое слева. Но всё зажило.

Она присела к столу. И стала допрашивать и записывать, будто сама вела протокол:

— Рост?

— Прямо военкомат. Вообще всегда было метр восемьдесят, но сейчас чувствую, уменьшаюсь.

— Вес? — Она, наверное, была врач-робот.

— Тоже по-разному. Но стараюсь за семьдесят семь не заезжать. Две семёрки, а не три. Шутка. Был портвейн знаменитый “Три семёрки”.

— Пьёте?

— В тяжком прошлом. “Для пьянства вот какие поводы: крестины, свадьба, встречи, проводы, уха, защита, новый чин и... просто пьянство без причин”. — Даже не моргнула.

— Бывает утомляемость?

— Ну да, я ж не трактор. Трактор и то...

— Изжога?

— Бывает. Но это у меня с армии. Там, знаете, чем изжогу лечил? Пеплом от сигареты. Я же, дураком был, ещё и курил.

— Головокружение при перемене положения тела?

— Так как не бывать, бывает. Если согнуться, да резко разогнуться. Но можно резко и не разгибаться.

— Дискомфорт в левой стороне груди?

— Поволнуюсь когда. С женой когда поссорюсь. Тут да, дискомфорт.

— Боли в шейном отделе позвоночника?

Я напряг затылок и признался:

— Это тоже есть. Но это опять же всё, как у всех.

— За всех не надо отвечать. Снижение памяти?

— Да вроде пока помню. Где позавтракал, туда же обедать иду. — Я надеялся, что врач понимает шутки. — Конечно, уже не как молодой. Да и зачем много-то помнить. “Отче наш” выучил, и хватает.

— Горечь во рту? Отрыжка?

— Можно, я рубашку надену? — спросил я.

— Можно не спрашивать. Икота?

— Бывает. Но скажу: “Икота, икота, иди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого”, — и без всякого лекарства проходит.

Нет, врачиха, а ведь молодая ещё, была без эмоций:

— Перенесённые заболевания, операции? Какие, когда, под каким наркозом? Общим, местным? Контакт с инфекционными больными?

Я перестал шутить, отвечал на вопросы. Сообщил о перенесённых пяти операциях под общим наркозом.

— Но они были давно, хорошо прошли, всё прошло.

— Ложитесь. Расстегните ремень. Спустите брюки. — Она стала мять живот. — Тут чувствуете? Тут? Тут?

— Везде чувствую, — доложил я. — Но нигде не болит.

— Сядьте. Покажите язык. Высуньте побольше. Уберите. Повернитесь вправо. Так. Теперь влево. — Она и в уши поглядела, и глаза проверила, заставив меня поводить ими в разные стороны. — Это так, прикидочно. Подробнее уже специалисты. — Подержалась за пульс. Чего-то ещё пописала.

Нет, это была не женщина, это был робот. Её, наверное, делали в Японии по спецзаказу. Она встала:

— Какие будут просьбы?

— Будут. Убрать телевизор.

— Но можно же не смотреть.

— Нет, даже один его вид вызывает аллергию.

Она пожала плечами и вышла. Я включил телефон, сразу занывший. На экранчике прочёл: номер такой-то. Конечно, жена звонила. Семь раз. Вызвал её, даже оправдываться не стал: она с ума сходила, думала, что случилось, я же не отвечал. Не сумев до меня дозвониться, в интернете нашла телефоны центра, меня отыскивали в списках отделения, даже сказали ей номер телефона палаты. Но и он не отвечает.

— Ты меня в могилу загонишь!

— Осмотр был. У меня минуты не было, чтоб позвонить.

— Именно для меня не было.

— Я не знал, что в палате есть телефон. А, вижу: над кроватью. А, он в розетку не включённый. Включаю. А какой у меня номер? А, тут написан.

— Осмотр был, и что?

— Я весь больной.

— Я это знала. Что-то серьёзное? Будут лечить?

— Будут в гроб загонять. Помнишь шутку про врачей? Консилиум: “Ну что, лечить будем, или пусть живёт?”. Или вторая: “Несмотря на все наши старания, больной выжил”.

— Что-то серьёзное, я спрашиваю?

— Абсолютно здоров. Хоть в космос отправляй. Будешь женой космонавта. — В палату постучали. — Извини, пришли, позвоню. Да!

Пришёл мужчина в синем халате с белым воротником:

— Сказали телевизор у вас забрать. Они не шутят?

— Здесь разве шутить умеют? Да, спасибо, заберите.

— А что так?

— Ненавижу.

— Так-то так, — согласился он. — Ну, а вдруг “Барселона” играет?

— Так чего ж ты не за своих болеешь?

— Я за игру болею. А наши что? По минуте думают: пнуть по мячу или указаний подождать. В Лондоне, в 68-м, по-моему, когда мы победили, им нечего было на приём к королеве надеть. За родину воевали, нынешние за деньги, где ж тут победы будут? Ну, вообще-то на чемпионате поднатужились, да и то, даже не четвертушка, восьмушка. Так и то, какое ликование развели.

— Но победы нужны, как без них?

— Без них никак. “Какая боль, какая боль: Россия — Саудовская Аравия: пять — ноль”.

Он ушёл, я стал звонить жене. Она ответила, но в дверь вновь постучали. Дежурная. Принесла ещё листочки. Разложила на столе и те, что заполнила врачаха, тоже разложила. Стала объяснять порядок посещения кабинетов.

— Этаж, номер, время, всё прописано. Сложено по порядку. Лучше приходите заранее. А то у нас есть любители лечиться. Ещё запомните номер стола. У вас пока общий. То есть не диета. Уже скоро обед. Или сюда принести?

— Это уже, когда залечите до лежачего положения, тогда.

Но эта хотя бы улыбнулась.

На обеде, куда потихоньку сходились люди в пижамах, меня удивила тишина. Даже ложки-вилки не брякали. За компотом все ходили со своими кружками. У меня своей не было. Раздатчица удивилась, но тут же взяла белую больничную кружку, ополоснула, потом, сказала: “Кипятком поливаю, это будет ваша персонально, возьмите с собой в палату. У вас должен быть чайник”.

— Нет, не видел.

Когда вернулся в палату, чайник, тоже белый, стоял на тумбочке. Подошёл к окну — в воздухе пропархивали мелкие желтые листочки. Смеркалось. Сейчас всё раньше будет наступать вечер, потом и вовсе зима.

Стук в дверь. Да, надо же куда-то, в какой-то кабинет. Медсестра, уже другая, принесла капельницу. В перевёрнутой большой мензурке болталась какая-то жидкость.

— Ложитесь. Закатайте рукав левой руки. Поработайте кулачком, пожимайте и поразжимайте пальцы.

Прощупала пальцами с маникюром кожу на сгибе локтя, протёрла влажной ваткой, уколола в это место иглой, которая продолжалась прозрачной трубкой, и по ней из мензурки начало поступать в мой организм, прямо в кровь, что? Лекарство? Какое, от чего?

— Когда раствор дойдёт до вот досюда, нажмите эту кнопку, — сказала она и ушла.

Что ж я, улёгся под капельницу без книги, без молитвенника? Да, телефон же есть.

— Ну и новость! — воскликнула сразу жена.

— Какая?

— Ты не знаешь? У вас объявлен карантин. Посещения запрещены.

— Ну, всё одно к одному: и меня не скоро выпустят. Я под капельницей лежу. Что вливают, не знаю. Пока жив.

Опять входит и опять без стука. Вроде рано капельницу убирать. Нет, не медсестра, моя врачиха. С бумагами. Села, их пересматривает. Я молчу. Капли каплют.

— В интернете нашла ваши данные трёхлетней давности. Были серьёзные болезни за это время?

— Нет.

— Но отчего так резко снизились все параметры? Ещё подождём анализов.

Наконец-то ушла. Ещё поговорил с женой.

— Я отсюда сбегу.

— Не вздумай. Перед отцом Тихоном как ты будешь выглядеть?

Сняли капельницу. Ходил по коридорам и кабинетам. В одном брали на анализ слюну, в другом был какой-то тест, в котором требовалось находить что-то похожее в разных картинках. Уровень детского сада. Может, меня за дурака принимали. В третьем несколько раз дышал в широкую трубку.

— Вы, как гаишники, поймавшие водителя за превышение скорости и подозревающие алкоголь. — Сотрудницы кабинета ничего даже на это не сказали. Я понял, шутить здесь лучше не надо.

У меня наступило какое-то состояние протрации. То есть я как бы замер в своих чувствах, внушив себе, что надо просто пережить эти дни, это обследование. Ну да, тюрьма. Но ведь кормят, отдельная палата. Отдыхай. А всё равно что-то томило и угнетало. А чего, кажется, горевать: жизнь идёт, ещё что-то делаешь, никому не в тягость. А то, что ничего тебе в этой теперешней жизни не нравится, так это стариковское брюзжание. Ты такой не один. Я в отца. Такой же. “До какого сраму дошли, — говорил, — а ещё до какого дойдём”. Так что к старости я встал на накатанные рельсы. Но это же не эгоизм, не о себе думаю, о России. Да я, в общем-то, и в юности не был всем доволен, хотя и бунтарём особо не был. И диссидентство всегда было мне противно. Открытая борьба — это да. Понятие Родины, страны, державы, Отечества было для меня святым. А отсюда всё остальное. И когда, уже давным-давно, стал причащаться, жить стало и легче, и труднее. Легче, потому что знал: Господь не оставит, труднее, потому что резче увиделась вся насавшая на Россию бесовщина.

Ходил и ходил по коридорам и лестницам. И все эти передвижения около казённых стен напоминали о посещениях в больницах много болевших друзей. Да. А эта врачиха спрашивает, чем переболел? Друзей потерял, вот и вся причина. И сам, в свою очередь, заумирал. И это ощутимо почувствовал.

Моё пребывание в этом центре стало двухплановым: в одном состоянии меня обследовали, лечили, в другом — я непрерывно погружался в мысли о только что ушедших в жизнь вечную друзьях. Здесь всё помогало их вспоминать.

Вспомнил, как мы с поэтом Анатолием Гребневым, естественно, вятским, навещали в Перми, в обкомовской больнице Виктора Астафьева. Его слабые лёгкие потребовали ремонта. Сидели у него в отдельной палате. Помогли переодеться в сухую рубашку. Смотреть на его шрамы, рубцы, напоминающие ранения, было тяжело. На месте левой лопатки под кожей даже видно было, как бьётся сердце. Но он вовсю шутил, веселил нас фронтowymi историями. Речь сдабривал матерком. Пришла медсестра: “Вам укольчик”. — “Куда?” Она покраснела: “В мышцу”. — “Ой, девушка, — сказал Виктор Петрович, разворачиваясь, — уж какая там мышца, давно задница”. И тут же сказал ей частушку, но вполне приличную: “Медсестра меня спросила: “Может, вам воды подать? — Ничего не надо, дочка, я уж начал остывать””.

Когда мы уходили, в коридоре эта медсестра отчитывала важного дядю, видно, что начальника: “У вас такая пустяковая болячка, и вы так по-хамски себя ведёте, такие капризы. А вот в седьмой палате фронтвик, весь израненный, еле дышит и ещё шутит”.

А вообще, думал я, вся моя московская жизнь — это, по сути, сплошные больницы. И свои, и родных и близких. И эти, похожие друг на друга, коридоры, в которых санитарка орудует шваброй, примотав к ней мокрую мешковину, эти столы дежурных медсестёр за барьером с постоянно трещащими телефонами, процедурные кабинеты, запахи столовой, в которую бредут со своими кружками, ароматы мочи и хлорки — всё более-менее похоже. И эти больные, половина из которых непременно недовольна порядками в больнице: врачам тут надо нести дорогие подарки, медсёстры делают уколы за деньги, а если не платишь, то делают уколы больно, на кухне воруют, а санитарка специально открывает окно, чтоб сделать сквозняк.

Всех больниц, где лежал, где делала операции, где кого-то навещал, ни за что подробно не вспомнить, но хотя бы помянуть добрым словом 68-ю в Текстильщиках и родильный дом рядом, детскую Морозовскую и детскую Филатовскую, Медсантруд на Таганке, больницу МПС, военные госпитали в Сокольниках и Красногорске, ветеранскую в Кузьминках, и Общедоступную Московскую на Спортивной, городскую в Филах, Пироговской центр, и, конечно, самый мрачный центр онкологии на Каширке и детскую онкологию имени Димы Рогачёва, и, больше всего, Боткинскую, в которой и сам лежал, и знакомый батюшка, и тёща, и в которую на “скорой” увозили жену, и мне позволили сидеть у неё в ногах...

А что говорить о последних десяти годах тяжело болевшего друга! Его помещали и в самые простые больницы, и в больницы элитарные, военные, профильные, в медицинские и обычные, и научно-исследовательские институты. Везде лечили. Лечили, лечили и залечили. Вот его вроде вылечат, выпишут всегда очень дорогие лекарства и отпустят. Улетает на родину. А там... там попадает в больницу. И там лечат. Бывало, я и там навещал.

— Как понять? — рассуждал он. — Тут спрашивают: как вас лечили? Откуда я знаю. Ну, анализы всякие брали, лекарства вот такие прописали. Говорят: вас неправильно лечили, выбросьте эти лекарства. Вам нужны другие. Мы вас вылечим. А я что, я слушаюсь. — Да, сказать — не поверят: иногда одна таблетка стоила ему несколько тысяч. И кто-то будет упрекать его за то, что он получал премии?

У него после двух страшных избиений, черепной травмы были провалы в памяти, тяжелейшие головные боли. И постоянно точились слёзы. “Я без носового платка из дома не выхожу. Уже не для носа, для глаз”, — шутил он. Шутил, а как всё переносил? А главное, что досаждало, убавляло здоровья — его вытаскивали на многие официальные, чаще всего ему совсем не нужные мероприятия. Он, по общему негласному признанию и друзей, и врагов, был лицом русской литературы, и ему приходилось тащить воз этого признания. Пойти в Центральный комитет, в Совет министров, во всякие другие органы, чтобы чего-то добиться, за кого-то попросить, — это всё лежало на нём. Председатель Союза писателей иногда был безжалостен: “Валентин, у нас завтра монголы, очень хотят тебя видеть. Ну, удели полчаса”. Какое там полчаса! День пропадал. Потом и китайцы, и сербы приезжают, и вся Европа, и несчастному Валентину опять приходится тащиться в Союз писателей, подолгу пить чай с очередной делегацией, говорить ни о чём, терять время и здоровье. А как его донимали просьбами написать предисловие, дать интервью, а сколько напрашивалось в гости! И приходили, и подолгу сидели, будто готовя будущую фразу в воспоминаниях: “И когда я приходил к нему в квартиру на Староконовском, то всегда говорил ему: “Валентин Григорьевич, берегите себя, вы нам очень нужны”. Сберегли.

Горбачёв просил его войти в Президентский совет. Вошёл. Не чего-то ради, а для добрых дел во славу России. То, что Оптину пустынь вернули Церкви, — прямая заслуга Распутина. Он говорил об Оптиной и с Горбачёвым, и с “архитектором перестройки” Яковлевым. До этого мы бывали в ней и видели “мерзость запустения, пророком предчленную”. Вспоминали потом пьющего мужичка, которому дали квартиру в келье преподобного Амвросия Оптинского и который извлекал из этого много полезного для себя. “Я же вижу, шапки снимают, крестятся, ну, и я. Я тоже человек. Когда

и денежку подбросят”. Подбросили и мы. Очень благодарил и сказал, что это ему на вечер, а пока у него есть. И закуска есть. “Садитесь, парни. Сейчас стаканы вымою”.

Сорок три года мы были дружны. Осенью 72-го я прилетел на совещание молодых писателей от издательства “Современник”. Два месяца назад утонул Александр Вампилов, друг Распутина. Вечером сидели в обкомовской гостинице, теперь она “Русь”, Валя неожиданно сказал: “А поехали на могилу Сани”. Получилось, что поехали только мы вдвоём. Поймали частника. Был гололёд, машина на подъёме перед кладбищем буксовала. Вышли, толкали. Я даже снял свой полушубок и швырял под колесо. Сей полушубок мне добыли на родине, и он был упомянут в стихе Валерия Фокина: “Солнце вятское светит ласково. // Может, кто и нетрезв, да не глуп. // Не похож на дублёнку канадскую // Твой тяжёлый ямщицкий тулуп”.

Сорок три года. Это же сотни чаепитий, то у него, то у меня. Как он описывал заварку чая, так и заваривал. Процедура, священнодействие. Ополаскивал чайник, разогревал. Заварку клал бережно, но не экономил. Смеялся, вспоминая анекдот: “Евреи, не жалейте заварки”. Смешивал чай. Добавлял привезённого чая “Курильского” или “Золотого корня”. У него и жена Света такая же была, как он, чаёвница. “У нас, может быть, всё самое скромное, но не чай”. Воду сильно не кипятил. Свежим кипятком заливал чай не до верха, накрывал шерстяной плетёной салфеткой, настаивал, потом отливал немного из чайника в чашку и выливал обратно. Это он называл “подженить”. У нас в Вятке делали так же, только называлось “учередить”. Возил с собой в непрерывные поездки “заварную” ложечку с крышечкой в дырках, кипятильничек. От этой ложечки разом всё вспомнилось: дороги по Японии, Монголии, Италии, Финляндии, Болгарии. А поездка в Тунис по приглашению Ясира Арафата! А нахождение Благодатного Огня в Иерусалим! И все эти выездные секретариаты, пленумы, съезды, Дни литературы в союзных республиках. Да на одно, им начатое и проводимое событие каждого года, “Сияние России”, сколько раз прилетал! А Карелия, Новгород, Минск, Киев, Белгород, Орёл... В Киеве долго шли от Киево-Печерской лавры через Аскольдову могилу, стояли потом у памятника великому князю Владимиру. Мурманск особенно запомнился: под Мурманском был ранен его отец. Почему-то ближе к полночи вышли. Площадь Пяти углов. Странно и непривычно: по времени — глухая ночь, а стоит белый день, солнце ходит, как наливное яблочко по блюдецке, на улицах никого, сонное царство.

Днём — встреча на атомоходе “Ленин”. Вначале — экскурсия по этой громадине. “Не могу понять, чудо это или чудовище”, — сказал он тогда. Ещё в Североморске встреча была. И в Апатитах. Или в Кировске? Нет, в Кандалакше. А его приезд в родную мою Вятку, в Великорецкое. Но всё бегом и бегом. Всё вспомнишь, да не всё перескажешь.

А как забыть финскую баню-сауну? Это 76-год. Тогда эти сауны были где-то за заборами (песня была: “А за городом — заборы, // за заборами — вожжи”), простые смертные о них только читали. Вот нас — мы приехали на совещание писателей Финляндии — повели в сауну. Мы побаивались: дело небывалое, вдруг опозоримся. Зашли с ними в парную. Они сидят, молчат. И мы сидим, молчим. Иногда поддают. Но вроде терпимо. Стали они почему-то по одному выходить. Выходят, выходят, и вот мы остались одни. Сидим, сидим, греемся. “Слушай, вроде неудобно, они ушли, давай и мы выйдем”. Выходим, они в ладоши хлопают. Оказывается, мы их всех победили.

И опять проблески воспоминаний. В Монголии такое есть место — не тающий ледник. Жара плюс сорок, а под ногами — лёд. Ходим по нему бо- сиком.

В Италии, в Ватикане, в 1988-м, на приёме у Папы Римского кардиналы в лиловом висят над ухом и интимно сообщают, что мы можем говорить с Папой, но недолго, минуты по две. Валя говорит: “Бери мои минуты и говори с ним четыре”.

А Божественная Литургия, причащение в Успенском соборе Кремля! Ежегодное Соборование в Великий пост у нас дома. Это же каждый раз не

менее пяти часов. Но до того благолепно проходило! А заседания Комитета общественного спасения у отца Александра Шаргунова! Движение за прошение императора Николая и Царской семьи...

А длительные поездки по рускому Северу со знаменитым народным академиком Фатеем Шишуновым. Ночлег у костра с видом на Ферапонтов монастырь. Утром ехали в Нилову пустынь, к Нилу Сорскому. Грязища, буксовали. В пустыни — мужская психиатрическая больница В центре — огромная клумба, на которой, как на лужайке, лежат душевнобольные. Над ними высится статуя основоположнику, конечно, с ленинским жестом. Такие памятники повсеместно называли “Всю жизнь с протянутой рукой”. Также психиатрическая больница, но уже женская, была и в бывшем Задонском монастыре. И туда Фатей нас привозил. Тяжелейшие впечатления. Фатей умел воспитывать русских писателей.

Дни Славянской письменности и культуры в Вологде, Новгороде, Москве, Минске... В Минске пришли на встречу в госуниверситет. А в огромном зале сидело человек двадцать. После говорю Ивану Чигринову: “Ну как же так, Ваня? Всё-таки Распутин приехал”. Он хладнокровно: “Как вы к нам, так и мы к вам”. Всё им Москва была виновата. Особенно в Киеве уже тогда чувствовалось отчуждение. Да и Кавказ. Писатели союзных республик громко сетовали на уничтожение их национальных культур, но детей отдавали в английские спецшколы.

Много ездили, много раз Алтай, Шукшинские чтения. Подмосковные научные центры: Черноголовка, Зеленоград, Обнинск, разве всё перечислить! Но было же. Ну, не зря же было.

Вообще Валя был человек высочайшего порядка во всём. Чистота была его спутницей. Чисто в избушке, где жил, чисто брал ягоды, аккуратно на столе, за которым работал, в гостинице, в которой жил, номер оставлял таким, как будто в нём никто и не жил. Что говорить о его “бриллиантовом” почерке. Строчки — как струнки. Бриллиантовым я назвал почерк сознательно. Есть мелкий шрифт, называется петит, есть ещё мельче, называется нонпарель, а есть совсем ювелирный, именуемый бриллиантом. Одна его рукописная страница занимала потом чуть ли не десять машинописных. Отвечая на вопрос о том, как он работает, Валя улыбнулся: “Посижу-посижу — напишу строчку, посижу-посижу — зачеркну”. Это не Астафьева взрывные скорости.

К знакам внимания Валя был безразличен. Они его даже тяготили. Вот, вспомнил, к месту, это мне рассказали в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (бывшей “Ленинки”). Немного мест в Москве, где он любил бывать, но этот отдел посещал всегда с радостью. Там доводилось увидеть, иногда подержать в руках такие тексты таких великих мужей Отечества! Однажды с нами был священник, отец Александр, и Виктор Фёдорович, заведующий, вынес Остромирово Евангелие, и этим Евангелием батюшка нас всех, ещё сотрудник отдела Марину Николаевну и Елену Игоревну, благословил. Так вот, Валя принёс, это уже было в последнее его земное время, принёс в отдел целый пакет орденов и медалей, и знаков отличия всяких и просил их взять. Но такого никогда не было в практике отдела. “Нет, нет, Валентин Григорьевич, взять не можем”. Он грустно улыбнулся, а потом сказал, что, возвращаясь, выкинул этот тяжёлый пакет в мусорный ящик. Будто освобождался от земных нагрузок.

По характеру Валя не был оптимистом, даже, бывало, грустно шутил: “А если б к утру умереть, то лучше было бы ещё”. И вместе с тем необыкновенно решительный. Мы с ним состояли членами Комитета по Государственным и Ленинским премиям. А была выдвинута на премию постановка театра имени Ленинского комсомола по Шолом-Алейхему. И нам её надо было смотреть. А там, по ходу действия, изображался еврейский погром. Зрелище ещё то. Страшные пьяные хари русских охотнорядцев, несчастные избиваемые евреи. Валя поглядел на меня и резко встал. Я понял, тоже встал, и мы, ясно, что не под аплодисменты, вышли. Оделись, выходим из служебного входа. Навстречу двое мужчин. Посторонились. Пошли дальше. Валя засмеялся: “Надо было их предупредить: там погром”. В Комитете по премиям,

конечно, наш поступок восприняли неоднозначно, особенно секретарь его Зоя Богуславская. В этом Комитете она всем и всеми командовала.

Беды России, нападения на неё он воспринимал обострённо, болезненно. Особо не обольщался тем, что кто-то в мире любит нас, читал: “Хорошо, что никого, хорошо, что ничего... — и заканчивал: — И никто нам не поможет, и не надо помогать”. Когда, вроде как в утешение побеждённому коренному населению, демократы вывесили триколор над Верховным Советом, Валя, выступая на Всемирном русском соборе, сказал: “Россию можно похоронить и под таким знаменем, и под музыку Глинки. — И вспомнил эмигрантское: — Над нами трёхцветным позором полощется нищенский флаг”. Да, флаг этот доселе, не знаю, как кого, а меня не вдохновляет. Его ещё и на лице стали рисовать. Как татуировка. А она знак или дикарей, или уголовников.

И когда в 1993-м расстреливали здание Верховного Совета и передавали этот расстрел в прямом эфире, перемежая рекламой наш несмываемый позор, когда русские стреляли в русских, Валя говорил, что ему уже никогда не очнуться от этого ужаса: “Когда всё кончилось, я отошёл от телевизора весь обугленный”.

Потом они вместе с журналистом Виктором Кожемяко выпустили книгу “Эти двадцать убийственных лет” — о 1990-х годах, об уничтожении России.

И за его пронзительные повести и рассказы, особенно за образы русских женщин, за выступления в защиту достоинства русского человека его любили. Вот пример: улетали с Ольхона и уже стояли у самолёта. Валя даже как-то виновато сказал: “Да, вот омулем на распялке не успели угостить”. Это слышал кто-то из экипажа. И задержали рейс. Забыл костёр, явилось ведро свежего омуля, его стали особым образом разделявать, укреплять на рогульках перед огнём. Прошло всего двадцать, много — двадцать пять минут, и мы пробовали незабвенный благоухающий продукт.

Сколько времени, здоровья, нервов убавляла борьба за сохранение памятников истории и культуры, борьба за издание исторического и философского наследия. Например, за “Историю Государства Российского” Карамзина. Наивные люди, мы думали: вот издадим Карамзина, и Россия спасена. Писали в инстанции, просили. Отвечали: нет бумаги. Тогда, в сентябре 1991-го пришли в Комитет по печати Сергей Зальгин, Виктор Астафьев, Владимир Личутин, Гариф Ахунوف, Анатолий Ким, Валентин Распутин, Василий Белов, Виктор Потанин, аз многогрешный и сказали: мы отказываемся от изданий своих книг и отдаём бумагу на Карамзина. И подействовало. А борьба с поворотом северных рек на юг? Первым начал писать о повороте рек именно Василий Белов. Статью “Спасут ли Воже и Лача Каспийское море?” Потом Михаил Лемешев, учёные. А сколько сил ушло на “Байкальское движение”, тут полностью заслуга Распутина. Бросали все свои дела и вставляли грудью за Россию. Эти многоплодные вечера, поездки, хождение по кабинетам. Меня встретила Вика Токарева, мы с ней были в 1968–1969 годах сценаристами Центрального телевидения, и спросила: “Слушай, зачем вам это надо? Вы же писатели”. Да, писатели, но писатели русские.

Именно благодаря во многом Распутину и Белову роль писателя в России была самой авторитетной. Даже так бывало: что-то случается в стране, тут же вопрос: а куда смотрят писатели? Во всём верили нам. Например, выступаем на встрече, говорим, поэты стихи читают. Встаёт в первом ряду старик: “Это вы всё хорошо отобразили. Но скажите, как боретесь с колодаским жуком?”

В палате я устроил иконостасик в углу, обращённом как раз одновременно и на восток, и на церковь в Беседах. Палату стал называть своей больничной кельей. И уже привык к ней, и бежал в неё отдохнуть от процедур и очередей перед кабинетами. И постоянно утыкался в стекло с видом на церковь в Беседах. И всё больше хотелось побывать в ней. Вроде недалеко. Конечно, пересечь окружную дорогу, по которой по шестирядным шоссе в одну сторону и шестирядным в другую несутся машины, сотни машин за минуту, невысказанно. Но бывают же интервалы. Я даже вычислял: вот, вроде напор схлынул, тут бы я успел до середины добежать, отдохнул бы и дождался бы и на той

стороне паузы в движении. Рискованно, конечно. Но если что, можно пройти вправо или влево, должны же быть переходы. Из окна не видно.

Но как пойти, когда каждый день расписан чуть ли не по минутам, ты всё время на виду, тебя опекают врачи, медсёстры и одна санитарка, как?

И врачаха моя заглядывала, и здоровьем интересовалась, и даже удивлялась вроде, что чувствую себя хорошо. Как тут уйдёшь? А ведь туда и сюда надо самое малое часа три.

И всё-таки такой день представился. Мне сказали, что послезавтра на меня наденут прибор — холтер, который нельзя снимать целые сутки. С ним спать, с ним ходить, с ним есть и пить. И давать организму нагрузки и непременно их записывать, дали специальный лист, в котором велели отмечать, что с тобой было каждый час: ходил ли, лежал ли, спал ли или питался. Все процедуры на эти сутки отменялись, как и ежедневная капельница. То есть я был только под своим контролем.

Я понял: другого случая не будет.

А назавтра были предварительные выводы обследований. Римма Оскаровна много не говорила, но я и сам понимал, что у меня нашли или массу болезней, или их начатки, букет, как говорится. Всяких: от головы до сердца и лёгких, от сердца до желудка и ниже. Порции таблеток, приносимые с вечера и утром и выкладываемые на тумбочку, увеличивались количественно, а уж было ли количество качественным, знать мне было не дано. Но в этой больничной атмосфере казалось мне, что мне всё хуже.

На приёме увидел много нового внутри себя. Сердце, непонятно как снятое, трепетно и как-то судорожно трепыхалось на экране больничного монитора. Уменьшалось, увеличивалось, играло, прямо как солнце после пасхальной службы. Но то солнце. На миллионы лет рассчитанное, а тут маленькое сердечко. Казалось, вот-вот выдохнется.

— А ещё хотите посмотреть изнутри свой желудок? — спросила Римма Оскаровна.

И показала его на экране. Для этого я и глотал крохотную телекамеру. Противно было, конечно, но зато впервые увидел красоту своих мраморно блестящих стенок желудка. Представить, что им приходится соприкасаться со всякой животной и растительной, белковой и углеводной, твёрдой и жидкой, пережёванной и наспех проглоченной пищей, было почти невозможно. И вот эту красоту заливать мерзостью мутного пива, обжигать водкой и коньяком, сваливать сюда, как в помойку, и заставлять перерабатывать недожаренное мясо, переваренную рыбу, всякие помидоры и картошку... Бедный ты, мой милый желудок!

Да что желудок! Разве почкам легче? Какое только пойло не льём в глотку организма, а почки всё это пропускают. А бедняжка мочевой пузырь! Что говорить! Дивно ли, что они устают и просят на покой. Одному только сердцу как достаётся! А могучая наша кровяная печень... Да что говорить! Ходим мы, созданные Господом на диво, живые храмы духа Божия, и над собой издеваемся. Себя не ценим, не бережём. А ведь обязаны.

За день я всё продумал. Попросился на прогулку. По территории разрешили. Я ещё из-за того попросился, чтобы вернуть из камеры хранения куртку и ботинки. Сдал взамен больничные тапочки. Обулся, вышел и пошёл слева направо вокруг зданий по периметру. Глухо — заборы и проволока, оплетённая зеленью. Порядок лагерный — клумбы, аллеи, стенды о здоровой жизни, деревья и кустарники. Всё подстриженное, всё по линейке.

Я взаперти. Да ещё и этот карантин. Но давай завершу круг почёта. И не зря: в направлении как раз к окружной кольцевой, которая ощутимо напоминала своим гудением, обнаружил, что за деревьями в одном месте бетонный забор заменён временным, деревянными щитами. Видимо, ремонт канализации. Эскватор, маленькая бетономешалка, вагончик. Забор тоже высоковатый, но хотя бы без проволоки. И от корпуса далековато. И никого: ни охраны, ни рабочих. А-а, сегодня же суббота. Так ведь и завтра воскресенье. Они же специально навешивают на меня аппарат на выходные.

Вот тут-то мне и путь-дорога.

Вернулся в корпус. Внизу в буфете попил чаю с булочкой. Конечно, куртку не сдал. Скрутил её в свёрток, взял под мышки и пошагал по лестницам. В лифте решил не ехать, там лифтёрша, заметит запрещённый груз. Ботинки тоже были запрещены, но я как-то прощмыгнул мимо санитарки. А тапочки больничные остались в камере хранения, пусть думают, что меня выписали, искать не будут. У меня в палате свои, домашние, жена позаботилась, в них уютнее.

Вечерние, а после ночи (спал неважно) и утренние молитвы читал, обращаясь к церкви. Пошёл на процедуру навешивания аппарата. Боялся, будет долго возиться. Нет, молоденькая медсестра быстро-быстро напрытывала на разные места моей верхней части тела присоски с проводами, привесила на ремень коробочку, к которой эти провода сбегались, вручила листок, разлинованный на двадцать четыре деления. Это по часам наступающих суток. Надо было записывать, что делал, чем занимался каждый час.

Завтракать не стал. Может, надеялся на причастие? Хлеба всё-таки взял, положил в пакет. В палате выложил на видное место листок, в котором отмечал свои передвижения, написал: “9:00 до 12:00 прогулка по территории”. Про себя подумал: врать нехорошо, но тут же придумал оправдание: нет, не вру, у меня не самовольная отлучка, у меня прогулка конкретно по территории Москвы и Подмосковья.

Позвонил жене, попросил молиться за меня.

— Я о тебе и так всё время молюсь.

— Сегодня особенно надо. — Это у меня непроизвольно вырвалось.

— Пожалуйста не пугай. Какое-то новое обследование?

— Нет, нет, всё нормально.

— А почему особенно? Чего-то скрываешь?

Как мог, успокоил её. Телефон намеренно оставил в палате. Вышел из корпуса, перекрестился и пошагал. У щитов ограждения выбрал заранее намеченное место, закрытое высоким кустарником, проверил навешенную на меня сбрую, ещё поозирался по сторонам — вроде всё спокойно — и полез. Но сходу не получилось. Не оттого, что не было сил, а от мелькнувшего страха, что зацеплю за что-то проводами, сдёрну датчики-присоски и нарушу работу аппарата. Оглянулся, увидел ящик, подтащил, убедился в его устойчивости и с его помощью поднялся на забор. Перевесился на другую сторону, ухватился руками за край щита, спустил ноги и отцепился. Удачно: не упал и ни одна присоска не отлипла. Слава Богу.

Надо было пройти мокрую низину, плотно заросшую ивняком, понизу — осокой. Ботинки сразу промокли. Впереди был ручей. Разглядел самодельную плотину из срубленных ветвей, перешёл по ней водную преграду. Значит, кто-то же ходил тут.

И ещё были преграды: непонятно для чего раскопки, залитые водой, спиленные и неубранные деревья. И это в черте Москвы. Наверное, строить чего-то собираются. А это место с моего этажа выглядело парково: пышная, красивая зелень. Уже с жёлтыми осенними сединками. Наконец, выкарабкался наверх и передохнул. Аппарату моему было что записать, — эти нагрузки и тревоги.

И вот я перед Московской кольцевой автодорогой. Слева, но очень далеко, виднелся переход. Буду ждать, может, движение на немножко прервётся. Стоял пять минут, стоял десять. Какие там интервалы, о чём я наивно мечтал? Несутся стада ревущих механических, изрыгающих выхлопные газы животных, сигналият, злятся друг на друга. Им одно удовольствие — сместь меня с лица земли.

Куда денешься, двинусь к переходу. Хороша прогулочка на свежем воздухе, надышался досыта. Помогало то, что радовался близости церкви, которая иногда мелькала в просветах среди зарослей придорожных деревьев.

На середине перехода, на эстакаде, стоял. Подо мною неслась многотысячная колёсная жизнь: фуры, трейлеры, другие всякие большегрузы и безчисленные легковые автомашины всех марок и стран-производителей. Усмехнулся, вспомнив, как внук, уже очень современный ребёнок, всё допрашивал

меня: “А это какая машина? А эта?” И раза два-три поймал меня на незнании: не смог отличить “хонду” от “хондая” и один “опель” от другого. Тогда я, чтобы внук не очень-то задирает нос, выучил по значкам все марки и, торжественно допрашивая его, уловил на незнании “лексуса”. Вернул свой авторитет и имел право сказать: “Ты б с таким усердием книжки читал”.

А его папочка, мой сын, тоже Володя, у нас в семье все Володи, когда был ещё меньше, меня один раз чуть до сердечного приступа не довёл. С семейством Беловых были в Пицунде. Сынок не на машине — на мне ездил. На пляже я посадил его на плечи и пошагал вдоль берега. Анечка Белова увидела такое дело и тоже запросилась на плечи отца. И вот, идём рядом, мой сыночек прыгает и прикрикивает в такт: “А мой-то папа выше! А мой-то папа выше!” У меня ноги подкосились: быть выше, и кого? Белова? Написавшего “Привычное дело”, “Деревню Бердяйку”, “Любу-Любушку”, “Вологодские бухтины”, “Всё впереди”, “Кануны”? Да это, это... Что говорить! Смешно сейчас читать мнения, что деревенская литература умерла. Это Иван Африканыч умер? Или Барахостов? Или старухи Распутина? Или бабушка Катерина Астафьева? Это навсегда. Не только в истории литературы, в истории самой России.

Эта дочка Анечка вертела папочкой, как хотела, любил он её сильно и всё прощал. Возвращались из Пицунды, и они у нас в Москве ночевали. Улетали в Вологду назавтра из Быкова. Вызвали такси, поехали. И вдруг Анечка в голос зарыдала: у куклы с ноги где-то соскочила туфелька. И что? Василий Иванович велит таксисту поворачивать. “Вася, опоздаем!” — Ольга Сергеевна нервничает. Но Василий Иванович не может огорчить Анну Васильевну. Возвращаемся и — четыре взрослых человека! — ползаем по квартире, ищем туфельку. И находим! И вновь едем. И едем, и успеваем. Оказывается, вылет задержали на сорок минут.

Не забыть, как пригласил нас Александр Ведерников, великий певец, конечно, вятский, на оперу “Жизнь за царя”, где пел главную арию. Встретил у служебного входа, провёл и посадил в ложу. Обязательно после спектакля велел не уходить, ждать его. Мы сидим и говорим, что надо же с чем-то пойти к нему. Бежать куда-то поздно. В перерыве пошли в буфет, купили по заоблачной цене три бутылки шампанского. Одну сразу уничтожили, две — с собой. Что говорить о величии этой оперы! Всё в ней великое: и ария “Чуют правду”, и “Славься” Глинки. Отхлопали вместе с залом (весь зал встал) ладоши, ждём. Александр Филиппович, ещё в гриме, приходит, обнимает: “Ко мне!” В его гримёрной достаём приношение, он смеётся, как только он мог, басом, густо, залиvisto: “Да вы что? Да как это так: Иван Сусанин и шампанское?” И всё, как в сказке, появляется: и серьёзные напитки, и остальное к ним.

Уж заодно вспомнил и о шапке скульптора Клыкова. С ним меня познакомил как раз Василий Иванович. Он уезжал домой и просил проводить его. “Много книг нахватал. Ещё Слава Клыков придёт”. А я уже знал работы Клыкова, особенно поразившую меня скульптуру “Старик и карлик”. Познакомились. А тогда жили мы с Надей тяжело, не печатали меня. И у меня была очень дешёвая шапка, какая-то синтетика. И Слава всё на неё поглядывал. Уже пора собираться на вокзал. Слава встаёт из-за стола, берёт мою шапку, подходит к окну, а мы на одиннадцатом этаже гостиницы “Россия”, и выбрасывает мою шапку со словами: “Русский писатель не должен носить такие шапки!” Тут же берёт свою роскошную шапку, даже не знаю, какой это мех, видно, что очень дорогая, нахлобучивает её на меня: “Носи. Дарю!” Я встаю, снимаю её, подхожу к окну и тоже выбрасываю со словами: “Русский писатель чужие шапки не носит!” А декабрь, а мороз! Василий Иванович кричит: “Ну, дураки, ну, дураки!” А мы вначале хотели на метро ехать, а тут как? Василий Иванович побежал к дежурной, вызвал такси. На вокзале бегом-бегом загрузили его, попрощались, бегом на стоянку. К нему, на Ордынку, все хотят ехать, ко мне, в Печатники, никто. “Поехали ко мне, — решает Слава, — найдём там у меня шапки”. Вскоре и ему, и мне пришли посылочки из Вологды — Василий Иванович наградил двух дураков хорошими шапками.

В Харовске установлен памятник Василию Ивановичу. И на нём очень честные слова от имени жителей района, в котором как раз находится его деревня Тимониха: “Василия-то Белова мы знаем и любим, да вот не больно-то слушаем”.

Я вышел за черту столицы. Ощущение России здесь было несомненное: улица села, деревянные крепкие дома, трава на обочинах дороги, красота! Пожалел даже, что иду не босиком. Пришёл к храму. Очень он напоминал храм Вознесения Господня в Коломенском. По своим летящим вверх формам, а по расцветке сиял чистотой белого и синего цвета. Зашёл. Служба, конечно, закончилась: поздно я вышел, долго шёл. В церковной лавке старушка подарила мне просфорку: “Сегодняшняя”. Заполнил поминания о здравии и о упокоении. Купил свечи и ставил их. Зажёг только две: у праздничной иконы и у Распятия. Остальные укрепил на подсвечниках. Даст Бог, зажгут на службе, может быть, уже сегодня. Прикладывался к иконам и к мощам. И в главном приделе Рождества Христова, и в Ильинском, и в Покровском, и во Всехскорбященском. Прочёл и историю храма. И так знал, но читать её не в книге, не в интернете, а в самом храме было ощущением благодатней.

Справа от входа стоял продолговатый, невысокий стол, ясно, что для гробов. Видимо, недавно кого-то отпевали. Сколько же я помню отпеваний! И в сельских храмах, и в соборах: Георгия Свиридова и Владимира Солоухина в Храме Христа Спасителя, Леонида Леонова и Юрия Кузнецова в называемом москвичами “пушкинским” храме Большого Вознесения. Леонов жил рядышком с храмом, и мы с Валей бывали у него. Он рассказывал, как к нему приходил Сталин. Ещё, к великому сожалению, много о болгарской Ванге. Он ей верил. И не он один. А для Юры Кузнецова символично было то, что в день его отпевания впервые пробовали колокола, вознесённые на колокольню храма. Очень сильные, звучные. И стихи Кузнецова в русской поэзии можно с колоколами сравнить. Стоял у гроба, вспоминал его первые московские книги стихов “Во мне и рядом даль” и “Край света за каждым углом” в издательстве “Современник”, где мы работали и где я был парторгом. Выходили его книги с трудом. И помогло то, что я уговорил Юру вступить в партию и дал рекомендацию. “Это же не для карьеры, для прохождения рукописей”. И в самом деле помогло. Гораздо позднее прочёл письмо Василия Шукшина Белову о том, что членство им помогало издавать книги. Хоть за это дорогой компартии спасибо. Тут же вспомнился фольклор 1960-х: “Спасибо партии родной за любовь и ласку: отменили выходной, отменили Пасху”. То есть объявили пасхальное воскресенье рабочем днём. Вот до чего доходило.

В церковном дворе были удобные для отдыха лавки. На одну я присел, вытянув приятно занывшие ноги. И вновь, будто дождавшись этой минуты, прихлынули воспоминания.

Василия Ивановича отпевали в Кафедральном соборе Вологды. Сильно мешала мельтешня телевизионщиков, журналистов, очень, видимо, обрадованных тем, что ушёл Белов и некому будет их ругать, именовать “смишниками”, называть телекамеру “свинным рылом”, выносивающим только мерзости о России. Великий писатель, борец, пример во всём. Совершенно безхитростный, прямой, смелый до безрассудства, часто обидчивый, но никогда не помнящий обид. Прямо ребёнок. Да ещё небольшого роста. “Я стеснялся, что я невысокий. И на гармошке выучился играть, чтобы как-то стеснительность побороть”. Странно, но я никогда не чувствовал, что он меня старше, казался мне младшим братом, которого я обязан защищать. Но не мы его, а он нас защищал, он был крепостью, а не мы. Несгибаемый в своей борьбе за человека на земле. На трибуне Верховного Совета он был страшен врагам России. Жириновский завизжал (это должно быть в стенограмме): “Уберите этого колхозника!”

Вот уж от кого никто не слышал бранного слова. И в их расхождении с Астафьевым ругань последнего — он даже при женщинах вставлял солёные словечки для украшения речи — сыграла не последнюю роль.

Виктор Петрович — особый случай. Конечно, мы ему в рот глядели. Когда он был в компании, то говорил только он. Первый раз я увидел его в его вологодской вотчине, деревне Сибла, на рыбалке. Меня туда привёз Владимир Шириков, редактор областной молодёжки, начинающий тогда писатель. Ели уху из пойманной Виктором Петровичем рыбы. Тогда я был покорён силой импровизации и складом его речи. Говорил, будто пробовал на слушателях новые тексты. Как на нейтральной полосе хрюкал поросёнок и как за ним ночью поползли и немцы, и наши, и как встретились у этого поросёнка. Воевать не стали, поросёнка поделили и вернулись: наши — к нашим, немцы — к немцам. Очень ругал военачальников — “трусами заваливали” — вообще всю номенклатуру. Молодых писателей ругал за то, что торопятся писать. “Если хочется работать — ляг, поспи, это пройдёт”. Смеялся над теми, кто гордился рабоче-крестьянской биографией. “У нас про таких говорили: “Гли-ко, был рахит, а ходит!” Ругал “поэтов-туристов” Вознесенского и Евтушенко. И упоминаемого с ними Рождественского. “Они место заняли, вытеснили настоящую поэзию. Вместо них надо ставить Рубцова, Горбовского, Кузнецова. — А Высоцкий? — Это для сытых и для уголовников”. Из сверстников ругал авторов про тихие зори и про белого кобеля с чёрным ухом. “Девчонки против диверсантов? Чего врать? Они бы им, как цыплятам, шеи бы свернули. А ещё бежит, стреляет, приплясывает, да ещё и поёт. Тьфу! И этот, собаку жалеет! Тут люди сотнями, тысячами гибли, трупами заваливали, вот чего об этом молчит? Фронтовики, мать их!” Был ярый болельщик, помнил все матчи и по хоккею, и по футболу. “Вы понятия не имеете, кто такие Бобёр и Стрелец!” На удивление знал кино. Из актрис нравилась ему Маргарита Терехова.

Знал я Астафьева наизусть, особенно его “Последний поклон”, “Ода русскому огороду”, “Васюткино озеро”, “Царь-рыба”. И, конечно, “Пастух и пастушка”, но в том, первом виде, а в не в потом доработанном за счёт окопного словаря. В первой публикации у него тоже была цензурная правка. Иногда несправедливая. “Вот у меня, — говорил он, — “солдаты в серых шинелях лежали на снегу, как немытая картошка”. Чем плохо? И мы соглашались, что это очень даже впечатляет. Тут и зрительный образ, и ощущение войны. Возмущались: какие ж собаки в этой цензуре — их бы под обстрел на снег положить! Но когда пошли у него тексты ненормативной лексики, это была беда. Правда жизни замазывалась похабщиной. Мало ли кто и как выражается, есть же традиции русской целомудренной литературы! Тут мы были единодушны: нельзя пачкать икону русского языка. Уже и “Людочка”, и “Печальный детектив” читались с трудом, а роман “Прокляты и убиты” отвращал от себя матерщиной, как и совсем не весёлый “Весёлый солдат”.

К ним в Вологде приходил Рубцов. Виктор Петрович прекрасно пел песни на его стихи.

И легко понять, что пути Белова и Астафьева разошлись. Ещё повлияло то, что Мария Семёновна, выпустив книгу, подала документы в Союз писателей. Белов был против. Но тут мы защищали Марию Семёновну: пишет ничуть не хуже сотен других писателей, жизнь прожила тяжелейшую. Фронт. И для Астафьева — спасение. Евгений Носов называл её “Мать-героиня с младенцем Витей на руках”. Членство в Союзе писателей входило в рабочий стаж и давало право на пенсию. “А я загнусь, весь перекалеченный, как ей жить?” — горячился Виктор Петрович. Она вообще была в чистом виде каторжница: разбирала сверхкорявый почерк мужа, перепечатывала его тексты на пишущей машинке, он правил по машинописному, опять всё исперечёркивал, и она опять это перепечатывала. И так несколько раз. “Да книжки мои Витя даже и не читал”, — говорила Мария Семёновна и с улыбкой рассказывала нам, как на одной из встреч с писателем к нему подошла женщина с её книгой и попросила: “Виктор Петрович, у меня с собой нет Вашей книги, подпишите книгу жены”. Он, недолго думая, черкнул: “Бабе от бабы”.

Переезд в Красноярск, на родину, восстановление родового поместья в Овсянке, рыбалка на Енисее были спасительными для Виктора Петровича.

В Красноярске на него стал благотворно действовать отец Михаил Капранов, отсидевший вместе с Леонидом Бородиным за членство в антисоветской организации. Приходит батюшка к писателю. Сидят, разговаривают. Виктор Петрович увлечётся, залепит в свою живописную речь нецензурное словечко, отец Михаил тут же: “Пять поклончиков перед иконами!” Сделает Виктор Петрович земные поклоны, вернётся за стол. Забудется, и опять гнилое слово выскочит. Батюшка снова и снова непреклонно: “Раб Божий Виктор! Десять поклончиков!” Виктор Петрович его слушался и жаловался нам: “А мне-то какво с моим пузом”? Благодаря батюшке лексикон писателя очищался, и, продолжайся так, мы б не получили загрязнённых матерщиной астафьевских текстов последнего времени. Но бесы не дремали: отца Михаила перевели в Барнаульскую епархию.

В Японии мы с Василием Ивановичем были в гостях у профессора-руссиста, и он подарил нам книги, которые издавала так называемая “третья эмиграция”. В том числе сборник “Неподцензурная советская частушка”. Вернулись в гостиницу. Через десять минут Василий Иванович ворвался ко мне в номер: “Ты смотрел эту мерзость? — Какую? — Частушки. — Нет. — Выкинь! — Но мне интересно. — Выкинь! Дай сюда, сам выкинь!” И забрал у меня подарок профессора: “Смотри!” Ткнул наугад. И в самом деле, была явно сочинённая гадость, вроде антисоветская, а на самом деле — антирусская, сделанная под частушечный размер. Конечно, образ сегодняшней России, созданный на Западе, создавали как раз не западные люди, а уехавшие от нас диссиденты, которым было всё равно, где жить, лишь бы жить сыто. А за что Россию не любили? За то, что легко обошлась без них. Да без них и воздух чище стал.

О, а как мы с Валеёй переходили на обращение к Василию Ивановичу на “ты”. Он требовал: “Какой я вам Василий Иванович! Вася, и всё! И никакого на “вы”!” И дотребовался. С великим трудом мы, приводя в пример Виктора Потанина, который был на “ты” с Виктором Астафьевым, и Виктора Лихоносова, бывшего на “ты” с Беловым. Ну, наконец, осмелились. У Валеёй особенно ловко получилось. Сидели, говорили о том, что машинистки дорожают. Ещё застали времена, когда страница машинописного текста стоила десять копеек, потом пятнадцать, а теперь вот и вовсе — двадцать. “Это ж сколько мне придётся заплатить?” — “А ты пиши короче!” — посоветовал Валя. Но отсечь отчество “Иванович” от имени Василия ни за что не смогли: “Василий Иванович, — говорил Валя, — не уговаривай, не сможем ни за что”. — “Ты только для Толи Заболоцкого Вася, — поддерживал я. — У него два писателя, два Васи, ты и Шукшин. Остальных он за людей не считает”.

И как хорошо ещё при их жизни Анатолий Гребнев написал: “Тревожно за русское слово, // но вспомнишь — светлеет вокруг: // пока есть Распутин с Беловым, // не надо тревожиться, друг”.

А когда они ушли, написал прощальное, из которого на память помнилось: “Я знаю, быльё станет небыль, // мы и в гробу не уложим. // И босиком с тобой по небу // друзьям навстречу побежим. // По зову сердца мы над бездной // по звёздной тропочке пройдем, // и на скамейке поднебесной // друзей потерянных найдём. // И, вспомнив радостно былое, // забудет вечность о часах, // когда Распутин с Беловым// обнимем мы на небесах”.

Толю они оба любили и ценили. Белов через меня передал для Толи листочек с таким словом: “От Степанова до Крылатского, // то с улыбкой, то с тихой болью // соловел я от слова вятского, // послухмянного Анатолию. Прочитал наизусть, что было, // жаль до Вологды не хватило”.

Что говорить, в церковной ограде было самое время и место вспоминать об ушедших в вечность друзьях. А сейчас ещё и о том месте, на котором был. Это здесь происходил военный совет перед Куликовской битвой, крупнейшей битвой Средневековья, и пытался его представить. Конечно, на нём говорили о неизбежной уже битве. Слушали доклады гонцов из тех княжеств, которые также откликнулись на призыв Димитрия и митрополита Алексия.

Уже знали, что поход против Мамаея благословил сам преподобный Сергей, а его благословение для русских было решающим. Спешили воссоединиться с основным войском. Слушали доклады гонцов от степной “сторожи”, которая следила за передвижением войск Мамаея. Считали силы, оружие, припасы продовольствия и для людей, и для коней. Положили провести смотр войск в Коломне на просторном Девичьем поле у впадающей в Оку Москвы-реки. О, Коломна — город, где свершилось венчание юного Димитрия с нижегородкой Евдокией, будущей великой святой преподобной Ефросинией. В селе Беседы Димитрий сразу после битвы заложил храм. Вначале, как водилось на святой Руси, деревянный, потом Борис Годунов свершил каменный. Храм этот всегда был на особинку, именовался дворцовым.

Обошёл его вокруг, представляя бывавшие здесь и будущие Крестные псалмальные ходы. Цветы устилали ограду. Вдруг, а не вдруг ничего не бывает, увидел указатель “К источнику”. Конечно, обрадовался. Напьюсь, умоюсь. И напился, и умылся. Но источник этот был ещё и купелью. Иконы на восточной стене, свеча горит. Раньше бы и думать не думал, погрузился бы. Но сейчас-то я был с навешенным на меня аппаратом. Но уже руки сами расстёгивали пуговицы на рубашке и стаскивали брюки. А ботинки сами всех вперёд отскочили. Присоски не отпадут, думал я, проблема в этой коробочке, нельзя её замочить. Может, не рисковать. Но желание погрузиться в исцеляющие целебные, несомненно, многократно освящаемые воды отмело сомнения. Я сообразил плотно обмотать эту коробочку в целлофановый пакет, добавочно окрутил этот узел снятой майкой. Не успеет промокнуть. Хлебушек из пакета и просфору положил под икону Божией Матери.

Подошёл к купели. Немного трусил. Прочёл молитвы: “Отче наш...”, “Богородице, Дево...”, “Царю Небесный...”, Правило веры. Молитвы прибавили решимости. Спустился по ступенькам, зажал в левой руке свёрток с коробочкой, правой крестясь, троекратно, во имя Отца и Сына, и Святого Духа, погрузился с головой. Вышел. Испытанное ощущение, когда боязно погружаться, но зато потом так хорошо, так отраднo, так жарко, что об этом и не расскажешь. Можно только испытать самому. Это прообраз умирания и воскресения. Конечно, страшно умирать, но зато воскрешаться в жизнь вечную — надеюсь-молюсь-верю — прекрасно!

Размотал майку, выжал. Выпротал из целлофана коробочку. Вроде сухая и целая. Одеваться! На ремне опять укрепил прибор.

О, отрада и утешение! Принял вначале просфору, потом поел больничного хлеба, запил водою. Остатки раскрошил птичкам.

Поклонился источнику, и почему-то в памяти мелькнуло, как летели с Валея в Венецию. Самолёт так долго и так близко к поверхности моря шёл на посадку, что казался не самолётом, а какой-то стремительной яхтой. Валея оторвался от иллюминатора и засмеялся: “Увидеть Венецию и утонуть”. Это он напомним известный тогда роман “Увидеть Рим и умереть”.

Я ещё зашёл в храм и ещё поставил свечи. И записочки подал о родных и близких, и о себе многогрешном, болящем. Да, болящем. Но ведь по своей же вине. Врачей-то надо слушать. Все мы такие бываем: Господь не оставит, лечиться не буду, положусь на Его милосердие. Но и святые бывали врачи, и много их, и Амвросий Оптинский, сказав, что монахам “полезно прибаливать”, советовал и лечиться, и наш старец Кирилл (Павлов) поправлял здоровье у врачей. Другое дело, что врач, к которому идёшь, непременно должен быть верящим в Бога.

А мои врачи? Верят? А врачи, лечившие Валю? А Василия Ивановича? Каких врачей надо слушать? Ответ: только верящих в Бога. Иначе никаких гарантий.

Обратный мой путь был куда легче и даже веселее. Ещё бы — шагал новорождённый в купели. Даже хотел идти напрямую, к зданиям Центра, но потом себя урезонил. Опять вдоль ревушей Окружной до перехода, по нему, там опять, вдоль трассы в обратном направлении, и через хворостяную плотинку к забору. Посмотрел в щели, вроде тихо. Тут была проблема — с улицы не было подставки. Но как-то сумел. Подтянулся, вытянул себя,

а на внутренней стороне помог ящик. Оттащил его на старое место. И вернулся в свою больничную келью, как называл палату. Позвонил жене.

— Я очень молилась. Ты меня напугал, я переживала.

— Но теперь-то успокойся. На свежем воздухе долго был. Ты знаешь, я что-то очень Василия Ивановича и Валю вспоминал.

— Я их никогда не забываю, всегда записки подаю.

— Да-а, твой борщ они всегда помнили.

После обеда долго лежал. Опять мысленно заново проходил путь к Беседам, храму, купели. Пытался оживить облик Димитрия Донского, виденный на иконе, перевести его в живого человека, сидящего с воеводами на военном совете-беседе, но было трудно. И не смог. И представить движение войска, храп и ржание коней мешал, конечно, доносящийся даже в палату надрывный рёв несущейся по кольцу техники. Но всё равно чётко вспоминалась наша с Валею поездка на Поле Куликово. Как мы ехали, как были у слияния Дона и Непрядвы, как потом ночевали в домике прямо на Поле, недалеко от храма постройки Щусева, от Памятника-колонны. Как ночью вышли, молча шли к нему и как молча вернулись. Храм с куполами в виде шлемов древнерусских воинов в слабом свете луны помнился отчётливо.

Валю, помню, сказал:

— Щусев человек был набожный, хотел во спасение души построить сорок храмов, а закончил тем, что построил мавзолей для Ленина. Вот как так?

На обратном пути поехали в Елец, и там наш первый духовник, схииеромонах Нектарий (Овчинников), благословил Валю окреститься. Крестил на дому архимандрит Исаакий. Помню, как потом пили чай, какой просветлевший был Валю в белой рубашке. Отец Исаакий рассказывал, как отбывал срок в Средней Азии и как издевался над его верой начальник лагеря.

— Когда пришёл ему приказ о досрочном моём освобождении, то он на построении при всех издевательски говорит: “Это что, тебя твой Бог освобождает?” А со мной сидел уголовник, такой детина, меня слушал, когда я с ними говорил. И вот, когда начальник так спросил, то уголовник прямо из строя ему врезал: “А ты как думал?”

Да, вспомнил я белую рубашку, и кажется мне сейчас, что в ней или в такой же он был, когда иеромонах Иоасаф из Заиконо-Спасского монастыря приехал к нему, уже не встающему с постели, на последнюю в жизни исповедь и Причастие. Я тогда впервые увидел Валю, заросшего крепкой седой щетиной. Полное ощущение старца. Хотел ещё пошутить, мол, вот, Валю, всегда тебя уговаривал бороду носить и вижу, как она тебе идёт. Но уже не произнеслось.

Прощались. Нагнулся к нему и невольно встал на колени. Поцеловал. Тихо, но разборчиво Валю произнёс: “Больше здесь не увидимся”.

И вскоре было прощание с ним в Храме Христа Спасителя, в алтаре которого есть памятная доска с начертанными фамилиями членов первого Общественного совета по возрождению Храма. Там рядом с фамилиями Георгия Свиридова, Владимира Солоухина, Владимира Мокроусова, Игоря Шафаревича написаны и наши. Валю тогда сказал: “Ради такой доски стоило жизнь прожить”. После московского отпевания было и иркутское. А вот уже и на могиле побывал. И деревянный крест заменён на мраморный, и цветов по-прежнему много. И пусто вокруг.

Но вообще, как хорошо, что русские писатели сейчас избирают себе вечный покой на родине. Не в большом смысле — Родина, Россия, а в самом сердечном, там, где родились и росли. Александр Яшин — у себя в вологодском Никольске, Виктор Астафьев — в красноярской Овсянке, Фёдор Абрамов — в архангельской Верколе, Владимир Солоухин — во владимирском Алепино, Пётр Проскурин — на Брянщине... Жалко, что Василий Шукшин похоронен не на Алтае, а в Москве. Белов, помню, очень сожалел: “Какая глупость эта “престижность”! Что Новодевичье, что какое любое другое — одна земля. А Новодевичье — одна показуха. Скульптура: Юрий Никулин с папиросой, у ног — собака, сидит на своей могиле, это что? Лежать надо на родине, её стеречь”. “Могилы великого человека — национальное достоинство”, — сказал Пушкин.

И Валя писал в завещании: похоронить рядом с погибшей любимой доченькой Марусей, с любимой женой Светой, ему и их уходы пришлось пережить. Но похоронили в ограде монастыря, в междуречье Ангары и Ушаковки. Но это очень хорошо. Валя всегда всех гостей водил в монастырь, к могиле землепроходца Шелехова. На памятнике — стихи Державина “Колумб здесь русский погребён...” И это практически в центре города, а до Смоленского кладбища доехать не так просто: на мосту через Ангару — постоянные пробки, и около кладбища трасса, машины, шум, покоя нет.

Как всё летит! Нет Вали и нет Василия Ивановича. Куда в Москве ни пойду, тут были, тут выступали, тут заседали, тут в театр, в консерваторию шли. И как теперь без них?

Василия Ивановича тоже долгие годы лечили. Страдал сильно, уже сидел в кресле, в письмах от него строчки становились всё слабее, сползали в конце вправо и вниз.

Узнали о его уходе в Доме литераторов на юбилее Станислава Куняева. В самом конце, после заключительных аплодисментов, будто он пожалел нарушить радость друга.

Поехали в Сретенский монастырь, ещё с нами Анатолий Заболоцкий, за рулём — настоятель монастыря, нынешний митрополит Псковский Тихон. Уже близилась полночь. Подняли семинаристов, отслужили первую поминальную молитву о новопреставленном Василии. Отец Тихон при нас позвонил Вологодскому владыке Максимилиану и губернатору, просил их посодействовать захоронению Белова в Спасо-Прилуцком монастыре, рядом с могилой Батюшкова. И договорились, и Ольге Сергеевне, уже вдове, позвонили, и она согласилась. Но вологжане, ссылаясь на его слова о захоронении рядом с матушкой Анфисой Ивановной, увезли в Тимонику. А там уже на многие километры вокруг пусто. Когда он говорил, были ещё деревни, сейчас человека не встретишь. Но возвышается и стоит на страже земли Белова церковь, почти в одиночку им восстановленная, стоит, не сдаётся.

Наконец, я уснул. И спал аж до самого ужина. Чего же я в этот листок запишу — спал без задних ног, ибо свершил обряд исцеления — был в церкви и погрузился в источник? Написал просто: сон.

На следующее утро та же миловидная медсестра сняла с меня все эти присоски-датчики, унесла их, и вскоре меня вызвали к лечащему врачу, Римме Оскаровне. И она, глядя на изломанные линии каракуль кардиограммы, читая их понятный для неё язык, изумлённо вопрошала:

— А что это пишете: прогулка по территории. И откуда на прогулке такие нагрузки?

— Физзарядка для бодрости. — А про себя понял: это же я в это время через забор перелезал.

— А вот, около полудня, что это? Учащение пульса, резкий прыжок давления и резкий спад. Потом подъём до нормального. И потом всё хорошо. Странно. Потом, после обеда, такой долгий сон. Снотворное принимали?

— Нет.

— И ночь прошла нормально?

— Нормально. А сейчас как давление? — спросил я, чтобы отвлечь её от медицинских раздумий.

Померяла давление.

— Ничего не болит?

— Нет. Здоров, как призывник. Который не уклоняется от службы в армии. Выпустите меня. На свободу с чистой совестью.

— Нет-нет, два-три дня понаблюдаем. Какой-то именно с вами особый случай.

На моё счастье, до меня дозвонилась врач из монастыря, деликатно заинтересовалась моим состоянием. Я понял: у них появился кандидат на лечение или на исследование, и палату мне надо освободить. Я просил её позвонить здешним моим распорядителям.

А она, здешняя моя врачиха, Римма Оскаровна, вошла сама. Опять несла белые листы-полотенца записей моего состояния прибором, висевшим на мне сутки.

— Простите, не могу успокоиться. Проверили прибор — нормальный. Думала, что он неверно показывает. Что вчера было с вами от девяти до двенадцати? Смотрите: читается напряжение, взволнованность, перебои в давлении, потом какой-то прыжок и потом всё прекрасно. Спокойный сон, ровный пульс. Нет, что-то было. Но что? Завтра снова на сутки поставим холтер.

— Нет, нет, — я всерьёз испугался. — Надо палату освобождать.

— Но как понять ваше вчерашнее состояние?

— Хорошо, признаюсь. Я был в самоволке. В самовольной отлучке. Перелез через забор...

— Ужас! Но это же грубейшее нарушение режима!

— ...перелез и пошёл через Окружную дорогу в церковь. Тут село Беседы, я его вам из окна покажу. Оно связано с Куликовской битвой, тут был военный совет, беседа. Димитрий Донской. Но он тогда ещё не был Донским. Я вам расскажу.

— Какой Донской, о чём вы говорите, при чём тут давление? — возмутилась она.

— При том, что там я погрузился, не нырнул — погрузился трижды с молитвой в источник, вот и всё. И здоров. Тем более вчера было воскресенье. Малая Пасха.

— Какая Пасха! Что вы мне будете глупости говорить! — Она разбушевалась. — Вы понимаете, что это ненормально? Мы вас лечим, а вы? Лепите мне тут всякую фантастику. Вы же могли простыть.

— Какая фантастика, православная реальность. Но вы правы: грубейшее нарушение больничной дисциплины — тоже реальность. За это меня надо наказать и выписать. Очень прошу. На свободу с чистой совестью.

Я уже дома. Подхожу к окну. Гладкость и прохладность стекла напоминают окно моей больничной кельи. И вижу бело-синюю церковь в Беседах. И вспоминаю, как от неё можно спуститься к источнику. И перекреститься, и погрузиться. И исцелиться. И зажечь в храме свечи у икон, и подать записочки об ушедших друзьях. И быть уверенным, что они тебя видят. И слышат. И всех нас.

МЫ — ЛЮДИ, НО ВЯТСКИЕ

ПРОТОКОЛ СОБРАНИЯ ВЯТСКИХ МУДРЕЦОВ

Как мы были не поняты

— Братья, приветствую! Все живы, все выкарабкались из развалин страны, из своих надежд на скорое возрождение России? Поседали, постарели, но живы, “та же удаль, тот же блеск в ваших глазах”...

— Не цитируй. Говори, зачем собрал.

— А всё то же, братья, всё то же. Тем же концом по тому же месту. Ничего нового. Те же темы: “Россия в мире”. “Мир в России”. “Мы в России и судьба России”. “Что Россия для нас, что мы для России”. Но прежде всего кланяюсь за то, что откликнулись, пришли.

— Так куда мы денемся. И мы никуда без России, надемся, что и Россия никуда без нас.

— Да и диктовать стенографистке — не глину копать. Настоящий умственный труд — труд самый тяжёлый. Настоящий. С любовью к России. Это тебе не тэвэшная бодяга для дебилов.

— Что ж, диктую. “Как всегда, царь-батюшка хорош, бояре плохи. Болтуны у власти, их трепачи у микрофонов. Или иначе: прикормленная либеральная свора поддержки демократии. Оболтают, переболтают и заболтают, что угодно. Это у них специальная такая трепотня — делать из людей дебилов, из народа — толпу. Конечно, телезрители изначально дебилиссимо, хотя много их осознало это в девяностые и из телезрителей вышло. Но их тут же заглотил и доселе ими питается интернет.

— Друзья, а мы сами не встаём на дорожку болтовни? Давайте к порядку заседания. О чём говорим, что обсуждаем? Ты собрал, ты и предлагай.

— Спасибо. Наша ошибка была в том, что мы не учли характера твердолобых, упёртых, зомбированных даже наших землячков. Уж куда, казалось, проще было — понять необходимость возврата городу исторического имени, а? По-хамски отобранное в тридцатые годы. И что? Заело, забуксовало, не захотели.

— От жадности. Запугали, что дорого будет.

— Но им же доказали, что никаких затрат. И всё равно.

— Мы привыкли, говорят. И я уже привык, что ничего Кировским не докажешь.

О наболевшем

— Мы назвали ту нашу работу “Мы не люди, мы — вятские”. Прекрасное название. И точное, и с улыбкой. Разве оно хоть чем-то обижало национальные чувства вятчан-вятичей? Трижды нет! Более того, выделяло, подчёркивало особенность нашего характера. Да тут даже и гордость есть своим рождением и воспитанием именно на этой земле.

— Ну, и гордись. Ещё и тем, что вятские — самые партийные, самые революционные. Большевистское наследие в Вятке процветает. То есть не процветает, ибо процветание означает конец цветения, а постоянно и махрово расцветает. Где ещё зубами держатся за улицы имени палачей русского народа? Всякие урицкие, володарские, либкнехты, люксембурги. Центральную Николаевскую Ленину отдали, разве он не начальник палачей?

— Да это не вятские — Кировские.

— Да, поддержку, не вятские за такое прошлое держатся, а чиновники над ними. У нас всегда не вятские командовали, а варяги.

— Я и Сталиным не обольщаюсь. Выпил за русских, назвал себя русским грузинского происхождения и готово дело: в святые идёт.

— Порядок при нём был, по порядку тоска. И сам не воровал.

— Не сбивай пока с мысли. Предлагаю для начала объяснить фразу “Мы не люди, мы — вятские”. Объясняем, что людская — это место, где живёт прислуга и обслуга. Кушают господа, недоеденный пирог отправляют “в людскую”. Точно, как сегодня: живоглоты демократии, обожравшись, чего-то и нам обещают отщипнуть. А мы подачками никогда не жили, мы лучше голодали. Господь спасал. Разве не видно? Читайте историков: Вятка — единственное, самое чистое место России, значит, мира. Крепостного права не было, ордынского ига не видывали, это же влияло на умы и сердца. На души. Богу молились. Всё умели: что по дереву, что по железу, что по глине. Грамотность была повсеместная. Одних журналов по пчеловодству издавалось больше десяти. Кстати, первым с Америкой стал торговать вятский купец Анфилатов. Легко проверить.

— Что журналы! На Афоне монахов всех больше было вятских! Знамя Победы над рейхстагом поднял именно вятский. А фамилия какая — Булатов!

— Тогда назовём новую работу: “Мы — люди, но вятские”.

— А почему так? Может, так: “Мы тоже люди, но мы ещё и вятские”.

— “Ещё и...”? Слабо! Надо крепче: “Мы русские вятского разлива”. Стоградусного.

— Это-то при чём?

— Для стенограммы. Да хоть бы и для юмора. А чем плохо?

— Давайте оставим как рабочее название: “Мы из народа, но из вятского”, а? И поедем. Расставим по приоритету темы обсуждения. Самые ки-

пящие, неотложные. Ребята, ведь не смешно — Россия гибнет!

— А как не гибнуть — насквозь прожидовлена. Жидовство — понятие социальное.

— И это обсудим.

— Может, вначале осудим?

— О, снова да ладом! Кого зацепит наше осуждение? Да и грешно осуждать. Вот, друзья-братья-товарищи, добавлю о самом тяжёлом труде: самый тяжёлый труд — молитва. И только молитвой спасена будет Россия. Силуан Афонский сказал: “Молиться за мир — кровь проливать”. А мы готовы кровь проливать? Если в любви России клянёмся. Это же то же самое измерение, как вера во Христа. Что измеряет эту веру? Только готовность умереть за Христа. Вот на таком уровне надо понимать проблему спасения Отечества. Нам Господь дал его, и больше такого не получим.

— Председатель, веди собрание.

Кто русский?

— Братья, конечно, всё так. Любовь и молитва — основа всего! Предлагаю назвать заседание: “Жить в России и не верить в Бога — это добровольное безумие”. И второе: “Не верящий в Бога не может быть русским”.

— А если он по паспорту русский?

— А что паспорт? Пропуск в рай? Бумажка! И эти всякие карточки, мусор этот электронный — всё это для управления дураками, быдлом, толпой, электоратом...

— Давай без ругани. Повторяю: это добровольное безумие — жить в России и быть безбожником.

— Это ещё и от Суворова: “Мы — русские, с нами Бог!” И, добавлю к Суворову: до тех пор русские, пока с нами Бог.

— Он и так всё время с нами. Это мы не с Ним.

— Тогда нечего и жаловаться, некого винить.

— Я и не жалею, я и не виню. Я просто думаю, куда можно, по твоему мнению, большинство народа, населения отнести? Большинство-то неверующих.

— Ну нет, как раз большинство верующих. Да и остальные — прижмёт и поверят. Дед говорил: “На фронте неверующих нет. Идёт артподготовка. Сейчас ракета взлетит, и нам в атаку. Гляжу: политрук присел в окопе и крестится”. А сейчас именно война. Конечно, есть и окаменённые сердца. И не холодные, и не горячие — ранодушно-тёпленькие. Будем на Бога надеяться. Он создал нас, мы Ему дороги, Он нас не оставит.

— Красиво. А ты, и пальцем не пошевеливши, на правый бок в горизонталку? Самим-то надо как-то шевелиться.

— Мы и шевелимся. Мы правду о врагах России говорим. Правды они боятся.

— Кто? Банкиры, власти? Они уже гордятся наворованным.

— Слушайте, у меня ощущение: а мы не запоздали с нашим собранием? Народ уже в таком чёрном квадрате, что привык к этому. И нам поднять его не удастся.

— Стоп! А как ты поднять хотел? “К топору зовите Русь?” Это преступно — разжигать недовольство. Оно приведёт к крови. А там на голову сядут ещё более изощрённые гниды. Надо всячески говорить о терпении. А то я говорю о терпении, а мне: ты, братец, трус. Нет, терпение ведёт к победе. А оно от молитвы. Бог терпел, и нам велел. Этим спасёмся.

— Ну, тогда мне тут делать нечего. Видеть, как гибнет Россия, и терпеть? Вот спасибо! Чай дадут сегодня, кофе-пауза предусмотрена? “Чаю-чаю накачаю, // кофею нагрохаю. // Я отсюда уезжаю, // даже и не взохаю”.

— “Не уезжай ты, наш голубчик...” Столик с чайником, чашками, пряниками — видишь, стоит? — пользуйся. После собрания и мы присоединимся. Итак. Надо, ребята, начать нам с просвещения. От Сотворения мира. Да-да. Нам кажется, что все грамотные, а доселе верят в дикости, что мир произошёл от живой клетки, а откуда клетка взялась? Или того чудней:

Вселенная произошла от первичного взрыва. А кто взрыв устроил? Откуда человек и его из его ребра спутница? А душа-то откуда взялась? Тоже от взрыва? С теми, кто верит в это, говорить пока бесполезно.

— Да уж. Пробовал я. Ощущение, что ты среди дикарей. Они же ещё и в наколках. Меченые. Татуированные.

Ценная мысль

А знаете что, давайте не будем чего-то придумывать, давайте использовать проверенное. Предлагаю взять за основу “Протоколы сионских мудрецов”.

— Ничего себе!

— Дослушай. Их только ленивый не читал. И читал, и понимал: всё, что мудрецы намечали, то и выполнено. У них всё чётко: кратко называется проблема, анализируется, делается вывод, даются указания, что ещё делать для захвата мира и для убивания России. Но им, братья, этим мудрецам, было легко. Они, думаю, и протоколы писали похотывая, арсенал оружия у них огромный. Как человека покорить, сломать, повернуть, заставить работать на себя? Элементарно: купить, сунуть должность, дать поворовать, держать в страхе, в общем, на крючке. А кого и спойть, развратить, обогатить, опорочить. Не получается — замолчать, залечить, отравить, предать забвению.

— Конечно, легко, ставили на низменные чувства: зависти, корысти, жадности, похоти, мы же ставим на спасение души состраданием, жертвенностью, молитвой, ограничением себя во всём, терпением опять же.

— Ну да! А как без этого Россию спасти?

— То-то и оно-то. То есть нам труднее стократно. Но у нас есть аккумулятор силы — любовь к Богу. Награда велика — Царство Небесное. И у них есть награды: учат людей низменному и сами вниз катятся. А в самом низу — преисподняя, пожалте в адский пламень.

— Что, и своих мучают?

— Не знаю, не был, не видел. Но о протоколах. Хочу поправить: в этих протоколах, в их основе — не борьба с Россией, борьба с Россией — это у Даллеса-Бжезинского-Тэтчер, в протоколах — ненависть ко Христу, к тем, кто его любит. Защита Христа до последней капли крови — наше главное дело, смысл жизни земной. А главное счастье земной жизни — быть рабом Божиим. Помните, у Лермонтова: “Я раб, но раб Царя Вселенной”. И наша задача — убедить в этом современников. Не убедим, получится, что мы — вообще последние современники в России. Останется от нас территория с полезными ископаемыми.

— Мы уже и сами, как ископаемые. У меня внуки меня считают за ненормального. Называют тюфяком, нет, ватником. Да эти ватники, телогрейки — величайшая одежда. Лёгкая, практичная. Шофера, трактористы так вымажут её в солидоле, машинном масле, что она уже и непромокаема.

— Не отвлекайся.

— Молчу, молчу, характер мягкий. Другой бы спорил, глаза выворотил, я молчу. Но спросить можно?

— Если по существу.

— А как иначе, да.

— Спрашивай.

— Мы побеждены?

— Дети, и это вопрос вятского мудреца, который собрался спасти Россию! А сам не знаешь? Конечно, побеждены. По всем статьям. Всё у нас отобрано, над всем мы не хозяева. Господь такие наши пространства именно России подарил, обогатил их нефтью и золотом, усадил лесами, наполнил зверями, запустил рыбу в реки, моря и озёра, и всё уже не наше. Всё приворовано. Идёшь к реке — забор, к лесу — забор, земля у реки и леса — за заборами. Заборное время. А кто хозяева? Сколько я и по нашей области ездил, и по другим, и везде — где какое хозяйство, предприятие, торговля,

пилорама какая — кто владелец? Кто угодно: грузин, азербайджанец, украинец, чеченец, молдаван... Только не русский.

— И что скудить теперь: сами же всё отдали.

— Так по рукам и ногам оплели. Нам же ещё надо было домом своим заниматься, а у них одно дело — грабёж, присвоение. Толя Чуб лозунг им дал: больше наглости! Русский, какой ни подлец, а остатки совести всё равно есть. Эти приехали с пачками денег. Подкупы, взятки, интриги. Не вам рассказывать. Всё у них.

— И сопротивление бесполезно?

Наступило молчание.

После молчания

— Давайте рассмотрим способы и виды сопротивления. Хотя это одно и то же. Вооружённое отпадает, перестреляют только так.

— Как только так? С чего ты про стрельбу?

— И почему сопротивления, а не нападения?

— Оставьте пороть глупости. Друзья! Братья! История даёт нам время...

— Про какое ты время? Его уже нет у нас. И время отнято.

— Дай договору. Сейчас возможна борьба идей, интеллектов, выборности, в конце концов.

— “Ах, оставьте, ах, оставьте, всё слова, слова, слова...” Помнишь оперетку? И Гамлета про слова. И философа русского: “Мы обросли словами”. Добавлю: как звери шерстью.

— Ну да, язык будущего века — молчание.

— Но мы-то в настоящем. И в нём как раз слова воюют. Что такое информационная война? Вас не изумляет лёгкость, с которой либеральные демократы нас побеждают? Да потому что хитрее нас, изворотливее, расчётливее. Богаче. Вначале захватили средства массовой информации: телекомпании, газеты, журналы, радио, сайты. Купили болтунов эфира, циников прессы. Они всегда были и есть циничны и продажны. Всё бумажное: журналы, газеты — и эфирное: теле-, радиопространство — всё почти компьютерное заполнилось только тем, что отвлекает от спасения души и России, сплошные сенсации, разоблачения, сплетни, тяжбы из-за наследства, измены, склоки, курсы валют, рецепты моды и обжорства, лекарства и всякие другие способы продления жизни. А зачем её продлевать, если она будет продлеваться только для поглощения всей этой пошлости печати и эфира? Но накатом шла волна за волной. Гадили на прошлое, пугали будущим. Эти накатываю прожидовленностью средств массовой информации. Наше простодушие, наша доверчивость очень им помогали.

— Но есть же и наши издания, не страшись.

— Есть, ещё бы не было! Но тиражи, но охват вещания...

— Вспомнил! Вспомнил! Чего скажу!

— Чего вспомнил, чего вскочил?

— Самое важное! Ведь золотая наша столица, очень дорогая наша Москва стоит на земле вятчей!

— И аренду не платит? Это хотел сказать?

— Напомнить хотел человечеству, что вятские — русскообразующая народность. Легко проверить: они везде. Я же без передышки то в воздухе, то на колёсах, то на рельсах. Куда ни приеду — и там вятские. Прямо как ветхозаветные люди.

— Но это ты к чему?

— Всё к тому же: вятские приоритетны.

Мрут не от поста, от обжорства

— Продолжим. Итак, если мы задались целью понять, как Россия дошла до жизни такой, что её уже ни во что не ставят, надо задавать три вопроса. Первое: “Почему это случилось?” Второе: “Чья вина?” Третье: “Что делать?”

— Отвечаю сразу на все три вопроса. Которые, поддержу тебя, очень правильны. Ответ единственный: Бога забыли. Чья вина? Вина всех и каждого. Что делать? Поддерживаю высказанное уже: каяться, молиться. Не считать, что кто-то больше виноват, чем ты.

— Согласен. Но Всевидящий нас не забыл! Не забыл?

— Ты ещё Бога будешь упрекать!

— Но Он же видит наши беды, несчастья, страдания.

— Но если мы не обращаемся к Нему, значит, нам и так хорошо. Значит, без Него обходимся. Он же нам дал свободу воли. Вот с этой свободой мы всего достигли: и унижения, и нищеты, и поглупения. И никто не виноват? Адам зачем ел запретный плод? Ева уговорила? А её змий соблазнил, так? А вот змия никто не уговаривал, сам действовал. Злоба и зависть, а они — сила, — им двигали. Он — главный виновник всех бед. Что делать? Не поддаваться ему. Не бежать за богатством, за чинами, наградами, комфортом. Молиться! Это сейчас и есть борьба и главное дело. Пост идёт, а ты на пашьлыки поехал. Они тебе на пользу пойдут?

— Ладно, не поеду.

Немного всё о том же

— О Хрущёве говорить надоело, вроде как последний самодур на русском престоле. Той же Украине сколько зла принёс. Потом извинился: “Простите меня, громадяне, вот вам Крым!” Давайте вспомним прямое продолжение его самодурства в образе пьяного свердловца. Или свердловчанина? Может, это город такой, никого другого дать не мог, грех в нём великий свершён, царевубийство. Так и Ленинград. Вывалил в демократию кучу политиков, и все воспитаны как большевики. Все дров наломали. Такой менталитет. Нет, ребята, надо в политику привести вятских людей. Вятка — место мира, которое не заражено ни ордынцами, ни большевиками. Не знавшее крепостного права, давшее России характер сильный, спокойный, не корыстный. Ещё важно то, что самые лучшие жены именно вятские. “О, Ги-меней! Красоту, и терпенье, // и верность вятчанок воспеть // и Гомера не хватит...”

— А нам самим и воспевать некогда: то пьянка, то партсобрание.

— Я серьёзно. Вятка в веках не знала чужеродного влияния. Не закрыты её небеса для прямого общения с Богом. И её герб вспомните: рука Господня из облака указывает, указывает именно на Вятку.

— А я-то что говорил? Приоритетны!

— О политиках, о руководителях не нами сказано: народ настолько верит руководителю, насколько тот верит в Бога. Сейчас вера в начальников во всём мире никакая: все ворьё, все подлецы, все под себя гребут. И это понятно. Так оно и есть. Ещё и мало того, есть ещё такие idiotские правительствa, которые защищают педерастов, содержат средства массовой информации, которые льют грязь на государство, которым они руководят. Это как? Но есть же, есть чудом прошедшие во власть радетели за народ. Есть! Есть?..

Говорить о главном

— Мы договорились в начале собрания говорить о единственном, о том, что спасёт Россию. И так или иначе, все говорим о вере в Бога. Давайте сразу отбросим всю болтовню о научном познании религии. Наука столетиями доказывает, что Бога нет, и она доказала только то, что такая наука только тратит деньги да смешит небеса. Мало того, на совести науки атеизма реки, моря крови! Бога нет? Так с кем ты борешься? Как ты можешь доказать отсутствие того, чего, по-твоему, нет? Ах, Бога никто не видел? Так это ещё апостол Павел сказал. А зачем тебе Бога видеть? Он-то тебя наверняка видит, тебе мало этого? Ты просто защищаешь своё неверие, то есть обидно тебе, что зря живёшь. Это я условному неверующему говорю. Здесь-то таких нет. Вот как им ещё бы понять, что вера в Бога не требует доказательств? Наше доказательство — наша вера. Наука требует и теории, и практики,

вере достаточно опыта. Наука конечна, Бог вечен и бесконечен. Наука вне человека, вера внутри него. Разница! Наука — игрушка для тех, кому делать нечего. От жажды ума заполнить его пустоту. Даже и философия — это попытка заменить веру интеллектом. Вера в невидимое прочнее веры в видимое. Видимое временно, невидимое вечно.

— Ну, ты крепко.

— Это не я, это святые Отцы. Только обращение к Господу спасёт Россию. Это пишем, как вывод всех рассуждений, как многотысячный опыт истории России. Извне её никогда не победить, враги взялись заражать её изнутри. Вот опасность!

И в конце ещё раз о главном

— Я добавлю и подытожу. Что нам дала наука атеизма? Ноль в квадрате. А религия дала уверенность в бессмертии души. Дала радость готовности умереть за Христа. У Бога нет смерти — вот смысл Голгофы.

— Это азбука.

— Для тебя. А для других?

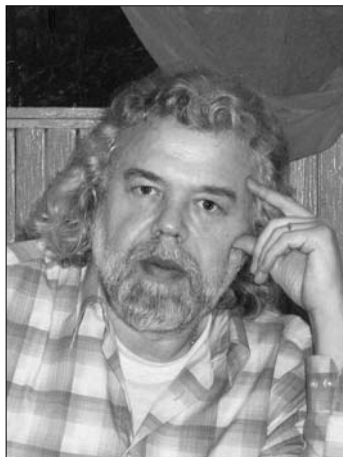
— Продолжаю. О России. Её не только извне, её и изнутри не взять. Заразы, болезней много, но не смертельные, смею уверить. Раковой опухоли нет. Бывало хуже. Бывало, и рвотное приходилось глотать. Для очистки. Спасение придёт от Бога, это да, но в случае нашего обращения к Нему. Не обращаемся, значит, не хотим спасения. Нам же дана свобода воли. Сейчас время личного спасения. Это плюсом к общей молитве. Кто мешает читать Писание, Послания, Псалтирь. Некогда? Читай на ходу Иисусову молитву: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного”. Это всё прижигания врагу спасения, нечистому. От наших молитв он слабеет, от Креста отпрыгивает. Да если они будут повсеместны! Захачнет. Вот мы же, многие, ходили на вятский Великорецкий Крестный ход. Он один такой в стране и мире. Мы идём — ад трепещет!

Вообще, в спасении ничего сложного. Хочешь счастья? А высшее счастье — это причастие, выше нет ничего. Хочешь спокойствия — молись. Только и всего. Ни о ком плохо не думай: всем тяжело. Будь сам хорошим — все хорошими будут.

Вот такие наши рецепты.

На этом собрание заканчивается. Молимся и идём пить чай. Всем спасибо.

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

ПРЕД СНЕЖНЫМ ОБРАЗОМ ХРИСТА

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ПЕРЕДРЕЕВА

Мы поздоровались лишь раз
В дубовых залах ЦДЛа.
Высок поэт и ясноглаз —
Так муза русская хотела.

Чихнули Грозный и Саратов
И позабыли обо всём —
Что здесь рождён! Там жил когда-то,
Где стих Кавказом был червлён.

Зато из памяти народной
Не выжечь атомным ядром!
К тебе стремится ум свободный —
Твои стихи бубня притом.

Ты впредь друзей не потеряешь.
Земля в России холодна...
Стихами русскими заставишь
Согреть родные имена.

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич родился в 1953 году в посёлке Ново-Ильинский Пермской области. В 1991 году с отличием закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Автор многих поэтических книг. Член Союза писателей России. Постоянно печатается в нашем журнале. Живёт в Перми.

КРЫМСКИЙ МОСТ

Здесь море нездешнею силой
Опоры вжимает в пески.
На этих железах Россия
Стоит широко, по-мужски!

А мы же глаголы швыряем,
Как глыбы под будущий мост,
Чтоб Русское море под нами
Навеки с Россией срослось.

Ты видишь, как строят дорогу?
Где рельсы и мысли впритык!
Оттуда возносится к Богу
В зазубринах русский язык.

МЕДВЕЖЬЕ

В углу медвежьем спрятана берлога.
А в ней живёт нестриженный мужик...
Но кто бы там ни жил, ведь всё от Бога:
И морда зверя, и святого лик.

Царапнет небеса медвежья лапа,
Сквозь раненую твердь прольётся свет.
Кто он такой, чтоб лапой небо хапать?
Не знаю — кто, наверное, поэт?..

Медвежий угол и страна медвежья.
А мы в берлоге, словно пестуны:
За младшими присматриваем нежно,
Баюкая их сказочные сны.

ДУХИ “КРАСНАЯ МОСКВА”

Флакончик с “Красною Москвой”
Купила ты на распродаже.
Я вспомнил маму... Боже мой!
И всё, что связано с ней, также.

Духи “Шанель” и “Пуазон”
В дворцах кремлёвских оседали...
А наши мамы тех времён
О тех духах не помышляли.

Знакомый с детства аромат
Сквозь кирзачи и полушубки
Бил, словно русский автомат,
Взметая платъица и юбки!

Конечно, танцы! Первомай!
Красавицы, невесты, жёны...
Под музыку в Советский рай,
Благоухая, шли колонны.

Флакончик с “Красною Москвой”
Купила ты на распродаже,
Как бриллиант эпохи той,
Который всё о ней расскажет!

ДЕКАБРЬ

Декабрь, а снега нет и нет,
Но вдруг с небес в лицо подуло.
Сквозь пальцы начал сыпать снег,
Луна — блестеть широкоскуло.

Ну, а за снегом — снегопад!
Потом — буран в крестьянской шубе,
Сшибая детвору с оград:
— Не обижайтесь, мы на службе!

Уже река покрылась льдом,
Мороз-помощник навалился,
И Водяной, тряся багром,
О речку изнутри разбился.

Лёд в речке не пробить веслу,
Вырезанному из берёзы.
А по замёрзшему стеклу
Шуршат снежинки, как стрекозы.

Я заглянул на вернисаж.
Что делать русскому в деревне,
Где в белом избы и деревья,
И силуэты вмёрзших барж!

И я, тряхнув морозной гривой,
Застыл у белого холста,
Один среди толпы шумливой
Пред снежным образом Христа!

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

ПО ГЛАВНОЙ СУТИ, ЖИЗНЬ ПРОСТА

РАССКАЗ

Всё началось с безобидной просьбы председателя колхоза Ивана Егоровича Перевалова. Ранним утром, когда мы собрались ехать на сельский аэродром, к гостинице подъехал Иван Егорович и сказал, что в Еловку приезжают из города студентки-практикантки, и попросил отнестись к их приезду с пониманием, поскольку гостиница мала, и придётся немного потесниться. Работа наша в Еловке была сезонной, по договору, мы вносили с самолёта удобрения и пропалывали сорняки, и, образно говоря, были птицами залётными, поэтому просьбу председателя восприняли с пониманием.

Ещё со времён Протопопа Аввакума в нашей сибирской стороншке сельские поварни, ночлежки и дома для заезжих не отличались особым разнообразием. В лучшем случае, металлическая кровать или раскладушка, побелённые голые стены, весь в паутине и тенётах потолок над головой. Ну, что тут скажешь: далеко не “Метрополь”. Чаще всего во время работ в колхозах и совхозах нас определяли на постой в какую-нибудь семью, где хозяйка готовила, накрывала на стол, мыла посуду и стирала постельное бельё. В других хозяйствах не было и этого, дадут что-то наподобие матраса, набьёшь его соломой, застелешь застиранной простыней и укроешься затасканным суконным одеялом.

ХАЙРЮЗОВ Валерий Николаевич родился в 1944 году в г. Иркутске. Окончил Бугурусланское лётное училище. Летал командиром корабля, пилотом-инструктором. В 1981 году окончил Иркутский государственный университет. Автор нескольких книг. Лауреат премии Ленинского комсомола. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

У Перевалова была вполне приличная сельская гостиница, раз в день под вечер наведывалась сестра-хозяйка, протирала пол и выносила скопившийся мусор. При размещении мы особо не выбирали комнаты, смотрели, чтобы не дуло из окон и не доставал уличный шум, понимая, что остановка здесь краткосрочная: сегодня — здесь, завтра — в другом месте.

Полёты по обработке полей химикатами требовали соблюдения определённых правил: работу мы начинали до восхода солнца и прекращали ближе к обеду, поскольку воздух прогревался, начинало болтать, более того, химикаты ветром могло снести на картофельные поля или, упаси Бог, пасеки. А это, считай, подсудное дело. Обедали мы прямо на аэродроме. Для экономии времени я попросил Перевалова привозить обед на аэродром, его стали доставлять нам в специальных флягах. После обеда шли в палатку, устраивались на раскладушках и ждали, когда солнышко покатит к горизонту, чтобы к вечеру, когда воздух успокоится, вновь начать полёты.

— Иван Егорович, пусть хоть цирк приезжает! — улыбнувшись, беспечно ответил я. — Мы в гостинице бываем-то, от силы, пять часов. Ну, потеснимся немного — экая беда!

Перевалов зашёл в гостиницу, дал распоряжение сестре-хозяйке, мы освободили от своих вещей одну из комнат и уехали на аэродром.

Но когда вернулись обратно, поняли, что прежней тихой и размеренной жизни не будет. За время нашего отсутствия гостиница подверглась нашествию амазонок. Гремела музыка, в коротких платьицах по двору и по коридору, пританцовывая, деловито сновали студентки, трясли постельное бельё, натягивали за окнами бельевые верёвки, взвизгивая и смеясь, примеряли на себя сарафаны и сапоги, хлопая дверьми, носились по коридору и комнатам, устраивали свои новые гнезда. Даже кухонный стол, на котором мы по вечерам пили чай, они приспособили под гладильную доску. Я остановился, глянул на пробегающих девчонок и, кивнув на кухонный стол, строго спросил:

— Это ещё что за новости?!

— Аня, Ань, посмотри! Лётчики приехали! — поставив на стол утюг, воскликнула худенькая, похожая на подростка студентка. — Ужасно строгие!

Точно налетев на невидимое препятствие, проплывающая мимо практикантка притормозила, бросила на стол стопку белья и, растянув в улыбке губы, подбоченясь, дурашливо пропела:

*Мама, а я лётчика люблю.
Мама, я за лётчика пойду.
Лётчик высоко летает,
Много денег получает,
Вот за это я его люблю.*

Платье на певунье было явно из её прошлой, ещё школьной жизни, оно уже не справлялось с тем, что нахально лезло на свободу, но, судя по всему, практикантку это волновало мало. Коротким, заученным движением она одёрнула платье и, резко выдохнув, отбросила упавшие на лоб волосы, как бы давая понять, что готова защищать отвоёванную территорию.

— Невесте не помешало бы платье подлиннее надеть, — улыбнувшись, назидательно сказал я.

— А чего мне стесняться? Всё, что есть, всё при мне, — она крутанула задом, хохотнула и дурашливо, с вызовом, пропела:

*А не бери меня за талию,
А бери меня за грудь.
Ну, бери пока я добрая,
Ну, бери за что-нибудь!*

Честно говоря, я не ожидал, что мне вот так, в коридоре, какая-то соплячка начнёт устраивать концерт. И если бы только одному мне!

— Да откуда вас таких привезли? — буркнул я, стараясь сохранить лицо и не перейти на предложенный мне развязный тон.

— Откуда-откуда, из детского приюта, — наслаждаясь моим оторопелым взглядом, всё с той же улыбкой ответила Аня и вместе с подбежавшими подругами тонким жалостливым голосом затянула песню генералов песчаных карьеров:

*Я начал жизнь в трущобах городских,
И добрых слов я не слышал.
Когда ласкали вы детей своих,
Я есть просил, я замерзал...*

— Ну, такие не замерзают. Такие сжигают! — вздохнул я.

— Вот это верно, — со смехом согласилась Аня. — Сожжём вместе с вашим самолётом.

Разговор, если это можно было назвать разговором, следовало прекратить, что я и сделал, хотя и понимал: мой молчаливый уход в комнату могли счесть за бегство с поля боя. Но на этом выяснение, кто отныне здесь хозяин, не закончилось. Через минуту прибежал второй пилот Вадим Крупнов.

— Командир, ты выйди и посмотри. Что они себе позволяют?

В его голосе я почувствовал глухой крик человека, увидевшего последний день Помпеи. Не поленившись, вслед за ним я вышел на крыльцо гостиницы. На сколоченном из досок и скромно стоявшем в дальнем углу двора общественном туалете практикантки замазали заглавную букву метрополитена, которую Крупнов, узнав, что приезжают студентки, нарисовал красной краской на двери. Сейчас на месте буквы, утверждавшей наши права на беспрепятственное посещение важной во всех отношениях точки, красовался чем-то похожий на шестиногого краба герб амазонок. Мало того, по забору была нарисована зелёная стрелка, издевательски указывающая на ближайший лес.

— Я им этого так не оставлю, — тряхнул шевелюрой с красноватым отливом Крупнов. — Я им вывешу распорядок, чтоб знали, когда у нас подъём, отбой и что можно здесь, и чего нельзя. Всё-таки за нами право первой ночи.

Я уже знал, что Крупнов был из тех, кто если чего задумает, то исполнит обязательно. Но за ним в лётном отряде уже прочно закрепилась репутация чудака и раздолбая, его имя упоминалось почти на всех послеполётных разборах. Мне он достался, можно сказать, от безысходности: его перестали брать к себе в экипаж другие командиры, и тогда начальство предложило взять его на перевоспитание, мол, ты и книжки разные читаешь, и научить уму-разуму молодого пилота тебе ничего не стоит. Я почесал затылок, посмотрел на Крупнова: парень как парень, ростом высок, подтянут, на плечах молодцевато сидит лётный китель, в глазах горит огонёк и готовность исполнить любую просьбу. В голове мелькнуло: “Такой не найдёт, так сам набежит”, — и обречённо махнул рукой: коли просят, надо брать, авось, и слетаемся. Для меня Крупнов был не первым и, судя по всему, не последним, кого мне сплавляли на перевоспитание. Считалось, что у меня не забалуешь. Ну, раз считают, то, хочешь или не хочешь, надо попытаться вправить таким мозги. И, надо сказать, не всегда, но что-то получалось.

На первый наш совместный вылет Крупнов пришёл в болтающемся около колен, потёртом кожаном планшете; его он не снимал, даже отправляясь на танцы, чтобы девушки могли сразу определить, что имеют дело не с каким-то простым техником, а с перспективным воздушным асом. Намётанным глазом я успел отметить, что необходимый в прежние времена, но подзабытый в последние годы планшет был удобен в работе. В нём Крупнов, кроме наставления по производству полётов, держал карту полётов, штурманские бортжурналы, навигационную линейку, пластмассовый треугольник, ручку, цветные карандаши, ластик и даже бумажные салфетки, которые можно было использовать по любому поводу. Ему нравилось, что за приверженность к отжившим рудиментам в лётном отряде его в шутку называли сталинским соколом. Посмеиваясь, кто-то даже принёс ему выдавший виды кожаный меховой шлемофон и пилотские краги. Крупнов с удовольствием принял дары, более того, где-то приобрёл кожаную, тоже выдавшую виды лётную куртку

и в сильные морозы, бывало, приходил на вылет в одеянии полярного лётчика. Прихватил планшет, кожаную куртку, гитару, сказав мне, что в командировке всё может пригодиться. Я опасался, что он, чего доброго, прихватит в Еловку и зимнее одеяние, от такого можно ждать чего угодно. Но поскольку на дворе стояло лето, волчьи унты, чтобы не пугать деревенских собак, он решил не брать.

— Я этого дела так не оставляю! — сплюнув, пригрозил Крупнов.

— Что, подашь на девушек в суд?

— Я заколочу сортир гвоздями! — пообещал Крупнов. — Пусть сами бегают в лесочек. На войне, как на войне!

— Ну, ты не горячись, — примирительно сказал я. — Воевать с женщинами — пустое занятие. Тем более по такому поводу. Надо с ними как-то поладить. Скорее всего, это третьекурсницы — самые норовистые и непредсказуемые. Уже не робкие и послушные дети, но ещё и не взрослые. Всего хочется попробовать и самоутвердиться. Ты заколотишь, они в отместку подопрут нашу дверь колом.

Крупнов отвернул голову. Осенью, когда мы работали в Виденьщине, нас определили на постой в деревенский дом к молодой одинокой женщине. Как-то за разговором она пожаловалась, что не может найти человека, который бы помог заколоть поросёночка. Ну, мои хлопцы решили подставить своё твёрдое мужское плечо. Позже они признались, что видели, как это делают другие, более опытные в таком деликатном деле мужики, и сочли, что справятся. Но когда зашли в сарай и увидели поднявшегося им навстречу многопудового зверя, начали чесать головы. Отступить было поздно, тут уж, как говорится, пан или пропал.

Поправив авиационные фуражки, повалили кабана на бок, техник второпях ткнул ножом не туда, куда надо. Подраненный кабан, озверев от боли, бросился на техника. Тот подпрыгнул и залез на стропила, а Крупнов решил спастись через дверь. Но хозяйка для верности подперла её колом. И тогда Крупнов понёсся от разъярённого кабана вдоль стенок, а затем, подпрыгнув, нырнул головой в узенькое окошко. Кабан успел порвать ему штаны, ещё мгновение — вместе с планшетом оторвал бы и ноги, но второй пилот, виляя задом, уж сумел выскользнуть во двор.

Как он потом сказал, его головушку спасла авиационная фуражка, а ноги — кожаная планшетка. Так что он отделался лёгким испугом. Конечно же, напоминание Крупнову о коле не добавило настроения сталинскому соколу, но в жизни бывает так, что одно событие открывает дверь другому.

К вечеру гостиницу накрыла вторая волна, теперь уже мужского нашествия. Вернувшись в село, мы увидели, что гостиница окружена машинами, тракторами и десятком мотоциклистов: все окружающие Еловку села вскобелились и принялись зазывать городских девчонок покататься на стальных конях. И девицы охотно вступали с ними в весёлую перепалку, а некоторые, самые отчаянные, забирались к парням на задние сидения и уносились прокатиться по селу. Тут впору заколачивать гостиничные окна и подпирать кольями все двери. Но, поскольку студентки оказались с нами под одной крышей, моему помощнику показалось, что они имеют некоторое преимущество перед мотоциклетной ордой.

Поняв, что с женщинами лучше не воевать, а искать точки соприкосновения, Крупнов расчехлил гитару, присел на ступеньки крыльца и, перебрав струны, шутливо пропел студенткам:

*По деревне с шумным интересом
Начались такие разговоры,
Будто ведьмы, выпорхнув из леса,
Исписали краской все заборы...*

Сделав удивлённые глаза, практикантки переглянулись, вперёд вышла Аня и в тон Крупнову ответила:

*Так давайте уберём заборы,
Не нужны нам эти споры-ссоры...*

И пошло, и поехало! Через несколько минут вокруг Крупнова собрались почти все практикантки, и я вдруг с удивлением обнаружил, что мой второй пилот стал для девушек самым востребованным человеком. Оказалось, он не только хорошо играет на гитаре, но сочиняет и поёт, да что там говорить: на ходу подметки рвёт. Было видно, что подобное открытие сделала и Аня: она буквально не отходила от него ни на шаг. И Крупнову она понравилась. Он принялся оказывать Ане всяческие знаки внимания, рассказывал лётные истории, жестикуюлируя, затем что-то стал показывать на планшете, и я понял: вопреки расхожему мнению, заборы не скрывают и даже не разъединяют, а вот планшеты объединяют, более того, при знакомстве с девушками могут стать незаменимой вещью, по ним можно прочертить или наметить новые, не известные досель маршруты.

Прямо на глазах мой второй пилот вырос до первого парня на Еловке. Всё бы ничего: сочиняй, переделывай чужие и пиши свои стихи. Меня беспокоило другое: теперь загнать Крупнова в постель будет стоять мне немалых трудов.

— Работа наша сложная, в ней нет мелочей, — разбирая очередной лётный день, говорил я, проводя профилактическую беседу. — Прошу особое внимание уделить отдыху. Отбой — в одиннадцать, подъём — в четыре утра. Остальные часы доберём послеобеденным отдыхом.

Сказал специально для него. И нутром почувствовал: просвистело мимо ушей. Встав ночью, я решил проверить, как исполняется моё указание, зашёл в комнату, где отдыхал экипаж, и увидел пустую крупновскую постель. Что ж, всё пошло так, как я и предполагал. Утром, когда мы селились в машину, чтобы ехать на аэродром, я шутиливо, с подковыркой, спросил у него:

— Ну, что нам сегодня снилось?

— Мне? — Крупнов удивлённо посмотрел на меня. — Да я на кухне обрабатывал хронометраж наших вчерашних полётов.

— Ты, случаем, не вписал туда правила нашего внутреннего распорядка?

— Только некоторые положения. Например, Бог создал любовь и дружбу, Икар — авиационную службу. Ну, в общем, кто мало спит, тот не вредит. Показать? — Крупнов потянулся к планшету.

— Потом покажешь, что ты там нацарапал.

— Командир, не беспокойся, всё будет нормально, — зевнув, ответил Крупнов. — Гарантирую!

Ещё в детстве я слышал, что от рыжих можно ждать чего угодно. Своим поведением Крупнов решил подтвердить, что такие разговоры не беспочвенны, мне даже показалось, такому дай волю, он начнёт ходить на голове. Не успеешь оглянуться, что-нибудь да выкинет, потом хоть стой, хоть падай!

Казалось бы, прилетели в село, живём и работаем у всех на виду. Здесь к нам интерес особый: всё же не привычные глазу трактористы и комбайнеры, а лётчики! Ну, почти, как в песне: пионер — всем ребятам пример. Только отвернёшь голову, как этот пионер с лётной кокардой на голове несётся по селу на мотоцикле или садится за рычаги комбайна или трактора. Так и хотелось сказать: ну что, тебе самолётного штурвала мало!? Сиди, крути, наслаждайся. Так нет, такому и трактора мало. Однажды возле аэродрома оседлал кобылу. Решил и на ней прокатиться. Но она, почувствовав на себе неопытного седока, сбросила летуна на землю. Хорошо, что отделался ссадинами, могла и затоптать. Я пригрозил, что ещё раз увижу его на лошади, отправлю убирать навоз на конюшню. Притих, но ненадолго.

Через пару часов будильник сыграл подъём, подъехала машина. Зевая, Крупнов занял своё привычное место в “газике”, и мы помчались на аэродром. Техник снял с мотора чехол, мы освободили крылья от привязей и струбцин, затем протиснулись в остывшую за ночь пилотскую кабину. Привычно взревел отдохнувший двигатель, следом, заполняя стоявший в грузовой кабине бак, затарахтела помпа. Ночь была тёплой, долго прогревать двигатель не нужно. Мой помощник набросил на голову наушники, сообщил на базу о начале полётов. И понеслось, и поехало!

Мне нравились полёты на предельно малой высоте. После взлёта твои душа и тело становились как бы вживлёнными в самолёт, и ты уже автоматически, подсознательно, улавливая только землю, начинал работать штурвалом,

синхронно давить то на одну, то на другую педаль и шуровать рычагом газа. Вот, уставив крыло почти вертикально небу, заходим на обозначенное сигнальщиками поле, затем, проскочив его, круто берём вверх, разворачиваем землю в противоположную сторону. Начинается своеобразный воздушный вальс, земля то податливо подстилается под капот, то, задрав подол, начинает крутиться вокруг невидимой оси, и небо, держа над нашими головами голубой зонтик, вслед за рубящим воздух винтом по дуге спешит следом. И так весь день, то взмывая, то приседая под грохот железного мотора.

Но в это утро, когда мне Крупнов поведал про хронометраж, что-то пошло не так, на втором или третьем полёте я почувствовал неладное, но сначала даже не мог сообразить, что произошло. Самолёт шёл ровным гоном над полем на высоте пяти метров, мотор держал обычную высокую ноту, боковым зрением я всё же глянул в сторону второго пилота и обомлел: тот спал самым наглым образом. Мне приходилось видеть, как пилоты засыпают в полёте. Но чтобы уснуть на предельно малой высоте! Старые лётчики говорили, что земля бывает пухом только отошедшим в мир иной, а мой сталинский сокол туда пока не собирался. Видимо, принял песнь железного мотора за колыбельную.

Я сделал очередной разворот, зашёл на дорогу, которая шла по кромке поля, и, снизившись, ударил на скорости передними колесами о землю. Крупнов подпрыгнул на сидении и попытался поймать руками штурвал.

— А ну сидеть! — рявкнул я и перевёл самолёт в набор высоты. Набрал положенные пятьдесят метров, развернулся в сторону аэродрома. После посадки молча зарулил на стоянку и выключил двигатель. Едва сдерживаясь, чтоб не обругать своего помощника, я застопорил рули и только после этого дал волю своим чувствам:

— Пошёл вон из кабины!

Крупнов начал оправдываться, что он всё понял и больше такое не повторится, дескать, он и сам не понимает, как это произошло.

— Иди отоспись, кобель! — жёстко прервал его я. — Ещё раз такое повторится, отправлю в город пешком. Или начну подпирать твою комнату колом.

Крупнов вышел из кабины, разделся по пояс, техник вылил ему на голову ведро холодной воды. И стал он похож не на боевого петуха, а на мокрого цыплёнка. Через пять минут он вернулся в кабину. Полёты пришлось продолжить, поскольку я понимал, что за нас нашу работу никто делать не станет.

А после обеда к Еловке подошла гроза, начался порывистый ветер, а следом по крыльям, как по огромному барабану, загудели крупные капли дождя. Мы привязали самолёт и начали собираться в Еловку. Пришлось доставать сапоги: деревенские дороги и улицы для дождя были, как и сто лет назад, совсем не приспособлены.

По пути в гостиницу водитель завёз нас в зернохранилище. Там случилась авария — ливень заполнил свежескопанную траншею, вода нашла слабое место и, прорвав тонкую стенку, хлынула на работавших в хранилище девушек. Старшая над стройотрядовцами Юлия Сергеевна сняла с других участков студенток, и те, став цепочкой, вычёрпывали ведрами ржавую воду и выливали её в близлежащую канаву. Но дождю не было до этого никакого дела, он осыпал Еловку, крыши домов, листья на деревьях, пенил лужи. Казалось, что ему не будет конца и края.

По дороге в сторону зернохранилища стекал мутный поток. Открывшаяся картина меня огорошила. Я не мог представить, что гроза и хлынувший следом дождь надевают столько бед. Больше всего меня тронули согбенные спины и плечи студенток. Передавая ведра с глинистой жижей, тыльной стороной брезентовых верхонок они пытались навести на мокрых лицах порядок, но все попытки были тщетны, и казалось, что, мокрые и продрогшие, они слеплены из пластилина, и даже изредка прерывающий шум дождя девичий смех был надорванным и усталым. И нельзя было понять, что скатывалось по щекам девочек, — не то слёзы, не то капли дождя. Должно быть, отправляясь в Еловку, они не предполагали, что придётся месить грязь и черпать навозную жижу из этого прохудившегося колхозного хранилища.

— Девушки, Бог в помощь! — крикнул Крупнов
— Девчата, посмотрите, боги нарисовались!
— Да какие там боги? Даже не ангелы, — подала голос знакомая мне Аня.
— Аня, а где ваше начальство? — спросил я.
— Начальство капусту высаживает. Говорят, самое то, под дождь. —
Аня на секунду замолчала и устало добавила: — Чтобы потом всё сгноить
здесь. А мы вместо водокачки. Чистили, подметали, денежки считали.

— А вы стрелку нарисуйте, чтобы вода в другую сторону побежала, —
связвил Крупнов.

— Мы вот возьмём и запишем тебя вместе с твоим планшетом в одно
место, — не осталась в долгу Аня. — Что приперлись, здесь не кино!

— Да вот соображаем, чем помочь, — примирительно сказал Крупнов.

— Если желаете помочь, берите вёдра.

— Тут бы не помешала мотопомпа, — сказал техник. — Может, под-
могнём? А так они вёдрами, как ложками, будут черпать эту жижу неделю.

— Вот что, девоньки. Мы сейчас помпу привезём! — громко сказал
я. — А вам бы не мешало одежду сменить. Ещё простынете.

— Вы посмотрите, какие заботливые!

— А ну, прикройте рты! — вдруг став на мою сторону, обрезала Аня. —
Может, люди действительно хотят помочь, а вам бы только зубы поскалить.

Техник, взяв с собой Крупнова, обернулся довольно быстро, привёз мо-
топомпу, бросил в зернохранилище серый брезентовый рукав. Выбросив си-
зый клуб дыма, заработала помпа, рукав ожил, построинел и округлился;
тугой струей ржавая вода потекла из овощехранилища в канаву. А вскоре
подогнали бульдозер, водитель снял лезвием глину и быстро соорудил пере-
мычку. Студентки, присев на мокрое бревно, начали снимать сапоги и вы-
ливать из них воду. Ко мне подошла Аня и, махнув в сторону тархтевшей
помпы, спросила:

— Можно я вас ото всех наших девочек расцелую?

— Ну, это всегда пожалуйста. Но вам лучше в баньку, чтобы не про-
студиться.

— А вы её нам натопите?

— Нет проблем, — сказал Крупнов. — Кто желает, поднимите руки.

Девчонки вскинули руки, некоторые даже подняли обе.

— Вот и хорошо, принято единогласно. Я её сам натоплю. И если за-
хотите, сам и попарю. Лично!

— А не замаешься?

— Не бойтесь!

В гостинице стояли прохлада, сырость и тишина, казалось, дождь смыл
все звуки и оставил за собой право осыпать всё, что не было укрыто и что
пряталось под деревянными и шиферными крышами. В такой мокрый и по-
осеннему серый вечер единственным утешением оставалась гостиничная кро-
вату. Посматривая на низкие, сыплющие дождём облака, я подумал, что пе-
рекур нам весьма кстати; ломовая работа, состоящая из взлётов, посадок
и виражей на предельно малой высоте, отнимала много сил, и отоспаться
нам не помешало бы. А уж Крупнову непогода была и вовсе подарком. Но,
когда я спустя пару часов зашёл к нему, его в кровати не оказалось. Полу-
сонный техник сообщил, что второй пилот, скорее всего, уехал на аэродром
отвозить помпу.

— Помпу, говоришь? — переспросил я. — Так она в коридоре стоит.

— Ой, да, я совсем забыл! — начал оправдываться техник и, помолчав
немного, неожиданно признался: — Тут девчонки забегали, он с ними куда-
то пошёл.

— Неужели опять колоть кабана?

Я почувствовал, что закипаю. Ну, если захотел куда-то пойти, то преду-
преди, чтобы знать, где, в случае чего, искать. В конце концов — не дома,
мало ли что может произойти?

— По-моему, он в баню отправился.

— В баню, говоришь? — едва сдерживаясь, хмуро переспросил я. —
Ну, я ему сегодня покажу баню! Через час всем собраться на послеполётный
разбор в моей комнате. Я понятно говорю?!

— Понял, командир, понял. Чего тут не понять! — Техник почесал голову, и, помолчав немного, вдруг вспомнил: — Но нас ещё пригласили на спевки.

— Какие ещё спевки?

— Юлия Сергеевна, ну, старшая над ними, попросила. Они к какому-то концерту готовятся.

— Мы что, сюда на гастроли приехали? В девять прошу всех ко мне. Нам есть, о чём поговорить!

Я ушёл к себе в комнату и, поразмышляв немного, решил, что пора принять меры. Неплохо, если моим союзником станет Юлия Сергеевна. Мне подсказали, где её найти, я постучал в дверь. Она вышла в голубом халатике, в шерстяных носках и тапочках из овчины. В руках у неё была книга.

— Что-то случилось? — запахнув на груди халатик, откашлявшись, спросила она. — Честно говоря, я вас не ожидала.

— Я тоже не ожидал, что мой второй пилот будет спать в полёте, — невпопад буркнул я.

— И что? Чем я вам могу помочь?

Я замаялся, меня смутили глаза моей собеседницы. Юлия Сергеевна смотрела на меня с каким-то недоумением, видимо, не ожидала, что я прямо с порога начну жаловаться на своего второго пилота.

— Да я хотел познакомиться, поговорить. Может, следует вести себя тише.

— Спасибо, вы нас очень выручили. Девочки не знают, как вас благодарить. Мы здесь и так тише травы и ниже воды.

Юлия Сергеевна давала мне возможность выйти из неловкой ситуации, напоминая, что при знакомстве лучше говорить о хорошем, чем о плохом.

Я оглядел комнату. Была она ухоженная, шторы, чистые простыни. Кровать так аккуратно прибрана, что остался бы доволен даже наш старшина в лётном училище. Кто ей прибирал? Скорее всего — сама. Видно, что приучена к порядку. На столике — термос, белые кружки, банка кофе. И даже бигуди. Нанесло чем-то тёплым, домашним. Почему-то вспомнился натоптанный мокрый пол в наших комнатах, где в дождь было всегда сыро и неудобно. Чего тут скажешь — командировочные, и все тут!

— В общем-то, обычное дело: мы — вам, вы — нам, — перестраиваться на ходу я не привык, а повернуть разговор в нужную сторону не получилось, голос выдал меня с головой, и пришлось юлить, как деревенской дворняге. — Как говорится, чем могли.

Я замолчал, и тут же, сломав повисшую паузу, добавил:

— Вообще-то мы здесь занимаемся прополкой.

— Наслышаны. Каждый день над нашими головами выделываете такие кульбиты.

— Что есть, то не скроешь, — засмеялся я. — А вообще-то пропалывать надо не только сорняки.

— Сколько вам лет?

Вопрос Юлии Сергеевне застал меня врасплох. Какое значение имеет мой возраст?

— Знаете, я уже в возрасте Мафусаила.

— Для Мафусаила вы хорошо сохранились.

— Да и вы прочитесь стометровку, не запыхавшись.

— Спасибо, вы очень наблюдательны. Что, в лётном начали преподавать Библию?

— Что-то давали, а что-то додумывали сами. Например, Бог создал отбой и тишину, а чёрт — подъём и старшину. Есть и другая байка: Бог создал любовь и ласку, человек — самолёт и каску.

— Верно, даже самолёт превратили в орудие, — вновь откашлявшись, сказала Юлия Сергеевна.

— Но почему же, это орудие может и пользу приносить, например, в санитарной авиации. Вам бы сейчас не помешало пойти в баню. Или таблетки принять. У нас есть аптечка.

— Спасибо. В бане я уже была, сейчас девчонки пошли. От вашей химии не только сорняки, но и пчёлы дохнут.

— Бывает.

— Если бы пчёлки знали, то облетали бы ваш аэродром за тысячу вёрст.

— Если бы я знал, что к нам в гостиницу залетят не одна-две пчелы, а целый рой...

— Мы здесь не прохлаждаемся, а работаем, — прервала меня Юлия Сергеевна.

— И мы работаем. Плохо или хорошо — не вам судить.

— Вы что, пришли ругаться?

— Я пришёл, чтобы скорректировать некоторые принципы совместного проживания.

— Витиевато, но, в общем, понятно. Но мы с вами не состоим в браке.

— Но живём-то под одной крышей.

— Ваш пилот, ну, тот, что ходит с планшетом, нам не мешает. Да и наши девочки к нему хорошо относятся. Поёт, играет на гитаре. Всё остальное, извините, ваши заботы.

— Мои заботы — прополка...

— Вот и занимайтесь ею, — резко перебила меня Юлия Сергеевна. — Девочки уже взрослые, пропалывать и причёсывать их я не намерена.

— Но так дальше нельзя!

Я не хотел уступать, хотя и понимал всю бесполезность этого разговора. Было видно, что не на ту напал.

— Вы знаете, как можно? — Юлия Сергеевна сделала паузу. — Вообще-то, жизнь проста. И не надо её усложнять.

— Да уж, проще некуда, — вздохнул я. — Ели, пили, веселились, а наутро прослезилась.

— Я ещё раз повторю: это не моя забота.

И тут, глянув в окно, я увидел, как по улице от сельской бани по направлению к гостинице идут Крупнов и Аня. Не обращая внимания на морозящий дождь, они о чём-то оживлённо беседовали. На Ане была надета лётная куртка Крупнова, на голове повязано белое полотенце. Голова второго пилота была укрыта от дождя кожаным шлемом. Честно говоря, я и не подозревал, что он и его прихватит в командировку.

— Вот, возьмите Аню. — Юлия Сергеевна, проследив за моим взглядом, улыбнулась своим мыслям.

— Оторва, — сказал я. — Такой концерт здесь устроила.

— Древние римляне говорили: любовь и кашель не скроешь, — уже другим, тихим, под впечатлением от увиденного голосом проговорила Юлия Сергеевна. — Аня — детдомовская. Живёт с сестрёнкой без отца и матери. Кстати, родилась она в Еловке. Мы договорилась с Приваловым, что нам, как и положено, зачтут практику. Кроме того, мы заключили с ним договор. Он взял на себя наше питание и ещё заплатит трудодни.

Юлия Сергеевна сделала паузу, должно быть, решала: можно ли и дальше раскрывать мне свои секреты?

— А куда деваться? Попробуйте, проживите на одну степёшку. Анна у меня за старшую. Это с виду она такая, за словом в карман не полезет. Местные, да и не только они, нередко её осуждают, иногда даже подсмеиваются, потому что не понимают. Она, как и все, ранима. Но когда возьмётся за дело, у неё в руках всё горит. Таких поискать надо. Кто быстро судит, тот быстро и ошибается. Судить о людях, не зная их, — себе вредить.

У меня вдруг возникло ощущение, что она не ровесница моя, а намного старше и знает то, о чём я раньше и не догадывался. Я уже не знал, для чего сюда зашёл и что мне делать дальше. Но уходить не хотелось. Она была права: собрался судить о других, а в своём огороде не разобрался: что полоть, что поливать.

Мой взгляд упал на книгу, которую она держала в руке.

— Бунин?

— Да, из местной библиотеки. Прозу уже кто-то передо мной взял, осталась только поэзия. Хотелось почитать его “Деревню”. Сравнить, как было и как стало.

— Это я взял. Зашёл посмотреть, гляжу — Иван Алексеевич.

— Вы говорите так, будто с ним тысячу лет знакомы.

— Самую малость. “Тёмные аллеи”. А из стихов, пожалуй, это: “И цветы, и шмели, и колосья, И лазурь, и полуденный зной. Срок настанет, Господь сына блудного спросит, был ли счастлив ты в жизни земной ...”

— Интересно. А я думала...

— Что “первым делом самолёты”?

Юлия Сергеевна посмотрела на меня с какой-то усталой улыбкой,

— Что же мы стоим? Хотите чаю? У меня хороший, индийский, “Три слона”.

— Не откажусь. На улице промозгло.

— Да что там, холодно!

Юлия Сергеевна налила в кипятильник воду, достала пачку чая. Я глянул на тумбочку — таких, в гостинице я не встречал.

— Это мне Иван Егорович привёз, — поймав мой взгляд, сказала Юлия Сергеевна. — Чтобы чувствовала себя здесь, как дома. Вы что, любите Бунина?

За стенкой послышался знакомый гитарный перебор, второй пилот явно не торопился на вечерний разбор. Я прислушался. Судя по всему, начались обещанные техником спевки. Уже слышанную мною и уже на свой лад переделанную песню Крупнова на слова Исаковского теперь уже запели практикантки:

*По деревне с шумным интересом
Много бабы говорят такого,
Будто Аню видели за лесом
Да с пилотом Вадиком Крупновым.*

*Будто в полночь месяц на откосе
Растерял серебряные кольца,
И взасос на скошенном покосе
Целовала Аня комсомольца.*

Поющие девчонки рассмеялись. Немедленно последовал ответ, я услышал бас второго пилота. Но больше всего меня удивило, что ему старательно подтянули техник с мотористом. И эти не торопились ко мне в комнату на вечерний разнос:

*Только где же это было видно,
Чтобы Аня уходила за лес,
Это бабам попросту завидно,
Что они своё отцеловались,*

*Что теперь привязаны к ухватам,
Что мужьям достались на издёвку,
Вот они и шлёются по хатам
И порочат молодую дёвку.*

— Люблю не только Бунина, было время, читал Фёдорова, Рубцова, — сказал я. — А это, — я кивнул в сторону стенки, — старые, переделанные вашими поэтессами строчки Исаковского.

— Девчонки, видимо, решили развлечься, — засмеялась Юлия Сергеевна. — Иван Егорович попросил, чтобы мы в клубе выступили с концертом для селян. Вот они и подбирают репертуар. Хулиганки! Порою я и сама не понимаю, откуда у них силы берутся?

— Голосистые артистки, — согласился я. — Попади таким на язык, они ради красного словца не пожалеют и отца. Ты скажи: быстро спелась!

— Да они по-другому не могут! — рассмеялась Юлия Сергеевна. — Не могут разделить свою жизнь на работу, а потом, отдельно по графику, на любовь и танцы. Живут и радуются. Ну, стань им поперёк, что получится?

— Стихия, — точно переползая через какое-то в себе препятствие, согласился я. — С нашими полётами, бывает, за всё лето ни одной книги не прочтёшь. Но, по возможности, всё же пытаюсь. И не только Бунина.

Я поймал себя на том, что, жалуясь на нехватку времени, одновременно хочу похвалить себя, мол, не отстаю от жизни и тоже интересуюсь новинками.

— Например, недавно прочитал Михаила Булгакова, — сообщил я. — “Мастера и Маргариту”.

И не предполагал, что здесь наши интересы совпадут.

— Что предопределено, то случится, — задумчиво сказала Юлия Сергеевна. — Аннушка уже разлила масло. — И, помолчав, добавила: — Одно время я занималась бальными танцами. Думала, что это моё призвание. Кстати, некоторые мои девочки и здесь находят время танцевать.

— Мы, как и ваши девочки, можно сказать, тоже занимаемся танцами. Только в воздухе. Со стороны, наверное, это похоже на вальс железного гуся, который весь день крутится вокруг своего хвоста. Хочет ухватить, но не может.

— Забавно, — Юлия Сергеевна рассмеялась. — И вам не страшно?

— Если с этими мерками подходить, то всё страшно: летать, ездить, вообще жить.

Скрипнула дверь, в комнату заглянула Аня. Уже без полотенца на голове, с высокой, прихваченной разноцветной лентой причёской, в тёплой вязаной кофте, посвежевшая, глаза весёлые, ну, настоящая деревенская красавица!

— Юлия Сергеевна, мы вас ждём, — с любопытством стрельнув в мою сторону чёрными глазами, сказала она. И тут же доверчиво, хорошо, как старому знакомому, предложила: — И вы давайте к нам. Ребята вас уже потеряли.

— Так уж и потеряли?

— Я сейчас подойду, — торопливо, точно оправдываясь, сказала Юлия Сергеевна. — Вот выпью чаю и приду.

Я поймал себя на том, что мне не хочется уходить. Вот так бы сидеть, слушать Юлию Сергеевну, смотреть на её открытое лицо, губы. У неё они были точно наполнены свежим брусничным соком. Иногда она, будто невзначай, прикусывала их. Может, чего-то ждала от этого разговора?

Выпив чашку чая, я ушёл к себе.

Ночью лежал, вспоминал разговор с Юлией Сергеевной. “Она же старшая, работать, как другим, не надо, — думал я, — только присматривай. Вот я и пошёл, чтобы сказать, мол, давай-ка, голубушка, присматривай за своими девчонками! Конечно, жизнь в селе не сахар; клуб на замке, кино только по воскресеньям. Хорошо хоть библиотекаршу разыскала. Да и мысли мои, самые что ни на есть правильные: на первом месте не книги, а полёты и дисциплина в экипаже. Чего меня бояться, пришёл поговорить, поделиться мыслями с человеком, у которого своя команда, можно даже сказать, экипаж. Держал себя с ней в рамках. Хоть мы и были наедине, но она не дала повода. Да и я не набивался в друзья-товарищи, разговор получился деловым и, если прислушаться к нему со стороны, наверное, скучным”.

Я не любил, когда в нашей работе возникали непредвиденные паузы. Когда не знаешь, куда себя девать. Кровать, столовая, снова кровать. Хорошо, если есть клуб или прихваченная с собой книга. А ведь рядом, всего лишь за тонкой стенкой гостиницы, протекала другая жизнь, где нашлось место домашнему теплу, песням и даже танцам. Раньше мне почему-то казалось, что говорить в селе про театр или концерты как-то неприлично. Но оказывается, не только можно, но и нужно. Пусть себе дождь капает с крыш, ему тоже отведено особое место, и он вершит свою работу. Не будь его, всё засохнет, и можно положить зубы на полку.

“Наше дело такое — поливай поля, потом домой, на базу. И в отпуск. Как сами шутили: “Хим-дым, потом в Сочи или в Крым!” — переворачиваясь с боку на бок, размышлял я. И так из года в год. Иногда подтрунивали над собой, что кого-то отправляли “отбывать срок на химию”. Мы же

ехали по собственной охоте, за длинным рублём. Платили там гораздо больше, чем на рейсовых полётах. Тот, кому не доставались профсоюзные путёвки, отработав лето в селе на этом самом хим-дыме, отправлялся на Байкал. Море, только пресное, почти под боком. Заезжали на рынок, брали, что надо, сверху прихватывали ящик водки, всем говорили, что поехали на рыбалку. А там омуль, уха, шашлык! Пей, ешь, гуляй, пока молодой! Чтобы потом можно было похвастаться перед знакомыми: съездили, отдохнули — лучше некуда. А если разобраться: света белого не видели! Одна надежда грела душу — подойдёт и твоё время, переучат на другой самолёт. И начнёшь летать по большим городам и весям, будешь чихать с огромной высоты на эти деревушки, где всё, как и сто лет назад.

“Только та, бунинская деревня давным-давно отъехала в мир иной, — думал я, припоминая наделавшую шуму забытую повесть писателя. — Нынешняя деревня, вернее, село заполнено уже другими людьми. Но пьют, и гуляют, и на языке том же разговаривают.

Почему-то из головы не выходила строчка “они своё отцеловались”. Это поэт сказал, а они видят куда дальше, чем остальные. Одним словом, поставил штамп — дальше безнадёга! Выходило, жизнь, едва начавшись, тут же закончилась, бери лопату или ухват. И штурвала уже не будет, его возьмут в руки другие. И села — все эти Еловки, Сосновки, Виденьщины — останутся в прошлом.

Выпускаясь из училища, в новенькой лётной форме, расставаясь на железнодорожном вокзале, мы, обнявшись, пели:

*Пилоты мы, пилоты мы, пилоты,
Весёлая и дружная семья.
Полжизни подарил я самолёту,
А остальное прожил для тебя.*

Были в песне заключительные, тогда ещё не совсем осознанные нами строчки о будущей лётной работе:

*И будешь ты химичить в Ашхабаде,
А я возить картошку в Магадан.
И будем колесить мы, как цыгане,
Такой, друзья, нам курс по жизни дан.*

Всё сбылось: день-ночь, зима-лето, рёв мотора. И что за спиной? Сколько ещё мне нянчиться со взрослыми оболтусами в лётной форме? К женщинам у меня было ровное, спокойное чувство, они проносились мимо, как ласточки, не задевая, лишь сотрясая воздух, не более того. А вот поговорил с Юлией Сергеевной и понял, что в жизни есть что-то такое, от чего не скроешься на всех этих сельских и таёжных аэродромах. Я долго и молча смотрел в тёмный потолок. Блуждающие в потёмках мысли неожиданно наскочили на строчки Василия Фёдорова: “По главной сути, жизнь проста. Её уста, его уста...” Я улыбнулся: “А может, стоит, как Крупнову, завести планшет?”

Дожди, как и лето, в Сибири короткие. К утру вновь выглянуло солнце, и всё пошло по привычной, проторённой дорожке. Едва за околицей над лесом вспыхнуло утреннее небо, как всё живое, что радуется предстоящему теплу, жизни, свету, тут же дало о себе знать; свежий ветерок шевельнул народившиеся листья и разнёс по округе сырые запахи дворов и огородов. И день начался весело, с петушиных криков, с голубиной воркотни из-под крыш; опередив нас, в высоком и чистом небе начался стремительный полёт стрижей и ласточек; где-то неподалёку, задавая ритм нарождающемуся дню, принялся сечь утреннюю тишину трактор. Природа пекла пироги, не приспособившись и не подлаживаясь под настроения людей; наоборот, люди под музыку нарождающегося дня приступили к своим обычным делам. После прошедшего дождя воздух был лёгок, мягок и свеж, точно на землю сошла небесная благодать; и все растения понимали, что времени на тепло и солнце

отпущено немного, и надо успеть сделать то, к чему природа готовилась долгую зиму: распуститься, распушиться, показать себя во всей красе и дать очередные всходы.

Чтобы отвлечь свой экипаж от соблазнов, у меня, после разговора с Юлией Сергеевной, возник план поменять место жительства и переехать в дом для сезонных рабочих, который располагался на территории бывшей церкви.

Перевалов сохранил её от разрушения. Крест с шатра его всё же заставили убрать, но само помещение он превратил в клуб, разместив там сельскую библиотеку, а в трапезной, когда случался наплыв сезонных рабочих, жили комбайнеры и шофера. Чуть ли не каждый год клуб подкрашивали, поправляли жестяную крышу и шатёр. Делали это для того, чтобы своим видом она радовала глаз всех, кто проезжал и пролетал мимо.

— Вот здесь будешь замаливать свои грехи, — сказал я Крупнову, когда мы с ним зашли в бывшую церковь.

— А ты что, будешь вместо батюшки?

— Я тебе буду и батюшкой, и матушкой одновременно.

— Боженька высоко, и мы на своём аэроплане до него не достанем, — глубокомысленно протянул Крупнов.

— Ничего, если понадобится, я помогу. Так вломлю — взлетишь выше крыши.

— Командир, это уже насилие! — воскликнул Крупнов. — Тем более, одна из заповедей гласит: “Не убий!”

Я молча, уже внимательнее оглядел своего второго пилота. С Библией в школе, да и в училище нас не знакомили, но кое-что всё же сохранялось в головах. Оказалось, и сталинский сокол мог при случае вспомнить Нагорную проповедь.

Осмотрев помещение, я решил, что переезжать сюда на несколько дней не имело смысла: в домике для приезжих было мрачно, пахло затхлостью и мазутом.

“Даже сосланный в Сибирь протопоп Аввакум остался бы в гостинице”, — с усмешкой подумал я.

Вот в этом клубе по просьбе Перевалова и предполагали дать концерт наши практикантки. Но всё испортил Крупнов.

За несколько дней до окончания нашей командировки, вечером, когда мы уже было собрались зачехлять двигатель, откуда-то с дороги прибежал мой второй пилот, и из его сбивчивого рассказа я понял, что он только что чуть не убил Аню.

— Когда это ты успел? — оторопело спросил я. — Говори толком, что произошло?!

— Да я попросил у сторожа мотоцикл, решил прокатиться. Налетели колесом на камень, повело, и мы свалились в кювет.

— Где она? Что с ней!

— Сейчас подвезут. Там Юлия Сергеевна. Она наложила ей жгут. Что-то с рукой. Сам не понимаю, как такое могло случиться.

“Час от часу не легче!” — мелькнуло у меня в голове.

— Вот и доверь руль дураку! — не удержавшись, выругался я. — Прокатил любушку до ближайшего кювета.

— Да я не думал, что так произойдёт!

— Что, у тебя есть место, которым можно думать? — усмехнувшись, спросил я. — Он, видите ли, не удержал руль. Могу ли я тебе вообще доверять штурвал?

Лицо Крупнова стало серым и кислым, мне показалось, что он вот-вот расплачется. Я молча оглядел свой сельский аэродром, стокубовый заржавевший бак с водой, повисший тонкой кишкой полосатый конус, серые полотнища по углам аэродрома, притихший самолёт и таких же притихших, с озабоченными лицами техника с мотористом.

Как иногда говорят в авиации, дело запахло керосином. Если начнётся разбор, как пить дать, обвинят экипаж. И персонально меня как командира.

В экипаже нет чужих ошибок, все твои. Всыплют по первое число; скажут, не досмотрел, распустил своего второго. Если бы он свернул себе шею, куда ни шло, а тут, на тебе, чуть не убил постороннего человека. Впрочем, не постороннего. Я вспомнил, как Аня шла под дождём в лётной куртке Крупнова. Не шла, а плыла. И вот, на тебе — приплыла.

Через минуту на аэродром прикатил “газик”, Юлия Сергеевна привезла раненую Аню. Была она бледной и всё время старалась прикрыть здоровой рукой разодранные на коленях джинсы. Меня поразила её взгляд: Аня смотрела на всех спокойными и как бы извиняющимися глазами,

— Надо бы её отвезти в больницу, — подавленно выдал из себя Крупнов. — Говорят, жгут долго держать нельзя,

— Ты же знаешь, у нас не санитарный самолёт, — тихо сказал я. — Как мы её повезём?

— Ближайшая больница в Усть-Орде. Ехать туда на машине часа два, а в город и того более. Нам, туда-сюда — двадцать минут, — хлопая белёсыми, ну, словно щётками по лобовому стеклу автомобиля, ресницами, взмолившись, зачастил Крупнов. — Аня может лишиться руки!

Я стиснул зубы. Вот так всегда! Катаются одни, а разбираться и отвечать приходится другим. Когда я летал по санитарным заданиям, мне приходилось иметь дело с больными. Но переоборудованный под авиационно-химические полёты самолёт был совсем не приспособлен к перевозке пассажиров, тем более, больных. Кроме того, даже для экстренного полёта нужно было согласование со всевозможными службами, нужно было получить разрешение командования авиаотрядом. Я хорошо понимал: если я сейчас попрошу разрешение на полёт, хоть умри — мне его не дадут.

До Усть-Орды десять минут полёта. Запросить диспетчера, пусть вызовет “скорую”. Скажу, что летим на дозаправку, раньше, когда вовремя не приходил бензовоз, мы уже делали такие ходки. Узнав о моём решении лететь в Усть-Орду, Крупнов схватил Аню и попытался занести её в самолёт. Но она, отодвинув его, сама поднялась в грузовую кабину.

— Ой, как тут у вас пахнет больницей, — зажав пальцами нос, сказала она.

— Можно, я полечу с ней? — попросила Юлия Сергеевна.

— Конечно, — разрешил я.

Мы положили Аню на чехол, Крупнов снял с себя лётную куртку и заботливо подсунул ей под голову.

— Соломки бы подстелил, — усмехнувшись, уже без прежней злости сказал я. — И где твоя башка была раньше?!

Запустив двигатель, мы пошли на взлёт. Уже в воздухе я связался с Усть-Ордой и по резервной связи попросил, чтобы к нашему прилёту вызвали неотложку. Диспетчера я хорошо знал, он ответил коротко: “Понял. Будет сделано!”

Сразу же после посадки к дверям самолёта подъехала “скорая”, санитары сопроводили Аню в машину, следом к нам подрулил топливозаправщик, и через пятнадцать минут мы были в Еловке. Там нас уже ждал Перевалов. Он сообщил, что позвонил в Усть-Орду главному врачу больницы.

— Ничего страшного, — успокоил он нас. — Недельку ходит с гипсом, а потом хоть под венец. У молодых всё заживает быстро.

— Иван Егорович, я тебя попрошу об одном. Об этом полёте лучше всего помолчать. Узнают — всыплют по первое число.

Перевалов, как и усть-ордынский диспетчер, ответил коротко:

— Понял!

В последний вечер, когда мы объявили, что наша работа в Еловке закончилась, девчонки сразу же погрустнели, затем пошушукавшись с Юлией Сергеевной, сказали, что сделают для нас в гостинице прощальный вечер. И своё слово сдержали. Быстро переоделись и вышли все, как на подбор, в одинаковых коротких белых юбочках и спортивных майках. Церемонно, одна за другой, поклонились зрителям, отдельно нам. Юлия Сергеевна подавала команду, послышалась знакомая музыка Чайковского, и, синхронно перебирая стройными ножками, держась за руки, девчонки двинулись сначала

в одну, затем в другую сторону. Пожалуй, еловская гостиница за всю свою историю ещё не видела танца маленьких лебедей. Танцевали девчонки босиком. Много позже, когда я смотрел “Лебединое озеро” в исполнении профессиональных балерин, я вспоминал танец практиканток, как девчонки старательно перебирали ногами, желая удивить и порадовать нас, и ещё — как они возле зернохранилища выливали ржавую холодную воду из сапог. Вспоминал и глотал невольно подступающие к горлу слёзы.

После их выступления включили радиолу, и начались танцы. Одёрнув лётную куртку, я пригласил Юлию Сергеевну. Танцевала она легко, неувлимо подлаживаясь под мои неуклюжие движения, затем взяла инициативу в свои руки, двигалась без малейших усилий, предупреждала мои неловкие ходы и судорожные подскоки. И, о чудо! Постепенно начало получаться, я даже поймал себя на том, что мы стали парой.

— Вот так, правильно, зафиксируй носочек, — подбадривала она меня. — А здесь, вроде бы расходясь в разные стороны, делаем крутой поворот, вновь становимся лицом к лицу и смотрим глаза в глаза. Для танца нужны двое, как у вас в авиации, — ведущий и ведомый.

— Капитан — второй пилот, — ответно улыбнувшись, поддержал я. — А у нас действительно получается!

— Главное, как и в жизни, вовремя убирать ноги, — засмеялась она.

— Чтоб не оттоптали, — уточнил я. — И всё-таки здесь нужно умение. Вот его-то мне и не хватает!

— Это дело наживное. Тренировки и ещё раз тренировки.

Признаться, мне нравился её доверительный говорок, лёгкое дыхание, нравилось ощущать тепло рук и мимолетные прикосновения её крепкого, упругого тела.

После танцев мы вышли подышать свежим воздухом. На Еловку опустилась ночь, небо было высоким и хрустально прозрачным, каким оно может быть только в Сибири. Лишь в самой его шапке уже проклюнулись звёзды, которые могло прополоть только утро. Пряно пахло травой, мне казалось, что над нами распротёрлась вечность; всё имело свой вес и предназначение; то, что происходило сейчас, уходило в прошлое, но не исчезало, а откладывалось в своё, только ему предназначенное место. И существовало там до времени.

У Юлии Сергеевны на плечи был накинут мягкий пуховый платок. Прямо во дворе гостиницы паслись кони, в темноте их можно было распознать по бряканью ботала. Я предложил присесть на лавочку, она, немного помявшись, согласилась. Укрыв колени платком, глянула на меня близкими глазами и, кивнув на окна гостиниц, сказала:

— Девчонки устроили нам и себе праздник.

— Ну, как там Аня? — спросил я.

— Да всё вроде в порядке, заживает, — улыбнувшись, ответила Юлия Сергеевна. — Она мне сказала, что ваш помощник звонит в больницу каждый день.

— Это правда. Иван Егорович смеётся, говорит, вычту из зарплаты за все переговоры.

Юлия Сергеевна неожиданно замолчала, затем, кивнув на светлые окна гостиницы, тихо рассмеялась:

— Нет, вы только послушайте!

Девчата хором пели давно забытую, но такую близкую в эту минуту песню:

*Смотри, пилот, какое небо хмурое,
Огнём сверкает тёмной тучи край,
Суровый день грозит дождём и бурей —
Не улетай, родной, не улетай!*

И тут, сам того не ожидая, я обнял Юлию Сергеевну, она, как в танце, качнулась навстречу и, вздохнув, устало положила голову мне на плечо. И я вдруг ощутил, что лечу, несусь над землёй на предельно малой высоте,

и в руках у меня не мягкие женские плечи, а какой-то тёплый, неземной штурвал, и звёздное небо запрокидывается куда-то за голову, а после и вообще, сблизившись, обнимает, прикасается уже и к моим плечам, и лёгким своим ночным дыханием осторожно шевелит волосы.

— Признаться, я думала, что имею дело с железным человеком. — Юлия Сергеевна рассмеялась. Я вспомнил своё сравнение самолёта с железным гусем.

— Живой, живой и даже тёплый, — облегчённо засмеялся я в ответ.

На другой день студентки поехали высаживать капусту, а мы, собрав свои вещи, отбыли на аэродром. Наша работа в Еловке закончилась. Мы взлетели, сделали круг над селом, над работающими в поле девочками и взяли курс на город. Я передал управление второму пилоту, вспомнив, что ещё недавно выговаривал Крупнову: пересып на спине, а недосып на лице. От монотонного рёва мотора и меня начало клонить ко сну, глаза слипались, ну, хоть спички подставляй. Поглядывая на медленно наплывающую под самолёт землю, я подумал, что вот ещё один кусочек неповторимой и насыщенной деревенской жизни остался за спиной. Спрятав нас в своё нутро, подрагивающий на воздушных кочках железный гусь обещал выпустить нас после посадки, но уже в другой, шумливой и, в общем-то, безразличной ко всему городской жизни, где не будет практиканток, Ивана Егоровича Перевалова и, самое грустное, не будет неповторимого очарования прощального вечера, устроенного нам в сельской гостинице.

Поздней осенью, когда я возвратился из отпуска, ко мне подошёл Крупнов, раскрыл свой лётный планшет, достал белый конверт.

— Командир, благослови! — церемонно сказал он. — Приглашаем тебя на свадьбу. Ты её знаешь. Она с Еловки. Помнишь Аню? — И, помявшись, добавил: — У нас уже скоро и ребёночек будет.

Я беззвучно рассмеялся, почему-то в голове мелькнули слова Юлии Сергеевны, что, по главной сути, жизнь проста и что предопределено, то и должно случиться.

— Во-первых, я тебе не батюшка! — шутливо поправил я Крупнова. — Лучше обратись к настоящему, в церковь. Аню я не забывал. Таковую вряд ли забудешь. Кстати, мне про неё Юлия Сергеевна недавно рассказывала. Она уже дала ей добро, тебе этого хватит?

— По за глаза! — Крупнов провёл ладонью по шее.

— Смотри, не свали её и сам не свались по дороге. Штамп в паспорт — это начало. Сработал, можно сказать, даже с опережением. Здесь ты уж точно не проспал.

Лицо Крупнова расплылось в улыбке.

— Кто мало спит, тот не вредит! Одно из правил внутреннего распорядка. Я его держу не в планшете, а здесь, — Крупнов указательным пальцем постучал себя по голове.

ВЛАДИМИР СКИФ

ДЕРЖАВНЫЕ РОЩИ...

РОДИНА — ХАРИК, КУЙТУН

Вот мой Харик — зелёный, берёзовый...
Вдоль дорог — беспокойная пыль.
И летучий, серебряно-розовый,
Будто в небо бегущий ковыль.

Нынче Харик, звеневший покосами,
В поле сеет траву-курослеп...
Здесь когда-то крестьяне обозами
Вывозили для Родины хлеб.

Мой куйтунский простор Украиною
Был для наших сибирских краёв.
Пал Союз разорвавшейся миной,
И воскреснуть ему не дают.

Предки наши, вы где? Вы послушайте,
Как осколки над полем свистят...
И пылает над вашими душами
Вдоль погоста бредущий закат.

СКИФ Владимир Петрович родился в 1945 году в пос. Куйтун Иркутской области. Автор 25 книг стихов и прозы. Секретарь Правления Союза писателей России. Советник губернатора Иркутской области по культуре. Лауреат Международных премий им. П. П. Ершова (2009), "Имперская культура" им. Э. Ф. Володина (2014), "Югра" — за перевод "Слова о полку Игореве" (2015), им. Николая Клюева (2014). Живёт в Иркутске.

* * *

Земля разверзнется. Покатится
Во мглу веков земная твердь.
И, может быть, тогда расплатится
За всех живых подруга-смерть.

Она за что-нибудь ухватится,
Чтоб ей самой не пропадать.
А жизнь по космосу раскатится,
Чтобы чужою жизнью стать.

На небе кончится мистерия,
Возникнет в космосе дыра,
И сквозь неё скользнёт материя,
Как из Байкала — Ангара...

* * *

Чем глубже Россия, тем проще:
Там за душу песня берёт,
И светят державные роши
Проснувшихся русских берёз.

Украсил нетленные дали
Алмазного снега венец.
Здесь предки себя поднимали,
Как будто духовный дворец!

И слово, и дело сияло,
Державе и Богу — поклон.
И русская совесть стояла
На страже души и знамён.

Сегодня — сиянье молитвы
Спасает опальный народ.
Он вновь от родимой калитки
К забытому Храму идёт.

Из глаз его катятся слёзы,
Душа к очищению спешит.
И в латах — стальные берёзы
Несут ему саблю и щит.

ГНЕЗДО

После Третьей войны мировой
Всё исчезло на грешной земле.
Будто язвой смело моровой
Всех, кто в городе жил и в селе.

Сколько минуло лет? Может, сто
После Третьей войны мировой.
...И кружилось на небе гнездо,
Может, в нём кто остался
живой?

КРАЙ СВЕТА

У Ивана пустела изба
И душа, и Россия пустела.
И свистела печная труба,
По ночам то и дело свистела.

Было дело: мечтал наш Иван
Увидать свою землю большую
И край света,
и множество стран,
Хоть не жаловал землю чужую.

Шёл Иван или ехал куда,
Чуял сердцем — плохая примета:
Ужимались земля и вода,
Подвигались до крайнего света.

Кто-то баял, что будет в раю
Жить Иван среди вечного лета...
А труба-то свистит на краю,
Вот и прибыл Иван
на край света.

РОМАН СЕНЧИН

ДВА РАССКАЗА

ФУНКЦИИ

Ольга чувствовала себя всё хуже и хуже и, в конце концов, решила лечь в больницу.

Вениамин Маркович, её врач на протяжении уже лет семи, выписал направление с готовностью — Ольга замучила его частыми визитами, звонками, так что он был вынужден раза два-три намекнуть, что он не психолог, а психиатр... Да, с готовностью выписал направление, но посчитал нужным выразить сочувствие, хотя бы формально оправдать это своё решение:

— Месяц стационара вам, Ольга, необходим. Понимаю, что это тяжело.

Ольга покачала головой, губы старалась держать загнутыми книзу, хотя в душе была рада. Конечно, для статуса это не на пользу — лежать в психушке, — отношение к тебе меняется, люди начинают воспринимать тебя как не очень-то полноценную, относиться с осторожностью. Но Ольга была художницей, а не, скажем, учительницей или бухгалтером. Людям творческим, тем более с талантом, который признан, оценён, как говорится, сам Бог велел обладать своеобразной психикой и время от времени отъединяться от этого грубого, светного мира в лечебницах, спрятанных в берёзовых рощах и сосновых борах. Тем более, их больница напоминала санаторий — люди там скорее отдыхали, приходили в себя, чем зависели от препаратов. Исцелялись покоем... По крайней мере, прошлые посещения лечебницы оставили у Ольги такое ощущение.

— Надеюсь, я попаду в ваше отделение, — сказала Ольга.

— Конечно, конечно.

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1971 году в городе Кызыле Тувинской АССР. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Лауреат премий “Ясная Поляна”, Правительства России, “Большая книга” и др. Публикуется в “Нашем современнике” с 1998 года. Живёт в Екатеринбурге.

И на следующий день она входила в приёмный покой, словно в терминал аэропорта. Катила большой чемодан с вещами.

Оформление состоялось довольно быстро и легко — в кабинете была знакомая Ольга пожилая врач, которая, в свою очередь, узнала Ольгу и даже приветливо улыбнулась:

— Снова к нам, милочка?

— Да, нужно перезагрузиться.

— Хорошо. Очень хорошо...

— Мне к Вениамину Марковичу. Во второе отделение.

— Я в курсе. Всё будет хорошо, не волнуйтесь.

Но когда уже бумаги были написаны и подписаны, врач сказала:

— Вещи оставьте провожающим, а они потом отнесут медсестрам. С собой вам вносить нельзя.

— Да? — Ольга удивлённо изогнула брови. — Раньше можно было.

— Раньше — можно. А теперь, к сожалению...

— А меня никто не провожает.

Врач посмотрела на Ольгу с подозрением. И менее приветливым тоном посоветовала:

— Можете вон Александру Григорьевичу оставить. — Кивнула на стоящего у двери санитаря.

Санитар был высокий, крепкий, с лицом боксёра.

— А, — Ольга перешла на шёпот, — это надёжно? У меня там ценное...

Врач хмыкнула, а санитар многозначительно кашлянул.

Делать было нечего — дошли до нужного корпуса, Ольга катнула санитару чемодан. Санитар катнул обратно:

— А халат, тапки? Их с собой надо взять.

Пришлось открыть чемодан, рыться в нём на глазах постороннего.

— И шубу тоже давайте, — сказал санитар, когда она закончила.

— Зачем шубу?

— Вдруг сбежите.

— Но я ведь не на “острое”, я сама, по направлению.

Санитар стал сердиться:

— Я, что ли, порядки устанавливаю? Так положено. Вещи и верхнюю одежду провожающим, а они — дальше.

Ольга сняла шубу, отдала её, мягкую, душистую, чужому мужику в сероватом халате. А потом полчаса, пока её оформляли теперь уже в отделении, пока переодевалась, заселялась в палату, дрожала, что там с вещами.

Медсёстры были молодые, незнакомые. И борзые до предела. Вопросы задавали рыкающе, не просили, а приказывали... Ольга, конечно, никогда не бывала в тюрьмах, но, судя по фильмам, именно так ведут себя надзирательницы. Она растерялась, как-то быстро сдалась, и руки сами собой потянулись за спину, словно у зечки.

Ввели в палату, где уже обитали четыре женщины — две примерно возраста Ольги, в районе тридцати пяти, одна лет слегка за двадцать, а четвёртая — пожилая.

Встретили её затравленными взглядами. Лица голые, ненакрашенные... Не поздоровались, даже не кивнули.

— Добрый день! — сказала Ольга и улыбнулась.

— Добрый? — вопросительно отозвалась одна из её ровесниц, остальные промолчали.

Раньше было иначе. Каждая палата — маленький женский клуб. Постоянный щебет, перебирание косметики, нарядов, советы, споры, а теперь — гнобящая тишина. Надавила на уши, будто Ольга нырнула глубоко под воду.

Присела на свою кровать, разглядывала соседок. Не в упор, но внимательно. И тревога всё росла, росла, стала колоть, жечь. Женщины были неживые...

Потом принесли чемодан.

— А шуба?

— Зачем тебе шуба? — спросила старшая медсестра, но по возрасту явно младше Ольги.

— Волнуюсь...

— Шуба — где надо. А кто слишком у нас волнуется, тех на “острое” переводим.

Ольгу тряхнуло.

— А что вы хамите?

— Хамлю? — Медсестра посмотрела на неё ледяными глазами. Вернее, с какой-то ледяной злобой. Особь с такими глазами не будет орать, даже голоса не повысит, а просто возьмёт и задавит. В прямом смысле слова. Потом скажет, что суицид...

Ольга открыла чемодан. Он был почти пуст.

— А где платья? Косметичка? Туфли? Плойка? Сигареты где? Что за фигня-то такая происходит?!

Возмутилась громко, открыто — медсестра уже вышла.

— Теперь тут жесть, — сказала та ровесница, что отозвалась вопросительным “добрый”. — Я расслабиться легла, а теперь понимаю, что сдыхаю медленно.

— А что произошло? Почему так?.. Как вас, зовут, извините?

— Ксюша, — с рефлекторной кокетливостью ответила та, и тут же голос снова стал горестным: — Ну что, поменялись порядки. Это их любимое объяснение. Сегодня самая свирепая смена.

— Да уж, как из тюрьмы строгого режима... А вы здесь не первый раз?

— Второй.

— Все не первый, — подала голос пожилая. — И никто с таким не сталкивался.

— Надо жаловаться тогда.

— Жаловались. Только хуже.

Но Ольга пожаловалась. После первого обыска — настоящего шмона.

Через три дня её жизни в больнице, утром, после завтрака, в палату влетели те самые медсёстры-надзирательницы и чуть не в шею выгнали всех в коридор. Ольга чудом успела прихватить ноутбук, в котором делала наброски новой картины.

Стояли в коридоре, а за дверью слышался стук выдвигаемых ящиков в тумбочках, скрип панцирных кроватей, шуршание пакетов. Что-то падало, хрустело.

Минут через пятнадцать их запустили обратно. Вещи не валялись, постельное бельё не было сброшено на пол, но сразу стало понятно, что каждая мелочь, каждая тряпочка ошупана чужими руками... Медсёстры торжественно выносили сигареты, ножницы, пилочки для ногтей.

— По какому праву всё это происходит? — стараясь не сбиться на визг, спросила Ольга.

— По праву правил больницы, — дёрнула плечами старшая. — Это вам не курорт, а больница. И вас тут должны лечить, а не развлекать.

Это “должны лечить” прозвучало как “должны разрезать на куски”.

Заправив постель, наведя порядок в тумбочке — кое-что протерев влажными салфетками, — Ольга пошла к Вениамину Марковичу. С ним, как она считала, у них были особые отношения.

Нет, ничего такого. Но то участие, какое проявлял к её здоровью Вениамин Маркович, — всегда сразу принимал её или давал советы по телефону, случалось, звонил сам — не могло не вызывать у неё чувства, что он её выделяет. Ей хотелось в это верить...

Как-то Ольга подарила ему свою картину, и Вениамин Маркович искренне благодарил.

Сейчас она сидела в его кабинете и говорила плачуще:

— Это... это беспредел самый настоящий... извините за слово. Выдают утром четыре сигареты на весь день, а если находят спрятанные — отбирают. Пользоваться ножницами, пилочками, краситься — только в присутствии сестёр. А они смотрят, как зверя. Особенно эта, которая сегодня старшая.

— Алина Борисовна, — уточнил врач.

Ольга на некоторое время оторопело замолчала — не могла осознать, что у этой стервозины тоже есть имя и отчество.

— Наверное, — кивнула наконец. — Она... Это просто возмутительно. Как в тюрьме какой-то... строгого режима. — Сравнение со строгим режимом не выходило у неё из головы.

— Да, я понимаю вас, Ольга Евгеньевна. Понимаю и сочувствую. Не вы первая приходите ко мне с этим.

Вениамин Маркович протяжно вздохнул, и Ольга увидела, какой он усталый, измотанный. А ведь немногим старше неё, скорее всего, сорока нет. Она знала, что у него жена, дети; наверняка, кроме профессиональных, донимают и домашние заботы и проблемы. Ещё вот и такие разговоры — о хамках-медсёстрах. Бедненький...

— Режим, — он усмехнулся, и от усмешки его усталость стала очевидней, — режим ужесточился, это правда. Я ничего не могу сделать — медсестры действуют в соответствии с регламентом. Так что прошу вас, Ольга Евгеньевна, потерпеть. Пожалуйста. И не беспокойтесь. Хорошо? Иначе наш курс не принесёт никакой пользы... Как ваша живопись? Что читаете? Посоветуйте что-нибудь стоящее...

В общем, от него Ольга вышла более-менее успокоенная. Вернее, смирившаяся. Даже несчастные четыре сигареты в сутки не вызывали такого негодования, как поначалу. Тем более, что накуривалась во время прогулок — покупала в ближайшем магазине пачку “Парламента”, а на входе в отделение сдавала медсёстрам.

— Мы скоро ларёк табачный откроем, — шутили те. — Все полки забиты.

Но смирение разрушало Ольгу — она чувствовала, остро, физически, что опускается. Скоро станет, как эти её соседки, — посмотришь на их почти насекомое существование и реально с ума начинаешь сходить... Вспомнились прежние соседки.

Те с раннего утра начинали чистить перья, выбирать, в чём пойдут на завтрак, а в чём примут Вениамина Марковича. Красились, перекрашивались. Сколько было жизни...

Помнится, Ольгу они бесили, а теперь хотела, умоляла какие-то силы, чтоб случилось чудо, и вернулась та атмосфера.

Чуда не происходило — в палате, как ядовитый туман, висела зеленющая тоска. Наряды, косметички, плойки были заперты у медсестры; женщины чахли.

Спасаясь, Ольга погулила ближайший салон красоты и во время прогулки, когда дежурила смена не очень злых сестёр, отпрашивалась делать маникюр. Если опоздает — эти вряд ли набросятся.

Вошла в салон — переоборудованную квартирку на первом этаже пятиэтажки — смело, гордо, всячески стараясь вернуть то ощущение, какое было до больницы: ощущение, что она — подарок этому миру, она — победительница. И то, что оказалась в нынешнем положении — почти заключённой, у которой отобрали чуть ли не все вещи, заставили жить по унижающему её регламенту — случайность. Скоро эта случайность будет исправлена.

— Добрый день! — сказала громко и широко улыбнулась, распахнула глаза.

И так застыла, окаменела с этой улыбкой, которая стала постепенно оползать к подбородку: перед ней стояла Алина. Та самая Алина Борисовна.

На лице надзирательницы мелькнуло замешательство, но быстро сменилось выражением приветливости и чего-то такого, что бывает у официанток, горничных, консультанток в бутиках.

— Здравствуйте! — ответила она. — Проходите, пожалуйста. Что будем делать? Стрижка, маникюр, педикюр?

— Я... Я хотела маникюр. — Ольга услышала в своём голосе виноватость, собралась и повторила увереннее, жёстче: — Маникюр.

— Отлично! Классический? Бразильский? Френч? Можно сделать кружевной...

— Мне нужен шеллак. — Ольга решила выбрать посложнее. — Есть такая услуга?

— Конечно! Раздевайтесь, вот вешалка...

В салоне были ещё девушки, но в те три с лишним часа, пока происходило снятие старого лака, остригание отросших ногтей, накладка нового, сушка под УФ-лампой, она видела только Алину. Как вошла, влипла в неё и взглядом, и сознанием, так и не могла оторваться. Испуг, недоумение скоро испарились, осталось любопытство. Ольге было интересно наблюдать за хамкой, чуть не садисткой в другой обстановке. И практически ничего общего с той Алиной у этой не было. Взгляд другой, голос другой, даже движения. Словно добрая близняшка.

И, как это заведено у маникюрщиц, она стала рассказывать... Обычно в салонах велись разговоры о сериалах, новых поездках ведущих “Орла и решки”, о событиях в “Доме-два”, новости о Баскове, Бузовой, Лере Кудрявцевой, и Ольга слушала их с интересом — сама она телевизор почти не смотрела, журнальчики не читала, сериалы предпочитала умные и сложные, а тут вот будто оказывалась в иной реальности.

Но Алина рассказывала не о сериалах и звёздах, а о своей жизни. Как-то так ненавязчиво начала, и потекло, потекло неспешно, без нервов и рыданий в горле. Словно делилась сюжетом неоригинального, вторичного, но всё же цепляющего душу фильма.

Ей двадцать семь. Дочка и сын, больная мать. Живут здесь недалеко в двухкомнатной квартире. Мужа нет и не было. Мужчины появляются, конечно, но до свадьбы не доходит. Зато детей оставляют. С детства хотела стать врачом, правда, в школе училась неважно, поэтому пришлось уйти после девятого. Окончила медучилище, стала работать медсестрой. Сначала в тубдиспансере, который тоже тут поблизости, а потом перешла в эту больницу — и к дому ближе, и опасность заразиться туберкулёзом или ещё чем минимальная.

Денег постоянно не хватает, алименты — слёзы просто: “Эти, папашито, никто нигде официально не работает”, — поэтому, когда приятельница предложила подрабатывать в салоне красоты, она с радостью согласилась. “А что — сутки на смене, сутки отсыпаясь и по дому разное, а потом день здесь. Терпимо”. Прошла курсы, стала мастером.

В ответ Ольга рассказала, что художница. О выставках, поездках, заказах портретов богатых людей, даже мэра...

Расстались чуть ли не подругами, и она как-то летяще, как в старой песне поётся — “летающей походкой”, — не чувствуя своего веса, дошла до корпуса, возле крыльца выкурила сигаретку. Поднялась в отделение. Сигареты решила не сдавать — спрячет под тумбочку. Остальные бригады медсестёр, кроме Алининой, обыскивают формально, а чаще не обыскивают вовсе, Алина же вряд ли теперь будет свирепствовать. По крайней мере, по отношению к ней, Ольге... Откровенный рассказ, двести рублей сдачи, которые Ольга не взяла, имели какое-то значение.

Но она ошиблась. На следующий день шмон случился раньше, чем обычно — во время завтрака. Обитательницы отделения находились в столовой, а в это время Алина со своей напарницей переворачивали постельное бельё, рылись в тумбочках, двигали нехитрую мебель.

Входя в палату, Ольга сразу наткнулась на лицо Алины. Как и вчера, в салоне. Наткнулась и попяtilась, будто ударилась о стену. Грязную и шершавую. Теперь лицо медсестры было перекошено от ненависти и возмущения.

— Это что опять? — зашипела Алина и скакнула к Ольге, помахивая “Парламентом” — какого-нибудь сантиметра не хватало, чтоб пачка тыкалась в глаза. — Это что, спрашиваю? Сколько раз говорить — никаких сигарет! Ни-ка-ких! Что, вообще запретить? А?

— Как вы можете... — сказала Ольга с усилием, будто её душили, изумлённая не самой грубостью, а грубостью после вчерашнего. — Как вы можете так? Мы ведь вчера так хорошо... Как вы можете так меняться, Алина?

— Могу. А что? Сегодня — не вчера. Сегодня у меня другая функция: не давать вам тут курорт устраивать. Нашли тёпленькое местечко — лежать, покуривать... Психика у них тонкая! Паразитки.

— Заткнись! — проорала Ольга, готовая вцепиться в волосы медсестры. — Мразь! Я тебя уничтожу, скотина!

Алина отступила на шаг-другой и спокойно сказала напарнице:

— Настя, у нас приступ. Физическая угроза персоналу. Вызывай санитаров — необходим перевод на “острое”.

СЮЖЕТЫ

— ...Ну, хоть на один вопрос вы можете ответить: Аменхотеп Четвёртый и Эхнатон — это один и тот же человек или разные?

На сей раз преподаша Древнего мира Инна Андреевна принимала зачёт не в аудитории, а на кафедре — в тёмной, тесной комнате с тяжёлыми картинами на стенах и книжными шкапами из почерневшего дерева. Будто внутренность гробницы...

Олег подвигал плечами и пробубнил:

— Один.

— Та-ак, — в голосе Инны Андреевны появилась человеческая нотка. — А кто это такой?

— Фараон.

— Так-так. А почему же у него два имени?

Олегу было двадцать пять лет. Но сейчас он ощущал себя пятиклассником... Да нет, в пятом классе он любил историю, многое знал, получал в основном пятёрки. Теперь же его, первокурсника столичного вуза, от неё тошнило. От одного только упоминания о фараонах, ассирийцах, Урарту, шумерах... Словно какие-то промасленные бинты от мумии совали под нос...

— Ну, что молчим?

Хотелось сказать Инне Андреевне, что она просила ответить хоть на один вопрос, а он, Олег, ответил уже на два. Но это наверняка разозлит преподашу ещё сильнее. И Олег молчал, глядя в пол, как провинившийся подросток.

Провинившийся, но не сдающийся — сюда он поступал не затем, чтобы снова погружаться в истлевшую древность.

— Почему у этого фараона два имени? — голос Инны Андреевны вновь металлически заскрежетал.

“Так прогонит или впадает “незачёт”?” — вяло гадал Олег, не пытаясь выдвигать версии по поводу двух имён. А знать он, конечно, не знал. Да и не хотел.

Это была пятая пересдача, на дворе — начало апреля. Скоро летняя сессия, а у него с зимней хвост.

— Судя по журналу, вы, — преподаша глянула в зачётку и хлестнула Олега именем-отчеством, — Олег Валентинович, присутствовали на лекции, где я рассказывала о том, почему этот фараон из Восемнадцатой династии был сначала Аменхотепом Четвёртым, а потом стал Эхнатоном. Неужели ничегошеньки в памяти не отложилось?

Лекции Олег старался не прогуливать, но слушать получалось редко. Мозг попросту не хотел включаться. Как клапаны там какие-то возникали, перекрывали...

— Вот вас здесь на писателей учат, — со злой насмешкой заговорила Инна Андреевна; сама она был почасовой, из МГУ. — Но как можно вам, будущим, так сказать, писателям, проходить мимо таких сюжетов? Даже не то чтобы проходить, а попросту не знать. А?

Она замолчала, видимо, ожидая, что Олег спросит: “Каких сюжетов?” Олег молчал. Преподаша покачала в руках зачётку — казалось, вот-вот шагнет к столу, возьмёт ручку и черкнёт в нужной графе короткое “незач”. Но не шагнула — любовь к своему предмету в этот момент оказалась сильнее злости на плохого студента. Она стала рассказывать сюжет:

— Это, естественно, крайне схематично и упрощённо — лишь суть... Итак, примерно три тысячи триста восемьдесят лет назад, при фараоне Аменхотепе Третьем, Египет находится на пике могущества и богатства. С окружающими государствами поддерживаются мирные отношения, боевых действий практически нет. Кровь не льётся. Мудрая внешняя политика: среди жён

Аменхотепа Третьего — сёстры и дочери вавилонских и митанийских царей. Строятся грандиозные храмы, процветает торговля, народ благоденствует... Были, конечно, и восстания, и внешние угрозы, но для того времени его царствование стало удивительно спокойным... Аменхотеп Третий правил тридцать восемь лет. Ещё при жизни он был обожествлён, причём обожествлял себя сам, упорно называл видимым Солнцем... Кстати, каких египетских богов вы знаете?

Олег сумел вспомнить сейчас одного:

— Омон Ра.

— Во-первых, не Омон, а Амон... И что это за бог — Амон?

— Солнца?

— В итоге, да... когда добавилось “Ра”... Но это позже... Сейчас не об этом... Во времена Аменхотепа Третьего и до него Амон был богом небесного пространства, воздуха. И в эпоху Восьмой династии стал главным государственным богом. Пик поклонения ему приходится как раз на время правления Аменхотепа Третьего.

В висках у Олега закололо. Хотелось потереть их пальцами, но он боялся шевелиться.

— А после пика, как известно, происходит спад. И этот спад в отношении к Амону оказался настолько резким, что только диву даёшься... Ведь мы привыкли мерить древнюю историю столетиями, нам кажется, время тогда текло медленно, процессы происходили постепенно. А тут — события трёхтысячелетней давности — мы можем проследить чуть ли не помесечно... Ну, или если не проследить, то представить. Вы ведь, — увлечённость в голосе преподши сменилась иронией, — потенциальные художники слова тут собраны. Так что представляйте, домысливайте, живописуйте. А вам лишь бы... Ну, ладно, — остановила она себя. — Итак, умирает Аменхотеп Третий и фараоном становится его сын Аменхотеп Четвёртый.

Олег всё же не выдержал и потёр виски.

— Слушайте, слушайте, знания лишними не бывают... На первых порах Аменхотеп Четвёртый поклоняется, как и его предшественники, в первую очередь, Амону... Кстати, у египтян был монотеизм или политеизм?

“Моно — один, — мелькнуло в голове Олега. — у египтян не один, сто-пудово... Осирис ещё, эта, Иштар, вроде...”

— Политеизм, — сказал он твёрдо.

— Хорошо. Хоть так... И вот Аменхотеп Четвёртый берёт и на второй год своего правления приказывает возвести в столице храм Атону, богу солнечного диска, не уступающий в размерах и пышности храму Амона. Лет через десять поклонение всем другим богам, кроме Атона, было вовсе запрещено. По сути, религия Египта стала монотеистической. Аменхотеп Четвёртый меняет имя на Эхнатон, меняют имена и все его родственники... Ещё в начале царствования он решает основать новую столицу. На голом месте, с нуля... А какой город был тогда столицей Египта?

Олег молчал.

— Мемфис или Фивы?

— Фивы?

Инна Андреевна обрадовалась:

— Верно!.. Так вот, началось строительство новой столицы — Ахет-Атона, что значит “Горизонт Атона”. Город просуществовал чуть больше пятнадцати лет, и после смерти Аменхотепа Четвёртого сначала был покинут правящей династией, потом остальными жителями, а потом разрушен как еретический центр. Его укрыли пески... Ахет-Атон обнаружили только в восьмидесятых годах девятнадцатого столетия. Представляешь! Раскопки потрясли учёных. Это был совершенно необычный для древнего Египта тип города... Ладно. — Преподша словно проснулась и тяжело вздохнула. — В общем, история интересная и в высшей степени драматичная. И ничего про неё не знать и не хотеть знать... Там ведь и Нефертити участвовала, и Тутанхамон... Вот египтологи долго сомневались, что был такой фараон — Тутанхамон. До самого открытия Картером его гробницы... О ней, кстати, тоже своя история, свой сюжет... А почему не признавали? Потому что знали,

что был такой фараон Тутанхатон, и потом он исчез. И появился Тутанхамон. А оказалось, что он вернул себе прежнее имя — в честь Амона. Ясно? — Ясно, — с готовностью кивнул Олег.

— Да ничего вам не ясно. И я так рассказываю — второпях, с одного на другое... Взять хотя бы Тейю, мать Аменхотепа Четвёртого. Это такая фигура! С неё, по сути, и началось, она мужа подбила. Он с её подачи постепенно Атона вводил, а сын уж развернулся... Можно параллель с Алексеем Михайловичем провести и Петром. Отец действовал эволюционно, а сын революционно. Так ведь?

— Да, точно! — Олег всячески старался выказать интерес и согласие, хотя голова раскалывалась, тошнило от странных имён, за которыми маячили ислевшие мумии.

И сама Инна Андреевна напоминала что-то из древности: платье в виде балахона, сухое морщинистое лицо, распущенные по плечам волнистые волосы...

— По всему огромному Египту от Нубии до низовий Нила люди соскабливают лики богов, оставляя лишь Атона, сопротивляющихся казнят, тела сжигают. А для египтянина уничтожение тела — самое страшное наказание, это значит, что он исчезает навсегда. Навечно!.. А потом Аменхотеп-Эхнатон умирает, и его наследник Тутанхамон, ещё мальчик совсем, возвращает народу его пантеон богов. Вернее, в разных районах были разные боги... Снова мешанина, многобожие... Эхнатона вынимают из усыпальницы, саркофаг крошат в мелкие осколки... Есть версия, что останки перенесли в Долину царей, где традиционно хоронили фараонов и их родных, а может, и сожгли, как еретика... Три тысячи лет назад, а какие страсти кипели!..

Инна Андреевна замолчала, ещё раз вздохнула, тяжело и протяжно, села за стол, взяла ручку... Олег сжался от страха.

— Конечно, про Эхнатона и все эти дела писали. И Мережковский касался темы, и Томас Манн слегка, и даже Агата Кристи. А современные... Да и куда вам до таких сюжетов. — Черкнула что-то в зачётке и протянула её Олегу. — До свидания.

— До свидания. — Олег не знал, благодарить или послать: “незач” наверняка равносильно отчислению.

Вышел в коридор, глянул, увидел “зачёт”. Дёрнулся, вскинул руки, сбрасывая с себя Аменхотепов, Эхнатов и всё прочее, чуть было не заорал от радости. Голова моментально перестала болеть. Ноги понесли прочь из института.

Возле крыльца ждали Кирилл, Вася и Ванёк, однокурсники.

— Ну, как, сдал?

— Сда-ал.

— Офигеть! — Вася, осиливший зачёт по Древнему миру неделей раньше, потер руки. — Погнали бухать.

— В ЦДЛ, — добавил Кирилл. — Наведём порядок в графоманском логове.

Они частенько после лекций сидели в Центральном доме литераторов, в нижнем буфете, где водка и закуска были более-менее по карману. Смотрели на пожилых и не добившихся славы писателей, или переживших славу, и посмеивались над ними. Иногда громко и откровенно... На первом курсе Литературного института каждый уверен, что самый талантливый, и очень скоро это признают все, пойдут публикации, книги, признание. Пусть не весь мир, но страна будет следить за каждым твоим движением...

Почти два месяца, вернувшись после каникул, Олег мучился из-за несданных экзаменов и зачётов. Учить не получалось, и он пил. С однокурсниками, ребятами с других курсов, живших в общежитии, а то и один. Сидишь, сидишь, глядя на учебники и тетради, а потом встаёшь и идёшь в магазин... Теперь же, когда гора свалилась с плеч, — завтра он гордо войдёт в деканат и бросит перед Светланой Викторовной, завучем учебной части, зачётку. Она наверняка скажет: “Надоело преподавателей мучить? Отчисляешься?” А он ответит: “Всё сдано”. И ухмыльнётся криво на её изумление.

Да, гора свалилась с плеч, и очень захотелось писать. Внутри давно бродили, булькали, как скисающая жижа, сюжеты рассказиков. Ими он наполнился ещё в феврале, когда ездил домой, в сибирский райцентр, и вот до сих пор не мог перекачать из себя в компьютер, перевести услышанное и увиденное в слова. Поэтому идти бухать отказался. Тянуло реально, прямо физически тянуло в комнату, за стол...

— Ну, а на хрена ж мы тебя ждали два часа! — разозлился Вася, поэт из Тамбовской области.

— Я не просил меня ждать...

— А, — отмахнулся прозаик из Самары Кирилл, — не хочет — нам больше достанется. Баблосов-то не беспредельно.

А Ванёк, переводчик из Москвы, заметил:

— Это неправильно — сданный зачёт не обмыть. Не к добру.

— Завтра обмоем, чуваки.

Они демонстративно его не слышали. Пошагали по Большой Бронной в сторону ЦДЛ. Заготовали.

А Олег минут через сорок оказался в общежитии. Его соседом по комнате был Кирилл, который наверняка сейчас вливал в себя стопку за стопкой, так что до вечера никто не помешает работать.

Разогрел на сковороде гречку, а когда она накалилась и защёлкала, вбил два яйца. Перемешал. Дешёвая и сытная еда... После обеда достал из-под матраса спрятанный ноутбук, включил. Уселся.

С какого сюжета начать? Вот с этого, простенького вроде, но душевного. Друг детства рассказал — здоровенный парнишка стал, вахтовик. Курили у подъезда, он вдруг стал плачущим голосом говорить. Теперь, спустя два месяца, Олег записывал его слова:

— Ну, у нас пересадка была в “Тайге”... станция такая... Обычно самолётом, а тут на поезде отправили. И в “Тайге” этой пять часов надо сидеть ждать поезда. Вообще, блин... Куда пойти — дождь, а на вокзале — ни вздохнуть, ни пёрнуть... Ну, сели мы с братаном в зале, где кассы, сожрали курицу, она уже завоняла, влили по бутылке пива, ну, и покемарить решили. Я плеер включил, чтоб под “Металлику” дрема пришла... Ну да, до сих пор “Металлику” слушаю — грамотный музон делали... Слушаю, слушаю, и тут братан стал меня пихать в рёбра прям. “Чо?” — говорю. “Вон, гля, на тебя кассирша вылушилась, придурок. — Где, блин? — Вон, из третьей”. Я — гля, вточник, такая, кассирша вообще, такая, смотрит. “Ну, и пусть”, — говорю и снова “Металлику” слушаю, ставни прикрыл, время тороплю. А домой охота, надоели эти поездки, вонь, хренотень. Приехать, врубить “Металлику” на всю катушку, отъехать... Ну, слушаю, кемарить пытаюсь. Когда ставни устают закрытыми быть, открываю, и сразу попадаю на эту из третьей. А она смотрит так устало и ласково как-то, не отрываясь. “Ну, — думаю, — эт из-за ночи. День не спала, теперь, такая, мается”. Братан толкает опять. “Чо, блин? — Иди, — говорит, — побазарь с ней. Гля, как глядит”. А мы напротив касс торчим, тут — пустое пространство, слева — сиденья людьми забиты, справа — расписание поездов. До касс — шагов десять... “Да ну, — говорю. — Чо я ей? — Иди, придурок, потом расскажешь”. “А чо, — думаю, — надо встать, размяться”. Встал, пошёл к расписанию. Ну, посмотрел прибытие-отбытие, надоело, пошёл к кассе, где эта сидит. Иду, смотрю на неё, а она улыбунулась и ткнула в свои бумажки... Встал вот так вот сбоку и смотрю на неё через стекло. Волосы такие густые, жёлтые... ну, крашенные, белая рубашка или как там... Подняла на секунду лицо — вообще! Я, такой, прибалдел. Глаза у неё — тёмные, яркие такие, большие, брови — вот так вот, носик, ротик с губами пухлыми, подбородок кругленький, аж сразу целовать захотелось. Главное — кожа... Как теплом обдало каким-то. Приятно стало так вообще... Ну, я стою, смотрю. Подошёл дед какой-то, билет стал покупать. Я смотрю, она там печатает, с дедом разговаривает. Голос-то не слышу, но чувствую — без нервоза. А в ушах у меня “Металлика” лирику заиграла. Вообще!.. Потом смотрю — у неё эта бирочка приколата к рубашке этой, и на бирочке или как там, короче, фамилия её — “Похлёбина Л. А.” Я чутка не заржал. Может, фамилия

и сыграла роль... Ну, дед купил билет, смылся, она на меня глянула и снова в бумажки. А стою, “Металлику” слушаю. Побазарить бы, то да сё, все дела. Но это обломало меня — “Похлёбина”. Тёлка Похлёбина в кассе “Тайги”... Пошёл к братану, короче. Он щемит, такой, на сумках, я его разбудил, достал пива, стал пить. Братан мне: “Ну, чо? — Ничо”. Настроенье упало, домой охота, устал вообще... Ну, а потом уже скоро и на посадку нас пригласили. Посадка с третьей платформы — это через мост над шпалами. Бли-ин!.. Нашли вагон, в общем, затащили сумки, вышли обратно покурить. Дождя нет, ночь, тепляк, пахнет дымом дорожным. Я без плеейера — надоело, башка чугунная — дышу, облегчение чувствую, что через сутки дома, кончатся наши мытарства. И тут вдруг — она. Прикинь! Она бежит по перрону. Ну, как в фильме вообще... Волосы так в одну сторону, в другую... Увидела, остановилась, потом подошла шага на три. Мы с братаном на неё — во все шары, охренившие, а она — на меня. Смотрит, смотрит. И тут громкоговоритель, прямо по мозгам: поезд отправляется. А она стоит, золотоволосая такая, в форменной одежде своей, шея из воротника длинная, гладкая... Ну, блин, вилы, короче... И поезд пошёл. Братан уже в вагоне, орёт мне: “Давай, придурок!” А она говорит: “Счастливого пути”, — поворачивается и убегает. И вот я не пойму, что ж это было такое... “Тайга” эта, станция зачуханная, ночь, я небритый, она... Ну, глянула, а вот прибежать к поезду... Как там поют? “Только раз бывает в жизни встреча...” Может, вточник — встреча та самая? Сначала прикальвался вместе с братаном, стебался, а теперь каждый день вспоминаю. Схватить бы её тогда и увезти. Или самому остаться. Махнуть братану и остаться. Но ведь, блин, так не бывает. Эт только в кино... Или и в жизни бывает? Один раз хотя бы... Ведь это была — она. И я для неё был — он. Но ведь как, на вокзале, блин, среди ночи...

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

СВЕТИТ РОДИНА В ДУШУ МОЮ...

СВЕТ РОДИНЫ

Полный света, сияния, блеска —
Лучезарный весенний восход
Всё мне видится над перелеском,
Упивавшимся в наш огород.

Не бывает чудесней видений...
Столько лет пролетело и зим,
Но мне памятен свет тот весенний,
Всё люблюсь я мысленно им.

Его отблеском дальним согретый,
Ныне исподволь осознаю:
Это ясным и радостным светом
Светит родина в душу мою.

И до вечного пусть до покоя
Озаряет мне думы и сны,
Ибо в жизни не знал ничего я
Ярче той лучезарной весны.

ЩЕРБАКОВ Александр Илларионович родился в 1939 году в селе Таскино Красноярского края. По образованию учитель словесности, журналист. Автор многих книг поэзии, прозы, публицистики. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат ряда премий. Неоднократно публиковался в журнале "Наш современник". Живёт в Красноярске.

КИНОКАРТИНА ПРО ВОЙНУ

— Куда ты?
— В клуб! —
Бросаю книжки
И — напрямик через заплот.
Какие книжки, если кинщик
Кино военное даёт!
Я знаю, мать вослед грозит мне,
Припав к промёрзшему окну.
Я искупить готов вино,
Но зрелище неотразимо —
Кинокартина про войну.
Шуршит проектор ветром в соснах,
Люд, замороженный лучом,
Сплочён, как семечки в подсолнухе, —
За рядом ряд, к плечу плечо.
Сидит шалестый и тулупный,
Мозольный, шрамистый народ,
А за окном в тиши подлунной
С сухой пронзительностью лупит
Движка дрожащий пулемёт.
Сквозь чернолесье частых взрывов
Бегут бойцы по полотну.
Нет, зрелище неотразимо —
Кинокартина про войну.
Неотразимы “уралЗИСы”,
Ревущих танков грозный строй,
Но главное — неотразимый
Солдат в пилоточке простой.
Он мнёт врага, он бьёт прикладом,
Он грудью падает на дот.
Клуб сотрясая: “Бей их, гадов!” —
Кричит взволнованный народ.
А если вдруг на гребне боя
Волной смахнёт солдата взрыв,
Весь зал сжимается обоймой,
Прошитый яростью и болью,
И плачут женщины навзрыд...
Я не был там с отцом и дедом,
Где шли жестокие бои,
Но как страдал я за Победу!
Я и товарищи мои.

СЛАВА БОГУ ЗА ВСЁ

Слава Богу за всё. За даренье
Многолетия мне на земле,
За горенье души, за прозренье
Правды в мире, лежащем во зле.

За моё, слава Богу, явленье
В деревенской лесной стороне,
За причастность к тому поколению,
Что крестилось в священной войне.

С ним я рос, Вышней помощью живой,
Не в довольстве, но и не в нужде.
Ради хлеба насущного жилы
С ним тянул в неустанном труде.

Полюбил его красные стяги,
Серп и молот его полюбил
И, подобно ему, работягой
Сам на свете на этом пробыл.

Не дельцов, а жнецов и поэтов
Чтить учил меня тот "гегемон"...
Слава Богу за всё, но за это —
Самый низкий сыновний поклон.

Дорогой Александр!

*Поздравляем тебя, известного поэта и прозаика, родившегося и живущего всю жизнь на родной сибирской красноярской земле, с юбилеем!
Твои стихи и проза всегда дышали любовью не только к родной старобрядческой таёжной деревне, но и ко всей необъятной родине России.*

Редакция журнала

СЕРГЕЙ ГУЛЯЕВ

ДЕТИ КУШКИ

РАССКАЗ

Всю дорогу от госграницы СССР до Шинданда — небольшого афганского городка, где среди прочих войск стоял и наш 126-й отдельный автомобильный батальон, — в кабине головной командирской машины скулил, лёжа на полу в ногах у ротного, кутёнок. Двухдневный пятисоткилометровый маршбросок по горам и пустыне в пик жары афганского лета для месячного щенка, лишь вчера оторванного от мамки, был едва ли посильной задачей, но старлей Дулов уж очень не хотел оставлять до следующего рейса подарок друзей-пограничников и решил-таки везти его к себе в батальон, чёрт-те куда, через пол-Афганистана.

— Не, ну, сам посуди, в следующий раз приедешь, скажут, что отдали уже кому! Да и когда ещё в Союз-то вырвешься, неизвестно! — вроде как оправдывался Дулов перед водителем своей командирской машины. — Ничего, сейчас приедем, отлежится, отъестся и повеселеет!

— Угу! — угрюмо соглашался Сергей Олефилов, которому за эти два дня уж раз десять приходилось мыть заблёванные щенком резиновые коврики. Кутёнок поначалу жадно лакал разбавленную водой сгущёнку и тёплую жижу из банки подогретой тушёнки, но через несколько километров пути всё это у него выворачивало наружу.

ГУЛЯЕВ Сергей Владимирович родился в 1962 году. Закончил факультет военной журналистики Львовского ВВПУ. Служил в Афганистане (1983–1985) в 58-й автомобильной бригаде (Тёплый Стан, Кабул). Участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Подполковник запаса. В 2000–2002 годах — корреспондент ИТАР-ТАСС в Чечне. За участие в контртеррористической операции награждён медалями “За воинскую доблесть”, “За укрепление боевого содружества”, “За спасение погибавших”, имеет награды СССР. Действительный Государственный советник Санкт-Петербурга 2-го класса. Автор нескольких книг. Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

Колонна тормозила, щенку давали передышку, он ползал в тени, под кузовом, между колёс “КамАЗа”, Олефилов споласкивал коврики, ротный курил, приглядывая за неуклюжим, на толстых лапах щенком, который принохивался к раскалённой резине скатов, терпкому запаху солёнки, отворачивался от нагугалиненных берцов Дулова, от запаха которых его, похоже, тошнило, как и от всего кабинного амбре, в котором везли несчастную собачонку на войну.

Кроме всех прочих радостей, которые дарит общение с братьями нашими меньшими, Дулов преследовал и сугубо меркантильную, практическую цель. Хорошо бы, мечтал он, натаскать собаку на обнаружение взрывчатки, можно было бы брать её с собой в рейсы: не понравилось чего в дороге — пустить вперёд псину, поискать, не прикопали ли чего друзья-душманы. Для ротного, которому по должности полагалось находиться в головной машине, это представлялось совсем не лишним делом. Когда случалось объезжать завалы на дорогах или взорванные мосты — рядом по сухим руслам рек, по колею в щебёнке, — что скрывать, посасывало под ложечкой, и ему, вроде как атеисту, сразу же и о Боге вспоминалось... Пока что Бог миловал!

Опять же — привалы на ночлег: как правило, колонну приходится тормозить в одних и тех же местах, у ручьёв или на удобных возвышенностях, под прикрытием скал, сокращая возможности внезапного нападения. Все эти биваки были давно под присмотром “духов”, и каждый раз, тормозя колонну на привал, Дулов словно въезжал на минное поле, ожидая под колёсами фугас. Сапёров им в прикрытии не давали, всё своими силами. Выйдет командир, потопчется на площадке, на глазок прикинет, нет ли чего подозрительного, и махнёт рукой — заезжай! Разминирование методом выгнатьвания! Потеряя, в общем. То ли дело с собакой, да ещё от рабочих родителей — пограничных немецких овчарок!

За щенка Дулов щедро накрыл погранцам поляну — выкатил ящик шампанского, подюжины водки, несколько коробок тушёнки, фруктов и прочей снеди из ротных запасов и с местного, кушкинского рынка. За дружным застольем окрестили щенка. Мамаша была Клеопатрой, потому сучке тоже полагалось имя на “К”. Щенок весь вечер просидел на коленях, Клёпа беспокойно следила за ним, периодически выползала из своего гнезда в угол палатки, подходила, тыкалась в руки Дулову, облизывала дочку, словно понимая, что скоро расстанется с ней. Перебрав и забраковав все женские имена — и русские, и нерусские, — перешли к названиям рек, городов. И тут Дулова осенило: да чего тут думать — Кушка! По месту рождения. Так и крестили, выпив за Кушку по полстакана водки.

К вечеру второго дня рейса Кушка изнемогла и уже даже скулить перестала, лежала на коленях Дулова с полузакрытыми глазами.

— Помрёт собачина до Шинданда, — скептически заметил Олефилов, — умаялась вусмерть. Ей бы к мамке под тёплый бок, молочка, да поспать!

Дулов молчал. У него тоже не было уверенности на этот счёт. Сердце его сжималось от жалости, он уже не обращал внимания на заспнявленную панаму, в которой свернулся кутёнок, и сожалел, что так рано оторвал щенка от мамки. Кушка уже ничего не ела, не пила, зной за бортом — под пятьдесят градусов, а в кабине, даже при всех открытых стёклах и форточках, — ничуть не меньше. Время от времени ротный поливал осторожно из фляги лохматый комок, щенок едва вскидывал голову, словно благодарил хозяина, и вновь утыкался сухим носом в лапы. Зрелище было настолько щемящее, что сердце старлея разрывалось от жалости и сострадания, хотя, казалось, за этот год войны в нём не осталось места ни чувствам, ни сантиментам.

Однако кутёнок оказался крепким и всё-таки, мужественно перенеся все тяготы и лишения первого своего афганского рейса, благополучно прибыл на место постоянной дислокации — в полевой лагерь автобата, расположившийся на равнинной окраине Шинданда. Дня два он не вылезал из-под кровати Дулова, отсыпался, вяло хлебал из миски разведённую гуашёнку, временами поскуливал, а потом неожиданно пришёл в себя, высочил боком, хвост пистолетом, протыкал что-то и ухватился зубами за сушившийся носок, который Дулов приткнул одним концом под матрас своей железной солдатской койки. Носок выстрелил в морду, Кушка, не выпуская его из пасти, уселась

на него и завязала отчаянную борьбу, пытаясь резкими рывками выдернуть его из-под себя.

— Оклемалась девочка! — радостно сполз к ней на пол Дулов, потянул из пасти носок, дразня и играясь с Кушкой. Кутёнку понравилась эта борьба: грозно рыча и отчаянно дрыгая всем телом, она билась за свою добычу!

— Ну, всё! Прячь теперь тапочки, обувь, носки — всё ведь погрызёт, — констатировал сосед по комнате, взводный лейтенант Маньшин, с интересом наблюдавший со своей койки за рогатым и щенком.

— Да, жалко тебе барахла казённого?! Спишем на “боевые”, получишь взамен новое, — примирительно махнул рукой Дулов.

Кушка вскоре стала любимицей всего офицерского модуля, подросла и свободно бегала из комнаты в комнату, благо двери, как и окна, из-за жары все держали открытыми. Она подъедала остатки пайка, баловалась сгущёнкой, съедала за раз по полбанки тушёнки и, как ни боролся Дулов с этим безобразием, через пару месяцев выросла в толстый, круглый и пушистый шар, стала псиной на крепких мягких лапах и с таким проникновенным взглядом хитрящей морды с торчащими, как локаторы, ушами, что редко кто мог остановить себя и не сунуть ей в пасть какое-нибудь лакомство!

— Братцы, нельзя собаке сладкого, погубите псину, — взывал к совесть сослуживцев Дулов. Но всё бесполезно: каждый считал, что одна печенка или конфета собаке не повредит, и тайком совал ей вкусняшки.

И ещё всем нравилось имя щенка — Кушка! Офицеры шиндандского автобата очень уж любили этот пыльный страшненький городок на самой южной окраине Советского Союза, редкая удача была вырваться из Афгана через границу в Кушку, на погрузку. Это громко называлось — выехать в Союз! Можно было забехать на телеграф и запросто позвонить родным, отправить домой посылку, телеграмму. Можно сходить в местный ресторанчик “Северный полюс” и выпить холодного шампанского или местного пусть и невкусного, но пива (!), побродить не спеша кривыми улочками среднеазиатского городка, забраться к кушкинскому Кресту, осмотреть окрестные сопки. А на обратном пути в Афган запастись привычной российской снедью и главное — спиртным. И хоть нормы провоза водки таможенники ограничивали двумя бутылками, редко когда везли меньше двух ящиков, растолкав по всем нычкам в колонне стратегический запас, которого с нетерпением ожидали оставшиеся в Шинданде. Так Кушка, помимо прочего, стала ещё и таким приятным напоминанием о Родине!

— Кушка, водка есть? — по привычке обращались офицеры к собачине. Та лишь в ответ строила глазки, смешно вертя хитрой мордой, да шевелила локаторами ушей: “Мол, о чём это вы, ребята?”

Первый рейс начисто отбил у Кушки всю страсть к путешествиям и охоту к перемене мест. Она бежала от машин, как ужаленная, и просто заходила в визге, когда Дулов пытался втащить её в кабину. Зато в батальоне она стала любимым ребёнком и быстро сообразила, что самое место для собаки — поближе к кухне и подальше от всей этой войны, колонн, оружия, машин.

Дочь породистых “немецких” родителей, росла она нескладухой, угловатым и неуклюжим щенком, до ненормального прожорливым и столь же игривым. Из комнаты Дулова, который не вылезал из рейсов, её переселили в тупичок в коридоре офицерской общаги, скототив из патронных ящиков просторную будку.

Одно время Дулов ещё питал надежду всё же воспитать псину и обучить её доброму минёрному делу. Съездил даже в соседнюю дивизию в сапёрный батальон, показал Кушку местным кинологам. Собаку признали почти загубленной, но предложили оставить для тренировок и обучения, а ещё лучше — подарить. Дулов помялся и не решился оставлять любимицу. Кое-что расспросив, записав, решил сам попробовать натаскать её на поиск взрывчатки, но вскоре понял, что служба его и весь окружающий военный быт совершенно исключают эту возможность.

Тут у каждого под кроватью, как правило, припасён небольшой арсенал — гранаты, патроны, автомат или пистолет. Всё это постоянно таскали

и на себе — запах оружия, пороха, тротила, казалось, пропитал весь воздух казармы. А собаку нужно изолировать от всего этого, держать в специальном помещении, приучать отделять запах взрывчатки от тысячи других, чтобы в нужный момент она отработала свою задачу.

Да ещё и удержать Кушку на диете в обществе столькоких искусителей было делом совершенно безнадежным, и он оставил эту бесперспективную мечту, объявив всем, что такие собаки в тылу нужнее!

А Кушка тем временем быстро сообразила своим собачьим чутьём, что лучше всего ей держаться поближе к начпроду батальона лейтенанту Вадиму Богатову, к слову, большому любителю собак. Тем более что хозяин её, старлей Дулов, почти не жил в казарме, не вылезал по обыкновению из рейсов — неделю в Торагунди и обратно. День на отдых в Шинданде, и ещё на две недели в Кандагар — на разгрузку! Спустя полгода прикухонной привольной жизни дружба с начпродом сказала на Кушке. Стала она крепкой, не по возрасту статной псиной с роскошной, просто лоснящейся шерстью.

А крестный Кушки, старший лейтенант Валерий Дулов, ушёл однажды в очередной свой рейс и больше в батальон не вернулся... Он, конечно, страшился и пули, и шального осколка, но случилось то, о чём ему больше всего не хотелось думать. В пустыне под Кандагаром его головная командирская машина, объезжая по обочине разрушенных фугасами участок трассы, наскочила на мину, взметнулась в пламени и дыму и осела, вздыбилась на оторванном заднем мосту. Когда подоспела помощь, солярка из пробитых баков занялась неспешным чадливым пламенем, но никто и не думал тушить огонь, а по-быстрому вытаскивали из покорёженной кабины Дулова и Олефирова.

Оба были живы, в сознании, но серьёзно контужены и посечены осколками. Лежали на грязных матрасах в тени ивового куста в сухом арыке, истекая кровью, а ротный санитарструктор Миша Алимов и замполит Игорь Несын рвали на них ключья окровавленной выцветшей “афганки”, перехватывали жгутами выше ран, кололи шприц-тюбики промедола в живот, в плечо, в живое тело. До Кандагара было ещё верст пятьдесят, потом ещё через город надо было прорваться, и ни одной колонне ещё не удавалось в последнее время преодолеть старый огромный полуразрушенный город без обстрела, и только там, на юго-восточной окраине мегаполиса, был наш госпиталь в составе немалой группировки войск. Долбаная связь даже здесь, на равнинной пустынной местности, не добывала до Кандагарской базы, но не напрасно всё же рвал глотку Валерка Побединский — ротный связист! Ответили с элеватора, с нашего блокпоста на въезде в Кандагар. Микрофон выхватил Несын и запросил вертушку, сообщил примерные координаты, попросил поскорей, пока “трёхсотые” ...не стали “двухсотыми”.

Олефинов сквозь зубы матерился и стонал, Дулов мотал головой и твердил одно лишь слово: “Почему, почему, почему?” Вопрос был риторическим, не требующим ответа. И так всё ясно... Потому что — война! И на каждом квадратном метре этой некогда благословенной, а ныне проклятой и несчастной земли мог оказаться фугас, мина, засада, из-за любого куста или дувала могла просвистеть пуля или осколок, не выбирая особо свою жертву.

Вскоре прилетела “вертушка”, покружила над колонной и, откликнувшись на рыжий дым сигнального огня, приземлилась на ровный, не тронутый пока фугасами участок бетонки впереди колонны. Это был не сантранспорт, а обыкновенная “восьмёрка” — трудяга МИ-8, с пулемётом в открытой двери, в полной боевой оснастке, увешанный НУРСами и ракетами — завернули её, очевидно, прямо с боевого выхода сюда, на подмогу. Носилок на борту не было. Раненных загрузили в вертолёт прямо, как лежали, на почерневших от запёкшейся на жару крови матрасах. Пожелали держаться. И до встречи! Самим ещё до Кандагарской базы было, как минимум, полдня марша, если больше ничего не случится.

Больше ни Дулов, ни Олефинов в батальон не вернулись. В Кандагаре им сделали первичные операции, понавывергивали осколки, до которых смогли достать, зашили, залатали, заштопали, загипсовали и дальше — привычным трёхсотым маршрутом: сначала ташкентский военный госпиталь,

потом — кого куда. В Москву — в госпиталь Бурденко, в Ленинград — в полевую хирургию Военно-медицинской академии...

Жизнь Кушки при начпроде Богатове удалась! По собачьим меркам, была она безмятежно-беззаботной и сладкой! Но, по общему признанию, псиной она стала никудышной — обленилась, раскабанела сверх меры и едва не растеряла свой природный благородный экстерьер. Она целыми днями отиралась в кустах на травке в тени общаги или лежала в своём закутке, на сквознячке, и почти не выходила из офицерской общаги. “Скучает по Валерке Дулову!” — поставили ей диагноз офицеры. Она и впрямь ещё долгое время шастала в комнату ротного, когда там бывало открыто, приноживалась, словно искала что-то, но, похоже, все его запахи вместе с вещами Дулова “уехали” в Союз. Койку его занял новый ротный — Николай Обдирко. Лейтенант подружился с собакой, но ритм и его жизни был, как у Валерки Дулова, его предшественника, — рейсы, рейсы, рейсы...

Так что по-прежнему главным зрителем, хозяином и благодетелем Кушка почитала Вадима Богатова, сопровождала его тенью до склада и на общее построение батальона, встречала из столовой.

Впрочем, совершенно безмятежная жизнь собаки вскоре дала трещину. В батальон пришёл новый комбат, подполковник Воронин, и сразу невзлюбил Кушку. Напуганный рассказами о жутких афганских болезнях — тифах, гепатитах, — был он до того щепетилен в вопросах личной гигиены, что даже старался ни с кем лишний раз не здороваться за руку. А уж собаку в офицерском общежитии он просто решительно не потерпел, и “переносчица инфекции” с его приходом была переселена на улицу.

Будку поставили на северной стороне казармы, в тенёчке, но никто не видел, чтобы Кушка там ночевала: всё равно норовила она прорваться на своё законное место в офицерском модуле или, в крайнем случае, спала на крыльце под небольшим навесом.

Поставив крест на Кушке, офицеры строили планы относительно её будущего потомства. Подшефным офицерам батальона афганской народной армии и их коллегам из царандоя — местной милиции, — которые частенько заглядывали в наш автобат, собака очень нравилась, и они уже не раз спрашивали, когда суку будут вязать и почём будут продавать щенков. Суммы за будущий приплод предлагали весьма приличные, породистых собак могли себе позволить немногие местные ребята. Это, наверное, и подтолкнуло Богатова съездить к соседям-сапёрам и на всякий случай договориться о кобеле и о вязке.

Но у Кушки на этот счёт были свои планы, и вскоре все поняли, что с выведением породы малость опоздали. Где гуляла Кушка, с кем из местных афганских псов завела тайную дружбу, никто так и не узнал. Только забрюхатела она без усилий сапёрных псов — одной с нею породы немецких овчарок. Когда хватилась, она уже рассекала по гарнизону автомобилистов гордой походкой залетевшей дамы, с отвисшим сверх меры животом и торчащими сквозь шерсть налившимися сосцами. Больше всех расстроился Богатов, строивший планы на то, что в обмен на пару щенков спроворит себе “Шарп-777” — модный двухкассетный стереокомбайн!

— Кушка, мать твоя — сука! Что ж ты не потерпела немного, я тебе такого красавца в женихи выписал! Хоть на аборт тебя отправляй, — незлобиво выговаривал ей начпрод. А та смотрела на него наивно-невинным взглядом, повиливала хвостом, как бы оправдываясь: “Ну, прости, хозяин, ну, так получилось. Любовь, ну, и это... природа берёт своё!”

Перед тем как оценить, Кушка и вовсе исчезла, и недели три её никто не видел и не мог найти. Подумали, что убежала вместе с приبلудными афганскими псами, что вечно крутились по периметру автобата, на свалке, за автопарком. Конечно, жаль было собаку — она уже практически стала частью обычного гарнизонного пейзажа — на привычном месте на травке у офицерского модуля, на батальонном утреннем разводе, на левом фланге, у выхода из офицерской столовой три раза в день, как по расписанию...

Все в батальоне, кроме Богатова, уже как-то смирились, свыклись с потерей. Вадима, как могли, успокаивали, мол, вернётся, кто ж с такого пайка

по своей воле соскочит!?! Он и сам это понимал, но боялся, что псину могли выкрасть местные дуканчики-торговцы и перепродать куда-нибудь в соседний кишлак или город. Ну, уж тут ему предлагали, в шутку, конечно, написать объявления и развесить по дуканам Шинданда...

Прошло немного времени, и вот однажды утром, когда весь наличествующий состав батальона выстроился на утреннее построение, откуда-то из-под щитового модуля-казармы второй роты вылезла лохматая, исхудавшая, всклокоченная и грязная Кушка в сопровождении двух щенков, торжественно прошествовала перед строем под одобрительный хохот офицеров и солдат и улеглась прямо посреди плаца в лучах утреннего летнего тёплого солнца! Щенки — один абсолютно белый и второй, как уголь чёрный, — тут же привалились к ней под бок и припали к сосцам! Начальник штаба батальона майор Ивонин подождал, пока стихнут эмоции, и стал было докладывать комбату, но тот махнул рукой, скомандовал: “Вольно”! Умильная сцена не тронула сердце комбата, он, покачав головой и не оглядываясь на собак, двинул речь — что-то насчёт распространения инфекции. В конце своего санитарно-эпидемиологического спича он, всё так же не оглядываясь на собак, но теперь уже указав большим пальцем через плечо в их сторону, приказал убрать “весь этот тиф и гепатит” из воинской части.

Ни сам Богатов и ни кто-либо из офицеров этот приказ Воронина всерьёз, естественно, не воспринял. Впрочем, и особого расположения к потомству Кушки тоже никто не выказал — были щенки бастардами, внебрачные, нежеланные. Ну, а имена, что им ещё на первых смотрах “выписал” комбат, — “Тиф” и “Гепатит” — так и вовсе приклеились к кутятам намертво! Клички эти всех веселили — чёрный Тиф был пошустрее, белый Гепатит — чуть тормознее, но весёлого нрава, тывкал на всех, невзирая на чины и звания. Они ни на шаг не отходили от Кушки, и теперь можно было наблюдать уже торжественную процессию — идут в столовую начпрод Вадик Богатов, следом — свита из Кушки и семенящих следом Тифа и Гепатита.

Но даже Богатову не под силу было содержать эту прожорливую ораву, и вскоре он снял с довольствия подросших и окрепших щенков. В батальоне Тифа и Гепатита особо не жаловали. Жили они там, где и родились, под казармой второй роты, днями бродили от автопарка до столовой в поисках, где и чем подкрепиться, с удовольствием подъедали хлебные корки и остатки рыбных консервов, не брезговали даже галетами из сухпаев.

Как-то вечером, отираясь на лужайке возле офицерской общаги, Тиф с Гепатитом остановили и облаяли комбата, который решил внезапно зайти и проведать, не пьёт ли его командный состав горькую по случаю праздника православной Пасхи. В ответ комбат разразился громоподобной бранью, и в итоге вся эта перепалка на входе в модуль спасла офицерский личный состав от лишних разборок и дисциплинарных последствий, а также водку от конфискации, что в условиях тотального дефицита “огненной воды” было не менее важным.

Щенки за бдительность наутро были премированы двумя банками тушёнки. Зато от комбата поступило предписание немедленно убрать “скотину” из батальона, пока он не дал команду перестрелять их. Отправлявшаяся на следующий день колонна Николая Обдирко прихватила щенков с собой в рейс — от греха и в надежде пристроить их где-нибудь в кандагарском гарнизоне.

Ночью на привале после первого дня марша Тиф с Гепатитом подняли такой лай, что перебудили всю колонну. Выяснилось, что к их лагерю пытался подойти солдат с ближайшего поста охранения, стрельнуть сигарет. Собак успокоили, солдаты поворочались, поругались недовольно, и только ротный Николай Обдирко что-то про себя, кажется, задумал...

Собакам в рейсе, похоже, понравилось. Ни на привалах, ни на разгрузке они никуда не убегали, держались в строю, поближе к зенитке, где им обустроили место в составе боевого расчёта под лавкой и небольшим навесом от солнца. За неимением других игрушек, были они любимцами в солдатской среде, с ними играли, дразнили, тренировали приносить палку, баловали консервами с “красной рыбой” — килькой в томате, которая всем уже настолько опротивела, что её без сожаления скармливали Тифу с Гепатитом.

Да и вообще, по сравнению с автобатовским житьём, кормили их в колонне, в рейсе, как на убой. Вечерами, когда варили горячее, парни, умаявшись за целый день на жаре за баранками, почти не ели, и тут уж остатки каши с тушёной перепали щенкам от пуза — нажрется тёпленького, животы раздуются, как футбольные мячи, и лежат в тенике под кабиной, не в силах запрыгнуть к себе, в кузов зенитки.

Обдирко оставил пеов в колонне, решил не отдавать в Кандагаре. Понравилась ему, что ночью они не подпускают никого к стоянке, кто знает, где это может выручить. У них-то в батальоне не случилось, но рассказывали, что, дескать, было дело в горах, на Хайратонском направлении, ночью “духи” воспользовались тем, что караульный уснул, и полколонны вырезали, пока там хватились, что к чему.

Да чего там! Обдирко и сам не раз ловил своих заснувших караульных ночью. И ни хрена тут не поделаешь! Намаются за день пути, ночью — хоть спички им в глаза вставляй, засыпают, прямо как лошадь, — стоя! И тут ни наказания, ни подзатыльники не помогут: за неделю в рейсе так выматывает, что хоть к стенке ставь — слят в карауле, и всё! Уже по часу разбил дежурство, и по двое человек, и всё равно, как ни проверь, один из двоих да уснёт.

Вот так месяца два Тиф с Гепатитом и колесили с авторотой Обдирко: днём — в составе зенитного расчёта, ночью — в обходе с дежурной сменной караула на стоянке. Ротный однажды похвастался перед офицерами батальона, что, как взял собак в колонну, его ни разу ещё не беспокоили “духи”. И как сглазил...

В следующем же рейсе колонна налетела на засаду на объездной вокруг Герата... Из огромного зелёного парка в районе старого отеля душманы ударили по машинам из гранатомётов и автоматов. Согласно приказу командира, на такой случай колонна должна, прибавив газу, прорываться, не останавливаясь. Зенитки — в гущу боя, прикрывают прорыв, а техзамыкание колонны эвакуирует раненых и подбитую технику. Всё было штатно, по боевому, пока зенитка не вышла на боевую позицию и не начала отрабатывать по “духам”! Грохот зенитного спаренного орудия, изрыгающего до 600 снарядов в минуту, поверг в ужас Тифа с Гепатитом, их мигом сдуло с кузова зенитки.

Позже, когда атака душманов была отбита и прибыло подкрепление с ближайшего блокпоста, когда зацепили на сценки покоцанную технику и отправили двоих легко раненных бойцов в ближайший госпиталь, кто-то вспомнил и про собак.

— Ну, и где наши герои? — осмотрелся Обдирко.

Зенитчики со смехом рассказали, как быстрее пули из ствола псы соскочили с кузова зенитной установки при первых же выстрелах ЗУ-2.

— Ну да, такого они ещё не слышали, — согласился ротный. — Первый бой, крещение боевое, простительно, чего уж там...

Когда “ЗИЛок” с зениткой завёлся, из-под колёс послышался собачий скудёж. Не без труда зенитчики вытащили забившегося под кабину Тифа, шкура его была вся серая от пыли, загривок — дыбом, глаза перепуганные, вида самого жалкого. Посвистели Гепатита, но того и след простыл... Искать пса было недосуг, надо было побыстрее сваливать из этого опасного места.

Обдирко привычно набивал патронами пустые после боя автоматные магазины, полные рожки кидал в ноги; на ближайшей остановке раздаст своим пацанам, кто не успел снарядиться за рулём. Вспоминал бой, анализировал действия замыкания, зенитчиков. Жалко было ротному двоих своих лучших водителей, которых посеколо осколками, хорошие бойцы — Тарабрин и Балашов — опытные ребята, опора командира, дембеля уже считай! Даже если всё обойдётся, в роту уже могут и не вернуться из госпиталя! Пока вытаскивали Балашова, цепляли его машину на буксир, Тарабрин своей машиной перекрыл линию огня, прикрывал их пальбой из своего автомата, пока самого не зацепило... “Представление к наградам по возвращении нужно написать!” — сделал себе зарубку Обдирко.

Проехали километров десять от места обстрела, когда ротного окликнул его водитель и кивком указал на дорогу впереди. Там трусил неспешным шагом по обочине Гепатит, как ни в чём не бывало, не глядяваясь, не обращая внимания на проезжавшие мимо афганские бурбухайки и наши “бэ-эмпэхи”. Командирский “ЗИЛок”, поравнявшись с собакой, притормозил. Обдирко окликнул пса, тот завертел хвостом и, не веря своему счастью, бросился к офицеру!

— Вот же подлец! — радостно выругался ротный. — С поля боя дезертировал!

Только что выскочившая из-под обстрела братва, воспользовавшись неожиданной остановкой, высыпала на дорогу, всё ещё возбуждённая после боя; обсуждали душманский налёт, искали новые дыры в машинах, делились впечатлениями, а завидев Гепатита, все словно встряхнулись, расслабились и рассеялись! Потому что многие видели, как пёс на рысях пульей обошёл притормозившую колонну и рванул по трассе впереди всех! Этот маневр едва не стоил Гепатиту клички. Весь оставшийся рейс к нему обращались не иначе, как Дезертир. А на стоянке в Торагундях пацаны вырезали из фанеры два кружка и в шутку повесили псам по медали. Тифу — с надписью: “За мужество”, Гепатиту — знак “Дезертир”.

Пока Кушка жила сытой и спокойной тыловой гарнизонной жизнью, обласканная вниманием начпрода и офицерского коллектива, дети Кушки не вылезали из боевых — почти всё время в колоннах: рейс на Союз, там — сутки на погрузку, обратно в Шинданд, ещё сутки на отдых и потом — на десять дней в Кандагар, на разгрузку. Тиф и Гепатит уже почти догнали мамашу ростом, но, похоже, папашина кровь полностью доминировала в их экстерьере — ничего общего с немецкой овчаркой не было, ни на шерсти клоч! От комбата насчёт них Обдирко как-то отбрехался, заявив, что псы здорово помогают ночью в охранении колонны. Воронин вроде и смирился — лишь бы их в батальоне не было. Ну, так их там почти и не было.

Вот ещё особенность была у Тифа с Гепатитом — были братья-кобели — как попугаи-неразлучники. Не отходили друг от друга ни на шаг. Что в колонне, в рейсе, что на привале, что в автопарке на передышке. Как нитка с иголкой: куда один, следом другой. Как-то в шутку Обдирко предложил оставить Гепатита в батальоне, так Тиф на ходу выпрыгнул из зенитки и рванул в автопарк, где под баней им оборудовали будку и оставили привязанным брата.

При этом то ли Андрей, то ли Мишка Пастухов (Обдирко так и не научился различать двойняшек) многозначительно заметил, что различать близнецов нельзя.

— Близнецы! — хмыкнул Обдирко. — Один — белый, другой — чёрный, два весёлых гуся!

...Рейс как-то сразу не задался. Бочку с водой, притороченную к кузову обычного “ЗИЛка”, сорвало на одном из крутых поворотов — гидроудар, высокий центр тяжести, тросы-растяжки не выдержали, и колонна осталась без водовозки и без воды. То есть, конечно, пока вытекала вода из деформированной бочки, наполнили, у кого что было из канистр и фляг. Но впереди был перегон в 500 километров по раскалённой пустыне, и на этом отрезке пути особенно кипели радиаторы, требуя свежей холодной воды или остановок для передыха. Да и для готовки пищи, и просто питья обычных штатных фляг всё же было маловато.

Следом один за другим посыпались новые сюрпризы: то двигатель стукнул, и пришлось цеплять машину на сцепку и тормозить общую скорость колонны, то одно за другим колёса меняли на нескольких машинах — не иначе чего насыпали на дороге в ожидании прохождения нашей колонны недобрые люди... Всё это очень не нравилось Николаю Обдирко, он нервничал, гнал колонну, нагоняя время, чтобы успеть до темноты добраться до Гиришка — привывной их стоянки по дороге на Кандагар, где был ручей, и можно было восполнить запас питья, да просто помыться и напиться властью студёной воды.

Но, как ни подгонял колонну Обдирко, последние десятки километров до Гиришка шли в полной темноте, только луна освещала бетонку, рассекающую

надвое пустыню. В предвкушении отдыха все уже расслабились и готовились к отбою — побыстрее растянуться на матрасе на крыше кабины, можно уже и без ужина, ну, может, ещё только в ручье искупаться! Кто-то уже переобул сапоги и рулил остаток пути в тапочках, а уж бронжилеты так все поголовно с себя снимали и вывесили привычно на водительских дверях. Темно, командир не увидит!

И тут же поплатились за неосторожность! Прямо перед стоянкой у ручья “духи” почти вплотную подобрались к дороге по “зелёнке”, обступившей с двух сторон эту почти пересохшую речку, и ударили по колонне шквалом огня! Действовали грамотно: первым делом выцелив зенитку, шмальнули по ней из гранатомёта. С тридцати метров трудно было промахнуться — экипаж зенитки накрыло! Диму Есенкова, сидевшего за зениткой, буквально порвало тысячью осколков. Досталось и Гепатиту — ему вспорол бочину и оторвало лапу, сквозь канонаду стрельбы время от времени прорывался его дикий жалобный вой. Тифа взрывной волной выбросило с зенитки, он лежал оглушённый в арыке, высунув язык, мотал беззвучно башкой. Рядом лежал второй зенитчик, раненный, но живой Серёга Седченко. Он гладил, успокаивая, пса, а второй, не раненной рукой пытался как-то управиться с автоматом.

Колонна стояннулась и оцетинилась огнём автоматов. И сразу как-то полегало и отлегло — всё же не в одну калитку бой. Ночь давала и преимущества: можно было легко переползать от машины к машине, заметить, откуда летят трассера, и пусть самих душманов не было видно, но Обдирко отчётливо понимал, что их не больше десятка и что сидят они все плотно по берегу речки, и что отходить им некуда, кроме как по этому ручью в сторону долины и гор. А чтобы не было у них искушения подойти ближе и ещё раз вмазать по колонне из гранатомёта, решил Обдирко не окапываться, а рвануть навстречу духам, оттеснить их от машин. Оставив взводного Маньшина разруливать ситуацию на месте, ротный вместе со своим водителем и ещё тремя бойцами бросился в ручей и по течению вниз стал пробираться туда, откуда колонну поливали свинцом.

Когда прозвучал второй выстрел из гранатомёта, Обдирко показалось, что стрельнули прямо у него над головой. Снаряд минул колонну, разорвавшись где-то дальше, в кустах на другой стороне ручья и дороги. А ротный, слегка оглушённый выстрелом, на ощупь, прямо по курсу вылетевшей гранаты высадил длинный сорокопятипатронный пулемётный рожок, густо напиговав свинцом пространство перед собой. Перекатился, отполз, проплыл по прохладной воде ручья, вслед за ним маневр командира повторили его бойцы, следовавшие чуть сзади за ним. В стане врага заметались, гортанные крики перемежались со стонами, и огонь по колонне был уже не таким сосредоточенным, били уже и над головами ротного и его небольшого авангарда. Духи побежали, дрогнули, сработал маневр Обдирко. И Николай, не давая им опомниться, гнал вниз по ручью банду, напавшую на колонну, наседая, давая огнём пространство перед собой, впрочем, не увлекаясь и не уходя далеко от своих, от колонны.

Перестрелка длилась ещё часа два. За пару часов до рассвета стрельба прекратилась совсем. Духи ушли, чтобы днём раствориться среди гор, среди зелени долины, среди мирных дехкан. А в колонне Обдирко до утра горевали по погибшему товарищу. Димку Есенкова завернули в плащ-палатку и уложили рядом с искорёженной зениткой. Кроме Седченко, было ещё двое раненых и один контуженный. Их перемогали, как могли, и ждали утра, чтобы вызвать подмогу. Груз стройматериалов практически не пострадал, а вот самим машинам досталось: выбитые лобовые и боковые стёкла, дырявые кабины и текущие от пробоев баки, пробитые скаты колёс. В ремонте машин и суете провели раннее прохладное утро, потом прикатили два БТРа из ближайшего гарнизона, забрали раненых и Есенкова. Обдирко заполнил скорбные сопроводительные бумаги, попросил, чтобы до его возвращения не отправляли гроб в Союз и не сообщали ничего семье солдата... “Пусть пока будет для них живой... С мёртвым они ещё наживутся”!

Когда колонна кое-как была поставлена на ход и уже готова была тронуться в дальнейший путь, к Обдирко подошёл Маньшин:

— Там ещё дело, командир ...

Пошли вдоль колонны, остановились у зенитки. Ни одного живого места, борт — как решето, второй и вовсе сорвало, механизм орудия разворочен, стволы изогнуты, словно побывали в гигантском трубогибе. На полу кузова со страшной раной в боку лежал Гепатит с оскаленной пастью и открытыми глазами, уже не дышал. Две лужи крови — человека и собаки — смешались. Обе уже не красные, а буро-коричневые и местами чёрные, запёкшиеся.

— Похороните его! — попросил Обдирко.

И двое ребят за десять минут выковыряли в сохшейся земле небольшую яму, куда отнесли пса, завернув в грязную простыню. Уже хотели зарывать, но Мишка Пастухов оттолкнул товарища, наклонился к псу и сорвал с шеи деревянный медальон с надписью “Дезертир”.

“Теперь давайте!” — и комья серой земли присыпали нештатного бойца колонны 52-12 на месте принятого боя и гибели. Обдирко достал пистолет, трижды отсалютовал в небо и скомандовал: “По машинам”!

Перед самым отъездом откуда-то прибежал Тиф. В горячке про него чуть не забыли. Маньшин посадил его к себе в кабину машины техзамыкания.

После этого боя Тиф затосковал и всё реже и реже уходил с колонной в рейсы. Чаще оставался, сбегая перед отъездом куда-нибудь в родовое гнездо под казарму второй роты или отсиживался где-то в укромном уголке автопарка, а после отъезда обдирковской колонны слонялся по части чёрной тенью. Он давно уже перерос Кушку и превратился в огромного широколобого пса непонятной породы. Днём он спал где-нибудь в автопарке за баней, а ночью бродил чёрной тенью, пугая часовых на постах и дежурных в ротах. Стал он на редкость агрессивным, почти никого к себе не подпускал и на беду однажды опять столкнулся с комбатом, немало перепугав его своим грозным рычанием.

Наутро комбат вызвал к себе начальника столовой, прапорщика Луценко, и приказал застрелить Тифа. Тот взял пистолет и послушно потопал в парк, искать псину. Тиф лежал на своём привычном месте у бани и дремал. Когда к нему подошёл начальник столовой, пёс поднял голову и долгим взглядом, не отводя глаз, смотрел на Луценко, словно понимая, зачем тот пришёл. Прапорщик кинул псу кость, которой он надеялся приманить собаку, но Тиф даже не повернул голову в её сторону. Луценко достал пистолет, передёрнул затвор, постоял немного, потом вытащил обойму, передёрнул ещё раз затвор, поднял с земли выскочивший патрон и зашагал прочь из парка.

За обедом Луценко доложил комбату, что не нашёл Тифа. Он думал, что дождётся Обдирко и попросит увезти пса куда подальше, оставить, в конце концов, где-нибудь в дальнем афганском гарнизоне — не пропадёт собака, прибьётся к кому-нибудь... Но вечером комбат сам нашёл Тифа и, не раздумывая, разрядил в него пол-обоймы из “Макарова”.

Вернувшийся в тот же день из рейса Обдирко, узнав о случившемся, в хлам разругался с комбатом и пошёл в парк хоронить Тифа.

“Мало тебе здесь крови пролито? Хочется пострелять — так с колонной поезжай, настроеляешься, вояка! — продолжал свой теперь уже заочный спор с комбатом Обдирко. — Что ж тут с людьми-то происходит, откуда вдруг вылезает в некоторых всё дерьмо, вся злоба, ненависть? Война, что ли? Так она всем — война. Но как она всё же по-разному раскрывает людей...”

Собаки нигде не было. Облазив все закутки, Обдирко нашёл раненого пса под баней. Вытащил Тифа, отнёс на руках в санчасть, положил осторожно грязную псину на стерильную кровать в процедурной, заявив доктору Женьке Кирсанову, чтобы тот делал, что хочет, но пес должен жить!

Две сквозные раны были не страшными, а вот ещё одна — в грудь — Кирсанова раздосадовала. Пуля пробила лёгкое собаки и выскочила в районе позвоночника, хоть и не задев кость. Тиф спокойно перенёс все манипуляции, уколы и шитьё по живому. После операции вымыли руки, и Обдирко накатила с Кирсановым по рюмке медицинского спирта за здоровье пса. Собаку ротный решил не оставлять в санчасти, утащил к себе в комнату, в офицерскую общагу.

За два дня, пока колонна Обдирко стояла на обслуживании и готовилась к очередному выходу, Тиф понемногу начал приходить в себя. Обдирко колдовал ему антибиотиками, кормил тёплой тушёнкой, молоком, менял два раза в день повязки. Собака терпеливо переносила процедуры, нехотя ела и лежала в углу на матрасе, положив голову на лапы, наблюдая за несуетной жизнью офицерского кубрика. К вечеру второго дня Тиф встал и, шатаясь, подошёл к двери, намекая на прогулку. Ротный схватил своё цветастое, из афганского дукана полотенце, просунул конец под брюхо и, подвесив слегка Тифа, как в гамаке, повёл или понёс собаку во двор.

“Вот ты, сука, Воронин, всем беды наделал! Чтобы тебя так в старости таскали!” — бурчал Обдирко, глядя, как мучится пёс, с трудом переступая по траве. Назавтра в рейс, а он не решил ещё, кому пристроить Тифа, и досадовал по этому поводу.

Но наутро всё решилось само собой. Завидев боевые сборы Обдирко, привычную боевую экипировку ротного, Тиф неожиданно легко подхватился со своего ложа и, виляя хвостом, закрутился у ног командира. В знак готовности к рейсу он опустошил всю миску с тушёнкой, отхлебал полмиски воды и смотрел на Обдирко, словно в ожидании команды.

— Ну, не знаю! Давай, Тиф, поехали, что ли. Не подведи только!

Ему постелили на привычном месте, в зенитке, уже, правда, другой, новой, пришедшей на смену разбитому “ЗИЛку”, на базе новехонького “КамАЗа”. И навес тут был побольше, и под лавкой, в тенечке просторнее, а на ходу ещё и вполне комфортно обдувало ветерком, хоть и жарким, но свежим. Получив утреннюю дозу лекарств, Тиф повеселел, вытянулся поудобнее на старом матрасе и заступил на боевое дежурство.

Настроение поднялось и у Обдирко. Задумал он в Кандагаре отвезти Тифа в наш военный госпиталь к местным кудесникам — полевым хирургам. Были у него там должники, возил им, было дело, водку и шампанское из Союза, а денег при этом никогда не брал. Из суеверия какого-то солдатского. Всё отшучивался, чтоб, мол, потом за нитки и анестезию обратный счёт не выставили...

“Ну, уж если людей по запчастям собирают, неужто собаку не заштопают!” — мечтал Обдирко.

Вечером первого дня марша, сразу после привала, к нему пришёл зенитчик сержант Сергей Седченко. Это был его первый рейс после возвращения из госпиталя, ротный попросил его вечером встретиться, посидеть, поговорить, хотел расспросить про лечение, про раненых из роты, отправленных по госпиталям... Но по виду сержанта всё понял и осёкся:

— Тиф?

Седченко кивнул.

И был это опять всё тот же Гиришк! Утром, перед выходом колонны, Тифа похоронили где-то рядом с тем местом, где прикопали и брата его Гепатита. Земляной холмик привалили камнями и на оцинкованной крышке от коробки из-под патронов Седченко уже хотел было написать имена собак. Но потом подумал, что табличка будет смотреться двусмысленно, и нацарапал по зелёному полю: “Дети Кушки”.

Обдирко снял с плеча автомат и гвозданул в небо три короткие очереди. И резюмировал: “Бляха-муха, ну, когда же закончится вся эта долбаная война”!

Солнце ещё не пробилось из-за горизонта далёких гор, и у них было часа полтора-два комфортного пути, надо было сделать рывок, чтобы добраться по светлomu в Кишкинаход, к богатому рыбой и крабами ручью, пересекавшему пустыню. Колонна выкатилась на бетонку и растянулась по степной серой равнине почти на километр по курсу на Кандагар. В головной машине, не особо вглядываясь в привычно-нудный пейзаж, хандрил командир первой автороты шинданского 126-го автобата лейтенант Николай Обдирко. И хотя два афганских года начисто лишили его сентиментальности, он вдруг загрустил, до шмятающей боли в груди затосковал по дому, по Союзу, по жене. Всё как-то враз нахлынуло и навалилось на него с этим вроде не самым драматичным эпизодом в его боевой афганской эпопее. Что-то неизведанное

им, неосознанное пока, вдруг щёлкнуло внутри ротного и сломалось в высшей точке постоянного напряжения. Если бы он был в этот миг один в этой кабине, он, возможно, просто заплакал бы по-детски и вырыдал, выстонал бы, проорал бы в голос всю накопившуюся боль войны, беды, несправедливости и своего отчаяния... Но он не мог! Потому что был он старшим не только по званию, но и — в свои 23 года — по возрасту старшим среди всех своих пятидесяти подчинённых солдат, и они, почти ровесники, полагались на него здесь, держались за него, как за отца родного! Подавив комок в горле, простонав про себя, он высунул голову в открытое боковое окно и зажмурился, подставив лицо встречному, бодрому по-утреннему воздушному потоку.

Он просто устал, наверное, терять своих солдат, своих друзей, близких, устал от постоянного напряжённого и неизбежного ожидания этих потерь, устал от сумасшедшего ритма этого бесконечного затяжного двухлетнего рейса по этой проклятой и убитой дороге через войну... Он даже не пытался что-то анализировать и что-то понять — почему это вдруг щёлкнуло на похоронах пса? Ведь ничего особо героического не было в судьбе этой собаки! Хотя, конечно, ротный числил её членом своей команды, и не просто другом человека, а *боевым другом*, откатавшим с колонной не один десяток рейсов...

Каким бы незначительным эпизодом ни смотрелась её судьба на фоне настоящего горя войны — личного скорбного мартиролога ротного Обдирко, — а смерть Тифа, тем не менее, царапала, саднила душу. Может, если бы погиб он не из-за дурацкой бессмысленной прихоти штабного самодура, а как брат его, в бою, было бы не так обидно и несправедливо...

Долго ещё в этот день думал ротный о войне, о человеческих и собачьих судьбах. Благо дорога и дальний рейс располагают к таким раздумьям.

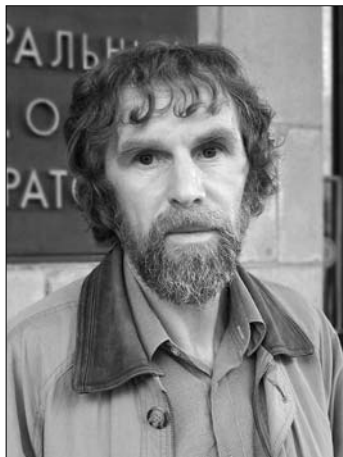
* * *

Полгода спустя, в мае 1988-го начался великий исход! Долгожданный вывод ограниченного контингента советских войск из Афганистана. В числе первых навсегда покидал афганскую землю шиндандского гарнизона и уходил в Союз наш 126-й автобат. В составе первой роты в головной машине старшего лейтенанта Николая Обдирко совершала свой второй рейс в жизни немецкая овчарка Кушка. Её “хозяйина”, начпрод Богатова, незадолго до этого откомандировали в штаб бригады, в Кабул, и Обдирко прибрал умную псину к рукам.

Путь на Родину Кушка перенесла гораздо лучше. Так оно и известно ж — дорога к дому всегда легче! Хотя, где теперь дом Кушки, где её Родина — поди разбери... Собака сидела, уткнувшись длинной чёрной мордой в колени ротного, и, время от времени открывая глаза, поглядывала то на Обдирко, то на его командирского водителя. Ротный трепал её заговором, как бы успокаивая и утешая её. “Вот ведь собачья судьба — она ведь тоже потеряла на этой войне своих детей! И теперь навсегда покидает землю, где они похоронены. Понимает ли она это, интересно? Ни хрена не понимает, и может — слава Богу! — размышлял Обдирко. — А вот как забыть эту войну матери погибшего солдата Димы Есенкова, тысячам и тысячам других матерей, родных, потерявших на этой земле самое дорогое!”

А мозг всю дорогу в Союз саднила мысль: “Да откуда нам на самом-то деле знать, что там творится в душах братьев наших меньших?..”

СЕРГЕЙ АГАЛЬЦОВ

МГНОВЕНЬЯ ДИВНЫЕ ПРОНОСЯТСЯ

* * *

Елене Крастелёвой

Ни дуновенья... Тишь... Покой
Дремотной величавой осени.
И в чистом поле над рекой
Живая зелень свежей озими.

Воды прозрачное стекло.
Заката гаснущее зарево.
Здесь время не спеша текло,
А в этот час как будто замерло.

И ты, бредя, остановись
На миг в своём пути медлительном.
В воде сомкнулись глубь и высь,
Как в сочетанье удивительном...

Стоит недвижная река.
Мгновенья дивные проносятся.
Как тихо!.. Лишь издали
Клик вольных журавлей доносится.

АГАЛЬЦОВ Сергей Александрович родился 1954 году в посёлке Сараи Рязанской области. После окончания Рязанского пединститута работал учителем на Дальнем Востоке, в Рязанской области, а позже — тележурналистом в Туркмении, редактором в издательстве «Современник» в Москве. Публиковался в «толстых» журналах. Автор нескольких поэтических сборников.

* * *

Дикий берег, жёлтый-жёлтый,
Синим тёрном весь порос.
— Отчего сюда пришёл ты? —
Задаю себе вопрос.

Тёрн печальный, тёрн колючий —
С давним-давним детством связь —
Над рекою виснет тучей,
В голубой воде клубясь.

Эта туча, эта туча
Отразилась в глубине,
Вся сквозиста, вся летуча,
В предзакатном вся огне.

Над обрывом, под обрывом
В бездне сумрачной, речной
В сочетании счастливом
С высотой и глубиной, —

Словно сизый дым клубится,
В даль простёртую спеша.
И недаром с нею слиться
Хочет бедная душа.

* * *

Не грусти, мой единственный друг!
В этой жизни бывает минута —
Поселяется в сердце испуг,
А в душе, ждущей лучшего, — смута.

Мой товарищ, тогда неспроста
Ты из дома идёшь, не случайно
В мир полей, где царят красота,
И покой, и нездешняя тайна.

Паутинки скользят над жнивьём
В чуть колеблемом солнечном свете.
Славно так оттого, что живём,
И поём, и ликуем на свете.

* * *

Я радуюсь светлому утру
И глади малиновых вод,
Когда в них в лодчоночке утлой
Рыбак на рассвете плывёт.

Я радуюсь солнцу, восходу
И птичьему звону в ветвях,
Любому зелёному всходу,
Любому побегу в полях.

Я радуюсь красному лету,
Закатному свету, лучу.
О родина! Только за это
Всей жизнью тебе заплачу.

.....
Поздравляем нашего талантливового друга, тонкого лирика с юбилеем!

Редакция

ФИЛИПП РЕЗНИКОВ

НА ПОЛУСЛОВЕ

РАССКАЗ

I

В его жизни многое обрывалось на полуслове в самый неподходящий момент. Мать рассказывала, что едва он появился на свет и приветствовал мир пронзительным криком, как ему тут же пришлось в голову замолчать. Только младенец затянул своё “а-а-а!”, как сразу же умолк и сосредоточенно уставился на акушерку, которая смутилась от его взгляда и начала суетиться, приговаривая: “Ну, что ж ты не кричишь? А ну, кричи!” Ничего не добившись от новорождённого, она передала его в ослабшие, встревоженные руки матери, но и та не сумела добиться от сына ни звука.

Врач не смог объяснить, отчего мальчик молчалив, однако тот расшумелся несколькими часами позже и очень долго не успокаивался, приведя мать в отчаяние. Поначалу она была счастлива, что ребёнок наконец-то кричит, как полагается всякому здоровому младенцу, но вскоре устала от его визга настолько, что захотела убежать прочь, пронестись сквозь родильное отделение и оказаться на улице, где его вопли не были бы ей слышны.

Осталась в жизни Константинова неконченная шахматная партия во время турнира, когда среди его ровесников определялись лучшие из лучших. В случае победы ребятишкам присваивались первые в их жизни, детские разряды, и Константинов, слывший лучшим шахматистом районного дворца пионеров и неустанно подтверждавший своими решительными победами это звание, мог рассчитывать на очень хороший разряд. Но в тот самый момент,

---

РЕЗНИКОВ Филипп Александрович родился в 1981 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар прозы С. Н. Есенина). В настоящее время работает в Московском театре Олега Табакова начальником редакционно-издательского отдела.

когда ему следовало поставить приунывшему и тоскливо поглядывавшему в окно противнику мат, Константинов поднялся из-за стола, небрежным движением повалил своего короля на клетчатую доску и покинул зал, в котором проходили соревнования. Его учитель, носивший густые седые брови и настиг его в гулком коридоре, непонимающе хлопал седыми же ресницами и не находил слов, чтобы спросить мальчика о его необъяснимом и удивительно глупом поступке. Он так ничего и не сказал Константинову, который, постояв смиренно подле учителя, вскоре продолжил своё движение в сторону лестницы.

Следующий крупный конфуз случился, когда Константинову исполнилось двенадцать, и он без чьего-либо наущения выучил наизусть всего “Евгения Онегина”. Сам взял из книжного шкафа со стеклянными дверцами пушкинский томик и влюбился в роман с первых строк. Он глотал строфы жадно, с восторгом, как иные его ровесники глотали батончики иностранного шоколада, внезапно появившиеся на прилавках магазинов и в витрине киоска с мороженым; отказывался ложиться спать, не дочитав очередную главу. Когда же она подходила к концу, он принимался за следующую и не гасил свет, пока не расправлялся и с ней. Но и тогда, когда рука его тянулась к щёлкающему выключателю лампы, он сквозь почти смежившиеся веки пробегал новые строчки в главе, которую с сожалением оставлял до завтра.

Прочитав роман раз, Константинов без отлагательств начал сызнова и уже читал влух, с чувством, с толком, с расстановкой, как наказывал один из героев пушкинского тѣзки, и вслушивался в свой голос и в пушкинские строки, и находил, что его собственное чтение нисколько не портит музыки поэта. Он обратился к родителям и сообщил, что хотел бы принять участие в конкурсе юных чтецов, который должен был состояться через месяц в уже упоминавшемся дворце пионеров, и, подытоживая, без всякой гордости, будничным тоном заявил, что программа у него готова, и самые любимые строки из “Онегина” он знает наизусть, то есть *by heart*.

By heart многое приходилось учить для уроков английского языка, вела которые пожилая армянка, говорившая на языке потомков Шекспира с таким же ужасающим акцентом, что и на языке потомков автора “Онегина”. Но она была обаятельна, и за это одно Константинов ей многое прощал, даже английскую букву *d*, которую учительница звала не иначе как “ды”. Она даже растягивала: “Ды-ы-ы! Дети, повторяйте за мной: ды-ы-ы!” И целый класс был вынужден привыкать именно к такому, совершенно не лондонскому произношению.

Когда подошло время конкурса, Константинов бесстрашно поднялся на сцену, чуть-чуть приподнял подбородок, чтобы не видеть зал, и, глядя на тёмное окошко кинопроекторной, откуда две недели назад показывали “Полёт навигатора”, принялся читать Пушкина. Читал прекрасно, и в зале, как принято говорить, царил тишина. Собравшиеся вслушивались в то, как отрок рассказывает о любви Татьяны, почти что его ровесницы, к петербургскому франту Евгению; у кого-то из женщин даже выступили на глазах слёзы, а двое мужчин одобряюще кивали головою в такт стиху.

Константинов всего этого, естественно, не замечал. Перед его взором представляли стихотворные строки, высвечивались удивительно простые, но такие точные и замечательные рифмы, о которых, кроме Пушкина, никто ни за что не догадался бы. Юному чтецу представлялось, что он плывет на лодке по реке, а на поверхности её покачиваются листы из знакомого и родного томика в коричневой обложке. И вот, когда до конца выбранного для конкурса отрывка оставалось всего несколько строк, Константинов внезапно замолчал, поглядел поочередно в левую и правую кулисы, сощурился на застывший в ожидании развязки зал и, больше ни секунды не медля, сошёл со сцены и двинулся к выходу. В зале зашелестели голоса, а затем послышался голос его отца: “Вернись, ты не закончил!” Но Константинову было безразлично.

“Если все люди равны, — рассуждал он, приближаясь к гардеробу, — отчего же зданья, выстроенные для пионеров, названы дворцами? Дворцы — для царей. Разве пионеры — цари?”

Ленивая гардеробщица выдала ему по номерку куртку; Константинов осведомился у неё, который час, и вышел на улицу. Светило солнце, но было холодно. Пушкин любил осень, а Константинов предпочитал лето. Но не жаркое, а тёплое и в меру дождливое.

Летом они с отцом ходили в парк, и Константинов без устали купался в пруду с мутной водой. Потом купание в том пруду запретили раз и навсегда, обнаружив в воде опасные бактерии. На берегу установили предостерегающую табличку, выкорчевали вокруг пруда все лавочки, чтобы, наверное, отбить у людей всякое желание проводить здесь время. Константинов отнёсся к произошедшему с пониманием. Нового места для купания он искать не стал и увлёкся велосипедом. С двухколёсной машины в первые два дня он несколько раз упал, разбил до крови колени и локоть, расцарапал подбородок и наклеил на него крест-накрест полоски пахучего пластыря, но от намерения стать велосипедистом не отрёшился...

Родители, обнаружившие сына позади дворца пионеров сидящим на куче палой листвы, задавали много вопросов, с особенным беспокойством интересовались его самочувствием и, наконец, словно кончив ненужную прелюдию, спросили, отчего он не завершил чтения и позорно ретировался со сцены. Константинов повёл плечом. Родители знали значение этого жеста: ответ у сына, разумеется, есть, но он его не даст, сколь ни проси.

За ужином семья молчала, и тогда Константинов, отодвигая от себя тарелку с недоеденной гречкой, произнёс:

— Незачем было дочитывать. И так всё ясно.

— Что, что тебе там ясно? — распялся отец, пытаясь войти в комнату сына, который после незавершённого ужина решил скрыться в ней от родительского гнева.

Подперев дверь тумбочкой, Константинов забрался с ногами на широкий подоконник и закрыл глаза. В отличие от отца, он был абсолютно спокоен.

— В конце концов, это просто некрасиво! — продолжал бушевать отец. — То, как ты себя повёл... Весь зал, все триста человек...

— Если быть точным, двести сорок, — поправил из-за двери Константинов.

— Не груби папе! — вмешалась мать.

— Пусть столько! — согласился отец. — Но так поступать нельзя: люди тебя слушали, а вместо этого ты... Представь себя на их месте.

— Для чего?

— Чтобы понять, как им было обидно. Кроме того! Что теперь о нас с мамой будут думать? Станут говорить, что у нас невоспитанный сын...

— Какое дело до того, что скажут малознакомые люди? — серьёзно спросил Константинов, отодвигая тумбочку и приоткрывая дверь. — Мы же живём ради того, чтобы...

Мальчик не договорил и, тяжело, как-то по-взрослому, вздохнув, отошёл в глубину своей узкой, продолговатой комнаты с обоями фиолетового оттенка, усыпанными цветами.

— Интересно было бы узнать, ради чего ты живёшь! — воскликнул отец.

Константинов повёл плечом и принялся водить пальцем по настенному календарю.

— Невежливо не отвечать на поставленный вопрос!

Мальчик кивнул и задумчиво проговорил:

— Мне нужен глобус.

— Для чего?

— Буду его вертеть.

Константинов знал, что бывает несносен в разговорах с людьми, когда ошарашивает их своими ответами или, напротив, молчанием, но никогда не стремился в себе что-либо поменять. “В итоге, — рассуждал он, — по-настоящему никому дела нет до того, какой ты есть. Не соответствуя чьим-либо ожиданиям о тебе, ты всего-навсего не соответствуешь их ожиданиям”.

II

Первая любовь в жизни человека может нагрянуть, когда угодно. Иной до старости хранит воспоминания о девочке, исподтишка поцелованной во время тихого часа в детском саду; кто-то без слёз не может вспомнить тёмную каморку школьной уборщицы, где во время выпускного вечера у него случился *самый первый раз*. Константинов был сентиментален по-своему: вызывая в памяти подобные образы, он слёз не подпускал, но начинал вдруг задыхаться от вставшего в горле кома. Спустя минуту он успокаивался и продолжал жить обычной жизнью.

Первую его любовь звали Катя. Отыскав через много лет школьный фотоальбом, он не нашёл её привлекательной. Вздёрнутый нос, длинная рыжая коса. Высокая, угловатая, неуклюжая. В те дни Константинов был ниже неё на полголовы. Он замечал, как она намеренно сутулится, когда находится рядом. Она заботилась о нём: Кате совершенно не хотелось, чтобы Константинову было неудобно или неловко около неё.

По прошествии лет он ясно сознавал, что они были ужасной парой, и, пожалуй, это он не годился ей в возлюбленные. Его молчаливость, погружённость в собственные мысли могли вывести из себя кого угодно. Катя же набралась такого завидного терпения, что ни разу не выказала того, что ей часто бывает с ним скучно. Она считала его красивым и даже интересным в общении, но только в те моменты, когда ему действительно хотелось поговорить. Часто ли такое бывало? Он этого уже не помнил.

Они гуляли, держась на расстоянии метра друг от друга. Сейчас, вспоминая Катю, он тянул руку в её сторону и понимал, что не может достать до неё даже кончиками пальцев. Между ними и её плечом всё равно оставалось пространство. Это пространство, казалось бы, ничем не заполненное, всегда разделяло их физически и духовно, если выражаться высокопарно. Одноклассники посмеивались над ним, дразня трусом, обвиняя в боязни приблизиться к девушке. Он писал ей записки с признаниями в любви и бросал в почтовый ящик, а на следующий день делал вид, что ничего этого не было. Он боялся заявить о своих чувствах вслух, глядя в глаза; она тоже не признавалась ему в симпатии, а он ждал, надеялся, что она первой произнесёт три заветных слова, и тогда его собственный язык развяжется, а страх отступит.

Они, как свидетельствовал календарь с вычеркнутыми датами, ходили по одному и тому же маршруту тридцать два дня кряду, а затем настала пора летних каникул, и Катя уехала на дачу на три недели. У него не было дачи; не имелось даже самых отдалённых родственников, к которым можно было бы навеститься, только чтобы не торчать три летних месяца в городе.

Константинов твёрдо решил, что скажет Кате о своей любви, как только она вернётся. И он почти сделал так, как задумал, но оборвал признание на полуслове, утаив от девушки с блестящими от нежности глазами жизненно необходимый глагол, такой важный для всей мировой литературы, которой Константинов посвятит себя в будущем. Глагол надёжный и обнадеживающий, высеченный из слов на века или, по крайней мере, на годы. Так и не произнеся его, Константинов развернулся и ушёл. Он шёл и продолжал видеть перед собой ярко-серые обожающие её глаза. Ох, как же ему было стыдно! Он должен был вернуться к Кате и просить прощения, но вместо этого упрямо шагал вперёд, пока не упёрся в широкую реку заполненного автомобилями шоссе.

Катя больше никогда с ним не разговаривала, даже на выпускном вечере, когда они оказались в автобусе, отвозившем их на Поклонную гору, в соседних креслах. Тогда он уже был на полголовы выше неё.

Объяснения своему малодушию Константинов так и не сочинил, но убедил себя в том, что всё случилось так, как должно было случиться. Другие варианты исключены. Рок действовал молниеносно.

После Кати были Вика, две Оли и даже Мариэтта, но они остались в памяти выцветшими фотографиями из очередного альбома, уже студенческого. Или даже проявленной плёнкой, с которой впоследствии не сделали ни одного отпечатка.

III

Студенческие годы для Константинова пролетели быстро: он и заметить не успел, как подошла к концу учёба на пятом курсе и наступило время ответить за всё, то есть сдать государственные экзамены. Он не боялся говорить перед комиссией, но в ночь накануне самого важного для него экзамена его охватила такая паника от ощущения *ничегонезнания*, что он всерьёз решил, что вот-вот лишится рассудка. Тем не менее, наутро, после неожиданного провала в крепкий сон, он даже не вспомнил о своём ночном отчаянии. Экзамен был сдан.

Потом наступил ноябрь. Константинов кутался в пальто в неотапливаемой аудитории, ожидая, когда его вызовут. Вопросы билета навевали скуку; отвечать не хотелось. Он тихонько, чтобы никто не слышал, дул на пальцы, чтобы хоть немного согреться.

Члены комиссии отлично знали, что Константинов поступит в аспирантуру в любом случае и что три других кандидата, желающих поступить на ту же кафедру, получат от ворот поворот. Но требовалось соблюсти процедуру, чуть ли не таинство, и выслушать всех, кто пришёл в этот день и вытаскил билет из стопки, превратившейся в веер по просьбе профессора Железняка.

На первый вопрос Константинов отвечал блестяще, и Железняк, будущий его наставник, даже снял очки с носа, положил их перед собой на стол, а маленькие пухлые ручки сложил умиротворённо на груди, глядя на будущего кандидата, а может, и доктора наук почти влюблённо, с нескрываемым обожанием. Его мало зрячие без очков глазки не нравились Константинову, и он отводил взгляд в сторону, на портреты Шолохова и Горького, повисшие над головами членов государственной комиссии.

Когда Константинова попросили переходить ко второму вопросу, он недовольно поглядел на билет, кончиками пальцев долго поворачивал его к себе, чтобы еще раз прочесть плохо пропечатанную строку — “Поэзия Сергея Есенина” — и закатил глаза. Потом пристально посмотрел на членов комиссии, на её председателя — ректора — и процедил:

— Господа, пять месяцев назад, сидя за этим самым столом и сдавая государственный экзамен, я уже рассказывал вам про поэзию Есенина. Думаю, вы прекрасно об этом помните. Для чего же мне повторяться? Своих взглядов я не переменял.

Константинов поёжился не столько от холода, сколько от тишины, втянул шею в воротник и принялся считать остатки листьев на ольхе во дворе института.

— Хоть что-нибудь скажите, — попытался спасти ситуацию профессор Железняк, раскрасневшийся, занервничавший, дважды протёрший линзы очков платочком. — Может, у вас имеется любимое стихотворение у этого автора? Поговорим о нём! — воскликнул он воодушевлённо.

— Я предпочитаю других поэтов, — честно признался Константинов, а в голове завертелся мотив популярной песни: “Старый дом мой давно ссутулился...”

Константинову, единственному во всей аудитории происходящее не казалось фарсом. Он был измучен длительным ожиданием своей очереди, чувством голода, холодом в аудитории и пресностью осеннего дня за окнами.

— Впервые вижу такое, — усмехнулся ректор. — Но всё же! Что вы скажете о Есенине?

— Есенин... — Константинов намеренно выдержал долгую паузу. — Певец деревни и природы. У меня всё.

В аудитории зашумели, стали посмеиваться другие претенденты на аспирантуру. Он чувствовал, что их взгляды вот-вот пробурывают его спину и затылок.

— Что же... — с грустью произнёс ректор, — можете быть свободны.

Константинов покинул аудиторию со спокойным лицом; ни один нерв не дрожал в его теле, ни одна тревожная мысль не беспокоила его. Он знал, что его возьмут даже после сегодняшнего провала. Может быть, возьмут вопреки.

Так и вышло: он получил “хорошо”, но потерял на несколько месяцев доверие Железняка. По весне, когда он приступил к кандидатской и показал профессору черновик первой главы, тот всё ему простил и, заглядывая на все кафедры без разбора, радостно сообщал, что в этом году у него невероятно способный ученик.

IV

До тридцати лет Константинов оставался один: ни невест, ни подруг, ни случайных связей. Нет, была одна, курортная, вспыхнувшая на несколько ночей страсть, но она не в счёт — она не дала ему ничего, кроме сладкого томления в паху, а затем внезапного телесного насыщения и безмятежного разглядывания ярких звёзд над морем. Константинов словно и не замечал, что жизнь его, посвящённая чуждой большинству людей науке и работе в институте, однообразна и раскрашена не всеми доступными в его возрасте цветами. Иногда к скудной жизненной палитре он, выезжая на море, — сначала в Крым, затем на Адриатику, — прибавлял синий цвет. Он проводил там две-три недели; бесконечно слонялся по набережным, смотрел, как счастливы мужчины и женщины, приехавшие вместе отдохнуть, отмечал, что некоторые из них несчастны и тяготеют долгим пребыванием подле друг друга, но не задумывался о том, что мог бы точно так же приехать не один, а с возлюбленной. Одной бессонной ночью, когда под окнами его номера грохотала музыка, он лежал, уставившись в озарённый фонарями потолок, и пытался вообразить, как идёт вдоль моря рука об руку с красивой девушкой. Он довольно ясно представил её себе, но потом, перебирая в памяти знакомые имена и лица, расположившиеся перед его взором словно на страницах записной книжки, он не отыскал среди них никого, кто хотя бы отдалённо походил на эту девушку. Огорчённый, он поднялся, высунулся в окно и стал наблюдать за танцами в зелёном, полном цветов дворике гостиницы. Его несколько не раздражало это шумное, мешающее уснуть веселье. Он даже чувствовал свою сопричастность происходящему, хотя оставался фигурой пассивной, не вносящей своего вклада.

Утром он купался, бродил по городу, выискивая среди прохожих единственное, необходимое лично ему лицо. Поиск успехом не увенчался. Константинов обратил внимание, что одни женщины сразу отводят глаза, едва он взглядывает на них, другие же, а их оказалось большинство, поворачивают к нему лица и как будто ждут, что произойдёт дальше. (Его единственный курортный роман и случился из-за того, что на улице пересеклись два взгляда — его и девушки из неведомого ему Кемерова.)

Вернувшись в Москву, Константинов перестал будоражить себя мыслями о несуществующей девушке, привидевшейся ему тёплой итальянской ночью, и погрузился в свои обычные заботы.

Более всего ему не нравилось читать лекции студентам; почти постоянно они превращались в пытку. И дело не в том, что студенты плохо его слушали или не слушали вообще, хотя рассказчиком он оказался незаурядным, и не в том, что они порою так шумели, что хотелось со всей силы двинуть кулаком по кафедре, да так, чтобы щепки полетели. Пытка заключалась единственно в том, что Константинову было невыносимо скучно из года в год рассказывать одно и то же, читать один и тот же курс. И хотя он старался каждый раз говорить о чём-то, о чём он ещё никогда не говорил, это не спасало его от педагогической меланхолии, укрывавшей его своим пуховым, непроницаемым для посторонних звуков одеялом. Он становился равнодушным ближе к декабрю, когда впереди маячила сессия, а затем, накануне мая, когда подходило время летней сессии и таких невыносимых государственных экзаменов, на которых ему одновременно хотелось всех и пожалеть, и завалить, ему становилось и вовсе нестерпимо скучно.

Меланхолия таяла, когда в последний день июня он получал в узком касковом разрезе отпускные, сдавал ключ от кафедры на вахту и, остановившись на крыльце, делал глубокий вдох. Он знал, что теперь свободен почти на два месяца и предоставлен самому себе. Степаныч, служивший вахтёром

уже двадцать лет, напутствовал его перед уходом и жаловался, что теперь в институте станет совсем скучно, не будет студентов, которым можно выговаривать за малейшие проступки, и не с кем будет словом обмолвиться. Все надежды вахтёр отныне возлагал на Музу — толстую, прибившуюся к институтской библиотеке собаку, которая в прошлом была обыкновенной бездомной дворнягой, а теперь носила ярко-красный ошейник, имела право облаять любого, кто заходил в институтский двор и казался ей подозрительным, и даже была музой для служительниц библиотеки, которые делались добрее, когда она приходила к ним за ласками. На чужаков Муза лаяла от низкорослого куста, в тени которого проводила солнечные дни, и редко когда поднималась на все четыре лапы и направлялась в сторону не понравившегося ей человека. Она была слишком грузна для лишних движений и предпочитала решать проблемы на расстоянии. Лай её звонко разносился по округе.

V

Зимой умер отец. Константинов бросал комья мёрзлой земли на крышку гроба, и они, глухо ударяясь, отлетали в сторону.

Он не мог сосредоточиться на ситуации и совсем не понимал, что произошло. Три дня назад позвонила мать и сказала нечто такое, во что поверить было совершенно невозможно. В голове — в той самой голове, где так удобно были рассортированы по разным полкам и антресолям различные знания, необходимые воспоминания и прочая мелочовка, где всегда царил образцовый порядок, — там блуждал какой-то призрак, не находивший себе пристанища. В самых далёких коридорах памяти звучал голос отца — ласковый и спокойный; возникали его лицо и глаза; тянулись к Константинову его руки в рабочих мозолях, и он протягивал навстречу им свою ладошку — удивительно крошечную, несоразмерную. Или же несоразмерными были руки отца, так много ему, Константинову, давшие? Руки, поднимавшие его на плечи, ведшие его навстречу приключениям и открытиям, отвечивавшие звонкие оплеухи за ошибки, но руки, безусловно, любимые.

Константинова толкнули в бок, мать с опухшим от слёз лицом кивнула в сторону могильной ямы, возле которой на изготовке стояли трое гробокопателей, не торопившиеся приступить к своему тяжёлому ежедневному труду. Надо было что-то сказать перед тем, как гроб окажется засыпан; до сих пор, пока другие говорили, Константинов молчал.

Он повёл плечом, поправил шарф, переставший прикрывать его простуженное горло, откашлялся и в этот самый миг ясно представил перед собой отца. Он стоял среди других людей — невысокий, серьёзный — и казался реальней всех их, вместе взятых. Он тянул руки к сыну, и Константинов решил, что это может означать только одно — отец просит то, чего он, Константинов, недодал ему за неполных двадцать восемь лет своей жизни. Но чего не хватало отцу — внимания, заботы, ласки? Ему недоставало обыкновенных слов, коротких рассказов о том, что происходило у Константинова. Сын был скуп на слова. Отцу бывало грустно от того, что сын почти никогда не делится с ним своими мыслями, а когда тот только родился, он мечтал, что сын вырастет, наберётся ума, и тогда появится у него отличный собеседник. Он не желал иного; он не думал стареть, как остальные, — во дворе возле дома, за нескончаемыми партиями в домино или вознёй под капотом старого автомобиля, за просмотром несносных, надоедливых телепрограмм. Отцу хотелось стареть и видеть, как растёт и мужает сын. Ему важно было знать, в какого прекрасного человека тот превращается. Превратился ли Константинов в такого человека, оправдал ли отцовские чаяния? Некому было теперь ответить на этот сложный вопрос. Константинов будет искать ответ на него позже, на протяжении многих лет своей жизни. Пока же он, наконец, разомкнул свои губы и произнёс:

— У отца были руки... — Он всё ещё видел его стоящим среди собравшихся. Пауза была нестерпимо долгой, и Константинов заметил, с каким удивлением на него смотрят люди. Он чувствовал нелепость уже произнесённого, но поправить ничего не мог. — Вот такие руки были!.. — прибавил он и смолк окончательно.

Он отступил в сторону; ему нужно было прижаться к кому-то или чему-то. Сам он стоять не мог. Привалившись к сосне с запорошенной корой, он зажмурился и слушал, как скрипит под ногами людей снег. Он скovyрнул со ствола заледеневший кусочек смолы, долго дышал на него, а затем лизнул — и вернулся в лето. Руки отца толкали его в спину, раскачивая на тарзанке. Верёвка, привязанная к толстому суку, тревожно натянулась. Константинову предстояло перелететь через небольшой лесной ручей. Ему было и страшно, и весело; он был уверен, что даже если что-то пойдёт не так, отец его не бросит и придёт на выручку. И он прыгнул... и приземлился в мягкой траве, повалился на спину и хохотал без остановки. Отец разулся и перешёл ручей вброд, громко ругаясь на ледяную воду...

Мать позвонила через день и ругала Константинова за то, что тот ничего не сказал на могиле отца.

— Я на тебя надеялась! Что ты за человек такой? У тебя всё на полуслове обрывается. Вот умру — так начнёшь за здоровье, а кончишь за упокой!

Константинов не спорил и слушал молча. Неужели эта маленькая, сухая и совершенно седая женщина, которую он видел на кладбище, — его мать? Он не мог вспомнить её молодой. Отца мог, а её — нет.

VI

Потом появилась Вера, аспирантка Железняк. Высокая, худая, с очаровательной ямочкой на подбородке и приметной издалека родинкой на шее.

— Вы такой молодой, а уже доктор наук! — восхищённо воскликнула она, когда профессор представил их друг другу.

— Вот, Петя, — смущаясь и подкашливая, сказал Железняк, — новый обитатель нашей кафедры — Верочка. Очень жаль, что вы не слышали, как она держалась на экзамене. Редкостное самообладание под напором вопросов от наших неприветливых коллег.

— Возможно, я поторопился, — шутя, ответил Константинов на восклицание Веры, а про себя подумал: “Господи, какая восторженная дура...”

— Вы когда-нибудь жалели, что выбрали литературоведение? — отчего-то рассмеявшись, поинтересовалась она, и Константинову, который уже почти поставил крест на едва завязавшемся знакомстве, понравилось, как затряслись в такт смеху её золотистые локоны.

— Я никогда ни о чём жалею, — своим привычным серьёзным тоном ответил он. — А вы, — тут же спросил он, разглядывая кольцо на её пальце, — не жалуете, что так рано выскочили замуж?

Вера мгновенно покраснела:

— Вообще-то нет. Уж о чём я не жалею, так это об этом.

Но ответила она неуверенно, и Константинов сразу почувствовал это, не поверив её словам, едва сдержал саркастическую улыбку.

Он думал о девушке с золотыми локонами днями напролёт, и это отвлекало его от куда более важных, как ему представлялось, дел. Что-то новое, незнакомое происходило с ним, и это всерьёз тревожило его — почти как набоковская невралгия. Течение времени словно замедлилось — Константинов еле дождался, когда подойдёт к концу день, чтобы забраться под одеяло, перемучиться два часа от бессонницы и затем крепко уснуть.

Утром он глядел в зеркало на своё осунувшееся лицо, жалел себя, пытался сосредоточиться на распорядке дня, но всё шло прахом, когда на ум приходили голос и руки Веры.

Приблизив лицо к зеркальному стеклу, коснувшись его кончиком носа, он спросил самого себя:

— Любовь?..

— Вера замечательная девушка, — расхваливал её Железняк, когда она осталась наедине с Константиновым на кафедре. — Талантливая, способная. Загляденьте, а не ученица! Что вы думаете о ней?

— Я? — настороженно переспросил Константинов, подумав вдруг, что профессор догадывается о непокое, зародившемся в его душе. — Я думаю, что мне как самому вашему любимому ученику придётся много ревновать.

— Да, Петя, я знаю, как вам во всём хочется быть первым и при этом единственным! После конференции в Саратове мне звонили старые знакомые и хвалили вас. Но, боже мой, ведь каждый отметил, сколь вы амбициозны и неллицеприятны!

— Надеюсь, профессор, они не имели в виду, что я непривлекательный человек?

— О нет, напротив! Они употребляли это слово в его подлинном значении. Они из старой гвардии и не терпят никаких неточностей.

— Прекрасно! — Константинов расслабленно откинулся на спинку дивана. — Меня вполне устраивает такое мнение обо мне.

— Но всё же ваш взгляд на поэзию Есенина меня настораживает, — ввернул старую шпильку Железняк. — Настораживает — это ещё мягко сказано...

— У меня с ним давние счёты, ничего не могу поделать.

— А зря!

VII

Они встречались в почасовых гостиницах два раза в неделю. Каждый раз Константинов бронировал номер на три часа, полагая, что двух окажется недостаточно, и почти каждый раз они спускались раньше положенного времени. В таких случаях ему неловко было смотреть в глаза девушке за стойкой, перед которой он клал ключи от номера.

Вера вечно куталась в одеяло, стесняясь надолго оставаться при нём обнажённой. Ему приходилось долго уговаривать отдать ему одеяло. Она выглядела смешно, когда заворачивалась в него, оставляя на поверхности только лицо.

Отобрав у неё одеяло, Константинов прикинул губами к её груди. Она опускалась на подушку, раскидав по ней волосы, прикусывала губу и замирала. Затем резко поднималась, хватала с тумбочки его часы и смотрела на стрелки, которые постоянно куда-то торопились.

— Откуда он заберёт тебя в этот раз? — спросил Константинов.

— Тут, знаешь, за углом кафе есть. Я сказала, что пью кофе с подругами.

— Он верит тебе?

— Думаю, он ни о чём не подозревает. Но, наверное, нам надо прекратить эти встречи.

— Если ты этого действительно хочешь, то сегодня мы встречаемся в последний раз. С завтрашнего дня мы просто коллеги.

— Нет, нет, я не это имела в виду! — запротестовала Вера.

— Ничего иного ты подразумевать не могла, — холодно ответил он, натягивая брюки. — Кстати, когда ты забираешь волосы в хвост, тебе это не идёт.

Вера схватила его за плечи и повалила назад, на постель.

— Останься! У нас ещё полчаса...

Константинов знал, что ей стыдно; видел, как мучительно для неё эти встречи. Ему казалось, что, несмотря на происходящее, Вера с каждым днём любит мужа всё сильнее — всё печальнее становилось её лицо во время их свиданий. Но также он был уверен, что она любит и его, Константинова. Зная это, он, наконец, сумел справиться с былой растерянностью, привёл в порядок мысли и жил почти спокойно, лишь порой изнемогая от того, что Веры нет рядом. Впрочем, ему не хотелось, чтобы она была рядом всегда. Это даже помешало бы его образу жизни. Достаточно встреч на работе и в гостиницах. Но иногда — именно иногда — ему хотелось видеть её чаще обычного.

Однажды Вера согласилась прийти к нему. Прежде она никогда не соглашалась, но теперь предложила сама:

— Пойдём сегодня к тебе?

Ей понравилось его скромное жилище, простая обстановка и залежи книг. Книжные башни валились в сторону, когда Константинов увлечённо

снимал с неё одежду. Вера вытащила из-под головы увесистый том и взглянула на обложку:

— “Улисс”?

— Это было давно, — словно оправдываясь, ответил он. — Я быстро сдался.

В тот вечер Вера осталась у Константинова. Ей стало безразлично, что подумает о ней муж. Она отключила телефон, убрала его на самое дно сумочки, под прохладный ил шёлкового платка, который всегда носила с собой. Она уже ни во что не куталась, прохаживаясь по квартире с чашкой кофе в руках; читала надписи на корешках книг; чуть склонив голову набок, улыбалась без конца Константинову.

— И тебе всё равно, что будет завтра? — поинтересовался он.

— Совершенно. Ты даже не представляешь, до какой степени. Для меня важно только одно — что я люблю тебя. Никогда не была уверена в этом так, как сейчас. А ты? Ты любишь?

Константинов привычно повёл плечом. Ему не хотелось говорить вслух о том, что было и так очевидно. Вера на ответе не настаивала, и он промолчал.

Наутро были слёзы и сорок два пропущенных звонка от мужа.

Вера не появлялась на кафедре неделю, не отвечала на звонки и вообще словно в воду канула. Когда профессор Железняк поинтересовался у Константинова, не знает ли тот, что произошло, тот утвердительно кивнул — мол, знаю, — но ничего к тому не прибавил.

Когда она вернулась, он ничего не спросил у неё, но догадался по её спокойствию, что дома всё в порядке и, видимо, она нашла удачное объяснение для мужа, хотя он и представить не мог, какое именно.

Несколько дней Вера вела себя с ним сдержанно, будто они всегда были просто коллегами. Она не пыталась заговорить, как прежде; не улыбалась, как обычно, его едким замечаниям; не ходила, как заведено, на обед в час дня. Вера была сама по себе. Поначалу Константинова смутило подобное положение вещей, однако он быстро смирился с ним и перестал думать о происходящем, вернувшись к своему обычному существованию.

Можно ли сказать, что Константинов жил какой-то особенной внутренней, по большей части вымысленной жизнью? Наверное, нет. Его жизнь имела чёткий распорядок, а если и случались отклонения от него, такие, например, как Вера, то он пытался встроить это новое в свою обыденность. Константинову не наскучивало жить без ярких красок, сильных эмоций. Он не жил, как некоторые, прошлым; мало заботился о будущем, да и настоящее являлось для Константинова данностью, объективной реальностью, которую следует принять и в некоторых случаях постараться подстроить под себя.

Вера, конечно же, обеспокоилась, что её нарочитая отчуждённость, холодок, которым повеяло от неё в сторону Константинова, никак в нём не отзываются. Она подумала даже, что, не вернись она на кафедру, он не позвонил бы, чтобы узнать, как у неё дела. Она засомневалась: любит ли он её так, как ей хочется? Вере мечталось совсем о немногом: чтобы он был с нею нежен, чтобы говорил с нею, чтобы иногда выслушивал, а не утыкался носом в книгу или очередную свою статью. Ей хотелось, чтобы Константинов обнимал её — так, как обнимают своих возлюбленных мальчики-подростки, не смеющие сделать больше. Не нужно было дорогих подарков, поездок на Багамы и громких слов. В конце концов, как говорилось в старой киноленте? Счастье — это когда тебя понимают? Вот этого хотелось Вере.

Она поправляла причёску, стоя возле овального зеркала под портретом Горького, и незаметно для Константинова наблюдала за ним. Он то садился за стол и начинал усердно выстукивать на клавиатуре слова и абзацы, то поднимался и подходил к окну, из которого видна была тесная площадь, заставленная автомобилями. Он ни разу не взглянул в сторону Веры, а она уже десять минут стояла перед треклятым зеркалом, в котором с каждой минутой становилась всё старше, а значит, некрасивее; он вообще не замечал её присутствия. Ей, разумеется, следовало демонстративно взять свою сумочку, процокать каблучками по паркету и выйти прочь, громко притворив дверь,

однако вместо этого она, не отлучаясь от зеркала, спросила у Константинова:

— Ты со мной уже наигрался?

— Я никогда не играю с людьми, — ответил он, не отрываясь от монитора. — Просто ты вернулась с желанием держать меня на расстоянии, и я не хочу мешать твоим намерениям.

— Ты злой, Петя.

— Вряд ли меня можно назвать злым. С утра я купил для тебя плитку горького шоколада.

— И где же она? — нетерпеливо спросила Вера. Поводив пальцем по зеркалу, она надавила пальцем на то место, где отражалась голова Константинова, и попыталась раздавить её, как давят летом надоедливых мошек. — Почему ты молчал до сих пор?

— Потому что с самого утра ты занята надуванием губок и самолюбованием в зеркале.

— Я только подошла к нему! — заспорила Вера.

— Это уже шестой подход. Но я не против — мне пока что зеркало не нужно.

— Видел бы ты свою рожу... — обиженно прошептала она. — Сейчас же отдай мне мой шоколад!

Константинов достал из стола плитку шоколада, снял обёртку, зашуршал фольгой и протянул Вере.

— Хоть что-то хорошее за весь день, — вздохнула она.

— Ещё нет и полудня. Совсем не весь, — заметил Константинов, и Вера, наконец, улыбнулась.

VIII

В детстве куда проще: сел на велосипед, покатил по дорожке, и люди сами расступаются, а некоторые хвалят: “Молодец, мальчик, спортом занимается, а не балбесничает, как мой!” Казалось бы, разве мальчик на велосипеде — повод для умиления? А взрослые всё равно распыляются в улыбках.

Сейчас, когда Константинов вырос, никто не расступался перед колёсами его велосипеда, и он предпочитал побыстрее докатить до парка, домчать до самых дальних его закоулков и уже там, никуда не торопясь и вдыхая свежий запах леса, насладиться прогулкой.

Педали под ним всегда крутились легко, без скрипа, как у других людей; рама не стонала от чрезмерного веса ездока, а дисциплинированный звонок не звякал попусту, когда переднее колесо наскакивало на кочку. Константинов не был склонен к глупым метафорам, но сейчас, катясь вдоль хорошо заасфальтированной дорожки, он ощущал себя чуть ли не единым целым с велосипедом. В газете журналист-недотёпа наверняка написал бы об этом: “Велосипедист и его двухколёсная машина слились в экстазе...”

Руль был продолжением рук, а педали — продолжением ног. Странный симбиоз человека и колёсного транспортного средства. Константинов усмехнулся, нажал на тормоза и ловко спрыгнул в придорожную траву. Оставив велосипед у обочины, он устремился в сердце изумрудного луга. Нагибаясь, он рвал васильки, складывал их в букет, подносил к ноздрям, чтобы убедиться, что всё происходит взаправду, и вдруг громко прокричал:

— Чёрт те что!

Вчера позвонила Вера, сказала, что разводится с мужем и пока поживёт у мамы. Пока — то есть до того момента, когда Константинов приведёт в порядок свою квартиру, чтобы в ней возможно было жить вдвоём.

За полтора года отношений он никогда всерьёз не задумывался о том, чтобы жить с ней вместе. Его устраивало, что они видятся в институте, гостинице или у него дома. И она всегда уходила, оставив после себя сладковатый запах духов, ощущение своей кожи на кончиках его пальцев и вкус помады на его губах. Она уходила, и всё становилось, как обычно. Можно было поставить сковородку и пожарить мясо; можно было разогреть вчерашние щи и поужинать ими; можно было... Многое можно сделать, пока ты один в квартире. Сейчас Константинову представлялось, что всему этому размеренному

покою вот-вот придёт конец. Он никогда не рассуждал о том, счастлив ли он в своей жизни или нет, но теперь почувствовал себя несчастным.

Умение ставить точки необходимо каждому. Можно сколь угодно долго расставлять запятые, без конца усложняя предложение; можно на время прерваться, настукав многоточие. Однако нет ничего лучше вовремя поставленной точки, после которой нет ничего. Возможен лишь новый абзац, очередная глава. В худшем случае — новое предложение. Человек, умеющий ставить точки, имеет больше шансов оказаться свободным от людей и эфемерных обязательств перед ними; от обстоятельств, в конце концов.

“Надо взрослеть, надо совершать разумные поступки, — рассуждал Константинов, разбрасывая собранные васильки. — Вечный покой настанет потом, в некоторой перспективе. Теперь же покой настаёт и пропадает, и за ним не стоит гнаться постоянно, ведь сама гонка — это непокой. Следует поставить точку в правильном месте. Сейчас или никогда? Сейчас? Или никогда?”

Вечером разрывался телефон. Наскучившая полифоническая мелодия прозвучала несколько раз. Константинов даже не сбрасывал звонок и тупо глядел на имя звонящего, вписанное в маленький зеленоватый экранчик. На пару минут всё стихло, а затем заверещал аппарат в прихожей. Он молчал несколько лет, а тут заговорил. Константинов понял, что очень нужен Вере, раз она не оставляет попыток дозвониться. Вряд ли случилось что-то серьёзное, но ей необходимо услышать его. Возможно, он и сам нуждался в том, чтобы услышать её голос, но всё же откладывал, как мог, этот момент.

— Слушай, почему ты себя так ведёшь? Я жутко разнервничалась, что ты не подходишь. Бог знает, что уже успела напридумывать! — Вера возмущалась довольно громко, но беззлобно. Она, скорее, жаловалась на него ему же. — Ты чем там занят?

— Звук у мобильного выключен, вот и не слышал, — объяснил он.

— А делаешь что?

— Сейчас с тобой разговариваю.

— Ясно... Петя, нам очень нужно поговорить. Я больше так не могу — я ничего не понимаю, я запуталась, мне страшно. Даже представить не могу, что у тебя на уме! Ты каждый раз отлыниваешь от разговора, словно он тебе не нужен. Но он нужен не только мне!

— Давай поговорим сейчас? — предложил он.

— Нет уж! Нам нужно встретиться.

— Утром я уезжаю в Минск...

— Вот и чудесно. Я приеду тебя проводить. По крайней мере, это романтично. Ха! Какой вокзал, Белорусский?

— А какой же...

— Где мы встретимся?

— В десять у крайнего правого подъезда. Там, где выход из метро.

— Договорились. Знаешь, мне сегодня звонил муж...

— Ты продолжаешь называть его мужем?

— Не придирайся к словам. Если бы я сказала, что звонил Игорь, ты бы переспросил, кто это. Ну, чего молчишь?

— А что сказать?

— Что-нибудь, чтобы я успокоилась!

— Успокойся.

— Дурак!

— Так что случилось?

— Какой ты невыносимый... всегда! — Слышно было, как Вера с досадой шлёпнула ладонью по какой-то поверхности. — Он просил меня вернуться. Готов всё простить. Говорит, ему всё равно, что в моей жизни случился профессор.

— Я доцент, — поправил Константинов.

— Поверь, для него это одно и то же.

— И что ты? Собираешься вернуться?

— Дурак! Какой же ты дурак! — Она высморкалась, отложив трубку в сторону. — Завтра поговорим. Мне хочется видеть твои глаза. А сейчас ты

портишь мне настроение. Мне кажется, ты ни к чему не относишься всерьёз. Нет, вру. К себе относишься. Ладно, пока!

Не дожидаясь ответа, она повесила трубку.

IX

Константинову снилось море. И не было бы в этом сне ничего необычного, потому что море снилось ему часто, если бы не особенное ощущение себя маленьким мальчиком, оставленным наедине с накатывающими на песчаный берег волнами.

Замок, который он выстраивал три часа кряду, не забыв вырыть глубокий ров и заполнить его водой, посадив на вершины четырёх башен моллюсков, никак не желавших распахивать створки своих крепких раковин, был смыт за мгновение. Волна набежала на стену, обрушила поток на замковый двор, повалила набок башни, а затем стремительно понеслась обратно, увлекая за собою в море разваленные стены и подхватив четыре плотно схлопнутые раковины. Константинов стоял, разинув рот, и не знал, на что бросаться: то ли закрыть своим щуплым, полупрозрачным, как у медузы, тельцем стены, на которые надвигалась опасность, то ли ловить ведёрко и совок, уже подхваченные солёным потоком и собирающиеся отчалить от берега, возможно, навсегда.

Потом Константинова обступили люди, участвующие в каком-то безумно цветастом карнавале. Они были в масках; они оттесняли его всё дальше в море, распевая песню на незнакомом языке. Он пятился и пятился, пока не оказался в воде по шею. Тогда он решил плыть.

Константинов плыл на маяк, видневшийся впереди, на серповидном полуострове. Он перестал взмахивать руками, и вода качала его на своей блестящей на солнце поверхности. Передохнув, он вновь поплыл сам, чувствуя, что с каждым новым взмахом рук становится старше. В море плыл не невесомый мальчишка, а уже самый настоящий, вымахавший вверх, широкий в плечах Константинов, закончивший перед сном доклад, с которым предстояло выступать в Минске.

Он всё плыл, а с проходящей мимо яхты под неведомым флагом ему махали полуголые девицы. Константинов восхищённо свистнул, поднёс руку к лицу и обнаружил, что его кожа дрябла, как у старика. От трогал нервными пальцами лицо и обнаруживал морщины; коснулся губ и понял, что за ними пустота, — в беззубый рот плеснуло водой.

Константинов понял, что нужно поворотить и плыть назад, на берег его молодости, к той минуте, когда волна только собиралась разрушить замок. Замок следовало спасти во что бы то ни стало. Но внезапно навалились сумерки и повеяло холодом; на маяке, до которого оставалось всего ничего, загорелся свет, и Константинов устремился к нему, потому что возвращаться назад, туда, откуда он пришёл и где теперь, вероятно, ничего, кроме тьмы, не было, показалось ему неразумным.

Он выполз на берег совершенно обессиленный и уткнулся лицом в мокрый песок. Он лежал, не шевелясь, и слушал, как бьёт где-то неподалёку колокол. “Откуда колокол на маяке?” — подумал он, нащупывая в песке камень. Камень поместился в ладони, и Константинов сжал его. Колокол замолчал. Константинов взглянул на циферблат — семь утра. Завод будильника вышел сам. Константинов зря с такой силой сжимал его.

“Одному быть нельзя, — решил он, поднимаясь с кровати и нащупывая ногами холодные тапочки. — Нельзя”.

X

Вера терпеливо ждала его возле крайнего правого подъезда и, хотя он не опоздал ни на минуту, осталась недовольна:

— Я уже давно здесь, между прочим!

— У нас не так много времени, — ответил Константинов, устремляясь к центральному подъезду вокзала. — Проводишь меня до перрона?

Она шла рядом с ним и быстро-быстро повторяла всё то, что успела сказать вчера по телефону.

— Нам нужно решить, что с нами будет дальше! — выпалила она, когда он искал на табло нужную платформу.

— Давай решим, — согласился он.

— Как ты просто об этом говоришь!

— Незачем усложнять, — улыбнулся Константинов. — Вот ты меня любишь?

— А ты как сам думаешь?

— Вместо того чтобы ответить, ты всё усложняешь.

— Ну, люблю, — опустила взгляд Вера, понимая, что он её подлювил. — А ты?

Константинов протянул паспорт проводнице. Она долго сличала его лицо с фотокарточкой десятилетней давности.

— Пятое купе, проходите.

— Вот так и уедешь? — воскликнула Вера и, заметив удивлённый взгляд проводницы, прибавила: — Простите нас, девушка.

Та вежливо улыбнулась и отступила на шаг, думая, что Вера сейчас поцелует его, однако Константинов ступил на нижнюю ступень лесенки, ведущей в тамбур.

— Да, уеду на этом поезде.

— Ты любишь меня?

— Граждане, прощайтесь скорее, — поторопила смущённая проводница.

— Люблю, — ответил он, поднявшись в тамбур.

Проводница поднялась следом за ним, сложила лестницу, взялась за ручку двери, чтобы захлопнуть её, но замерла, не решаясь. Поезд качнулся, немного откатился назад и плавно начал набирать скорость.

— Что с нами будет дальше? — закричала Вера, с досады роняя сумочку.

Константинов взмахнул рукой. Проводница хлопнула дверью. Вера сделала несколько шагов по платформе.

— Для чего тебе глобус? — спрашивал отец.

— Я буду его вертеть, — отвечал Константинов.

— Ты можешь хоть иногда отвечать по-человечески?

— Если бы это было так просто!..

2017
Гродно

НИКОЛАЙ РАЧКОВ

ЗДЕСЬ ЛЕС И ПОЛЕ, ЗДЕСЬ РОССИЯ...

БАЛАШОВ

*В июне 1812 года генерал-адъютант
русского царя А. Д. Балашов прибыл в
ставку Наполеона.*

Француз войной на Русь пошёл,
Но здесь не будет фарту...
С посланьем царским Балашов
Явился к Бонапарту.

Была дорога не близка,
Свои и вражьи станы.
Лавиною текли войска,
Драгуны и уланы.

Швырнул письмо Наполеон,
Кулак упруго сжался:
— Я полагаю, русский трон
Меня уже заждался.

РАЧКОВ Николай Борисович родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического института. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России, литературных премий им. А. Твардовского и "Ладога" им. А. Прокофьева. Победитель 2-го Московского международного поэтического конкурса "Золотое перо" в номинации "Лучшее стихотворение года". Живёт в г. Тосно Ленинградской области.

Готов я к главному броску,
Учёл вассалов мненье.
Скажи, какое на Москву
Удобней направленья?..

Куражился Наполеон,
Мол, карты русских биты.
Взмыл за столом бокалов звон
Его надменной свиты.

Но воин храбрый Балашов
Явил и здесь отвагу.
Ответил, свой гранёный штоф
Держа в руке, как шпагу:
— Пути любые хороши,
Открыты все на славу.
Вот Карл Двенадцатый решил
Идти через Полтаву...

Он знал, какую роль играл,
Был ферзем, а не пешкой,
Умнейший русский генерал
С загадочной усмешкой.

Себя он сдерживал едва,
Ещё бы — честь мундира!
Запомнили его слова
Все дипломаты мира.

Был явно дерзостен намёк
О боевой дороге,
Но Бонапарту невдомёк,
Что ждёт его в итоге —

Бородино
    в крови по грудь,
И маршалов измены,
И траурный,
    последний путь
На острове Елены.

* * *

Пусть дым из трубы деревенской и горек,
Но есть в нём для сердца волнующий хмель.
Россия — вот этот проснувшийся дворик,
Где утром скворешню качает апрель.

Она и печальный погост за деревней,
И солнечный снег, и пылающий клён.
В ней столько таится поэзии древней,
Легенд и сказаний минувших времён.

Она — Куликово и Курское поле,
И доблестный витязь монах Пересвет,
И Юрий Гагарин, и девочка Поля,
За бабочкой белой бегущая вслед...

ЛУЖСКИЙ РУБЕЖ

...И обнажилась, огнём полая,
В армии нашей смертельная брешь.
Враг шёл победно, бронёй громохвая,
Но обломился о Лужский рубеж.

Лужский рубеж — батальоны и роты,
Грозных, прицельных орудий стена.
Лужский рубеж — ленинградской пехоты
Воинский подвиг на все времена.

Спят в этих далях сквозь годы и даты,
Ни перед кем с той поры не в долгу,
На смерть стоявшие наши солдаты,
Не уступавшие пяди врагу.

Спят и в песке, и в болоте, и в глине...
Нет, не исчезнет в преданьях теперь
Бешенство Гитлера в волчьем Берлине,
Не ожидавшего страшных потерь.

Стал неприступным, вошедший в балладу,
Город, от ветра балтийского свеж.
Дал подготовиться в бой Ленинграду
Лужский рубеж,
Лужский рубеж.

* * *

Открыл сегодня томик Фета.
Как много в нём зимы и лета!

Дохнуло вьюгой, лунным снегом,
Саней старинных лёгким бегом,

Касаньем робких уст во мраке,
Проснувшимся ручьём в овраге,

Ознобом соловьиной трели
И жаром утренней постели...

Ах, это надо так немного:
Россия...

Снег...

Луна...

Дорога...

* * *

Журавлиный оклик пронесётся
С низеньких и сереньких высот.
Клюквенное тихое болотце.
Березняк, ольшаник да осот.

Деревушка, где ни роз, ни вишен.
Баньки врасыпную под горой.
Почему здесь и откуда слышен
Музыки гаврилинской настрой?

Спорят неустанно многословы,
Умники моей большой страны,
Почему рубцовы и беловы
Этим далям до смерти верны.

* * *

Так много васильковой сини
Над светлой рощицей простой.
Здесь лес и поле... Здесь Россия.
Здесь Пушкин, Лермонтов, Толстой.

И земляника в перелеске,
Черёмух вешних холодок,
Грачи и церкви... Достоевский,
Тургенев, Тютчев, Гоголь, Блок.

Здесь снежные бывают бури,
Шагнёшь — и не сыскать концов.
Но здесь Иван Шмелёв и Бунин,
Есенин, Шолохов, Рубцов.

Словесные набат и гусли.
Так было и так будет впредь.
Здесь можно и в любви, и в грусти
Любое сердце отогреть.

* * *

Как солнце играло на жёлтой стерне,
На тёплой ботве огорода!
Была ты, деревня, опорой стране,
Извечной душою народа.

Когда чёрной тучей в родные края
Шёл враг, беспощаден и страшен,
Вставали стеною твои сыновья
От сельских угодий и пашен.

И знали, где их потайные ключи,
Где корни у них родовые,
Твои космонавты, поэты, врачи
И маршалы, и рядовые.

И пусть журавли разрыдались, трубя,
Что всё в этом мире не вечно.
Мне хочется верить, что вспомнят тебя.
Конечно же, вспомнят. Конечно...

* * *

И ударят внезапно,
В грудь ударят и сбоку...
Не надейтесь на Запад
И не верьте Востоку.

Мы в кольце. Нас лукаво
Окружили на горе.

Наши правда и слава —
Словно кость у них в горле;

Наши недра и грады,
Наши страшные битвы.
Даже наши парады,
Даже наши молитвы.

За наживой в погоне
Сами, что ль, не рыдали?
Кто их исстари гонит
В наши русские дали?

Тут — капкан, там — засада,
В грудь ударят и сбоку...
Не надейтесь на Запад
И не верьте Востоку.

НИКОЛАЙ ГЛАЗУНОВ

НАДЕЖДА

РАССКАЗ

Засыпая, Александр услышал скрежет и шум осыпающегося стекла. “Это у Алины”. — Он рывком поднялся и, запахивая на ходу халат и едва попадая ногами в тапки, побежал вверх по лестнице в комнату дочери.

Нащупал выключатель и от вспыхнувшего нестерпимо яркого света на несколько секунд зажмурил глаза. В лицо ударил резкий порыв ветра, окатил дождевыми каплями. Сквозь разбитое окно в комнату текла вода.

— Паа-па... — раздался с кровати дрожащий голосок.

По захрустевшим осколкам Александр подошёл к окну, закрыл бьющуюся на ветру раму и задернул плотную штору — пока дочь не уснёт, всё равно ничего убирать не будет. Бросил беглый взгляд на кровать — не долетели ли осколки?

— Испугалась? Не бойся, солнышко, это всего лишь гроза, а мы с тобой забыли окно закрыть.

Рукавом халата он вытер девочке слёзы и взял её на руки.

— Держись.

Алина привычно обвила ручонками его шею, и он пошёл вниз.

— Чего-нибудь хочешь? — спросил он, укладывая её на свою кровать.

— Нет... Мне страшно было.

— Но теперь всё хорошо, правда? Помнишь, мы с тобою под дождь попали? Помнишь, как весело бежали? И ты ничего не боялась.

Алина прикрыла глаза, вспоминая.

ГЛАЗУНОВ Николай Геннадьевич родился в 1974 году в г. Новокуйбышевске Самарской области. Окончил исторический факультет Самарского государственного педагогического университета и курсы литературного мастерства Литературного института им. М. Горького. Кандидат философских наук. Проректор по учебной работе Московской международной академии. Живёт в Москве.

— Но тогда было светло. И ты был со мною. И мама...

Лицо девочки замерло в недоумённой гримасе.

“Ах, дурак!” — От досады по телу пробежала жаркая волна.

— Хочешь, я тебе зефир принесу?

Алина непонимающе смотрела на отца.

— Зефир, говорю, будешь?

— Э-э-э, да.

С чувством освобождения он пошёл на кухню, поставил молоко в микроволновку и достал зефир.

“Опять всю ночь не уснёшь”. Досада за свою оплошность кольнула ещё сильнее. Ведь знал же...

Александр на цыпочках вернулся в комнату. Поджав ноги, девочка неподвижно сидела на кровати, слёзы обильно катились по её лицу.

“Глаза точь-в-точь, как у матери, большущие, синие”, — подумал Александр.

Он впервые увидел дочь, когда Алине было уже два месяца. Желая обрадовать жену, бесшумно открыл входную дверь, разулся, чтобы ступать неслышно, и, не раздеваясь, прошёл в комнату.

Надя сидела спиной к двери и грудью кормила ребёнка. Халат сполз по её спине, обнажая гладкую и необычайно белую кожу. Из-под её руки выглядывала крошечная пяточка, слышалось лёгкое кряхтение и причмокивание.

— На-дю-ша, — без голоса, одним выдохом позвал он жену.

Вскинув огромные синие глаза, она обернулась.

— Сашенька...

Монотонный гул микроволновки резко оборвался. Перелив молоко в чашку, он вернулся в комнату.

Не притронувшись к любимому зефиру, а сделав лишь несколько глотков молока, девочка неожиданно покорно легла.

— Не буду расстраивать маму. Но ты куда не уйдёшь?

— Я буду здесь, спи.

Оставив гореть лишь маленький ночник, купленный на случай, когда Алину внезапно охватывал страх темноты, Александр сел рядом с дочерью и стал гладить её по голове. Белокурые волосы мягко струились меж пальцев. Что-то пробормотав, девочка уснула.

Александр сел в кресло рядом с кроватью. Уходящая гроза изредка освещала комнату фиолетовыми всполохами.

С Надеждой он познакомился, приехав в отпуск к сестре. Небольшое село находилось недалеко от крупного города и уже давно использовалось горожанами как загородная дача. Как и во всех сёлах, вынужденных делить соседство с городами, его население резко увеличивалось летом, когда жаждущие толпы горожан устремлялись на природу, и стремительно таяло, как только холодало.

Александр застал сестру перед телевизором. Расцеловавшись, она стала пересказывать последние новости.

— Ты слышал про Дагестан? Туда Басаев с каким-то Хаттабом вторглись. Хорошо же последний месяц лета начинается!

Он недовольно передёрнулся.

— Диана, ради Бога, выключи телевизор. Дай хотя бы у тебя передохнуть от этих новостей!

Сестра была старше его на десять лет. Едва закончив школу, она вышла замуж и уехала с мужем, когда Саша ещё с упоением играл со сверстниками в войну. Душевная близость между ними так и не установилась, хотя оба искренне интересовались жизнью друг друга и, в меру возможностей, заботились друг о друге. Диана немного робела перед братом, но никогда не показывала своего смущения.

Даже в отпуске он по привычке вставал очень рано. Последние годы, погружённый в кабинетную работу, тосковал по физической нагрузке, поэтому у сестры, чей дом стоял у реки, не упускал возможности подолгу плавать. В детстве матери стоило больших усилий дозваться его с реки, откуда он неизменно возвращался продрогший и сияющий.

— Эх, карась ты мой, — приговаривала она, растирая сына полотенцем. Это прозвище намертво приклеилось к нему, и близкие друзья иначе его и не звали.

Небольшая прибрежная поросль — попеременно кустарники, огромные лопухи, редкие деревца — и вот — река. Неширокая, извилистая, словно созданная для неспешного отдыха.

Александр заплывал на середину и медленно плыл против течения, чтобы, устав, повернуть обратно и дать течению подхватить себя. Наплававшись, он ложился в кустах и смотрел на небо, гадал, на что похожи облака. Тело, отвыкшее от нагрузки, наполнялось томительной негой, и он быстро засыпал.

Он любил приходить к реке рано утром, когда никого нет и можно поплавать и полежать в тишине. Тут он впервые увидел Надежду. Задремав после плавания, не сразу услышал, что сквозь соседние кусты кто-то прошёл, похрустывая опавшими ветками и сухой травой. Он нехотя поднялся на локте и сонно посмотрел сквозь кусты. Сбросив невесомое платье, в воду медленно входила девушка в белоснежном купальнике с золотистыми разводами, словно слетевшими с искусно-небрежной кисточки художника солнечными брызгами. Русые волосы были убраны в две небольшие косички. Крепкое тело вошло в ту неповторимую женскую пору, когда девичье очарование сменяется неотразимой силой молодой женщины.

Не успел Александр вновь откинуть голову на траву, как девушка вскрикнула и опрокинулась в воду. Он вскочил и бросился к воде. Она безуспешно пыталась встать, но не могла удержаться на ногах и снова падала.

— Давайте руку, — крикнул Александр, заходя в воду.

Смахнув воду с лица, она подалась вперёд.

— Ай, не могу! Я ногу порезала!

В этом месте начинался резкий обрыв и, сделав всего три шага, он уже по горло стоял в воде.

— Не бойтесь, я держу вас. Можете идти?

— Больно... — зажмурилась девушка.

— Тогда давайте так.

Александр взял её на руки и стал медленно возвращаться к берегу, осторожно ступая по скользкому глиняному дну. Едва не упав у самого берега, опустил девушку на траву.

— Сильно ногу порезали?

— Не знаю, но больно...

— Здесь нужно осторожно купаться, на дне всегда полно ракушек. Давайте посмотрю.

На правой ступне действительно мрачно краснел глубокий порез. Кровь растекалась по мокрой ступне.

— Нужно перевязать.

— Но у меня ничего с собою нет, — сказала она и потянулась к ране.

— Не трогайте, у вас руки грязные.

Девушка положила руку на колено.

— Я сейчас вернусь.

Александр побежал в кусты, где оставил свою одежду. Вернувшись, разорвал свою майку на несколько длинных полос.

— Ну, зачем вы? Не надо!

— Тогда рвём ваше платье, согласны? — И он потянулся за её платьем.

Девушка замялась.

— Я его только купила, даже поносить не успела.

— Ну, вот видите. Тогда о чём разговор? Да и майку я уже разорвал.

Он вернулся к реке, намочил один кусок тряпки и зачерпнул в ладони воды.

— Не беспокойтесь, раненая, всё будет в лучшем виде. — Он вылил воду на ступню, смывая прилипший песок, вытер её мокрой тряпкой, а потом быстро перебинтовал сухим лоскутом. “А руки-то помнят”, — с удовольствием подумал он.

— Спасибо вам большое. Здесь такое дно скользкое, я никак не могла на ноги встать.

Только теперь он посмотрел ей в лицо. Резко выделялись большие синие глаза. Мокрые волосы прилипли к щекам.

— Я в детстве здесь все ноги себе изрезал. Крови потерял столько, что на значок почётного донора хватило бы!

Девушка улыбнулась:

— А вы здесь живёте?

— Я здесь родился и вырос, но уже давно уехал отсюда. Сейчас к сестре приехал.

— А я к подруге вчера приехала. Вот решила с утра искупаться и первым делом ногу порезала. Наверное, ходить будет больно.

— Ничего, заживёт. Не только ходить, но и бегать будете. Кстати, пора, наверное, познакомиться? Александр.

— Надя, — подала она в ответ свою руку.

Он долгим взглядом посмотрел на неё. Ей удивительно шло это имя.

— Мне пора домой, — прервала она его молчаливое созерцание. — Пожалуй, сегодня больше купаний не будет.

Надя оперлась на его руку и, ступая на пятку, медленно пошла, но пройти заросли кустарника ей оказалось не под силу.

— И как же дальше?

— Ну, здесь есть только один способ, если вы не против, — и, не дожидаясь ответа, он взял её на руки. — По-другому вам здесь не пройти. Летать же не умеете?

— Не умею, — согласилась Надя.

Многолетний сухостой трещал под ногами. Александр шёл медленнее, чем мог бы идти по этой дороге, которую знал с закрытыми глазами.

Отпускная расслабленность незаметно улетучилась. Неспешное течение времени, с ленивым перетеканием дня в ночь и снова в день вдруг обернулось мучительно долгими, лихорадочно пульсирующими минутами ожидания.

В мыслях Александр не расставался с Надей, безмолвно продолжая с ней бесконечный разговор — не важно, о чем, главное, говорить, а лучше — слушать её голос, немного глуховатый, но тем более неожиданно взлетающий в хрустальных переливах смеха. Сколько неизведанной, томительной сладости было в одном её имени и его бесконечном повторении... Её имя срывалось с губ, разлеталось звонкими искрами в лучах заката и тёплым шёпотом отдавалось в душе, замирая в блаженной немоте: Надя... Наденька... На-дю-ша-а...

Каждое утро, переплыв реку, Александр взбирался на невысокий, но крутой склон, цепляясь за кусты полыни, густо покрывавшие оба берега. Ладони пахли бодрящей горечью, давно забытым ароматом детства. К цветам он всегда был равнодушен и покупал их, не глядя, по каким-нибудь официальным поводам, и забывал о них, едва выпускал из рук. Сейчас, составляя букет, он любовно отбирал цветы, отбрасывая пожухлые и оставляя свежие. Они почти не пахли, разве что пылью и прокалённой солнцем землёй.

Сначала он рвал белые, затем к букету добавлялись цветы бледно-жёлтые и, наконец, розоватые. Других оттенков на поляне не предвиделось. Каждый день он старался разнообразить букет. Один день отдельно собирал белые, жёлтые и розовые цветы, и букет состоял как бы из трёх маленьких букетиков. В другой день раскладывал букет на десяток кучек: белый — розовый — жёлтый и снова: белый — розовый — жёлтый, а потом соединял в единый букет, и он начинал играть, неуловимо перетекая из одного цвета в другой. В третий день букет был нарочито небрежен. Иногда цветы обрамлялись тонкими веточками кустарника, чьи листья могли выгрызно оттенить простоту букета. Он упивался этой неожиданной цветочной забавой. Купить цветы в магазине ему даже в голову не приходило.

Когда букет после долгой игры сочетаниями оттенков был, наконец, готов, Александр бегом возвращался к реке. Спуститься по отвесному склону к воде можно было, лишь держась за кустарники. Он зажимал цветы в зубах и так спускался. Выходя из реки, останавливался, пригоршней черпал

воду и, взяв её в рот, шумно выдыхал, покрывая цветы мельчайшими водяными искорками.

Чем ближе Александр подходил к дому Нади, тем медленнее шёл. Чем сильнее билось его сердце, тем нарочито более неспешно он шагал, оттягивая момент встречи. Он без труда перелезал невысокий заборчик и неслышно подходил к открытому окну, рядом с которым стояла кровать Нади.

Когда он в первый раз принёс цветы, девушка от неожиданности даже вскрикнула. Вечером лил недолгий, но сильный дождь, и вся трава теперь обильно была смочена водой. Александр, не разобрав в предрассветном полумраке, положил влажный букет на ноги Нади. Вскрик, показавшийся в полутьме особенно пронзительным, сменился приглушённым смехом.

— Надя, Надя, это я, не бойся!

— Сумасшедший, ты напугал меня! Я вчера ужá видела. Бр-р-р, ужасно боюсь всех гадов ползучих. А тут мне почудилось, что по ногам змея ползёт!..

Он едва различал её лицо, но чувствовал, как жаркая волна радости течёт ему навстречу.

Надя появилась в окне, прижимая цветы к лицу. Александр шагнул вперёд и тоже уткнулся лицом в цветы. Влажные стебли растеклись по лбу, щекам. Он хотел отпрянуть, но цветы посыпались ему на плечи, шею обвили руки и у самого уха прошелестело:

— Спасибо, любимый.

Едва пробившейся щетиной он медленно заскользил по её щеке и уверенно прижался губами к её губам.

В последующие дни Надя уже ждала его утренних визитов. Она сдвинула кровать, чтобы изголовье оказалось точно напротив окна. Иногда, заслышав хруст веток, она вставала ему навстречу, а иногда притворялась спящей, чувствовала, что на неё пристально смотрят, но не подавала вида. Александр никогда её не будил и, если она не вставала, стоял несколько минут и осторожно клал букет на подушку. Будто во сне Надя поворачивалась и зарывалась лицом в цветы. Влажный букет освежающе ласкал лицо.

Уткнувшись в цветы, Надя лежала ещё несколько минут, после чего пружинисто вскакивала, натягивала сарафан и, стараясь не шуметь, пробиралась к выходу, а чаще — незаметно выскальзывала в окно. Неслышно ступая, она нагоняла Александра и, очутившись в трёх шагах от него, вскрикивала, стараясь придать своему голосу зловещие нотки:

— Ага, попался! — и в один прыжок вспрыгивала ему на спину.

В первый раз Александр, не расслышав её шаги за спиной, даже присел, когда ему на спину кто-то внезапно прыгнул. Отработанным приёмом он едва не переборсил девушку через себя, но в последний миг замер, узнав Надин голос.

— Солнышко, я ведь тебя мог покалечить, — произнёс он виноватым и непривычно дрожащим голосом. А ведь и правда — мог.

Несколько мгновений Надя недоумённо смотрела на него, но потом безмятежно улыбнулась. Огромные глаза смотрели на него с полным доверием. Девушка прильнула к нему в глубоком, неотрывном поцелуе.

— Не... — глубокий вдох и вновь поцелуй, — ...мог, — выдох, — ты меня, — ещё вдох, — покалечить, — выдох и снова поцелуй. Надя разомкнула губы и прижалась щекой к его щеке, крепко обхватив его шею, словно ища защиты.

— Наденька моя. — Александр подхватил её на руки, неотрывно глядя ей в глаза.

В последующие дни он шёл медленно, стараясь расслышать Надины шаги и, резко обернувшись, поймать её в прыжке.

В один из дней Надя так и не появилась. Александр, прождав её добрый час, вернулся домой и сел на лавочку у небольшого сада, который был разбит перед домом. В саду росли смородина, несколько яблонь и стоял полусгнивший дуб.

Машинально достал сигарету.

“Надо же, — поймал он себя на мысли, — сколько дней уже не курю, даже не заметил. Но где Надя? Проспала?”

— Не оборачивайся, — раздался голос за спиной.

Александр невольно дернул плечом.

— Спокойно, — произнёс муркающий голосок.

На его плечи легли руки, скользнули к локтям, а потом легли на голову.

— А вот и я! — зашуршало над ухом. — Думал, не приду? Просплю? Ни за что!

Отпуск стремительно приближался к концу. Отъезд решили отметить походом в лес, на шашлыки. Собственно, это был не лес, а небольшая берёзовая посадка, которая была в полчасе ходьбы от дома. С заготовленным мясом, охлаждённым красным вином и корзиной овощей они двинулись в путь. Надя была молчалива и казалась растерянной.

“Сегодня всё должно решиться. Моей холостой жизни пришёл конец”. Александр мысленно на всевозможные лады повторял: “Надя, ты будешь моей женой?” Жена! Какое тусклое, словно походная амуниция, слово... Он поднял глазу на Надю, шедшую на полшага впереди. Белый сарафан на бретельках-ниточках, тонкие руки, — он на мгновение даже почувствовал, как они обвивают его шею, — улыбка, показавшаяся ему встревоженной. Жена! Какое свежее и желанное слово!

— Ты не устала? — спросил он, чтобы прервать уже нестершимое молчание.

— Нет.

— Наверное, нужно было придумать что-нибудь поближе, а не ходить в такую даль?

— Да нет, ты много рассказывал про эту берёзовую посадку.

Было ещё утро, но солнце уже пекло нестерпимо. Шли мимо полей подсолнечника. Тяжёлые круглые шапки склонились почти до земли, обнажая пожелтевшие затылки. Надоедливая мошкара липла к потным телам. Надя споткнулась о проволоку, торчащую из земли.

— Мы дойдём когда-нибудь до твоей посадки?

— Потерпи, вон она, видишь? — и Александр указал на цепочку берёз перед ними.

— Потерпи, потерпи, — отозвалась Надя.

Он мысленно и сам уже не раз обругал свою затею с шашлыками. Солнце шло к зениту; значит, будет ещё жарче, а потом наступит нестерпимое марево. Дышать будет вовсе нечем.

Наконец, дошли до посадки. Она была негустой, но прямого солнца всё же в ней не было. Расстелили одеяло и одновременно с жадностью схватили бутылки с водой. Александр развёл костёр и стал быстро насаживать мясо, пахнущее ароматным маринадом, на шампур. Капельки сала, падая на угли, вспыхивали голубоватыми искорками.

— Надюша, сейчас всё будет готово. Знаешь, самый лучший шашлык я ел на Кавказе. У нас ничего с собою не было, замариновать мясо не в чем. Тогда мы просто залили баранину водой из колодца. Более восхитительного мяса я никогда не пробовал! Хотя тогда нам было не до кулинарных изысков. Думаю, мы и полусырое мясо с радостью бы съели.

Надя села на бревно в отдалении от костра, отрешённо глядя на переливающеся разноцветье углей и неспешно отхлёбывая воду из бутылки.

— Надя, что с тобою?

Предвкушая предстоящее объяснение и заранее предвидя её “да”, он недоумевал, глядя на её сумрачный вид.

Огненные куски мяса были разложены по тарелкам вместе с кусочками лука, помидорами и присыпаны пушистой горькой зеленью.

— Последний штрих, — сказал Александр, откупоривая бутылку с вином, завёрнутую в полотенце, чтобы дольше сохранить прохладу. — Занимайте места согласно купленным билетам.

Надя подошла ближе к костру, выжидательно глядя на хлопчущего Александра. Он подал ей стакан с вином.

— Надюша, сегодня мы с тобою в последний раз...

— Ах, всё-таки в последний?! — перебила она его. — Я так и знала! Решил на прощание...

Она швырнула стакан в догорающий костёр и сделала шаг ему навстречу, неотрывно глядя ему в глаза.

— Надюша! — Александр обескуражено смотрел на неё.

— Что Надюша? Наше расставание не нужно было столь пафосно обставлять!

Она с остервенением пнула кастрюлю с шашлыком — куски мяса разлетелись по поляне.

— Сама дура, размечталась... — Надя закашлялась, гнев перехватил ей горло. — Ненавижу тебя! Ненавижу!

Она прижалась к берёзе и разрыдалась. Он впервые видел её плачущей, и ему было нестерпимо смотреть на её слёзы.

— Господи, Надя! Ты всё неправильно поняла!

— А что тут понимать?! Развёл лохушку на отпускной роман! Молодец! Поздравляю!

— Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж! — закричал Александр, чтобы заглушить причитания Нади.

Она вскинула на него непонимающие глаза.

— То про последнюю встречу говоришь, то замуж зовёшь, это как?..

Александр облегчённо выдохнул и, подойдя к Наде, крепко обнял её. Она передёрнула плечами, стараясь сбросить его руки.

— Прости, я так глупо выразился. Хотел сказать, что мы сегодня последний раз встречаемся как свободные люди, а дальше — куда я, туда и ты. Жена за мужем, как нитка за иголкой.

— Значит, ты делаешь мне предложение?

Александр расцепил руки.

— Я люблю тебя, Наденька. И хочу, чтобы ты стала моей женой. Это, по-моему, и так понятно...

— Кому понятно? — вскинула голову Надя, смахивая слёзы ладонью.

— Ну, мне... нам... а разве нет?..

Эта мысль не приходила ему в голову.

— А я что, мысли твои могу читать? Я извелась вся. Тебе скоро уезжать, а ты всё “люблю” да “люблю”, а дальше-то что?! Ни полслова! А я, как и любая женщина, хочу определённости, хочу будущего! Что здесь непонятного?

— Прости, — виновато бормотал Александр, — я думал, ты чувствуешь... что слова здесь не нужны...

— Дурачок, любовь не терпит тишины и ищет знаков подтверждения!

Её раздражение вмиг иссякло.

Поглощённые внезапной ссорой и примирением, они не заметили, как резко усилился ветер.

— Саша, смотри! — Надя вскинула руку, указывая на что-то.

Со стороны поля, гонимое шквальным ветром, на посадку стремительно шло плотное облако пыли. Солнце заволокло иссиня-чёрными маслянистыми тучами. Надвигалась гроза; отчётливо запахло сырой пылью.

— Ну, и что теперь делать? — закричала Надя.

Он почти не слышал её. Берёзовые ветви со свистом хлестали друг друга. Временами ветка, сухо треснув сломанным суставом, падала им под ноги.

— Иди ко мне, — позвал Александр, поднимая с земли одеяло.

Встав за дерево, он едва успел с головой обернуть себя и Надю, как по одеялу с шипением забарабанили пыль, поднятый прибрежный песок и ветки, чувствительно коловшие сквозь ткань. Дневной зной исчез. С мучительным томлением земля ждала освобождающего ливня.

Наконец, первые крупные капли стали падать на кучки пыли, собравшиеся у их ног. Одиночные капли моментально сменились стеной мощного дождя; земля, раскрывшись навстречу ливню, жадно впитывала воду. Одеяло насквозь промокло, но Александр по-прежнему стоял, закутавшись в него вместе с Надей. Воздух свежел, от мокрого одеяла становилось зябко. Александр прижал девушку к себе и почувствовал жаркое Надино тело, облепленное мокрым сарафаном. Она вновь прижималась к нему доверчиво и ласково, как раньше.

— Наденька... — ему вдруг нестерпимо захотелось услышать собственный голос, произносящий её имя, — Наденька, солнышко моё...

Она оторвала лицо от его груди и посмотрела своими пронзительно синими глазами. Он мог бесконечно любоваться переменной игрой этих глаз — неподвижно-задумчивых и оттого особенно глубоких, да что там — бездонных; весёлых и словно сыплющих искорками бенгальских огней; тревожных, беспокойно бегающих, но ничего не видящих.

Александр впился в её горячие губы, жадно обнимая девичье тело, ещё минуту назад отчуждённое, а сейчас радостно-отзывчивое, доверчиво лнущее к нему и ответно напористое в безрассудном натиске.

Ветви и корни деревьев впились им в спины, но они этого не замечали; белоснежный сарафан, местами разорванный, стал чёрно-зелёным от травы и грязи, под ногами хлопала вода...

Александр проснулся. Было ещё темно, изредка вспыхивали молнии, но дождь уже кончился. Ко влажному воздуху примешивался тягучий аромат черёмухи, которая росла у дома.

Всё, как тогда...

Он чувствовал рядом с собой что-то тёплое и влажное.

— Наденька... — позвал он, решительно загребая что-то в охапку.

Это было одеяло, к которому он привалился во сне.

Теперь Александр проснулся окончательно. В свете ночника увидел на кровати дочь. Девочка во сне сбросила одеяло, а сейчас, замёрзнув, подтянула колени едва не к подбородку. Он укрыл Алину и, поперхнувшись, стал кашлять, быстро выходя из комнаты. Кашель не проходил, и Александр, прыгая через две ступеньки, оказался у себя.

Тяжёлое давление в груди, наконец, прорвалось. Его плечи тряслись; сдёрнув простыню с кровати, он вытирал лицо, по которому неудержимо текли слёзы. Когда он плакал последний раз? Наверное, ещё маленьким мальчиком. Потом — нет. Не положено.

Сдержался даже в тот день, когда провожал её, холодную и уже нездешнюю. Слёзы шли мучительно, словно преодолевали мощную преграду, а следом за ними пришло ощущение измождённости и освобождения.

Только в ночи, когда едва проснёшься, переживания бывают столь яркими, а воспоминания — обжигающими.

...Цветы... Ага, попался!.. Думал, не приду? Ни-за-что!.. Посадка... сарафан белый... зелёный... Глаза большущие, синие... Алина... и... “Со святыми упокой...”

Александр рыдал в голос, без стеснения.

Из разбитого окна шёл ароматный, словно промытый дождём воздух. Он любил дождь.

И Надя — тоже.

Он проснулся, как всегда, рано. Многолетняя привычка не нуждалась ни в каких будильниках.

Сварил кофе. По утрам он никогда не завтракал.

Тщательно побрился. В ванной навёл на себя горячую струю, стоял, пока мог терпеть. Потом ледяную. И снова горячую.

Сегодня нужно уезжать. Он достал из шкафа шкатулку, в которой хранились Надины украшения. Золотая цепочка с витиеватым кулоном — его свадебный подарок. Серёжки с рубиновыми глазками, подаренные Наде матерью на совершеннолетие. Браслет, сделанный по его рисунку в честь рождения дочери — “Алькин браслет”, как его называла Надя. Его она любила больше всего и редко снимала. Александр крепко сжал браслет в руке. Вспомнил, как Надя, с трудом одолев застёжку, протянула ему браслет и прошептала:

— Отдай... Але... когда вырастет... на па... обо мне...

Александр захопнул шкатулку, подождал, пока схлынут воспоминания о последней встрече с женой. Он часто перебирал эту шкатулку, обычно по ночам. Подолгу держал каждую вещь. Но сейчас, в дорогу, не хотел беречь душу. Достал обручальное кольцо Нади и, подойдя к зеркалу, расстегнул

цепочку с нательным крестом. Повесил кольцо на цепочку, затем второе и вновь застегнул. Убрал шкатулку, вернулся в комнату, где спала Алина.

Вещи собраны с вечера, осталось только одеться и дожидаться Диану.

При его отлучках Алина всегда оставалась с Дианой. Её сыновья выросли, и она с радостью занималась с племянницей. Хотя бы так сбылась её мечта иметь дочку. Александр был спокоен за дочь и благодарен сестре за ту трепетную нежность, которой она окружила Алину.

Защёлкал замок — Диана.

Александр смотрел на сестру и всегда вспоминал слова матери:

— Вы же брат с сестрой. Держитесь друг за друга.

Они и держались.

— Ты уже собрался? Помочь чем-нибудь?

— Уже всё собрано. В комнате Алины окно разбилось. Я осколки собрал, но вы там поосторожнее, вдруг что-то не заметил.

— Хорошо, я ещё раз всё осмотрую, не волнуйся.

Помолчав, добавила:

— У тебя невыспавшийся вид.

— Да, спал неважно.

— Волнуешься?

— Нет, это от другого.

Александр не стал уточнять, и Диана деликатно промолчала.

— Ну, что? Присядем на дорожку?

Он пытался выглядеть беззаботным, но сестру этим не обмануть.

— Присядем.

— Про Алину не говорю... Уверен, что...

— Саш, ты же знаешь...

— Знаю. Ну, с Богом.

Александр встал и на цыпочках вошёл в комнату. Алина лежала на спине, раскинув руки и едва заметно улыбаясь. Он нагнулся и поцеловал девочку в лоб.

— Храни тебя Бог, доченька.

Диана, стоя у него за спиной, перекрестила его. Раздался звонок. Александр вышел из комнаты и взял телефонную трубку:

— Слушаю.

— Товарищ генерал, машина ждёт вас.

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ВИХРИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

Что есть русская мечта

Русский народ – мечтатель. История русских тяжела, порой ужасна, но и прекрасна, потому что вся история русского народа – это история его мечты. В ней среди непочатых трудов и тяжёлых нашествий, непосильного гнёта, среди бездорожья, сиротливых деревень, закопченных заводов, среди полосатых шлагбаумов и запретных зон сияет мечта о грядущем царстве, где нет насилия, нет болезней и печалей. Где люди живут, как цветы цветут. Где человек человеку брат. И не только человеку, но и зверю лесному, и птице небесной, и цветку, и звезде. Где всё соткано из любви и блаженства, где нет смерти.

Самые великие народы и государства стремятся сформулировать свою мечту. Думаю, что род людской от животного мира отличается тем, что у людей есть мечта. Мечта – это стимул для развития, для эволюции. Те народы, которые не мечтали, уже исчезли. Американская мечта – это град на холме. Крепость, вознесённая на вершину горы, откуда держит под обстрелом города и селения, лежащие в долинах. Если какой-то город или селение взбунтовалось, его накрывают ударами крылатых ракет. Это град превосходства и гордыни, град непомерного владычества. Идея доминирования над миром заложена в американскую мечту. Есть китайская мечта. Она внесена в документы Коммунистической партии Китая наряду с термином “Великий шёлковый путь”. Эта мечта – о восстановлении китайского достоинства, чести, которая была поругана на протяжении нескольких столетий наглými и жестокими европейцами.

А что такое русская мечта? Что нас движет на протяжении тысячелетий? Конечно, мы пашем землю, добываем нефть. Но и другие люди пашут землю и добывают нефть. Что нас заставляет молчать и умирать под пытками, но не предавать родину? Что заставляет нас на бесконечных горях и пепелищах создавать великолепные города? Что заставляет нас в часы страшного уныния, когда другие народы просто исчезли бы с лица земли, вновь возрождаться?

Русская мечта – это храм на холме. Мы насыпали холм и ставили на нём храм, чтобы тот своими крестами касался небес, черпал из небес волшебные энергии силы и красоты. Озарял этим светом небесным наши семьи, наши полки, наши пограничные заставы, наши заводы и университеты. Русская, российская мечта – она о благом государстве, благом обществе, блаженной праведной жизни, в которой нет насилия и зла, а одна красота и служение. Эта мечта складывается из мечтаний всех народов, населяющих нашу державу. В каждой русской губернии, в каждой земле мы найдём подтверждение этой русской мечте.

Оттуда, из этого храма на холме, мы соединяемся с самыми возвышенными силами, которые не дают погибнуть не только нам на земле, но и вселенной в целом. Потому что задача человечества, как говорили наши космисты, как говорил Вернадский, в том, чтобы оживлять погибшие участки вселенной, вновь возжигать погасшие звёзды. И в этом — наше русское мессианство, в этом — наши русские исторические корни. Русская мечта — это предчувствие чуда. Это построение справедливого, идеального, совершенного общества, огромного русского собора, в котором торжествуют любовь, милосердие, обожание, соединение человека и государства, государства и общества, человека и машины, машины и природы, звезды небесной и цветка.

Наша мечта — о счастье и праведности всех русских, всех татар и якутов, всего драгоценного Кавказа, о счастье всего измученного человечества.

Русская мечта — вселенская. Чтобы её обрести, русский человек шёл за горизонт, создал невиданное государство из двенадцати часовых поясов. За этой мечтой он шёл туда, где, казалось, нет жизни, — в сверкание полярных льдов, в горячий огонь пустынь. Соединил хлад и жар, восток и запад, великие реки с великими океанами. Там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное. Эта граница отмечена не пограничными столбами, а иконами. И среди них самая великая и цветущая — икона чудотворной Победы.

Среди всех неурядиц сегодняшнего дня, среди распрей, бурлящей злобы, бессмысленных пререканий сияет впереди бриллиантовая звезда русской мечты, звезда пленительного русского счастья. Да, в России худые дороги. Но они превратятся в автостреды. Да, в России мало мостов. Но мост в Крым через Керченский пролив ведёт не просто в Крым — он ведёт в русское будущее, в пространство русской мечты. Да, у нас дурные чиновники, вороватые управленцы. Русская мечта пройдётся по ним с метлой. В 1991-м у нас хотели отнять мечту. Мы жили с отсечёнными крыльями, с выколотыми глазами, с топором в спине. Сегодня у нас открылись очи, выросли крылья, со стоном, поводя могучими плечами, мы выдавливаем топор из спины.

Русский народ — великий труженик. Он работает с утра до ночи. Он роет окопы, если идёт война. Роет карьеры, если нужно добыть золото или железо. Роет котлованы под высотные дома и храмы.

В своих великих трудах русский человек постоянно смотрит в землю. Для него она — Мать Сыра Земля, Земля-Матушка. Он опекает землю, чтобы она под ним не прогнулась, чтобы её не залила вода, чтобы не погиб урожай. Он хочет делать жизнь лучше, прекраснее, богаче. Не дают! То и дело приходят враги и сжигают всё до основания. Нам опять приходится всё восстанавливать.

И при этом нет, пожалуй, другого народа, который так страстно заглядывал бы за горизонт, смотрел в небеса, был бы таким мечтателем, фантазёром, верил в чудо. Мы мечтательны и очень доверчивы, простодушны; этим пользуются лукавцы и постоянно нас обманывают. Но это не делает нас другими: мы — народ-мечтатель.

И русская мечта сопутствует всему нашему историческому времени. Мы и живём-то на земле потому, что мечтаем. Мы попадаем в пропасти, в ямы, в глубинные чёрные дыры, но вырываемся оттуда, потому что мечтаем. Мечта — эта таинственная сила русской истории, русского времени — влечёт нас из одной гибели в другую, и из одного цветения в другое.

Мы — один из самых мечтательных, верящих, ожидающих чуда народов. Народ-сказочник, народ-сказитель, народ-проповедник, проповедующий в человечестве сострадание, любовь, стремление к возвышенному, стремление к общечеловеческому счастью, к бессмертию.

Люди чувствуют потребность сформулировать свою мечту, назвать, потому что она есть, она где-то рядом, она дышит, она ищет путь. Кто-то говорит, что смысл русской жизни, русской истории, русского существования — в патриотизме. Но неужели русская мечта отличается от мечты швейцарской тем, что русские любят Россию, а швейцарцы — Швейцарию?

Русская мечта изыскивается историками, философами, духовидцами, религиозными пророками, изыскивается из всего русского духовного пути, из изучения этапов всей русской исторической духовной мысли. Языческий этап русской истории — наши волшебные сказки. О скатерти-самобранке, ковре-самолёте, о молодильных яблоках, о победе над старостью, ветхостью, над тлением. О живой воде, которая воскрешает. О волшебном поцелуе,

от которого лежащий во гробе может ожить, восстать. Об Иване-царевиче, который кидается в кипящие котлы — в кипяток водный, смоляной, млечный. И не погибает в этих котлах, а вылетает оттуда ещё краше, ещё сильнее, восхитительнее. Так и русская жизнь: попадает в страшный котёл, в страшную ямину, а вылетает из неё краше, чем прежде. Почитайте русские сказки, и вы почувствуете, что русский человек издревле мечтал о благодати, мечтал о правде, о справедливости, мечтал о бессмертии.

Русскую мечту можно уловить и в учении старца Филофея, который подвизался в Спасо-Елиазаровском монастыре на Псковщине и создал великую религиозную философию о Москве — Третьем Риме. Он писал послания высшающимся тогда государям — к Ивану III, к Василию III, — говорил: предназначение твоё, смысл твоего правления, государь, не в том, чтобы расширять пределы твоего великого государства. Не в том, чтобы снискать славу, не в том, чтобы собрать великую казну. А в том, чтобы сберечь Православие, сберечь учение о Царствии Небесном, сберечь представление, живущее в нашем народе, о божественном плане свершения того чуда, которое было даровано русскому народу, чуда о правде, о справедливом бытии, о вселенском братстве, негасимой любви, делающей человека бессмертным, а человечество — великой братской общиной.

Русскую мечту можно увидеть, если с любовью, с открытым сердцем читать русских писателей — Толстого, Достоевского, Лескова, Бунина, Шолохова. Все они — от самых древних сказаний, от “Слова о полку Игореве” до стихов Гумилёва и Есенина — все пели единый псалом, обращённый к небу, псалом, взывающий к небесам раскрыться, пролить силу благодатную, живительную воду, делающую русскую жизнь озарённой, справедливой, дивной. Эти наши великие вероучители говорили, куда стремится русское сознание, как оно падает в русскую бездну, в русское подполье, но избавляется от страшной гравитации тьмы преисподней и опять летит к небесам, летит в Царствие Небесное.

Об этом говорит и наш великий космист Николай Фёдоров, который учил, что воскрешение из мёртвых возможно, победа над смертью возможна даже здесь, в земной жизни. Для этого нужен огромный духовный подвиг и преодоление всего смертного, смердящего, гнусного, гнилого, живущего в земном человеке, чтобы он очеловечился и, благодаря достижениям науки и техники, достиг абсолютной прозрачности, чистоты, небесности и красоты.

Большевики в грохоте батарей, в лязге жестокой стали мечтали построить здесь, между трёх океанов, царство земного рая, где бы не было угнетения, не было вышших и низших, не было обездоленных и несчастных, а была бы твердыня справедливости, красоты и творческой силы. По существу, они мечтали создать святое человечество. Революция, конечно, затевалась ради земли, заводов и мира. Но она затевалась в большей степени ради абсолютно нового человека: любящего, верящего, милосердного, жертвующего.

Русскую мечту протаскивали на своих окровавленных спинах солдаты и генералы великой войны. Эта мечта полыхнула на куполе Рейхстага алым знаменем, а потом унеслась в космос, облачённая в плоть великого русского праведника Юрия Гагарина.

И если собрать русскую мечту по крупичкам из всех этих великих периодов, великих чаяний, то можно увидеть, что она заключается в том, чтобы устроить жизнь в России божественно справедливо и восхитительно. Чтобы человек человеку был ангел, а не враг, не волк. Чтобы, спасая себя, свой народ, Россия спасала и весь остальной мир, всё человечество. Смысл России именно в этом. Россия не может быть страной эгоистов, она живёт для того, чтобы была сохранена биосфера, сохранён Байкал, чтобы были сохранены цветы, сохранено звёздное небо.

У русской мечты нет границ, нет жёстких форм. Русская мечта, словно сновидение: мы видим, но не можем описать. Да и вся русская литература и культура — это рассказ о русской мечте, о Царствии Небесном, которое так или иначе в разные периоды являлось русскому человеку.

Сегодня, после краха 1991 года, после страшной катастрофы, в которой мы потеряли Родину, потеряли государство, и великий народ-победитель превратился в бесхозный немощный народ-лилипут, мы снова начинаем восходить, снова начинаем создавать наше новое государство, наше русское царство. Россия — на сносях. Рождается русское будущее — дивный младенец.

И в этом новом русском государстве возникает новый русский народ. Не те новые русские, которые грабили павшую Россию. А мы с вами — те новые русские, которые не сдались и не умерли в период той огромной государственной смерти. Мы выстояли и возводим наше новое царство.

И для идеологии сегодняшнего государства российское формулирование русской мечты является первоосновой. Конечно, надо знать, как обеспечить интенсивное экономическое развитие, как обустроить банковскую сферу, как учить и лечить. Но главное — надо показать путеводную звезду, зарю на русском горизонте. Сегодня очень важно понимание русской мечты.

Русская мечта всего государства российского складывается из мечтаний отдельных русских земель, русских областей, губерний. Вообще категория “русская мечта”, хотя и прослеживается во всей русской истории, в преданиях и работах наших мыслителей, — нова, потому что в нашей философии, идеологии, историософии она не формулировалась как таковая. О русском чуде говорили, о русской идее говорили, а о русской мечте — нет.

В селе Константиново у дома Есенина стоят дубы. Эти дубы выросли из желудей, которые привезли из пушкинских мест, привезли от Сороти, из Михайловского. Это пушкинские дубы, которые помнили, знали Пушкина, которые, возможно, сам Пушкин посадил, обнимал их. Эти дубы принесли в Константиново пушкинскую душу, пушкинскую стихию. Пушкин с Есениным говорят через эти деревья. И как вся мировая вода едина — деревенский пруд, океан, Ока, Миссисипи, Байкал, льды Антарктиды соединены тайной воды, — так же едины все деревья, все леса. Они друг с другом говорят, общаются, начинают стонать, когда их губят, ликуют, когда начинается цветение. Эти пушкинские и есенинские дубы находятся в постоянной связи. Они читают друг другу стихи: есенинский дуб читает пушкинские стихи, а пушкинский дуб читает есенинские стихи. Ведь “ты жива ещё, моя старушка” и стихи об Арине Родионовне — очень похожи. Это стихи о праматери-воспитательнице.

И если мы будем основывать движение под названием “Русская мечта”, если у нас найдутся на это силы, то создание отделений Русской мечты может сопровождаться посевом есенинско-пушкинских желудей. Чтобы по всей России, по всей Руси разрасталась огромная общерусская дубрава и чтобы в этой дубраве, в её лесах, кронах, среди птиц и белок, которые бы там скакали, звучала поэзия есенинская, пушкинская. Поэзия русской мечты.

Ещё раз о русской мечте

*Где государству взять ресурс, который необходим
в современных идеологических схватках*

Либералы упорно изо дня в день захватывают всё новые пространства в идеологии и политике. Так разрастаются мхи. Покрывают болота, деревья, памятники, асфальтовые шоссе, закрадываются в жилища. Эти мхи проникают в людское сознание, затаскивают в свои заросли человеческие мысли, возбуждения и желания. Либералы готовятся к решающей схватке. Знают время, знают контуры, знают места первых вспышек, которые должны полыхнуть по всей России и срезать власть любой ценой — даже ценой истребления Государства российского. У либералов есть свои теоретики, свои стратеги, свои финансисты и политехнологи, есть силовики. Либеральные грибницы выходят за границы России, питаются соками могущественных цивилизаций Запада. Эти грибницы крадутся за пределы явной, действующей на виду, оппозиции и тайно проникают в правительственные кабинеты, банковские офисы, политические и философские круги. Либералы давно уже вышли за контуры своих обычных либеральных требований: ротация, сменяемость власти, честные выборы, обновление судебной системы, создание инвестиционного климата, развитие среднего и малого бизнеса... Всё это остаётся в силе. Но либеральные агитаторы уже и среди бастующих дальнобойщиков, отвергающих систему “Платон”, и среди взволнованных возмущённых жильцов, протестующих против сноса пятиэтажек, не желающих ехать на выселки, боящихся очередного обмана, и среди выступающих против пенсионной реформы граждан.

Либералы по-прежнему протестуют против воссоединения России и Крыма, сострадают киевской Украине, потерявшей Донбасс. Но теперь они винят государство в экономическом кризисе, в нарастающей бедности, неудержимой коррупции, в произволе чиновников, в неравенстве, что порождает

вопиющую несправедливость, в том, что вельможные чиновники отдают своим детям ведущие корпорации и банки. И уже среди либеральных обвинений появляется упрек власти в отсутствии долгожданного развития, о чём всегда говорили патриоты. Теперь это огненное требование либералы прибирают к рукам. Либералы прицеливаются, примериваются – готовятся к решающей схватке. Уже обнаруживаются общие черты их зловещей технологии. В урочный час они призовут на улицы Москвы и Петербурга детей, поведут их в своих колоннах на Кремль и Смольный под дубины национальных гвардейцев и, не дай Бог, под пулемёты. “Избиение младенцев” – так звучит либеральный проект перехвата власти. Они полагают, что кровь, пролитая на улицах двух столиц, ужаснёт власть, и та в панике убежит из Кремля.

А что государство? Что оно противопоставляет этой ползучей, из мхов и лишайников, массе? Как может оно остановить мхи, подбирающиеся к стенам Кремля? Власть противопоставляет либералам силу, Росгвардию, создаёт рыхлые организации типа “Антимайдана” и “Наших”. Формирует эфемерные “Народные фронты”, занимающиеся благоустройством детских площадок. Уповает на телеканалы, на которых месяцами бурлит мутное варево светских скандалов и досужих сплетен. Власть не может запустить долгожданное развитие, потому что для этого у государства нет денег – они уходят за границу. Нет экономической модели развития, а есть либеральная модель, которая исключает преодоление кризиса и одоление бедности.

Где государству взять тот ресурс, который необходим уже сейчас в современных идеологических схватках, политических баталиях, в культурных и информационных сражениях? Где тот ресурс, не покрытый мхами, не захваченный либералами? Этим ресурсом является Советский Союз – гигантская красная эра, которая утратила свои материальные формы, свои структуры, свои политические и идеологические технологии, но остался дух, неувядающая память. Осталось таинственное зарево, которое и сегодня занимает полнеба. В этом зареве, в этой мистической памяти и мистическом ожидании таится то, что именуется русской мечтой, что было явлено в русской победе, что лежит в основе самого существования государства российского как в древние времена, так и ныне.

К Советскому Союзу уже потянулись руки либералов. Но они обжигаются, касаясь Ленина или Сталина. Они начинают выискивать в советском прошлом те элементы, которые могли бы им пригодиться в схватке за нынешнее государство российское. Уже сложены в либеральном стане речи о великой советской культуре, великом советском кинематографе, великой советской музыке. Но огромный материк, именуемый “СССР”, не подвержен заражению мхами. Мхи никогда не сядут на гранитный кристалл мавзолея.

Власть чувствует громадный потенциал советского прошлого, пытается им воспользоваться. Значки ГТО, звания “Герой труда”, майские демонстрации с флагами и воздушными шарами, великие парады Победы... Но все эти стремления поверхностны, не улавливают в себя то, что именовалось советской эпохой. Советская эпоха таит в себе самое ядро русской цивилизации, которая перетекала из века в век, из царства в царство. Это ядро – заповедная русская мечта, в которой русский человек стремится к идеальному бытию, праведной возвышенной жизни, к обретению братства и справедливости, полагая, что в этом идеальном, одухотворённом великими ценностями бытии будут прекрасные дороги, крепкие дома, плодоносящие поля, будут процветать ремёсла и станет непобедимым воинство. Появятся книги и музыка небывалой красоты и силы. Русская мечта – это свод представлений, почерпнутых из старинных народных сказок, из великих трудов богословов, из книг литературных пророков, из трудов революционеров и русских космистов.

Сегодня, сберегая Родину, сберегая себя самоё, пусть власть обратится к русской мечте, к высшему смыслу, который, будучи провозглашён, начнёт приводить в гармонию тот хаос, в котором мы сегодня пребываем. Закроет путь либералам, которые в случае реванша, в случае захвата Кремля устроят небывалый погром, перед которым померкнет погром 1991 года.

Русская мечта – вот идеология государства российского. Вот цель наших духовных исканий. Русская мечта рядом. Протяни руку – и достанешь её. Но едва коснёшься – она улетит в грядущее. Эта таинственная мечта, это русское чудо даны в сбережение мистическому народу.

Красная орбита вселенной *Революция была всегда — от сотворения мира*

Октябрьская социалистическая революция. Великая, вселенская, баснословная, красная, плодоносящая. Сто лет её огонь согревает остывающий мир. Сто лет её огненное соцветие пылает в умах, в науках, в людских свершениях, в восстаниях угнетённых народов, в поэмах и симфониях ясновидцев.

Революция была всегда — от сотворения мира. Мир сотворён божественным революционным порывом, благодаря которому Господь Бог вырвал из своей загадочной сердцевины всё огромное многообразие вселенной с её звёздами, героями, цветами, законами физики и божественными законами души.

Создавая мир, Бог внёс в него мечту — мечту о богоподобном бытии, о совершенстве, единой симфонии, где нет места насилию, лжи, себялюбию, где нет смерти, а есть любовь, красота и бессмертие. Эту мечту несёт человечество через всю свою историю. Эта мечта и движет историей. Она проталкивает человечество сквозь беды, распад, уныние. Мечта сияет и манит к себе народы. Манит всех людей — и тех, кто, облачённые в звериные шкуры, жили в пещерах и рисовали на каменных стенах свои магические образы. И тех, кто брал в руки кисть и рисовал “Купание красного коня”, водружал над рейхстагом красное знамя Победы, возносился в космическом корабле на красную орбиту вселенной.

Россия — страна революции. Русский народ — революционер и подвижник. Революционерами были бунтующие стрельцы, Пугачёв и Разин, декабристы и народовольцы. Революция дышала в трактатах и песнях, вся русская классическая литература была предчувствием революции, была псалмом, в котором дышала мечта.

Пушкин пел о звезде пленительного счастья. Лермонтов провидел “год, России чёрный год, когда царей корона упадёт”. Достоевский знал, что революция неизбежна, и в ужасе писал своих “Бесов”. Толстой был “зеркалом русской революции”. Весь Серебряный век вымаливал у Господа революцию.

Гумилёв говорил о себе: “Я — угрюмый и упрямый зодчий // Храма, восстающего во мгле. // Я возревновал о славе Отчей, // как на небесах, и на земле”. Он предвидел время, когда “Млечный Путь расцвёл неожиданно // Садам ослепительных планет”.

Революция справедливости — это и есть вековая русская мечта. И вот она — грозная и прекрасная — свершилась, в хлынувшем народном потоке загудела и засверкала. Это великое искусство русского авангарда: Петров-Водкин и Платонов, Есенин и Хлебников, архитектор Мельников и скульптор Цаплин, “Музыка сфер” Прокофьева. Революция — это “весна человечества, рождённая в трудах и бою”, — так славил её Маяковский.

Может показаться, что в 1991 году красные духи революции были изгнаны из русской судьбы. Нетопыри и злые волшебники разрушили красное царство. Зарубили топорами Красного Коня. Залили своей чёрной спермой алые святыни революции. Но всё это мнимое! Новое государство Российское возникло из праха и несёт в себе багряные гроздьи революции.

Бессовестные богачи, которые изгрызают обманутый, изнурённый народ. Воры и стяжатели, засевшие в министерствах и вельможных палатах. Бессовестные трутни и бездари, обрекающие народ на угрюмые труды и безысходную бедность. Мытари и банкиры, остановившие ход русской истории, отказавшие современной России в развитии... Вслушаемся в гулы родной истории, отрицая мишуру лживых клеветнических сериалов, тошнотворные телепрограммы Малахова и бесстыдные танцы Собчак. Их всех сдует ветер русской мечты. Революция неизбежна — сверху или снизу. Или из кремлёвских башен, над которыми пламенеют рубиновые звёзды. Или из подворотен Красной Пресни, где ещё гремят давнишние баррикады и лязгают затворы трёхлинейек.

Донбасс. Его грандиозное восстание — это первый акт революции, отрицающий тьму 1991 года, срывающий кляп, брошенный на русские уста.

Имперский холм

*Русская мечта — о благом государстве, благом обществе,
блаженной праведной жизни*

Сегодня Россия живёт тяжело. Слышится ропот, у людей недовольство, уныние. Иные ожесточаются, у других опускаются руки. Россия сегодня проходит сквозь игольное ушко своей великой истории. В чём черпать силы?

На что уповать? Где путеводная звезда? В чём божественная русская мечта, помогавшая народу превозмогать великие беды, одолевать тьму, продолжать своё победное шествие в бесконечном русском времени?

Изборск — крохотный городок на подступах к Пскову. Среди деревянных домиков — каменная огромная крепость. Башни, бойницы, которые смотрят на окрестные поля и дороги. Сюда из Прибалтики на Русь из века в век двигался враг, катились нашествия: Ливонский орден, шведские отряды, польский Стефан Баторий, Литва, немецкие фашисты. Они натыкались на Изборскую крепость, завязывалась схватка. Изборский гарнизон отбивался, расстреливал врага из бойниц на дальних и ближних подступах, сдерживал неприятеля двое-трое суток, давая возможность Пскову приготовиться к нашествию.

Среди башен Изборской крепости есть одна, чьи бойницы смотрят не вовне, а внутрь. Когда враг вламывался в крепость, остатки русского гарнизона, подхватывая раненых, запирались в этой башне, вели свой последний смертный бой, расстреливали из бойниц врага, заполонившего внутренность крепости. И эту башню брали, убивали остатки воинов, двигались дальше, к Пскову. А там врага встречала свежая русская рать. Эта башня — памятник русской жертвенности, стоицизму, которыми во все века сберегалось государство Российское. К этой башне, как к иконе, надо подходить и прикладываться, вспоминая бесмертных героев.

Псковская земля — светящаяся, лучезарная. Здесь светятся и благоухают ручьи, цветы, камни. Кажется, что над Псковщиной реют невидимые чудные духи. И душа откликается светлой любовью и обожанием. Псковщина — та земля, где русская история с языческих древних времён до нынешних дней прикоснулась своими устами, поцеловала псковскую землю, оставила здесь своё немеркнувшее дыхание.

Здесь радениями нынешних псковичей насыпан холм. Сюда, к древнему погребению, где покоятся кости павших русских ратников, мы снесли огромные валуны, собрав их на окрестных полях. Розовые, зелёные, золотистые — они похожи на метеориты, упавшие с неба. На вершине этой каменной горы, этой русской Голгофы, мы воздвигли огромное распятие из сибирской лиственницы и снесли в этот холм земли из всех священных мест, из всех пяти российских держав, российских империй, сменявших одна другую. Мысль была в том, что это землеприношение, эти всыпанные в холм горсти земли соединят рассечённое русское время, восстановят световод, по которому река русской истории льётся из прошлого в будущее. Этот могучий поток оросит сегодня государство Российское, наполнит людские души могуществом. Холм замышлялся нами как чудодейственный реактор, откуда энергия польётся в народ, помогая преодолевать уныние, подвигая народ на богатырские свершения. И мы отправились в странствие по псковской земле, добывая земли из всех священных мест, как добывают драгоценные клады, и всыпали земли в наш рукотворный холм.

Труворово городище. Отсюда открывается вид на озёра, реки, ручьи, на туманные леса, летящие птиц, вьющиеся дороги, по которым ступает безвестный путник. Сюда в языческие времена причалил свой чёлн князь Трувор, брат Рюрика. Здесь он поставил свой терем, здесь омыл своё лицо в водах гремящих ключей, бьющих из горы. Сюда и по сей день стекаются паломники, чтобы испить эту студёную горную воду. Здесь стоит величественный каменный крест, именуемый в народе Труворовым. И отсюда, из-под этого креста, от ручья, от Труворова городища мы взяли землю и всыпали её в каменный холм.

В маленьком селении Выбуты на берегу реки Великой мы смотрели, как сверкает на перекатах вода. Здесь, по этим водам, юная княгиня Ольга, работая перевозчицей, гоняла свой чёлн с одного берега на другой. И однажды посадила в лодку князя Игоря, который стал её мужем. Княгиню Ольгу нарекли равноапостольной, потому что она задолго до князя Владимира приняла Православие и исходила, проповедуя христианство, все псковские пределы.

Тут же, неподалёку, в маленькой деревеньке Будник, родился, по преданию, князь Владимир, будущий креститель Руси. Отсюда, из Будника, начал он свой путь к Киеву и дальше, к Херсонесу, где получил Святое Крещение и привнёс мистический свет Православия в русскую историю от древности до нынешних дней.

Чёрный огромный камень, перегородивший ручей, как гласит предание, является Вифлеемской звездой, прилетевшей из Вифлеема на Псковщину

и упавшей в Буднике. Оттого и родился здесь будущий Креститель Руси. И отсюда мы взяли землю и всыпали в наш священный холм.

На берегу Чудского озера, где состоялась Ледовая сеча и князь Александр Невский разгромил ливонцев, пустив их под лёд, стоит дивная церковь. Отец Никандр рассказал нам, как однажды в годовщину Ледового побоища в безлюдном храме вдруг сами собой вспыхнули все лампы. Александру Невскому во время битвы помогала сама Богородица. И ангелы своими мечами рубили лёд под копытами ливонской конницы, толкали их в ледяную прорубь.

Здесь же, на кромке Чудского озера, расположились пограничники, ибо сегодня это край русской земли. Там, за озером, – Эстония. Протяни руку – и тронешь НАТОвский танк. Кинь сучком в небо – и попадешь в НАТОвский бомбардировщик. Здесь на границе государства Российского по-прежнему слышен звон мечей той Ледовой сечи, витает дух Александра Невского. И отсюда мы взяли землю и всыпали в холм.

Кончилась Киево-Новгородская Русь, и её сменило Московское царство. И оно, это великое царство, отметило себя на псковских стенах и пажитях. На гдовской дороге стоит изумительный Спасо-Елеазаровский монастырь. Ещё недавно захламлённый, превращённый в руину, с проседающим, готовым обвалиться храмом, теперь монастырь превратился в дивную обитель с райским цветниками, прудами, в которых отражаются белоснежные стены и золотые кресты. Здесь подвизался изумительный старец Филофей, создатель величественной теории “Москва – Третий Рим”. Отсюда он писал письма великим князьям Ивану Третьему, Василию Третьему, наставлял их в том, что смысл государства – не в стяжании казны, не в расширении своих пределов, не в создании могучего войска, а в сбережении дарованного русским Православия, мечты о Царствии Небесном, о красоте и святости людских отношений, где справедливым и божественным является отношение человека к человеку, государя и подданного, природы и всего рода людского. Это возвышенная теория, по которой Русское царство является предтечей Царствия небесного, теория, по которой царство Российское наделяется мессианским смыслом, внушающим русским государям, что их дело свято. И отсюда мы взяли землю и принесли в наш холм.

Романовская империя одарила Псковщину своими победами, петровским бастионами, которые она воздвигала в ожидании нашествия шведов.

Здесь, в селе Михайловском, у Святогорского монастыря, на берегу Сороти, жил Пушкин, солнечный гений, в котором открылась вся бездонная русская красота, удалство, возвышенное обожание мира. Ты стоишь на крыльце михайловской усадьбы и думаешь, что по этим ступенькам сбежал молодой Пушкин, запахивал полу тулупа, падая в лёгкие санки, и мчался в солнечной пурге по этим холмам и далям, восхитительный и ликующий. Идешь по липовой аллее Анны Керн, где половина деревьев уже исчезла, а оставшиеся, сгорбленные, с чёрными дуплами, доживают последние годы, и чувствуется, что здесь, среди цветущих лип, Пушкин обнимал свою возлюбленную, целовал её румяные уста. Приедешь сюда, в Михайловское, и тебе покажется, что ты приехал к себе домой. Здесь всё родное, знакомое. “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет”. Здесь Золотой Петушок, и Великий Пётр, и Евгений Онегин, стреляющий из пистолета в Ленского, здесь Медный Всадник, Пугачёв, ведущий своё крестьянское воинство по оренбургской степи. Пушкин всемирный, говорил о нём Достоевский. Будучи русским поэтом, он сделал русскую мечту мировой мечтой. Одарил своей красотой, своей русской надеждой, русской сказкой всё остальное человечество. Недаром в 1937 году по велению Сталина пушкинские стихи читали на пограничных заставах, в гарнизонах, в заводских цехах. Перед войной Пушкин стал самым популярным советским поэтом, вдыхал в народную жизнь неодолимую веру, свет.

Здесь же, на Псковщине, на печальной станции Дно завершилась Романовская империя. Преданный своими генералами, царедворцами, государь написал своё отречение, и отсюда, с Псковщины, он начал свой путь в расстрельный Ипатьевский дом. И из села Михайловского, со станции Дно, мы взяли земли и снесли их в свой каменный холм.

Красное государство неоднократно прикоснулось ко Псковщине своими огненными перстами. На берегу реки Черёхи, покрытые травяным дёрном, по сей день сохранились бугры и рытвины в том месте, где стояла оружейная батарея красного артиллерийского расчёта. Отсюда 23 февраля 1918 года

красные артиллеристы выпустили снаряд по немецкому бронепоезду, который наступал на Псков. И кайзеровский бронепоезд повернул вспять, пустился в бегство, сопровождаемый пальбой артиллеристов. Этот день стал днём рождения Красной армии, советским военным праздником, который сегодня празднуется нами как День защитника Отечества. На Псковщине в очередной раз свершилось чудо: малая горстка воинов отогнала могущественного врага.

В псковских лесах, у исчезнувшей деревеньки Чернушки, следов которой теперь и не найдёшь среди березняков и осинников, одиноко высится памятник Александру Матросову. Его бронзовая вознесённая высоко голова словно смотрит на нас с небес. Здесь был дот фашистских пулемётчиков, остановивших атаку советских войск. Сюда, к этому месту, бежал Александр Матросов, накрыл своей грудью гнездо вражеского пулемёта. Отсюда его душа вознеслась к небесам. Теперь его лик смотрит на нас из-под белой тучи. Герои великой войны, где добро одержало победу над злом, свет остановил нашествие тьмы, где духи рая остановили чёрные духи ада, — все эти герои, кто сражался и погиб за Отечество, будут наречены святыми. И сейчас, когда смотришь на бронзовое лицо солдата, вознесённое ввысь, кажется, что вокруг него золотится и светится нимб.

Новое время, когда рождалось нынешнее государство Российское, отмечено на Псковщине подвигом 6-й воздушно-десантной роты, которая отсюда, с берегов Черёхи, из расположения Псковской воздушно-десантной дивизии отправилась на чеченскую войну и там легла костями вся, останавливая наступление превосходящего врага. Казалось бы, девяностые годы — время великого неверия и уныния, разгул низменных страстей, погоня за золотым тельцом. Но и в это время живущие в душе русского человека таинственные вечные коды подвигли солдат и офицеров героической роты на подвиг во имя государства Российского. Этот подвиг запечатлён в удивительном памятнике, созданном воображением десантников. Огромный парашют, накрывающий своим куполом пламя горящих свечей. И на куполе — росписи всех погибших десантников, снятые с архивных документов. Да разве этот парашютный купол, погибшие русские воины отличаются чем-либо от той Изборской башни, где принимал свой последний смертный бой древний русский гарнизон?

Сменяются поколения, сменяются правители, сменяется оружие — не меняются живущие в душе русского человека коды, которые говорят ему: русское государство свято, русское государство — твой дом; здесь, в России, родились и похоронены твои предки, здесь будешь похоронен и ты, здесь родятся твои потомки, которые, как и ты, будут читать Пушкина, поклоняться храмам, строить города, превозмогая все напасти и трудности, заслоняя собой свою любимую Родину. Мы взяли землю у купола и из расположения Псковской воздушно-десантной дивизии, которая и сегодня незыблемо стоит на западных рубежах Отчизны. Россия сберегается великими трудами, воинскими подвигами, монашескими молитвами, и мы всыпали эту землю в наш холм.

На Псковщине в наше недавнее время подвизались два дивных старца, снискавшие себе известность великих молитвенников за Россию. Старец Иоанн Крестьянкин до последних дней жил в крохотной келье в Псково-Печерском монастыре, и здесь же, в псковских пещерах, он похоронен в подземной церкви. К нему при жизни стекались все страждущие и обременённые, и он утешал их. К нему приезжал президент Путин, и они целый час о чём-то говорили в крохотной келье. Теперь архимандрит Иоанн Крестьянкин молится за Россию, как молится за неё и его друг, отец Николай Гурьянов, долгие годы живший среди Псковского озера на острове Залит.

Псковское озеро — великолепное и загадочное. Каждый день у него свой цвет, свой лик, своё дыхание. Оно то голубое, то розовое, то нежно-зелёное, то гневно-чёрное. По преданию, лихие люди выкрали из Спасо-Елеазаровского монастыря чудотворную икону, везли её в лодке через озеро. Но налетела буря, похитители погибли, а икона ушла на озёрное дно. И теперь оттуда она посылает свои волшебные свету.

На острове на могиле Николая Гурьянова — целомудренные белые лилии. В крохотной келье трудно повернуться человеку. В малой избушке, где обитал нищенствующий старец, висит его икона, его бедная ряса. И сюда из самых дальних концов Руси стекаются люди. Старец Николай утешит всякого, научит и образумит. И отсюда, с острова, мы взяли горсть земли и снесли её в холм.

И когда земля из всех пяти империй, из всех пяти русских держав, сменявших друг друга, — Киевско-Новгородской, Московской, Романовской, красной, сталинской, и нынешней, пятой империи — была всыпана в холм, владыка Евсей, архиепископ Псковский и Великолукский, освятил этот холм и воздвигнутый на нём крест. На освящение сошлись и съехались тысячи людей: из Пскова, из деревень, из районных городков. Окружили холм своим многолюдьем, слушали песнопения, гром салюта, речи государственных мужей. Казалось, все земли, что были вброшены в холм, ожили, засверкали, засветились, словно топливо, вброшенное в реактор. Холм задышал, засиял, стал прозрачным, как стекло, из него полились потоки могучих энергий. И люди, собравшиеся вокруг холма, посветлели лицами, обнимали друг друга, ликовали, славляли Родину.

И случилось чудо: летавший в поднебесье аист вдруг спустился на холм и сел на распятие. А потом слетел в народ, расхаживал среди людей. И люди касались вещей птицы, дивились её появлению, говорили, что холм — чудотворный. Этот холм, собранный из метеоритов, укрепленный священной землей, увенчанный огромным крестом, и есть образ русской мечты. Русская мечта — это храм на холме. Русские люди насыпали этот холм всей своей огромной историей, своими бедами, страданиями, победами, чудесами и верованиями.

И оттуда, от псковского холма, я начинаю странствие по нашей необъятной России. И где бы ни ступала моя нога: во льдах Ямала или в священных рощах Марий Эл, или на архангелогородском космодроме в Плесецке, или на удивительных полях и пашнях Белгородчины — везде я вижу образ русской мечты, нашего русского чуда.

ПСКОВ НЕБЕСНЫЙ

*Беседа с митрополитом Псковским и Порховским
ТИХОНОМ (ШЕВКУНОВЫМ)*

Александр ПРОХАНОВ: Владыка, слава Богу, мы с Вами повидались. Виделись мы и в Москве. И Вы в Москве, этом Вавилоне, создали райский уголок. Входишь в Сретенской монастырь — розы благоухают. И благодать. Спасибо, что и здесь, в Печорах, для Вас родных и мне не чужих, приняли меня.

Митрополит ТИХОН: Спасибо, что приехали, Александр Андреевич.

А.П.: Владыка, а как Вас встретила благословенная псковская земля?

М.Т.: Это у самой земли надо спросить. Конечно, это милость Божья — оказаться на том месте, где почти 35 лет назад начинал свою и монашескую, и духовную жизнь, где всё родное, всё близкое. И где были самые, быть может, важные в жизни встречи. Те самые старцы, которые были главным сокровищем Псково-Печорского монастыря. Сейчас они на Святой Горке лежат в глубине земли в пещерах. Это был потрясающий период в жизни Русской Церкви. И обусловлен во многом он был именно тем, что здесь, в Печорах, существовало такое явление, как старчество.

А.П.: Печорские старцы окормляли всю нашу Православную Церковь.

М.Т.: Очень многих. И в Троице-Сергиевой лавре были и старцы, и духовники. Но всё-таки, не побоюсь это сказать, главное, основное их средоточие было именно в Псково-Печорском монастыре. Старчество — это явление удивительное. Оно кочует с места на место. И непонятно, где окажется. Когда-то оно было в заволжских лесах, потом в Оптиной, потом, вскоре после революции, какое-то время в Даниловом монастыре. Потом здесь — в Псково-Печорском.

А.П.: И какая благодать! Самодвижение благодати по России...

М.Т.: Это Дух Божий, который “дышит, где хочет”, как говорит Священное Писание. Он выбирает и место, и людей, в которых являет свои особые силы. Это совершенно поразительно, ни с чем не сравнимо. Необычайно могучее явление.

А.П.: Вы здесь встречались со старцами, Вас благословлял отец Иоанн. Наверное, были на острове у батюшки Николая Гурьянова. Что это за ощущения были, можно их передать? Или это неизреченное?

М.Т.: Ощущения, конечно, субъективны. И всегда боишься какими-то своими чувствами, может быть, немножко восторженными, иногда, может быть, и недостаточными, не так передать ту силу Божью и любовь божественную, которая исходила от этих людей. Любовь созидает. Самое поразительное чувство – той любви, которая исходила от старцев. Это могучее чувство божественной силы, божественной защиты, того, что через этих людей Бог ведёт тебя. И ведёт ко благу и ко спасению, загадочному для тебя исходу по загадочному для тебя пути. Но по абсолютно верному и правильному. Это ощущение полной защищённости, когда находишься рядом с ними, и полного доверия, полной ясности. Ощущение твоей готовности исполнить то, что повелевает Господь в заповедях своих, то, что благословят эти старцы.

А.П.: Вы однажды с ними пережили мгновения, которые не исчезают на протяжении всей жизни. У Вас нет ощущения, что Вы с ними расстались?

М.Т.: Нет, конечно. Такое не забывается. Это определяет всю жизнь. И все люди, с которыми доводилось говорить об отце Иоанне, об отце Адриане, недавно почившем, об отце Николае, об отце Серафиме – о печорских старцах, – все говорят об одном и том же: это не встреча, это направление и продолжение жизни. Это самое главное.

А.П.: А теперь, когда Вы сюда приехали, нет ощущения, что изменился мир, изменилась среда, изменился монастырь, да и сами Вы изменились за это время? Это не праздный вопрос. Я здесь часто бываю и чувствую эти перемены, чувствую некое охлаждение.

М.Т.: Конечно, и мы были другими, и другими были обстоятельства жизни. Тогда я был послушником, а сегодня мои послушания совершенно иные, связанные с огромным количеством встреч, с большей ответственностью за других людей в том числе. В этом ситуационная и событийная разница в жизни человека. Конечно, мы стали намного более суетные. И то величие, которое было в 70-е, 80-е годы, спокойствие и мир, наверное, уступили место большей суетности и в какой-то степени более мелочным заботам, чем то, с чем предлагали нам встретиться те великие духовники. Нас даже невозможно сравнивать. Несопоставимые величины. Поэтому во многом мы живём их молитвами, их духом питаемся, их силами и их мужеством хотя бы в какой-то степени вдохновляемся. А для людей, которые их не видели и приходят сюда, есть память о них и есть их благодатное присутствие. Господь сказал, что у Бога все живы, у Бога нет мёртвых. Это ясно ощущается здесь. Потому что присутствие этих подвижников не ограничивалось временем их жизненных лет. Оно простирается и дальше. Ведь одна из наград христианину, который прожил жизнь, всеми силами стараясь соблюдать те заповеди, что оставил нам Христос, любя эти заповеди, одна из самых величайших наград – это продолжение любви к людям. В чём? В участии в жизни. Мы молимся святым и получаем от них и вразумление, и помощь. И обстоятельства жизни часто изменяются именно по их молитвам. Но это не только для нас радость и польза. Это великое счастье тех святых. Потому что главное их счастье – любовью своею и теми благодатными возможностями, которые даёт им Господь, участвовать в жизни мира здесь, на земле, в жизни христиан – учеников Христовых.

А.П.: Я здесь появился раньше, чем Вы. Я приехал в момент, когда уже кончилась страшная война, когда храмы ещё стояли разорённые, когда у алтаря было написано “мин нет”, когда многие храмы заваливались или уже завалились. И сюда после войны приехали уцелевшие в этой бойне люди, которые были ранены, которые славили жизнь и Господа. Они, может быть, не знали, что славят Господа, но славили жизнь за то, что уцелели. Это были архитекторы и реставраторы. Всеволод Петрович Смирнов, который псковский Кремль восстановил, он здесь повесил на флюгеры потрясающие прапоры. И дивный кузнец – кроме всего прочего. Борис Степанович Скобельцын, который исходил своими длинными журавлиными ногами всю Псковщину. Семён Степанович Гейченко, который музей-заповедник Пушкина из праха поднял. Это были удивительные люди, которые создали такое притяжение, что сюда приезжала вся элита Петербурга – Ленинграда, Москвы. Здесь бывала Ахматова, Лев Николаевич Гумилёв приезжал, писатели, художники... И это

была какая-то вспышка, ликование. Думаю, что это был русский ренессанс, русское возрождение, краткий его миг. И я оказался в этой вспышке. Я его помню, как солнечный удар, как говорил Бунин. По мере того, как я сюда приезжал, и по мере того, как старели мои друзья, а потом уходили один за другим, я видел, что здесь всё как-то затихало. Конечно, крах государства, русский народ-подранок, уныние – всё это было в 90-е годы. И когда отсюда ушла 6-я воздушно-десантная рота, в то безвременье, когда не было государства, когда людям не на что было опереться, здесь продолжали жить ба-тюшка Иоанн и отец Николай.

И теперь, когда страна выстояла, я жду новой вспышки. Всё во мне гово-рит о том, что новая вспышка должна быть. Опять грозные времена, опять большие тревоги у государства, опять мы накопили силы, нас не били, не ссылали, не гнали. И у меня есть ощущение, что именно здесь, на Псков-щине, произойдёт очередная вспышка света. Я Ваш приезд с этим связываю. Может быть, и не Вы сюда эту вспышку привезёте, но она и Вас озарит здесь.

М.Т.: Можно только надеяться, и благодарить вас за такую твёрдую веру в развитие новых сил и в востребованность сил, укоренённых на этой земле и готовых прийти к нам в поддержку. Конечно, хотелось бы. Псковская земля совершенно поразительная. Мне кажется, это самая красивая земля в Рос-сии. Я её именно так воспринимаю. Даже в 80-е годы, а в 70-е, 60-е – на-верное, ещё в большей степени, это был центр духовной жизни России. Не только потому, что Псково-Печорский монастырь, а потому, что на прихо-дах были потрясающие священники. В том числе и ветераны войны, которые вернулись с фронтов и укрепили свою веру не в семинариях, не в философ-ских беседах, а между жизнью и смертью. И они здесь увидели Бога, здесь схватились за его ризу. Бог привёл их сюда, как отца Алипия, который вое-вал. Я помню, как в начале 80-х годов 9 мая в Псково-Печорский монастырь приезжал военный комиссар поздравлять наших ветеранов. И они на Успен-ской площади выстраивались шеренгой: в чёрных рясах, с крестами и без (в соответствии с тем, священники они или нет), но все с орденами, с план-ками медалей на рясах. Зрелище было необыкновенное.

Они были самые разные. Человек удивительного мужества, который слу-жил в военной разведке и взял не одного языка, архимандрит Феофан. Грудь его была украшена огромным количеством орденов. Он был невысокого рос-та, и фамилия у него была Малявка. Это был настоящий старец – величайшей любви и величайшего смирения, прозорливый, великий. И как-то он сказал: “Да, я был в разведке, туда меня послали, но я всю войну молился, чтобы не убить ни одного человека. Да, в плен я брал. Но по милости Божьей даже не убил ни одного врага”.

Отец Алипий – легендарная личность. Архимандрит Алипий Воронов до-шёл до Берлина, сам себя называл советским архимандритом, несколько не двоясь и не смущаясь этого определения. Хотя у него с советской властью по-рой были самые жёсткие отношения. Но он понимал время. И он вёл людей ко спасению именно в то время, он утверждал веру в Бога именно в то вре-мя. Он воцерковлял огромное количество людей, в том числе интеллигенцию, в том числе и вас, и Солоухина, и Козловского и многих, многих, многих, кто здесь был. И, уезжая от него, они уносили в своей душе частицу веры, кото-рую он им передавал своей монашеской и офицерской судьбой. Это были ве-ликие люди.

А.П.: Я был у Матросова. В лесу, на поляне, на том месте, где он закрыл грудью дот, стоит одинокая стела. И у меня возникла мысль, что, если бы он выжил, он бы ушёл в храм. Потому что это и есть то высочайшее пережива-ние войны, жизни, смерти, жертвенности, которое людей меняет в корне, ес-ли они не умирают при этом.

М.Т.: Происходит по-разному. Я бы не сказал, что все люди, даже полу-чив смертельные раны и после них оставшись в живых, становились верующи-ми и церковными людьми. Большинство, да. Но для многих вера была настоя-ко сокровенной частью их жизни, что любые разговоры о ней они принимали в штыки, не хотели говорить. Тем более, когда вдруг начинались несколько эк-зальтированные и надуманные истории. Таким был Виктор Петрович Астафьев.

Я знал, что он был верующим человеком. Не могу сказать, что я с ним дружил, но у нас было очень доброе, хорошее и нередкое общение: в Москве, в Вологде, в Новгороде... И он говорил мне о своей вере доверительно

и очень интересно. Но когда однажды кто-то стал говорить о том, что чуть ли не на каждом фронте были священники, и только благодаря им и каким-то особым молебнам вершились победы, он просто взорвался: “Да не видели мы никаких священников! Может, они где-то были. И не хочу я об этом говорить. Что было, то было, а надумывать не дам”.

И я его очень хорошо понимал.

А.П.: Я предавался размышлениям, что такое псковская земля, с которой я 60 лет, наверное, связан. Я пытался эту псковскую благодать расчлениить, что не является благодарным делом. Потому что это целостное ощущение. Если Киев – это мать городов русских, то Псков – отец государства Российского. И все пять империй, в которых мы, русские люди, проживаем, здесь побывали и остаются. Все пять империй поцеловали псковскую землю. И поэтому Псков – это город-государственик, город-империя. Псков – это щит, потому что империю всё время хотели покорить, раздробить, разгромить. И Псков всегда вставал на пути этих разгромов. Он весь изранен, весь в пулях, в наконечниках и стрелах. Он город-богатырь, который вставал на защиту государства. В этих боях, молениях постоянно совершались чудеса. Здесь постоянно были откровения. И поэтому Псков – город чудесный, он связан с чудом. С чудом ещё и потому, что все пять империй, когда кончалась одна из них, и России не должно было больше быть, они, эти империи, продолжались через чудо! И Псков несёт в себе эту чудесную, таинственную, пасхальную воскресительную благодать. И конечно, Псков – это чертог красоты. Таких прекрасных псковских храмов, похожих на русские белые печи, такие же тёплые и пахнущие мёдом...

М.Т.: ... Или на белые грибы...

А.П.: Да, на белые грибы... И таких монастырей, таких фресок, таких икон я нигде не встречал. А Мальская долина, которая переходит и сюда, ведь эта впадина каким-то образом связана с чередой таинственных впадин...

М.Т.: Путь “из варяг в греки”...

А.П.: Может быть, даже и больше. Потому что один мудрец, местный богослов, фантазёр, возможно, сказал мне, что эту впадину образовала Вифлеемская звезда, которая прилетела из Вифлеема и остановилась здесь. А в Буднике лежит в реке большой камень. Это якобы осколок Вифлеемской звезды. Недаром Владимир Святой там родился.

М.Т.: Это сильно!.. Ну что ж, у человека есть своё мнение.

А.П.: А куда делась Вифлеемская звезда – никто же не знает...

М.Т.: Ну, конечно, во Пскове, где она ещё есть? Естественно, больше нигде.

А.П.: Такой вот град – Псков. Я думаю о псковской мечте. Мечта – та таинственная восхитительная сила, которая не даёт народу погибнуть и выводит его из всех теснин, ущелий, бед, уныния. Я думаю, что псковская мечта связана со служением, овеяна святостью и святой красотой.

М.Т.: Можно, наверное, подумать, поразмышлять, может быть, даже немножко пофантазировать, можно предложить какую-то мечту, попытаться её сформулировать. Но она уже была сформулирована человеком, с которым псковская земля теперь связана и во времени, и в вечности. Это отец Иоанн Крестьянкин. Он здесь – с середины 60-х годов. Митрополит Питирим лично привёз его после тюрем и сылок сюда и вручил этого сидельца, священника, архимандриту Алипию. И так отец Иоанн здесь и скончался. Хотя он сам из Орла, хотя служил в Рязани, но навсегда останется псковичом. Так вот, он сказал удивительные слова, которые нужно воспринимать, как заповедал старец, с верой и мужеством. Он сказал (и это были его и завет, и мечта, та самая псковская мечта, о которой Вы говорите): “Россия, будь такой, какой ты нужна Христу”. Эти слова – не выдуманные, а исходящие из самого сердца духовной жизни псковской земли, Псково-Печорского монастыря.

А.П.: Да... “Россия, будь такой, какой ты нужна Христу”.

Любое государство, в частности, русское, управляется традиционными государственными средствами. Финансами, которые направляются в ту или иную область. Иногда – силами, когда нужно смуту подавить или защитить страну. И мудрому правителю, использующему этот арсенал средств, удаётся развивать государство, двигать, защищать и сберегать его. Но мне кажется, что в России, помимо этих очевидных и рациональных средств управления

народом, существует и другой арсенал средств, который просвещённый правитель в самые тяжёлые для России периоды использует. Это такие представления, как русское чудо, русская мечта, пасхальный смысл русской истории, святость русского оружия, русской природы и земли. Но область этих представлений — она забыта или не слишком явлена. И, наверное, церковь, и псковская церковь, и быть может, владыка Тихон, Вы в состоянии сформулировать эти законы, через которые народ спасается, не унывает, преодолевает государственное безденежье, преодолевает дурь чиновников, преодолевает супостата, который сжимает кольцо вокруг России. Потому что, когда умолкает рациональное, в душе русского человека просыпается божественное, восхитительное. Вам не кажется, владыка, что Псков мог бы быть школой, университетом божественной политологии?

М.Т.: И Псков, и вся русская земля. Я абсолютно с вами согласен и даже готов исполнить ваше поручение — сформулировать то, о чём вы сказали, как ни дерзновенно это звучит. Я выскажу какие-то мысли, может быть, спорные, но для меня они абсолютно безусловные, и подсказывают мне их не только наша святоотеческая мысль и история, но и великие правители России. Александр II, когда у него спросили, легко ли управлять Россией, ответил: “Россией управлять не сложно, но бесполезно”. Он сказал и по поводу того, какими законами управляется Россия: “Все страны управляются законами и правилами, а Россия живёт по пословицам и поговоркам”.

То иррациональное, о чём вы говорите, звучало в устах этого великого и трагического реформатора России особым образом. Он был весьма рациональный человек. И вот к какому абсолютно иррациональному выводу он пришёл уже на закате, хотя и неожиданном закате, своей жизни. Есть ещё один пример. Это уже не русский государь, а русский политик и вельможа Хриstoffор Миних. Знаменитое его высказывание, что “Россия отличается от всех других стран тем, что управляется непосредственно Господом Богом, потому что иначе совершенно нельзя понять, почему она до сих пор существует”. Вот этот русский “авось”, на который, казалось бы, нельзя надеяться, а надо трудиться. И все нам говорят: и Церковь, и житейская мудрость, и мудрость великих людей, — трудиться, трудиться... И трудимся. И, слава Богу, когда как получается. Но этот вот русский “авось”, который иногда вдруг оказывается чудом неожиданным, а на самом деле вымоленным. Это один из самых поразительных и, может быть, самых важнейших факторов нашей жизни. Я не буду перечислять всех тех, кто вдруг открывал это для себя: и наших отечественных мыслителей, политиков, и зарубежных... Черчилль говорил примерно так: Россия — это тайна, закутанная в секреты и ещё раз закутанная во мрак каких-то загадок.

“Умом Россию не понять, аршином общим не измерить”. Мы тоже понимаем, что этому можно только верить. Западные люди ищут эту загадку русской души. А мне тайну русской души, загадку русской души отчасти приоткрыли китайцы.

Как-то я был в Китае, и переводчик рассказывал, что у них для каждой страны, каждого государства есть некое нарицательное обозначение. Сам Китай — это Поднебесная. Под небом есть только Китай, а остальные окружают Поднебесную. Соединённые Штаты Америки в их восприятии — страна счастья, страна в основном счастливых людей, для которых комфортность — одна из главных задач, это их исторический выбор. Франция — страна законов. Англия — страна мужественных людей. Германия — страна мастеров. И когда в “Жэньминь жибао” даже в советское время говорили о том, что в Китай приезжает президент Франции, например, то это звучало (как мне об этом рассказали) — “в Поднебесную прибыл президент страны законов”. Естественно, я спросил, как называется по-китайски наше Отечество? И переводчик сказал: это страна неожиданностей. Страна и народ, от которого можно ожидать самого необычного, нежданного. Страна, которая сама для себя тоже является загадкой. Мы действительно сами от себя иногда не знаем, чего ожидать. Мы полны таких сил, которые рационально не можем и сами ни оценить, ни сформулировать. В этом и сила, в этом и в какой-то степени наша проблема, и задача для разрешения. Но мы именно такие. Мы можем быть и Ильёй Муромцем, который вдруг неожиданно встаёт с печи и совершает великие подвиги. А можем быть мужиком у Достоевского, который полдня стоит в тулупчике, кушаком подвязанном, созерцая природу, и потом вдруг непонятно

куда пойдёт: то ли в Иерусалим, то ли чего-нибудь подожжёт. Помните у Достоевского эти жёсткие слова? Фёдор Михайлович говорит: в этом русский мужик, это наша тайна и наша загадка.

А.П.: А что в мире существует, но неопределимо? Ведь в мире есть нечто, что абсолютно существует, но не поддаётся окончательному определению.

М.Т.: Это Бог.

А.П.: Конечно, это Бог. И я думаю, что русская мечта – она неопределима. Она невыразима. И тщетно пытаться найти ей объяснение. Потому что если Россия управляется Богом, если русская история объяснима только через чудо, то, конечно, и русская мечта – это нечто, созвучное с Царством Небесным.

М.Т.: Мы ждём в своей истории и в некоей квинтэссенции нашего народа ни больше ни меньше, чем Царствия Небесного. Не земного, а Небесного. Мы хотим поместить в свою душу ни больше ни меньше, как самого бесконечного и неизъяснимого Бога.

А.П.: Да, это так. Это и есть та наша сокровенная мечта, которую, наверное, многие ещё не могут выговорить и не могут понять. Но это дело времени и дело молитвы предков, которые об этой мечте прекрасно знали. Продолжим каждый на своём месте трудиться. Потому что, как я сказал себе, отступать дальше некуда, за нами – Царствие Небесное.

АДАМ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и директор Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А. С. Пушкина “Михайловское” Георгий ВАСИЛЕВИЧ

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ: Георгий Николаевич! Мне кажется, что есть Пушкин петербургский, состоящий из гранита, дворцов, державной мощи, блеска залов и грома, шума балов... А есть Пушкин псковский. И это нечто другое – нежное, возвышенное, связанное с укладом, с усадьбой, с природой. Как вы чувствуете это разделение, как Вы чувствуете Пушкина псковского?

Георгий ВАСИЛЕВИЧ: Мы не просто чувствуем, Александр Андреевич, мы знаем, что здесь Пушкин совершенно другой. И мы говорим о нём как о том, кто присутствует в жизни Михайловского до сих пор самым естественным образом. Хотя бы потому, что могила Пушкина, которая находится в двух километрах от Михайловского, не только подводит черту прожитой жизни поэта, но эта могила – она ещё и место, с которого начинается его посмертная жизнь. Посмертная жизнь среди нас, вместе с нами до сих пор постольку, поскольку мы готовы считать Пушкина своим учителем, другом.

Вот однажды на могиле Пушкина я увидел плачущую женщину. Всегда хочется подойти и спросить, может быть, чем-то помочь. Спросил. Она улыбнулась, сказала: “Я плачу не потому, что мне плохо. Я прихожу сюда не первый год. Это – единственная могила, которая у меня осталась. Так получилось, что все мои родные, все люди, на могиле которых я хотела бы побывать, находятся так далеко, что я не могу этого сделать, или могилы их неизвестны. И я прихожу к Александру Сергеевичу, чтобы вспомнить его и вспомнить их одновременно”.

И я вдруг понял, что мы вполне могли бы носить ещё и второе отчество – Александровичи, просто по праву причастности к Александру Сергеевичу, к его слову.

Почти 200 лет тому назад он приехал сюда впервые, зная об этом месте, что оно есть, но не представляя себе, что это такое. И вдруг глаза его распахнулись. Холмы, луга, потрясающий, к тому времени уже достаточно старый парк, ощущение того, что ты дома, что это твоё, родное... И впервые здесь он увидел ту жизнь, которая сильно отличалась от подмосковной и наверняка очень отличалась от петербургской. Здесь он понял, что есть народ,

что есть простые слова, которыми описывается жизнь повседневная, что есть незаметный повседневный труд. И здесь, наверное, было одно из потрясенных, давшее нам “Бориса Годунова”: что история начинается не вчера, а в древних и старых русских временах. И строки “Руслана и Людмилы”, и строки, рассказывающие о временах Бориса Годунова, они про это место. То есть вся русская история укладывается в эти места, она здесь живёт. Более того, мне кажется, что в какой-то момент Александр Сергеевич понял, что он не только за свой талант отвечает. Он отвечает за поколения, поколения и поколения русских людей, что прожили жизнь безымянными пахарями, воинами, учёными, монахами и оставили после себя некую живую ткань нашей истории, которая, однако, не названа. А назвать её бывает дано редкому человеку...

А.П.: Вы имеете в виду жизнь простонародья?

Г.В.: Да. Ведь здесь умирали поколения крестьян, здесь умирали поколения воинов, которые защищали нашу Родину. Мы не знаем, как их зовут, мы молимся о них всех вместе. Но Пушкину предстояло в образах литературных воссоздать ту историю, показать нам, что жизнь не проходит лишь только в петербургских салонах.

А.П.: Я думаю, что в Петербурге он бы не мог написать “здесь чудеса, здесь леший бродит, русалка на ветвях сидит”. Он мог написать это только здесь. Здесь дивные леса, здесь леший бродит, может, даже, его имя – Василевич.

Г.В.: Мне говорили, что однажды Валентин Яковлевич Курбатов, провожая дочь и сына своих друзей, шёл впереди. Была луна. Он вышел так, что она стала светить, обнимая его голову, и шедшие за ним вдруг испугались, потому что два вихра встали так, что люди не понимали, кто их куда ведёт.

А.П.: Места-то сказочные, таинственные, мистические...

Г.В.: Очень живые, очень сильные и до сих пор сохранили своё самостоятельное представление о жизни – естественной жизни, такой, какой она была.

А.П.: Пушкин, живя здесь, во Пскове, в Михайловском, эти все тончайшие энергии в себя вбирал, пропитывался, наполнялся, переводил в стихи, в жизнь, в судьбу свою. А потом их отдавал и продолжает отдавать этим местам. То есть происходит круговорот этой мистической (или поэтической) энергии. Сначала он аккумулировал, собирал, а потом, когда жизнь его оборвалась, он стал её отдавать. Как берёзовые дрова в камине: при жизни растут ввысь, а потом они греют, греют, греют... Пушкин для этих мест, для Псковщины, очень многое значит.

Г.В.: Мне кажется, что здесь есть ещё одна важная вещь, которая только в Михайловском в полноте и смогла осуществиться. Поэт – это тот, кто владеет словом настолько, что оно максимально лаконично передаёт самые существенные вещи, связанные с культурой, жизнью народов, с бытом. Именно поэтому он – поэт. Проза развивает смыслы в более обширных текстах. А поэт даёт очень сжатое понимание и очень энергичически мощное понимание того мира, о котором пишет. Поэт – это слово. Мы все знаем о том, что “вначале было Слово”. Мы знаем, что избранным даётся чувство слова до такой степени развитое, что они способны им приближать к Богу. Или к каким-то важным истинам, без которых жизнь не состоится. И в этом смысле Пушкин явил собой здесь первого человека, который эти места безымянные назвал. Он приходит сюда, и ему дано, как когда-то Адаму в раю, ходить и называть. И как сказано: и то, что назовёшь, то навсегда останется...

А.П.: Это русский Адам?

Г.В.: Да. По существу, для России – тот первый человек, тот Адам, что, создавая язык, даёт нам палитру смыслов, которую мы пытаемся вновь и вновь высказать самим себе – каждое поколение и насколько это может – каждый человек. С этого начинается любое творчество. А представить себе жизнь человека без творчества (а мы говорим ещё и о мечте), изъять у мечты творческую составляющую – это значит превратить человека в жалкое подобие самого себя. Ведь из Библии мы знаем, что человек создан как подобие Бога, как творец в своих небольших пределах. И то, что мы сейчас находимся в этом месте, то, что уже скоро как 120 лет сюда приезжают люди и здесь отвечают на свои собственные вопросы, здесь ставят эти вопросы, тоже не случайно. Не случайно просто потому, что это место создано и скреплено словом.

А.П.: Есть загадочные связи между человеком и местом, где он обретается. Эти связи до конца не выявлены. Я был в Константинове, и там, в Константинове, Ока делает потрясающую излучину, как будто в этом месте изменилась гравитация, Земля стала вращаться в другую сторону. И вся природа вдруг как бы поднялась дыбом, вихрем в каком-то восторге. И я подумал: а может быть, это произошло, потому что Есенин здесь родился...

Г.В.: Потому что он там родился и состоялся.

А.П.: Не Есенин родился здесь, потому что здесь космический изгиб реки, это было бы понятно: вот на какой-то скважине, на аномалии мира, где творят духи, возник дивный поэт... А может, рождение поэта изменило ландшафт мира? И я думаю, что в каком-то смысле появление здесь Пушкина изменило ландшафт этого места, Псковщины.

Г.В.: Вне всякого сомнения. Это действительно так, и это видно, когда вы пересекаете незримую границу музея-заповедника и земли, лежащей за его пределами. Я, слушая вас, подумал о том, что все, наверное, в детстве имели дело с раскрасками. И были такие раскраски, в которые надо было вносить краску, а были те, в которых для выявления цветов достаточно было намочить кисточку, провести по уже раскрашенному, но невидимому, рисунку, и он проявлялся. Мне кажется, что Пушкин и подобные ему гении именно это и делают: они проявляют всевышний замысел о месте и оставляют его нам в подарок как место, в которое можно войти и пребывать одновременно и в текущем времени, и во времени вечности, до известной степени. Он, по моему, один из тех, кто для нас проявил это место.

А.П.: Это и есть, может, то, о чём в своё время Вернадский говорил, что человек имеет геологическое значение для Земли. То есть появление человека меняет планету. И в этом смысле, я не боюсь показаться слишком пафосным, можно говорить о пушкиносфере.

Г.В.: Можно.

А.П.: Можно говорить: “биосфера”, “техносфера” и “пушкиносфера”. Она – в России. Россия живёт в пушкиносфере по сей день.

Г.В.: И всё это происходит, тем не менее, через родство слова и Земли, слова и пространства, слова и ландшафта. Это те невидимые, тайные связи, которые поэту помогают найти нужные слова, которые нам помогают найти нужные вопросы и ответы в своей жизни. Ведь любого человека, вне зависимости от того, насколько глубоко или поверхностно он об этом задумывается, всю жизнь преследует вопрос: для чего жизнь дана, зачем мы живём? Что нам надо сделать?

А.П.: Лев Николаевич Гумилёв, который тоже бывал на Псковщине многократно, говорил, что как раз эта космическая сила, космическое излучение, они падают на ландшафт, на землю, а посредником или результатом падения является народ. Или является Пушкин. То есть Пушкин является результатом соединения этого божественного ландшафта с таинственными небесными силами. Он их соединил. И в этом смысле, конечно, Пушкин сегодня – первый человек, а может, даже не первый человек, а прачеловек. Прачеловек!

Г.В.: Во всяком случае, для нашей литературы он действительно первый человек, он Адам. Адам, которому дано было в стране, которую все считали варварской, усилиями всего-навсего одной короткой жизни открыть такую перспективу, которая ещё очень долго будет для нас открытой, если мы только сами не предадим себя и своё призвание. И это жизнь через слово – посредством молитвы и творческого слова.

А.П.: Мне кажется, что у Пушкина – пульсирующая судьба. Есть пульсары в небесах, есть звёзды пульсирующие. И Пушкин – то разгорается и наполняет всю нашу жизнь, а то как бы уходит в тень, отстраняется, уходит на обочину, освобождая пространство. И это пространство набивается бог знает чем – ужасным и скверным. А потом он опять воскресает, и опять – новое нашествие Пушкина или вторжение в нашу жизнь. Что это такое? В 1937 году было, по существу, второе пришествие Пушкина, а может быть, даже и третье.

Г.В.: Причём происходило это в год смерти Пушкина, а заявляло о его бессмертии. И значит, о бесконечных возможностях того народа, в котором он живёт.

А.П.: Это тоже очень важно, потому что год смерти – “смертью смерть поправ”. По существу, это был пасхальный акт...

Г.В.: В преддверии того армагеддона, который развернётся через несколько лет на нашей территории.

А.П.: Пушкин оказался тогда среди изнурённого народа. Ведь народ 1937 года был очень изнурён: труды нещадные, раскулачивание, репрессии. Народ был отстранен от власти, были ропоты, ненависть, гражданская война ещё не кончилась. А Пушкин был помещён в этот народ и подготовил его для огромной коллективной борьбы, войны.

Г.В.: Чрезвычайно важно, что он первым выступил как знамя, под которым можно было всем собраться: и людям дворянского происхождения, просвещённым, аристократам, и крестьянам. Он был равноблизок и равноудален от тех и других. Он оказался тем основанием, которое сплотило людей накануне большой беды.

А.П.: Под Изборском стоит стена крепостная, о которую разбивались нашествия тевтонов. И там, в этой стене, выложены камнями голгофа, крест. А на эту голгофу, на этот крест двигался католический крест или католическая голгофа. И кресты схватывались: тевтонские кресты и православные русские кресты. И по существу, Пушкин выступил против гитлеровской “Анненербе”, он выступил против тевтонской мистики, против глубинного, мрачного. Против этой чёрной бездны он выступил со “Сказкой о царе Салтане”. И оказался сильнее.

Г.В.: Что ещё удивительнее: слово, которое было ближе всего к Богу, оказалось способным доказать, что внешние почитания чего бы то ни было: внешние представления в виде креста, представления о том, что ты – такие, а вы – другие, – оно ещё ничего не решает. Решает глубинная суть народа, который несёт в себе – в самых страшных, критических условиях, “знаменуясь” через звезду, символ человеческого земного бытия. Ведь звезда – символ человека как такового. Даже сквозь это несёт свет.

А.П.: Получилось, что кресты “Тигров” были побеждены “звездой пленительного счастья”. И эта пульсация Пушкина говорит о том, что Пушкин грядёт. Мы же были в чудовищном времени 90-х годов, когда Россия вся отхлынула. Вместо России возникла дыра, чёрная пропасть. И сейчас мы медленно, но неуклонно эту пропасть опять заполняем тем, что удалось не расплескать. И Пушкин возвращается. И ваш музей, ваш заповедник – то место, куда стекаются пушкинские ручьи.

Г.В.: Даже шире – куда стекаются и те люди, которые вчера ещё не совсем понимали, что Пушкин в их жизни есть. И здесь всеми средствами, доступными человеку на Земле, все говорят об одном и том же: ты – человек, ты имеешь право на творчество, имеешь право мечтать, и твоя мечта непременно сбудется как свет, за которым можно идти из поколения в поколение. Потому что идти можно за чем угодно, но если ты не идёшь за светом, ты идёшь во тьму, в небытие.

А.П.: Я пытался заняться неблагоприятным делом – как бы разложить и расчленил пушкинскую идею, пушкинское творчество. Я увидел в этом творчестве то, что мы называем государством, державой, империей. Пушкин действительно был государственным, в нём жило ощущение великого русского могущества: и история Пугачёва. Пугачёвский бунт, и Годунов, и Полтава... Там он, совершенно ясно, был носителем русской государственности.

Г.В.: И более того, собирателем земель русских. Помните, как он в “Памятнике” перечисляет те народы, которые вспомнят его.

А.П.: Он был имперский в этом смысле художник, потому что считал, что Россия, Русь, держава – там все: и калмыки, и тунгусы – “всяк сущий в ней язык”. И конечно, он хотел, чтобы эта империя, эта держава была защищена. Он был воинский поэт. “Сиянье шапок этих медных, // Насквозь простреленных в бою <...> полки увидели Петра <...> и грянул бой, Полтавский бой...” Он был воинский поэт. Он видел, что Россия крепка своим воинским подвигом. И держава держится на воинском торжестве.

Г.В.: Думаю, это тоже было одно из тех переживаний, которое связано с этим местом. Здесь очень трудно было не заметить славную военную историю России. И мне кажется, он нёс это в себе, и – удивительная тоже догадка, –

может быть, ему и не дано было стать, как Лермонтову, военным, просто потому, что когда у тебя есть что-то неосуществлённое, ты глубже, ярче, иногда – болезненнее, иногда – точнее, со стороны можешь передать это состояние. Поскольку, когда ты находишься внутри, скажем, воинской службы, у тебя есть устав, есть необходимость выполнять рутинные задачи и исчезает главное – внутреннее героическое напряжение, которым только и даётся подвиг.

А.П.: Но он стремился на войну. Он хотел разделить военную долю со своими коллегами, со своими друзьями-декабристами, он хотел быть рядом с ними в строю.

Г.В.: Стремился. Даже ходил в атаку, чтобы пережить это.

А.П.: Да, да. Значит – имперский пафос и воинская доблесть, без которых империя не устояла бы. И в Пушкине есть то, что хотело бы сделать эту империю не империей полосатых шлагбаумов и часовых у крепостей, а наполнить её благодатью, добром, светом, справедливостью. Отсюда то его начало, о котором наши либералы говорят: он свободомыслящий человек. Конечно, всё было. “Звезда пленительного счастья”, “Братья...”, “Ярем он барщины старинной // Оброком лёгким заменил; И раб судьбу благословил”, его любовь к крестьянам – ко всем. Он хотел свою державу, свою крепость наполнить благом, добром возвышенным.

Г.В.: Пушкин жил в православной стране. Его окружали храмы, церкви, посещал, наверное, богослужения, но в его творчестве тема христианства звучит слабо, так скажем. И наши православные в этом не видят его приверженности к христианству. Но ведь сама идея красоты, которую он исповедовал, красоты, которой он наполнил поэзию; эта красота – ипостась Бога. И в этом смысле Пушкин – абсолютно религиозный поэт. Он наполнял своё творчество красотой как ипостасью Бога.

Есть ещё два очень важных момента. Ведь Пушкин умирал тяжело и достаточно долго. И в эти неполные три дня, когда перед тем, как наступила смерть, он исповедовался, и священник, который его исповедовал, признавался потом, что он сам хотел бы такой исповеди – полной и ясной, и сам хотел бы умереть с таким же чувством освобождения и близости к Богу, которое в этот момент было у Александра Сергеевича. И ещё, как ни странно, мы отмечаем всякий год день памяти Пушкина – это день святого Исаака Сирина, чью молитву Пушкин переложил в стихотворении “Отцы пустынноики и жены непорочны...” *Бывают*, как он сам говорил, *странные сближения*, но они тоже, задним числом какие-то вещи заставляют видеть в другом ракурсе, в другом свете. И это, наверное, тоже не случайно. И не случайно то, что столько усадеб, при которых не уцелели храмы. А ведь Михайловское – одно из гармоничнейших мест: не только три усадьбы, не только крестьянский мирок возле мельницы, но ещё и Святогорский монастырь, что остался стоять на своём месте над могилой поэта, которая всегда пребывала так, как, наверное, хотелось бы, чтобы все могилы пребывали.

И немецкие танки, бронетранспортёры её не тронули, могила не пустила их к себе.

А.П.: Если мы говорим, что Пушкин – это первый человек, то в нём, как в первом человеке, существует всё, и богочеловек – тоже. Его смерть, его гибель – это не простая дуэль. Это не просто борьба за честь, битва за дворянское достоинство. Мне кажется, что в этой смерти тоже есть что-то очень религиозное, глубинное и поучительное. Это в каком-то смысле жертва. Он принёс себя в жертву. И явно или не явно, но эта смерть, эта гибель должна была показать этому остывшему, наполненному грехами, хладному, смердящему миру, что есть подвиг, есть красота, есть мученическая смерть красоты.

И что есть нежелание принести в жертву других, а готовность выйти и стать под выстрелы самому. Я был на месте, где погиб Матросов, и мне пришла мысль, что Пушкин – это Александр Матросов русской поэзии. Матросов и Пушкин закрыли собой амбразуру, откуда вырывалась тьма, чтобы эта тьма не летела в других. И, конечно, мистическая фигура Пушкина, она не раскрыта до конца. Она, видимо, бездонна. И я думаю, что грядут времена, жестокие времена, причём жестокость, она будет не в крылатых ракетах. Она будет в том, что человеческие отношения будут формироваться тем, что мы называем цифрой. И ответом на нашествие цифры, мне кажется, будет

пушкинский взрыв. Пушкин сломал “Анненербе”, и Пушкин выйдет сражаться с цифрой. Мы находимся в преддверии возвращения Пушкина.

Г.В.: Мне кажется, что он уже в эту борьбу вступил. Посмотрите, как произносятся ранние фразы, которые считались эпитетами прославляющими. Меня в последнее время очень интонационно “царапает” то, как произносится “это наше всё”, например. Интонации очень важны. А пытаются в очередной раз пренебрежительно выбросить их, как ненужный материал, отработанный. То есть оказывается, борьба уже идёт. Уже она началась, и она, думаю, будет принимать ещё более серьёзные и, может быть, более пространные формы, чем сегодня.

А.П.: Думаю, что всё-таки молодой ум в поисках не остановишь ничем: ни водкой, ни наркотиками, ни обманом, ни футболом. Он очень пытлив. И молодые люди пытаются открыть новые элементы, новые вещества, создать новые программы компьютерные, хайтек. Но Пушкин – это такая планета, такой континент, который даст пищу любому пытливому молодому русскому уму. И время новых пушкинистов тоже грядёт.

Г.В.: Произведения Пушкина ещё и тем хороши, что они в цифровой век, век математики и цифры поддерживают, как молоко матери, в человеке душу. Питаться голой цифрой душа не может. Человеку нужна пища другая, которая дарит уверенность, веру, размышления, возможность отойти от привычных событий, которые заслоняют собой всё. Пушкин – это то пространство, та вода, тот живой воздух, входя в который, ты выходишь другим, обновлённым. И без этого нет полноты человека. А неполный человек не может создать шедевр. Он может создать что-то гремящее механически или электронно совершенное, но абсолютно не человеческое. А ведь мы говорим о жизни человечества. И в этом смысле Пушкин – один из самых человеческих творцов.

У нас сейчас в Михайловском есть отряд доброхотов – школьники из Перми, ученики физико-математической школы имени Пушкина. Зная, как он учил математику и физику, можно улыбнуться и сказать: это совершенно несовместимое. А между тем, это одна из тех редких школ, в которых дети получают одновременно специализации и по физике, и по математике, вплоть до бакалавриата. И в то же время они не чужды слову, не чужды художественным занятиям, музыке и танцам, это является частью их общечеловеческого развития. Они приезжают сюда как молодые пушкинисты, один из которых сделал интересный доклад “Пушкин – математик”. Показал, что Пушкин столько-то раз в своих произведениях употребляет математические термины, и сделал вывод, что эти термины ни разу не противоречили своему глубинному значению, хотя Пушкин математиком никогда не был. И это тоже ведь – слово. Это слово, которое вмещает в себя все смыслы, вплоть до тех, которые мы считаем далёкими от языка и литературы.

А.П.: Может быть, кто-нибудь из этих учеников откроет новый элемент и назовёт его “пушкиний”.

Г.В.: Может быть. Надо подать им эту идею.

А.П.: Георгий Николаевич, Вас Россия любит, знает. Михайловское – это место поклонения и паломничества. Через Вас проходит масса людей: и добрых, и злых, и возвышенных, и глухих. Но все они, проходя через это игольное ушко, меняются. По эту сторону Михайловского они становятся другими. Какими? Трудно сказать. Но ясно, что осенёнными. И для меня просто счастье беседовать с Вами среди этих рощ, на фоне этих мест, где гулял Пушкин, где он обожал и целовал свою незабвенную Анну. И это удивительная благодать, что мы, русские мечтатели, учимся этой мечте у Александра Сергеевича Пушкина.

Г.В.: Мне хочется сказать пушкинскими словами, что это место воплощает в себе три понятия, без которых жизни нет: и саму жизнь, и слёзы, и самое главное – любовь. Это место очень многим дарит любовь, причём в разных ипостасях. К близкому человеку, к Родине, и в равной мере – неразделимо от его личного восприятия самого себя. И в этом смысле Пушкин жив до сих пор и продолжает быть среди нас.

А.П.: Если сам Пушкин, прах его лежит в могиле, в монастыре, то всё, что здесь есть и чему вы посвятили свою жизнь, является своеобразным нимбом вокруг него.

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

член Совета Федерации

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕРНИСТОМ ПУТИ РОССИИ

В отличие от моих ранее опубликованных книг, нынешняя публикация не имеет ярко выраженного мемуарного характера. Она является плодом моих многолетних размышлений по важнейшим вопросам жизни нашего государства в последние четверть века.

Для меня, как и для большей части нашего народа, это было весьма сложное время. С Советским Союзом произошло то, что произошло с Россией в 1917 году и в гражданскую войну 1918–1921 годов. Тогда те события изменили общественный строй, страна понесла огромные потери – как территориальные, так и своего творческого генофонда, культурно-исторического потенциала.

Потребовались десятки лет неимоверных усилий, чтобы создать нормальное государство с определённой общественно-политической системой.

В 1990-х годах нечто подобное произошло с СССР. Изменения в жизни, казалось бы, стабильного общества произошли очень быстро. Началось вселенское разрушение всего и вся. Снова – смена общественного строя со всеми вытекающими последствиями. Система социальной защиты, социальные права людей, морально-нравственные устои общества – всё было уничтожено, причём без всякого сопротивления. Люди в основной своей массе потеряли жизненные ориентиры, общество стало жить без каких-либо определённых целей. Наступил период выживания. Вот тогда-то и начали появляться “проблески” в сознании людей – когда они поняли, что потеряли под влиянием обещаний новой, так сильно желаемой ими “демократической” жизни и что на самом деле они получили.

К тому же новое руководство страны во главе с Б. Ельциным не было готово дать народу ни чётких ориентиров, ни целей, которые бы вели его в новой жизни. Эти люди были сильны в разрушении. Но как созидатели были совершенно слабыми. Разрушить – пожалуйста, но создавать они не хотели, да и не умели.

Невольно здесь вспоминаются слова нашего великого писателя и мыслителя Льва Николаевича Толстого: “Идеал – это путеводная звезда, без него нет твёрдого направления, а нет направления – нет жизни”. Вот и жили мы в “лихие девяностые” годы без целей и направлений.

Ниспровергатели страны не имели на вооружении чёткой программы действий после захвата ими политической власти в стране. Это касалось, в первую очередь, общественно-политического устройства государства и новой экономической модели. Вспомним хотя бы некоторые “новеллы” нового лидера государства Б. Ельцина. Разве он понимал, что ожидает многонациональное

государство, если будет осуществлён его призыв к республикам России: “Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить!” – или предложение, чтобы все налоги оставить “на местах”, а для государственных нужд – обороны, культуры, образования, здравоохранения и т. д. – регионы должны пожертвовать определённые суммы? И таких “шедевров” было много. Кончилось это тем, что через 8–10 лет ельцинского “царства” новая Россия была на грани разорения. И только приход к власти В. В. Путина спас Российскую Федерацию от неминуемого распада по образу и подобию СССР.

Зная характер Ельцина, его образовательный уровень, “высокий” интеллект, образ жизни и известные увлечения, другого от него трудно было ожидать. Но рядом с ним были люди образованные, даже академики Академии наук СССР, которые также выступали активными ниспровергателями всего советского. Они ведь изучали мировой опыт жизни других государств и что – они не понимали абсурдности этих “новаций” нового пророка? Именно они истошно вопили о немедленном включении России в мировую экономику, толкая нашу страну в объятия “друзей”, которые уже якобы давно желают видеть нас в семье дружных, “капиталистически-демократических” государств.

Возможно, кто-то из них по наивности и думал так, но в основной своей массе это были люди, прекрасно понимавшие, что же в конечном итоге ждёт нас в “объятиях” Запада. Знали, но всё равно действовали сознательно, преследуя свои личные интересы и амбиции.

Пройдёт время, и те из них, кто остался ещё на нашей грешной Земле, начнут всё отрицать, утверждая, что они не могли так говорить или действовать в то время. Пусть они держат – сейчас или несколько позже – ответ перед Всевышним за сознательный обман своих соотечественников.

Данная публикация является отрывком из моей книги “Тернистый путь России”. Это название возникло не спонтанно, не из-за громких слов, из которых состоит эта фраза. Всю свою сознательную жизнь я размышлял о судьбе своей Родины, и не только в постсоветский период её развития. Меня интересовала вся история нашего Отечества: почему наша страна и народ шли именно по этому историческому пути? Что происходило в это историческое тысячелетие?

Родился я в Советском Союзе, учился в простой советской школе, получил среднетехническое, а затем высшее образование, четверть века трудился на гигантском заводе тяжёлого машиностроения – “Уралмашзаводе”, – где прошёл все ступени заводской жизни от сменного мастера до генерального директора.

Конечно, учёба, трудовая деятельность, да и всё воспитание в целом сказались на моём мировоззрении. Я, как и многие мои сверстники, верил в основы нашего социалистического общественного строя, был убеждён в правильности государственной политики в социально-экономической и политической сферах страны. Моему поколению выпала доля восстанавливать и крепить мощь своего государства, так как мы, послевоенное поколение, не выбитое войной по причине нашего возраста, оказались на острие развития послевоенной жизни государства. Мы органически впитали в себя военное лихолетье, так как наше детство пришлось на годы войны, поэтому нашим искренним стремлением было восстановить народное хозяйство и сделать всё возможное, чтобы улучшить жизнь народа.

Мы искренне радовались успехам страны, так как понимали, что только движением вперёд мы сможем вывести её из военной разрухи и решить многие экономические и социальные проблемы. Слова: “Лишь бы не было войны!” – были для нас не просто звучным выражением. В них заключался глубокий смысл жизни нашего поколения, которое не понаслышке знает об ужасах прошедшей войны.

У читателей может возникнуть ощущение, будто бы я негативно настроен по отношению к нашей нынешней жизни, к тому, что происходит в реальной действительности. Хочу сразу развеять их сомнения. Я положительно отношусь к некоторым изменениям, которые произошли за прошедшие четверть века. Почему я должен отрицать то, о чём в своё время мы не только мечтали, но и предлагали это осуществить? К примеру, свободное передвижение человека по миру вместо унижительных процедур по получению разрешения на заграничную поездку; различные формы собственности (кроме права на продажу земли, нашей матери-кормилицы), больше самостоятельности

и экономической свободы предприятиям, создание совместных предприятий с ведущими иностранными фирмами с целью приобретения новейших технологий и т. д.

Но разве можно согласиться с тотальным разрушением отечественной экономики? А грабительская приватизация всего, что было создано поколениями наших предков? Разве мы мечтали о такой жизни, какую создало нам сложившееся в стране социальное неравенство? А думали ли мы, что два таких важнейших социальных направления, как медицина и образование, станут платными? И таких вопросов много, а ответов на них нет. И с этим нельзя согласиться и принять это в новой России. Я уж не говорю о моральном оглушении народа, и особенно молодёжи, с помощью телевидения, радио и “жёлтой” прессы. Это не может пройти бесследно, и мы воочию убедились в этом, когда произошли страшные трагические события в Керчи и Архангельске. Вот что я не приемлю и, естественно, не могу воспринять в нашей современной жизни.

Или можно ли положительно оценивать перерождение выборной демократии? Я вспоминаю, как в конце 1980-х годов один из депутатов Верховного совета СССР проголосовал “против”. Его фото с поднятой рукой не напечатала лишь “заснувшая” газета. А сейчас произошла вроде бы похожая картина — один голос был против новой пенсионной реформы, и снова все откликнулись на это, но уже совершенно с другой оценкой.

Меня очень серьёзно тревожат социально-экономические проблемы. Это не злопахательство, это, скорее, мой протест против того, что происходит сейчас в стране. Я искренне хочу, чтобы всё негативное было искоренено из нашей жизни, иначе зачем тогда люди мечтали о положительных изменениях?

В абсолютном большинстве своём советское поколение считало, поверив сладким речам ниспровергателей всего советского, что грядущие демократические перемены добавят к тем социальным благам, что они имели в СССР, ещё множество других благ. К сожалению, в целом всё произошло с точностью до наоборот. Неужели мы должны об этом молчать?

У многих людей, равнодушных к судьбе своей страны, возникают вопросы: что же на самом деле произошло более четверти века назад тогда с нашим государством и народом?

Считать, что Запад во главе с США был “белый и пушистый”, — нельзя. Весь послевоенный период, который вошёл в историю как “холодная война”, они только и мечтали, чтобы мы оказались в гробу. Не больше и не меньше. И всё-таки я придерживаюсь той точки зрения, что главными причинами этой трагедии являлись внутренние причины.

Меня интересует, что же произошло с советским человеком в то время. Мы прекрасно помним, что СССР рухнул фактически на пике военного и индустриального могущества. Но самое главное, и на это стоит обратить особое внимание, что это крушение было воспринято большинством народа с равнодушием, а иными — с восторгом и энтузиазмом.

Советская жизнь упала, как осенний лист, — естественно и незатруднительно. Она умерла, потому что у неё не оказалось защитников. Её не защитили ни многомиллионный народ, ни десятиmillionная партия (КПСС), ни миллионная армия, ни многотысячная система государственной безопасности (КГБ). Каждая из этих государственных структур имела разветвлённую сеть в стране, своих официальных руководителей. Были заводы, и на них работали тысячи рабочих, которые, казалось бы, должны были защитить свою власть. Но они выглядели будто парализованными — спокойно, без какого-либо сопротивления наблюдали за происходившим и думали, в первую очередь, о своей собственной безопасности и необходимости устройства в новой жизни. К сожалению, люди не понимали, какая катастрофа нависла над их страной.

В конечном счёте, на защиту советской жизни никто не вышел. Ни верхи, ни низы. Это что, было случайностью? Вывод из создавшегося положения даёт основание считать, что нет, это было закономерно. Вот эту закономерность и необходимо осмыслить для нашей будущей жизни.

Картина 1970–1980-х годов была примерно следующая: в магазинах не было достаточного запаса товаров, на работе перелбивалось из пустого в порожнее, инициатива — неофициальная — под запретом. Но если быть объективным, экономическое положение в позднем СССР было неизмеримо лучше, чем сегодня, и человек был обеспечен всем необходимым реально лучше,

чем сейчас. Базовые потребности людей – еда, жильё, учёба, лечение – в целом удовлетворялись, но при этом было массовое ощущение серости, обыденности и скуки.

Что же в основном вызывало досаду у людей? Пресловутый дефицит. Сейчас рядовой человек твёрдо уверен: это тогда были пустые прилавки, а сейчас всё есть. На самом же деле причина легендарного советского дефицита была в политике цены. Пример решения этой проблемы – колхозные рынки, правда, с более высокими, чем государственные, ценами, но там всегда всё было. Сегодня же таким рынком стала вся отечественная экономика – вот вам и изобилие, однако изобилие это кажущееся, а вернее, просто “картинка”. Сейчас специалисты-экономисты делают вывод, что дефицит никуда не делся, просто происходит массовое и углубляющееся недопотребление. Вот так и появилась видимость изобилия.

Советское руководство твёрдо поддерживало политику государственных цен, стремясь обеспечить население всем необходимым, но, к сожалению, не смогло выполнить свои обязательства. Это и вызывало недовольство, так как народ ещё помнил, как в послевоенный период при жизни Сталина ежегодно снижались цены на товары первой необходимости.

Правительство страны во второй половине 1980-х годов прекрасно всё это понимало и неоднократно вносило на Политбюро ЦК КПСС свои предложения по решению проблемы. Но поддержку мы не получали – якобы “нас люди не поймут”.

Государство в СССР также взяло на себя и другие обязательства, например, обеспечить население бесплатным жильём. К сожалению, раздавая что-либо бесплатно, насытить потребность невозможно, так как она растёт быстрее насыщения. Складывается интересная технологическая ситуация. Когда в магазине много товаров, а у человека не хватает денег, он предъявляет претензии к себе. Но когда деньги есть, но нет товаров, он недоволен государством. Многие сегодня говорят, да им и повседневно об этом напоминают, что социализм сам по себе рождает дефицит, а капитализм – изобилие. Это иллюзия, но, к сожалению, многие в это верят.

Подобное положение, повторю, мы реально ощущали в конце 1980-х годов. Поэтому, готовя программу перехода экономики страны на новый, модернизированный путь развития, в своих предложениях мы уделяли этому вопросу особое внимание. Но политическая ситуация в то время была весьма сложной. Полный разброд и шатание. Если сказать словами Г. Р. Державина, русского поэта и государственного деятеля Российской империи: “Тот хотел арбуза, а тот – солёных огурцов”.

Мы предлагали перевести на рыночные отношения торговлю и бытовое обслуживание населения, с тем чтобы уравновесить спрос и предложение. И снова крик: “Вы наступаете на жизненный уровень людей!” А наш незабвенный Борис Николаевич на заседании Верховного Совета СССР всенародно дал слово, что, если Рыжков пойдёт на этот шаг, он лично ляжет на рельсы под поезд. Конечно, он этого не успел сделать при жизни, но 2 января 1992 года в одночасье пустил цены в свободное плавание и вызвал величайшую гиперинфляцию.

Советская доктрина предполагала, что советские люди будут жить духовными ценностями и радостями творчества. Как показала реальная жизнь, это существенная ошибка. Для подавляющего большинства людей главное находится в потребительской сфере, в домашнем хозяйстве. Жизнь народа в современной России подтверждает это, она имеет совершенно иной перегиб. В основу жизни сейчас поставлено чистое потребительство, а духовную часть заменили низкопробными передачами по телевидению, радио и публикациями “жёлтой” прессы. Не случайно трезвые голоса нашего общества требуют органического равновесия в развитии материального и духовного начал российских граждан. Только тогда мы сможем надеяться на формирование человека XXI века.

В своих размышлениях я неоднократно возвращался к теме либерализма в нашей стране. То, что я выскажу по этой проблеме, – моё личное мнение и глубокое убеждение. Я патриот своей страны и люблю её, в каком бы состоянии она ни находилась. Поэтому я отрицательно и отношусь к тем, кто хочет “перелицевать” её по образу и содержанию западных стран, к тем, о ком сказал А. С. Пушкин:

*Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел.
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.*

В XIX веке сложилось большое культурное и политическое течение, названное “русским либерализмом” (“западничество”). Первым западником принято называть русского философа и публициста Чаадаева, а известный историк Т. Н. Грановский выразился так: “Запад кровавым потом выработал свою историю, плод её нам достаётся почти даром, какое же право не любить его?”

Эту же позицию занимал и П. Б. Струве, русский общественный и политический деятель: “Идеалом, к которому должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединённых Штатах Северной Америки и в Британской империи”.

Как известно, реформы Петра I вызывали, да и сейчас вызывают глубокие разногласия и споры относительно его действий. Но при всех отрицательных результатах не следует забывать, что им были созданы государственные институты, которые мы имеем и сейчас, такие как русская армия и военный флот, государственный аппарат, позже – наука и литература. Всё это далось дорогой ценой, но и уроки этих реформ были учтены.

Подход к изменению российских институтов в реформе 1990-х годов носил характер копирования, оно заменило проектирование новых структур. Реформы в России стали огромной программой имитации Запада. Это было признаком духовного кризиса нашей политической элиты, а затем стало и одной из причин общего кризиса. К имитации склоняются культуры, оказавшиеся не способными ответить на вызов времени. Вот и Россия оказалась в их числе.

Оглядываясь на уже далёкий XIX век и анализируя происходившее в нашей стране в последнюю четверть текущего века, невольно задаёшься вопросом: как идеи позапрошлого столетия были повторены в конце XX – начале XXI века? Надо полагать, что эти идеи идолопоклонства перед Западом передавались из поколения в поколение политиками, включая даже научных работников, и дошли до наших дней. Они не были удовлетворены советской системой, а новую – свою, отечественную – у них не было желания строить, да и фасад Запада был весьма привлекателен.

Чем же можно тогда объяснить заявление “прораба” перестройки, члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева:

“Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жильё”.

Эти идеологические установки были подкреплены программой Международного валютного фонда (МВФ), которая была разработана для слаборазвитых стран. Её главная цель – ослабить их ещё более за счёт приватизации, сокращения социальных расходов и государственных инвестиций. Как известно, для осуществления этой программы у нас в стране был выбран самый радикальный вариант – “шоковая” терапия, о чём достаточно подробно говорится в моей книге.

И в заключение. Оценивая недостатки советской системы и постсоветского времени, можно с уверенностью заявить, что нас ожидает новая версия социализма. Капитализм слишком ресурсно расточителен с огромным перекосом в сторону потребительской идеологии. Бывший социалистический строй СССР имел другой перекоп, о чём говорилось выше. Нужна чёткая, научно выверенная теория конвергенции этих двух социальных начал. Будем надеяться, что это произойдёт именно в нашей стране, так как исторический фундамент нашего многовекового существования свидетельствует о том, что мы, учитывая наш менталитет, наиболее близки к этому.

И наконец, следует дать ответ, что же произошло в стране в годы перестройки и начале 1990-х годов? Оценивая характер и масштаб тех событий, можно ли охарактеризовать их как социальную революцию, или это было нечто совсем иное?

Говоря объективно, можно считать, что то, что произошло в России в последние десятилетия XX века, нужно расценивать как социальную революцию. Охватив все сферы общественной жизни, преобразования радикально

изменили всю нашу жизнь, всю систему жизнедеятельности российского общества: политическую, экономическую, идеологическую и духовную. Исходя из этого, можно рассматривать все эти преобразования как системные – революционные.

Но этой точки зрения придерживаются не все. Некоторые считают, что происходящее сейчас в России – это глубокие реформы. В то же время появилась ещё одна точка зрения: вместо реформирования всё чаще говорят о модернизации российского общества, забыв при этом, что модернизация – это не процесс, а цель, к которой можно прийти как через реформы, так и через революцию. Таким образом, реформы и революция – это средства для достижения цели, то есть модернизации.

Говоря о событиях 1990-х годов, хочу привести слова президента России В. В. Путина, сказанные им в Послании Федеральному Собранию в 2001 году. Ниже приводится цитата из его речи:

“Прошедшее десятилетие для России было бурным, можно сказать без всякого преувеличения – революционным. Цикл “революция – контрреволюция, реформы – контрреформы” – закончен. Не будет ни революций, ни контрреволюций!.. После бурного десятилетия реформ мы входим в период, когда от нашей воли, от нашей квалификации и выдержки зависит долгосрочный успех страны. Меры переходного характера исчерпаны”.

Несмотря на то, что приведённое высказывание звучит вполне определённо, общество и власть, которая у нас весьма восприимчива к тому, что говорит первое лицо государства (вспомните: Столыпин, Ленин, Сталин, “дорогой Никита Сергеевич” и не менее “дорогой Леонид Ильич”, а также ранний Горбачёв, а когда захлёбывались от восторга от речей разрушителя Ельцина и его же проклинали как “созидателя”?), – фактически не отреагировали на сказанное в Послании и продолжают говорить о реформах. Какие же есть тому причины?

Первая состоит в том, что к революции в своё время никто не призывал и к ней никто не готовился. Даже если говорили об этом одиозные единичные экстремисты, то мало кто мог поверить в возможность её осуществления. Более того, ещё в недавнем прошлом, да и сейчас некоторые общественные лидеры говорят, что в XX–XXI веках наше общество исчерпало лимит революций (странно, как будто кто-то свыше установил этот лимит, как талоны на питание при приснопамятной карточной системе). В послевоенное время в СССР не было сколько-нибудь значимых сил, которые готовились бы к революции и которые были бы способны её осуществить.

Вторая причина кроется в исторической памяти нашего общества. Ни одна российская революция не смогла вывести страну на магистральную дорогу непрерывного эволюционного развития. Казалось бы, что, подрывая существующие основы, революция должна была расчищать путь новому, более прогрессивному. На практике всё происходило не так. Необходимо пройти через невероятные трудности, чтобы позитивное воздействие революции отразилось на общественном развитии. И наш народ это хорошо помнил.

Российские революции XX века сопровождались решением отдельных проблем, но со значительными перегибами то в одну, то в другую сторону. Затем их пытались исправить – этим можно было объяснить введение нэпа в 1921 году или тотальной приватизации в наше время, но и при этом появлялись новые перегибы. Наступил этап контрреформ, а затем и контрреволюций. Нетрудно догадаться, какую реакцию это вызывало в обществе. Ничего, кроме аллергии. Именно поэтому таково отношение нашего общества к революциям. Люди помнят многочисленные трудности и страдания, которые те приносят.

В книге довольно часто говорится о социальной революции, поэтому следует, на мой взгляд, напомнить, чем она отличается от других – от научно-технической, духовной, культурной и т. д.

Основное отличие социальной революции состоит в том, что она охватывает все сферы общественной жизни. При этом перемены происходят такие глубокие и радикальные, что от старого уклада мало что остаётся.

В чём же заключается их особенность? Первая – в том, что каждая революция в обязательном порядке решает два главных вопроса: вопрос власти и вопрос собственности. Если соотношение противодействующих сил таково, что ни одна из них не может в данный момент взять верх и они не решаются

на вооружённую борьбу, то они идут на компромисс. Он длится до тех пор, пока молодой класс не почувствует, что можно идти на приступ старого строя.

Вторая особенность состоит в том, что главный вектор революционного процесса направлен в ту сторону, куда устремлены интересы нового политического класса. Такой силой в нашей стране сейчас выступает слой новых собственников, стремящихся полностью овладеть властью и навсегда вернуть страну на буржуазный путь развития.

Рассуждая на эту тему, невольно задаёшься вопросом: за эти ли демократические ценности боролись наши “демократы первой волны”? Не они ли, в противовес монополии КПСС, в том числе и в делах управления страной, твердили, что всё население страны должно участвовать в этом через представительство в парламентах всех уровней?

Сегодня же, как уже было сказано выше, слой новых собственников – если можно их так назвать, своеобразная элита, – занимает ведущие позиции в управлении на всех уровнях. К оправданию создавшегося положения подключились соответствующие “демократические юристы”. Они теоретически доказывают методом “критического реализма”, что население в большей своей части не может участвовать в управлении, а представительный орган парламентского типа не может реально претендовать на роль представителя всех слоёв социальных групп и общества.

По их мнению, политическая элита, которая представляет их в этом представительном органе власти, должна профессионально заниматься деятельностью в сфере власти и управления государством. Она должна аккумулировать в своих руках важные властные и управленческие полномочия.

Политическая элита имеет неограниченный допуск к главным стратегическим ресурсам власти, вырабатывает наиболее значимые решения на общегосударственном уровне, занимает руководящие должности в органах государственной власти, политических партиях и общественных организациях.

Власть этих элит осуществляется через бюрократический аппарат различных партий, общественных, профессиональных и конфессиональных организаций, сферу бизнеса и предпринимательства, армию и силовые структуры, органы и системы образования, культуры, науки, спорта и т. д.

Хотелось бы отдельно сказать о роли бюрократии в управлении государством. При определённых условиях она может заменить правящий класс, но при этом самое опасное таится в том, что если бюрократия наделяется собственностью, то административная элита превращается в бизнес-элигу. Это весьма чреватое явление для жизни государства: процветает коррупция, наступает кризис общественной морали, происходит падение нравственности, в обществе растут протестные настроения. Таким образом, компрадорская буржуазия получается именно из вчерашней бюрократии. Это элита с первичными признаками бюрократии и вторичными признаками буржуазии.

Занимая подобное положение в управлении и жизни государства, сформированные элиты проводят через парламент страны необходимые им решения. Им даже не могут противостоять такие независимые сдерживающие институты, как, например, Конституционный суд РФ. Что-то мы не очень помним реальные действия этого уважаемого органа государственной власти, который по сути своей должен быть гарантом Конституции страны. В последние годы ему всё труднее принимать самостоятельные и независимые решения, которые соответствовали бы истинному духу действующей Конституции, а не “пожеланиям” и настроениям властвующей политической элиты.

Сформированная на таких принципах политическая элита совершенно свободна в выборе необходимой ей государственной идеологии, отвечающей вызовам времени. При этом её представители не задумываются, что само включение их в политическую элигу требует от них осознания ими своего долга перед народом. Они должны понимать, что власть не бесконечна, и их деятельность непосредственно определяется интересами населения, которое она и представляет. К сожалению, современная элита к этому не готова и делает всё возможное, чтобы не перейти в разряд “бывшей власти”. В этом и есть трагедия нашего парламентаризма как одной из трёх ветвей власти.

Безусловно, за четверть века в России произошли большие перемены и, разумеется, они привели и к изменению ментальности российского населения. Трансформация общественной психологии – это сложный и долговременный тип преобразований. Но не следует забывать, что эти процессы имеют

различную, иногда крайне противоречивую направленность, вплоть до взаимоисключающих друг друга тенденций. Именно противоречивость политических процессов является одной из особенностей нынешней российской революции. С учётом того, что в основной массе населения сохраняется ещё советский менталитет, естественно, возникает вопрос: будет ли шириться поток приверженцев капиталистической общественной системы? Нельзя забывать при этом об исторических генах нашего народа и особенностях нашей религии, Русской Православной Церкви, так как в её основе заложена философия нестяжательства и общинности.

По глубине и радикальности осуществляемых преобразований современная революция России в 1990-х годах может быть сравнима лишь с Октябрьской революцией 1917 года. Но между этими эпохальными историческими событиями есть большая разница. Октябрьская революция прервала естественный ход российской истории и ставила своей целью рождение неведомого ранее общества полной социальной гармонии и равенства. Нынешняя же революция изначально преследовала диаметрально противоположную цель – вернуть Россию на буржуазный путь развития.

Разумеется, возникает вопрос: можно ли переворот 1990-х годов считать революцией? Может быть, более объективной была бы формулировка “контр-революция”?

И ещё один вопрос. Можно ли считать напрасными и бесполезными для России революции XX века? Конечно, нет! Но радикально разная направленность российских социальных революций мешала созданию условий для устойчивого сбалансированного развития страны. Каждая последующая революция безжалостно, иногда бездумно разрушала достижения предыдущей: Октябрьская социалистическая – Февральской буржуазно-либеральной, революция начала 1990-х годов – Октябрьской. Но следует при этом подчеркнуть, что созданные в СССР за период социализма, то есть за 74 года достижения оказались столь существенными и основательными – и главное, укоренились в массовом сознании, что отбросить советский опыт полностью не удастся.

Всё вышесказанное даёт мне право сделать вывод, что опыт СССР имеет важное значение. Несмотря на то, что советский социализм закончился неудачей, в силу объективных причин его опыт не пропал зря. Задача сегодняшних убеждённых сторонников социализма состоит в том, чтобы обобщить накопленный опыт, как положительный, так и негативный, извлечь из него верные конструктивные выводы.

В первую очередь, следует научиться не только владеть собственностью, но и эффективно и грамотно ею пользоваться. Не менее важно то, что необходимо устранять дефицит политической культуры трудящихся, воспитывать в них умение управлять государством. И для этого нужен советский опыт, пусть даже во многом в этих вопросах и негативный.

В итоге размышлений о нелёгком тернистом пути России хотелось бы добавить, что, на мой взгляд, окончательно ставить крест на советском социализме не стоит. Следует очень серьёзно думать об этих величайших социальных проблемах.

Ещё об одном вопросе, на который нет исчерпывающего ответа и относительно которого нет чёткой официальной позиции руководства страны.

2017 год в истории нашей страны был особым. Исполнился 100 лет Октябрьской революции. Этот юбилей получил широкий резонанс во многих странах мира. В то же время объективности ради нужно сказать: как ни удивительно, этого не произошло в России. Несмотря на то, что для подготовки к этой дате был создан специальный оргкомитет, широкомасштабных мероприятий на государственном уровне проведено не было, как не было даже официальных оценок революционных событий 1917 года российской властью.

Подводя в середине сентября 2017 года предварительный итог проведённым мероприятиям, председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин заявил на открытии заседания оргкомитета по встрече 100-летия революции 1917 года: “Главное, что удаётся в год 100-летия знаменательного 1917 года, – держать линию деликатного и взвешенного отношения к революции и исторической памяти”.

На момент заседания оргкомитета было уже проведено 44 различных мероприятия (выставки, научные конференции, открытия памятников, издание книг и учебников) и ещё 70 планировалось провести. По данным оргкомитета,

выставки и научные конференции, посвящённые революции, проходили в 40 странах.

“В этом смысле, — отметил научный руководитель Института всеобщей истории РАН академик РАН Александр Чубарьян, — историческая наука и общественная мысль страны поспешили отказаться от формулы “всемирно-исторического значения Великого Октября”. Мир восстанавливает забытые формулировки. Так, научные центры Лондона, Берлина, Парижа и Нью-Йорка заговорили о том, что если для становления XIX века определяющее значение имела Великая французская революция, то лицо XX столетия определила Русская революция 1917 года”.

Британский историк Эрик Хобсбаум по тому же поводу отметил следующее: “Фактически русская революция явилась спасительницей капитализма, дав ему стимул к самореформированию, а также поколебав веру в неизбежность свободного рынка, благодаря явной невосприимчивости СССР к Великой депрессии”.

Картина восприятия революций 1917 года будет неполной, если не сказать о том, как эту дату восприняло российское общество. По этому вопросу было проведено несколько исследований, главным из которых стоит уделить хотя бы некоторое внимание.

Освещение этой темы начну с оценки, которую дал 100-летнему юбилею российских революций известный политический обозреватель Л. А. Радзиховский: “Прошли какие-то обтекаемо-научные конференции, показали в меру политкорректные, в меру китчевые сериалы, но в общем, людей, общество, “всё это” абсолютно не зацепило. Будто было в другой стране, с другим народом”.

Из всех многочисленных публикаций по поводу 100-летнего юбилея Октябрьской революции хотелось остановиться на одной, где трактуются Февральская и Октябрьская революции, а также гражданская война как единый процесс, который имеет право называться “Великая Российская революция”. Убедённым сторонником такого подхода является директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров. Он пишет: “Важным достижением научного сообщества стало утверждение представления о революции как о сложном и многофакторном процессе, а не одномоментном событии. На современном этапе многие российские и зарубежные учёные приходят к выводу о необходимости трактовки событий 1917–1922 годов как Великой единой российской революции (The Great Russian Revolution), прошедшей в своём развитии несколько этапов, включая Февральскую и Октябрьскую революции, а также гражданскую войну. Одной из основных тенденций современной историографии является отказ рассматривать революцию 1917 года как резкий и радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. Теперь и революция оказывается частью системного кризиса империи, вызванного мировой войной и завершившегося только с окончанием гражданской войны”.

Если взять за основу формулировки Ю. А. Петрова, то возникает вопрос: почему вышеуказанные революции, различные по своему идеологическому содержанию, целям и задачам, движущим силам, являются звеньями одной цепи, а не наоборот, звеньями разных цепей? Да, революционный процесс един, но революционные потоки в нём различные, разнонаправленные. Октябрьская революция не только была направлена в противоположную от Февральской, буржуазно-демократической по своей сути, а напроочь перекрывала её суть, цели и задачи. С учётом этого верно ли с научной точки зрения различные по своей сути звенья соединять в одну цепь? Кроме того, великой можно назвать только ту революцию, которая дала стране устойчивую положительную динамику развития. Если отталкиваться от такой оценки, то надо будет признать великой Октябрьскую революцию 1917 года. Она открыла дорогу качественным позитивным изменениям российского общества и фундаментально повлияла на весь мир.

Автор утверждает, что приход большевиков к власти стал началом гражданской войны. Но он не учитывает, что очаговая гражданская война началась ещё летом 1917 года, когда крестьяне стали захватывать поместья и земли и жгли помещичьи усадьбы. Разжиганию гражданской войны в немалой степени способствовал начавшийся после Февральской революции распад Российской империи.

Подобные высказывания учёных мужей не единичны. Поэтому весьма остро стоит вопрос об их компетентности и, самое главное, порядочности в отношении своей страны. Нельзя забывать, что все великие империи разрушались, главным образом, изнутри, через разногласия своей элиты.

Стоит ли говорить, что если отечественные учёные и специалисты занимают такую позицию в отношении своей истории, то какова позиция наших соседей? К примеру, в учебнике “История Латвии” говорится: “Ленин в июле 1917 года организовал первую попытку вооружённого захвата власти в Петрограде. Она провалилась из-за того, что силы Временного правительства победили в уличных боях”. И далее: “...Латышские стрелки не участвовали в перевороте, но были на стороне большевиков”. Чай пили?

Подобные оценки нашей истории дают наши “друзья”, которых в своё время Россия спасала от агрессивных соседей, – Украина, Грузия и пр. К этому стройному ряду голосов присоединились и наши болгарские “братушки”, которых своей кровью в XIX веке освободили русские солдаты и которые затем дважды воевали против нас. Всё забыто! И освобождение от османского ига, и последующие предательства. Помалкивали бы!

Следует отметить, что в учебниках и научных статьях западных учёных более подробно и объективно, чем в вышеуказанных странах – наших вчерашних братьях – даётся характеристика наших событий столетней давности.

И в завершение этого раздела своих размышлений о пройденном, пусть даже “тернистом пути” моей Родины – России (и досоветской, и советской и постсоветской) – хотелось бы сказать следующее. Она у нас одна. Позволю себе процитировать слова учёного Я. А. Пляйса, труды которого я во многом использовал здесь: “Реалистично мыслящие учёные видят и позитивные, и негативные результаты Октябрьской революции 1917 года. К позитивным итогам относят создание экономики, выдержавшей испытание Великой Отечественной войной; ликвидацию неграмотности (“культурная революция”), обеспечившую высокий образовательный уровень населения страны; эффективную систему здравоохранения и бесплатное медицинское обслуживание, эффективность которых признана на международном уровне; сохранение целостности российского государства. К негативным итогам причисляются гигантский расход человеческих жизней, выразившийся в гибели десятков миллионов людей в гражданской войне, в коллективизации, в репрессиях, во Второй мировой войне; ликвидация элиты старого общества и снижение уровня элиты советского государства; грандиозный расход естественных ресурсов (не жалели ни нефти, ни леса, ни плодородных земель); серьёзное нарушение экологических балансов в стране; уравнительное распределение в экономике...”

Столетие Октябрьской революции 1917 года – событие, которое нельзя замолчать или отделаться от него скороговоркой. Решение по упразднению привычного для народа праздника 7 ноября в её честь наверняка рано или поздно будет отменено, и эта дата, очень важная для многих наших граждан, будет восстановлена. Национальные праздники связаны с широко известными обществу событиями, а не произвольно назначаются властными лицами по конъюнктурным соображениям. Как уже говорилось, Октябрьская революция оказала огромное влияние на мир. Это почувствовали алчные капиталисты, и был дан крупнейший толчок развитию национально-освободительного движения многих стран мира. Это реальность, и не видеть подобное – недопустимо, и в первую очередь, в нашей стране.

Говоря о многих проблемах в жизни нашего государства, плюсах и минусах его развития, нельзя не остановиться на вопросе позитивного воздействия социализма на мир и роли идеологической основы отечественной внешней политики.

О положительном влиянии социализма на мир и на основу международных отношений сказано и написано много. Это было и при советской власти, и даже, как ни странно, после.

Это связано, прежде всего, с тем, что стремление Советской России к социальной справедливости оказало серьёзное влияние на внутреннюю политику в странах классического капитализма. Установка на социальное равенство, которое декларировала Октябрьская революция, быстро набрала сначала европейскую, а затем всемирную популярность.

Сделать государство, мир и заодно международные отношения более справедливыми стало лозунгом XX века. Следует отметить, что большой заслугой СССР было оказание всемерной поддержки народам колониальных и полуколониальных стран в их борьбе за национальное и социальное освобождение. После достижения ими независимости наша страна оказывала огромную помощь этим странам по созданию современной экономики, прежде всего, промышленности, социальной инфраструктуры. Особая помощь нами оказывалась Китаю. Работая в то время на “Уралмаше”, мы видели всё это своими глазами. Так, в сборочных цехах завода для Китая в основном изготавливалось оборудование, которое, в частности, отличалось от оборудования для нашей страны специальной покраской и т. д. Да и в высших учебных заведениях Урала обучалось огромное количество студентов-китайцев, в том числе и в Уральском политехническом институте, в котором я имел счастье учиться и закончить его.

В основе внешней политики СССР была убежденность, что весь мир скоро станет социалистическим и будет жить по советской модели, так как капитализм находился на своей последней стадии развития, то есть на стадии империализма.

Но прошло несколько десятилетий, и стало очевидно, что капиталистический мир не собирается покидать свою историческую арену, хотя и не без трудностей, но успешно преодолевая кризисы, сравнительно легко адаптируется к происходящим в мире переменам, становится социальным, в то время как социализм, наоборот, испытывает всё больше разнообразных трудностей. Увидеть реальность такой, какая она есть, мешал идеологический догматизм.

Коммунистическая, а точнее – социалистическая идеология имела большой плюс и большой минус. Безусловным плюсом было то, что государственная идеология делала внутреннюю и внешнюю политику более лёгкой и понятной, то есть это был своеобразный компас, который позволял выверить курс и достичь намеченных целей. Несмотря на некоторую особенность, эта идеология была более привлекательной, чем либерально-капиталистическая, и поэтому она была более прогрессивной. Поэтому в поисках альтернативы капиталистическому образу жизни многие страны, которые освободились после Второй мировой войны, обращались к социалистической модели развития, тем более что СССР был готов оказывать всемерную помощь странам, избравшим этот путь развития. Всё это продолжалось до тех пор, пока у нас не начались фундаментальные неудачи во внутренней жизни.

Что же касается минусов идеологической основы советской внешней политики, то в основном они заключались в том, что эта идеология предлагалась миру как единственно верная. Эта чрезмерная идеологизация и абсолютизация делали внешнюю политику СССР заложницей для тех, кто спекулировал на этом и извлекал для себя дивиденды. Всё это делало нашу внешнюю политику чрезвычайно затратной, превращая её в непомерную ношу, и стало в конечном итоге одной из причин конца советского социализма и существования самой страны.

Кстати, подобное положение относится и к другим великим державам и, прежде всего, к сверхдержавам. Американская ли модель или китайская со своей, китайской спецификой, – их идеологические основы тоже претендуют на абсолютную верность, незыблемость и образцовость этих основ. Но проходит время, и новая сверхдержава повторяет те же ошибки. Таков закон развития мировой экономики и международных отношений. Поэтому, определяя идеологическую основу своей внешней политики, государства должны помнить, что ценности этой основы для остального мира относительны. Да, не следует пренебрегать историческим опытом. В природе нет ничего такого, где бы не было изменений. Вот это и погубило наш советский опыт социализма. Так будет погублен и любой другой, если там не будут систематически анализировать его основы и вносить в них необходимые изменения в этом сложном, меняющемся и противоречивом мире.

Важнейшим достижением советского социализма было то, что российское общество в целом, и особенно центральноазиатские народы, кардинально изменилось в цивилизационном отношении. Значительная цивилизационная отсталость, которая отделяла нас от передовых европейских народов многие столетия и которую пытались преодолеть, начиная с Петра I, была в основном преодолена в советское время.

Исходя из своей идеологической концепции создания модели такого социального устройства, которая была бы идеалом и примером для всего мира, Советская Россия, а затем уже СССР стремились реализовать эту доктрину на практике.

Инициирование в 1919 году создания Коммунистического интернационала способствовало образованию коммунистических, рабочих и других левых партий везде, где это было возможно. То есть СССР фактически занимался экспортом революции, начавшимся сразу же после Октября 1917 года, и, таким образом, вмешательством во внутренние дела других стран.

Как известно, всё было прекращено в 1943 году, в разгар Второй мировой войны, когда нашими западными союзниками стали капиталистические страны, где эти ячейки существовали уже многие годы. Конечно, западные государства не могли оставить такую деятельность без последствий, преследуя коммунистов и других левых, запрещая их деятельность и организовав контрработу против СССР. Всё это серьёзно обостряло международные отношения.

Объективности ради следует отметить, что подрывной деятельностью против других государств занимались и занимаются все государства, в том числе и сегодня. Как здесь не вспомнить так называемые “цветные революции”, которые интенсивно организуют США и их союзники в республиках бывшего СССР и странах Ближнего Востока!

Особенно активно СССР вёл себя на международной арене после Второй мировой войны, когда уже превратился в сверхдержаву. Всё это дорого обошлось нашему государству, привело к перенапряжению его сил и возможностей, что не могло не сказаться на его общем социально-экономическом положении. В основе лежала цель добиться определённых преимуществ для своей страны и распространить свою модель по всему внешнему миру.

Это связано не только с СССР (моделью “советского социализма”) или США (“демократия по-американски”), но и с восходящей новой сверхдержавой – Китаем (“новая эра социализма, как уже было упомянуто, с китайской спецификой”).

Учитывая стремительное возрастание роли Китая в мире, следует несколько подробнее остановиться на положении там в этом вопросе.

На состоявшемся 18–24 октября 2017 года XIX съезде КПК говорилось не только о том, что за последние несколько лет Китай перешёл от роли игрока на международной арене к роли лидера, определяющего повестку дня глобальных процессов, но и о том, что необходимо сформировать более справедливые международные отношения нового типа. Говорилось и о том, что на примере китайского пути человечеству будет продемонстрирована новая модель развития в его поиске лучшего общественного строя. “Мы должны, – говорил на съезде председатель КНР Си Цзиньпин в своём программном выступлении, – относиться друг к другу с уважением, проводить равноправные консультации, с твёрдой решимостью отказаться от менталитета холодной войны и политики силы... Разногласия надо решать через диалог, партнёрство, а не конфронтацию и блоковое мышление”.

По мнению эксперта международного клуба “Валдай” Шэн Шилияна, Китай хочет дружить со всеми. Было бы неверно считать, что Пекин претендует на одну из ведущих ролей в системе глобального управления. “Нас преждевременно выдвинули к центру мировой арены: пока у страны для этого мало опыта и возможностей”, – считает он. “Возможно, наш опыт мог бы стать моделью для других развивающихся стран, но – подчеркну – лишь одной из возможных моделей. При несомненных успехах, у Китая остаётся ещё очень много внутренних проблем, над которыми нужно работать. Наша главная задача – сделать процветающим собственный народ. И, в конечном счёте, эта цель является приоритетом наших внешнеполитических устремлений. И тогда процветающий Китай сможет предложить миру какую-то альтернативу”.

На мой взгляд, слова и председателя КНР, и эксперта международного клуба “Валдай” очень осторожно делают заявку на будущее. Даже из этих цитируемых слов можно сделать вывод, что Китаю нужно ещё время, и дальше стоит ожидать повторения советского и американского варианта методов международных отношений, где за основу будет взят китайский вариант. Всё повторяется в этом мире!

И ещё один вывод. Несмотря на драматический опыт биполярности (США-СССР), мир в очередной раз движется к этому же состоянию. Однако

это будет биполярность другого типа с новым идеологическим содержанием. Но при всех опасностях, проблемах и сложностях, которые связаны с биполярностью, она всё же яснее и определённее, чем хаос и неопределённость монополярного мира, биполярный мир более предсказуем, чем монополярный. Полагаю, что недалёкое будущее даст ответ на это.

И снова о Китае. В критической для России ситуации велик соблазн разрешить свои насущные проблемы с опорой на этого восточного соседа – Китай. Если ещё совсем недавно мы стремились быть в “дружеских” объятиях Запада, то эти иллюзии сейчас рассеялись, как утренний туман. Теперь многие поговаривают: прильнём теперь к Китаю. Такой выбор, на мой взгляд, грозит новыми опасностями и разочарованиями. Учиться у Китая необходимо, сотрудничать выгодно, но уповать на его помощь и заинтересованность в поступательном развитии России опасно. Китай всегда исторически представлял собой “иное человечество”.

Пока китайцы извлекают выгоду из конфликта России с Западом, Поднебесная в этом отношении “загрывает жар”. Трудно сейчас представить наше будущее с влиятельным соседом. Роли распределены: северные “варвары” – валовые поставщики сырья с огромными слабозаселёнными территориями Сибири и Дальнего Востока. Сами же практичные китайцы – покупатели сырья и продавцы высокотехнологичной продукции.

Вывод один. Россия должна твёрдо стоять на двух столпах, обращённых на Запад и Восток. Не случайно в нашем гербе орёл – двуглавый. Попытка стоять на одной ноге может привести нас к непредсказуемым последствиям. У Китая нам следует перенять самое главное – научиться вести себя с конфуцианским терпением, выдерживать долгосрочную стратегию, не шарахаться из крайности в крайность, опираясь на собственную мудрость и менталитет нашей исторической Родины.

И в заключение моих размышлений о тернистом пути России. Реальность такова, что наше общество сейчас расколото – государство и регионы, “западники” и “государственники”, элита и пользователи “административной ренты”, бедные и сверхбогатые. Практически, произошёл разрыв социальной ткани общества – снова, как и сто лет назад, возврат к “дворцам и хижинам”. Всё это подталкивает к гражданскому противостоянию. Нет сегодня одной эффективной национальной идеи объединения всех – подчёркиваю, всех – слоев общества для её решения. Ведь у нас есть пример – Великая Отечественная война. Не секрет, что определённая часть нашего общества не поддерживала идеи советского государства. Но в годы войны всё было забыто, была одна цель – не дать поработить страну и наш народ. И мы, несмотря на неимоверные потери, тяготы, лишения, победили сильнее врага XX века.

Сегодня можно твёрдо убедиться, что наш народ не принял чужеродную протестантскую модель Запада. Ценности, которые это мировоззрение пыталось пересадить на русскую почву, вызвали как их неприятие, так и острые противоречия, потому что это не вписывалось не только в советский уклад жизни, но и в вековые традиции нашего народа.

Вот почему это неприятие чуждой идеологии и прилив патриотического чувства ныне сплелись в клубок. И именно поэтому граждане нашей страны, к какому бы социальному слою они ни принадлежали, – работники наёмного труда, предприниматели средней руки, инженерно-техническая интеллигенция, “служилые” люди, – полностью поддерживают разворот власти по направлению к традиционным ценностям и сильному государству.

Окружающий нас мир неумолим в своих враждебных устремлениях по отношению к нашему Отечеству – России. И только дай мы слаbinу – страны не будет (кстати, вместе с олигархами). Вывод один: у нас давно назрела острая необходимость найти новую основу согласия соотечественников.

На этом и заканчиваю свои рассуждения о моей любимой Родине.

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЙ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ

Общие соображения

Цена на нефть, как и на другие товары, определяется взаимодействием огромного числа факторов, причём сравнительная значимость этих факторов меняется (обычно скачкообразно), что крайне затрудняет любое среднесрочное и долгосрочное прогнозирование.

Ценообразование нефти имеет, как минимум, две существенные особенности по сравнению с ценообразованием других товаров.

1. Исключительная важность нефти для современного общества (несмотря на наступление информационной эпохи, нефть остаётся “кровью экономики”) делает заинтересованность в изменении её цены и, соответственно, интенсивность разнонаправленных сознательных усилий по влиянию на её ценообразование максимальным и непредсказуемым;

2. Мировая цена нефти определяется на основе исключительно небольшого по своим объёмам рынка смеси *Brent*, что делает её в максимальной степени подверженной внешним, как целенаправленным, так и случайным воздействиям. Такой рынок был выбран вполне сознательно для превращения фьючерсов на нефтяные цены в ключевой спекулятивный инструмент современного мира, и эта цель достигнута. Однако спекулятивный инструмент просто в силу выполняемых им функций является исключительно волатильным, что дополнительно затрудняет прогнозирование цен на нефть и даже трактовку их динамики.

Именно эти особенности привели, насколько можно судить, к категорическому отказу многих аналитических структур от прогнозирования цен на нефть в связи с практической невозможностью этого: очень многие с гордостью указывают на свои единичные успешные прогнозы, но практически никто не в состоянии привести хотя бы два своих успешных прогноза цен на нефть подряд. Это свидетельствует об отсутствии мало-мальски приемлемой методологии прогнозирования динамики нефтяного рынка. В некоторых аналитических структурах были замечены даже самодельные плакаты, извещавшие о принципиальном отказе рассматривать проекты “вечных двигателей второго рода” и методологии прогнозирования цен на нефть; сами идеи о возможности данных процессов, таким образом, рассматривались как одинаково противоречащие законам природы.

Тем не менее, некоторые соображения позволяют объяснять даже весьма резкие колебания мировых цен на нефть, а при благоприятном развитии

событий – и прогнозировать их (хотя, с учётом степеней неопределённости, вульгарное “предсказывать” представляется более точным и более полно отражающим существо дела).

Принципиально важно, что высоко спекулятивный характер рынка и его исключительная, не только сугубо коммерческая, но и политическая (и даже геополитическая) значимость объективно способствуют широкому распространению неточной (а то и прямо недобросовестной) информации даже со ссылкой на весьма авторитетные источники. При этом вполне очевидная политическая ангажированность некоторых из них (например, Международного энергетического агентства) заставляет с крайней осторожностью относиться ко всем их умозаключениям, аналитическим материалам и даже используемым ими первичным статистическим данным. *Нереалистичность же прогнозов упомянутого агентства (регулярно ошибающегося даже в направлении движения нефтяных цен) вынуждает предполагать, что оно не только само живёт и действует в американской культуре “постправды”, но и опирается на продвигаемые им в массовое сознание статистические данные, сформированные (чтобы не сказать “сфабрикованные”) в рамках той же культуры.*

“Нефтяной след” русской революции

Как хорошо известно историкам, организованное и обладающее устойчивой финансовой поддержкой революционное движение в России во многом выросло на нефтяных приисках Баку (политическими выходцами с которых были, например, И. В. Сталин и Л. Б. Красин, роль которого в революционных процессах в России поразительным образом приумножается вот уже несколькими поколениями историков подряд), где в эпоху формального господства империй решал свои задачи глобальный капитал. По разным причинам (от политической целесообразности до простого незнания) большинство историков трогательно обходят своим вниманием тот вполне очевидный сегодня факт, что одной из ключевых задач этого глобального капитала, представляющего сегодня буквально образцом “эффективных прямых иностранных инвестиций в реальный сектор отечественной экономики”, было выбрасывание с мировых рынков российских нефтепродуктов для расчистки места для нефтепродуктов американских.

В наши дни этот вопрос подробно исследовал российский историк А. В. Пыжиков, который в книге “Взлёт над пропастью” (М.: Концептуал, 2018) описал поистине шокирующую картину.

Едва ли не ключевым инструментом дезорганизации производства и экспортных поставок российских нефтепродуктов стало использование Нобелями, Ротшильдами и “Стандарт ойл” Рокфеллера революционного движения на бакинских промыслах для устранения России с мировых рынков и захвата контроля над промышленностью нашей страны.

На острие удара находились Нобели (как наиболее укоренившиеся к тому времени в Баку), “выписавшие себе” (по выражению одного из лидеров эсеров В. Чернова) вернувшегося из очередной ссылки видного революционера Марка Натансона. Беспорядки в ходе первой русской революции уничтожили около 60% бакинских промыслов, причём, что представляется весьма характерным, как меланхолично отмечалось в полицейских рапортах, “пострадали преимущественно армянские фирмы, а уцелели, главным образом, крупные иностранные”.

В результате беспорядков число перегонных (нефтеперерабатывающих, по современной терминологии) заводов сократилось более чем вдвое – с 65 до 32. Разгул революционного движения, насколько можно судить, достиг поставленных целей: если в 1904 году потребление керосина Англией обеспечивалось Россией и США примерно поровну, то уже через четыре года – в 1908 году – соотношение составило 12,4:78,2%. На рынке Франции за те же самые 1904–1908 годы доля российского керосина упала с 71 до 14,5%, а американского, соответственно, выросла с 14,3 до 61,3%. При этом керосин, считающийся внешнеэкономической статистикой российским, в основном, насколько можно понять, производился в России на предприятиях, принадлежащих иностранному, а не отечественному капиталу.

Характерно, что царские власти, несмотря на то, что полицейские и внешнеэкономические отчёты в совокупности давали ясную, не поддающуюся двусмысленному толкованию и вполне исчерпывающую картину, так и не

смогли обратить внимание на эти процессы или, по крайней мере, осознать их политическое и стратегическое значение. Вероятно, причина этого заключалась не только в разложении государственности, проявляющейся в интеллектуальной деградации и в коррумпированности власти её злейшими стратегическими противниками, но и в “невинной” ограниченности кругозора, предопределённой самим имперским характером, не позволяющим осознавать глобальные аспекты ситуации.

Создание “нефтедолларов” как инструмента американского глобального господства

Нефть приобрела сакральное значение вскоре после изобретения и широкого распространения двигателя внутреннего сгорания, сделавшего любую войну, прежде всего, “войной моторов” и превратившего нефть в “кровь экономики”.

Однако в полном масштабе это проявилось уже лишь в ходе Второй мировой войны: приближение Советского Союза к нефтяным месторождениям Румынии в ходе воссоединения с Молдавией в 1940 году стало, насколько можно судить, одним из факторов, способствовавших принятию Гитлером решения о нападении на СССР, а американское эмбарго на поставки нефтепродуктов в Японию летом 1941 года практически вынудило последнюю – под угрозой утраты национального суверенитета и перехода под внешнее управление – напасть на США, несмотря на заведомую несопоставимость потенциальной ресурсной базы.

Однако в целом в то время цена на нефть, как и цена всех обычных товаров, по-прежнему определялась балансом спроса и предложения и оставалась относительно стабильной: нефть была для всех участников рынка слишком серьёзным и важным ресурсом, чтобы допускать значимые колебания цены на неё, – разумеется, за исключением разного рода выходящих из-под контроля катаклизмов.

Создание в первой половине 70-х годов при видимом посредничестве Киссинджера невидимыми участниками глобальной конкуренции уникального механизма “нефтедолларов” не отвязало мировые цены на нефть от баланса её предложения и спроса на неё, однако существенно повысило их регулятивную значимость и, тем самым, резко расширило круг влияющих на них факторов.

Это произошло в качестве побочного эффекта при решении основной задачи создания механизма “нефтедолларов” – освобождения американской экономики от зависимости от колебаний этих цен.

Разумеется, это освобождение касалось американской экономики исключительно как целого: её отдельные элементы по-прежнему сохраняли свою (в том числе и технологически обусловленную) зависимость от цен на нефть, однако противоположная направленность этих зависимостей в принципе позволяла государственному управлению эффективно нейтрализовывать их.

Напомним ход событий. В конце 60-х годов экономически окрепшие страны Западной Европы начали по мере всё более успешного развития своих хозяйств всё шире применять своё формальное право, установленное ещё Бреттон-Вудскими соглашениями, на свободный обмен долларов на золото. Зарабатывая за счёт успешного производства американские доллары, они обменивали их на американское золото, рассматривая последнее как источник обеспечения стабильности своих национальных валют.

В результате только в конце 60-х годов США вынуждены были продать астрономические 3 тысячи тонн золота из своих запасов, и этот процесс продолжал угрожающе нарастать. С требованием де Голля, предъявленным им на высшем государственном уровне, процесс утечки американского золота приобрёл политический характер и начал создавать реальную угрозу банкротства США, которое и произошло в 1971 году, когда американские власти вынужденно объявили о прекращении свободного обмена долларов на золото, то есть об отказе от своих фундаментальных обязательств в рамках Бреттон-Вудских соглашений.

Банкротство США, пусть и техническое, создало высочайшую степень неопределённости во всех международных отношениях. Не случайно власти Советского Союза даже не попытались воспользоваться крайне благоприятной ситуацией для прорыва к достижению мирового господства или хотя бы для качественного укрепления своих внешнеполитических позиций. Помимо их бюрократического и буржуазного перерождения (в целом они стремились

уже не к доминированию, не к глобальному лидерству и даже не к распространению коммунистической идеологии, а к вполне буржуазным комфорту и прибылям), они давно уже утратили стратегическое видение глобальных процессов, характерное для сталинской эпохи, и просто не представляли себе происходящего в мире. Ощущение же сложности картины мирового развития и страх перед этой не осознаваемой ими сложностью оказывали на них парализующее, останавливающее воздействие.

Ключевыми аспектами возникшей при банкротстве США (пусть даже и слабо техническом, ни в кое мере не связанном с предъявлением к ним требований даже о частичном переходе под управление кредиторов) неопределённости представляются сегодня:

1. Неопределённость сохранения положения США как лидера Запада (и в этом качестве — основы всей тогдашней международной системы, основанной на противостоянии двух систем);

2. Неопределённость перспектив всей созданной Бреттон-Вудскими соглашениями мировой финансовой системы, очевидным образом выработавшей свой ресурс, и, как следствие, полная неясность перспектив соотношения различных (даже основных, свободно конвертируемых) валют, а значит — и всей системы международных цен как основы мировой торговли и в целом почти любой масштабной экономической деятельности.

Первая неопределённость была разрешена наиболее драматическим образом, хотя драматизм оказался полностью скрыт от сторонних наблюдателей. Внешне всё осталось по-прежнему: США полностью (причём при неявной поддержке своего противника, Советского Союза, что дополнительно свидетельствовало об их могуществе и практически безграничном влиянии) сохранили своё положение.

Однако это были уже совершенно другие Соединённые Штаты.

Откровенная и уже ничем не исправимая неспособность государства выполнять свои обязательства привела к тому, что формально техническое банкротство оказалось банкротством, если можно так выразиться, “внутренним” и привело к изменению самого характера государства: к переходу его под фактический контроль базирующихся на его территории транснациональных корпораций.

Американское государство, созданное бизнесом и для бизнеса (именно это являлось и является источником его силы), всегда, фактически с момента его создания было полем отчаянной борьбы между национальной бюрократией, опиравшейся на национальный бизнес и внутренний рынок, и международным бизнесом, базирующимся в США и также являющимся американским.

Диаметральная противоположность их интересов проявлялась много раз, в частности, в гражданской войне (в которой столкнулись конкурентоспособный в мировом масштабе Юг, жаждущий свободы торговли, и только поднимающийся на ноги индустриальный Север, не способный выжить без протекционизма). По мере расширения международной торговли и роста относительной значимости мировых рынков баланс сил менялся, а формирование в начале XX века финансового империализма (означенное в том числе созданием ФРС как инструмента завоевания и удержания глобального доминирования) предопределило политическое преимущество “глобалистов” над “патриотами”.

Однако в силу ряда как внешних, так и внутренних причин окончательный перелом произошёл только в первой половине 70-х годов XX века: он начался техническим банкротством США и их отказом от золотого стандарта и закончился уходом Никсона под страхом практически неминуемого импичмента, ставшим политическим выражением фундаментального изменения соотношения сил.

В результате США из национального государства превратились в государство, в первую очередь, выполняющее функции организационной структуры транснациональных корпораций (которые с уничтожением Советского Союза взяли новую высоту и переродились в глобальные монополии, породившие глобальный управляющий класс).

Данное качественное преобразование сути США как субъекта международной конкуренции обеспечило разрешение второй неопределённости, связанной с валютой, — и вот здесь ключевую роль сыграло уже коренное реформирование нефтяного ценообразования.

Насколько можно судить, итогом (головокружительный способ достижения которого является сюжетом неправдоподобного по своей лихости боевика и предметом другого исследования) стала договорённость американских финансистов с арабскими экспортёрами нефти (прежде всего, с Саудовской Аравией) о кратном повышении мировой цены нефти при неременном условии, что свои доходы эти экспортёры будут держать в американских банках и тратить на приобретение, прежде всего, американского оружия. (Дополнительным условием, которое традиционно не предаётся огласке, стала, насколько можно судить, как минимум сдержанность арабских экспортёров нефти в отношении стратегического союзника США в регионе – Израиля.)

Такая договорённость стала возможна в силу завершения эпохи деколонизации и окончательного уничтожения Британской империи: США в долгой борьбе, начавшейся в самом начале Второй мировой войны, отобрали у Англии определяющее влияние на её бывшие колонии и смогли начать использовать их против бывшей метрополии.

Резкий скачок цен на нефть (и, соответственно, бензин) в 1973–1974 годах носил всецело политический характер. Однако обычно называемые в качестве его причины – освобождение от колониальной зависимости, рост арабского национального самосознания и самосознания элит арабских государств-экспортёров нефти (не говоря уже о ставшем их следствием создании ОПЕК) смогли реализоваться в стратегическом действии лишь благодаря достижению системной договорённости с США, ключевым представителем которых (объединившим интересы транснациональных корпораций и административно-политическую мощь государства) стал признанный военный преступник, а также лауреат Нобелевской премии мира 1973 года Киссинджер.

Скачкообразное удорожание нефти нанесло сильнейший удар по всему Западу, драматически повысив себестоимость его продукции и став одной из причин длительных социально-экономических проблем середины – конца 1970-х, увенчавшихся стагнацией конца 1970-х – начала 1980-х годов. *(Выходом из стагнации стала лишь “рейганомика” с её военным кейнсианством и бурной накачкой деньгами экономики при помощи как резкого увеличения бюджетного дефицита, так и, в первую очередь, существенного смягчения норм резервирования и качественного расширения кредитования).*

Однако для США этот ущерб (символом нефтяного кризиса стали широко распространившиеся и долгое время никого не удивлявшие драки в очередях на автозаправки) весьма быстро стал с лихвой компенсироваться притоком нефтедолларов арабских экспортёров нефти в их банковскую систему. Положение их реального сектора ухудшилось, но наравне с реальным сектором всего Запада в целом (и он даже оказался в более мягких условиях, чем его конкуренты в Японии и Европе, не имеющие своего сырья), поэтому, несмотря на рост трудностей, его конкурентные позиции не только не ухудшились, но даже несколько улучшились.

Финансовый же сектор США буквально расцвёл под живительными потоками нефтедолларов. По сути, США пошли на повышение мировых цен нефти для того, чтобы связать долларовую массу, заработанную другими развитыми странами (приток которой в золото только что привёл к банкротству США), и направить её в свою банковскую систему, превратив в ресурс своего глобального доминирования.

Возросшая стоимость импортируемой нефти, потребляемой США, возвращалась нефтедолларами в их банковскую систему: происходило просто перекачивание денег из одних карманов нации в другие (если более точно, из карманов населения и производителей в карманы международных финансовых спекулянтов, к тому времени уже практически полностью взявших государство под свой контроль). Возросшая же стоимость импортной нефти, потребляемой в остальных странах, также стала приходиться в США, укрепляя их финансовую систему; по сути дела, удорожание нефти стало ограблением союзников США с перетоком их бывших средств в распоряжение американской банковской системы.

При этом указанные страны ещё и оказались от США в военно-политической зависимости, так как те в силу своего влияния на Ближний Восток стали фактическими гарантами бесперебойной поставки нефти, способными вдобавок ко всему в любой момент закрыть глаза на прекращение поставок (в том числе и по формально объективным, непреодолимым причинам) тем или

иным потребителям, проявившим недостаточную восторженность в отношении их политики и интересов.

Это придало нефти принципиально новое качество: она стала источником глобальной власти, ресурсом глобального доминирования США, а точнее, их финансовых монополий, которые, насколько можно судить, именно опираясь на полученные благодаря механизму “нефтедолларов” ресурсы, смогли окончательно взять под свой контроль американское общество, возобладав и над реальным сектором, и над национальной бюрократией.

В 1981 году финансовые монополии взяли новую высоту, качественно смягчив кредитные ограничения (вносимый залог стал достаточен не для возврата кредита с процентами, а лишь для обслуживания кредита в течение времени его предоставления). Это позволило резко раскрутить кредитный маховик, вытеснивший США (а за ними и весь Запад в целом) из болота stagflation и сокрушить Советский Союз (с конца 90-х он стал скрываемой хуже стыдной болезнью причиной глобального кризиса, но у любой медали две стороны). Добиться этого без опоры на ресурсы, предоставляемые новой американской системе при помощи механизма “нефтедолларов”, было бы, скорее всего, в принципе невозможно.

Удорожание нефти с 1999 года как акт глобальной конкуренции со стороны США

Взлёт мировых цен на нефть, начавшийся весной 1999 года, стал длительным и значимым в том числе потому, что США с исключительной энергией и эффективностью использовали его как инструмент борьбы со своими стратегическими конкурентами – развитыми странами Европы, в то время ещё лишь возвышающимся Китаем и приподнимающейся после “потерянного десятилетия” Японией.

При очевидной незначительности количественной разницы между тогдашним уровнем социально-экономического и технологического развития США и остальных развитых стран эта борьба уже, без всяких сомнений, носила глубокий, качественный характер: к тому моменту США уже, безусловно, решительно перешагнули порог, отличающий “информационное” общество от индустриального (пусть даже и обладающее развитыми информационно-компьютерными технологиями), а остальные всё ещё лишь надеялись сделать это.

В результате удорожание нефти создавало для развитых стран значительно более серьёзные проблемы, чем для США, и тем самым эффективно способствовало укреплению глобального конкурентного лидерства последних.

В 2000 году высокие мировые цены на нефть поддерживались, насколько это было возможно в то время, во многом в рамках президентской избирательной кампании в США. Республиканцы с колоссальным удовольствием “валили” уходящую администрацию Клинтона, провоцируя при помощи дорогой, как тогда казалось, нефти обострение социально-экономических проблем (вплоть до крушения “новой экономики” в апреле 2000 года).

Наряду с откровенно демонстративным разгулом коррупции в пореформенной России и её нарастающей после катастрофического дефолта 1998 года дестабилизации (что трактовалось тогдашним политическим истеблишментом США как её “потеря”), демократической администрации ставилось в вину и резкое обострение палестино-израильского конфликта, оказавшее серьёзное повышательное воздействие на мировые цены на нефть. Это внезапное обострение выглядело более чем подозрительно на фоне традиционного не просто исторически большого, но и крайне глубоко эшелонированного влияния республиканской партии США на Ближний Восток.

Помимо политической заинтересованности, налицо была и заинтересованность коммерческая: крупнейшие нефтяные корпорации США, наиболее тесно связанные с республиканской партией, ещё и получали за счет высоких мировых цен на нефть дополнительные прибыли.

После победоносных президентских выборов в США администрация Буша попала в конфликт интересов: сросшиеся с ней нефтяные корпорации хотели дорогой нефти, Америка нуждалась в дешёвой. “При прочих равных условиях” выбор был бы, насколько можно судить, в конечном итоге, сделан в пользу общенациональных интересов, однако объективные факторы развития мирового рынка помогали нефтяникам: процесс повышения мировых цен на нефть, по всей видимости, уже обрёл неконтролируемый динамизм.

Прежде всего, увеличение спроса в глобальных масштабах начало всё более очевидно грозить глобальной нехваткой нефти.

При этом сверхдоходы арабских стран – экспортёров нефти, в первую очередь Саудовской Аравии, объективно способствовали росту их самосознания, укреплению их инициативы и самостоятельности, более твёрдому следованию своим интересам. Усиление противоречий внутри самого Запада – между США и Европой, – проявившееся в дестабилизировавшей Европу агрессии 1999 года против Югославии, воодушевило руководство богатых арабских стран не меньше, чем дополнительные нефтяные доходы.

Наиболее явно это проявилось во внезапном, но совершенно очевидном всплеске исламского фундаментализма и, в меньшей степени, увеличении финансирования антиглобализма как западного движения, отрицающего часть западных ценностей. **Относительная дороговизна нефти в 2001–2002 годы в настоящее время представляется, прежде всего, результатом и внешним проявлением “молчаливого восстания” арабского мира против господства потребляющих нефть развитых стран.**

Другим фактором существенного удорожания нефти стал поражающий своей скоростью и масштабами перенос промышленных производств из США и других развитых стран в страны Юго-Восточной Азии после кризиса неразвитых экономик 1997–1999 года и сопутствующих ему серьёзных девальваций национальных валют. Помимо дешевизны рабочей силы, очевидным преимуществом указанных стран были значительно более низкие экологические ограничения; использование несравненно более простых, дешёвых, но, соответственно, энергозатратных технологий способствовало неотвратимому росту глобального спроса на энергоносители.

Объективная ограниченность этого повышательного фактора в сочетании с резким ростом экспорта российской нефти закономерно привела к снижению её мировой цены в конце 2001 – начале 2002 года. Однако реакция Запада на это в тот момент, насколько об этом можно судить сейчас, была уже практически запрограммирована.

Нападение на Ирак готовилось политическим руководством США в том числе и как солидарный ответ Запада всему арабскому миру. Он заключался не только в “акции устрашения” и даже не в сокращении влияния богатых арабских стран на мировой рынок нефти за счёт планировавшегося тогда перехода нефтяных и газовых запасов Ирака под практически всеобъемлющий (и, прежде всего, прямой военный) контроль крупнейшего экспортёра – США.

Второй задачей войны многие аналитики считали полное уничтожение подлинного центра подспудного арабского сопротивления – ОПЕК, которая, как предполагалось перед началом агрессии, должна была быть не просто дезорганизована, но ликвидирована раз и навсегда.

Провал американского государства, которое лишь отчасти и на небольшое время смогло решить первую задачу и не сумело даже подступиться ко второй (и при этом потерпело совершенно очевидный крах как в Афганистане, так и в Ираке), дал огромный выигрыш во многом манипулировавшему им техасско-саудовскому нефтяному лобби, которое, не установив контроля над нефтью и газом Ирака, ограничилось получением прибыли от головокружительного удорожания нефти.

Именно объективная выгодность для этого лобби (хотя, разумеется, и существенно различная в этих двух случаях) как стратегической победы, так и стратегического поражения США, насколько можно судить, в решающей степени обусловила авантюристичность подготовки нападения как на Афганистан в декабре 2001 года, так и на Ирак в марте 2003 года.

Агрессия против Ирака в 2003 году: стратегическое поражение США и Саудовской Аравии

Классическим примером современного взаимодействия государств и глобальных сетей, в ходе которого последние эффективно преследуют собственные цели при грациозном и практически полном игнорировании интересов всех образующих их легальных элементов, представляется в настоящее время свержение Саддама Хусейна в 2003 году.

Быстрый и полный военно-политический разгром Ирака (достигнутый, вероятно, прежде всего, системным подкупом его армейского командования) привёл к достижению лишь локальной, глубоко второстепенной с точки зрения

государственной политики (но при этом главной для нефтяников) цели – поддержанию высоких цен на нефть, выгодных нефтяным корпорациям США и Саудовской Аравии (которые и были основой техасско-саудовского клана, образовавшего тогда соответствующую глобальную сеть), и высоких военных расходов США (обогащающих их ВПК).

В то же время стратегическая задача американской части глобальной сети – установление прочного контроля за иракскими недрами с их неконтролируемым и единоличным (или, в крайнем случае, совместно с Великобританией) использованием (что позволяло в перспективе обеспечить контролируемое снижение мировых цен на нефть или же сегментацию глобального рынка нефти, чтобы США потребляли иракскую нефть по значительно меньшим ценам, чем их стратегические конкуренты) – была полностью провалена.

Для американского же государства внешне вполне успешная война и вовсе вылилась в подлинную катастрофу, причём далеко не только репутационную (нападение обосновывалось откровенной ложью, которая на десятилетия подорвала всякое доверие к каким бы то ни было официальным заявлениям правительств США и Великобритании*). Представители глобальной сети в США были сначала дискредитированы, а затем и вовсе утратили политическую власть, что объективно способствовало кардинальному ослаблению США и нарастающему и по сей день подрыву всего опирающегося на их глобальное доминирование мирового порядка.

Увязнув в Ираке в военном отношении, США практически полностью утратили стратегическую инициативу, истощились административно и интеллектуально и, как показали последующие эскалации напряжённости в отношениях с Ираном и Северной Кореей, надолго, если не навсегда исчерпали возможности самостоятельно готовить и по своему произволу развязывать новые войны.

Другая часть глобальной сети – элиты Саудовской Аравии – также в своей государственной ипостаси потерпела поражение. Их серьёзнейшей бедой стало объективное резкое усиление их ключевого регионального и стратегического (если рассматривать религиозные аспекты) соперника – Ирана, избавившегося от сковывающего фактора в лице Хусейна и получившего возможность расширить своё влияние на весь “шиитский коридор” к Средиземному морю – через нефтеносные южные районы Ирака и Сирию.

Кровавый хаос в Ираке создал новые проблемы и помимо качественного и долгосрочного усиления в нём влияния Ирана. Достаточно указать на Турцию, получившую ужасающий её призрак курдского государства, де-факто возникшего в Ираке уже во второй половине нулевых годов и неизбежно подлежащего оформлению де-юре в ближайшее десятилетие.

Но самое главное – произошла (в том числе и из-за свержения одного из сильнейших светских режимов в исламских странах) общая радикализация ислама, что проявилось, прежде всего, на Ближнем и Среднем Востоке. Стоит упомянуть и радикализацию палестинского движения, захват ХАМАС власти в секторе Газа и, соответственно, повышение агрессивности и ресурсной обеспеченности исламских фундаменталистов в глобальном масштабе.

В последующем, когда провал США в Ираке не просто стал очевидным, но и был полностью “отыгран” мировым рынком, решающее воздействие на его состояние начали оказывать фундаментальные факторы: растущая угроза дефицита нефти (в том числе из-за кардинального сокращения иракского экспорта – свободные мощности добычи упали в глобальном выражении за первую половину нулевых годов с 5–6 до 1,2%), глубокая и долговременная дезорганизация мирового порядка из-за наглядной демонстрации слабости США, панический переток спекулятивных капиталов в природные ресурсы из-за финансового кризиса, являющегося оборотной стороной их геополитического бессилия.

* Чудовищная ложь относительно иракской войны вошла на Западе в привычку ещё в то кажущееся сейчас баснословным время, когда его руководители, чиновники и политики хотя бы пытались как-то соотносить свои заявления и действия с реальностью: ещё в 2009 году глава английской Ми-6 обвинил в развязывании этой войны не кого-нибудь, а... Россию! Впрочем, на фоне лжи о спровоцированной США в 2008 году попытке режима Саакашвили осуществить геноцид Южной Осетии и непрерывном истеричном и голословном обвинении России с 2014 года во всех смертных грехах это выглядит почти пристойно.

По этим причинам цена *Brent*-смеси выросла с 29,6 долл/барр в начале 2004 года до 147,5 летом 2008 года, после чего рухнула в результате обострения глобального кризиса (вызвавшего острую и повсеместную нехватку денег, которую, к счастью, управляющие системы сумели купировать с исключительной быстротой, вероятно, хорошо помня уроки Великой Депрессии конца 20-х – 30-х годов XX века) до минимума в 39,4 долл/барр в начале 2009 года.

После краха рынка деривативов фьючерсы на нефть окончательно стали главным глобальным спекулятивным товаром; существенную роль сыграл и крайне незначительный объём рынка североморской *Brent*-смеси, насколько можно судить, специально выбранной для максимального удобства спекуляций. Удорожанию нефти способствовала и авария на АЭС в Фукусиме, вызвавшая страх перед атомной энергией и способствовавшая росту спроса на углеводороды, и накачка американской экономики едва ли не свободно эмитируемыми долларами для преодоления последствий обострения глобального кризиса (о чём будет подробно рассказано ниже).

В результате совокупного действия изложенных факторов, взаимно усиливающих друг друга, пик цен 2010 года составил 95,2 долл/барр, и с 2011 до середины 2014 года цена колебалась в пределах 88,5–128,4 долл/барр.

Мировой рынок нефти как зеркало политики посткризисного стимулирования экономики США

Резкое обострение глобального финансового кризиса (в форме ипотечно-го кризиса в США) во второй половине 2007 года, достигшее кульминации в середине сентября 2008 года с банкротством одного из старейших и крупнейших банков США *Lehman's Brothers*, потребовало для своего купирования с помощью кардинального ускорения роста денежной массы – решительного перехода к политике так называемого “количественного смягчения”.

Финансовые ограничения были вновь, ещё сильнее, чем в 1981 году, уменьшены, и американскую экономику с удвоенной силой начал заливать дождь практически бесплатных денег. Разумеется, как и всякое смягчение финансовой политики, это создавало реальную угрозу ускорения инфляции, однако финансовые регуляторы США обладали развитой системой институтов, канализировавших прирост денежной массы в те секторы экономики, в которых удорожание активов является благом, а не проблемой, в первую очередь, на спекулятивные финансовые рынки. *Стоит отметить, что важным фактором такого канализирования представляется направление основной части поддержки экономики в финансовый, а не в реальный сектор (хотя, конечно, в первую очередь, эта диспропорция была обусловлена не стратегическим замыслом для сдерживания инфляции, а простым соотношением политических сил между соответствующими секторами американской экономики).*

Как отмечено выше, система формирования мировых цен на нефть специально была сконструирована таким образом, чтобы нефтяные фьючерсы являлись идеальным спекулятивным инструментом. Поэтому количественное смягчение, обеспечивающее поддержание американской экономики на плаву (или её уверенное возрождение, если верить официальной пропаганде) после обострения глобального кризиса конца 2008 – начала 2009 года, привело к уверенному и устойчивому удорожанию нефти.

Дорогая нефть вдохнула новую жизнь в альтернативную энергетику (степень дотирования которой, по сравнению с рыночными источниками, снизилась в силу резкого удорожания последних), а также в “сланцевую революцию”. *Исходно финансирование сланцевых технологий являлось одним из многих направлений стимулирования реального сектора американской экономики после осени 2008 года. Однако резкое удорожание нефти внезапно распахнуло перед этим направлением колоссальные рыночные перспективы и обеспечило стремительное развитие сначала технологий (прежде всего, компьютерного моделирования, являющегося сутью “сланцевой революции”), а затем уже и непосредственного производства.*

Однако ожидания, что сланцевые нефть и газ кардинально изменят баланс спроса и предложения и обеспечат резкое снижение мировых цен на нефть, так и не оправдались: несмотря на обнадёживающее снижение себестоимости, оно так и не стало достаточным для создания реальной альтернативы традиционным нефти и газу в мировом масштабе.

США сумели из импортёра нефти стать экспортёром, но это было достигнуто за счёт колоссальной, многоканальной и многоуровневой (что весьма существенно затрудняет однозначные оценки её масштабов, не говоря уже об адекватном понимании её динамики) государственной поддержки сланцевой отрасли, попросту недоступной для большинства других государств.

Себестоимость сланцевых нефти и газа, насколько можно судить, систематически занижалась даже официальными источниками, прежде всего, в рекламных целях, для привлечения новых инвестиций в принципиально новую отрасль с весьма низким “порогом входа”, действительно бывшую некоторое время “новым Клондайком”.

Помимо этого, важную роль в приукрашивании перспектив “сланцевой революции” сыграла особенность американской статистики, относившей к сланцевой нефти и сланцевому газу не только то, что действительно добывалось из сланцев, но любые нефть и газ, добываемые фирмой, имеющей хотя одну соответствующую сланцевую скважину. Поскольку многие фирмы пришли в сланцевую отрасль из традиционной добычи, это привело к резкому и практически постоянному завышению данных об объёмах добычи при помощи использования именно сланцевых технологий.

Наконец, добыча сланцевых газа и нефти сначала (как это имеет место и во всех других сферах человеческой деятельности) велась на лучших, наиболее удобных и богатых участках с минимальной себестоимостью добычи и затем переносилась (а истощение сланцевой скважины происходит исключительно быстро, обычно за несколько месяцев) на менее благоприятные участки с более высокой себестоимостью. Таким образом, естественное снижение себестоимости добычи сланцевого газа и сланцевой нефти благодаря доработке и отладке технологий, как минимум, сдерживалось повышательным давлением, оказываемым постоянным расширением добычи на относительно менее привлекательные участки.

Существенным обстоятельством, повышающим риски добычи сланцевого газа и сланцевой нефти (а значит, и их себестоимость), представляется высокая потенциальная неустойчивость добычи, вызванная сложностью используемых технологий и быстрым истощением скважин, вынуждающим постоянно осваивать новые места.

Высокая сложность добычи (для бурения одной успешной скважины требуется не менее десяти сеансов компьютерного моделирования) делает её негарантированной, так как надёжность предварительных (то есть в основном косвенных) оценок существенно ниже, чем при традиционной добыче, и даже принадлежащая к высокоперспективному региону и пробуренная без каких бы то ни было нарушений технологии скважина может, в конечном итоге, не оправдать ожиданий.

Необходимость постоянного перехода на новые места также повышает риски, так как эти места могут внезапно оказаться существенно менее благоприятными, чем места первоначального бурения.

Наконец, необходимо постоянно оценивать перспективы новых регионов, постоянно же бурить новые скважины и консервировать старые сама по себе повышает себестоимость добычи на стоимость соответствующих работ (и все это ещё без оценки экологических рисков, которые представляются весьма высокими).

В части сланцевого газа существенным является и то, что США могут экспортировать его исключительно после сжижения, в качестве сжиженного природного газа (СПГ). При сжижении для погрузки на газовоз и последующем разжижении при его выгрузке с газовоза, а также в силу технологически неизбежного испарения СПГ при его транспортировке теряется не менее половины первоначального газа (после чего он расходуется ещё и на прокачку по наземным газопроводам от порта выгрузки), в то время как при транспортировке по трубопроводам даже из Западной Сибири в центр Германии сжигается лишь около четверти первоначально добытого газа. Таким образом, даже при исходно одинаковой себестоимости (а у сланцевого газа она существенно выше) сланцевый газ (как и в целом СПГ) неизбежно будет дороже традиционного трубопроводного газа и потому неконкурентоспособен по сравнению с ним. Собственно, именно этим и вызваны попытки США ограничить поступление российского газа на европейские рынки. Хотя данная проблема касается исключительно сланцевого газа, но ни в коем случае не сланцевой нефти,

себестоимость последней также остаётся существенно выше, чем себестоимость подавляющей части нефти, добытой традиционными способами.

В силу изложенных проблем, первоначально, естественно, недооцененных в силу понятной эйфории от новых возможностей и новых рынков, воздействие “сланцевой революции” на мировые цены нефти оказалось либо незначительным, либо отложенным – до такой степени, что совпало с воздействием более очевидных факторов и оказалось, в итоге, не замеченным на их фоне.

Причина резкого удешевления нефти, как до того и причина её резкого удорожания, лежала далеко за пределами собственно нефтяной отрасли и заключалась в коренном изменении финансовой политики США.

К лету 2014 года проводимое ФРС “количественное смягчение” достигло масштабов, при которых спекулятивные рынки самих США и финансовые рынки зарубежья уже не могли больше аккумулировать дополнительные объёмы долларовой денежной массы. Дальнейшее продолжение политики, при которой ФРС финансировало в отдельные (причём довольно значительные) периоды более 70% дефицита федерального бюджета США, наконец, действительно начало угрожать ускорением инфляции, причём таким, что его уже никак нельзя было спрятать при помощи традиционных махинаций с официальной статистикой.

С другой стороны, наиболее мощная и политически влиятельная часть американского и глобального капитала – финансовые монополии США – “перетянули на себя” основную часть долларовой эмиссии и стали осваивать её практически единолично; удельный вес эмитируемых средств, достигающих наиболее важному с точки зрения социально-экономической (а в конечном счёте, и политической) стабильности реальному сектору, снизился до незначительной величины.

Таким образом, политика “количественного смягчения” исчерпала себя, причём сразу по двум причинам: с одной стороны, она стала создавать реальную угрозу ускорения инфляции, в стратегической перспективе – вплоть до её выхода из-под контроля, а с другой – перестала решать свои задачи и, соответственно, приносить пользу, выродившись в полностью контролируемый финансовыми монополиями инструмент их эгоистического обогащения.

Осознание этого руководством США привело к прекращению политики “количественного смягчения”: запущенный ею колоссальный поток дополнительных долларов перестал поступать на уже привыкшие к нему как к некоей данности и нормальности спекулятивные рынки.

И они начали сжиматься, в том числе и самый спекулятивный из всех спекулятивных – мировой рынок нефти. С июня 2014-го по январь 2015 года – за семь месяцев! – среднемесячная цена нефти сорта *Brent* упала более чем в 2,2 раза (со 111,72 до 50,04 долл/барр), а за следующий год – до января 2016 года – ещё более чем в полтора раза (до 32,13 долл/барр). Общее снижение составило, таким образом, почти 3,5 раза.

При этом “пиковые” масштабы удешевления нефти были, естественно, значительно больше: накануне начала реакции на отмену “количественного смягчения” она вплотную подобралась к 115 долл/барр, а в середине января 2015 года упала уже до 45,13 долл/барр... Затем началось частичное, компенсационное восстановление её цены: к середине февраля *Brent*-смесь подорожала до 60 долл/барр, и затем до середины июля её цена оставалась относительно стабильной, колеблясь на уровне 55–60 долл/барр. Однако в середине июля 2015 года удешевление нефти возобновилось и достигло к 23 декабря уровня 35,98 долл/барр. Таким образом, за 2015 год нефть подешевела заметно более чем на треть.

В начале 2016 года цены на *Brent*-смесь продолжили падение, достигнув в январе минимума – уровня 27,5 долл/барр (уровень 2003-го). Максимальное снижение мировой цены на нефть в пиковые моменты превысило 4 раза; правда, затем началось медленное восстановление мировой цены, непрерывное до начала июля, когда был превышен уровень 51 долл/барр; в целом же оно уже не прекращалось вплоть до последнего времени.

Резкое удешевление мировой цены на нефть, вызванное, прежде всего, внутриамериканскими обстоятельствами, оказало колоссальное влияние на всю мировую экономику.

Прежде всего, был нанесён сильнейший удар по проектам дотируемой альтернативной энергетики (и в целом по её концепции как таковой) и проектам добычи низкокачественных энергоносителей и их добычи на трудных

участках. Дело было даже не в том, что они мгновенно стали нерентабельными, а перспективы восстановления мировых цен на нефть оставались совершенно неясными; не менее, а, возможно, и более важным обстоятельством стала наглядная демонстрация самой возможности резкого, практически мгновенного обрушения мировых цен на нефть, способного непредсказуемо (как тогда казалось) обесценить практически любые, сколь угодно предусмотрительно осуществленные инвестиции.

Эта качественно возросшая неопределённость оказала деморализующее влияние на потенциальных инвесторов – не меньше, чем сама по себе нерентабельность значительного числа казавшихся до того исключительно перспективными проектами.

Результатом обесценения нефти стало массовое свёртывание или замораживание огромного числа проектов по всему миру (в России оно было замаскировано от общественного мнения весьма своевременно, с точки зрения неудачливых инвесторов, развязанной против нас санкционной войной).

Произошёл, по сути дела, паралич значимых инвестиций, однако спрос длительное время продолжал оставаться меньше предложения, что и обусловило, насколько можно судить, значительную часть падения мировых цен на нефть ниже уровня 60 долл/барр. Разумеется, свою роль в этом снижении сыграла и активность развернувшихся на 180 градусов финансовых спекулянтов: те, кто длительное время играл на повышение, мечтая загнать мировую цену нефти выше достигнутого перед самой катастрофой осени 2008 года уровня 149 долл/барр., теперь начали стремительно давить цены, мечтая, как о земле обетованной, о 15 долл/барр.

Разумеется, ни в том, ни в другом случае подобные мечты не имели ни малейшего шанса сбыться, но своё влияние на мировой рынок нефти они, разумеется, в обоих случаях смогли оказать, ещё раз убедительно проиллюстрировав тезис Маркса о том, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами, даже если речь идёт всего лишь о массах биржевых спекулянтов.

Характерно, что при отмене “количественного смягчения” произошла смена основного фактора, определявшего цену на нефть: после иссякания напора свежеемитируемых долларов на спекулятивные рынки рынок нефти стал существенно менее спекулятивным, и ключевую роль начал играть традиционный баланс спроса и предложения, правда, по историческим (да и рыночным) меркам совсем ненадолго, примерно на полтора года, то есть до начала 2016 года, примерно до конца января, с которого мировые цены на нефть вновь, сначала медленно, поползли вверх.

Конечно, можно считать, что на первом этапе этот рост носил преимущественно компенсационный характер: мол, рынок, качнувшись из одной крайности в другую, потихоньку стал приходить в равновесное состояние.

Проблема заключается лишь в том, что равновесное состояние современных рынков (по крайней мере, это совершенно точно верно в отношении рынков спекулятивных, к которым относится и цена на нефть) отмечается лишь при усреднении данных за значительные промежутки времени и в каждый отдельно взятый момент (и даже относительно значимый период, и совершенно точно в течение одного года) и представляется, в силу специфики их современной трансформации, принципиально недостижимым.

Количество разнонаправленных факторов, влияющих на ценообразование, настолько велико, а сами эти факторы настолько часто и быстро меняют свою относительную значимость, что нормальным состоянием рынков представляется их неравновесность.

Особенно это существенно с учётом сознательного влияния на рынки, заведомо безнаказанного (в силу политической влиятельности тех корпораций, которые этим занимаются) манипулирования ими, значимость которого неуклонно нарастает на протяжении всей эпохи империализма, то есть с конца ещё XIX века.

После достижения мировыми ценами на нефть минимума в середине января 2016 года этот фактор, насколько можно судить, вполне неожиданно для внешних наблюдателей стал решающим.

Дело в том, что коммерческая себестоимость нефти (включая налоговое давление, собственно корпоративную неэффективность и корпоративные же аппетиты, оплачиваемые, в конечном счёте, из этой себестоимости) в порту отгрузки для крупнейших нефтяных компаний США составляла в тот момент не

менее 55 долл/барр., причём это касалось не исключительно сланцевой нефти, а всей торгуемой ими нефти как таковой. С учётом категорической необходимости получения минимальной прибыли, нефтяным компаниям было необходимо продавать её, как минимум, за 60 долл/барр.

Понятно, что при цене в 27,5 и даже 51 долл/барр эти компании в целом несли совершенно неприемлемые для них убытки. Специфика американского бухгалтерского учёта, наличие значительных финансовых резервов, созданных в период сверхвысоких цен на нефть, а также функционирование достаточно эффективных систем косвенной государственной поддержки позволяли избегать даже демонстрации убытков в течение длительного времени, создавая иллюзию уверенного прогресса и полного благополучия. Однако заниматься этим бесконечно было совершенно невозможно, и потому американские нефтяные компании (равно как и крупнейшие компании мира, у которых, правда, аппетиты были существенно ниже, что делало их положение существенно менее острым) оказались перед лицом категорической необходимости оказания существенного влияния на мировой рынок нефти для заметного и долговременного увеличения её цены.

О значимости ситуации можно судить по эпизоду с компанией *Chevron*, которая для обеспечения дивидендных выплат акционерам по итогам 2016 года была вынуждена брать соответствующие кредиты, причём с прямым указанием выплат дивидендов в качестве цели кредитования! Это явилось наглядным признанием не столько далеко выходящих за рамки здравого смысла открытости и транспарентности бизнеса глобальной корпорации, сколько отчаянности её положения и масштабов трудностей, с которыми столкнулись другие, менее прозрачные и (возможно, в том числе и по этой причине) более успешные, но находящиеся в принципе в тех же рыночных условиях глобальные нефтяные компании.

Стоит подчеркнуть, что кредит на выплату дивидендов представляет собой классическую иллюстрацию модели “самоедской экономики”, впервые описанной на примерах отдельных секторов централизованно планируемых социалистических экономик. При этом степень “самоедскости”, продемонстрированная формально безукоризненно рыночной глобальной корпорацией, на порядок превзошла всё, что можно было только вообразить в отношении дурно управляемых, страдающих от перманентного дефицита и отягощённых многочисленными институциональными даже не проблемами, а пороками социалистических народных хозяйств!

Понятно, что нормально функционировать в таких условиях сколь бы то ни было длительное время было совершенно невозможно, и глобальные нефтяные компании (в первую очередь, американские) просто должны были реализовать свой колоссальный лоббистский потенциал, любыми средствами подтолкнув мировые цены на нефть вверх.

При этом, поскольку сверхприбыли периода сверхвысоких цен на нефть воспринимались как нечто само собой разумеющееся и пережитое в далёком прошлом, реальной задачей было не достижение цены в 60 долл/барр, а её существенное превышение, чтобы компенсировать (и желательно со значительной лихвой) финансовые потери, понесённые в периоды сверхдешёвой нефти.

Методы достижения этой цели могли обладать исключительным разнообразием и восприниматься сторонними наблюдателями как естественный ход событий или же как явления, никак не связанные с действиями американских нефтяных компаний. Доказательства их участия в соответствующих процессах отсутствуют (в этом отношении эффективный лоббист подобен буддисту, так как с точки зрения стороннего наблюдателя и тот, и другой придерживается доктрины недеяния), поэтому ограничимся описанием нескольких ключевых факторов, непосредственно способствующих уверенному повышению мировых цен на нефть после достижения ею минимума в середине января 2016 года и естественного последующего компенсационного “отскока”.

Прежде всего, это неожиданная и имевшая характер политического землетрясения победа на президентских выборах в США Трампа, считавшегося заведомым аутсайдером. Это событие привело к развязыванию в США холодной внутриэлитной гражданской войны, дезорганизовавшей управление мировым гегемоном, а следовательно, и всё глобальное управление как таковое.

Понятно, что глубочайшая дезорганизация системы управления (в том числе глобального) порождает огромное количество разнообразных рисков

и общее стремление к повышению цен как метода компенсации этих рисков и страхования от их реализации. Понятно и то, что на спекулятивных и высокоманипулируемых рынках абсолютно необходимых товаров (к которым относится в том числе и рынок нефти) реализовать подобное стремление значительно проще, чем на традиционных рынках.

Деятельность Трампа во многом обусловлена перманентным политическим кризисом вокруг его персоны и постоянной угрозой импичмента, преодоленной им лишь с назначением нового члена Верховного Суда. Однако, как его личный стиль ведения дел (агрессивные нападки с последующим жёстким торгом в классическом стиле российских 1990-х “выбор между “наезд-отъезд” и “наезд-крышевание”, но сначала всегда “наезд”), так и объективно стоящая перед ним задача перехода от глобальной ответственности США к концентрации на собственном развитии обусловили большое количество связанных с ним громких, пугающих, а порой и по-настоящему болезненных внешнеполитических кризисов.

Чего стоят только:

1. Раздутый им в прямом смысле слова на пустом месте после событий, которые до того не приводили ни к каким масштабным событиям, северо-корейский кризис (в ходе которого в один из моментов у берегов Северной Кореи находилось три авианосные группы американского военно-морского флота);

2. Торговые войны со всем миром, включая ближайших соседей (причём Китай отказался в их результате от достигнутого соглашения о поставках ему американской нефти с Аляски, что могло способствовать общему снижению мировых цен на нефть);

3. Разрыв заключённой с огромным трудом многосторонней сделки с Ираном и истерические требования бойкота поставок его нефти не только во всецело зависимый от США Евросоюз (доведённый этими требованиями фактически до грани антиамериканского элитного бунта), но и во все остальные страны мира (в первую очередь, в Китай).

Существенное влияние на повышение мировых цен на нефть оказало и соглашение ОПЕК+, достигнутое с активным участием России.

Для понимания специфики мирового рынка нефти и в целом современных рынков следует осознать, что, несмотря на действие всех вышеперечисленных факторов, баланс спроса и предложения нефти изменился в пользу спроса лишь в III квартале 2018 (!) года, когда мировая цена *Brent*-смеси уже вплотную подошла к психологически крайне значимому рубежу 80 долл/барр или даже превысила её.

До того цены на нефть уверенно росли при мировом спросе, по-прежнему, хотя и в значительно меньшей мере, чем раньше, отстававшему от мировой добычи (по крайней мере, если исходить из официальных общепринятых данных), и следовательно, при продолжающемся нарастании затоваривания.

Само по себе затоваривание никуда не делось, произошло всего лишь изменение его динамики: если раньше оно нарастало (в том числе и в то время, когда мировые цены на нефть уверенно росли), то теперь начало уменьшаться. Однако при этом оно сохраняется и по-прежнему остаётся большим, чем во времена падения мировых цен на нефть и нахождения их на более низком уровне, чем в настоящее время.

Представляется, что данный пример с предельной ясностью иллюстрирует, до какой степени (почти абсолютной) современные рынки (по крайней мере, при горизонте их рассмотрения в несколько лет, то есть, как минимум, в средне-, а отнюдь не только в краткосрочной перспективе) являются уже не столько рынками физических товаров или даже фьючерсных контрактов на них, но, прежде всего, рынками доминирующих ожиданий по их поведению.

Поскольку не вызывает никаких сомнений, что в эпоху распада глобальных рынков на макрорегиональные международная нестабильность и напряжённость могут только возрастать, а периоды их снижения будут носить случайный и недолгий характер, следует ожидать сохранения относительно высоких мировых цен на нефть, даже несмотря на ожидающееся, благодаря повышению процентной ставки ФРС, и отчасти уже произошедшее укрепление доллара.

ЯНА ПАВЛИДИ

РУСОФОБИЯ ОТ СОСЕДЕЙ

В социальной сети Facebook латышский писатель-фантаст Дидзис Седлениекс оставил сообщение следующего содержания: “Презрительным словом “русские” или чуть более толерантным “русскоязычные” обычно обозначают низшего интеллектуального уровня *homo sovietiques* вне зависимости от национальности. Это генетическое отклонение от общечеловеческих ценностей, у этих существ вообще нет ничего ценного, включая человеческую жизнь. Понятно, что большая часть общества их презирает, у генетической ошибки или болезни нет никакой связи с языком, на котором животное пытается говорить”.

Вот так в одночасье узнаёшь, что ты – низшее существо, не имеющее никаких общечеловеческих ценностей. Тебя презирают, а твой язык – это язык животного. Разумеется, ты как представитель нации с отклонениями и знать не знал такого выдающегося писателя современности, как Дидзис Седлениекс. И потому ты с чувством неподдельного стыда лезешь в Google. Но вдруг оказывается, что и в Google’е такого дядю не особо знают. Как же так вышло? Может, вышеуказанный писатель-фантаст просто хотел пропиариться за счёт русофобских настроений в “цивилизованной” Европе? Ответ напрашивается сам.

На некоторых сайтах всё-таки удалось найти скудную информацию: “Дидзис Седлениекс является автором ряда научно-фантастических произведений”. И где же этот ряд произведений, которые заслуживают внимания и за которые, наверняка, передрались все издатели? Разве Седлениекс – это не новый Айзек Азимов? Или потерянный третий брат Стругацких? Может, он популярнее пана Сапковского? Кажется, нет. Этот человек вообще никак не фигурирует в сфере фантастической литературы.

Неловко как-то вышло.

Не стоит пытаться компенсировать отсутствие писательской реализации ненавистью к людям, которые того не заслужили. У писателя нет ничего дороже читателей. Без них он – пустое место, которое придёт и заполнит другой автор. Писатель не может позволить себе высказывать любую фашистскую дрянь, которая ударит ему в голову. Латышскому фантасту самому надлежит провериться, но уже на наличие психических отклонений. А то уж больно он напоминает одного немецкого художника...

“РУССКИЕ – ФАНАТЫ ГЕНОЦИДА”

Видимо, в псевдописательской среде стало модным высказывать своё мнение по поводу и без. Главное, чтобы оно было адресовано “холодным” русским.

ПАВЛИДИ Яна родилась в 1998 году, в станице Нижнебаканской Крымского района. Студентка 3-го курса факультета журналистики КубГУ. Публиковалась в “Кубанских новостях”. Живёт в Краснодаре.

Детская писательница украинского происхождения Лариса Ницой возмущалась из-за ситуации в летних лагерях Украины. Причиной возмущения стало то, что в них отдыхают дети из ДНР и ЛНР. “И что?” – спросят окружающие. А то, что, по мнению Ницой, эти дети (к слову, такой же национальности, как и сама писательница) плохо влияют на детей истинно украинских. По словам автора, Киев просто обязан не допустить, чтобы детины, “прославляющие Россию” и выступающие против военных действий в Донбассе, смешивались с детьми “нормальными”.

Тут даже Седлениекс сдаёт перед таким-то “выборочным моральным геноцидом”. У того хотя бы только русские с отклонениями. А у Ницой есть чёткое распределение своих же на “правильных” и “неправильных”. Одной из претензий к детям, собственно, является то, что они якобы “выступают против военных действий в Донбассе”. Можно подумать, они станут выступать за что-то иное, когда их родные гибнут из-за непрекращающихся обстрелов. И также можно подумать, что от выбора политической позиции в этих детях перестанет биться украинская кровь. Ну да, они же начнут мутировать в агрессивных русских.

Произведения Ларисы Ницой, в отличие от предыдущего автора, найти удалось. Даже получилось прочесть. Но лучше бы и Ницой *Google* не знал...

“Незламні мураші” (“Несокрушимые муравьи”) – одно из её националистично настроенных произведений. А как же без национализма? Юное поколение ведь надо спасать. Очищать кровь от вездесущей “русскости”. На обложке книги для детей мы можем видеть следующее: муравей-отец (с чубом и в форме АТО), муравей-мать (с косами и в форме АТО) и муравей-сын, у которого в руках автомат Калашникова. Какая прелесть!

Перейдём к содержанию. Аннотацию, по всей видимости, помогал писать уже известный нам латышский фантаст: “Жил на свете муравьиный народ. Жил и горя не знал. Работал. Но однажды на него напали соседние муравьи, которые клялись в братской любви, которые говорили: “Мы такие муравьи, как и вы”. Напали и разрушили муравейник и счастливую жизнь. Однако муравьиный народ соберётся с силами и выгонит врага с родной земли. Есть в сказке и потери, и подвиг, и любовь, и счастливый конец”.

“Счастливый конец” в понимании Ницой – это насильственное изгнание русских из Украины. А ещё лингвоцид (языкоубийство). Как там говорил Винни-Пух? “И того, и другого!.. И можно без хлеба!” Ведь Лариса Николаевна ни к чему не испытывает такой ненависти, как к русскому языку – этой “грязной мове” варваров. Отважная писательница где только не боролась за справедливость – и в социальных сетях, и в магазинах. А всё потому, что к ней, наследнице великих укров, посмели обратиться на русском. Возмутительная наглость!

Эти два персонажа, Седлениекс и Ницой, – далеко не единственные в своём роде. Казалось бы, зачем вообще их обсуждать, незначительных в мире литературы графоманов, пытавшихся “бахнуть” популярность за чужой счёт. Но обращать на них внимание надо потому, что у них есть читатели. Они авторитеты для своей аудитории. Это и страшно. Спустить им всё с рук сейчас – и вот уже они начнут позволять себе куда больше.

На что же надеется Лариса Ницой? На сохранение культурного наследия Украины? Но ведь она вообще не тем занимается. Её долг как писателя – пробудить в юном поколении понимание национальных ценностей, освежить в памяти народа традиции и фольклор Малороссии, земли которой – земли современной Украины. Ведь это, без дураков, действительно важно – сохранить национальную опору, не дать ей развалиться, расползтись, как старой вязаной шапке. Но зачем создавать из этого целую идеологию, устраивать никому не нужный лингвоцид, делить огромное количество людей на своих и чужих, князей и смердов. Не русские виноваты в том, что украинцы “позабыли свои корни”. Если, конечно, они их вообще забывали.

Украинские авторы-националисты видят свой долг только в том, чтобы воспитать в подрастающем поколении ненависть к русским. Но единственное, к чему может привести подобный подход этих “деятели искусства”, – это самоликвидация. Лариса Николаевна, догоняйте латышскую интеллигенцию!

“РУССКИЕ – ЧРЕВОУГОДНИКИ И ТУНЕЯДЦЫ”

Писатель, поэт, публицист, литературный критик, радио- и телеведущий, журналист, преподаватель литературы, кинокритик... Каких только “номинаций” нет у Дмитрия Быкова! Иногда даже поражаешься тому, как этот уже не молодой мужчина всё успевает. Поразительная продуктивность!

В очередном интервью в передаче “Людские пороки” на радио “Эхо Москвы” Дмитрий Львович рассудил о смертном грехе, известном как чревоугодие: “А вот всё, что мы имеем сейчас, – это бум желудка. Это люди, которым захотелось жить, а не работать, для которых главный результат жизни – это сколько они потребили, а не сколько произвели”. По мнению Быкова, нынешние люди, русские люди, в большей своей части – потребители, заложники собственных желудков и почитатели сытости. Также героем эфира стал главный редактор журнала “Максим” Александр Маленков. Двое взрослых, не будем лукавить, сытых и явно довольных собой мужчин не без удовольствия рассуждают о том, что народ нынче только и делает, что “жрёт”. Не созидает. Смотрит, что можно сожрать, и жрёт. В голове невольно звучит “Кр-р-расота!” Элочки Щукиной из “Двенадцати стульев”. Действительно – красота!

На вопрос Маленкова: “Дмитрий, вы можете представить себе всю страну, которую составляют Дмитриии Быковы?” – Дмитрий Львович отвечает: “Неплохо было бы, прилично было бы...” Эвоно как! Страна сплошных писателей, поэтов, публицистов, журналистов... Такой Эдем для творческих и одарённых.

“Зачем 10% населения страны имеет смысл жизни, а остальные 90% живут не пойми зачем? Человек рождён, чтобы творить. Его творец таким сделал”, – продолжает рассуждать Быков, на что Маленков говорит, что “не может быть 100% гениев”. Так и Дмитрию Львовичу гении ни к чему. Ему нужны потребители, на момент эфира – чревоугодники, которые съели бы всю лжефилософскую ахинею, прозвучавшую в эфире.

Не мог Дмитрий Быков пройти и мимо очередных “ужасов”, происходящих в России: “Как-то Алексей Иванов очень остроумно это объяснил и сказал, что в скудной стране, где всего мало, толстый человек воспринимается как патология <...> Фэтшейминг – это примета худых времён”.

Фэтшейминг – осуждение полноты. Противоречие чувствуете? Лишний вес, который зачастую возникает не из-за болезней, а по причине того же чревоугодия, осуждать нельзя. Вот такие дела.

В цивилизованной Америке, рассуждает далее “защитник” духовных ценностей, культ, обратный нашему “компотному”, – культ работы. Именно поэтому трудолюбивые американцы вынуждены употреблять фастфуд и иногда быть, скажем, немного упитанными. Им же нормально поесть некогда – они всё создают, создают... Трудоголики!

Россия же – страна “пузоугодников” и “тунеядцев”. И чтобы в России было “нравственно выносимо” таким гениям, как Быков, нужно кушать в меру и творить, творить, творить. Если за день ничего не “натворил”, нужно мучиться от язвы совести. Записали рецепт?

“РУССКИЕ – НАЦИОНАЛИСТЫ И ТЕРРОРИСТЫ”

В авторской передаче “Один” на том же “Эхе Москвы” Дмитрий Быков отвечал на вопросы, рассуждал о деле “Нового Величия”, писателе Сергее Лукьяненко и том, какой ему представляется идеальная Россия: “Идеальная Россия – это Россия, в которой нет лишних, в которой все свои, в которой прекратится этот поиск опричинины, этот поиск тех, кто опричь, то есть постоянный культ борьбы с чужими. Этот чужой назначается то по имущественному признаку, то по образовательному цензу, то по цвету кожи, то по комплекции, то по очкам: постоянно ищут, кого бы потравить”.

Для создания идеального русского народа нужно убрать “лишних”, которые “убирают лишних”. Пацифисты аж заплакали. А виноваты в таком подходе “исключения”, ни много ни мало – славянофилы: “И это очень пошлые идеи. Идеи, которые эстетического оформления не выдерживают, это чистая клоунада. Начиная с Аксаковых, с Киреевского, это всегда было в высшей степени подделкой”.

Вот пока есть славянофилы – всё будет плохо. А когда они все “закончатся”, и закончится эта раздражающая пропаганда русской культуры, вот тогда мы заживём! А чтобы долго не ждать, нужно “убрать лишних”.

И снова – такой подход никому ничего не напоминает? Убрать бы генетическое отклонение, убрать бы всё русское, убрать бы славянофилов... “Россия будущего не будет иметь ничего общего с этой риторикой русской культуры: прежде всего, с этим “она воинственна, она агрессивна, мы – последний оплот Православия”... Всё это до такой степени чуждо Православию и России, что мы с горьким смехом будем это вспоминать, причём весьма скоро, потому что эта культура уже загнала себя в свой нордический тупик и установила почти абсолютный ноль в плане развития, близка к абсолютному нулю, когда замирает движение. Конечно, это агония, но агония ложной, фальшивой, квазипатриотической концепции. Под этой коркой настоящая Россия дышит и даже привыкла”, – положил конец этой теме Быков и со спокойной душой перешёл к другому вопросу.

Агония русской государственности, русской культуры, русского языка... Сколько мы уже “агоний” перевидали и успешно пережили. Живучие русские – истинно варвары, ничего их не берёт. “Отечественные” русофобы, конечно, молодцы. Держат установленную планку. И у них, разумеется, тоже есть своя аудитория. Причём такая аудитория, о которой Седлениекс и Ницой даже не мечтают.

И те люди, которые прислушаются к Быкову, действительно будут думать, что надо откинуть, как её обозвал Дмитрий Львович, “квазипатриотическую концепцию”, чтобы увидеть настоящую Россию. А настоящую – это какую, позвольте спросить? Ту, в которой не будет места для патриотизма и желания сохранить культурное наследие? А что будет тогда? Чёрная дыра будет, вот что! Украине, значит, для раскрытия потенциала мощной державы необходимо воскресить национальный дух, а России для этой же цели нужно национальный дух распять. Смешно звучит? А русофобам всё равно. У них всегда наготове гвозди. И они ждут, когда их можно будет вытаскивать из карманов.

НО ЖИЛИ ЭТИ РУССКИЕ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО

Итак, существует только нация с отклонениями, братоубийцы и ленивые грешники.

И плевать все хотели, что там на самом деле представляют собой русские. Важно, очень важно создавать впечатление о них как о животных. Тупых, постоянно ищущих, с кем бы подраться да чего бы вкусненького съесть. Но, оглядываясь на людей, среди которых живёшь, невольно начинаешь... хохотать. Потому что они тоже смеются. Смотрят на этих европейцев, националистов, либералов и великих оппозиционеров и смеются. “Да, мы нация с отклонениями”, – хохочут русские художники, писатели, музыканты. “Да, русский язык – это язык варваров”, – усмеваются филологи, биографы великих русских классиков, критики. “Да, мы ленивые и сытые”, – смахивают слезу от смеха врачи, учителя, пожарные, военные. Этакий хохотливый унисон получается. Неподдельно искренний.

Одна, нет сомнения, гениальная писательница Людмила Улицкая как-то заявила, что мы отстаём от Европы на 150 лет. И живём в Средневековье. И снова, оглядываясь на русских людей, на их деревеньки и станицы, безграничные леса и поля, традиции и богатый фольклор, невольно замираешь. Как же хорошо в этой вашей средневековой России!

*Как ликует за граница
И от счастья воеет воем,
Что мы встали на колени.
А мы встали на колени —
Помолиться перед боем.*

Николай Зиновьев

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

ВЕЧНО СТАРШИЙ БРАТ

27 января 1944 года мы отмечаем 75 лет со дня полного освобождения Ленинграда от блокады. В тот вечер в измученном и мрачном городе был дан праздничный салют – единственное исключение в ходе Великой Отечественной войны, прочие салюты производились в Москве. Отсвет этих залпов не тает в небе над Невой, в людской памяти и в моём сердце. Защищая Ленинград, наши войска потеряли 7600 самолётов – в воздушных боях, технических авариях (их ремонтировали падавшие от голода люди), в наземных схватках. Одна из этих машин – бомбардировщик СБ-2, в составе экипажа которого воевал и погиб 11 июля 1942 года стрелок-радист Николай Бобров, – совершила огненный таран в урочище Мустолово.

Подвиг защитников города был высоко оценён Родиной: свыше 350 тысяч солдат, офицеров и генералов Ленинградского фронта награждены орденами и медалями, 226 из них присвоено звание Героя Советского Союза, в том числе – капитану А. Алёшину, лейтенанту В. Гончаруку, ст. сержанту Н. Боброву. По настойчивому предложению поэта-фронтовика Михаила Дудина началось сооружение Зелёного пояса Славы, 200-километровым кольцом окружившего Ленинград по линии обороны в 1941–1944 годах. В этот мемориальный ансамбль, не имеющий мировых аналогов, входит свыше 80 памятных знаков. Один из них – памятник героическому экипажу близ станции Лемболово на Карельском перешейке. Справа – голова в шлемофоне самого младшего члена экипажа, Коли Боброва.

НЕ ЗАЧЕРКНЁМ!

Давно, ещё в армейской юности, в ночной караульный час я прочитал и выписал загадочные слова Александра Блока: **“Родина – это огромное, родное дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное и беззащитное, чем отдельный человек”**. Тогда, в середине 60-х, держава и мы, её дети, гордились могуществом нашей Родины, а тут – “уютное существо”, да ещё “более беззащитное, чем отдельный человек”, чем, выходит, даже я, солдат и начинающий поэт? Но слова эти заворожили... Шли годы, удлинялись и усложнялись дороги по России, по её историческим и духовным пространствам, мы пережили возрождение державы – достижения в космосе, воспрянувшая литература, бум “Золотого кольца”, интереса к прошлому, потом – времена застоя и перестройки, предательскую смену политического строя и криминальную – экономической формации. Самое страшное довелось испытать – гражданскую войну в других формах, без конных атак, но с расстрелом Верховного Совета в центре Москвы – какой там бескровный штурм Зимнего! На этом мучительном пути мне, увы, всё глубже открывался глубинный смысл пророческой блоковской фразы. Пусть каждый толкует её сам на основании личного духовного опыта.

Я — понимаю так. Мы можем окинуть мысленным взором всю огромную, разорванную страну, абстрактно представить или реально постичь её гигантские размеры и не до конца растраченную мощь, мы вправе радоваться или ужасаться по поводу каких-то грандиозных событий, но согласимся, что нет ничего роднее того, что произошло лично с нами, пусть и в масштабах жизни страны, что приняла или выстрадала наша душа в кипении общей жизни. Собственно, вот эта взаимосвязь — интимного и общего, выстраданного и очерпнутого — является (для русского человека особенно) уютным ощущением родины в личностном восприятии. Но речь — не о первой части загадочной фразы, а об её парадоксальной концовке — беспомощности родины, большей, чем беспомощность отдельного человека. С годами я осознал и её. Отдельного человека можно унижить, оскорбить, даже физически уничтожить, но в нём до конца сохраняется “неоскорбляемая часть души” (выражение того же Блока), за ним всегда остаётся нравственный и волевой выбор, а над ним, даже атеистом, — есть провидение. Хемингуэй повторял, что человека можно убить, но победить его нельзя. Так вот, Родина в блоковском понимании — более уязвима и беззащитна. На личное оскорбление ты можешь дать отпор, вплоть до физического, иным способом продемонстрировать понимание оскорблённой чести. Но когда оскорбляют твой личный, заветный, нежный и беспомощный образ Родины как родного дышащего существа — чем ты ответишь? Как поступишь? Будешь в ответ оскорблять, кричать на митинге, вступишь в ряды, как нынче пугают, экстремистских организаций?

У литератора хоть есть публичное слово, а любому другому — прокламации разбрасывать или изливать желчь в соцсетях? Вот и получается, что оскорблённая бесцеремонной властью, своими и чужими клеветниками, Родина оказывается беззащитной, а лично каждый и огромное сообщество людей — уязвлёнными в самом дорогом, пусть порой не до конца осознаваемом, сердцевинном чувстве. Кто бы как ни оценивал новейшую историю России, следует признать, что миллионы наших соотечественников, особенно люди старшего поколения, испытали это чувство унижения и беспомощности: тот образ, который радостно и мучительно, в силу воспитания, личных порывов и под давлением обстоятельств складывался в их душах десятилетиями, рушился, публично оскорблялся, корыстно искажался — глумливо, сознательно, всей мощью СМИ — во имя наживы и сиюминутных политических целей. Помню, как в разгар перестройки друг Михаила Горбачёва и активный деятель, потом окончательно сникший на политическом поприще — народный артист СССР Михаил Ульянов, — говорил во “Взгляде” с убедительной интонацией героя — мастера уговаривать из фильма “Председатель”: “Стариков я понимаю, они свою жизнь зачеркнуть не могут...”. Вот — ключевой глагол — зачеркнуть. Но зачем уничтожать, избывать своё прошлое, свою суть? Недаром же Чехов сказал: “Русский человек не живёт, а вспоминает”. В сохранении этой памяти огромную роль играют заветные предания и страницы семейной славы. Её воплощением является для меня мой старший брат — сталинский сокол, Герой Советского Союза Николай Бобров. Он погиб за два года до моего рождения, но остался вечно старшим братом — образцом и главным судьёй.

“ОБНИМИ СВОЕГО ВОЯКУ”

Невероятный, казалось, для России случай произошёл на заседании Совета депутатов муниципального округа Ломоносовский в Москве: молодой депутат от партии “Яблоко” Владимир Калинин со всей либеральной прямотой выступил против проведения в округе в 2018 году акций, посвящённых Дню Победы и годовщине контрнаступления в битве под Москвой, назвав это “пустым мероприятием”. Показухой... Так что, с одной стороны, президент России Владимир Путин загодя подписал Указ о всенародном праздновании 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, а с другой стороны, выросло и даже делегировало во власть циничных представителей то поколение, в котором память и гордость за подвиг предков размыты неумным политиканством, антисоветизмом и русофобией не только зарубежных, но и доморощенных СМИ. Мы должны этому противостоять!

Неожиданно в году 70-летия Победы я получил святой и рвущий сердце подарок. На 94-м году жизни школьная и единственная любовь моего старшего брата — Ирина Владимировна Старичкова — решила отдать мне 88 личных,

чистых (интимных – рука не поднимается вывести!) писем юного курсанта, стрелка-радиста, лётчика, Героя Советского Союза Николая Боброва. Тоже ведь символическое совпадение в самой цифре – 88: мы, радисты, знаем, что на языке эфира это сочетание в конце радиограммы значит: целую! Когда к 65-летию Победы я беседовал с ней, готовя очерк “Любимая брата” для “Советской России”, Ирина Владимировна передала мне прядь Колиных русских волос, мамину папиросницу, которую он подарил ей перед отправкой в армию, и только процитировала несколько строк. Но не так давно передала в школе имени Николая Боброва пачку писем со словами: “Хотела завещать, чтоб письма в гроб со мной положили (от меня только квартира родственникам нужна), но решила Вам отдать. Может, пригодятся...”.

Пригодились, Ирина Владимировна! Сразу же ко Дню скорби и памяти 22 июня, к годовщине начала войны, разбившей десятки миллионов молодых судеб, я опубликовал в “Советской России” несколько отрывков из писем, которые не надо долго объяснять. Повторяю их в этом очерке с добавлениями... Напомню: пишущему и адресату – по 20 лет! В конце 1940-го брат закончил школу стрелков-радистов на окраине Старой Руссы, до здания которой (теперь там бирюзовый ДК) я недавно ходил хмурой весной мимо памятника Фёдору Достоевскому. Коля был определён в экипаж и узнал, что служить придётся ещё четыре года (командование понимало, что никакой демобилизации в ближайшее время не будет). Итак, несколько отрывков, полных юношеского ожидания и взрослой готовности принять удары судьбы.

Письмо 73

“Русса Старая

8.01-41

Любимая! Каков новогодний подарок? 4 года! Я знал об этом ещё 28 декабря, но не хотел превращать встречу 41-го года в тризну по нашим несчастным судьбам. Что делать, дорогая, надо признать своё бессилие. И я признал. Чтение приказа (28 дек.), само существо его не вызвало во мне бурных реакций, а лишь наполнило апатией... В таком тумане, на красноармейской соломе и был встречен Новый год. Что он сулит? Единственным утешением нужно считать предполагаемый ежегодный месячный отпуск. Словом, из 12 месяцев один буду проводить в Москве. Облегчение весьма существенное. А дни бегут, и не за горами первая встреча после длительной разлуки. Какой она будет?... Только, славная моя, шевелюры отрастить не имею права (по уставу не положено)”.

Письмо 74, в новом конверте с надписью рукой Ирины Владимировны: “Конверт истлел”.

“2.02-41

Любимая! Поздравляю с 20-й годовщиной. Странно, но для меня это пустой звук – 20. Мне ты представляешься такой, какой была год и два назад, какой я полюбил тебя и люблю тебя далеко за 3 года... Дарить что-либо я не могу, но постараюсь приложить все усилия, лишь бы попасть в Москву на Первомайский парад. Представь себе, что 15-18 апреля я смогу быть рядом с тобой. Тогда только не сердись... Боюсь мечтать об этом – а вдруг снова судьба посмеётся над нами?

Изредка таскаюсь в ДКА. Сейчас учу арию Руслана, но вряд ли она получится: высок конец. Вообще мой репертуар не блещет разнообразием: Галицкий “Сомнение”, ария Мельника, “Эй, ухнем”, новгородская русск. нар. песня. Собираюсь учить Бородина “Для берегов отчизны дальней”, арию Кончака почти окончил, впереди ещё “Клевета” и серенада Мефистофеля. Дело только за нотами, достану и разучу. Это занятие до некоторой степени облегчает существование, пою для себя, хотя и (изредка) перед публикой”.

У Николая был очень хороший голос, его заметили ещё на смотре студенческой самодеятельности и даже предложили готовиться к стажировке в Большом театре, поступать учиться вокалу. Вообще, если отстраниться от накачивающихся чувств и раздумий, поражает в этих письмах, порой набросанных второпях между занятиями и вылетами, абсолютная грамотность – до запятой, а ведь брат поступил учиться на химика, а не филолога. Вот какое давали образование в школе!

“19.02–41

Дорогая Иринка! Ещё каких-нибудь 2 месяца, и то, о чём так долго приходилось мечтать, осуществится. Заранее схожу с ума. Какой будет наша встреча? Сколько времени удастся провести с тобой? Твёрдо знаю лишь, как проведём... Боюсь много об этом писать. Вдруг! Да нет, чепуха. Всё осуществится. Будем ждать. А чтобы не было тебе особенно скучно, посылаю виды непревзойдённого Старо-Русского курорта. Знай, что такое Старая Русса и какими богатствами она обладает. Скажу только – несмотря на скромность снимков, трудно поверить, что изображена здешняя “морилка”: больно уж пышно!”

Когда я впервые писал о Старой Руссе, о её старом и пышном курорте, то ещё не знал, как тесно связаны они с судьбой брата. Почему-то к родителям письма оттуда не сохранились, или цензура уже не давала указывать место написания....

Письмо 79

“Русса 4.03–41

Любимая! Время идёт, май ближе, душа оттаивает вместе со снегом. До сих пор не могу поверить, что скоро увижу тебя, Москву! Настроение повышается: сама подумай, в этом году более месяца проведу в Москве, а сколько впереди счастливых часов, дней, посвящённых мною тебе и нам – нашей любви... Ириночка, дорогая, ты почувствуешь, что значит настоящая любовь, безграничная и всеильная... Словом, на днях пришло разъяснение, говорящее о ежегодном отпуске для стрелков-радивов. До сих пор счастье, которое наше старались утопить в туманах, покрыть их мраком неопределённости”.

Письмо 80-е Ирина Владимировна мне не передала, однако по письмам родителям, брату и сестре я знаю, что в параде 1 Мая их экипаж успешно принял участие, но не было ни тренировочного Тушинского аэродрома, ни краткого отпуска москвичей по домам – в небе пахло грозой. После парадного пролёта над Красной площадью и разворота над любимым Замоскворечьем их направили на дозаправку и дальше – на свой базовый аэродром. Наверное, вихрь переживаний и вошёл в то 80-е письмо, а может, были другие причины, по которым его не оказалось в пачке писем. Кстати, всякий раз, попадая на берега озера Сенеж в блоковских местах Подмосковья, вспоминаю, что он писал о нём после того майского парада 1941 года. Увидел сверкающий Себеж, вспомнил здешние рыбалки с отцом, сглотнул слезы и скупно написал об этом в одном из писем, хранящихся у меня... Недавно снова смотрел на взлохмаченное ветром озеро, отражавшее многие взоры, в том числе и восхищённые взгляды давно погибшего брата и ушедшего отца, и думал о том, что, может быть, только ощущение вечности природы и бренности каждого из нас помогает сохранить и рукотворную, вещественную память. Трескаются стены и мемориальные доски, ветшает бумага писем, написанных часто карандашом, но всё так же синее Себеж и Лемболовское озеро, на берегу которого стоит памятник брату. Он видел его последним – июльское, синее – в смертельном пике, перед огненным тараном.

Но вот **письмо 81**, ветхое, неровно написанное в роковой день карандашом, которое передаёт состояние брата, обычно рассудительного даже в письмах любимой (упорно призывал её, например, не губить талант художницы, не выбирать прагматично благополучную специальность!), но тут молодой коммунист впервые вдруг вспомнил Господа. Цитировать-то страшно, как представишь, что могут написать в комментариях некоторые наши читатели...

“22.06–41, пока ещё недалеко от Старой Руссы. Лагерь.

Любимая! Сама понимаешь, как трудно мне писать тебе сейчас – что могу я сказать утешительного, чем могу порадовать? Как видишь, нам не особенно везёт! Остаётся только надеяться, надеяться и ещё раз надеяться – на что-то... Последний месяц чувствовало ли твоё сердце, что в конце мая я проезжал через Москву, был в полной уверенности, что проведу с тобой часа 3–4. Однако поезд из Астрахани опоздал на целых пять часов, прибыл в 1 час ночи, а последний на Ленинград отходил в 2. Как сумасшедшие мчались с вокзала на вокзал. На “Б”, мимо тебя, по Бауманской улице, мимо III Интернационала. Стоит ли говорить о моём состоянии?!

После командировки всё время собирался в отпуск – тянули изо дня на день: “Через недельку” – “Скоро” – “На днях”. Был уверен, что увижу, наконец,

тебя, проведу целый месяц в Москве, рядом с тобой, родными, знакомыми... Ещё 5–10 дней, и я был бы дома. И вот результат! Сейчас с минуты на минуту ожидаем очередного (нового) боевого вылета. Что-то будет? Ну, да ладно. Чепуха! Как-нибудь потягаемся, авось будем жить – Господь милостив. Положимся на него, судьбе уже далее доверять преступно и глупо! Обними уже своего вояку, пожелай ему счастья!.. Особенно не волнуйся, верь в меня, в нашу любовь, которая по-прежнему сильна и молода. Жизнь у нас ещё впереди. Нам грех не прожить её по-настоящему. Целую много и крепко, как никогда. Твой горячо любящий Николай”.

Потом был переезд-перелёт из обречённой Старой Руссы на окраину осаждённого Ленинграда, в аэропорт Сосновка (теперь парк с захоронениями и памятником – в черте мегаполиса), боевые вылеты и подвиги. Но краткие письма Ирине, насильно разлучённым родителям даже самой трудной боевой поры дышат тем же теплом, спокойствием и любовью. В них появляется образ России, защищаемой Родины, которую он всегда пишет с большой буквы.

СОКОЛ И ЯСТРЕБ

Загадочное и символическое для меня совпадение: в один день – 19 апреля родился мой старший брат – сталинский сокол Николай Бобров – и немецкий лётчик-истребитель – гитлеровский ястреб Эрих Хартманн.

Только Коля родился в 1921 году, а Эрих на год позже. Но в один день! Усилиями геббельсовской пропаганды, западной мемуаристики и наших либеральных издателей и журналистов немецкий лётчик – действительно ас воздуха – считается небожителем, самым успешным пилотом-истребителем за всю историю авиации. Можно прочесть в бесчисленных источниках, что в ходе Второй мировой войны (не всей) он совершил 1404 боевых вылета, одержав 352 воздушные победы в 802 воздушных боях. За небольшой рост и моложавый вид получил прозвище Bubi – малыш. Будучи в довоенное время пилотом планера, Хартманн вступил в ряды люфтваффе в 1940 году, а в 1942 году, когда уже героически погиб мой старший брат, лётчик-бомбардировщик, окончил курсы подготовки пилотов. Вскоре он был направлен в 52-ю истребительную эскадру на Восточный фронт, где попал под опеку опытных пилотов-истребителей люфтваффе, воевал на юго-западном направлении, совершил более тысячи вылетов после того, как на 67-м боевом вылете в небе над Карельском перешейке был подбит СБ-2 моего брата... И, конечно, в небе, в реальных полыхавших событиях нигде не мог пересечься с Бобровым, защищавшим Ленинград на северо-западном направлении. Только в моей памяти и этом очерке.

Не стану сейчас продолжать идейные и фактические споры, опровергать восторженные материалы на “Эхе Москвы” и в журнале “Дилетант”, где журналистка просто захлёбывается от восторга: “Высшая награда рейха – Рыцарский крест с Дубовыми листьями, Мечами и Бриллиантами. Слава лучшего аса не только Второй мировой войны, но всех времён и народов, рекорд которого уже никогда не будет побит... “Белокурый германский рыцарь”, “чёрный дьявол Украины” Эрих “Буби” – Хартманн!” Потом умеряет свой пыл: “Можно сказать, что Эрих Хартманн был и оставался славным парнем, если забыть, чьи самолёты он сбивал. Но забывать нельзя. Если в Германии его с умилением и восторгом называли “белокурый германским рыцарем”, то в небе над нашей Малороссией он получил прозвище “чёрного дьявола Украины”, поскольку его результативность дорого нам стоила. Всего Хартманн подбил 352 самолёта – цифра фантастическая и подвергаемая сомнению. А начинал Буби – второе его прозвище за молодость, – на редкость неудачно, даже нелепо. Летать его ещё подростком учила мать, опытная лётчица-спортсменка. Пройдя обучение в знаменитой лётной школе в Гатове под Берлином, затем во 2-й Школе лётчиков-истребителей, Эрих Хартманн в возрасте всего лишь 20 лет был направлен в Geschwader-52, воевавший над Кавказом. И в третьем же воздушном бою вместо того, чтобы прикрывать ведущего, умудрился попасть в его зону обстрела, потерял ориентацию и скорость и, что называется, плюхнулся, то есть сел, выведя самолёт из строя. Кое-как добрался до аэродрома на грузовике и получил нагоняй”.

Вообще, он приземлялся, выйдя из боя, бросая машину, 14 раз (!), два раза попадал в плен, то есть по меркам советской стороны – давно мог бы

попасть под трибунал. Не стану заниматься и опровержением количества побед. Тут тоже много написано, достаточно привести пространную цитату из книги Юрия Мухина: “Все апологеты немецких асов с пеной у рта уверяют, что факт сбития немецким асом самолёта, который записан ему в лётную книжку, тщательно проверялся и подтверждался. Цитировать очень длинно, поэтому я апологетам перескажу своими словами, как “проверялся” факт сбития Хартманном 301-го самолёта. 24 августа 1944 года Хартманн слетал утречком на охоту и, прилетев, сообщил, что у него уже не 290, а 296 побед над “иванами”. Покушал и снова полетел. За этим полётом следили по радиоразговорам, и Эрих не подвёл: он по радио наговорил ещё 5 побед. Итого стало 301. Когда он сел, на аэродроме уже были цветы, флаги, гирлянда ему на шею (как у нас Стаханова из забоя встречали), а утром следующего дня его вызвал командир JG-52 и сообщил: “Поздравляю! Фюрер наградил тебя Бриллиантами”. И ни малейшего намёка на то, что кто-то пытался проверить эту байку о том, что он в один день и в двух боях сбил 11 самолётов. А в дневнике боевых действий за 24 августа штаб записал ему только “Аэрокобру”. Одну. И всё. В связи с этим у меня возникает гипотеза. То, что 352 сбитых Хартманном самолёта — это брехня, по-моему, уже всем должно быть ясно. В его лётную книжку записывали всё, что он придумает, или, в лучшем случае, те самолёты, по которым он стрелял и что было зафиксировано фотопулемётом. Но **точную** цифру сбитых самолётов немцам-то ведь надо было знать! Поэтому полагаю, что штаб JG-52 запрашивал у наземных войск подтверждения о сбитых самолётах (ведь Хартманн сбивал над своей территорией, и наземные войска могли это подтвердить). Если сбитие подтверждалось, то наземные войска могли подтвердить и тип самолёта. Тогда сбитый самолёт заносился в список, и этот список штаба JG-52 посылался в штаб люфтваффе. Но если сбития заявленного самолёта или его обломков никто не видел, то такая “победа” отсылалась только в министерство пропаганды Геббельса. Я не вижу другого логичного объяснения”.

Даже переводчик книги американских авторов “Белокурый рыцарь рейха” с говорящей фамилией А. Большой в предисловии к апологическому труду Р. Толивера и Т. Констебля написал: “Первый, совершенно парадоксальный вывод, возникающий после прочтения книги. Эрих Хартманн не провёл ПОЧТИ НИ ОДНОГО воздушного боя. Столь милую сердцу наших пилотов воздушную карусель он отрицал принципиально. Набор высоты, пикирование на цель, немедленный уход. Сбил — сбил, не сбил — неважно. Бой прекращён! Если и будет новая атака, то лишь по этому же принципу. Сам Хартманн говорит, что, по крайней мере, 80% сбитых им пилотов даже не подозревали об опасности. И уж подавно никакого мотания над полем боя, чтобы “прикрыть свои войска”. Между прочим, однажды против этого восстал и Покрышкин. “Я не могу ловить бомбы своим самолётом. Перехватывать бомберы будем на подходе к полю боя”. Перехватили, получилось. А после изобретательный пилот по шапке получил. Зато Хартманн только и занимался охотой. Так что его 800 боёв будет более справедливо назвать воздушными столкновениями, что ли”.

Нескрываемое раздражение порой сквозит в мемуарах наших лётчиков по поводу тактики немецких асов. Свободная охота — и никак ему бой не навяжешь! К тому же, повторяю, Хартманн совершил 14 вынужденных посадок. Эта фраза мелькает в книге лишь один раз. Авторы любят своего героя, поэтому не нажимают на данный факт, но всё-таки не могут его скрыть. Вот, например, бой с восемью “Мустангами”. У Хартманна кончилось горючее, и он что? — пытается спасти самолёт? Ничуть. Он только и выбирает случай, чтобы поаккуратнее выроститься с парашютом. У него не возникает даже мысли спастись самолётом. Так что на получивших по 150 попаданий (!) самолётах, не вышедших из боя, возвращались только наши лётчики. Да за одну лишь фразу-напутствие: “Оцените ситуацию и лишь после этого решайте, атаковать или нет?” — у нас Хартманн немедленно пошёл бы под трибунал. А у немцев стал лучшим асом. Так что не стоит сравнивать несравнимое. Прямо скажем, что Хартманн не был безоглядным храбрецом, но был коварным асом, опытным лётчиком с превосходным ястребиным зрением, видевший машину раньше противника, и опытным тактиком, умевшим использовать преимущество боевой машины. Например, немецкий истребитель мог летать на высоте 5–5,5 км, а “Як” — на высоте только 3–3,5 км. Вообще, из книги перед нами предстаёт взбалмошный, истеричный любитель выпить, чуждый всякой дисциплины. Но это скорее в глазах русского читателя оживляет образ...

Меня больше заинтересовал материал Владимира Чунихина, который очень часто встречается на разных сайтах и называется: “Письма Урсуле Пётч”. Там тоже очень много соображений, примеров-опровержений и сомнений в количестве сбитых самолётов, несмотря на немецкое фотооборудование: “Вот, кстати, ещё каверза фотопулемёта. Немецкий ас привозит домой плёнку, а на ней – в прицеле пять горящих самолётов одного типа. Лётчику – большую конфету за пять сбитых самолётов. А на самом деле это один упрямый “Иван” дымил, но не хотел падать. И немец пять раз заходил в атаку под разными углами.

Отличи, попробуй, на плёнке один однотипный самолёт от другого...”.

Повторяю, много точных и любопытных примеров. Единственное, чего там нет, – это как раз... писем к невесте Урсуле. Мне хотелось сравнить их с письмами моего старшего брата своей возлюбленной Ирине Старичковой, которые приведены выше, чтобы наглядно представить образы двух лётчиков – советского и фашистского. Подчёркиваю: представителя фашистской армии. Отсюда, может быть, и все рекорды именно на Восточном фронте. На Западе немцы воевали в воздухе с противником, которого они публично уважали. По крайней мере, любому здравомыслящему немцу, как на фронте, так и в тылу, должно было быть понятно, что при всём качестве немецкой техники западная лётная техника, если и уступает в чём-то немецкой, то ненамного. Подготовка лётчиков Англии, Франции, США тоже ненамного уступала немецкой (это должно было помниться ещё со времён Первой мировой войны). Поэтому потери немецких лётчиков в боях на Западе вопросов у немцев не вызывали. И руководству рейха ничего объяснять было не надо ни армии, ни обществу. На Востоке – иная ситуация. Гитлеровское государство было государством, принявшим господствующую расовую идеологию, оно было официально расистским: славяне, а уж тем более евреи, объявлялись на государственном уровне неполноценной расой. Это провозглашалось первыми лицами рейха как одна из основ и главное оправдание восточной политики германского государства. Однако с началом войны с СССР оказалось вдруг, что люфтваффе в России начало нести потери не меньшие, чем на Западе. А то и более ощутимые! Как объяснить германскому народу такие потери своей авиации от тупых “иванов”, недочеловеков, летающих на примитивных фанерных самолётах? Объяснить можно было только так, как это и объяснялось в случае с Хартманном: потеряли один – сбили десять, потеряли десять – сбили сто.

Дошло до того, что Хартманн, который фактически командовал эскадрилей, начиная с лета 1943 года, сам подписывал заполненные на себя же анкеты по сбитым самолётам.

Сплошь и рядом наши лётчики сетовали на то, что на самом деле они сббили больше, а засчитано им меньше. Тот же Покрышкин упоминал свои незасчитанные победы – больше десяти. Но, даже учитывая все мистификации, на счету лучших немецких лётчиков действительно больше побед. Значит ли это, что мастерство самого результативного нашего лётчика-истребителя – Ивана Кожедуба – (64 победы) в 5,5 раза ниже, чем у Хартманна? Ничего подобного. За время войны “белокурый рыцарь рейха” сделал 1425 боевых вылетов, тогда как Иван Никитич – всего 330. Выходит, в процентном отношении показатель у них примерно одинаков – 4–5 вылетов на одну победу. У дважды Героя Бориса Сафонова, например, на личном счету числилось 22 лично сбитых немецких самолёта. Однако у него же имелось 8 неподтверждённых побед, когда сбитые им немцы падали в море. И они ему не засчитывались. Асам люфтваффе верили на слово. И даже, что вообще анекдотично, по письмам... невесте Урсуле, как в случае с Хартманном. Об этом упоминается в разных развенчаниях, но сами-то письма с фронта, повторяю, так и не приведены.

Зато есть мемуары ещё одного великого аса Третьего рейха, pilota бомбардировщика “Ю-87” Ганса-Ульриха Руделя. Написано это было им по доброй воле и предназначено для самого широкого круга западных читателей. Итак, насладитесь и улыбнитесь: “...В конце октября (1944 года. – **А. Б.**) начинается наступление по всему этому сектору, сначала следует удар к северо-западу и северу в направлении Кечкемета. Его цель ясна: вызвать коллапс нашей линии обороны на Тиссе и ринуться вперед по равнинам к Будапешту и Дунаю. Иван очень активен в воздухе. Оказывается, что он занял целый ряд аэродромов в окрестностях Дебрецена, и мы снова вступаем в бой с численно

превосходящим нас противником. Мы ослаблены потерей ряда самолётов, сбитых зенитками, а также плохо поступающими припасами и новым пополнением, которое оставляет желать лучшего. Советы не могут поставить себе в заслугу наше затруднительное положение, они могут лишь благодарить своих западных союзников, которые серьёзно нарушили наши коммуникации в ходе атак четырёхмоторных бомбардировщиков на города и железнодорожные станции. . .”

Кто бы сомневался! А то, что мы с боями до Дебрецена дошли, а вскоре сделали его столицей освобождённой Венгрии — пустяки. . . Но дальше — вообще песня: “Во время всей этой суматохи я уже давно снизился к земле и произвёл атаку. Один танк горит. Два ФВ-190 вьются надо мной, пытаюсь отвлечь несколько Ла-5. . . Вновь один из тех, кого я обстрелял, кричит: “Оглянись — будь осторожен — ты что, не видишь? Нацист стреляет в тебя!” Он орёт так, как будто уже был сбит. Другой пилот, наверняка, командир этой части, говорит: “Мы должны атаковать его одновременно с разных сторон. Сбор над деревней, куда я сейчас направляюсь. Мы обсудим, что тут можно сделать” . . .”

Смешно: двадцать или тридцать истребителей, не зная, как подступиться к практически одинокому и беззащитному “лаптёжнику” Руделя, открывают за околицей партсобрание. Ну да, они без этого не могут. И ещё надо обратить внимание: “Для меня это самое очевидное подтверждение победы”. То есть между строк можно понять так, что Рудель ударил по колонне один раз и сразу стал уходить как можно скорее и как можно дальше. Потому что видит результаты своей работы не своими глазами, а слышит о ней со слов авианаводчика. В переводе и в шуме боя! Но этого мало: “. . . Тем временем я атакую другой танк. До сих пор они не пытались прятаться, уверенные, что надёжно защищены своими истребителями. Вновь один танк вспыхивает. Красные соколы кружат над деревней и ужасно орут, они все хотят высказаться, как лучше всего сбить мой Ю-87. Авианаводчик на земле в ярости, он угрожает, спрашивает, видят ли они, что горят уже четыре танка. . . Мы направляемся домой, Иваны какое-то время идут за нами, потом поворачивают обратно. Ещё какое-то время мы слышим укоры наземного офицера-авианаводчика и Красных соколов, которые приносят свои извинения. . .” Хохот охватывает: “Красные соколы, которые приносят свои извинения”. Вряд ли переводчик смог бы перевести эти “извинения”, а западный читатель — понять. Но западники — глотают и наших слушателей “Эха Москвы” дурят. . .

Тем более, что такие советские лётчики, как мой брат, о своих подвигах не распространялись: “Ленфронт. Апрель 1942 г. Здравствуй, дорогая мамочка! Сегодня у меня радостный день: впервые за много месяцев получил от тебя известие — целых три письма. Если бы ты знала, как я всё это время волновался за тебя: можно сказать, что сегодня ты для меня воскресла. . . Теперь я почувствовал себя счастливым.

У меня всё в порядке. За десять месяцев войны много всего было. В доказательство того, что я тоже воюю, могу сообщить тебе, что в марте получил орден Красного Знамени. Это так. . . Чтобы ты знала, что твой сын не хуже других защищает родную Россию.

Прости за краткость. Много писать разучился. Твой сын”.

Время самых тяжёлых боев начальной поры войны совпало с тяжёлыми годами испытаний для нашей семьи. Мать была разлучена с отцом и с оставшимися дома, в прифронтовой Москве, дочкой и сыном. Письма старшего сына связывали их всех друг с другом. Так получилось, что юный лётчик, чьи сверстники в наше время порой ещё только пытаются обрести самостоятельность, больше думал не о себе, ввергнутом в огонь войны, а о далёких близких. Не сам ждал поддержки, а стремился дать её другим, прежде всего, маме, находившейся в заключении. Он с передовой мог посылать ей и деньги, и посылки, и даже книги.

“Я не умею, дорогая, красиво писать о своих переживаниях, не умею выкладывать душу на бумаге, но поверь — мне невозможно привыкнуть к мысли, что ты будешь вынуждена терпеть такие лишения. . . А каково сознание невозможности помочь тебе? Помочь матери, которая сделала для меня всё, что было в её силах.

Но ничего! Помни, где бы ты ни была, какие бы огорчения ни терпела, я душой всегда с тобой. Твоё горе — моё горе, твои трудности — мои трудности.

Ещё раз прошу тебя беречь своё здоровье, больше думать о счастливом будущем. А оно будет таким!

Он воевал не за личные награды, а за это будущее, и не был многословен, когда писал о себе: *“У меня всё по-старому. Жив, здоров, бодр”*. Только несколько слов об ордене. А тот бой в самом начале войны принёс экипажу славу. Семь бомбардировщиков без истребителей прикрытия вступили в бой с двенадцатью “мессерами”. Первым принял на себя атаку экипаж ведущего — капитана Алёшина. Стрелок-радист Бобров, привязав к ноге люковый пулемёт, вёл бесприцельный обманный огонь, отпугивая гитлеровцев из-под хвостовой части, а из турельного пулемета вёл огонь прицельный. Три вражеских истребителя были уничтожены экипажем. Весь полк побывал около машины, получившей более полусотни пробоин. Только на земле заметили, что пулей раздробило Коле правую часть шлемофона. Рваные следы пуль остались и на комбинезоне.

— В счастливой сорочке ты родился, — сказали тогда ему боевые друзья.

Мутноватая фотокарточка той поры. Молодой лётчик в шлемофоне и комбинезоне у карты боевых действий. На обороте подпись: *“Дорогой мамочке, увы, о самых тяжёлых днях от горячо любящего сына”*. И снова уверен, не о своих фронтовых тяготах вспомнил он.

А вот письмо отцу, полное благодарности за дни, проведённые в лесах Подмосковья, за рассветы у чистых и рыбных тогда речек: *“У меня всё по-старому. Особых новостей нет. Только вот весна действует. Как никогда, часто вспоминаю былые времена, наши бесконечные походы. Хорошие были дни! Так хочется их повторить. Это было бы настоящим счастьем”*.

Не дождался он этих счастливых дней. Не увиделся больше ни с родными, ни с первой своей любовью... Хартманн после пленения и лагерей на Вологодчине (вот оттуда деловые письма Урсуле — есть) прожил 71 год, а мой брат погиб в 21 год... Тоже вроде — ни малейшего сходства. Никакие параллели, кроме даты рождения 19 апреля, тут не подходят. Ни по судьбе, ни по отношению к жизни, ни в военном отношении, даже если бы речь шла о лётчиках, летавших на самолётах одного типа. У нас истребители были заточены на победу в ВОЙНЕ и потому занимались охраной наших штурмовиков и ББ или перехватом немецких. Свободная охота появилась с 43-го года, не всегда и не для всех. Немцы же были заточены на победу ИНДИВИДУАЛЬНУЮ. Потому у них ЛИЧНЫЕ счета больше наших были по определению. Образно говоря, если бы наши ВВС состояли из одних Покрышкиных и Бобровых, война завершилась бы победой раньше; если бы немецкие люфтваффе состояли из одних Хартманнов и Руделей, наша победа пришла бы ещё раньше. И вообще, сколько бы книг о немецких асах и героях ни выкинули на российский рынок, главную-то истину не опровергнешь: май 1945-го объяснил, кто лучше воевал и победил в ВОЙНЕ. Как написал поэт из Тосно Николай Рачков про День Победы:

*Никак не переварят
нашу славу,
Вбивают в наш салют
за клином клин.
Зачем не сразу
взяли мы Варшаву?
Зачем поторопились
взять Берлин?
Да можно ль перечислить
поимённо
Всех, кто легли
под братские холмы?!
А мы целуем красные знамёна.
Враг был сильней,
Но победили мы.*

Кто-то сомневается? Поезжайте в Берлин — там, даже в бундестаге, наглядные следы нашей Победы, за которую пал мой старший брат Николай Бобров.

О ЧЁМ ШУМЯТ СОСНЫ...

Возле валунов от фундамента углового дома бывшей деревни Бобровка растёт молодая сосна. Ей лет сорок — она выросла на освободившемся пространстве, когда селение начало исчезать с лица земли. В январе 1949 года, когда русские переселенцы стали обживать обожжённые боями земли, постановлением Верховного Совета СССР нескольким населённым пунктам были даны имена советских лётчиков-Героев, деревню Пурпуа переименовали в честь брата. Когда много лет назад я нашёл этот пожелтевший документ в архиве родителей, поехал в Приозёрский район, чтобы найти деревню, названную в честь нашей фамилии, но уже работала вредительская программа по уничтожению малых деревень. Местные журналисты показали мне только остатки фундамента с маленькой сосенкой у валуна. Через несколько лет мы поехали с сыном на Вуоксу и озеро Суходольское, и — о, чудо! — натолкнулись на указатель... Бобровка. Оказывается, лесник Январёв поселился здесь, используя старую постройку, обустроил хутор и возродил это название. Теперь, при продаже земли и росте престижных дачных посёлков, оно снова исчезло: урочище Бобровка приписали к соседнему поселению Портовое, чтобы продавать участки в 10 соток по 2 200 000 рублей. Только сами участки! Нужна этим богачам какая-то Бобровка? Но сердце у меня не на месте, решил снова поехать...

Вот что написала журналистка всеволжской газеты Людмила Однобокова: “Дозвонилась я сегодня до администрации Громовского сельского поселения. Новости печальные. Сказали мне честно, что деревня Бобровка существует только в памяти людей. Разговаривали со мной очень любезно. Объяснили так: в сторону деревни Портовое по дороге прямо на повороте есть два дома: один — дом лесника, второй — новый финский дом. Вот это место в народе называют “деревня Бобровка”. На карте обозначено только “урочище Бобровка”. Но урочище для того и называют “урочище”, что это место утраченной деревни. И названия урочищ тоже быстро исчезают. Рядом с урочищем “Бобровка” недавно возник коттеджный посёлок, но назвали его почему-то “Коттеджный посёлок Суходольский”, а не “Коттеджный посёлок Бобровка”, как должны были. Новые сотрудники администрации не знают, что Бобровка когда-то была названа в честь Героя Советского Союза. Возможно, документы о наименовании этой деревни утрачены. Потому что там рядом есть деревня Севастьяново в честь Героя Советского Союза Севастьянова, в той деревне недавно даже памятник небольшой Севастьянову поставили. Про Бобровку думают, что она так названа в честь того, что здесь когда-то жило много бобров”.

Трижды минувшим летом съездил в Питер, в Лемболово, в Бобровку. Порой кажется, что вся официозная патриотическая риторика — болтовня! Зачем эти новгородские земли освобождали наши ребята-Герои? Чтобы нувориши особняки возводили? Совхоз в соседнем Портовом загублен, рейсовый автобус, на котором мы разъезжали с сыном, теперь не ходит. Почему? У финнов была обустроенная земля, ягодники (для них это — юг!), а у нас — заборы на берегу с нарушением закона. А ведь это на земле Путина и Медведева — наших записных патриотов... Никто не знает, в честь кого Бобровка, даже живущий здесь хозяин — Геннадий Степанович Корчагин, у которого в паспорте регистрация — “Кордон Бобровка”...

Поэт-фронтовик Александр Межиров, помню, как-то стал мне рассказывать про меняющийся образ бывшего врага: “Представляете, Саша, меня на днях пригласили в ресторан “Националь”. Публика снобистская, все младше меня — просто не о чем говорить, даже со спутниками. И вдруг я увидел недалеко за столом седого немца, примерно моего возраста. Сразу почувствовал: он тоже воевал, и вдруг остро понял, что во всём зале только он до конца бы меня и понял в разговоре. Он, может, стрелял в меня, а ближе — никого нет. И он тоже это почувствовал, судя по взгляду...” Я тогда по молодости подумал: любит Александр Петрович вот этак нагнетать и фантазировать... Прошли годы перестройки и катастрофы, и я вдруг вспомнил эту тираду, когда встретился впервые с финским писателем Карлом Геустом. Его отец воевал против моего старшего брата, мы славим подвиги лётчиков-врагов, но мы поняли друг друга с первых минут общения у музея Маннергейма в Хельсинки...

И вот — новая встреча в Лаанперанте, хотя Карл — автор многих книг о финских лётчиках — часто приезжает в Питер и Петрозаводск, выступает на

конференциях и радуется, что теперь мы можем говорить открыто, без искажений о трагических страницах общей истории. Именно он раздобыл в архиве донесения зенитной батареи, которая подбила машину брата, и противотанковой батареи, когда самолёт СБ-2 совершил огненный таран на финские позиции. Он – мой соратник, хотя является певцом финских асов. Познакомил с такими же увлечёнными друзьями в Лаанперанте. Киммо Мархинен – директор авиационного музея на общественных началах. Его дядя был подбит в небе над Лемболово, упал между линиями передовых, но финны успели первыми. Потерял руку в том году, когда погиб мой брат. Маркку Оикконен – увлечённый экскурсовод. Его отец воевал в пехоте и был ранен как раз на Лемболовской твердыне. Они хранят память о своих родных, обо всех ветеранах, включая советских лётчиков, и прекрасно понимают, что привело меня в Лаанперанту, что зовёт на место гибели брата и что печалит при формальном подходе чиновников. Например, председатель Громовского сельского поселения А.П. Кутузов не против установки стенда с указанием: “Здесь была деревня Бобровка, названная в честь...”. Но спрашивает: “За чей счёт банкет?” Будто это мне одному нужно. А тем, кто захапал берега озёр, которые отвоевали наши ребята? А школьникам Громово, которые не знают истории под их же носом? Кто защищать вас будет, чиновники и толстосумы, если чего? Одни путинские свержакрыты?

СОСНА У СЕЛЕНЬЯ БОБРОВКА

*Ветрам подпеваает негромко,
Где тает Вуокса во мгле,
Сосна у селенья Бобровка
На финской когда-то земле.
И озеро — в прошлом Суванто, —
Деревня на нём — Пурпуа —
Хранила фамилию брата,
А ныне ушла в никуда...
Но время не мчится линейно —
Петляет, как русло реки, —
От дотов лесных
Маннергейма
До питерской странной доски.
Так что же, в забвеньи уроним
Шеренгу заветных имён,
И память об асе-Герое,
И шелест победных знамён?
Порой эти думы несносны...
Горит самолёт вдалеке,
Где самые старые сосны
На финском шумят языке...*

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ В ЛЕСУ

После моих очерков в газете и книги “Звезда над озёрами. О старшем брате – Герое Советского Союза Николае Боброве”, в которой я лишь на последних страницах коснулся находки отряда “Безымянный” в Мустоловском урочище и всей эпопеи доказательства принадлежности останков героическому экипажу, я поставил себе цель посетить место падения СБ-2. Дождались с сыном осенней прохлады и тронулись в путь. Ещё на лесной дороге за разрушенным мостиком, где пришлось оставить машину, Дима спросил у Германа Сакса, как часто устанавливается личность погибшего солдата? Командир отряда “Безымянный” отчеканил:

— На местах советско-финской войны – один из ста, Великой Отечественной – один из десяти. У врагов – пятьдесят на пятьдесят: медальоны, именные вещи, антропологические данные на всех солдат. А у нас не было этого. Нашли, помню, одного бойца из расчёта артиллерийского – гигантского роста. Сначала подумал на останки, что это кости лося. Нет, такой вот великан воевал и нигде не зафиксирован, а то бы весь расчёт идентифицировали. . .

Тогда я спросил, как Герман Юрьевич, тратящий на нас свой чиновничий выходной, увлёкся поисковой работой.

— Это в детстве началось. Мы играли с ребятами в Тосно в большие металлические солдатки, расстреливали их камнями на песке. А меня, как самого младшего, посылали потом искать и откапывать — какой-то азарт поисковый просыпался. Потом попал в детский лагерь на местах боёв — траншеи, блиндажи, а никто ничего не знает, даже взрослые: “Была какая-то Финская зимняя война”. Заинтересовался, сам стал книжки покупать: на завтраки деньги давали, а я в магазин старой книги бежал. Потом старшие товарищи в поисковый отряд пригласили, научили методике поисков погибших, работе с картами и документами. Ну, а когда сам первого солдатика нашего нашёл — всё другим смыслом наполнилось, не только азартным. В 1995 году купил старый “Москвич” и уже сам с отрядом “Безымянный” стал ездить. Вокруг Ладоги по местам боёв, Свирский плацдарм — до Карелии, особенно люблю Лоухи, где есть нетронутые участки, где читается прямо книга сражений. Нашли одно место: вот немецкая разведка спрятала парашюты и банки от консервов под корни, вот наш разведчик их обнаружил, сбросил ремень с подсумком и гранатами, чтоб не гремели. Но был обнаружен, отстреливался на бегу, верером, и был сражён в движении — так и остался лежать скелет... Конечно, таких мест всё меньше, а в Ленинградской области — сплошное коттеджное строительство, прямо на местах боёв, до обследования. С 1 октября должен выйти закон, запрещающий такие действия, и чиновники торопятся, продают, нарезают без согласования.

Словно подтверждение этих слов — сама дорога к месту падения самолёта. Мы заплутали, потому что огромный ельник с вековыми деревьями, к которому и прижималась дорога вдоль бывших финских полей, начисто сведён под огромный дачный посёлок. Просто — гигантские размеры уничтоженного леса, даже мысль преследует: неужели мегаполису не нужны лёгкие? Неужели надо сводить нетронутый лес вместо поиска никчёмных участков? Ну, и дорогу таджики строят с грандиозной техникой, отсыпают песчаную подушку в пробитом тоннеле с корневницами по краям. Весь ландшафт перевернут, и Герман даже малость растерялся: неужели и место падения закатали? Побежал по опушке будущего дачного рая, вышел к речке Муратовке и вдоль неё по рельефу и финским траншеям отыскал нужную укромную тропинку. Осталось, значит, глухое место падения. Я даже не ожидал, что так явственно осталось... Мы промокли насквозь, наломали ноги по изуродованному лесу и просекам, но усталость только на фото осталась. А в душе — всё перевернулось!

Столько лет прошло, а вся трагическая повесть читается на нетронутой местности в заросшей глуши: вытянутое место падения, где до сих пор не растёт выжженный лес, коридор, оставленный падавшей машиной с вываливающимися из пламени моторами — она накрыла страшным огненным тараном позиции врага. Один мотор был разбит прямым попаданием мощного зенитного орудия (фотографировал в музее в Лаанперанте), горел и оплавился, второй, более тяжёлый, ушёл в землю метра на четыре. Ребята-поисковики долго копали, потом лебёдкой поднимали, на “газике” вывозили, наводя мосты через ручьи и колдобины. Теперь этот мотор — в экспозиции Военного музея в Выборге... Явственно пролегли остатки финской траншеи, которую проложили прямо по яме падения, чтобы меньше копать. Ведь это — передовая: всего 300 м не дотянул бомбардировщик до своих в июле 1942 года, а ровно через два года, в июле 1944-го, наши войска начали наступать на эти позиции: до неудачного штурма бомбили, обрабатывали артиллерией, сами финны топтались и воевали над останками лётчиков и машины. И столько всё-таки осталось находок... Испорченный пулемёт брата и три парашютных кольца (даже не соби- рались выбрасываться в плен из подбитой машины), три пары подмётков (у нас почему-то антропологически измерения экипажа не делали, а то бы не было вопросов по принадлежности) и даже финка с наборной ручкой. Ну, и останки — косточки, которые остались в одном сапоге и в складках искорёженного алюминия. Брат был в хвосте, при страшном падении хвост улетел вперёд (“Вон до той ёлки”, — сказал Герман обыденно). А какие чувства я мог испытывать, подойдя по папоротнику к этой ели?..

Я был как-то убеждён, что на самолёт вышел по финским документам, по донесению двух подразделений — зенитной батарее, которая подбила СБ-2 (перевод донесения из Центрального финского архива у меня есть), и того

подразделения на передовой, куда экипаж направил горящую машину. Оказывается, нет, совершенно случайно: “Мы уже заканчивали здесь копать, — говорит Герман, — и вдруг на подходе к траншее, в глухомани, я почти споткнулся о часть кресла пилота — из земли торчала. Начали обследовать, нашли финскую помойку с остатками поделок из алюминия, стали методично прозванивать и поняли: это останки рухнувшего самолёта. Долго и тщательно работали. Есть фото, сколько вещей, косточек и деталей нашли”. Вот такое чудо... Какой путь я совершил в течение жизни! Меня мама привезла в Ленинград ещё до школы. Тогда вообще ей не сообщали, в каком районе погиб старший сын. Она, помню, спустилась по гранитным ступеням к Неве, зачерпнула слегка пахнущую мазутом воду и сказала: “Где-то здесь Коля покойся”. Оказалось, далеко не здесь... Потом, к 20-летию Победы, открыли данные: близ станции Лемболово, где и был возведён памятник героическому экипажу. Маму с батей, старшей сестрой и братом пригласили на открытие, а меня дуболомы — армейские начальники — не пустили из части. Вот как губили истинную патриотическую, а не формальную работу! Ну, и с тех пор езжу в Лемболово, в исчезнувшую Бобровку, пишу о брате, о войне на Карельском перешейке, но давно был уверен: в Финляндии надо искать следы точного места гибели экипажа. Однако русская судьба натолкнула Германа Сакса с поисковиками отряда “Безымянный” на слепое место. Финские документы, усилия Баира Иринчеева из Выборга, помощь финского писателя Карла Геуста только помогали нам установить достоверность и подтвердить гибель именно этого экипажа: по горькой иронии пропали все документы, даже на найденный мотор с номером! 44-й полк отправил бумаги на списание самолётов и моторов, но оформил что-то не так, командование Ленфронта вернуло документы, переделять уже времени не было — полк был отправлен на переформировку, переучивание пилотов на Пе-2. Так что экипаж брата погиб в одном из последних вылетов: может, вообще бомбы оставались и решили бомбить мост без последующего особенного наступления. Что теперь рассуждать и сетовать... Главное, что скорбный круг замкнулся, и 4 ноября предполагается торжественно захоронить останки экипажа Алёшина-Гончарука-Боброва у памятника федерального значения из серого карельского гранита...

Неутомимая Людмила Однобокова — журналистка-подвижница из Всевожска, которая вместе со мной бьётся над возрождением названия деревни Бобровка, — написала мне в ответ на присланные фотографии: “Какая глушь! Не жутковато было? А мы спасли от застройки воинское кладбище в Углово. Теперь готовимся к церемонии захоронения 4 ноября в Лемболово. Там даже соседний пионерский лагерь подключился, о котором Вы всё время говорили: не используют такую возможность... В лагере сменилась директор, новая руководительница лагеря жаждет вносить свой вклад в увековечение памяти экипажа Алёшина. Я всю работу над книгой “Самолёт летел на Смольный”. Новую концепцию уже выработала, дело идёт. В общем, всё хорошо...”

Да, вот как немного разумного надо патриотам: кладбище спасли офицеров-лётчиков, директор соседнего лагеря отдыха поняла, что надо не только развлекать, но и вести воспитательную работу с ребятами, — “всё хорошо”...

Что за страну построили? Какую идеологию навязываем? С чем в трудное завтра пойдём? Но мой брат и в более страшных условиях не сдавался...

* * *

*...Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были.*

Василий Жуковский

*Январские прозрачайшие выси —
И звёзды так близки и небеса,
Что будоражат дух чужие мысли,
Тревожат слух родные голоса.*

*Они идут из бездны мирозданья,
И гулкий воздух проводимей стал,*

*Иначе как дошли воспоминанья
О том, чего я сам не испытал?*

*Мне чудится оброненное слово
В звенящей напряжённно тишине
И стук щитов у поля Куликова,
И на снегу — чадящий танк Орлова,
И брата самолёт в слепом огне.*

*И лампы Достоевского свеченье,
Который даже в мыслях смерть отверг,
Чтоб записать: “Какое ждёт паденье
Всех, кто признал, что смертен человек”...*

*Я вышел в ночь, где снег мерцал лучисто,
Спала земля — основа всех основ,
И небо над отчизной было чисто,
Как помыслы вернейших из сынов.*

*Они страдали, мучились, любили,
Превыше жизни ставя долг и честь.
Так что ж — промолвить благодарно: были?
Нет, свод небес иную шлёт мне весть:
Есть!*

ИСРАЭЛЬ ШАМИР

КАМИКАДЗЕ ИЗ КАЛИФОРНИИ

*Хотите знать, как я страдал, —
спросите у Шекспира.
Он вам расскажет в своём Гамлете...*

Фома Опискин

Слабо пройти по проводам ЛЭП? Обидеть медвежат на глазах медведицы? Отвесить леща десантнику? Bravo. Тогда вам к ОХлам — Отрицателям Холокоста. Они не чтут еврейский Холокост 40-х годов должным образом, считая это всего лишь одной из многих катастроф, которые успело пережить человечество. Они не верят в сакральные шесть миллионов жертв, не верят в газовые камеры и в индустрию геноцида. ОХлы — члены небольшой, но убеждённой секты, которая включает и немецких старушек, и французских историков, и американских активистов. Для евреев они — еретики, а ересь подлежит искоренению, причём, как и во времена инквизиции, светскими судами.

В наши дни можно безопасно отрицать Воскресение Христово, сомневаться в Искуплении Грехов, в Троице. Не страшно даже опровергать мифы основания Израиля. И только догмат Холокоста неприкосновенен, как священная корова. За посягательство на истинность его утверждений можно схлопотать срок. Однако догмы, как сирены, манят пытливые умы.

Недавно в секте ОХлов объявился новый камикадзе — миллионер, айтишник, известный издатель, публикатор, журналист-расследователь, ранее на эту тему никогда не высказывавшийся, — Рон Унз из Калифорнии. После ряда взрывных публикаций — убийство Кеннеди, измена Маккейна, 9/11 — Унз внезапно разразился длинной, в 15 000 слов статьёй о Холокосте и его отрицании, а заодно разместил на своём ресурсе несколько основных статей и книг на ОХ-тему.

Рон Унз пишет, что догмат еврейского Холокоста возник через много лет после окончания Второй мировой и по уходу в иной мир непосредственных свидетелей тех событий — в начале семидесятых; до этого само слово “Холокост” относилось только к варварским бомбардировкам союзниками Дрездена и японской Хиросимы, а о массовой гибели евреев не упоминали ни Черчилль, ни Эйзенхауэр, ни де Голль. Американцы относили эти рассказы к категории разнузданной военной пропаганды, вроде немецких солдат Первой мировой, жаривших бельгийских младенцев на своих штыках. Но затем внезапно Холокост стал установленным историческим фактом. В ответ появилось ОХ.

Первые ОХлы появились во Франции под влиянием уцелевшего в нацистских лагерях коммуниста профессора Поля Рассинье (Paul Rassinier), затем подтянулись немцы, а позже и англичане, и американцы. Это были люди разных убеждений: этнические немцы Ernst Zundel и Ingrid Zundel придерживались

откровенно пронацистских взглядов и считали Холокост поклёпом на нацистов; профессор-француз Robert Faurisson симпатизировал правительству Виши (французское коллаборационистское правительство при немецкой оккупации), но многие другие были левыми, как недавно умерший профессор Serge Thion, которого я знал лично. В своё время, оставив выгодное положение в обществе, профессор целиком посвятил себя ОХ-теме, что, в конечном итоге, вынудило его скрываться от французских шпииков в разных странах. Тем не менее, будучи постоянно “в бегах”, он ухитрялся вести свой ревизионистский сайт.

Maria Roumier – французская и испанская поэтесса-коммунист, мой друг, прожившая около 10 лет на Кубе, – познакомила меня с Roger Garaudy, тоже старым коммунистом, защитником мусульман и арабов. Он пытался сплести христианство с идеями коммунизма, принял ислам и написал книгу, в которой назвал нарратив Холокоста фундаментальным сионистским мифом. Дьедонне Мбала Мбала (Dieudonne M'bala M'bala) – талантливый французский комик – высмеивал Холокост и даже баллотировался в парламент от Национального Фронта Мари Ле Пэн. Это его арестовали за шутку в ФБ о расстреле редакции “Шарли Эбдо” (кстати, весьма пошлого издания), когда во время объявленного в Париже траура он сравнил себя с Шарли Кулибали (объединив название редакции с фамилией террориста, напавшего на магазин кошерных продуктов).

В мейнстримной меди ОХлов обычно клеймят ярлыками “нацистов”, хотя в действительности многие принадлежат левым партиям. Даже меня до кучи записали в ОХлы – лишь за то, что был готов их выслушать, хотя я никогда не отрицал (впрочем, и не подтверждал) масштаб ужасов Холокоста: я, знаете, законопослушный гражданин. К тому же, меня никогда не интересовали факты – только их интерпретация.

Тем не менее, я отрицаю. Отрицаю религиозный “спасительный” привкус в термине Холокост – жертвы всесожжения; отрицаю метафизическую уникальность этого явления; отрицаю этот покойницкий культ и считаю, что все: и евреи, и мусульмане, и христиане – должны, как в своё время праотец Авраам, разбить этого идола. Я отрицаю благотворность этого посттравматического синдрома, выродившегося в увековечивание ужасов войны. “Любите друг друга сейчас, другой жизни не будет”, – как сказал Омар Хайям, и предоставьте мёртвых – мёртвым. Я немало писал против нынешнего болезненного интереса к массовой гибели – будь то еврейский Холокост 40-х, армянская резня 1915-го, украинский голодомор, Катынь, Красные Кхмеры и т. п.

Однако вернёмся к Рону Унзу. Он весьма благоразумно уклонился от обсуждения inferнальных подробностей: размеры печей, подсчёт числа трупов, и т. д. Унз – метарассказчик. Он не пережёвывает реалистические подробности гибели евреев, а исследует метанарратив, то есть обсуждение темы, не вдаваясь в её детали. Не стоит перегружать читателя мрачными подробностями. В конце концов, одни люди других во все века убивали пачками. И будут, скорее всего. Что же с этим делать? Главный вопрос, к которому нас приводит статья Рона Унза, это не “действительно ли 6 млн евреев убили лишь за то, что они родились евреями?”, а “отчего культ Холокоста с его храмами в виде музеев Холокоста, выскочившими, как грибы после дождя, по всему миру от Небраски до Фиджи, стал так популярен?” Ответы на этот последний вопрос имеются, и их несколько.

Итак.

Первый ответ – самый очевидный. На Украине и в России еврейские олигархи пользуются этим громоотводом, когда их обвиняют в воровстве народного достояния. Когда дерибанили медиа-холдинг “Мост” Гусинского, тот сразу заявил об антисемитизме. Правда, на тот момент не помогло. Но ведь идея защиты понятна? Это помогало Бернарду Мэйдоффу, создателю финансовой пирамиды, долгое время богатеть, обворовывая тысячи людей (кончил он пожизненным заключением). Это страхует трёх одиозных евреев Коэна, Пекера и Вейсельберга, подставивших Трампа в деле порноактрисы. Кто их помянет – сразу зачисляется в поделники палачей Освенцима.

Второй ответ – это выгодно Израилю как отмазка для армии. Как заявил Ari Shavit газете Haaretz в 1996 году, когда армия Израиля убила более сотни гражданских беженцев в Кане (Ливан): “Мы можем убивать безнаказанно, так как на нашей стороне музей Холокоста”. Международная Альянс в Память о Холокосте (IHRA) навязывает всему миру своё определение антисемитизма, в котором критика политики Израиля приравнивается к антисемитизму (!).

Так, недавно лидер партии лейбористов в Британии Джереми Корбин был вынужден капитулировать, приняв IHRA определение. Борьба длилась всё лето. Корбин отстаивал своё определение антисемитизма, позволяющее свободную критику правительства Израиля. Ан нет! И МИД Израиля в шоколаде!

Третий ответ – это золотая жила для еврейских организаций, представляющих интересы жертв Холокоста. Миллиарды долларов в качестве компенсации выкачивают из Германии, Швейцарии, Польши, Эстонии и других стран. Львиная доля “барыша” оседает в руках функционеров, и только крохи доходят по прямому адресу – конкретным людям. Этот механизм обогащения наглядно продемонстрирован в книге Нормана Финкельштейна “The holocaust industry”, на которую, кстати, ссылается и Рон Унз.

Эти три очевидных, в некотором роде “детских” ответа не объясняют сложившуюся парадоксальную ситуацию принятия правящими элитами практически ВСЕХ стран Запада X-догмата. Под X-догматом (или догматом Холокоста) я имею в виду почти религиозную канонизацию сведений о Холокосте с вытекающими отсюда негативными последствиями для ОХлов. Как в средние века за неправильное толкование Священного Писания можно было взойти на костёр, так и ныне за вольнодумство в сфере Холокоста можно угодить за решётку. Шутки, песни о Холокосте – наказуемы.

Яркий пример тому – история Alison Chabloz, британской певицы и композитора, написавшей и исполнившей публично несколько шуточных песен о Холокосте и получившей этой весной реальный срок 2 года. В YouTube есть ролики с её песнями, снабжённые предупреждением: опасно для законопослушных! Правда, срок тут же скостили на условный, впаяв 2 месяца общественных работ. Но ей повезло. Другим везёт меньше. Ведущий британский военный историк Дэвид Ирвинг залетел на полтора года в тюрьму и чудом вышел – за то, что он отрицал свою принадлежность к ОХлам.

Итак, наш четвёртый ответ. X-догмат позволяет обесценить мнение большинства, легитимизируя Deep State. Как это работает? Например, так. Все знают, что Гитлер пришёл к власти в результате демократических выборов. Ага! Вот куда мнение приветствовавшего Холокост народа заводит! Любый здравомыслящий человек должен сделать вывод: мнение большинства не следует учитывать в управлении страной, если оно, мнение, не совпадает с мнением Deep State. Занавес. Эта идея взята на вооружение NewYork Times и её клонами в борьбе против Трампа. Кто его выбрал, посмотрите! Они вам и Гитлера выберут, недоумки! В Англии аналогичная оборона Deep State занята в отношении Брексита – глупый народ голосовал, сам не зная, за что. В Нидерландах и Швеции результаты плебисцита переиграли повторными референдумами.

Пятый ответ – это выгодно США как мировому жандарму. Аргумент их таков. Мы, говорят они, выиграли Вторую мировую войну и, по сути, насильно вернули народ Германии на цивилизованный путь развития вопреки его тогдашней воле. Вот видите, получается, нам решать (“А кому? Уж не тебе ли?” – как говорил Шура Балаганов Паниковскому). За вторжением в Сирию, Панаму, Вьетнам, Афганистан, Гренаду просматривается та же логика. Если завтра они вторгнутся в Италию или Венгрию – будьте покойны! – в ход пойдёт всё тот же Освенцим и всё тот же Нюрнберг. Да и Германией до сих пор можно управлять по тем же причинам. Неразумные немцы, вот что вы натворили!

Шестой ответ – поддержание открытых границ и неограниченной миграции. Стоит только, например, Италии приостановить поток беженцев через свои границы, как тут же вспоминают евреев. Ну, как же! Помните, к чему привели закрытые границы? К Холокосту!

Седьмой ответ лежит в другой плоскости. Культ Холокоста допускает множество интерпретаций, по одной из которых он пародирует христианское учение. Искупительная Жертва – это евреи, Голгофа – Освенцим, создание государства Израиль – Новое Воскресение. Таким образом, как Новый Завет отменил Старый, так и Освенцим отменяет Христианство. Врагам Христианства (евреям и неевреям), следовательно, выгоден X-догмат.

Надо сказать, что эксплуатация X-догмата – не единственное достижение еврейской мысли в борьбе с христианской верой. Знакомьтесь: секта Ноахидов. Жрецы этой секты утверждают, что Ною были даны 7 заповедей как подмножество 10 заповедей, соблюдать которые следует всем народам мира (само собой, и евреям). Такой вот усечённый иудаизм для гоев. По задумке авторов, всё население Земли должно обратиться в ноахидов,

кроме, конечно, самих евреев, которые должны юзать полноценный иудаизм. Члены секты благоговейно перед государством Израиль и восхищаются еврейским народом и при этом, что характерно, не имеют права принадлежать к обоим. Верующим ноахидам нельзя даже соблюдать шабат, дабы не путать карты. Сами раввины Хабада считают, что последователи культа Холокоста уже на полпути к членству в секте Ноахидов, ибо те уже разделяют взгляды на превосходство жизни еврея над жизнью гоя.

Таким образом, этим эссе Рон Унз забивает новую “священную корову” американских СМИ. Каждому обществу рано или поздно понадобятся такие Роны Унзы и такие атаки ревизионизма, дабы вырваться из пут догм, которые оно само же перед этим и создало. Да и само наше современное общество – результат предыдущей бойни тогдашних “священных коров”: патриархальная семья, понятия о мужественности и женственности и многое другое – всё претерпело решительные изменения за каких-то 50 лет. А на поле, усеянном костями тех “коров”, расплодилось новые “священные коровы” – гендерные меньшинства, бодишейминг и многое другое. Холокост, без сомнения, на данный момент – самая тучная “корова”.

Для защиты X-догмата, а по сути – культа Холокоста в уголовные законодательства стран, тем более тех, которые напрямую не запрещают деятельность ОХлов, введены статьи о преступлении ненависти – hate crime (пример – всё та же Alison Chabloz). Это современный эвфемизм, под которым можно понимать то, что вам не нравится. В советское время карали за “ненависть к социалистическому строю”. Сейчас – за недостаток почтения к гегемонам капитализма. Но разве хоть в одной из семи вышеприведённых причин проявится ненависть? Разве нужно кого-то ненавидеть, чтобы разоблачить мошенников, поддержать палестинцев, осудить алчных адвокатов, греющих руки на поборках именем мёртвых? Разве нужно непременно испытывать ненависть, чтобы уважать демократию и мнение большинства, потребовать, наконец, вывода оккупационных войск из Германии, остановить массовую миграцию и возлюбить Христа?

Мы приходим к важному и неожиданному выводу: вне зависимости от того, насколько точно современная история Холокоста описывает реальные события гибели евреев во Второй мировой войне, с X-культом следует покончить.

Даже если ОХлы окажутся тотально не правы касательно исторических фактов, их конечный вывод всё равно будет справедлив. 7 ответов этой статьи следовало бы иметь в виду каждому плакальщику о погибших.

Последователи X-культы наивно полагают, что нашли универсальное средство, благодаря которому они, как Фома Опискин, уже никогда не покинут завоеванного привилегированного положения; дескать, если какой-нибудь полковник выставит зарвавшегося Фому за дверь, его немедленно пристыдят: хотите знать, как он страдал? Спросите у Шекспира в его Гамлете. И Фома восторжествует. Нет. Придёт время отправить на бойню и эту X-корову. Рон Унз приходит к выводу: “Скорее всего, стандартный нарратив Холокоста в основном, а то и почти целиком, ложен и может рухнуть в любой день”.

Что же нужно делать? Да ничего или почти ничего. Просто прекратить преследовать ОХлов, и пусть со временем люди сами решат, что они думают или не думают на эту тему. Борьба с культом не обязательно – достаточно убрать его административные и уголовные подпорки. Ведь и Символ веры не рухнул с ликвидацией инквизиции, но он остался предметом поклонения только для тех, кто сам это избрал.

Россия до последнего времени была свободна как от этого культа, так и от преследования ОХлов, и на её гостеприимных просторах находили убежище некоторые гонимые. Оно и естественно – столько русских людей погибло в войну, что идея выделения евреев здесь совершенно не прижилась, несмотря на усилия Аллы Гербер и иже с ней. Но недавно в России, в Перми, прошёл первый процесс над ОХлом – доцентом Пермского университета Романом Юшковым. К чести России, присяжные его оправдали, подтвердив, что у нас можно придерживаться любого мнения об исторических событиях и что спор должно решать историкам без привлечения карательного аппарата.

Статья Унза вышла по-английски тут <http://www.unz.com/runz/american-pravda-holocaust-denial/>

Перевод и обработка – Сергей Кассиров

ВАЛЕРИЙ СДОБНЯКОВ

ИСКРЫ ПОТУХАЮЩИХ КОСТРОВ

Страницы писательского дневника

Нижний Новгород. 7 января 2016 года

Перед тем, как идти к своей бывшей учительнице Татьяне Борисовне Лубяко (она была моим классным руководителем с пятого по восьмой классы), поздравить её с Рождеством Христовым, решил немного прогуляться по Нижнему. Поднялся через Кремль на площадь Минина и Пожарского, оттуда вышел на Ильинку, и только потом – на Малую Ямскую. После затянувшейся простуды – это первый подобный “поход”.

Татьяна Борисовна звонила и приглашала к себе ещё пятого января. В том разговоре впервые обмолвилась, что, мол, могу умереть – и не увидимся...

Но она показалась мне вполне здоровой.

– Да нет, силы совсем оставили. Ёлку пять дней наряжала. А ведь на ней игрушки трёх веков – девятнадцатого, двадцатого и уже двадцать первого.

Лубяко из старого нижегородского рода. Дед её был промышленником, служил у Нобеля, отвечал за склады на Моховых горах – это за Волгой, у города Бор. Татьяна Борисовна показывала мне великолепный, невероятный, богато изданный фотоальбом к юбилею компании Нобеля. Теперь этой реликвии у неё нет – продала из-за безденежья антикварам.

Пробыл у неё около двух часов. Назад шёл по краю пустынного Похвалинского съезда, безлюдному Канавинскому мосту над Окой у Стрелки, и думал – уйдём мы, но в мире, городе ничего не изменится. Всё свершится буднично и совершенно незаметно для окружающих. И в этом тоже непостижимая тайна не только отдельно взятой человеческой жизни, но и всего того, что происходит вокруг нас. Ведь каждый из нас отдельно не мыслит своей жизни без тех, кто окружает нас. Одиночество – самое страшное духовное, общественное наказание. Почему же мы так легко “оставляем позади” тех, кто долгие в этой жизни был рядом с нами?

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович родился в 1957 году в Красноярском крае. С 1962 года живёт в Горьком (ныне Нижний Новгород). Участвовал во Всероссийском совещании молодых писателей, с февраля 1994 года член Союза писателей России. С 2001 года – главный редактор литературно-художественного журнала “Вертикаль. XXI век”. Журнал отмечен премией Нижегородской области имени М. Горького (2004) и всероссийской премией имени Александра Невского (2005), многими другими наградами. В 2012 году избран председателем Нижегородской областной организации Союза писателей России и переизбран в 2017 году. Живёт в Нижнем Новгороде.

15 января

Фестиваль “Святки на Рождественской, 19”. Открываю выставку картин и этюдов Владимира Ерофеева. Народу пришло много. Живопись Владимира мне напомнила поездку на Ветлугу – спокойные, красивые места этой реки.

Позвонила Алина Мазина из журнала “Столица Нижний” с просьбой писать для них “экспертные статьи”, а на самом деле заметки на страничку о литературе. Это дело нужное, и я согласился. Тут же и написал для февральского номера о пятидесятилетии журнала “Вертикаль. XXI век”.

16 января

А. В. Мюрисеп зовёт на свой спектакль “Жаворонок”. Он его поставил со своим курсом совсем недавно. Пошёл с нашим профессором-математиком и замечательным историческим исследователем Анатолием Александровичем Абрашкиным.

В Нижегородском Кремле просто сказочное царство – снег свежий, пушистый, сверкающий. Кусты, деревья сплошь в блёстках бахромы. Всё это переливается под желтовато-густым светом фонарей.

В Учебном театре Нижегородского театрального училища им. Е. Евстигнеева вся публика – приглашённые режиссёром. Кроме нас, артисты театра драмы, доктор медицины и поэт Ярослав Валерьевич Кауров с замдиректора музея Добролюбова, педагоги из консерватории, директор департамента культуры города Лариса Юрьевна Моторина. Ребята играли неплохо, но, как мне показалось, без “огонька”...

Назад шёл один через зимнюю сказку Кремля. Мороз, снег скрипит, и эхо раздаётся между высоких каменных стен. Склон к Ивановской башне превратился в Берендеево царство из “Снегурочки”.

Дома в новостях один теракт сменяет другой – Афганистан, Турция, Индонезия, Африка... И везде смерти, смерти, смерти невинных людей!

Европа всё не может отойти от тех шабашей, которые в ней устроили беженцы в новогоднюю ночь. Больше всего видео из немецкого Кёльна. То, что происходило там в центре города, на Соборной площади, ввело бюргеров в ступор. Только от женщин в полицию поступило более 600 заявлений об ограблении, избиении, изнасиловании. Так Старый Свет расплывается за свои глупости.

В иранских водах сели на мель два американских военных катера. Десятерых вояк арестовали иранские пограничники и потребовали от США извинений, что немедленно и получили. После этого солдат доблестной американской армии отпустили. Всё повторилось в точности так, как несколько лет назад с английскими солдатами (их захватили иранцы, объявив, что они зашли на катерах на территориальные воды Ирана). Вот так с ними следует поступать всегда.

26 января

Давно меня зазывал к себе в офис некто Павел Рябинин – как он сам о себе говорит, казачий полковник (на полном серьёзе в полковничьей форме появляется на всяких патриотических “тусовках”). Конечно, пишет стихи... Владелец трёхэтажного здания в Кожевенном переулке (старая часть Нижнего Новгорода), помещения которого выгодно сдаёт под различные конторы арендаторам. Сегодня пошёл на встречу, чтобы как-то прояснить для себя, что это за человек.

Кабинет “полковника” – на самом верху здания. Раньше там, должно быть, был чердак. Стены с одной стороны увешаны фотографиями предков и родных, планшетами с царскими наградами, холодным оружием (в подавляющем большинстве – муляжи и копии), с другой – камин и шкаф, заставленные всевозможных видов и размеров пасхальными яйцами. Тоже в подавляющем своём количестве ширпотреб.

Из разговора уяснил: у человека хаос в голове. Он и казак, и монархист (будто казаки в первые же дни февральского переворота не предали царя), и убеждён, что в царской России были только свет и благо. Всячески клянёт сегодняшнюю власть в России, но это из-за того, что несёт потери в бизнесе. Всё в его оценках поверхностно, крикливо. Я почему-то уверен, что он точно так же кричал и ниспровергал власть в конце 80-х – начале 90-х годов, ратовал за приход Б. Н. Ельцина. Ушёл от него довольно быстро и с облегчением.

Мне давно противны разговоры “вообще”, на темы “надо что-то делать”. Как только попытаешься таким людям предложить что-то конкретное, пыл их немедленно угасает.

31 января

Таня с маленьким опять улетает в Норвегию. Пробыли у нас месяц, и Саша за это время заметно вырос, окреп. Так тяжело было с ним расставаться. Вновь и вновь задаю себе вопрос: как-то сложится его судьба, что ждёт его впереди. Жаль, что не суждено мне будет увидеть его взрослым.

В аэропорт уехали рано. По всей центральной России оттепель. В том числе и у нас. Синоптики обещают, что плюсовая температура подержится две недели, на десять градусов выше нормы. Но подмороженный асфальт у аэропорта всё равно похрустывает ледком под ногой – гулял по площади, коротая время до отлёта самолёта. В зале ожидания пытался читать “Иосиф и его братья” Томаса Манна (взял книгу с собой), но в голове мешанина из мыслей об улетающем внуке (Ирина поднесла его ко мне, он заулыбался, начал ручкой играть, водить ею по моему лицу) и предстоящем юбилее журнала. По организации юбилея появляется какая-то ясность, понимание, как всё организовать.

В новостях, кроме очередных чудовищных терактов, ничего нет (в Сирии от них сегодня погибло более 60 человек), а это происходит практически каждый день, ведь ислам (сектантский) объявил войну всему миру. Есть одна особенная новость с юга Европы. Сфотографировано на чистом небе необычное кроваво-красное облако в виде... кулака. Его назвали рукою Бога. Вроде бы объясняют всё преломлением солнечного света, природным явлением.

5 февраля

Объявлена новость (одновременно РПЦ и Ватиканом) о предстоящей встрече патриарха Кирилла и Папы Римского Франциска. О первой встрече за всю историю, за все 960 лет со времени разделения Церквей. Произойдёт она в аэропорту Гаваны на Кубе (это после двадцати-то лет подготовки – так утверждает митрополит Илларион, занимающийся международными связями в Патриархии), в месте пересечения путей двух глав Церквей: Папа летит в Мексику, Патриарх – в Латинскую Америку.

Это известие напомнило мне времена горбачёвщины, отвратительный период предательства, начала разрушения страны в нашей новейшей истории!

Благовидный предлог встречи Патриарха и Папы – гонение на христиан в Сирии (будто это первое гонение за девять с лишним веков!). Но ведь есть такое же гонение (моральное) на христиан и в Европе. Есть там же, да и во всём католическом мире, поругание нравственных христианских ценностей (браки между извращенцами, извращённое сексуальное воспитание детей, гей-парады и тому подобное). Почему же Ватикан не выступает (во всяком случае, открыто) против всего этого?..

И вот в этой ситуации наш Патриарх (непонятно для чего, с какой целью) летит на эту встречу. Что она может дать русскому Православию? Опять, ничего для себя не получая, мы идём по пути поддержания авторитета западной Церкви. Ну, да это, может быть, не самое страшное. Страшнее тот раскол, к которому эта встреча может привести в Русской Православной церкви. К неспокойствию в ней, возмущению.

Только Россия начала обретать себя, входить в силу, успокаиваться, как Запад наносит удар сначала войнами и санкциями (пока это им не помогает), а теперь и в самое главное, скрепляющее всё государство место. В религию. И тут последствия могут быть необратимыми.

Но раз всё в нашей жизни происходит по Промыслу, то значит, и в этом поступке Кирилла есть какой-то неведомый нам смысл. Будем ожидать результата.

В Сирию перебросили новейшие самолёты Су-35. Для устрашения НАТО или чтобы испытать их в реальных фронтовых условиях, военных действиях?

19 февраля

Вечер, посвящённый пятнадцатилетию “Вертикали. XXI век”. Зал в усадьбе Рукавишниковых полон. Публика достойная. Пришли те, кого мне, большей частью, и хотелось видеть. Вёл торжество сам. А. В. Мюрисеп прочитал

“Пророка” А. С. Пушкина. Блестящее слово о журнале произнёс Анатолий Абрашкин — не затянута, умно, отметив главное, значимое. Анатолий Александрович проникся духом и философией журнала. В то же время в его тексте (он прочитал выступление “по бумаге”) явно преобладал аналитический, системный подход.

Выступление Абрашкина задавало тон (а я на это и рассчитывал) всем последующим: министру культуры Сергею Александровичу Горину, начальнику департамента культуры города Ларисе Юрьевне Моториной, главному редактору “Русской народной линии” Анатолию Дмитриевичу Степанову, заслуженному художнику РФ Киму Ивановичу Шихову, народному артисту РСФСР Валерию Васильевичу Никитину и далее, далее, далее — всё мои друзья-товарищи, с которыми многие годы уже вместе. Несколько не в унисон была речь о. Владимира Чугунова, но отец Владимир говорил явно не столько для публики, сколько для видеосюжета, чтобы выставить это выступление на своём сайте.

Хорошо прочитал стихи Валерий Васильевич Никитин, исполнил песню под гитару Владимир Иванович Заного. Двухчасовое общение получилось душевным, искренним, без пустых славословий и себялюбивых выпячиваний. Хотя я быстро “заскучал” (минут через двадцать после начала), и пришлось поддерживать себя в тонусе каким-то внутренним резервом. Это заметила и Ирина (из зала), что я был скучноват. Александр Васильевич, напротив, уверил, что всё было хорошо, динамично, для всех авторов журнала нашлись добрые слова.

Жаль, что торжество проигнорировала местная пресса. Но я к этому, в общем-то, привык, и потому чувства обиды не испытываю. Видимо, настоящая русская литература и должна жить не крикливо, сосредоточенно, но с внутренним духовным напором, который внешне не осязаем, но влияние которого чувствуют в равной степени все — и доброжелатели, сочувствующие нам, и недруги.

Милый подарок преподнесла Алла Марковна Лебедева — директор музея М. Горького. Это фотографии 1990 года. Уже другая, мало знакомая мне “Волочка” — литобъединение, в которое я ходил и которое вёл писатель Валентин Арсеньевич Николаев (видимо, отмечали десятилетие литобъединения) во дворе музея. Так и хочется воскликнуть: “Как молоды мы были!”

Москва. 21 февраля

На юбилейный вечер Владимира Григорьевича Бондаренко в ЦДЛ (70 лет) поехали с отцом Владимиром Чугуновым. Я, как всегда, дополнительно загрузился книгами и журналами — для Книжной палаты, Ленинки, в приёмную комиссию Союза писателей России, для авторов. Всё оставил у Офитова. Николаю Викторовичу (добрая душа, ответственный человек) придётся всё это разнести по назначению.

Большой зал Центрального дома литераторов полон сверх меры. Заполнены оба прохода вдоль стен, люди толпятся у раскрытых дверей в холлы. В зале на спинке каждого кресла свежий № 2 (232) газеты “День литературы”, где на второй странице мой материал о юбилее “Вертикали. XXI век” — “Пятнадцать лет по “Вертикали”.

Выступают: Эдуард Лимонов (прочитал какое-то пошленькое стихотворение не по теме и не к месту); Александр Проханов (хорошо и искренне говорил о молодости и дружбе, о пережитом вместе в 1993 году и так далее); Геннадий Зюганов (трибун!); Владимир Личутин; Станислав Куняев (прочитал стихотворение, посвящённое Бондаренко, опубликованное к юбилею в “Завтра” и “Дне литературы”); Сергей Бабурин (отставной политик — никак ему не удаётся вернуться в тусовку, а ведь как всё для него начиналось в начале 90-х!..), Егор Холмогоров (говорящий правильно, но уж очень многословно) и так далее.

Совсем не пришли заявленные в афише литераторы “демократического” крыла Валентин Курбатов, Юрий Поляков, Алексей Варламов, советник президента Владимир Толстой.

Владимир Бондаренко много раз заявлял о желании объединить писателей всех направлений на страницах своей газеты. И что-то у него в этом смысле получалось. Но выступить на вечере — это нечто иное. Потому — никого. Да и из “патриотического” крыла пришли только самые близкие и немногие. Никого не было и от Союза писателей России.

Когда выступили основные гости, я предложил Офитову и Чугунову выйти из зала. На лестнице “обогнали” Александра Проханова. Грузный, уставший, он с трудом, при помощи сопровождавшей его дамы из редакции “Завтра” спустился со ступеньки на ступеньку. И в таком состоянии Александр Андреевич ещё каждый год выдаёт романы, пишет огромное количество текстов для газеты, совершает множество поездок, проводит встречи, беседы (расшифровки интервью тоже почти в каждом номере), выступает в телевизионных дебатах!..

Уже одевшись, в гардеробе увидел Зюганова. Подошёл к Геннадию Андреевичу, представился и поблагодарил за поздравление “Вертикали. XXI век” с 15-летием.

— Да, да, знаю о вашем журнале, — и тут же дал мне свои координаты для связи.

Подарил ему № 47 “Вертикали. XXI век”. Потом уж окончательно попрощались, выходя из ЦДЛ.

22 февраля

До поезда много свободного времени. Отправляясь в дорогу, мы совершенно забыли, что попадаем на праздники. Потому никуда по делам съездить не пришлось. Дозвонился до Казинцева. Говорили довольно долго (Александр Иванович собеседник — заслушаешься. И умён, и открыто доброжелателен). На моё предложение продолжить беседы — полное согласие. Даже следующую тему несколько наметили — деятельность в поступках и имитация деятельности. В третьем номере “Нашего современника” поздравит “Вертикаль. XXI век” с пятнадцатилетием.

После обеда с о. Владимиром Чугуновым до отхода поезда побывали в гостях у профессора Литературного института Владимира Павловича Смирнова. Его супруга (милый, располагающий к себе человек) приготовила замечательное застолье. Всё было обильно, вкусно. Разговор шёл в основном между двумя Владимиром, и меня это полностью устраивало. Я больше разглядывал стеллажи с книгами — две стены (большие) от пола и до потолка уставлены томами.

Обсуждение тем у нас продолжалось в поезде — все четыре часа до Нижнего.

Нижний Новгород. 26 февраля

Выставочный зал Художественного училища. Живопись Марии Занюги — яркая, выразительная, энергичная, реалистичная. Владимир Иванович чувствует себя празднично — радость отца за успехи дочери.

После небольшого застолья мы с Ириной вновь пошли посмотреть картины — спокойно, без суеты. Туда и Маша пришла. Вновь ей сказал (совершенно искренне) о радости смотреть на её полотна.

В передаче по ТВ услышал, что после переворота в 1991 году в течение последующего года 1746 человек покончили жизнь самоубийством (ответственные работники, как-то связанные с финансами КПСС) подобно главному финансисту партии, управляющему делами ЦК КПСС Николаю Ефимовичу Кручине (выбросился из окна). Если его не выбросили...

9 марта

В Союз писателей (уже довольно поздно вечером — случайно меня застала) пришла писательница из Херсона. Я уже собирался уходить, но остался, разговорились об обстановке на Украине. Ирина Сергеевна Цветкова — прозаик, пишет романы, хотя есть и сборник стихов. Невысокого роста, худощавая женщина лет пятидесяти-шестидесяти. В Нижний приехала к дочери и внуку (1,5 года). Дочь попала в наш город по программе обучения русских из стран СНГ в вузах России — поступление без экзаменов и бесплатно. Теперь вышла замуж.

Писательница Цветкова по мировоззрению человек русского мира — не отвергает советского периода, уважительно высказывается о И. В. Сталине, не приемлет украинского национализма. Говорит спокойно, рассудительно, взвешенно.

— Мы несколько обижены на Россию. Ожидали, что с нами поступят, как с Крымом, присоединят... Сейчас на Украине в Союз писателей принимают только тех, кто пишет на мове. Но качество украинской литературы крайне

низкое. Думаю, это оттого, что нет традиции, нет основы, на которой бы эта литература поднялась... На ТВ, в эфире — одна точка зрения. И она отупляет тех, кто не хочет думать. Но мне кажется, что многие затаились. Они не поддерживают националистов, однако боятся высказывать свои взгляды вслух.

Предложил Ирине Сергеевне написать о своих наблюдениях для “Вертикали. XXI век” (дал ей 47-й номер почитать). Вряд ли напишет, но вдруг. Было бы любопытно.

Захотела предложить свой роман журналу. Действие сюжета как-то связано с городом Горьким, с нашим институтом иностранных языков, с переводчиками (девушками), отправившимися на фронт.

16 марта

Заседание расширенной Коллегии областного Министерства культуры в усадьбе Рукавишниковых. Пока шли выступления — вычитывал рукопись о. Евгения Юшкова (новые страницы из “Последней тетради”). И сделал из неё две выписки для себя: **“Благодать Божия не даётся не имеющим доброго усердия, и человеческое естество не может преуспевать в добродетели без помощи свыше”**. **“Смотри, не разори дома своего, желая построить дом ближнего”**. В тексте сказано, что последнее высказывание взято из книги преподобного Симеона Нового Богослова.

Уже прощаясь внизу у гардероба, увиделись с народным артистом РСФСР Георгием Демуровым. Сказал ему с искренним сожалением:

— Как жаль, что теперь вы так редко выходите на сцену.

— Что делать, что делать, — делано засмеявшись, ответил тот, и тут же глаза “потухли”, погрустнели...

17 марта

Приехали Важнёв и Шихов. Устроили застолье (пока Михаил Рубцов с Татьяной Антиповой в моём кабинете набирали текст “Хода особого назначения” — очерк Михаила). Ким Иванович попросил использовать текст моего с ним интервью для подготовки биографического очерка в какую-то книгу. И рассказал, что мой портрет подарил в Москве в Международную академию культуры и искусства. Всё, пропала работа.

В Кремле В. В. Путин вручал награды лётчикам, вернувшимся из Сирии. В своём выступлении развеял все сомнения: “Обе базы (воздушная и морская) там остаются. Затраты на военную акцию взяты из статьи бюджета Минобороны на проведение учений. Была испытана в боевых условиях новейшая военная техника, специалисты получили навыки действий на войне. Сейчас выводится только излишняя боевая техника. Если будет надо, то в течение пяти часов мы её туда вернём. Для защиты наших баз в Сирии остаются новейшие комплексы ПВО. США и все другие об этом предупреждены. И если будет какая-то угроза нашим войскам, то любые цели будут немедленно уничтожаться. Любые!”

В комментариях наших политиков — откровенное ликование. В прочем мире — растерянность. Опять президент России сделал шаг, которого от него никто не ожидал. И как к этому относиться? Даже приглашённые на российские передачи американцы бормочут что-то невнятное. Знай наших!

22 марта

Бельгия. Брюссель. Три взрыва: два — в аэропорту, один — в метро, в центре города. 34 человека убито, более 230 ранено. Столица Евросоюза в панике — не работает общественный транспорт, жителей попросили не выходить из домов, не работают школы, университет, госучреждения, заводы, театры... Из Брюсселя срочно эвакуировали бельгийского короля с королевой. Могерини, еврокомиссар по международным делам Евросоюза, на пресс-конференции разрыдалась.

Да, это не двести погибших русских в подорванном самолёте (на которых ещё и шаржи рисовали в европейских журналчиках) — это пролилась “голубая кровь”.

23 марта

В драмтеатре поставили “Волки и овцы” А. Н. Островского (режиссёр — дама из столицы) — бездарный, скучный и невероятно длинный спектакль.

Актёры на сцене хохочут, а в зале гробовая тишина. Может быть, единственные образы, которые получились, это Чугунов (Анатолий Фирсов) и Мурзавецкая (Маргарита Алашеева) – это её бенефис.

Я был уверен, что Беркутова сыграет Сергей Блохин (это уже какой-то штамп в нашем театре). Но нет, вышел Сергей Кабайло. И совершенно в роль не попал. Уж лучше бы пошли по проторённой дороге.

Обменялись впечатлением с В. В. Никитиным и А. В. Мюрисепом:

– Ничего понять не могу, что они играют, – возмутился Валерий Васильевич.

24 марта

В Институте водного транспорта провели вечер в честь 90-летия Владимира Васильевича Половинкина. Издали к этому сроку (распечатали на принтере) убогую брошюру воспоминаний “Волгарь, человек нашенький!” (там есть и мой текст – “Жизнь прожить от истока до устья”). Пригласили человек пятнадцать стариков, да В. Н. Чих “пригнал” свою группу студентов (человек двадцать), чтобы посидели вместо занятий, – вот и вся аудитория. Господи, как всё это удручающе самодеятельно! Я сидел среди студентов (среди зрителей), слушал выступающих и пытался хоть что-то для себя любопытное отыскать. Вот эпизод с заседания парткома (партийного комитета института). Половинкин был его председателем (а рассказывает теперь его бывший заместитель). “Вдруг входит технический секретарь и просит взять телефонную трубку. Половинкин берёт, слушает... и вдруг встаёт, разговаривает стоя. Оказывается, это позвонил первый секретарь Горьковского обкома КПСС, чтобы сообщить: стихи Владимира Васильевича победили в конкурсе и будут высечены в мраморе у вечного огня в нашем Кремле”.

Старичок, с которым Половинкин готовил книги памяти, утверждал, что в конце жизни Владимир Васильевич “стал очень верующим”. На эти слова Анатолий Абрашкин, с которым встретились в Союзе писателей, и я ему поведал о превращении убеждённого атеиста в верующего православного человека, мне ответил, что сын Половинкина стал набожным, со второй своей женой ходит читать акафисты в церкви. Не в этом ли кроется изменение отношения Владимира Васильевича к религии?

Константин Душенов в передаче “Слово дня” Ивана Вишневского на сайте “День ТВ” сказал: “В США, по данным соцопроса одного из известных агентств, только 48% (в стране) девочек и мальчиков от 13 до 20 лет придерживаются традиционной сексуальной ориентации”.

25 марта

На этот раз День работников культуры в администрации города отметили более чем скромно: никакого банкета, ни дежурного пакета с коробкой конфет и бутылкой шампанского – экономят. Городской бюджет трещит по швам – одни долги, тут не до шампанского. Впрочем, об экономии на зарплате чиновников я ничего не слышал.

Но была в торжестве и некая оригинальность – награждаемых грамотами встречал и провожал “Чарли Чаплин”, безмолвно гримасничал (порою удачно, смешно), оживляя, в общем-то, казённую процедуру.

Одно вызвало недоумение – 2016 год в России объявлен Годом кино (отсюда и Чарли), но и песни из фильмов пели на французском и английском, да и главный, развлекающий публику персонаж не имеет отношения к истории отечественного кинематографа. Так и думается, глядя на всё это: уж куда нам со свиным рылом да в калашный ряд! Самоунижение (подготавливающего всё это чиновничества) на грани безрассудства.

26 марта

Вот произошёл теракт в Багдаде – во время проведения футбольного матча экстремист взорвал бомбу. Убито более 30 человек. И что? Никаких стенаний, переживаний, скорби, визга в Европе. И правда, чего переживать за погибших “мух”. Ведь только жизни западноевропейцев имеют ценность. Эгоизм, возведённый в догму, в религию, в божество. И видеть, понимать это – невыносимо раздражительно. Может быть, эгоизм и является самым страшным пороком в человеке, а всё остальное – это только составляющие части главного зла?

28 марта

В театре драмы торжество в честь Дня работников культуры и Дня театра. Ведёт Сергей Блохин. Кукольники устроили сюрприз — сделали соведущим уморительного Коленьку-куклу. Замечательный концерт показал Нижегородский русский народный оркестр с вокалистами.

Солнечно, снег тает. Миша Рубцов попросил послушать завершение своего очерка — недавно написал. Пошли к Кремлю, встали на солнышке у Коромысловой башни с подветренной стороны. В тексте примеры неблагоприятных, предательских поступков наших священников. Умалчивать о них? Не знаю. Посоветовал убрать эти примеры “в глубину” общего текста.

В Министерстве информационных технологий — заседание рабочей группы Издательского совета Нижегородской области. Мне удалось предложить кандидатуру о. Владимира Чугунова в состав Издательского совета.

Новосёлки, Вачский район Нижегородской области. 30 марта

Выехали из города целой делегацией на пассажирской “Газели”. В новом Доме культуры села Новосёлки провели встречу в честь 90-летия Половинкина. Я говорил сразу за министром Гориным, и вроде бы всё по делу — о целено прожитой жизни Владимира Васильевича, о том, что за порядочные поступки и почёт воздаётся ему полной мерой — вот и доска мемориальная на доме, где жил поэт, и Дом культуры носит его имя. Ещё вспомнил, как ему предлагали высокую должность в институте, но Половинкин отказался — это помешало бы ему по-настоящему и ответственно заниматься литературой. А он понимал, насколько ответственно служение этому делу. Не в пример сегодняшнему отношению, когда писание текстов воспринимается как хобби.

Вообще, это одна из лучших встреч, что видел я в нашей провинции. И номера сельской детской самодеятельности порадовали, и Половинкина вспоминали просто и по-доброму.

Когда возвращались в Нижний, то на одном белом, заснеженном поле увидели огромную стаю чаек. Под солнцем (уже закатным) на белом снегу — белые птицы. Красивейшее зрелище. Но стаю эту тревожили, разгоняли три чёрных вороны. Чайки неохотно невысоко взлетали, опять невдалеке садились на снег. А вороны всё металась чёрными кляксами на голубом фоне неба, старались на лету ударить клювом чаек. И ведь на протяжении ста километров только в одном месте эти птицы собрались. Почему?

Третий день на Оке ледоход. Позавчера увидел, как первый лёд тронулся — от поля между Канавинским и Метромостом откололась половина, и большие белые куски, толкаясь, топя друг друга, притираясь боками, устремились к Волге, стараясь протиснуться между опорами моста. А теперь уже и вода поднялась, и лёд по ней идёт напористо. Крошево поприбило к берегам, особенно к острову Гребнёвских песков, выдавило на берега. Но основная масса стремительно движется к Волге. На серой воде — сахарно-белые льдины.

Утром художник Александр Фёдорович Важнёв прислал на телефон сообщение — скворцы прилетели.

Нижний Новгород. 31 марта

Горячий спор с Рубцовым на тему о “покаянии русского народа за гибель царя”. И больше всего меня раздражало, что на все сомнения и вопросы Михаил заученно отвечал цитатами из святоотеческой литературы. И ни одной своей свободной мысли, ни одного собственного размышления. А ведь подумать есть о чём. Например, **пока мы не поймём, в чём каяться, никакого искреннего покаяния достичь невозможно.**

Подобные проповедники нам кликушески талдычат: “За то, что допустили казнь царской семьи большевиками-инородцами”. Здесь кроется главное заблуждение. Приход большевиков был подготовлен двадцатилетней русской смутой — когда убивали людей из власти, помещиков, жгли и разоряли их усадьбы. А в ответ карательные экспедиции расстреливали крестьян и рабочих. Когда вся наша интеллигенция была пропитана духом нигилизма. Всё это и привело к февральскому (демократическому) перевороту, а уж потом к октябрьскому (большевицкому) в 1917 году. И выходит, что гибель царской семьи — это лишь закономерный итог, а начало духовной болезни кроется в ином.

Да, канонизированы страстотерпцы. Но ведь перед этим Николай II отрёкся от престола ради спасения собственной семьи и тем самым обрёк на

страдания миллионы других русских семей. Обрёл страну на кровопролитие гражданской войны. Не мог навести порядок? Но ведь большевики навели его “железной рукой” в течение нескольких лет. Да – безбожно, жестоко, но навели. Так ведь это после того, когда вся страна была разрушена. Государь же, наверно, мог это сделать как-то иначе, имея талант и мужество руководить государственным аппаратом с его полицией, жандармерией, армией, казаками. Но такого таланта у него, видимо, не нашлось.

Так можем ли мы выбросить все эти вопросы из своего сознания, будто их и не существует, чтобы бездумно, автоматически каяться? Да и будет ли от такого покаяния толк, изменится ли что-то в наших душах от него?

Говорил я всё это Михаилу несдержанно, излишне горячо, о чём, конечно же, сожалею. Да только ведь куда денешься от действительности – сколько лет он проводит чуть ли не еженедельные молебны у Покаянного Царского Креста, а приходит к ним горсточка (человек 5–10) старушек маргинального вида – и всё. И не потому, что другие черствы душой или глупы. Нет! Не идут, потому что не объяснено, в чём каяться, в чём лично каждого из нас вина в произошедшей почти сто лет назад трагедии в Екатеринбурге. Бесконечные же цитаты, что мы слышим от “проповедников” и “подвижников”, лишь раздражают своей каменной нежизнеспособностью.

2 апреля

Премьера новой музыки (в основном, нижегородских композиторов) в Большом зале консерватории. Пригласил Евгений Анатольевич Андрианов. Он исполнял рапсодию для скрипки соло Бориса Сазонова. Я уже слышал это произведение у нас в Союзе писателей, а вот вся остальная программа оказалась в новинку: музыка Татьяны Татариновой, Дениса Присяжнюка, Анастасии Шестериковой, Бориса Гецелева, Марка Булошникова. Почти всё – “авангардно”, сконструировано, не мелодично. Тут бы выделил только Дмитрия Лукьяненко с его “уединённостью” для двух скрипок, альтового саксофона и уличных шумов. (Во время исполнения демонстрировался видеоряд лондонских улиц, в котором участвовал и автор – саксофонист). Тоже, конечно, претенциозно... Но и оригинально.

Ну, да это ладно. Главное, я почувствовал во время концерта, как эмоциональная усталость, раздражительная тяжесть от встреч, поездок, споров потихоньку начала оставлять меня. Давно я не ощущал такого освобождения от душевных тягот.

В новостях: начались кровопролитные столкновения между Азербайджаном и Нагорным Карабахом. Армяне даже сбили один вертолёт.

3 апреля

Ещё в консерватории Абрашкин отдал мне “Литературную Россию” № 12 со статьёй некоего Александра Байгушева “Гришка Отрепьев нашего времени”. Статья огромная, но в конце её стоит: “продолжение следует”. Давно я не читал ничего более хамского, да и глупого. А тут ещё автор называет себя одним из лидеров (в прошлом) “Русской партии”! **Ну, если такие мракобесы возглавляли в советское время скрытую в недрах КПСС “русскую партию”, то стоит ли удивляться тому, что в итоге империя развалилась, нанеся русскому народу непоправимый урон – десятки миллионов вымерли, остались за границей недогражданами. Был нанесён колоссальный урон промышленности, сельскому хозяйству, культуре.**

Конечно, не со всеми высказываниями каждого из нас можно соглашаться. Но не до такой же степени, чтобы в ответ разражаться площадной бранью. Да и опускаться до прямой лжи. И уж тут вопрос коснулся лично меня. Автор упоминает нашу с Александром Казинцевым беседу “Патриотизм – это не СОБЕС” в “Завтра”, и по этому поводу утверждает, что Казинцев “взял покладистого Проханова за горло, и тот оперативно напечатал интервью Казинцева с самим собой... “Собственно, именно саморазоблачительный стриптиз... и побудил меня всё-таки взяться за перо”.

Иными словами, **подобные патриоты нам уже и думать самостоятельного запрещают. Дай им волю – только бы вешали инакомыслящих и, в первую очередь, русских думающих и сострадательных людей.**

8 апреля

Вот и прилетели утки! Последние дни всё вглядывался, проходя через Канавинский мост над Окой, в береговые заросли острова — не появятся ли, не воротились ли домой. И вот — парочка (серка и селезень) любовно плавают, перелетает, играя, с берега на берег. А река тиха, приветлива. Вода будто выглажена, и круги от забав влюблённых птиц радостно расходятся долгими волнами. Шли с Ириной, и оба обрадовались этим первым прилетевшим птицам, как родным.

27 апреля

Станислав Александрович Смирнов в Центральной городской библиотеке устроил представление вновь изданной книги “Политические репрессии в Нижегородской области. 1917–1953”. Попросил быть и меня. Я в своём выступлении предложил присутствующим быть более объективными и менее эмоциональными в обсуждении этого очень непростого периода в нашей истории. Но, конечно, никто не внял моей просьбе. Собрались в основном люди пожилые, подозреваю, бывшие комсомольские и партийные активисты, и устроили перестроечный антисталинский и антисоветский митинг. Доводы сплошь времён “Огонька” Коротича. Как и во всех подобных встречах, раздавались требования, чтобы эта книга была в каждой школе (напечатать её, как я понимаю, должно за свой счёт то самое, так ненавидимое ими государство), что молодёжи нужно рассказывать о преступлениях советского периода.

Профессор, доктор исторических наук В. М. Строецкий так распалился в крике, что не заметил абсурдности своего последнего требования: нужно всё сделать, чтобы имена В. И. Ленина и И. В. Сталина были стёрты из человеческой памяти.

Пришлось спросить: так вы за то, чтобы о “преступлениях советской власти” рассказывать молодёжи, или за “стирание памяти”? Подозреваю, что этот профессор ранее преподавал научный коммунизм или историю КПСС. И был столь же строг к студентам в знании ими основ марксизма-ленинизма. Всё ещё не нареволюционировались. И пример Украины (да и наш двадцатипятилетний) им не впрок.

Впрочем, я задал вопрос: “А расстрел парламента в 1993 году — это политические репрессии?” В ответ зал взревел. Это, конечно же, по их мнению, политическая необходимость.

Придя домой, выписал для себя цитату из статьи Н. М. Коняева “Особенности либерального террора в России”:

“Разумеется, нельзя забывать о просчётах И. В. Сталина: об антинародной коллективизации, о жестоких репрессиях 30-х годов, об ошибках, совершённых в ходе Великой Отечественной войны...”

Но предъявляя Сталину эти претензии, надо всё-таки разделять его личные, частные ошибки, и те системные преступления власти, которую Сталин и пытался изменить и которую он изменил, вырубив созданную Лениным и Троцким — выражение Г. Пятакова! — “чудо-партию”.

Поэтому, когда мы говорим об уродливо проведённой коллективизации, о миллионах раскулаченных, не будем забывать, что И. В. Сталин был, может быть, единственным советским руководителем, который сумел — вспомните его статью “Головокружение от успехов”! — всё-таки остановить расправу над русскими крестьянами. Уместно упомянуть тут, что из восьми руководителей, возглавлявших преступную коллективизацию непосредственно на местах, семеро (Станислав Косиор, Шая Голощёкин, Роберт Эйхе, Борис Шейблдаев, Мендл Хатаевич, Юозас Варейкис, Карл Бауман) вскоре были расстреляны.

Либеральные историки склонны видеть в статье... и в расстреле... лишь проявление сталинского лицемерия, его особого коварства. Это, разумеется, не так...

Это же касается и репрессий, в которых обвиняют И. В. Сталина. Да, жертвы, понесённые русским народом в ходе чисток 30-х годов, весьма тяжёлы. И хотя многие жертвы лежат на совести связанных с Троцким и Зиновьевым чекистов (пытаясь остановить затеянную Сталиным чистку, они сознательно арестовывали и уничтожали совершенно невинных людей), и хотя Сталин и сумел привлечь к ответственности этих выродков, всё равно это не снимает с него вины, как с непосредственного руководителя нашей страны.

Но, упрекая Сталина за 37-й год, не будем забывать и того, что если бы в ходе этих чисток Сталину не удалось уничтожить всех этих троцких, зинovieвых, бухариных, каменевых и иже с ними, то не было бы сейчас ни России, ни Православия, и вся наша страна с её народами и природными богатствами была бы израсходована в интересах международного Интернационала... Постепенно начинаем мы понимать, что наши либералы так пламенно ненавидят Сталина не за то, что при нём было уничтожено много русских людей. Они ненавидят Сталина за то, что он уничтожил систему уничтожения русского народа, которая была создана Лениным и Троцким со товарищи”.

Как всегда, “после драки” хочется помахать кулаками. Подумал: надо бы этот отрывок прочитать учёным мужам... Да ведь всё равно ни с чем бы не согласились.

28 апреля

С космодрома Восточный в Амурской области стартовала первая ракета. Всё должно было произойти вчера, но автоматика за полторы минуты до старта остановила запуск. И вот – свершилось. Но произошедший вчерашний сбой В. В. Путин не простил. После того, как спутники доставили на орбиту, он объявил выговор вице-премьеру Дмитрию Рогозину, строгий выговор главе “Роскосмоса” и предупреждение о не полном соответствии директору предприятия, чьи детали автоматика “забраковала”.

Вчера умер Валентин Зорин, сегодня Игорь Фесуненко (с ним я встречался на заседании Клуба Н. И. Рыжкова) – политические обозреватели Центрального телевидения СССР, чьими глазами мы видели (в нашей молодости) и через чьи комментарии воспринимали весь остальной (не советский) мир.

Пришёл Алексей Маркович Коломиец. Его геологические идеи продолжают быть востребованными. Представитель президента в Приволжском федеральном округе М. В. Бабич приглашал, выслушивал (думаю, всё хотят нефть найти в наших краях). Но мы говорили о другом – о прожитом. О разбитых и склеенных “горшках” дружбы. А склеенное, как известно, непрочно. И тут я признался, что только благодаря мудрости Коломийца наша дружба не распалась. Хотя несколько раз мы стояли “на краю”, но Алексей Маркович всегда по собственной инициативе исправлял ситуацию.

– Это всё неважно. Главное, знайте: я всегда ваш, – закончил беседу Алексей Маркович.

29 апреля

В областной библиотеке о своём деде Вячеславе Михайловиче Молотове рассказывает депутат Государственной Думы Вячеслав Никонов. Вернее – о нижегородском периоде жизни будущего государственного деятеля.

Надо сказать, что и в телевизионных дебатах Вячеслав Алексеевич говорит всегда точно, аргументированно, убеждённо и спокойно. Вот и на этот раз он сразу сориентировался (было много студентов первых курсов – устроители, похоже, побоялись, что зал будет пуст), как бы упрощённо-доходчиво построил своё выступление.

В завершение предложил желающим взять распечатки своего выступления (стопки лежали на столе президиума) и подарил библиотеке брошюру, которая под редакцией Молотова вышла в Нижнем Новгороде (кажется, обобщение опыта проведения субботников) и была подписана Вячеславом Михайловичем В. И. Ленину, но по каким-то причинам вождю так и не была вручена, осталась в домашней библиотеке.

По завершении я представился депутату. Пожали друг другу руки. Попросил Никонова найти время для беседы. Он согласился, но тут меня перехватила его помощница (Татьяна Борисовна) и оттеснила от шефа, которого ждала толпа телевизионщиков для пресс-конференции.

У меня в редакции лежит статья о том же историческом периоде в Нижегородской губернии, когда ею руководил Молотов, связанном с репрессиями духовенства и крестьян. Только факты, протоколы, донесения правоохранительных органов (всё из областного архива). И статья Никонова, и статья Смирнова правдивы. Ни того, ни другого не упрекнёшь в неискренности, лжи. Но как кардинально противоположны могут быть оценки одно и того же исторического периода, когда на них смотрят “с земли” и “с небес власти”!

1 мая. Пасха Господня

На службу ходили с Ириной в наш Староярмарочный собор.

Вечером по обещанию пошёл к Лубяко. Татьяна Борисовна вчера звонила, жаловалась на здоровье, просила прийти. Два часа слушал монолог, невольно думая о быстротечности времени. Её любимый дядя служил во время Великой Отечественной войны “при лошадях”. Потому он всегда и говорил: “Меня лошади спасли”. В чём спасение? Я сразу не догадался. И только потом до меня дошло: лошадиная тяга была главной у артиллеристов. Потому коней берегли, их обслуживала специальная команда конюхов – людей, умеющих обращаться с этими животными (кормить, поить, обихаживать, лечить). Лошади подвозили орудия на позиции, и их отгоняли в безопасное место – подальше от возможных взрывов вражеских снарядов. С ними уходили и конюхи. Вот что значит “меня лошади спасли”...

6 мая

Из дома пешком ходил в мастерскую Николая Павловича Мидова в Кузничиху. Галина Алексеевна Скотина закончила художественное оформление моей повести “Колька”. Рисунки я забрал, но как это всё будет выглядеть в книге – пока не представляю. И от содержания картинки, как мне кажется, довольно далековаты. Это общие (яркие) деревенские мотивы. Но – посмотрим, что выйдет, когда буду готовить книжку.

С Мидовым проговорили более шести часов. Выпили три чекушки водки (в честь праздника). Главная тема беседы – что есть спасение, как его достичь. В земной жизни тут хоть что-то ясно – спасение в работе, в служении, в том, чтобы что-то оставить людям после своего ухода. А вот далее...

Вспомнил Николай Павлович свою молодость и небольшую церковку на улице Рождественской – такую аккуратную, красивую. Как бы она сейчас украшала улицу! Но во времена хрущёвских гонений на Православие её снесли.

– Где же она стояла? – спросил у него.

Оказалось – напротив Волжско-Камского банка. На опустевшем месте в моё время были выстроены кафе-стекляшки “Мороженое”, “Пиво-воды”. Теперь и эти кафе заброшены. Стоят, стыдливо от глаз людских затянутые баннерами. Ничего на этой земле так и не прижилось. Зря церковку загубили.

Новым мэром Лондона избран мусульманин, выходец из Пакистана, поднявшийся на политическую вершину из “городских трущоб”. Интересно, чего здесь больше – толерантности англичан или это всё-таки показатель превышения (количественного) мусульманского населения столицы над христианским (иными словами – традиционным). Не первая ли это ласточка для Европы о грядущих изменениях в её жизни?

Ещё 4 мая Владимир Павлович Полеванов откликнулся на моё поздравление и прислал интереснейший материал по Китаю – презентационно-аналитический доклад с фотографиями и статистическими справками. Развитие экономики этой страны просто потрясает: огромные новейшие аэропорты и железнодорожные вокзалы, скоростные авто- и ж/д трассы и по несколько десятков километров мосты, огромные размеры экономической экспансии по всему миру. Быстрыми темпами идут космические программы, особенно по освоению Луны. (Россия в этом вопросе тоже зашевелилась, явно боясь тут опоздать, оказаться в хвосте при “делёжке нового пирога”.) Попробую поговорить с Полевановым, чтобы этот “китайский материал” привести в форму статьи для “Вертикали. XXI век”. К тому же эта тема для нас не нова, и начатый ранее разговор требует продолжения.

8 мая

Позвонил Полеванову. Номер его телефона не изменился. Владимир Павлович пообещал прислать статью после праздников.

В филармонии с Ириной слушали выступление (традиционное) симфонического оркестра Мариинского театра (Пасхальный фестиваль на этот раз посвящён 125-летию Прокофьева). 6 мая этим оркестром дирижировал Валерий Гергиев, выступая в Сирии, в Пальмире, в древнем амфитеатре, внутри которого на сцене боевики устраивали показательные казни с отрезанием голов. И вот через два дня музыканты в нашей филармонии исполняют музыку Прокофьева (из “Ромео и Джульетты”), Рахманинова (“Симфонические танцы”) и любимого мною Чайковского (симфония № 5).

Домой шли через Кремль, и музыка всё жила во мне.

9 мая

На острове справа у Канавинского моста со стороны улицы Советской, где растут несколько американских клёнов, заливаются соловей. Вчера поздно вечером, возвращаясь после концерта, я услышал его “щёлканье” — и удивился, и пожалел птичку: “Ну, кого ты здесь, в самой городской толчее, в несносном шуме найдёшь?” Но сегодня вновь услышал его зов и, как мне показалось, благожелательные ответы соловьи.

И в лесу на острове разливаются трели. А по мосту идут и идут мне навстречу люди с портретами своих близких — участники “Бессмертного полка”. Замечательная акция гражданской, человеческой памяти.

Вот и открыл “пляжный” сезон. Читал и загорал на набережной у Оки. Книга Данилы Зайцева “Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева” — согласен, необычна (воспоминания русского старообрядца — довольно непоследовательные, но живые, исполнены в “разговорном жанре”), любопытна (с точки зрения познания иной, скрытой от большинства из нас жизни на южноамериканском континенте) и даже имеет некоторую историческую ценность (как документ). Но я бы не стал переоценивать это произведение подобно Валентину Курбатову, который в статье “Здравствуй, завтра!” (прислал мне для “Вертикали. XXI век”) пишет о нём так: “На немислимых путях скитаний вполне нынешней старообрядческой семьи в “Повести и житии Данилы Терентьевича Зайцева” XVII век со всею ветхой лестовкой совершенно естественно живёт, житийствует посреди двадцатого и двадцать первого веков, не теряя и не роняя себя, опять доказывая, что в духовно правильном мире времени нет”.

В такой оценке книги Валентин Яковлевич больше выдаёт желаемое за действительное, чем констатирует действительно имеющий место факт. Нет, в книге полно и падений, и сомнений, и прочих неблагоприятностей, как в духовной жизни переселенцев, так и в их бытовой, семейной, производственно-сельскохозяйственной. А некоторые места в ней и просто уморительно-смешные.

И уж коли заговорил о книгах... Звонил Анатолий Абрашкин, поздравлял с праздником, да и сообщил, что в “ЭКМО” у него вышла книга о романе “Мастер и Маргарита”.

— Выходит, поторопились мы с её публикацией в “Вертикали. XXI век”?

— Напротив, думаю, что публикация помогла тому, что издательство её выпустило.

В Москве этой работе дали другое, более провокационное для читательского интереса название. Ну, да это неважно. Надо бы отметить выход этой книги в очередном номере “Вертикали”, но так не хочется помещать на наши страницы нынешнее её название...

Вечером с Ириной смотрели салют у Чкаловской лестницы. Пока дожидались его начала, в сумерках смотрел на воду и заметил, что если резко отвести от неё взгляд на бетон набережной, то этот бетон, вместо воды, начинает двигаться, колебаться, “плыть”.

11 мая

Отец Евгений Юшков приехал с пасхальным угощением на стол — кулич, конфеты, сахар. Пожалуй, впервые никуда не торопился, был не на машине, а “своим ходом”. Привёз распечатку вёрстки книги “Последняя тетрадь” с небольшой правкой. Думает уже о продолжении — второй части. А в конце года обе книжки соединить в одну и издать в хорошем оформлении с цветными вклейками. Предложил сходить в Художественный музей, посмотреть выставку работ Олега Григорьевича Бордея, приуроченную к 100-летию художника. Я позвонил замдиректора музея Вере Гордеевне Хорошиловой, уточнил — да, экспозиция в “Губернаторском доме”.

Пошли пешком. Жара! Вверх по Кремлю поднимались медленно. О. Евгений рассказывал о своём сельском житье, о заросшем чистотелом огороде. Я — о вчерашней встрече с Коломийцем, Шаровым, Абрашкиным. У Анатолия вышла в Москве книга по тайнам “Мастера и Маргариты”. Ну, и просидели за столом в Союзе писателей до позднего вечера, обсуждая все наши дела за рюмкой водки. Теперь вот никак в себя не приду.

Выставка нам понравилась — картины, рисунки представлены из фондов музея и из частных собраний Яна Голланда, Ларисы Помыткиной, Кузнецова. Но большинство работ именно из собрания Голланда.

После обеда приезжал Владимир Серафимович Новиков. Рассказал о поэте Владимире Константиновиче Миронове (как тот хотел застрелиться от невыносимой жизни, но жена его напоила, а когда заснул – на лодке выплыла в озеро и утопила в нём пистолет), когда Владимир служил в армии, его за непокорный нрав часто и сильно били. Ох, не сладка жизнь русского мужика из глубинки, от земли, без образования. Тем и удивительнее, когда из этого неблагополучия вдруг является в мир настоящий поэт!

Ещё утром звонил Владимир Павлович Полеванов. Переживает, получил ли я текст отправленной статьи. Подтвердил, что получил.

12 мая

Издательский совет Нижегородской области. Подготовленная речь хозяина “Дирижабля” Якова Иосифовича Гройсмана, смысл которой – художественная литература (вся ранее изданная) – низкого качества, не покупается, а потому за чем ещё что-то финансировать. На самом деле, он не далёк от истины. Изданное “Книгами” – всё низкого литературного качества. Но ведь под это “Дирижабль” расчищает площадку для себя. Тут виден исключительно коммерческий интерес, а не забота о литературе. Но Гройсман захотел решить вопрос кардинально: поставить на голосование предложение о финансировании проектов художественной литературы 50% на 50% – издательством и бюджетом. Понятно, что в этом случае издание наших книг однозначно бы прекратилось.

Я выступил и сказал: без обсуждения по такому важнейшему пункту голосовать нельзя. В итоге “убийства” не состоялось. Но тенденция видна, явно прослеживается. И мне приходится тут вступать в полемику уже не в первый раз. Местная “старая тусовка” привыкла всё делить: бюджетные деньги, награды, почести, привилегии – только между собой. И до смерти будут отстаивать это право. А кто их, собственно, назначал в вершители местных судеб? Никто. Они сами себя назначили. И теперь держатся за своё место зубами.

15 мая

Праздник Жен Мироносиц!

Читал воспоминания старообрядца у Староярмарочного собора. Иду назад – на солнечной стороне аллеи у Красного дома буйство красок: внизу – сочная зелёная трава сплошь покрыта жёлтыми цветами одуванчиков. А над этой красотой кипенно-белое цветение калины, приглушённо-белое – рябины, спокойно-белое – яблони. Между ними жёлто-тёмными искорками, вкраплениями цветёт акация и большими, сиреневыми гроздьями – сирень.

Пройдёт совсем немного времени, и всё это исчезнет. Но сейчас – красота!

20 мая

Пришла статья из Херсона о событиях на Украине. Написана “на нервах”. Подписался автор по моему предложению псевдонимом – опасается. И есть чего. Высказал горький упрёк России – не оправдала надежд, бросила в трудную минуту. Здесь автору можно было бы возразить – в своём государстве разбирайтесь сами. Он это предвидит и идёт в наступление: **“Российская армия – правопреемница армии СССР, которую строили все жители страны, включая и тех, которых сейчас гнобят на Украине. Так почему же эта армия не защищает тех стариков (да и не только их!), кто столько сил и средств вложил в её создание?”** Честно скажу – не знаю, что на это ответить. Одно ясно – это крик отчаяния, потому что больше защиты униженным и оскорблённым, ограбленным и избитым искать нигде.

Думая обо всём этом, смотрел с моста, как ветер от Волги по Оке против течения гонит большие, буквально морские, валы с белыми гребнями. Не часто такое увидишь. Но как мощна в своей силе стихия! Завораживающее зрелище!

Ближе к ночи позвонил заслуженный артист РФ А. В. Мюрисеп. Из типографии в Союз писателей привезли половину тиража его книги “Степень свободы”, и Александр Васильевич хотел узнать моё мнение о ней, услышать добрые слова. Я же пробормотал что-то не совсем вразумительное, чем его, несомненно, расстроил. Расстроил незаслуженно. Потому что “Степень свободы” –

книга хорошая, ранее вся мною прочитанная (по отдельным публикациям). И оформлена довольно неплохо. Хотя и возвышенные оценки Мюрисепа по этому поводу я не разделяю. Скажу даже – в оформлении есть некая провинциальная претензия на оригинальность. И это нехорошо. Уж лучше попроще, классически.

Но сама книга (особенно гастрольный дневник по глубинке России во времена предперестроечные) заслуживает самого серьёзного внимания. Тут диагноз того, почему всё произошло так, как произошло.

23 мая

В Академии Госслужбы скромненько отметили 80-летие Анатолия Ивановича Пафнутьева. Человек сложной судьбы – детство в немецкой оккупации, юрфак МГУ, защита диссертации, работа, алкоголизм, потеря семьи, тяжёлое восстановление “на сухую”. К этому ещё примешалась “поэтическая тяга”, и как следствие, непризнание... Жизнь заканчивается (при двух семьях) проживанием в комнате студенческого общежития.

Пафнутьев – добр, талантлив и сострадателен. Пока поднимались по лестнице на 5-й этаж в комнату, где в уголке между стеной и шкафом втиснут его рабочий стол, Анатолий Иванович сказал: “Знаешь, часто вспоминаю детство и совсем не вспоминаю время студенчества”.

За праздничным столом (небольшим, несколько коллег-преподавателей) вручил юбиляру диплом нашей (Нижегородской областной организации СП России) премии, пожалел, что Пафнутьев перестал писать свои литературные заметки.

Провожая, Анатолий Иванович пообещал всё-таки подготовить текст книжки с заметками о Пушкине. Не уверен, что соберётся. А хотелось бы такую книжку выпустить, потому что автор её мыслит свободно, нестандартно, самостоятельно.

Шёл с юбилея с какой-то грустью в сердце и с полным пониманием ненужности таких “придуманных”, тягостных торжеств.

26 мая

А. В. Мюрисеп осуществил новую постановку. На этот раз оперы “Зори здесь тихие” со студентами консерватории. Показал в зале Дома актёров. Музыку исполнял Нижегородский русский народный оркестр (дирижировал Борис Схиртладзе). Сцена маленькая, но Александр Васильевич всех уместил, хор пел из зрительного зала. Удивительно, но получился полноценный драматический спектакль, в котором герои (всё отличие) не разговаривают, а поют. Немножко комически выглядел старшина (А. Пузырёв), больше напоминающий шириной, басовитостью, жестами сельского раскормленного попа, а не отца-командира. Но и об этом во время действия забываешь.

Лысково – Макарьевский монастырь. 28 мая

Как и в прошлом году, Лития в Спасо-Преображенском соборе по светлейшему князю Георгию Александровичу Грузинскому, который несколько десятилетий был предводителем дворянства Нижегородской губернии и имел множество других заслуг перед государством. Службу провели два священника – местный и из Грузинской церкви Москвы – тоже прошлогодние знакомцы. Лысковский священник (не запомнил его имя, но узнал, что он из бывших журналистов, краевед) сказал хорошее слово о князе, подтверждая свои выводы ссылкой на документы, которые разыскал в областном архиве.

Я спросил о могиле (захоронении) Грузинского – действительно ли она здесь? Или в церкви лежит только надгробная плита?

– Захоронение здесь. Мы, когда были мальчишками, в небольшие проёмы пролезали и заглядывали в подвалы собора. Видели там надгробья. Так что под нами, под полом некрополь (родовой) Грузинских.

– Вы думаете, его не разорили, не осквернили?

– Нет. Но кто именно там захоронен, нужно узнавать в архивах. Видимо, опять придётся всем эти заняться мне.

Митинг у мемориальной доски, посвящённой памяти Грузинского. Я в своём выступлении предложил, чтобы в городе в день памяти князя вспоминали и других замечательных людей, много сделавших добра для Лысковской земли.

После говорили “академик” Сергей Скатов, журналист Валерий Татаринцев, Кукунашвили от грузинской диаспоры, “атаман” Назимов, “академик и профессор” Мария Сухорукова. . .

Экскурсия по Центру народного творчества “Рассвет” (замечательное дело делают энтузиасты, обучая детей ткачеству, кузнечному и гончарному делу, рисованию, шитью, работе с кожей, деревом, камнем). Краеведческий музей оставил жалкое впечатление, но директор истово любит (и знает) своё дело. Слушали её с удовольствием.

На пароме переплыли Волгу (а это целое 40-минутное путешествие). На воде хорошо. Наблюдал за скопами. Они кружатся над водой, пикируют вниз и выхватывают когтистыми лапами рыбу. Видимо – больную. Это добыча более лёгкая, вот они и составляют конкуренцию чайкам.

В Свято-Троице-Макарьево-Желтоводском монастыре нас встретила матушка игуменья Михаила с двумя девочками (“мои дочери”) лет десяти. Фотографировались, долго трапезничали, говоря тосты под вкусное грузинское вино.

Я поднял бокал за любовь и веру – только это объединяет людей, даёт возможность для их дальнейшего существования. После меня каждый говорил только лично о себе и своих достижениях. Как это скучно. Но матушка выступила в роли доброй и заботливой хозяйки. С удовольствием пригубила вино (“Ну, давайте на посошок до дна и бегом к мощам. . .”), рассказывала о восстановлении обители из страшной “мерзости запустения”. Это сейчас она сплошь цветущий сад. Сама провела нас по церквям и соборам. Приложились к мощам Макария Желтоводского. На паром чуть успели.

Матушка Михаила проводила нас до самой пристани и, оставшись на ней одна, ещё долго благословляла нас своим крестом. Когда паром довольно далеко отплыл, помахала рукой и одиноко побрела к монастырю (как мать, проводившая в дорогу своих детей) – невысокая, полная, тяжело идущая.

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО

директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Итак, 28 марта 1957 года в Кремлевском Дворце съездов начал работу Второй съезд советских композиторов. На трибуне присутствовали члены и кандидаты в члены Бюро Президиума ЦК КПСС практически в полном составе, высшее государственное руководство, почетные гости. Как было принято этикетом того времени, съезд открылся с зачитания Приветствия ЦК КПСС. Его огласил Д. Т. Шепилов. Он руководил работой съезда. Практически единолично¹. Незадолго до этого он проводил учредительный съезд художников, а после съезда композиторов он же успел провести еще и третий пленум Союза писателей СССР.

Положение у Шепилова было не из легких. Взяв на себя инициативу руководства композиторским форумом, он должен был предложить какую-то новую стратегию развития советской музыки. И ее нужно было согласовать с общим политическим курсом. А ситуация после XX съезда КПСС в мире, да и внутри страны складывалась весьма тревожно, противоречиво. Трудно было понять, какой *новый* курс можно было предложить, из какого источника черпать идеи для этого курса.

Совершенно невозможно было положиться на опыт европейских братских стран. После XX съезда КПСС начались разброд и шатание в странах социалистического лагеря, это отразилось на политике в области культуры, в том числе и в музыке. Сыграла свою негативную роль чересчур активная, если не сказать агрессивная, попытка насадить свою художественную идеологию в конце 1940-х годов в странах народной демократии. Советская пропаганда буквально силовым путем сумела внедрить эстетику соцреализма в союзы композиторов народно-демократических республик, которые возникали один за другим в 1948–1953 годах. Приезжавшие из Москвы консультанты инструктировали местных партийных функционеров и музыкантов левых убеждений, снабжали переведенной литературой. В руководители композиторских обществ выбирались, как правило, проверенные люди, чаще всего коммунисты².

После проведения Первого съезда советских композиторов была предпринята акция по созданию некоей новой международной композиторской организации в противовес старому Международному обществу современной музыки (МОСМ)³. Почти сразу после известных февральских событий 1948 года⁴, в Праге 20–29 мая 1948 года прошел Международный съезд композиторов и музыкантов-критиков, собравший делегатов из 19 стран Европы и Америки⁵.

На съезде было принято «Обращение», в котором содержался призыв к мировой композиторской общественности в срочном порядке начать работу по созданию «Международной ассоциации прогрессивных композиторов и музыковедов». Синдикату чешских композиторов было поручено распространить это

“Обращение” в разных странах на русском, чешском, английском, французском и немецком языках. Как писал журнал “Советская музыка”, “международный съезд дал ярчайшее подтверждение правильности и своевременности Постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля, где говорится о современной модернистской музыке, как о музыке “отображающей маразм буржуазной культуры, полное отрицание музыкального искусства, его тупик”. Материалы Международного съезда красноречиво свидетельствуют о глубокой исторической пророчливости Постановления ЦК ВКП(б), о его поистине всемирном значении”⁶.

С новым обществом, судя по всему, ничего не получилось⁷. Тем не менее, советская пропаганда оказала известное свое влияние на музыкальные культуры социалистических стран. И хотя советизация музыкальных культур была встречена профессиональными кругами этих стран без особого энтузиазма, тем не менее везде нашлись люди, которые по тем или иным причинам, иногда по убеждению, иногда из корыстных побуждений становились во главе композиторских организаций или служили функционерами в партийных или государственных органах культуры. К тому же необходимо иметь в виду, что люди были разных вкусов и воспитания. Кому то были близки установки с опорой на классику и на народную музыку. Кому-то не нравилась музыка того же Арнольда Шенберга и его метод композиции в двенадцати тонах, которые в это время усиленно пропагандировались на Западе⁸.

И все же советская эстетика образца 1948 г. вызвала неприятие со стороны большинства композиторов социалистических стран. Это стало заметно после смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС.

При “ревизионисте” Иосифе Броз Тито Союз композиторов Сербии и Союз композиторов Югославии в начале 1950-х годов возглавлял почтенный Стеван Христич, изучавший в далеком 1910 г. у А. Кастальского православную церковную музыку. Автор оратории “Воскресение” и Дубровницкого реквиема Стеван Христич вряд ли имел представление о коммунизме, о социалистическом искусстве, в то время как в силу критического отношения к Сталину в композиторских кругах Сербии и у музыковедов термин “социалистический реализм” был жупелом, символом сталинской культурной политики, символом “ждановщины”.

В других странах реакция была разной. Так, например, в Польше к руководству ПОРП пришли люди, подвергшиеся репрессиям при старом руководстве страной и партией во главе с Б. Берутом. 19–21 октября 1956 г. состоялся VIII пленум ЦК ПОРП. Руководителем польской компартии был избран Владислав Гомулка. Он взял курс на польский путь развития социализма и не стал привязывать культуру к государственной идеологии. Это коснулось всех видов искусств, что не замедлило отразиться на художественном творчестве. Достаточно вспомнить успехи польского кино после 1956 года. Фестиваль “Варшавская осень”, возникший осенью того же 1956 г., стал своеобразным символом нового курса польской музыки. И знаменитая школа польского музыкального авангарда во многом обязана курсу, принятому правящей Польской Объединенной Рабочей партией в октябре 1956 г.

В Венгрии все было иначе. Еще в июне 1945 г. было создано Венгерско-советское общество дружбы. Как пишет д-р Адам Игнац, “в первые годы своего существования Общество пыталось привлечь тех, кто интересовался советской культурой, и оказывало поддержку видным интеллектуалам, таким как биохимик, лауреат Нобелевской премии Альберт Сент-Дьёрдьи⁹, Золтан Кодаи или Дьюла Йеш¹⁰”¹¹. Далее, по мере укрепления Венгерской компартии, постепенно, не сразу, контакты с деятелями музыкальной культуры Венгрии расширялись под воздействием советской пропаганды. В 1948 г., буквально через неделю после того, как в нашей печати появилось Постановление ВКП(б) “Об опере “Великая дружба”, оно было издано в Венгрии на венгерском языке. Опубликованы были речи тов. А. А. Жданова на Совещании деятелей музыкальной культуры в ЦК ВКП(б) в феврале 1948 г. и на Первом съезде советских композиторов СССР.

Советизация Венгрии не была включена в повестку дня до 1949 года. А в мае Генеральный секретарь Венгерской коммунистической партии и сторонник Сталина Матяс Ракоши выступил с призывом к культурной революции после победы на однопартийных выборах. Как пишет венгерский ученый д-р А. Игнац, “так называемый агитационно-пропагандистская коллегия Венгерской рабочей партии (HWPP) приняла решение о немедленных мерах по продвижению

Советского Союза уже в июне 1949 года. С этой целью Коллегия выразила совершенно нереалистичное требование о создании группы, ответственной за пропаганду советского образа жизни – всего за несколько недель. Коллегия хотела создать литературные, театральные и музыкальные комитеты, чтобы реализовать “радикальный пересмотр культурного фронта в отношении основных принципов советской культуры”¹².

Сыграл свою роль партийный идеолог, министр народного образования Йозеф Реваи, который призывал “учиться у советской культуры”, обстоятельно знакомиться с ней и изучать ее для того, чтобы под ее влиянием строить новую венгерскую культуру. Начиная с 1949 г. в Венгрию стали постоянно наведываться полпреды советской музыки: музыканты, различные ансамбли, хоры и оркестры, композиторы и музыковеды.

В феврале 1949 г. в Будапешт приезжал секретарь Союза советских композиторов Михаил Чулаки, глава Союза ленинградских композиторов, правая рука Т. Хренникова, член ВКП(б), встречался с венгерскими композиторами и музыковедами, убеждал их об опасности формалистического направления, идущего с буржуазного Запада. Осталось в анналах истории Венгрии его выступление в Академии искусств, ему задавалось много вопросов, и он подробно изъяснял позицию официальной линии в Союзе советских композиторов, апеллируя к Постановлению ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. Венгерское партийное руководство уделяло много внимания массовой культуре, популярной музыке. Поэтому в советско-венгерских музыкальных контактах видное место занимали представители песенных жанров. В Венгрии побывали В. Захаров, Ю. Милютин, проблемам массовой песни и борьбы с джазом уделили много внимания секретарь ССК СССР К. Молчанов и глава ССК Т. Н. Хренников.

Что касается высоких жанров, то здесь одним из злободневных вопросов был вопрос об отношении к классике венгерской современной музыки Беле Бартоку. В это время в советской музыкальной пропаганде он был признан буржуазным композитором-формалистом, несмотря на то, что изучал фольклор и в своих произведениях часто использовал народные песни. Не знаю, М. Чулаки или кто-то другой из советских консультантов или, может быть, местные функционеры от идеологии или искусства – настоятельно рекомендовали венграм запретить исполнение балета Бартока “Волшебный мандарин”.

Для венгров вопрос об отношении к Беле Бартоку был очень болезненным. После смерти Сталина еще при режиме Ракоши возник вопрос о реабилитации Бартока. Вопрос об отношении к нему тесно был связан с вопросом о музыкальной политике государства, с вопросами свободы творчества и регламентации. В 1954 г. эту проблему обсуждали уже открыто. Как пишет А. Игнац, “на собрании, состоявшемся 27 февраля 1954 года, поэт Юзеф Ромнани и композитор Бела Тардош совершенно открыто говорили о парализующих эффектах государственного контроля над процессом сочинения. Они уже считали все административные меры или прямые вмешательства, даже советские, рискованными и признавали, что соцреалистические музыкальные представления больше ничего не получают от возрождения художественной свободы. С этого момента Ассоциация музыкантов и Министерство народного образования пытались изложить только общую идеологическую структуру, а соответствие руководящим принципам социалистического реализма художников и теоретиков в их собственном индивидуальном пути становилось делом их личной ответственности”¹³. В 1955 г. десятилетие со дня смерти композитора отмечали на Западе, в США, где композитор умер. В Венгрии было принято решение отметить тоже юбилей, но со своей интерпретацией его творческого наследия. Однако Ракоши не придавал этому юбилею большого значения, считая, что он произведет незначительный пропагандистский эффект внутри страны, так как, по его мнению, Барток не представлял большого интереса для широких масс. Основное внимание он уделял массовой музыке. Тем не менее, Ракоши согласился отметить десятилетие со дня смерти выдающегося венгерского композитора в пику американцам, которые отпраздновали это событие большим фестивалем.

Проблема Бартока обрела политический оттенок и оставалась актуальной и при правительстве Имре Надя, объявившего свой “новый курс”. По мере того, как дело шло к беспорядкам осени 1956 г., шло возрождение бартоковской музыки. Реформисты-интеллектуалы отстаивали право слушать музыку Бартока, причем его наиболее сложные, остро диссонантные сочинения, в них

они видели выражение “трудной правды”, придавая композитору значение символа в их борьбе за личные и политические свободы. Его имя вспоминали в радикальном “кружке Петефи”, композитор Михай ратовал за реабилитацию Бартока в радикальном “Доме творческих художников”, 97 подписей в поддержку возобновления на сцене балета “Чудесный мандарин” собрали писатели в своей писательской организации еще летом 1956 г. Барток стал мифической фигурой, “иконой борьбы за свободу”¹⁴.

После подавления восстания правящая партия приняла жесткий курс управления культурой, особенно литературой. В области музыки руководители Венгерским союзом композиторов, коллегией агитации и пропаганды в правящей партии продолжали ориентироваться на своих советских коллег. Начавшаяся после XX съезда КПСС некоторая либерализация в советской музыке отразилась и на положении венгерской композиторской организации. В частности, был реабилитирован Барток, известный венгерский музыковед Бенце Сабольчи издает большой труд о композиторе “Бела Барток. Путь и произведение”¹⁵. Союз венгерских музыкальных деятелей возглавлял почтенный Золтан Кодаи, автор оперы “Хари Янош” и “Венгерского псалма”. Его авторитет был непререкаем, и, хотя восставшие осенью 1956 г. прочили Кодаи в президенты страны, после подавления восстания его никто не тронул.

Да и среди других композиторов Венгрии, кажется, никто не пострадал. В композиторских кругах произошло размежевание. Старшее поколение, не признававшее новый коммунистический режим, ушло, по сути, во внутреннюю эмиграцию. С другой стороны, ярый сталинист композитор Ференц Саббо, из-за наветов которого ряд венгерских коммунистов из Коминтерна пострадали во время большого террора 1937 г., остался жив, его не тронули, в 1957 г. он возглавил Высшую школу музыки им. Ф. Листа, впрочем, в последние годы жизни он влачил жалкое существование.

Тем не менее, такие видные композиторы среднего поколения, как Андраш Михай или Эндре Сервански, испытавшие сильное влияние Бартока и Кодаи, соблюдали нейтралитет к политическим событиям 1956 г. и остались живы и невредимы. Другие, более молодые, несогласные с режимом, бежали во время и после восстания и пытались счастья за рубежом. Среди них, например, известные представители музыкального авангарда Дьердь Лигети и Дьердь Куртаг¹⁶.

В Чехословакии, благодаря А. Запотоцкому и А. Новотному, ставшим после “интернационалистов”-сталинистов во главе государства и компартии и пытавшимся сохранить некоторую самостоятельность в руководстве страной, в том числе и культурой, не делали резких движений. Попытка критиковать сталинизм некоторых писателей и литературоведов на Втором съезде писателей в апреле 1956 г. была подавлена, точно так же как майские выступления того же года студентов в Праге и Братиславе. В июне 1956 г. состоялась конференция компартии Чехословакии, с докладом выступил глава партии А. Новотный, пленум утвердил постановление конференции, новые директивы по хозяйству. На конференции некоторые члены партии хотели поднять вопрос по теме доклада Хрущева “О культе личности”, но их робкие голоса были не услышаны. Эти события никак не отразились ни на творческом процессе, ни на политике Союза чехословацких композиторов, созданного в 1949 г. по образу и подобию ССК СССР и с той же идеологией. С 1955 года им руководил Вацлав Добиаш, член Чехословацкой коммунистической партии, автор кантаты “Строй Родину – укрепить мир!”. Большой друг советских композиторов. Он был “крестным отцом” при “крещении” в ряды КПСС Д. Д. Шостаковича в 1962 г.

Побывавший в Праге композитор Д. Кабалевский в своей пространной статье в журнале “Советская музыка” подробно описывает состоявшуюся на фестивале Международную встречу композиторов, где обсуждались пути развития современной музыки и много внимания было уделено дискуссии о ново-венской школе, технике композиции в двенадцати тонах, сериализме, электронной музыке¹⁷.

Позднее мы еще вернемся к этой статье, тут только отметим, что убежденный противник серийной музыки видный советский композитор вынужден был признать, что на встрече раздавались голоса в её защиту. И не только. Как заметил Кабалевский, французский композитор Ж. Л. Мартине (учившийся додекафонии у Рене Лейбовица в 1945 г.) утверждал, что “все направления

в музыке, в том числе и додекафония, имеют равные права на существование, что любое направление заслуживает уважения, что именно такого отношения к любому творческому направлению требует принцип свободы творчества¹⁸. И с горечью Кабалевский сетует, что подобный тезис “обнаруживается сейчас в рассуждениях наших друзей-музыкантов из стран народной демократии, всегда стоявших на позициях реалистического, жизненного искусства”¹⁹.

Забегая вперед, отмечу, что попытки с советской стороны солидаризироваться с чехословацкой музыкальной общественностью, объединиться на общей идейной платформе социалистического реализма ни к чему не привели. Чехословацкие композиторы, особенно молодых поколений постепенно, тихой сапой, без какого-либо бунта переориентировались на современную музыку Запада. Разумеется, вейния “пражской весны” коснулись чехословацких композиторов как до событий августа 1968 г., так и особенно после них. Помню, как наши молодые композиторы и музыковеды зачитывались книгой Цтирада Когоутека “Техника композиции в музыке XX века” (М.: Музыка, 1976). И фестиваль “Пражская весна” постепенно модулировал с чешской классики на современную музыку. Символично, что события 1968 г. вошли в историю под названием этого фестиваля.

* * *

Неопределенной оставалась обстановка внутри страны. Не затухал ожесточенный спор между сталинистами и сторонниками либерального курса, объявленного Н. Хрущевым. Причем этот спор охватывал все слои общества, начиная с высших эшелонов власти и кончая простым народом. Это же разделение в своеобразной форме заметно было и в среде художественной интеллигенции, среди писателей, художников.

Ситуация изменилась уже в конце июня 1956-го. Майские выступления студентов в университетах Праги и Братиславы, дискуссия о свободе прессы в кружке Петефи 27 июня, запрет этого кружка 30 июня, события в Познани 28 июня несколько умерили пыл разоблачительной кампании. В понедельник, 2 июля 1956 г. газета “Правда” публикует на первых двух страницах (№ 184 (13847), с. 1-2) Постановление Центрального Комитета КПСС **30 июня 1956 г.** “О преодолении культа личности и его последствий”. Уже постановление 30 июня 1956 г. явно свидетельствует о том, что в Президиуме ЦК КПСС поняли, что наступило время защищать саму партию и официальную коммунистическую доктрину, да и саму советскую власть, так как в мире после доклада Хрущева развернулась невиданная до той поры антикоммунистическая кампания, усиленная колебаниями в мировом коммунистическом движении и разладом как в самих соцстранах, так и между ними.

Хрущев, явно испугавшись размаха народных выступлений, спровоцированных его докладом о культе личности общества, решил чуть притормозить с критикой Сталина. Ну а уже после осенних событий в Будапеште, введения советских войск и подавления венгерского восстания, вполне закономерно последовала реакция со стороны части партийного руководства. Зрелище висящих на деревьях и столбах вниз головой членов Венгерской компартии и сотрудников госбезопасности было устрашающим и... отрезвляющим головы самым ретивым антисталинистам. В руководстве КПСС явно почувствовали угрозу существования как компартии, так и советского строя. Чувство тревоги и опасение за свою жизнь – вот, пожалуй, что подспудно определяло настроения в партийных верхах и что, несомненно, отразилось на идеологии партии в тот момент. 19 декабря 1956 г., в разгар венгерских событий появляется письмо ЦК КПСС “Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов”. В это время силовые органы вновь прибегли к репрессиям против людей, выражавших недовольство политикой партии.

* * *

Перед Шепиловым и его командой в отделе культуры ЦК КПСС встала нелегкая задача привести в чувство художественную интеллигенцию, разбуженную докладом Хрущева, консолидировать ее ряды и заставить принять присягу

верности новому курсу КПСС и советской власти. Для этого Шепилов предложил поновленную доктрину социалистического реализма, стараясь убедить, что это вовсе не сталинская, а ленинская идея, и в то же время стремился придать ей привлекательный вид, представить соцреализм как сияющее небо в алмазах, обещаю свободу творческих исканий и признание разных стилистических направлений. И, конечно, пообещав еще больше привилегий и материальную помощь.

Сам Шепилов, судя по всему, был довольно просвещенным меломаном, знал серьезную музыку, любил оперу, любил сам петь романсы и арии. У него был традиционный вкус, он предпочитал классику, ярко выраженное в музыке мелодическое начало. Вероятно, знал не понаслышке о современных течениях в западной музыке. Думаю, что он откровенно не любил музыку композиторов ново-венской школы, музыкальный авангард. Поэтому с таким убеждением выступал против этих течений сам и поддерживал критику их со стороны композиторов. А как партийный идеолог свою нелюбовь к ней он перевел на язык политики, наклеив на нее традиционный ярлык “буржуазности”, и призывал к борьбе с ее тлетворным влиянием.

Собственно, Шепилов лишь чуть-чуть поновил постулаты хорошо знакомого ему постановления ЦК ВКП(б) 1948 г., придав ему более respectable вид, убрав уж слишком одиозные, грубые оценки и выражения. При подготовке к съезду композиторов в курировавшихся им центральных газетах Постановление ЦК ВКП(б) 1948 г. постоянно и уважительно упоминалось. Так что на всякий случай ждановская дубинка оставалась на виду.

Помимо задачи принятия присяги на священных скрижалях ново-старой доктрины соцреализма, как было понятно из его выступлений на обоих съездах — у художников и композиторов, Шепилов стремился добиться единения и прекращения распрей между творцами. Но у композиторов были свои интересы и цели. Принимая условия игры, предложенной партийным руководством, они решали свои собственные задачи. И вовсе не собирались мириться и выстраиваться в шеренгу. И хотел этого Шепилов или не хотел, но дискуссия, начавшаяся во время беседы в ЦК КПСС 22–23 марта, получила продолжение как в предсъездовской прессе, так и особенно на самом съезде.

* * *

Противостояние Шостаковича и Хренникова не только не затихло, но и разразилось с новым накалом. На статью Шостаковича “Будем взыскательны к своему творчеству” в “Правде” от 27 марта Хренников промолчал, предоставив выступить своему соратнику, члену правления ССК СССР с 1948 г. украинскому композитору К. Данькевичу. Тому самому Данькевичу, автору оперы “Богдан Хмельницкий”, которую раскритиковали в 1951 г. Вторая редакция ее как раз именно в те дни работы Второго Всесоюзного съезда композиторов обсуждалась в Комитете по Ленинским премиям, но, как уже раньше упоминалось, не была удостоена этой новой премии, несмотря на ходатайство писателя А. Корнейчука, автора либретто²⁰. И надо ж так получиться, что в то время, когда Д. Д. Шостакович на пленарном заседании Комитета хоть и в неловкой форме отстаивал, можно сказать, честь А. Корнейчука, Данькевич выступил с критикой Дмитрия Дмитриевича. Да еще какой!

Данькевич разразился статьей “Создавать музыку больших чувств”, опубликованной, как и статья Шостаковича, в тот же день 27 марта 1957 г. в газете “Известия”. Внешне статья Данькевича походила на обычную в предсъездовскую пору того времени дежурную “рапортничку”: “Композиторы Советской Украины, вдохновленные, <...>, рапортуют съезду новыми произведениями”²¹. Однако тон этой статьи отличается каким-то совсем уж провинциальным сервизмом, уж слишком, что называется, автор “припал к сапогу”. Даже по тем временам тяжко было читать подобные пассажи: “Исторические постановления нашей партии по идеологическим вопросам по своему духу остаются документами первостепенной важности, ярко освещающими самые сложные творческие пути. Незыблем ленинский дух этих постановлений, призывающих композиторов к консолидации всех творческих сил на демократической основе метода социалистического реализма, чтобы создавать музыку, достойную нашего народа — строителя коммунистического общества”. От этих строк уж слишком откровенно веяло затхлым духом “ждановщины”.

На этой статейке не стоило бы останавливаться, если бы она не содержала в себе некое откровение, которое мне не приходилось встречать в открытой и широкодоступной прессе тех недель. Не называя открыто имени, Данькевич, тем не менее, весьма откровенно (для посвященных) намекал на Шостаковича. И не просто намекал, а с открытым забралом пошел на него в атаку.

Продолжая свой пассаж о незыблемом ленинском духе постановлений партии, он по-большевистски честно и прямо переходит к критике: “Но иные наши товарищи, и, что тревожно, ярко одаренные, создали отдельные произведения, которые, как мне думается, не во всем отвечают духу народности, духу исторических партийных документов. Это произошло то ли в силу ложного понимания философских категорий народности и партийности искусства; то ли из-за недооценки непрерывности и остроты борьбы двух идеологий; то ли по причинам узко субъективного характера. Эти произведения, несмотря на блеск профессионального мастерства, оставляют удивленными или равнодушными сердца широких масс любителей музыки, более того, порой вызывают раздражение у слушателей неоправданной усложненностью и резкостью звучаний”.

Бурная полемика вокруг Десятой Шостаковича у всех была на памяти. Собственно, она продолжалась и в тот момент, когда газета со статьей Данькевича вышла в свет, буквально в те же часы судьба этой симфонии решалась в Комитете по Ленинским премиям.

И дальше Данькевич пеняет товарищу имярек: “А между тем авторы тех же произведений, когда их творческая фантазия должна правдиво служить раскрытию драматургического замысла киносценария или пьесы или когда они обращаются к жанру оратории или кантаты, эти композиторы, оказывается, умеют писать хорошую реалистическую музыку. Странное раздвоение личности!” И тут довольно ясный намек на “хорошую реалистическую музыку” к известным фильмам “Молодая гвардия” или “Падение Берлина”, или оратории “Песнь о лесах”. Пожурив автора за то, что его некоторые произведения не находят отклика у широких масс, автор с тревогой добавляет: “Было бы ошибочно думать, что эта музыка не имеет своих восторженных поклонников и пропагандистов. Это внушает нам беспокойную мысль: а что, если дело закончится созданием особо “избранной” группы ценителей, **что если они утвердят это направление доминирующим в советской музыке** (выделено мною. — А. Б.), в особенности в области сложных инструментальных форм?”.

Не знаю, были ли эти строки продиктованы наивностью провинциала или бывший во время войны художественный руководитель Ансамбля песни и пляски войск НКВД Закавказья в Тбилиси проявил незатухающую в его груди бдительность, судить не берусь. И как оказалось, не напрасно эти строки были опубликованы в тот день, когда Хренников делал доклад на съезде композиторов. И в этом докладе он без обиняков, открытым текстом раскритиковал Десятую симфонию. Так что Данькевич скорее всего выступил не случайно. Что называется “в такт” с Хренниковым. Такой вот “дуэт согласия”. И, кажется, сподвижник Хренникова по правлению Союза советских композиторов СССР с 1948 г. высказал опасение, наверняка закрадывавшееся в сознание не только его соратников по правлению ССК СССР, но и самого генерального секретаря Союза в это время. Судьба того же первого секретаря Союза писателей СССР А. Фадеева или главы Академии художеств СССР А. Герасимова была хорошо ему известна.

Данькевич явно не понимал всей сложности ситуации и сделал ставку, что называется, не на ту лошадку. Надеясь на поддержку свыше, он просчитался. Ни его письмо в ЦК на имя Булганина, ни вмешательство К. Ворошилова (по просьбе А. Корнейчука) в обсуждение его кандидатуры на Ленинскую премию не помогло. Опера “Богдан Хмельницкий” была забаллотирована, не прошла сито ожесточенного конкурса на первую Ленинскую премию. Впрочем, не прошла и Десятая Шостаковича.

* * *

Между тем в день открытия Второго съезда композиторов были опубликованы две передовицы, посвященные этому событию. Одна — в газете “Правда”, другая — в “Советской культуре”. И опять просматривается если

и не противостояние, то, во всяком случае, разногласия. Правда, не заметная невооруженным глазом.

Передовица в “Правде” “Всесоюзный съезд советских композиторов” была помещена на третьей странице, первые страницы все эти дни отводились пребыванию в СССР большой партийно-правительственной делегации из Венгрии. Венгерские события имели вполне объяснимый приоритет, и так получилось, что даже Приветствие ЦК КПСС Второму съезду было опубликовано только на следующий день, как он начал свою работу. И тоже не на первой, а лишь на третьей странице.

Собственно, это Приветствие содержало в себе, условно говоря, своего рода партийный “ордонанс”, высочайший указ. В 1957 г. в недрах издательства “Сельхозгиз” Министерства сельского хозяйства СССР родилась книга “Домоводство”. Помимо рецептов, как солить капусту или окучивать картошку, в ней содержался своеобразный регламент взаимоотношений супругов, правила поведения жены и мужа в семье. Такой вот советский Домострой. Нечто подобное представляет собой и Приветствие ЦК КПСС Второму всесоюзному съезду советских композиторов. Оно содержало в себе “отеческие наставления”, как себя вести композиторам. Прямо по Пушкину: “Душа моя Павел, / Держись моих правил, / Люби то-то, то-то, Не делай того-то. / Кажись, это ясно. / Прошай, мой прекрасный...”.

Разумеется, любить нужно было партию, ибо “коммунистическая партия высоко ценит творческую деятельность советских композиторов”. И надо сказать, ценила не только морально...

Любить нужно было социалистический реализм, ибо этот метод давал возможность “отражать действительность в волнующих, прекрасных поэтических образах, проникнутых оптимизмом и высокой человечностью, пафосом созидания и духом коллективизма — всем тем, что отличает мироощущение советских людей”. Социалистический реализм нужно было любить еще и потому, что благодаря ему “советская музыка, питаемая животворящими истоками новой, социалистической эпохи, прочно утвердилась на позициях народности и высокой идейности”. И это тоже было ясно, так как самые яркие сочинения, созданные на основе этого метода, удостоивались премий, а их творцы — высоких государственных наград и почетных званий.

Ясно также было, чего композиторам нужно было не делать и что они должны были преодолевать, с чем бороться. Тот же метод социалистического реализма “требует от советских композиторов последовательной борьбы как с эстетской изоционностью, безжизненным индивидуализмом и формализмом, так и с натуралистическим примитивизмом в искусстве”. Ну и, конечно же, “советское музыкальное искусство развивалось и развивается в непримиримой борьбе с деградирующим музыкальным искусством реакционных классов капиталистического мира. Глубоким пороком буржуазно-модернистического (так! — **А. Б.**) искусства является отрыв его от народных истоков, крайний индивидуализм, отход от классического наследия и традиций народной музыки”.

По сути это мало чем отличается от Постановления ЦК ВКП(б) 1948 г. “Об опере “Великая дружба”. Но были и новации. В 1948 г. советская композиторская школа была в одиночестве, железный занавес неизбежно обрекал ее на курс изоляции и автаркии. В конце 40-х годов в странах народной демократии появились композиторские организации. После смерти Сталина железный занавес постепенно подымался, культурные связи оживали и возникла потребность наладить контакты с мировой музыкальной общественностью, в том числе и с композиторскими кругами. Разумеется, искали и находились передовые с точки зрения партийного руководства деятели музыки зарубежных стран. Чаще всего это были не столь видные и авторитетные композиторы, но симпатизирующие СССР. И главное — противники додекафонии и всех новейших течений западного авангарда. И вот теперь складывался новый международный композиторский “священный союз”, с ним теперь предстояло объединяться “в совместной борьбе за дальнейшее развитие прогрессивного реалистического музыкального искусства”.

Наконец, шепиловское “небо в алмазах”, которое кандидат в члены Президиума ЦК КПСС провозгласил еще на учредительном съезде советских художников по поводу широчайших возможностей метода социалистического реализма: “Советское искусство, отражающее многогранность действительности

и духовное богатство людей нашей страны, открывает пути для всестороннего раскрытия различных художественных индивидуальностей, обеспечивает широкий простор творческим дерзаниям, смелой инициативе, личной склонности, простор мысли и фантазии”.

Публикация Приветствия стало своего рода компендиумом, из которого редакторы и авторы передовиц в разных газетах черпали лексику, фразеологические обороты и терминологию. Тем не менее, каждая передовица отличалась разными акцентами, логическими ударениями.

Так, статья в “Правде” носит явно миротворческий, примирительный характер. Учтены взаимные претензии композиторов “реалистов” и “формалистов” и все подано в морализирующем, декларативном тоне. Конечно, в первую очередь напоминаются основные “условия игры” для композиторов. Это и направляющие указания партии, которая помогла им “твердо укрепиться в своем творчестве на позициях реализма, на позициях народности и идейности, помогала решительно преодолевать глубоко чуждые советской музыке влияния формализма”, и развернутое знамя социалистического реализма, под которым советские композиторы успешно пойдут вперед. Конечно, упомянуты и тлетворно действующие “модернистские, субъективистские, упадочные влияния”, которые “должны получать решительный отпор со стороны всех прогрессивных композиторских сил”.

Есть и недостатки, которые необходимо обсудить на съезде. К ним в газете “Правда” отнесены “сочинители низкопробной, мещанской музыки, рассчитанной на самого нетребовательного слушателя и представляющей собой подражательство пошлым образцам буржуазной эстрады”, “примитивные и бесцветные по музыкальному языку сочинения, лишенные выразительной и отточенной формы, свежести интонаций, глубокого эмоционального содержания”, которые “так же неприемлемы, как и эстетские, нарочито усложненные произведения, холодный блеск которых не способен согреть человеческое сердце”. Так осторожно, без указания имен, без угроз напоминаются “формалистические грехи” композиторам-симфонистам. Все это прописано в мягких, пастельных тонах, без нажима, brutality, опасений и угроз.

Впрочем, если эти правила в обязательном порядке присутствуют во всех текстах и выступлениях этого времени, составляя набор общепринятых этикетных формул, то в мягких, наставительных пожеланиях съезду есть и слова скрытой критики руководства союзов композиторов. Опять-таки без конкретизации, без имен, в общем списке.

Главный постулат здесь – стремление к новому подъему советской музыки, залогом которому послужит “гармония и единение общественных и эстетических интересов, высокое сознание гражданского долга”. И вот после этой чисто декларативной фразы следует главное моральное наставление съезду – сосредоточиться на решении “важнейших идейно-художественных проблем”. Это в то время, когда мысли композиторов были сосредоточены на простых, бытовых вопросах о получении квартиры, увеличении гонораров, где бы исполнить свое сочинение, как его издать и главное для всех вопросе, кто будет стоять во главе союза...

Автор передовицы в “Правде” на этом не успокаивается. Следуют наставления союзам. “Союзы композиторов пытаются порой копировать деятельность государственных учреждений. Административные функции менее всего свойственны творческим союзам. Их призвание заключено в том, чтобы заботливо, внимательно, по-товарищески помогать развитию талантов, совершенствованию мастерства, проявлению общественной активности и инициативы. Они должны быть живым олицетворением гражданской совести художника, его коллективным разумом. Авторитет каждой творческой организации определяется ее отношением к творчеству, определяется тем, насколько живо и заинтересованно поддерживает она все новое, свежее, талантливое, растущее, насколько она непримиримо относится к недостаткам, насколько она требовательна и взыскательна к коллективной оценке творчества того или иного композитора”. Последний пассаж – явный реверанс в сторону Шостаковича и либерального крыла композиторской организации.

Передовица “К новым успехам советской музыки” в газете “Советская культура” вроде бы говорит о том же, но с несколько иным, явно охранительным акцентом. В ней заметна близость автора газеты к позиции композиторов-реалистов. Статья порой напоминает некоторые моменты из выступления

Т. Н. Хренникова на так называемой “беседе”, устроенной Д. Т. Шепиловым в ЦК КПСС 22 и 23 марта 1957 г.

Поприветствовав вначале съезд, который “явится большим событием для всей советской культуры” и который “призван обсудить важнейшие проблемы нашего музыкального творчества, обобщить опыт строительства советской музыкальной культуры, наметить дальнейшие задачи, стоящие перед деятелями музыкального искусства”, автор напомнил о сорокалетнем пути советской музыки, заметив, что “следует решительно осудить все и всяческие попытки нигилистически оценить те значительные духовные ценности, которые созданы трудом советских музыкантов” (тема истории советской музыки станет предметом дискуссии на съезде. — **А. Б.**).

И тут же отметил весьма своеобразно, с особым акцентом послевоенную эпоху: “Особенно интенсивным стал количественный и качественный рост нашей музыки за последние годы, когда, преодолев с помощью партийных указаний тлетворные влияния формализма, композиторы с еще большей силой ощутили, какие поистине безграничные творческие перспективы открывает перед ними метод социалистического реализма”.

Затем автор передовицы отмечает “неизмеримо” возросший “размах музыкального творчества в нашей стране сейчас”, отмечает интенсивное выдвижение “все новых и новых талантов, столь ощутимого роста мастерства ряда композиторов среднего поколения” (мысль Шостаковича, высказанная им во время беседы у Шепилова).

Конечно, не обошлось без “гениального тезиса” Ленина “искусство принадлежит народу”, который, по мнению автора передовицы, “формулирует решающее, основное в реалистическом художественном творчестве”. Такой вывод из известного тезиса понадобился, чтобы выразить еще одну сентенцию относительно основного в реалистическом творчестве: “Это глубина мысли, умение воплотить в художественных образах то, что волнует народ, близко, дорого ему. Это яркость, убедительность авторской речи, умение просто, ясно, с большой выразительной силой донести свой замысел до широких масс”.

Конечно, не обошлось без упоминания об активном росте “музыкальных культур братских республик” и значении ленинской политики компартии, братской помощи русского народа, что обеспечило “этот невиданный дотоле расцвет художественного творчества всех народов нашей страны”. С упоминанием всех республик.

И затем — переход к недостаткам, на которые автор считает необходимым обратить внимание на съезде. Например, на “факт, что в текущем сезоне, который подходит уже к концу, на оперных сценах появилось мало новых премьер на современную тему”. Современная тема — одна из любимых больных проблем у руководства Союза композиторов, буквально конек Хренникова. Он оседлает этого конька в своем докладе на съезде.

Вслед за упоминанием этой проблемы автор передовицы в “Советской культуре” делает еще один предупредительный выстрел. В отличие от “Правды”, которая как-то стыдливо, деликатно говорит о помощи партии, благодаря которой советская музыка пошла по правильному пути, автор передовицы в “Советской культуре” называет все своими именами и открыто упоминает постановление 1948 г. Вот его слова: “Хотелось бы, чтобы на Втором съезде композиторов развернулся также разговор о демократической направленности нашего музыкального творчества, о путях становления дальнейшего, еще более тесного контакта композитора со слушателем. Постановление ЦК партии помогло советским композиторам преодолеть формалистические заблуждения, существовавшие в советской музыке до 1948 года, но отдельные пережитки их подчас еще дают себя знать. Это сказывается во встречающемся иногда в новых сочинениях недостаточно ярком выявлении мелодического начала, в своеобразной, если так можно выразиться, нераспетости музыкальной ткани...”.

Правда, чтобы несколько разрядить обстановку упоминанием одной из тяжелых страниц в истории советской музыки, автор опять стал лить елей по поводу “бесконечно богатого по своим возможностям” метода социалистического реализма, который дает композитору “неограниченный простор для выявления своей творческой индивидуальности”.

* * *

Анализ газетных статей и публикаций выступлений композиторов в преддверии и в первый день съезда наводит на мысль, что в этот момент высшее партийное руководство не определилось окончательно, кому доверить руководство Союзом. Впрочем, Президиуму ЦК КПСС в эти дни было просто не до съезда композиторов. Шли оживленные переговоры с венграми, с китайцами, Хрущев предложил реформу управления хозяйством и внедрил совнархозы. Беспокойство причинял Ближний Восток, вслед за Суэцким кризисом последовали тревожные события в Сирии, Иордании, в Йемене. НАТО давало о себе знать своим расширением, вступающими в этот блок новыми странами. Да и внутри партийной верхушки назревал серьезный конфликт.

Президиум фактически сам отдал “на откуп” Шепилову подготовку идеологии и организации съезда и контроль за его ходом. Трудно теперь понять, имел ли свое собственное представление Шепилов о том, кому отдать предпочтение. Известно, что он благосклонно относился к Хренникову, но это ровным счетом ничего не значило. Если бы Хрущев сам или Президиум ЦК КПСС потребовали сменить руководство Союза композиторов, то Шепилов бесспорно этому решению подчинился бы, не дрогнув ни одним мускулом и не пролив ни слезы сочувствия. Поэтому предсъездовские материалы в центральных газетах были уравновешенными, по возможности взвешенными. Вероятно, решено было дать высказать свои позиции разным сторонам и лагерям.

* * *

В день открытия съезда 28 марта предоставили возможность выступить в печати Свиридову. В своей статье в “Литературной газете”²² он затронул практически все наиболее злободневные темы, но сумел их искусно сервировать, упрятав свои мысли под густую завесу принятых этикетных формул, официальной лексики.

Отметив сначала славный путь советской музыки, ее интонационно-стилистическую оригинальность, напомнив о партийном руководстве и соцреализме, он тут же делает разворот на 180 градусов: “К сожалению, борьбу за реализм некоторые деятели музыки поняли как борьбу за серый, засушенный примитив, товарищескую критику решили усилить дубинкой административных запретов и стали искать формализм там, где его и не было. Так, незаслуженно были раскритикованы некоторые замечательные произведения Хачатуряна, Прокофьева, Шостаковича, Шебалина. Так, несколько лет не исполнялся талантливейший фортепьянный концерт молодого композитора Галынина. Так, остается неслышанной интересная симфоническая поэма молодого автора Чугаева “1905 год”, казалось бы, столь важная по своей тематике”. Все названные – “жертвы” ждановской борьбы с формализмом в 1948 г. Среди них был и сам Свиридов.

Здесь же он затронет тему, которую во всеуслышание подымет в своем выступлении на съезде, об отношении к европейской музыке XX века, которую долго смешивали с грязью в 1948 г. Как он пишет, “нельзя вычеркивать, как это делают иные перестраховщики, из истории музыки таких музыкантов, как Г. Малер, А. Брукнер, Б. Барток, М. Равель, К. Дебюсси. Конечно, творчество их противоречиво, конечно, к нему нужно подходить критически, но это были настоящие художники, воплотившие трагические коллизии и мощные порывы своего времени в незабываемых художественных образах”. В 1948 г. большинство из упомянутых композиторов числились среди формалистов и декадентов.

Что же касается современной западной музыки, то, сравнивая ее с современной советской, Свиридов видит в отечественной музыке свои особые задачи и идеалы. “Когда я думаю о музыке, мне вспоминается, что она исполнялась в соборах и церквях. У нас другие цели, другие задачи, иными чертами определяется наше искусство. Но мне хочется, чтобы к ней было такое же святое, такое же трепетное отношение, чтобы в ней искал, а главное, находил ответы наш слушатель на самые важные, самые сокровенные вопросы своей жизни, своей судьбы”.

А вот дальше Свиридов уже без обиняков, без всяких ссылок на официальную печать и ее безликий, мертвый язык, едва ли не впервые очень серьезно и, главное, правдиво высказал собственное *credo*, не боясь использовать протестированное официальной идеологией, но оставшееся для него всегда священным слово “народность”. Вот его слова: “Каждый композитор стремится быть услышанным своим народом, мечтает о создании произведения, которое будет признано народным в высшем смысле этого слова. Надо стремиться к тому, чтобы твою музыку любили и понимали широкие массы слушателей. И глубоко неправы те композиторы, которые равнодушно отмахиваются от этой задачи и все причины своих неудач видят только в том, что слушатель-де не понял, “не дорос”. Нужно говорить на языке, близком и понятном народу, но не “заигрывать” со слушателем, ни в коем случае не снижать высоких идейных и эстетических критериев музыки. Поэтому я думаю, глубоко заблуждаются те, кто видит высший и несомненный признак народности только в цитатном использовании народных мелодий. Следуя таким нехитрым рецептам, конечно, было бы очень просто создавать народные произведения, но, очевидно, дело обстоит сложнее. Очевидно, здесь не обойдешься механическим повторением известных слов Глинки: “Создает музыку народ, а мы, художники только ее аранжируем”. Значительно позже он найдет отчетливую форму своего понимания народности, отталкиваясь от этой знаменитой фразы Глинки, которую запомнил композитор А. Н. Серов.

В конце своей программной статьи Свиридов высказывает свои соображения относительно предстоящего съезда, его задач. “На Втором съезде композиторов должен состояться большой разговор о судьбах нашей музыки, о нашем долге перед народом, — надеется он и касается темы современности, — Мы должны остро и самокритично разобраться в проблемах воплощения современности в нашей опере”.

Концовка статьи с виду соответствует этикетным формулам официальной печати тех лет. И все же и в эту концовку Свиридов сумел вложить свою мысль, предвидение своего собственного стиля второй половины 1950-х годов — стиля больших ораторий²³. “Мы — летописцы громадной эпохи. И мы можем с гордостью сказать, что советская музыка не осталась в стороне от великой борьбы и она выдержала проверку временем. Но задачи, которые ставит перед нами сегодняшний день, еще величественнее. Нам нужна музыка, разная и по жанрам и по характеру. Нужна и легкая, развлекательная, но прежде всего, **необходимо искусство монументальное, под стать времени** (выделено мною. — А. Б.) — могучее, равно далекое и от абстрактного интеллигентского субъективизма, и от дилетантского музицирования. Наш долг — создавать такое искусство!”

Обращает на себя внимание тот факт, что в своей статье Свиридов затронул вопрос о групповщине. Была ли она в то время? Трудно сказать. Известно, что вокруг Шостаковича была довольно сплоченная группа, в которую входили Револь Бунин, Юрий Левитин, Моисей Вайнберг, Борис Чайковский, Николай Пейко, Кара Караев, Маргарита Кусс, к ним примыкал Борис Ключнер, переехавший из Ленинграда, Отар Тактакишвили. Позднее в нее вошел Владимир Рубин. Наверняка кого-то забыл, скорее всего, представителей национальных республик. Группа была сплоченной.

Большая часть из них пострадала от Постановления ЦК ВКП(б) 1948 г., от приклеенного им ярлыка “формализма”, от отсутствия свободных дискуссий на обсуждениях и бюрократического руководства правления Хренникова. Были еще музыковеды, были и сочувствующие, и примыкающая молодежь. Шостаковическое окружение было достаточно авторитетным и имело многочисленных сторонников и сочувствующих, об этом все знали в Союзе композиторов.

Позднее, вспоминая это время, Свиридов напишет, что он был равнодушен к борьбе, которая развернулась на Втором съезде, безразличен к известному противостоянию Шостакович — Хренников. Но это было позже, когда у него изменились взгляды на многие вещи. В 1957 г. автор “Поэмы памяти Сергея Есенина” был тесно связан с этой группой, у него были очень хорошие, товарищеские отношения с тем же Вайнбергом, Пейко, не говоря уже об особых коллегиальных отношениях с самим Шостаковичем в это время.

Трудно сказать, что имел в виду Свиридов, осуждая публично групповщину. Вполне возможно, в его памяти не затухали воспоминания расправы над

ним в 1949 г., когда Правление ЛОСК и партийная организация устроили ему “аутодафе”, заставив каяться за “формализм”. Возможно, это была какая-то тонкая дипломатическая игра, своеобразный политес. Тем не менее, в его статье можно прочесть следующие слова: “Нам нужно консолидировать свои силы. Нужно решительно покончить с той разобщенностью и групповщиной, которая в недавние годы, как язва, разъедала наш творческий организм. Такая консолидация на широкой платформе социалистического реализма в последнее время наметилась. И было бы необычайно пагубным, если бы групповые тенденции вновь возродились”.

“Присягу” соцреализму композиторы принимали как в 1948 г., так и в 1957-м, это был заведенный ритуал, которому в среде композиторов практически никто не придавал смысла и значения, выполняя его по инерции. А вот разногласия между теми же “формалистами” и “реалистами” оставались, поэтому не совсем ясно, что имел в виду Свиридов, весьма осторожно намекавший, что консолидация наметилась лишь в “последнее время”.

* * *

Самой главной загадкой остается вопрос, с чем шел на съезд композиторов Шостакович. Дмитрий Дмитриевич был не из тех людей, кто забывал какие-то неприятные для него вещи, критику в свой адрес. В 1928 году ученик Б. Асафьева Михаил Друскин написал статью о современной фортепианной музыке и критически отозвался об “Афоризмах” для фортепиано (1927) молодого Шостаковича²⁴. Дмитрий Дмитриевич запомнил это и много позднее неслестно отзывался о Друскине Свиридову, о чем осталась памятка в одной из его тетрадей “Разных записей”. Известен факт, как, будучи уже первым секретарем СК РСФСР, Шостакович обошелся с Марианом Ковалем, осмелившимся выступить с критикой в его адрес в журнале “Советская музыка” в 1948 г.

Вряд ли Шостакович мог забыть унижения, которые он испытал в 1948 г., вряд ли он мог простить Хренникову инсинуации и чинившиеся им искусно препоны его многострадальной Десятой симфонии. Шостакович знал себе цену и понимал, кто есть кто, и кем был рядом с ним Хренников.

И вот здесь необходимо сделать небольшое отступление. Обычно западные советологи, а ныне, после перестройки, и весьма критически настроенные к советской власти отечественные музыковеды любят рассматривать музыкальную жизнь в Советском Союзе лишь в одном ракурсе, в виде противостояния “культура и власть”. Но проблема эта далеко не так однозначна и одномерна. Да, партия оказывала влияние на деятельность творческих союзов. Причем, Союз композиторов был, можно сказать, в привилегированном положении. Его меньше всего коснулась “карающая рука тоталитаризма”. Притом, что при Сталине был жесткий контроль за деятельностью Союза композиторов СССР, за Музфондом. Что касается эпохи оттепели, то хотя Хрущев и ругался, и делал разные разным представителям художественной интеллигенции, за редкими исключениями, вроде Б. Пастернака, при нем никто всерьез не пострадал, узды партийного руководства ослабли, репрессии не применялись. Начался упадок, или как называют некоторые культурологи, “надлом” тоталитарной советской системы.

Важно также иметь в виду и то обстоятельство, что в министерствах культуры, в концертных организациях, в управлениях культуры работали композиторы и музыковеды – члены Союзов композиторов. Выполняя свои прямые обязанности, они, тем не менее, не могли забывать и о своих интересах.

Сами руководящие деятели партии мало что понимали в музыке и вынуждены были приглашать консультантов – профессиональных музыковедов или советоваться с теми же композиторами относительно чисто музыкальных материй. Ведь вряд ли что-нибудь Хрущев понимал в додекафонии или сериализме. А в партийных документах эта сугубо музыкальная терминология использовалась. И ее привносили туда специалисты. В КПСС в отделе культуры, например, был такой эрудированный, знающий человек, профессор-консультант Б. Ярустовский.

К тому же не стоит забывать, что тот же Хренников со временем, будучи членом Секретариата КПСС, был на равном положении с руководителем

отдела культуры в том же ЦК КПСС, с заместителем министра культуры СССР. Отдел культуры с сектором музыки в ЦК КПСС, Министерство культуры СССР и Союз композиторов СССР были взаимопроникающими сосудами. Те же съезды композиторов готовились фактически совместно, коллективно.

Прекрасно зная все механизмы, винтики и шестеренки, все особенности партийно-государственной машины, прекрасно зная психологию партийных функционеров, их слабости, их вкусы, композиторы умело вели свою игру и преследовали свои цели. Партия рассматривала искусство как составную часть идеологии и использовала музыкантов и композиторов в целях пропаганды. За что и платила. В свою очередь, композиторы рассматривали государство как источник материального существования и использовали государство в своих собственных практических целях. Так что все были заинтересованы друг в друге.

Ну, и, наконец, самое главное. Руководство Союзом дорогого стоило. В самом прямом смысле. Одно дело, как говорил Свиридов, получать яблоки, другое — стоять возле яблони и раздавать их. Союз композиторов был в своем роде государством в государстве. Музфонд, ворочающий миллионами рублей из государственного бюджета, располагающий своими комбинатами, предприятиями торговли, издательствами, гаражами и подсобными хозяйствами, домами отдыха композиторов по всему Советскому Союзу — в Рузе, в Репино, в Иваново, в Дубулте, в Ялте и Сухуми, в Сортавале на Ладогe и в Дилижане на озере Севан, — домами композиторов в Москве, Ленинграде и в столицах республик, другой недвижимостью в собственности (прибавьте к этому ссуды, заграничные командировки, бесплатное лечение и масса других привилегий и преференций)... Таких условий для композиторов не было нигде в мире. И все это огромное хозяйство, все доходы от него, бюджет самого Союза композиторов находились фактически в руках одного человека — первого секретаря СК. Так что было за что бороться, было...

Реальная (включая и бытовую сторону) жизнь советских композиторов никем не описана и не осмыслена, а между тем, не только чисто художественный, но и материальный интерес во многом определял и борьбу между композиторскими группировками.

И эта борьба фактически не прекращалась со времени создания Оргкомитета СК СССР и Музфонда СССР и вплоть до 1991 г., последнего года существования самого Советского Союза и Союза композиторов СССР. На последнем восьмом съезде композиторов СССР в марте 1991 г. я присутствовал сам и наблюдал эту борьбу воочию²⁵.

Между прочим, как это ни покажется странным, но в 1948 г. сыграл свою роль и социальный момент. На первом съезде Хренников стал генеральным секретарем, а правление было представлено главным образом близкими ему композиторами-песенниками, по происхождению русскими провинциалами и выходцами из низов, как А. Новиков, М. Коваль, И. Держинский, В. Соловьев-Седой, В. Захаров, и такими же представителями национальных республик. Вроде украинца А. Штогаренко. В то время как в Оргкомитете тон задавали люди совсем иного социального происхождения, в основном столичные жители. Это обстоятельство у нас совсем упускают из вида, а зря. Шостакович не преминул весьма язвительно, с явным презрением отметить социальное происхождение Хренникова, отец которого стоял за прилавком, в анекдотическом рассказе, как его якобы по фотографии выбрал Сталин в руководители Союза композитора²⁶.

* * *

Итак, Второй съезд советских композиторов начал работу утром 28 марта в Кремлевском дворце съездов. Об открытии съезда объявляет старейший и опытный Ю. А. Шапорин. Состав президиума оглашает В. П. Соловьев-Седой. В президиуме 89 человек, среди них Галина Уланова, Святослав Рихтер, Давид Ойстрах, именитые дирижеры и певцы, секретари других творческих союзов, Н. С. Тихонов от Комитета защиты мира, а также секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Д. Т. Шепилов. Затем Д. Б. Кабелевский оглашает рабочие органы съезда, а К. Данилевич — список Почетного Президиума съезда. В зале присутствовали

Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Кириченко, Г. М. Маленков, А. И. Микоян, В. М. Молотов, М. Г. Первухин, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев. Практически весь Президиум ЦК КПСС, за исключением отсутствовавшего М. З. Сабурова. Сознательно привожу список Почетного Президиума съезда композиторов, чтобы читатель мог представить уровень съезда композиторов СССР, какое внимание уделялось творческому союзу со стороны высшего партийного руководства.

Доклад генерального секретаря ССК на Втором съезде композиторов – в своем роде выдающийся документ своей эпохи. Он отличается парадоксальным на первый взгляд совмещением старой, модифицированной сталинской догматики в виде так называемого метода “социалистический реализм” с новой моделью взаимоотношений послесталинского советского государства с видной творческой организацией. Перед Хренниковым стояла не простая задача – доказать композиторской общественности, а главным образом, Президиуму ЦК КПСС, что именно он может и должен возглавлять Союз композиторов.

Доклад был продуман до последней запятой, его форма, его словарь, лексика, акценты и даже бесчисленные, долгие перечисления имен и названий, все здесь подчинено одной идее, одному постулату – неизбежности руководства генеральным секретарем Союза советских композиторов. Надо отдать должное помощникам Хренникова, помогавшим ему написать доклад, они блестяще справились с задачей. Текст был тщательно отредактирован и, конечно, прошел, что называется, все инстанции, вплоть до личной проверки Д. Т. Шепилова. Это заметно по текстуальным совпадениям хренниковского доклада с выступлениями самого Шепилова, с его мыслями и оценками.

Положение у Хренникова было не из легких. Второй съезд явно проходил вопреки Уставу Союза не через три года, а через девять лет после первого. И доклад, буквально его первая фраза начинается с признания этого факта. Казалось бы, в традиции партийной критики и самокритики Хренников должен был бы покаяться и повиниться в таком явном нарушении Устава, но не тут-то было. Он находит убедительную причину такой задержки: “Важнейшим событием в жизни страны за этот период явился XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. XX съезд партии подчеркнул большую роль литературы и искусства в борьбе за утверждение коммунистической идеологии, против отживающих идей и представлений, против пережитков капитализма в сознании людей”.

И еще для вящей убедительности добавляет: “Искусство и литература нашей страны могут и должны добиваться того, чтобы стать первыми в мире не только по богатству содержания, но и по художественной силе и совершенству – это положение отчетного доклада ЦК КПСС выражает высокий идеал искусства, к которому мы должны постоянно и настойчиво стремиться”.

Ну разве можно было что-либо возразить на этот дифирамб партии? Причем не просто партии, а сидевшему на трибуне высшему руководству КПСС, практически всему (за исключением М. З. Сабурова) Президиуму ЦК КПСС, утвержденному на пленуме ЦК КПСС 27 февраля 1956 г., пленуме, избранном на XX съезде КПСС во главе с первым секретарем Н. С. Хрущевым. И дальше в своем докладе Хренников будет неоднократно вспоминать XX съезд КПСС, придется и по “культу личности”, списав на него все протори.

Доклад состоял из ряда разделов, каждый из которых имел свой подзаголовок. Последовательность разделов была тщательно продумана, в ней просматривается особая драматургия, к чему мы еще вернемся.

Первый раздел “О советской композиторской школе” был посвящен истории советской музыки за сорок лет ее существования. И вот уже здесь Хренников как верный коммунист, проявил себя блестящим диалектиком и стойким бойцом. Казалось бы, после XX съезда партии и доклада генерального секретаря “О культуре личности” должен был появиться какой-то новый взгляд на пройденный музыкой путь. Но ничего подобного нет и в помине. В сущности, Хренников повторил точь-в-точь свою оценку пройденному пути советской музыкой до 1948 года, как и в своем докладе на Первом съезде композиторов. Правда, на сей раз, он был краток, обошелся без подробностей, без упоминания Ассоциации современной музыки (АСМ), без имен и названий формалистических произведений, которые он распекал в своем докладе на Первом съезде²⁷.

В этот раз он избрал иную тактику. И даже прибегнул к одной “новации”. Отправной исторической точкой он избрал известное Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года и решил сосредоточить внимание на 1930-х годах. А вот для оценки творчества и произведений композиторов он избирает совсем иной, прямо скажем, новаторский метод: в качестве критерия он избирает... метод социалистического реализма. И это действительно была новация! Как это ни покажется странным, но в своем докладе на Первом съезде композиторов Хренников ни разу не употребил это словосочетание. Тогда он как только не обзывал композиторов, какие страшные эпитеты не подбирали для оценки того или иного сочинения!²⁸ А теперь, уже без всяких ругательств, без эмоций он нашел, можно сказать, “научный” метод, неопровержимо точную меру весов художественности музыкальных произведений.

Правда, ему пришлось для вящей убедительности обосновать этот метод, что было не просто. Не обошлось без казуистики. Возражая некоторым зарубежным критикам, которые пытались дискредитировать соцреализм, считая его порождением культа личности, Хренников решительно отвергает эти инсинуации: “Такие взгляды, являются ли они одним из звеньев откровенно реакционной пропаганды или плодом заблуждения идейно неустойчивых кругов художественной интеллигенции в некоторых странах народной демократии, конечно, не способны изменить нашу позицию в коренных, принципиальных вопросах социалистической эстетики”²⁹.

Выбрав критерий, дальше Хренников начинает выстраивать свою картину развития советской музыки. Но говорить только о негативе, как это фактически у него получилось в 1948 г., ему, руководителю Союза, было нельзя. Ему нужно было показать и успехи, и самое главное, доказать необходимость композиторов и их творческих результатов для партии, государства. И он начинает взвешивать на чашах весов положительные и отрицательные результаты творчества своих коллег. И показывать в длинных перечнях советских композиторов их достижения. Возражая советологам, он начинает говорить об успехах советской музыки с середины 1930-х годов, т. е. со сталинской эпохи. Вот его слова: “Когда мы вспоминаем произведения 30-х годов, такие, как “Тихий Дон” И. Держинского, Пятая симфония Д. Шостаковича, кантата “Александр Невский” и балет “Ромео и Джульетта” С. Прокофьева, симфония-кантата “На поле Куликовом” Ю. Шапорина, оратория “Емельян Пугачев” М. Ковалю, Фортепианный и Скрипичный концерты А. Хачатуряна, песенное творчество И. Дунаевского, А. В. Александрова, В. Захарова, выдающиеся по своему историческому значению успехи в развитии наших национальных музыкальных культур, какими безнадежными кажутся нам эти попытки подогнать предвоенный период под гнилую схему упадка советского искусства”³⁰.

Вообще-то Хренников был прав по сути. Дело в том, что в середине 1930-х – 40-е годы в нашей музыке упрочился предсказанный еще в 1927 году Б. Асафьевым новый советский классицизм. И действительно, созданные в эти десятилетия оперы, балеты, симфонии, концерты, романсы и песни являются одним из высших достижений русской музыки советского периода. Но ряд композиторов и названий сочинений у Хренникова весьма своеобразен и по-своему любопытен. Тут есть композиторы обоих направлений по меркам 1948 г., и “реалисты” И. Держинский и М. Коваль, и “формалисты” Д. Шостакович, С. Прокофьев, А. Хачатурян. Но формалисты представлены далеко не всеми своими признанными произведениями. Нет ни оперы “Леди Макбет”, ни Шестой симфонии, ни квинтета и первых квартетов Шостаковича, нет опер “Семен Котко” и “Обручение в монастыре” С. Прокофьева и ряда других его сочинений, созданных в СССР, куда он окончательно переехал в конце 1930-х годов. Как раз тех произведений, которые в 1948 г. Хренников подверг жесточайшей критике. И он не забыл эти сочинения и не изменил к ним своего отношения со времени своего доклада на Первом съезде. Но теперь он высказывает не свою точку зрения, а обращается к партийным документам и известным статьям в центральной печати.

Напомним на всякий случай о борьбе различных, порой антагонистических течений во второй половине 1930-х годов, Хренников апеллирует к статьям в газете “Правда” в начале 1936 года. “И когда партийная печать выступила в 1936 году с решительной критикой двух произведений Шостаковича, в этой критике была выражена зрелость художественной культуры народа, его глубокая потребность в искусстве жизненной правды. Действительность пока-

зала на примере некоторых наших выдающихся композиторов, на сложной кривой их творчества, каким нелегким бывает путь овладения передовым художественным мировоззрением, путь преодоления эстетических позиций, не совместимых с социалистической идеологией, чуждых ей”.

Дальше – больше. Хренников не только не выступает против самых известных, скандальных событий в истории советской музыки, но солидаризируется с ними, ни на йоту не изменив своего мнения.

Было ли это его личное мнение – вопрос... Через год выйдет Постановление ЦК КПСС “Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца” от 28 мая 1958 г. Позднее, Хренников скажет, что инициатором этого Постановления был он³¹. И хотя это звучит как скверный анекдот, тем не менее, теоретически это могло быть. Ну, может не так смело, может он приукрасил, а на самом деле только осторожно попросил. Но, тем не менее, такое могло случиться. И не потому, что Хренников понял ошибочность своих прежних убеждений, а просто потому, что он каким-то звериным чутьем чувствовал смену конъюнктуры и всегда был впереди событий. У Хренникова не было своих политических убеждений, у Хренникова был всегда только свой личный интерес. Вот почему он был “непотопляемым советским дредноутом”, как его называл Свиридов.

А 28 марта 1957 года Хренников произносит с высокой трибуны следующие слова:

“Постановление Центрального Комитета партии от 10 февраля 1948 года в его основных идейно-эстетических положениях было направлено против резко определившихся в послевоенный период субъективистских тенденций, особенно в симфонической и камерной музыке. В постановлении были сформулированы эстетические принципы, которые партия отстаивала всегда, начиная с высказываний В. И. Ленина о партийности, народности искусства. Прямая, последовательная критика формалистических проявлений, широкая позитивная программа развития советской музыки, содержащиеся в постановлении Центрального Комитета партии от 10 февраля 1948 года, оказали благоприятное влияние на дальнейший рост нашего музыкального искусства”.

Если бы Хренникову довелось читать свой доклад годом раньше, то вряд ли бы он так уж усердствовал в упоминании “музыкального скандала” 1948 года. В марте 1956 года в обществе, да и наверху, в высших партийных кругах господствовали совсем другие настроения. Вот так венгерские события аукнулись Шостаковичу...

Картина развития советской музыки после 1948 года в докладе Хренникова расцвела праздничным кумачом, от нее повеяло оптимизмом первомайских демонстраций. Впрочем, несколько сдержанным. Задавшись риторическим вопросом, сумели ли композиторы “глубоко и органично осуществить перелом, который был жизненно необходим для нашего искусства?”, Хренников уверенно отвечает на него: “Мы можем со всей убедительностью сказать, что, несмотря на неравномерность развития советской музыки после Первого съезда композиторов, в нашей творческой работе достигнуты несомненные успехи.

Успехи эти обозначились уже в 1948, 1949, 1950 годах, когда появились новые произведения глубоко жизненного содержания, в которых ярко и поэтично были выражены образы нашей современности. Эти произведения знаменовали утверждение и дальнейшее развитие реалистического начала в творчестве композиторов разных поколений и индивидуальностей”.

И далее, отметив “бурный рост нашей многонациональной композиторской молодежи”, Хренников перечисляет ряд “значительных”, по его мнению, сочинений, в том числе сочинения композиторов-формалистов, Двадцать седьмую симфонию Н. Мяскового, оратории “На страже мира” С. Прокофьева, “Песнь о лесах” Д. Шостаковича, присовокупив к ним композиторов, обвиненных по разным поводам в конце 1940-х – начале 50-х годов – Г. Жуковского и его вокально-симфоническую поэму “Славься, Отчизна моя”, а также Г. Галынина с Эпической поэмой. В конце большого списка Хренников упомянул песни о мире А. Новикова, С. Туликова, В. Мурадели, написанные уже после смерти Сталина. Перечислив еще ряд сочинений разных жанров и разных по направленности композиторов, Хренников приходит к выводу: “Стремление к реалистическому воплощению жизненных образов объединило широкий круг композиторов, очень различных по индивидуальным чертам своего творчества.

Положительная оценка общественностью многих произведений, созданных за этот период, была подтверждена жизнью; они выдержали испытание временем и вошли в основной фонд наших творческих достижений”.

Впрочем, похвала оказалась не без ложки дегтя. Не говоря уже о сомнительной похвале Шостаковичу за ораторию, посвященную 70-летию со дня рождения И. В. Сталина, Хренников не забыл строго погрозить пальцем в сторону украинского композитора Г. Жуковского, раскритикованного в 1951 году за оперу “От всего сердца”. Впрочем, это не помешало генеральному секретарю тут же признать свою ошибку в безосновательном обвинении в формализме таких сочинений как Вторая симфония А. Хачатуряна и фортепианный концерт Г. Галынина. Но эти ошибки и “творческие издержки” Хренников не замедлил списать за счет влияния на музыкальное искусство “культы личности”.

И далее Хренников приводит длинный дополнительный список лучших, по его мнению, достижений современной советской музыки, упомянув, между прочим, сочинения “формалистов”: оперу “Война и мир” С. Прокофьева, недавно поставленный балет “Спартак” А. Хачатуряна, Десятую симфонию и Скрипичный концерт Д. Шостаковича, его же шестой квартет и вокальный цикл “Из еврейской народной поэзии”, Поэму памяти Сергея Есенина и песни на слова Роберта Бернса Г. Свиридова, симфоническую балладу “Гражина” Б. Лятошинского. Список длинный, в нем много новых имен молодых композиторов, представителей разных республик. Назвав список “условным”, Хренников не преминул на всякий случай предусмотрительно заметить: “Не все произведения равны по степени художественной зрелости и творческого своеобразия, на некоторые из них существуют различные взгляды”. Зачем он обронил эту фразу, станет ясно позднее.

Обычно в отчетных докладах руководителей союзов композиторов на первом месте стоял обзор композиторского творчества и лишь затем шёл разговор о музыковедении и критике. Сразу после общей исторической картины развития советской музыки второй раздел Хренников посвятил вопросам теории и критики. В канонах большевистской “критики и самокритики” Хренников начал этот раздел с порицания в адрес своего секретариата: “Некоторые музыкальные деятели, в том числе и из состава членов секретариата, не только не отстаивали многообразие художественных средств и форм воплощения образов действительности, но пытались иногда создавать различные каноны, ограничительные установки в толковании проблем социалистического реализма. Воспитательная роль критики во многих случаях подменялась администрированием, раздражающей авторитарностью суждений”.

И дальше в его речи послышались вроде бы новые интонации, появились мысли, навеянные, казалось, новой, послесталинской эпохой: “При рассмотрении вопроса о национальном самоопределении русской классической музыки нередко отрицалось какое-либо взаимопонимание между русской и западной музыкой, что практически искусственно отгораживало русскую музыкальную культуру от процесса развития мировой культуры”.

Впрочем, тут же Хренников не забывает и о формализме: “Игнорировалась происходящая в музыкальном искусстве капиталистических стран борьба прогрессивных, реалистических тенденций с реакционным формализмом”. А дальше, как истинный диалектик, докладчик демонстрирует антитезу. Популярно изъяснив “содержание жизни социалистического общества”, определив “характер советского искусства”, Хренников переходит к очередному перечислению образцовых произведений военной поры, от песенного творчества до Седьмой симфонии Д. Шостаковича и балета “Гаяне” А. Хачатуряна. И под занавес преподносит сюрприз: “Нельзя исключать из нашего творческого фонда и такие связанные с именем И. В. Сталина произведения, как “Поэма о Сталине” А. Хачатуряна, “Кантата о Сталине” А. В. Александрова, “Здравица” С. Прокофьева, песни Л. Ревуцкого, М. Блантера и других композиторов, в которых выражено искренне патриотическое чувство любви к социалистической Родине”.

Не знаю, сохранял ли Хренников чувство если не любви, то, по крайней мере, уважения к вождю, хотя бы благодарности за то, что тот выбрал его руководителем Союза композиторов и, как оказалось, надолго, фактически до конца существования Союза. Трудно сказать. Но упоминание произведений, посвящённых Сталину, после XX съезда КПСС с трибуны в присутствии Президиума ЦК КПСС поступок не ординарный. И уж ситуация явно не располагала

к проявлению личных чувств. Опять-таки сказалось важное качество руководителя композиторов – прекрасная осведомленность и точный просчёт ситуации. Буквально чуть меньше месяца пройдёт, как Екатерина Фурцева на торжественном заседании в день рождения В. И. Ленина найдёт уважительные слова в адрес верного ученика тов. Ленина – тов. Сталина³².

Столь внушительная преамбула в начале раздела по критике понадобилась Хренникову для того, чтобы устроить разнос журналу “Советская музыка” и ее главному редактору. Дело в том, что Г. Н. Хубов был музыковедом, близким А. И. Хачатуряну, и придерживался либеральных взглядов. Мало кто понимает, что он умно и осторожно вёл себя в 1948 г., а его известное выступление на VI пленуме ССК СССР 9 февраля 1953 г.³³ существенно отличается от бесконечного потока славословий в адрес великого вождя и партии, всего того фальшивого елеса, что источался из речей и статей не только в 1948 г., но и в феврале 1953 г. Хренников хорошо понимал, что единственный на тот момент печатный орган композиторов, фактически ЦО композиторской организации – важный инструмент влияния и проводника политики секретариата ССК СССР и во главе журнала должен стоять свой человек. Такой главный редактор, как Хубов, был Хренникову не нужен, даже опасен.

Против Хубова на Втором съезде началась война, и открыл её в своём докладе именно Хренников: “В ряде статей, помещенных в журнале “Советская музыка” за 1956 год, критика отрицательных явлений прошлого носит крайне односторонний характер. Справедливо обличая встречавшееся в нашей практике суженное толкование социалистического реализма в музыке, имевшие место случаи поощрения произведений рутинных, шаблонных, некоторые авторы, по существу снимают вопрос о наличии в советской музыке отдельных пережитков модернистских влияний”³⁴.

После раздела критики Хренников перешел вновь к творчеству и прошелся по разным жанрам. Начал почему-то с состояния песенного творчества, и только после песни коснулся оперы. Он начал с ответа на вопрос китайских музыкантов, создана ли уже советская классическая опера? “Нет, не создана” – таков был его решительный ответ³⁵, за которым последовал многозначительный прогноз: “Создание советской оперы, которая стала бы властительницей дум и сердец советских людей, еще впереди”.

Вторым после Хренникова выступит с содокладом Б. Ярустовский. Он будет посвящен опере. В речи Шепилова на съезде тема оперы также занимала ведущее место. В это время партитура новой оперы самого Хренникова “Мать” уже лежала в Большом театре, дирижер Борис Хайкин уже познакомился с ней, премьера оперы состоится осенью того же 1957 г.

После оперы Хренников еще прошелся по оперетте и легкой музыке и лишь после этого снизошел до советского симфонического творчества. Обыкновенно в соответствии с неписанным табелем о рангах, оно рассматривается сразу после оперного. Хренников сознательно загоняет симфонический жанр на задворки своего доклада. Мало того, он “опускает” его, ставя после массовой песни, оперетты и эстрадной музыки. И внутри раздела, посвященного симфоническому творчеству, он сначала упоминает оратории и кантаты, потом программную инструментальную музыку, концерты, сюиты, отмечает композиторов национальных республик, молодежь и лишь в самом конце раздела переходит к “чистым” симфониям. И все это, конечно, было тщательно продумано и преследовало определенную цель. Какую, будет видно из дальнейшего анализа доклада.

Хренников начинает с акафиста симфонии: “Зрелость советского симфонического творчества определяется достижениями в его высшей форме – симфонии. Лучшие симфонии советских композиторов идейной значительностью, вдохновенностью образов социалистической действительности и творческой силой их воплощения вносят подлинно новое в развитие мирового симфонизма. Не удивительно, что именно симфонии советских композиторов – я говорю о Седьмой “Ленинградской” симфонии Шостаковича – во время второй мировой войны стала событием широчайшего общественно-политического значения, музыкальным символом борьбы народов мира против фашизма”³⁶.

Затем Хренников отмечает ряд симфоний: Л. Ходжи-Эйнатова, Вторую О. Тактакишвили, Шестую Я. Иванова, Третью Б. Лятошинского, Вторую Э. Каппа, заключая, что “все это характеризует широту содержания, художественных средств в симфониях советских композиторов”.

И вот, наконец, председатель подходит к главному предмету, к цели всего этого маленького представления: “Наиболее острые, продолжающиеся и сейчас споры вызвала при своем появлении Десятая симфония Д. Шостаковича, — поначалу Хренников избирает точь-в-точь свою стратегию выступления в Комитете по Ленинским премиям, как бы говорит не от себя, а ссылается на общественное мнение. — В связи с этой симфонией ставился вопрос о праве советского художника на трагедийность — вопрос несколько искусственный в стране, где были созданы фильмы “Броненосец “Потемкин” и “Чапаев”, роман “Молодая гвардия”, где трагедийные произведения Шекспира “Гамлет”, “Ромео и Джульетта” и другие поставлены и идут с огромным успехом во множестве театров. Нет нужды отстаивать право искусства на трагедийность, но уточнить понятие трагедийности необходимо, ибо в происходящей дискуссии в него, несомненно, вкладывается разный смысл”.

И после странного уточнения понятия трагедийности Хренников все же решается, едва ли не впервые, публично выступить со своей оценкой симфонии. И надо сказать, что его оценка по-своему не лишена убедительности и говорит о том, что он тщательно продумал и обосновал свое искреннее неприятие сочинения. “Оптимизм трагедийного произведения утверждается не благополучной концовкой, а полным раскрытием личности героя в его действии, раскрытием одухотворяющих его идей во всей жизненности их проявлений. Мне кажется, что в этом смысле замысел Десятой симфонии Д. Шостаковича недостаточно определен, в ней нет подлинной конфликтности, глубины светотени”.

В заключение Хренников делает обобщение относительно состояния жанра, разумеется, не забыв эстетического догмата партии — социалистического реализма. “Не связаны ли недостатки драматургии многих симфоний с односторонностью отражения жизненных явлений, с забвением того, что мир образов симфонии — это живые контрасты, конфликты действительности. Одно из основных условий метода социалистического реализма — целеустремленность идейного замысла художника, умение подчинить ему этот разнообразный и сложный мир образов, умение почувствовать и отобразить главное, ведущее, передовое в нашей жизни”.

И так же как в оперном жанре, так и в симфоническом творчестве возлагает на будущее задачу создания “симфонии подлинно героической, которая была бы органичным выражением духа народа, свершившего первую в истории человечества победоносную социалистическую революцию. Задача эта настоятельно стоит перед нами”.

Последними Хренников рассмотрел камерные и хоровые жанры. Посетовал, что исполнители “с трудом пополняют свой репертуар новыми произведениями”, на то, что “очень мало создается пьес концертного типа, способных увлечь массового слушателя жизненностью, яркостью музыкального содержания”. И здесь Хренников находит те же недостатки, что и в крупных инструментальных формах, в симфониях. Признавая, что камерные жанры трудны для восприятия неподготовленной слушательской массы, тем не менее, видит, что “в советской камерной музыке все еще дают себя знать абстрактность, отвлеченность музыкального мышления”.

В камерной вокальной музыке Хренников отмечает “заметно определенное оживление” за последние годы — “музыкальная общественность высоко оценила такие произведения, как вокальные циклы Д. Шостаковича “Из еврейской народной поэзии”, Г. Свиридова “На стихи Бернса”, романсы З. Левиной на стихи армянских поэтов. Новые интересные вокальные произведения написали Ю. Шапорин, М. Коваль, Д. Кабалевский, В. Белый, И. Адмони, В. Власов, Ю. Левитин, М. Кусс и другие композиторы”. Но и в этом жанре находит недостатки: “Наши исполнители-вокалисты не перестают жаловаться на отсутствие удовлетворяющего их репертуара”, “мало создается произведений, которые бы достойно продолжили замечательные традиции романской лирики русских композиторов”.

По поводу хоровой музыки Хренников только отметил освоение многоголосия со стороны народов Средней Азии, у которых испокон веков существовала традиция одноголосного пения. В заключение вновь поднял вопрос о создании хорового общества, о чем говорилось еще на Первом съезде композиторов.

Доклад Хренникова содержит в себе много разных — видимых, легко читаемых и глубинных, не сразу схватываемых — смыслов. Из очевидных —

стремление доказать полное соответствие советской музыки в целом идеологии КПСС, важность для композиторов партийного руководства, а также декларация борьбы с западной враждебной буржуазной культурой, утверждение приверженности советских композиторов принципу социалистического реализма. Также очевидна и борьба Хренникова с Шостаковичем, постоянное напоминание о формалистических ошибках последнего. Ненавязчиво Хренников дает понять Президиуму, кто из них двоих лучше подходит на пост главы Союза композиторов.

Есть в докладе и скрытые смыслы. Во-первых, Хренников постулирует полный отказ от политических обвинений в адрес композиторов, совершающих стилистические «ошибки». Разумеется, это было согласовано наверху. Тем не менее, Хренников с высокой трибуны декларировал полную лояльность композиторов советской власти, с которой у творцов звуков не было никаких «стилистических» разногласий³⁷.

Во-вторых, Хренников, приводя длинные списки авторов и их сочинений в определенном порядке, неоднократно называя одни и те же имена в разных списках, по сути, вменяет высшему партийному руководству (мало что смыслящему в академической музыке) свою шкалу ценностей, показывая, на каких композиторов можно ориентироваться, что наиболее интересного создано в советской музыке. По сути, Хренников как торгавый купец предлагает Президиуму ЦК КПСС свой товар. И делает это он далеко не случайно.

При некотором сходстве оценок тех или иных авторов и их произведений в докладах Хренникова на первом и втором съездах, между этими докладами есть принципиальное различие. На Первом съезде Хренников, только что ставший генеральным секретарем ССК СССР, действительно исполнял роль если не «посыльного», как съехидничал Шостакович, то, по крайней мере, актера, которому было предписано произнести текст, написанный руководящим автором «пьесы». А текст содержал в себе анафему в адрес композиторов, обвиненных в ереси «формализма». Не более того.

Совсем иной по содержанию документ был зачитан Хренниковым на Втором съезде. По существу, доклад содержал в себе некий протокол о намерениях. Грубо говоря, Хренников предлагал партийному руководству свой товар – музыку советских композиторов и просил в обмен за него ряд существенных преференций.

Свои требования Хренников изложил в последнем разделе своего доклада, под заглавием «Пропаганда советской музыкальной культуры».

Прежде всего, Хренников потребовал усилить пропаганду советского музыкального творчества, внести в нее некую планомерность. Попенял концертным организациям, что в их репертуаре «отражена лишь очень незначительная часть художественных ценностей, созданных советскими композиторами», посчитал недопустимым положение, «когда годами в концертных программах исполняется узкий круг сочинений ограниченного количества авторов».

Покритиковал методы пропаганды советской музыки по радио и телевидению, заявил, что деятельность издательских организаций не «отвечает масштабу музыкальных запросов нашего народа», что тиражи нотных изданий крайней ограничены, не налажена система распространения нотных изданий. Поблагодарил партию и правительство за организацию нового издательства «Советский композитор», проинформировал об открытии филиала этого издательства в Ленинграде и предстоящем открытии его филиалов в союзных республиках. Посетовал на то, что в общей прессе мало внимания уделяется событиям музыкальной жизни, на то, что единственный специальный журнал «Советская музыка» не в состоянии удовлетворить запросы широкой музыкальной общественности.

Все эти требования предварительно обсуждались в ЦК КПСС, в Министерстве культуры СССР. И часть из этих требований уже была удовлетворена, о чем Хренников поспешил сообщить высокому собранию. «Считаю необходимым также сообщить о последних решениях Министерства культуры СССР по вопросам пропаганды советской музыки. Эти решения предусматривают меры, которые должны максимально благоприятствовать широкому и систематическому исполнению произведений советских композиторов в концертах филармоний, по радио и телевидению, в дворцах культуры и клубах. В решениях министерства отражены также вопросы дальнейшего развития очагов музыкальной культуры в стране. Так, в 1957 году организуются симфонические

оркестры в Алма-Ате, в Запорожье. Расширяется количество концертных ансамблей во всесоюзном радио. Значительно увеличивается запись произведений композиторов союзных республик на грампластинках". Поделится новостью о создании в Союзе композиторов бюро пропаганды, которое "сумеет внести оживляющее начало в дело пропаганды советской музыки".

И сам Хренников, и соавторы его доклада были очень опытными игроками, знавшими стратегию и тактику такого рода мероприятий как съезд, умевшими выстроить текст таким образом, чтобы не только продумать наступательную операцию, но и занять правильную оборону. Поэтому не удивительно, что в докладе Хренникова нашлось место и для упредительного удара, для защиты от потенциального натиска противника. Поэтому Хренников вновь прибегнул к испытанному приему так называемой самокритики, сам подняв неприятные для него организационные вопросы. "Это наше больное место. Союз композиторов все более начинает походить на административное учреждение". И, бия себя по ланитам, добавляет: "Как это ни парадоксально, но на творческие вопросы, на постоянное общение с членами союза, на живую творческую работу у секретариата, да и у правлений наших союзов времени не хватало". Не забыл повиниться и в плохо налаженных дискуссиях: "Дискуссии, которые должны быть главным, основным методом работы союза, организовывались от случая к случаю".

И закончил эту часть своего выступления предложением в духе политики "разрядки напряженности": "Насущная задача – укрепить в союзах дружественную, товарищескую обстановку, чтобы принципиальные, откровенные мнения высказывались открыто, чтобы каждый член союза вносил в нашу жизнь всю силу своей инициативы, чтобы в горячих творческих спорах мы находили истину нашего искусства".

* * *

Самую главную новость участники и гости съезда услышали в конце доклада. Ни много, ни мало Хренников изложил новую концепцию развития советской музыки, ее участия в мировом музыкальном процессе. Для того чтобы понять важность этой новой идеологии, необходимо напомнить, что в документах 1948 г., в Постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г., в выступлениях А. А. Жданова на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в качестве стратегии развития советской музыки избиралась модель полной автаркии, замыкания на собственные силы, с опорой на классическое наследие и на фольклор. Это было вполне объяснимо, если не забывать, что страна Советов жила в условиях усилившейся в начале "холодной войны" изоляции.

Ситуация изменилась после смерти Сталина. Новое партийное и государственное руководство в СССР стремилось договориться с Западом о мирном сосуществовании, начался долгий и мучительный путь к "детанту", разрядке напряженности. В новых условиях свою роль должен был сыграть культурный обмен. И уже в середине 1950-х годов начались поездки и выступления советских выдающихся музыкантов-исполнителей, театральных коллективов. В Советский Союз стали приезжать оркестры, оперные труппы, виртуозы. И вот теперь было предложено подключить к культурному обмену не только исполнителей, но и композиторов.

"Наша музыка живет не изолированно от творческого направления современного искусства", "мы не можем, в частности, пройти мимо опыта, накопленного мировой музыкой в послевоенные годы" – вот основные положения новой концепции, озвученной Хренниковым. Но если в 1948 г. вся музыка Запада рассматривалась как декадентская и упадочная, то теперь, по мнению главы композиторской организации Советского Союза, "в современной зарубежной музыке совершаются очень сложные процессы, отражающие борьбу двух направлений идеологии и творчества – прогрессивного, стремящегося к реалистическому отображению действительности, и абстрактно-формалистического, отгораживающегося от жизни народа".

Далее Хренников как общую тенденцию в развитии музыки послевоенной Европы увидел "несомненный рост и укрепление позиции прогрессивных сил, противостоящих бессмыслице звукотворчества декадентствующих сторонников реакционного направления в современной музыке" и назвал имена

крупнейших композиторов зарубежных стран, таких, как Ян Сибелиус, Бела Барток, Золтан Кодаи, Джордж Энеску, Воан Уильямс, положительно охарактеризовав их творчество. Как он сказал, они “создали каждый в своей творческой манере произведения, пронизанные любовью к человеку, глубокой верой в будущее своего народа. Искусство, вдохновляемое этими идеалами, пользуется любовью и популярностью во всем мире”.

И еще раз подтвердил, от чего дистанцируется советская музыка: “Никакие усилия пропагандистов “новой музыки”, основанные на математических экспериментах додекафонистов, всевозможных комбинациях “конкретных” шумов, записываемых на магнитофонной ленте, или “сочинение” музыки при помощи кибернетики, не могут заставить слушателей полюбить ее, “музыка” эта остается достоянием ничтожной кучки пресыщенных снобов”.

При этом подтвердил способность и готовность советских композиторов встроиться в мировой музыкальный процесс. Сидящие в зале коллеги Хренникова переводили на понятный для себя язык словесные штампы докладчика. Они сразу поняли, что у них появляется возможность выезда за границу, показа своих произведений зарубежной аудитории, появляется надежда привлечь внимание к их сочинениям зарубежных исполнителей, а значит, в конечном итоге возникал хотя бы чисто теоретический шанс заработать, причем получить авторские в валюте³⁸. Именно так они переводили для себя пассажи Хренникова, сплошь состоящие из джентльменского набора отечественного пропагандистского лексикона, вроде следующего: “Советская музыка способствует укреплению дружбы и взаимопониманию между народами земного шара. Она играет действенную роль в благородной борьбе за мир во всем мире” и “В нашу задачу входят всемерное расширение и укрепление творческих связей со всеми прогрессивными композиторами мира”.

В завершение Хренников с радостью констатировал факт, что “за последние годы сложились и окрепли дружественные связи между музыкантами Советской страны и многих, многих стран мира. Это очень важно потому, что одно из важнейших условий развития мировой культуры – взаимное общение и взаимное обогащение различных национальных культур мира”.

Подводя итог своей речи, Хренников еще раз недвусмысленно дал понять суть заключаемого взаимовыгодного договора между КПСС и Союзом советских композиторов СССР. По пунктам содержание этого договора можно определить следующим образом:

– Музыка советских композиторов служит средством художественной пропаганды – “мы горды тем, что в происходящей сейчас острой идеологической борьбе произведения советских композиторов служат делу победы социалистической идеологии”;

– Союз советских композиторов СССР лоялен к советской власти и признает руководящую роль партии, поставившую “перед советскими художниками задачи исторического значения – быть оплотом в сохранении и развитии прекрасных традиций классического и народного искусства: в тесной связи с жизнью создавать произведения, которые служили бы народу в его труде и борьбе. Народность, партийность – душа нашего искусства. Следуя этим основополагающим принципам социалистической эстетики, многонациональный отряд советских композиторов придет к новым, еще более высоким достижениям. Этого ждут от нас народ, родная Коммунистическая партия”.

– Коммунистическая партия Советского Союза гарантирует поддержку творческой деятельности советских композиторов, обеспечение их социальных нужд – “ее вдохновляющее руководство, постоянная чуткая забота о судьбах советской музыки придадут нам силы и уверенность в том, что мы сумеем достойно выполнить свой долг перед народом”

– Советские композиторы обязуются на основе метода социалистического реализма в целях эстетического и идейного воспитания широких масс трудящихся – “создавать новые и новые произведения, которые волновали и радовали бы людей жизненностью своего содержания, высокой этичностью и мастерством”;

– Музыка советских композиторов должна иметь выход за пределы СССР – “то лучшее, что создано уже, является достоянием не только нашего народа, но и мировой музыкальной культуры”.

* * *

Второй съезд советских композиторов, доклад Хренникова стали событиями воистину историческими. Съезд обозначил новую ситуацию в истории советской музыки, новый этап во взаимоотношениях между правящей партией и Союзом композиторов СССР – этап взаимовыгодного партнерства.

Конечно, поначалу это был скорее договор между работодателем и наемным рабочим. Результаты съезда сказались не сразу, понадобилось время, “смена караула” в Президиуме ЦК КПСС и высших органах государства, перемены в жизни, в общественных умонастроениях и еще множество других перемен. И в результате Союз композиторов обретает со временем возможность свою политику мягко, ненавязчиво вменить ЦК КПСС, выдавать свои интересы за государственные. И чем дальше ослаблялось внимание и контроль за Союзом композиторов со стороны партии, тем эти требования становились настойчивее и, в конечном итоге, СК превратился в государство в государстве. Разумеется, оставаясь полностью лояльной организацией, члены которой писали обязательные дежурные сочинения по случаю юбилеев, круглых дат, государственных и партийных праздников, глава которой бодро рапортовал на партийных съездах об улучшенных количественных показателях производства опер и симфоний на душу населения “за отчетный период”. Обычно, после того как Хренников отчитывался на очередном съезде КПСС, Л. И. Брежнев подходил к нему и говорил “Молодец, Тихон!”, похлопывая довольного первого секретаря СК по плечу. Это совершенно никто не понимает ни у нас, ни за рубежом. Об этом ничего не знают и даже не догадываются музыковеды-советологи, продолжающие как попки талдычить о соцреализме и жестком партийном контроле над композиторами. . .

В своих тетрадях “Разных записей” Свиридов неоднократно возвращался к оценке деятельности СК. В Заметках 1989–1993 Свиридов в 1991 году (год проведения VIII съезда СК СССР) записал следующее: “Союз композиторов – не просто общественная организация. За сорок три года своего существования он превратился в великолепно организованное тоталитарное Государство со своей администрацией, огромнейшими деньгами (десятками миллионов ежегодных расходов), связями с правящей верхушкой, связями с зарубежными деятелями, которые держат в руках всемирную музыкальную индустрию, концертную жизнь, образование. Хренников – совсем не демонический злодей, <...> сметливый, ловкий, угодливый, <...>, обманывающий всех и прежде всего виртуозно водящий за нос государственных воротил. Их он обманывал с каким-то даже тайным сладострастием. . .”³⁹

* * *

Вторым выступающим после Хренникова был Б. М. Ярустовский с пространным докладом “О творчестве советских композиторов в области музыкального театра”.

А третьим основным выступлением на пленарном заседании съезда был содоклад главного редактора журнала “Советская музыка” Г. Н. Хубова “Критика и творчество”.

Хубов прекрасно понимал сложность своего положения, понимал, что угроза увольнения нависла над ним, выступление Хренникова на съезде не оставляла главному редактору никаких надежд. Скорее всего, он решил не сдаваться врагу и как гордый крейсер “Варяг” дать бой и с гордо поднятым флагом на флагштоке уйти ко дну. Впрочем, наверняка он еще питал толику надежд на общественную поддержку со стороны антихренниковского лагеря.

Если Хренников в своем докладе ругал журнал “Советская музыка” за то, что “критика отрицательных явлений прошлого носит крайне односторонний характер” и что в этом журнале “некоторые авторы, по существу, снимают вопрос о наличии в советской музыке отдельных пережитков модернистических влияний”, то Хубов, не называя имени Хренникова, по существу, обвиняет генерального секретаря ССК СССР за его представление о том же социалистическом реализме: “антиленинское, нарочито суженное и обедненное представление реализма и народности, регламентировавшее творческую фантазию

и творческие искания, по сути дела, извращало глубокий жизненный смысл партийных решений по вопросам искусства и тормозило широкое развитие нашего многообразного, подлинно реалистического музыкального искусства⁴⁰.

И если имени Хренникова в связи с Десятой Шостаковича Хубов не упоминал, то своих антагонистов он не забыл назвать. «Каковы эстетические критерии реализма в музыке? — задавался он вопросом, — И почему при бесспорности общих положений в конкретных критических оценках допускались и допускаются грубые ошибки, а теоретические выводы иных музыковедов о многих произведениях современности вступали и вступают в непримиримое противоречие с практикой, с жизнью? Почему, например даже таким замечательным, получившим мировое признание сочинениям, как Десятая симфония Д. Шостаковича, иные наши музыковеды, в том числе и видные (Ю. Кремлев, Ю. Келдыш и др.), отказывают в реализме? Почему неудачная опера Г. Жуковского «От всего сердца» была расхвалена, а выдающейся, глубоко реалистической опере С. Прокофьева «Война и мир» до сих пор предъявляются бездоказательные обвинения в «непреодоленных влияниях модернизма»? <...> Почему наша музыкальная критика сразу же и горячо не поддержала проникновенных вокальных циклов Г. Свиридова?⁴¹ Почему глубоко содержательная Третья симфония Б. Лятошинского была несколько лет назад в непристойно грубой форме раскритикована киевским музыковедом В. Довженко и лишь недавно вновь утвердилась в репертуаре? Как могла, наконец, наша критика мириться с тем, что музыкальное радиовещание годами исполняло в своих передачах серые, наводящие тоску симфонические опусы, а такое прекрасное произведение, как Вторая симфония А. Хачатуряна, не звучало около десяти лет?»⁴².

* * *

Доклад Хубова был посвящен музыковедению и критике. И тут не обошлось без сюрпризов. В самом начале своего обзора вторым после Б. В. Асафьева он назвал И. И. Соллертинского. В 1948 и 1949 годах это имя произносились сторонниками эстетики Жданова со скрежетом зубным, он считался главным рупором музыки загнившего буржуазного Запада, адептом формализма, ему приписывалось вредное влияние на того же Шостаковича. Оценка Хубова — прямо противоположная: «Не могу не вспомнить здесь и о другом нашем выдающемся музыкальном критике, ученом и публицисте И. Соллертинском, одновременно погибшем в годы войны».

Положительно оценив ряд музыковедческих трудов, отметив, что в музыковедении наметилось известное оживление⁴³, Хубов подверг осуждению критику в ее оценке современных процессов в советской музыке. Как он отметил, «грандиозный опыт развития советской музыкальной культуры до сих пор понастоящему не изучен, критически не проанализирован, эстетически не обобщен. Окидывая критическим взглядом пройденный путь, мы видим, что далеко не все творческие достижения музыкального искусства были оценены по достоинству, в то же время многие безотрадно серые, посредственные произведения нередко рассматривались как реалистические».

Вспомнил недобрым словом «культ личности». И опять-таки в пику Хренникову заметил, что «в атмосфере культа личности установился отнюдь не музыкальный тон административного «командования искусством», давно и решительно осужденный партией».

Спасая дорогой его сердцу социалистический реализм, он пытался «очистить» его, списав на культ недостатки музыкальной критики: «Мы мало вникали в самую суть сложных творческих процессов, не очень заботились о выработке прочных эстетических критериев реализма в музыке, довольствуясь ограничительными, шаблонно-упрощенными формулами, которые постепенно приобрели характер неких «узаконенных» догм и схем. Здесь, конечно, сказалось влияние культа личности, сковывавшее творческую инициативу и самостоятельную критическую мысль, навязывавшее «непогрешимость» одного субъективного художественного вкуса». И опять-таки это замечание косвенно намекало на ошибки руководства Союза композиторов, его секретариата.

И уж совсем, что называется, не в бровь, а в глаз, слова Хубова достигают цели, когда он говорит о поддерживаемом руководством Союза стиле

музыки в конце 1940-х годов – начала 1950-х, когда советскую музыку захлестнула волна парадного славословия и помпезности, противопоставляя им, по мнению Хубова, созданные в эти же годы культура личности “многие замечательные, глубоко реалистические произведения”.

Приводимый им список выглядит пестровато, но Хубов сознательно включил в него наряду с действительно достойными и сочинения слабые, но общепризнанные. Наряду с Десятой симфонией и Скрипичным концертом упоминается, к примеру, “Песнь о лесах” Шостаковича. Здесь же Хубов упомянул оперу “Война и мир” и Седьмую симфонию С. Прокофьева, Вторую симфонию и Виолончельный концерт А. Хачатуряна, оперу Ю. Шапорина “Декабристы”, “ряд произведений Р. Глиэра, Н. Мяскового, Т. Хренникова, Д. Кабалевского, Г. Свиридова, Н. Пейко, Г. Галынина”.

Было еще одно важное ключевое слово-пароль, употребленное Хубовым. Это “догматизм”. В лексиконе Хренникова и его сторонников из композиторов-“реалистов” это слово напрочь отсутствует. Зато его часто употреблял Шостакович в своих выступлениях в то время. И подобно Шостаковичу Хубов употреблял это слово, подразумевая под ним все те отрицательные стороны руководства ССК СССР при Сталине. Собственно, из слов Хубова становилось ясно, что именно Хренников и является самым главным отрицательным героем эпохи культа личности, основным виновником бед композиторов-“формалистов” в Союзе композиторов в сталинскую эпоху, сочинения которых замалчивались или поносились последними словами. “...горько то, – говорил Хубов, – что значительная часть творческого богатства советской (и не только советской) музыки довольно долгое время “хранилась” под спудом догматизма – верного служителя культа личности. Некоторые талантливые сочинения, почему-либо осужденные догматиками, не исполнялись или исполнялись очень редко”.

Хубов резко высказался против ограниченности и недалёковидности догматизма, защищая право художника на фантазию⁴⁴. И опять при этом упомянул ту же Десятую симфонию. “В особенности это относится к музыке, – искусству, в котором элемент романтический играет столь важную роль. Мы часто сетуем на $p < e >$ реизвод серых, скучных музыкальных произведений. В чем их главный порок? В полном отсутствии фантазии, отсутствии мелодического вдохновения. К сожалению, мы с этим свыкаемся. И когда нас захватывает смелый взлет творческой фантазии композитора в таких ярко-реалистических произведениях, как, например, “Война и мир” С. Прокофьева, или Десятая симфония Д. Шостаковича, или “Есенинская поэма” Г. Свиридова, то мы робеем, смущаемся и начинаем застенчиво выискивать в музыке неопределенные влияния модернизма...”⁴⁵.

Борис Шварц обращал внимание на, с его точки зрения, “либеральные” высказывания Хубова. Действительно, Хубов защищал “использование диссонанса, который все слишком часто смешивали с какофонией”⁴⁶, выступал “против неразборчивого акцентирования оптимизма (фаворите в концепции советского искусства), процитировав Ленина, “нет ничего более вульгарного чем самодовольный оптимизм”. Что требуется воображению, то не должно регламентироваться, здесь опять цитата из Ленина под рукой, “фантазия это качество самой высокой ценности”.

Верно отметил Шварц, что Хубов поднял вопрос о сомнительном использовании термина “модернизм” в советской критике. Докладчик процитировал статью “Модернизм” из второго издания Большой советской энциклопедии и пришел к выводу, что если следовать этому не очень точному определению, то “при таком механическом нивелировании композиторы подобные Дебюсси и Равелю, Малеру и Штраусу, Стравинскому и Хиндемиту, Бергу и Онеггеру, все вместе смешаны в кучу как представители “реакционного” модернизма”⁴⁷. Честно говоря, Хубов сам запутался в определении модернизма, за что его не преминули отчитать его оппоненты⁴⁸.

И все же Шварц не оценил самое важное – те мысли Хубова, что составляли квинтэссенцию его доклада, суть его художнической позиции.

В заключительной части своего содоклада Хубов вновь вернулся к своим излюбленным понятиям – реализму и народности. Причем, что особенно важно, без упоминания соцреализма. Собственно, он не сказал ничего особенно нового, но в сравнении с его собственными не всегда успешными попытками

вырваться из пут вязкой словесной паутины официальной эстетики, здесь он почувствовал свободу и нашел хорошие слова и дельные мысли.

“Могущество музыки — в глубоком и многообразном выражении правды чувства, правды поэтической идеи...”, “Реализм в музыке — это прежде всего правдивое выражение душевного мира человека, тончайших черт его душевной настроенности, вызываемой перипетиями жизненной борьбы <...>. Здесь композитору доступны и послушны все выразительные средства музыки”.

И, пожалуй, самое ценное в его последней части содоклада — это мысль о значении мелодии. “Фантазия композитора, воспринимающего и образно передающего живые впечатления действительности, ищет опоры и находит ее прежде всего в мелодии. Ибо в мелодии и из мелодии рождается музыкальный образ — “чувствуемая мысль”. Поэтому правда выразительной, индивидуальной и яркой мелодии есть важнейшее, хоть и не единственное требование реализма в музыке”.

Не то, чтобы это было откровением, но советской и постсоветской русской музыке нужно будет пройти довольно сложный путь, через искушение безмелодичной музыкой западного авангарда, через увлечения разными модными течениями и техниками, необычными оркестровыми эффектами и поражающими слух звуко сочетаниями, редкостными инструментами, электронной, чтобы вернуться к этой, незатейливой на первый взгляд, мысли. Тот же Свиридов это понял одним из первых, еще в 1970-е — 80-е годы, когда советские композиторы проходили уроки школьной додекафонии. “Если музыка хочет выражать душу человеческую, ее печаль и радость, ее сокровенные устремления — она должна возвратиться к мелодии. Иного пути, кажется, нет”, — записал композитор в своей тетради “Разных записей” за 1978–1980 г.⁴⁹.

Как можно теперь понять, где-то в дальнем углу памяти Свиридова остались и слова Хубова о народности. Ныне это понятие совсем исчезло из лексикона нашего искусствознания, что отчасти объясняется его неумеренным употреблением и совершенной профанацией в прошлом. И Свиридов это хорошо понимал, вне официальной обстановки долгое время не употреблял все это понятие, и лишь в зрелые годы вернулся к нему, вложив в него свой важный смысл. К истории его взаимоотношений с Шостаковичем это имеет самое прямое отношение, о чем пойдет речь дальше.

Вне гнетущей, мертвящей ферулы соцреализма понятие народности в докладе Хубова получило вполне достойную интерпретацию: “Народность — это **мерило идейной чистоты и духовной мощи** искусства, черпающего вдохновение из вечного источника — жизни. Поэтому мы говорим, что народность есть **основа** реалистического метода в искусстве. И я позволю себе повторить, что само по себе объективное отражение действительности, то есть воплощение в художественных образах тех или иных явлений жизни, воспринимаемых творческой индивидуальностью композитора, будет еще не полно, реалистически не закончено, если оно не прочувствовано тем простым чувством, каким обладает народ”.

Эти слова перекликаются с рассуждением Свиридова о народности, чеканную формулу для него композитор найдет значительно позднее, в 1979 г. Возвращаясь к неоднократно повторяемой летучей фразе М. И. Глинки “Народ пишет музыку, а мы ее только аранжируем”, Свиридов считает, что смысл ее заключается в том, что “композитор должен прежде всего слышать народ, быть выразителем того сокровенного, о чем поет народ в своих песнях, т. е. выразителем народного духа, народного сознания”⁵⁰. Именно в “неотделимости искусства от народа”, в “чуткости к народному сердцу” Свиридов видел смысл и предназначение творчества русского композитора. И, как мы покажем в дальнейшем, именно здесь лежит водораздел между эстетикой Шостаковича и Свиридова.

В самом конце своего содоклада Хубов попытался — не очень убедительно — “реабилитировать” ряд выдающихся композиторов конца XIX — начала XX, избавив их от жестоко карающего суда “ждановщины”, “осужденных” в 1948 г. на забвение по статье “модернизм”⁵¹. Попытка определить исторические границы модернизма в конце концов свелась к признанию за модернизмом периода после первой мировой войны, причем туда скопом Хубов поместил таких разных композиторов, как Менотти, Стравинский, Анри Пуссер, Э. Хелм, и, в конце концов, дошел до Арнольда Шенберга, произнеся свой

приговор одному из столпов модернизма. Не забыл упомянуть изобретенную главой нововенской школы систему, оценив ее отрицательно: “Основой “системы” А. Шенберга явилась изобретенная им “додекафония” <...> Додекафония нанесла смертельный удар в самое сердце музыки, разрушив живую, трепетную ткань **мелодии**”. Понадобилось еще почти полвека, чтобы эта догадка была осознана в композиторских кругах как у нас, так и за рубежом. И опять цитирую позднего Свиридова: “Понятие мелодии по сути исчезло, так стал называться всего лишь ряд произвольно выбранных звуков...”⁵².

Надо сказать, что в отношении к Шенбергу и додекафонии Хубов не был одинок и солидаризировался в тот момент с подавляющим большинством советских композиторов старшего и среднего поколения. И здесь он сошелся во взглядах и с Хренниковым, и с Шостаковичем.

Увы, их позиция, как показывает история, была уязвима. Пытаясь отстаивать и защищать опыт советской композиторской школы, они обосновывали свою позицию на зыбком, весьма неопределенном эстетическом фундаменте — понятии социалистический реализм. Чисто романтическая, не лишенная поэзии, со счастливым финалом, напоминающим конец сказки “Золотой ключик” А. Толстого, эта идея стала идеологическим догматом, непогрешимым как папа римский. По сути это был фантом, туманная, или, как говорил Платон, “смутная идея”. И уж никакой не метод. Хубов даже не решился определить, какое отношение имеет соцреализм к музыке⁵³, отделившись красивой, но неопределенной фразой “социалистический реализм **широк, как сама жизнь**”, закончив ее совсем уж смешно и нелепо: “Стало быть, незачем и некуда его “расширять”.

В 1930-е — 40-е годы советскими композиторами был создан свой оригинальный стиль нового советского классицизма, найдены формы, найден метод симфонизма. Были созданы произведения, вошедшие в “топ-лист” мировой музыкальной литературы. И вот теперь, после войны, после смерти Сталина созрела внутренняя, чисто творческая необходимость создания новых форм музыкального искусства, которые могли бы передать новое содержание, новое мироощущение и идеи, рожденные послевоенной эпохой. Пришло время напряженных поисков.

Западные советологи особенно любят распространяться по поводу жесткой регламентации композиторского труда, ограничения свободы творчества со стороны партийного руководства страной. Но они не понимают, как эта регламентация осуществлялась на самом деле.

Если в сталинскую эпоху все боялись мнения самого вождя, который лично слушал музыку советских композиторов, то уже ближе к концу его жизни, после войны и особенно после его смерти, суд вершил всесильный ЦК КПСС. И вот тут-то обычно и совершают ошибку советологи, не понимая, как рождались указания отдела культуры ЦК. А рождались они главным образом в секретариате ССК СССР, чаще с подачи самого генерального секретаря Союза композиторов СССР. Оценки, творческие установки, данные секретариатом ССК СССР, доводились до сведения ЦК КПСС и там, наверху, окончательно оформлялись решения относительно как “генеральной линии” в творчестве советских композиторов, и вплоть до конкретных вопросов, кого из композиторов и как поощрить, а кому выразить порицание и не дать премии или звания⁵⁴.

Когда с легкой руки Д. Шепилова возникло расширительное толкование соцреализма, стилистическая регламентация творчества свелась к минимуму со стороны государства. Споры по поводу додекафонии, сериализма, электронной музыки и прочих новаций Запада постепенно перемещались на периферию, внутрь композиторских дискуссий. И если при Хрущеве еще раздавался его зычный голос с угрозами в адрес поклонников “буржуазной” музыки, то во времена Л. Брежнева и Политбюро, и ЦК КПСС оставались вне споров о стилях в советской музыке. Для партийного руководства важно было только одно, чтобы у композиторов не было “стилистических разногласий” с советской властью. А вот за настроениями и образом мыслей композиторов внимательно следили совсем иные органы, имевшие прямые контакты и своих осведомителей среди членов партийной организации Союза и в отделе кадров, да и рядовых композиторов и музыковедов.

Проблема заключалась в том, что среди самих композиторов в середине 1950-х годов не было единства во взглядах, не было четко выработанного представления, каким путем двигаться дальше. Оставшиеся в живых авторитетные

композиторы старшего поколения не решались на перемены. Тот же Шостакович в своем творчестве оставался в рамках выработанных им в предшествующие десятилетия стиля и форм. Многие его последователи шли за своим лидером, повторяя его приемы с большей или меньшей творческой самостоятельностью, а чаще всего клишируя образцы. Поэтому едкая реплика И. Дзержинского относительно “маленьких шостаковичей” родилась отнюдь не на пустом месте. Но не всем это нравилось. Кто-то искал другие образцы для подражания, находя его в стиле И. Ф. Стравинского или Белы Бартока, молодежь же была открыта для совсем радикальных веяний, в том числе тех, что шли от международного музыкального авангарда. Старшие поколения всячески сопротивлялись этому, точно определив красную черту, за которую не рекомендовали молодым заходить. Поэтому, как это ни покажется странным, всех устраивал ничего не говорящий, безбрежный, широкий “как сама жизнь” соцреализм. Им клялись и его все упоминали композиторы всех ориентаций, и “реалисты”, и круг Шостаковича, да и сам Шостакович не чурался его. А за красной чертой на какое-то время поместились нововенская школа и музыкальный авангард⁵⁵. Это оставалось ересью, порицалось как формализм, как влияние буржуазного Запада.

* * *

А между тем, в музыкальной “холодной войне” советским композиторам противостояла мощная армия, вооруженная сверхсовременным идейным оружием, оснащенная новейшей музыкальной технологией, методами композиции и оркестрового письма, фундированная философско-эстетическими концепциями, большой практикой сочинения. Поддерживаемый сильнейшей пропагандистской машиной США, не уступающей после войны нашему Агитпропу, имея возможность пропагандировать свою продукцию через звукозаписывающие фирмы, радио- и телевидение, издательства, через прессу, тот же международный музыкальный авангард имел, конечно, большие преимущества⁵⁶.

Американская пропагандистская машина начала интенсивно работать в самом конце войны. Достаточно вспомнить Глена Миллера и его Армейский оркестр военно-воздушных сил США, организованный в 1943 г. Выступления этого оркестра по радио Би-би-си, на военных базах союзников произвели сильное впечатление на армейское руководство. И если бы не преждевременная гибель Миллера в 1944 г., то наверняка его оркестр был бы в первых рядах гастролировавших американских джаз-оркестров в Европе в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Тем не менее, джазовые коллективы США в первые послевоенные годы буквально заполнили Европу и европейское радиовещание.

Сразу после окончания войны в Германии при Верховном Главнокомандовании Союзных экспедиционных сил пропагандой был организован отдел психологической войны, во главе которого был поставлен бригадный генерал Роберт Макклор. Как пишет журналист Алекс Росс в своей популярной книге “Дальше – шум: Слушая XX век”, “психологическая война означала достижение военных целей невоенными средствами, а в случае с музыкой это означало продвижение джаза, американских композиций, международной современной музыки и других звуков, которые могут быть использованы для разрушения концепции арийского культурного превосходства”⁵⁷.

С образованием Управления военной администрации США в Германии (The Office of Military Government, United States, сокр. OMGUS) отдел Психологической войны превратился в управление информационного контроля, “взявшее на себя ответственность за всю культурную деятельность в оккупированных районах”⁵⁸. Первоначальной целью управления был проект освобождения немецкого ума от нацистской идеологии. Проект, носивший название “переориентация”, касался и музыки. Сохранилась Инструкция музыкального контроля № 1. В этой инструкции излагался метод пропаганды: “Немецкая музыкальная жизнь должна быть под влиянием положительных, а не отрицательных средств, т. е. путем поощрения музыки, которая нам кажется полезной, и вытесняя такую музыку, которую мы считаем опасной”. К опасным относилась

музыка Рихарда Штрауса и Ганса Пфицнера, а также Яна Сибелиуса в связи с его “Финляндией”, сочинением, в котором находили антирусскую направленность (чтобы не “обижать” русских военных)⁵⁹.

Конгресс США раскачивался долго, и только усиленная активность советской культурной пропаганды побудила принять государственную программу культурных презентаций (the Cultural Presentations program) в начале 1950-х годов. Опыт военной администрации был учтен. И теперь он распространялся на недавних союзников – Советский Союз и страны социалистического лагеря. В начале была сделана ставка на композиторов старшего поколения, творцов “великой американской симфонии”, как иронично отозвался о них Р. Тарускин, автор “Оксфордской истории западной музыки”⁶⁰. Арон Копланд, Самуэль Барбер, Лукас Фосс, Уильям Шуман, Рой Харрис, Воан Уильямс, Роберт Сешнс действительно создали симфонические произведения, популярные до войны. Эти композиторы стремились создать свой национальный стиль, получивший название “музыкальный американизм”. Надо сказать, что американский симфонизм был довольно близок по своей направленности и формам советскому симфонизму. Быть может, чуть менее яркий. И не случайно эти композиторы были в дружеских отношениях с советскими композиторами, приезжали в СССР. Но в годы маккартизма за их сочувствие к Советскому Союзу эти композиторы ушли на второй план. И вперед выдвинулся Арнольд Шенберг со своими американскими учениками и европейский авангард.

Международный музыкальный авангард оказался наиболее приемлемым по своей идеологии, эстетике. Музыковеды и философы видели в этой музыке отсутствие каких-либо связей с традициями народной и классической музыки, что, наоборот, всячески поощрялось в Третьем рейхе. Отрицались основы классической музыки – ее тональная организация, лад. Найденный авангардистами метод композиции, так называемый “тотальный сериализм”, в годы холодной войны обретает сильный политический резонанс. Как пишут западные исследователи, “соответствующий (подходящий) холодной войне сериализм повышается в статусе” (Cold War-appropriate-serialism-began to rise in status), сильно потеснив “великую американскую симфонию” в музыкально-пропагандистской кампании в послевоенной Германии⁶¹.

Поэтому далеко не случайно американцы вложили средства в создание новой организации – Международных летних курсов новой музыки в Дармштадте. Техника композиции в двенадцати тонах А. Шенберга и возникшая на ее основе техника тотального сериализма стали пропагандироваться на летних курсах как образец “свободы творчества”, в то же время в СССР эти методы композиции рассматривались как образцы буржуазного формализма и фактически были табуированы. Этим не преминула воспользоваться западная пропаганда, распространяя известную идею “в СССР нет свободы творчества”. Но как известно, в Летней школе были суровые законы. Писать тональную музыку там строго воспрещалось. Так что оказывалось, что под свободой творчества подразумевалось обязательное пользование додекафонией и сериализмом как методами сочинения музыки. Это мало чем отличалось от ждановских правил сочинения мелодичной и красивой музыки. Что ж, на войне как на войне.

Тем не менее, международные летние курсы современной музыки в Дармштадте выглядели куда более привлекательными в глазах композиторов стран народной демократии, нежели Союз композиторов СССР с его идеологией соцреализма. У нас об этом стыдливо молчат, но действительно прав был Хубов, когда говорил о мощнейшей финансовой подпитке, благодаря которой “модернизм получает довольно широкое распространение в Европе и в США”. И его опасения, что композиторская молодежь может увлечься западной музыкальной модой, оказались, как мы покажем в дальнейшем, пророческими⁶². Сложность выбора пути для советских композиторов заключалась в том, что додекафония была отнюдь не случайным изобретением А. Шенберга, была своя внутренняя логика развития европейской музыки, которая привела к додекафонии как к одной из возможных систем композиции. Об этом разговор пойдет дальше.

Но возвращаемся к содокладу Хубова. Под занавес он предложил укрепить “творческие контакты с передовыми зарубежными музыкантами” и призвал “содействовать сплочению всех прогрессивных сил искусства в борьбе за прекрасную, человечную, правдивую музыку наших дней”. А в самом конце

он выразил уверенность, что композиторов и критиков “свяжет большая и верная дружба”, которая “не должна бояться самой суровой правды”, и что рука об руку, вместе “мы быстрее и успешнее преодолеем большой и трудный путь к Гималаям социалистического реализма”. До Гималаев так, увы, и не дошли...

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ На заседании Президиума ЦК КПСС 4 апреля 1957 г., когда Второй Всесоюзный съезд уже оканчивал свою работу, Маленков, Булганин, Ворошилов, Каганович и Молотов обвинили Секретариат в том, что члены Президиума не обсуждали вопросы съезда. Не обсуждался и текст речи Шепилова на съезде. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. Гл. ред. А. А. Фурсенко. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 246–47. Д. Т. Шепилов был секретарем ЦК КПСС с 14 февраля, когда он оставил пост министра иностранных дел, и до 29 июня 1957 г.
- ² К сожалению, как советское, так и российское музыковедение практически прошли мимо темы влияния советской пропаганды и культурной политики на музыкальные культуры социалистических стран. Есть только общеисторические работы, касающиеся процесса так называемой советизации стран Восточной Европы, входивших в социалистический лагерь. См. *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949*. Edited by Norman Naimark and Leonid Gibianskii. Boulder, Colo.: Westview Press, 1997; By Norman Naimark. *The Cambridge History of the Cold War*. Vol. 9. *The Sovietization of Eastern Europe 1944–1953*. Ed. By Melvyn P. Leffler. University of Virginia. Odd Arne Westgad, London School of Economics and Political Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Волокитина Т. В., Мурашко Г. П. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа 1949–1953. Очерки истории. – М.: РОССПЭН, 2002.
- ³ Международное общество современной музыки (*ISCM*, англ. *International Society for Contemporary Music*, нем. *Internationale Gesellschaft für Neue Musik*) – международная организация, занимающаяся пропагандой новейшей академической музыки. Основана в 1922 г. в Зальцбурге, во время Зальцбургского фестиваля. В принятой основателями Общества хартии утверждалось намерение “защищать и поддерживать прежде всего экспериментальные и труднодоступные направления в музыке”. Среди композиторов, стоявших у истоков Общества, – Арнольд Шёнберг, Антон Веберн, Пауль Хиндемит, Дариус Мийо, Аарон Копленд и др. Советская Россия была представлена секцией под именем Ассоциация современной музыки (*АСМ*), просуществовавшей до 1932 г. На первом съезде советских композиторов *АСМ* была подвергнута острой критике, как пропагандист “модернистических” течений современной буржуазной музыки.
- ⁴ Политические события 20–25 февраля 1948 г. в Чехословакии, в результате которых при сохранении Конституции страны и её многопартийной системы, а также без смены президента (социал-демократ Эдвард Бенеш) и премьер-министра (коммунист Клемент Готвальд) Коммунистическая партия Чехословакии заняла ведущие позиции в политической системе страны. Это не замедлило сказаться на кадровой политике во всех областях, в том числе и в творческих союзах.
- ⁵ К сожалению, в отечественном музыкознании это мероприятие не стало предметом отдельного исследования. Вынужден отослать читателя к статье американского музыковеда Кирилла Томофф об этом съезде, проходившем в рамках фестиваля “Пражская весна”, о политических событиях, подготовке к фестивалю и съезду: Tomoff Kiril. A pivotal turn: Prague spring 1948 and the Soviet construction of a cultural sphere // *Slavonica*. Vol. 10, № 2, November 2004, p. 157–176.
- ⁶ “Прогрессивные музыканты мира в борьбе за демократическое музыкальное искусство” (передовица) // Сов. музыка. 1948. Июль. № 5. С. 3.
- ⁷ Хотя саму идею создания некоего “варшавского музыкального пакта” не оставили. Она продолжала витать в умах руководства СК СССР и позднее, вплоть до начала 1970 годов. Из этого опять ничего не вышло, но уже по чисто внешнеполитическим причинам (события в августе 1968 г. в Чехословакии сыграли свою роль). Тогда Хреников решил сделать ставку на вхождение в существующие уже организации. В частности, в Международное общество музыкального образования (*ИСМЕ*).

- В 1972 г. президентом ИСМЕ был избран Д. Б. Кабалевский. После развала СССР российские композиторы проявили инициативу, была воссоздана российская ассоциация в Международном обществе современной музыки.
- ⁸ В 1946 г. в Дармштадте по инициативе композитора и критика Вольфганга Штайнеке возникли летние курсы современной музыки. Отдел информационной войны при оккупационной администрации США, в которой был отдел музыки и театра, заметил эти курсы и принял активное участие в его деятельности. В результате в 1948 г. курсы были реорганизованы в Международные летние курсы новой музыки. В новой программе основной задачей ставилось знакомство немецких музыкантов с американской музыкой, а также с музыкой, которая при Третьем рейхе была запрещена к исполнению. Музыка нововенской школы, ее эстетика и практика, теория композиции стали основным предметом изучения и пропаганды. В Дармштадт зачастили адепты Шенберга, такие как Рене Лейбовиц, Теодор Адорно, Х. Штукеншмидт. Впоследствии, в начале 1950-х годов в Дармштадте надолго заняли господствующее положение представители международного музыкального авангарда. Так что у отдела пропаганды ЦК ВКП(б) были основания для спешки с созданием новой международной композиторской организации под своим контролем. И не только в связи с ускоренным политическим курсом на советизацию стран народной демократии. С 1948 г. музыка фактически была вовлечена в орбиту “холодной войны”.
- ⁹ Известный биохимик, лауреат Нобелевской премии.
- ¹⁰ Литератор, поэт, писатель, переводчик, представитель реалистического направления в венгерской литературе.
- ¹¹ Ignaz A. A Musical Inquisition? Soviet “Deputies” of Musical Entertainment in Hungary during the Early 1950s. P. 133.
- ¹² Там же. P. 134.
- ¹³ Там же. P. 16.
- ¹⁴ См. Fosler-Lussier Danielle. Music Divided: Bartyk’s Legacy in Cold War Culture. — Berkely, Los Angeles: University of California Press, Ltd., 2007 [first ed.]. (Фослер-Люссьер-Даниэль. Музыка разделенная: наследие Бартока в культуре [эпохи] холодной войны. Особенно следует отметить раздел Epilog East: Bartoc’s Difficult Truths and Hungarian Revolution of 1956 (Эпилог Восток: Бартоковские трудные истины и венгерская революция 1956). Приношу признательность финскому музыковеду Мери Херрала за указание на это исследование.
- ¹⁵ Szabolcsi Bence. Bartók Béla élete; Bónis Ferenc. Bartók élete képekben; Zeneműkiadó, Bp., 1956 (Сабольчи Бенце. Жизнь Белы Бартока; Ференц Боннис. Жизнь Бартока на фотографиях. Музыкальное издательство, Будапешт, 1956). В следующем году вышло в свет издание Béla Bartók. Weg und Werk — Schriften und Briefe. Budapest, 1957 (Барток Бела. Путь и работа. Труды и письма. Будапешт, 1957) с предисловием Б. Сабольчи.
- ¹⁶ К сожалению, мало известно о судьбе венгерских композиторов во время и после восстания осенью 1956 г. Публикации на эту тему насчитывают буквально единицы, в основном на венгерском языке.
- ¹⁷ Кабалевский Дм. Пражская весна и современная музыка // Сов. музыка. 1957. 8. С. 9.
- ¹⁸ Там же. С. 11.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Впрочем, сам К. Данькевич обратился в ЦК КПСС с просьбой пересмотреть отношение к его опере, но его демарш не имел успеха. На заседании Президиума ЦК КПСС 19 марта 1957 г. в присутствии Хрущева, Булганина, Микояна, Сабурова и Кагановича рассматривался вопрос о письме композитора Данькевича Булганину по поводу его оперы. Булганин посчитал правильными критические замечания в адрес оперы, высказанные в 1951 г. (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. Гл. ред. А. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2004. С. 235). Вероятно, письмо К. Данькевича сопровождалось письменной просьбой А. Корнейчука, автора либретто оперы “Богдан Хмельницкий”, и на эту просьбу Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства также ответил отрицательно. См. предыдущую часть очерка, опубликованную в “Нашем современнике”, 2018 г. № 2.
- ²¹ Данькевич К. Создавать музыку больших чувств // Известия. 1957. Среда, 27 марта. № 73 (12380) С. 3.
- ²² Свиридов Г. Искания и победы // Литературная газета, 1957 г. 28 марта, № 38, с. 1.

- ²³ Во второй половине 1950-х годов у Свиридова было сразу несколько ораториальных замыслов. Среди осуществленных “Поэма памяти Сергея Есенина”, “Патетическая оратория” на слова В. Маяковского, “Двенадцать” на слова А. Блока, а также оставшиеся в эскизах оратории “Песни западных славян”, “Тройка” на слова Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, А. Блока, С. Есенина и “Что ты спишь, мужичок?” на слова А. Кольцова, Н. Гоголя, Н. А. Некрасова, С. Есенина, А. Блока и В. Маяковского
- ²⁴ Друскин М. Новая фортепианная музыка с систематическим обзором современной фортепианной литературы / Предисловие Игоря Глебова. — Л.: Тритон, 1928. Одна из лучших, не отягощенных чуткой цензурой более позднего времени работ этого автора. И сказать, чтобы Друскин нашел какие-то уж совсем уникальные слова в адрес молодого Шостаковича, невозможно. Тут необходимо иметь в виду, что Друскин писал статью, будучи учеником Б. В. Асафьева, и в своей статье выразил точку зрения своего учителя. Эта была не просто субъективная точка зрения, а выражение партийного взгляда на современный композиторский процесс. Друскин в своем очерке всячески подчеркивает значение школы В. Щербачева, который вместе с Асафьевым был лидером современного направления. Шостакович учился у О. Штейнберга, представителя академического направления. Между этими лагерями в 1920-1930-е годы шла довольно ожесточенная борьба в Ленинграде.
- ²⁵ Помню, как сначала в список кандидатов на место первого секретаря СК СССР для голосования было выдвинуто две кандидатуры: московского композитора Г. Дмитриева и Т. Хренникова. Причем, Г. Дмитриев явно имел шанс пройти. И в последний момент украинская делегация настояла, чтобы в список был включен их представитель М. Степаненко. Подсуетились ленинградцы, и Степаненко включили в список. Как только было объявлено о включении кандидатуры украинцев, я обратил внимание на лицо Хренникова. Оно сияло от счастья. Он понял, что игра сделана. И в результате выбрали его. Между прочим, он перед этим подписал коллективное письмо по поводу событий в Литве, направленное против М. Горбачева, на съезде в своем выступлении он приветствовал Б. Н. Ельцина, который, кажется, присутствовал в зале, где заседал съезд. О восьмом съезде см.: Невзорова М. Равнодушное большинство. После-словие к восьмому съезду СК СССР // “Известия”. 1991 г. 16 марта. № 45. С. 3.
- ²⁶ “Плакаты в наших магазинах увещевают нас: “Покупатель и продавец, будьте взаимно вежливы”. Вдохновленный этими великолепными плакатами, я буду вежлив. Один из нас покупатель, а мой герой может быть продавцом. Я говорю о Тихоне Хренникове, председателе Союза композиторов и поэтому моем председателе тоже. Тогда почему я покупатель, а он продавец? Ну, во-первых, продавец всегда более важен, чем покупатель. Вы всегда слышите, как он говорит: “Вас много, а я один”. Вот так и с Хренниковым — нас много композиторов, а он только один из нас. <...> И, во-вторых, отец Хренникова был продавцом, он нашел работу в каком-то богатом торговом магазине. Вот почему наш бессменный вождь постоянно указывал в анкетах, что он сын работника прилавка. Я думаю, что эти обстоятельства сыграли решающую роль, когда Сталин искал “посыльного” для управления Союзом композиторов. Во-первых, как мне сказали, Сталин изучил заявления всех кандидатов на должность администратора, а затем попросил их фотографии. Он разложил их на стол и, подумав, ткнул пальцем в лицо Хренникова. “Его”. И он был прав. У Сталина был замечательный инстинкт на таких людей. “Рыбак рыбака видит издалека”, — говорит наша старая русская пословица”. Цит. по изд.: Testimony. The Memoirs of Dmitri Shostakovich as related to and edited by Solomon Volkov. Translated from the Russian by Antonina W. Bouis. Harper & Row, Publishers New York Copyright 1979. P. 252-253. Приношу признательность Соломону Волкову, уточнившему английский перевод книги.
- ²⁷ Чего стоят, например, такие филиппики в адрес молодого Шостаковича: “Грубейший физиологический натурализм и экспрессионистско-болезненная преувеличенность с особой яркостью проявились в двух операх Шостаковича — “Нос” и “Леди Макбет”. Они свидетельствовали о том, как внимательно и отзывчиво изучал Шостакович уродливые образцы новейшей буржуазно-декадентской оперы”. Цит. по изд.: Хренников Т. Тридцать лет советской музыки и задачи советских композиторов. Доклад Генерального секретаря Союза советских композиторов СССР. Первый Всесоюзный съезд советских композиторов: Стенографический отчет. М.: изд. ССК СССР, 1948. С. 32.
- ²⁸ В качестве примера приведу еще одну цитату из его доклада в 1948 г. об опере С. Прокофьева “Война и мир”: “Следует указать на глубокие пороки оперы С. Прокофьева “Война и мир”. Анализируя существо тех отклонений от романа

Толстого, которые допущены композитором и его либреттистом, мы приходим к выводу, что перед нами своеобразное, модернистическое (так! — А. Б.) толкование великого творения русской классической литературы (Там же, с. 45).

²⁹ Хренников Т. Н. Состояние и задачи советского музыкального творчества. // Советская культура. 1957. 29 марта. № 43. С. 2.

³⁰ Там же.

³¹ “С оперой “Мать” у меня связан очень интересный факт. На один из первых спектаклей в Большой театр приехал Н. С. Хрущев. С ним прибыл также А. Микоян. Опера им очень понравилась, и Хрущев пригласил меня к себе в центральную ложу, откуда он смотрел спектакль. Хрущев высказал очень хорошие слова, отметил, что ему понравилось, что хоть опера и героическая, но производит лирическое впечатление и т. д. Видя такое расположение, я заговорил с ним о том, что необходимо пересмотреть постановление ЦК 1948 года, в котором все ведущие композиторы, являющиеся цветом нашего искусства, представлены в таком свете, что это не делает чести ни нашему государству, ни нашей партии. Убеждал, что необходимо что-то делать, что-то придумать и дезавуировать это постановление. Хрущев прислушался к моим словам и потом коротко отметил:

— Я подумаю.

Это было примерно в декабре 1957 года. И вот в начале 1958 года вышло новое постановление ЦК, где хотя и не отменялось постановление 1948 года, однако снимались его отрицательные оценки и уродливые определения. Я был счастлив тогда” (Хренников Т. Н. Так это было. Тихон Хренников о времени и о себе / запись и обработка диалогов В. Рубцовой. М.: Музыка, 1994. С. 113).

³² “Несмотря на ошибки, имевшиеся в деятельности И. В. Сталина, о которых в свое время еще предупреждал В. И. Ленин, несомненно выдающаяся роль в защите и проведении ленинской линии на строительство социализма в нашей стране принадлежит Сталину” (Фурцева Е. Доклад на торжественном заседании в Москве по случаю 87-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина “По ленинскому пути — к победе коммунизма”. В Большом театре 22 апреля // Сов. культура. 1957. 23 апреля. № 57. С. 1.

³³ См.: Хубов Г. О задачах развития советской музыки. М. Изд-во “Знание”, 1953. Серия II № 38.

В основу брошюры положен доклад “О задачах развития советской музыки”, прочитанный на VI пленуме Правления Союза советских композиторов СССР 9 февраля 1953 года.

³⁴ Советская культура. 1957. 29 марта. № 43. С. 2.

³⁵ Хотя тут же дипломатично заметил, что “мы ценим многое в “Тихом Доне” И. Дзержинского, “Камаринском мужике” и “Именинах” В. Желобинского, “Броненосце “Потемкине” О. Чишко, “Кола Брюньоне” Д. Кабалевского, “Войне и мире” С. Прокофьева, “Молодой гвардии” Ю. Мейтуса, “Богдане Хмельницком” К. Данькевича, “Огнях мщения” Э. Каппа, “Декабристах” Ю. Шапорина, “К новому берегу” М. Зариня, “Степане Разине” и “Ермаке” А. Касьянова”. Ряд говорит сам за себя, если учесть, что в 1948 г. Хренников относил оперу “Война и мир” к числу “модернистических”.

³⁶ Там же, с. 4.

³⁷ В разделе “Вопросы теории и критики” читаем: “Было бы чудовищной вульгаризацией подвергать сомнению политические взгляды, преданность советских композиторов делу коммунизма на основании зачастую не преодоленных ими трудностей в художественном воплощении образов действительности” (там же, с. 3).

³⁸ Долгое время еще композиторы не могли получать авторские гонорары за исполнение своих сочинений за рубежом. Поэтому заинтересованность была в основном в заграничных командировках. Лишь в 1973 г. в связи с присоединением СССР к Всемирной конвенции об авторском праве (в Женевской редакции 1952 г.) Советом Министров СССР было учреждено Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП). Только через это агентство композиторы могли официально продать свое произведение. После всех поборов от авторских оставались сущие копейки. Тем не менее, они выплачивались валютой. После ликвидации ВААП и создания на ее основе Российского авторского общества эта система выплаты валютной оставалась вплоть до 1998 г. Но наиболее находчивые композиторы через своих знакомых зарубежных коллег и агентов изыскивали разные возможности оставлять свои авторские гонорары в целостности и сохранности за рубежом, не декларируя их через ВААП.

- ³⁹ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 484-485.
- ⁴⁰ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1290. Стенограмма заседаний Второго съезда советских композиторов. День третий. 30 марта 1957 года /утреннее заседание/. На 62 листах. Л. 26.
- ⁴¹ В печатном изложении, например, в той же газете “Советская культура” текст доклада Хубова несколько отличается от того, что был зафиксирован в стенограмме. Ср. со стенограммой: “Почему наша музыкальная критика сразу же и горячо не поддержала проникновенные циклы Г. Свиридова — истинного певца жизненной правды... (аплодисменты) которого не в меру ретивые судьи пытались причислить к сонму формалистов?” (РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1290, л. 29).
- ⁴² Хубов Г. Н. Содоклад “Музыкальная критика и творчество” // “Советская культура”. 1957. Воскресенье, 31 марта. № 45 (591). Стр. 2.
- ⁴³ “Это сказывается в стремлении расширить идейно-творческий кругозор критики, раскрыть самую сущность реализма и народности в музыке, освободиться от сковывающих “норм и схем” догматического регламентирования, от шаблона и рутины в анализе и оценке музыкальных произведений, от ложных тенденций, установившихся в обстановке культа личности. Появляются проблемные статьи на актуальные темы теоретического музыкознания: содержательные работы Л. Мазеля, В. Цуккермана. С. Скребкова. Л. Кулаковского, С. Богатырева и других. И хоть медленно, “с раскачкой”, но все же разворачивается серьезная творческая дискуссия на обсуждениях в Союзе композиторов, на страницах журнала “Советская музыка”.
- ⁴⁴ Впервые после 1948 г. за право композитора на творческую фантазию выступил А. Хачатурян в своей знаменитой статье “О творческой смелости и воображении”, опубликованной в журнале “Советская музыка” в 1953 г.
- ⁴⁵ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 1290, л. 41-42.
- ⁴⁶ Schwarz B. Schwarz B. Music and Musical Life in Soviet Russia: Enlarged Edition, 1917–1981. Bloomington: Indiana University press, 1983. P. 304. Шварц имел в виду следующие слова Хубова: “В критических отзывах слово “диссонанс” употребляется чаще всего тогда, когда хотят упрекнуть композитора в отклонении от реализма или намекнуть ему на влияние модернизма. Иначе говоря, по явному недоразумению, диссонанс, эстетическое значение которого в музыкальной драматургии непреложно, путают с какофонией. В таком духе иногда говорят, например, об острохарактерных диссонансирующих звучаниях в произведениях Д. Шостаковича, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, Н. Мясковского и других. Не пора ли серьезнее взглянуть на эстетическое значение диссонанса, на его национальную природу, на его историческую роль. Не пора ли понять, что диссонанс, как писал еще Чайковский, есть “величайшая сила музыки, если б не было его, то музыка обречена была бы только на изображение вечного блаженства, тогда как для нас всего дороже в музыке ее способность выражать наши страсти...”
- ⁴⁷ Ibid., p. 303–304.
- ⁴⁸ А позднее, в мае, когда его служебная судьба была предreshена, окончательно его буквально добил в своей разгромной статье Ю. Келдыш, который и заменил Хубова на посту главного редактора ж. “Сов. музыка” (см. Келдыш Ю. О модернизме в музыке // Сов. культура. 1957. 30 мая. № 72. С. 2.
- ⁴⁹ Свиридов Г. В. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 207.
- ⁵⁰ Там же. С. 294.
- ⁵¹ “Выходит, что Дебюсси и Равель, Малер и Рихард Штраус, Стравинский и Хиндемит, Альбан Берг и Онеггер и другие столь же разные и во многом чуждые друг другу художники — все они как представители модернизма были формалистами и космополитами, искажали действительность и утверждали реакционные тенденции. Но ведь это же явно механическая нивелировка!”
- ⁵² Свиридов Г. В. Музыка как судьба... с. 406.
- ⁵³ “Не развивая общих теоретических положений, не устанавливая **верного**, то есть творчески конкретного, ясного и научно убедительного толкования и определения **социалистического реализма в музыке**, мы нередко сводим спор по этому вопросу к мелким, наивно-эмпирическим рассуждениям о дозволенных или недозволенных рамках “расширения” реализма”.
- ⁵⁴ СК СССР не был единственным источником информации для отдела культуры ЦК КПСС. В зависимости от содержания вопроса, в отделе культуры по нему консультировались с различными учреждениями и организациями, персонально. Лишь на основе собранных сведений и мнений отдел принимал окончательное

решение. Но если речь шла о творчестве композиторов, о каком-то конкретном произведении того или иного композитора, то мнение руководства Союза композиторов было, как правило, решающим.

⁵⁵ Фактически до смещения Н. Хрущева в октябре 1964 г.

⁵⁶ К сожалению, литература по той же американской пропаганде у нас практически отсутствует. Да и сами американцы об этом не много пишут. Лишь в последние годы стали появляться исследования, касающиеся культурной политики СССР и США в годы холодной войны. Среди самых последних укажу на недавно вышедшую книгу Эмили Ансари “Звук сверхсилы: музыкальный американизм и холодная война” (Ansari Emily Th. Abrams. *The Sound of Superpower: Musical Americanism and Cold war*. Oxford, N.-Y.: Oxford University Press, 2018).

⁵⁷ Ross Alex. *The Rest is Noise. Listening to the Twentieth Century*. – L.: Harper Collins Publisher. Fourth Estate ed., 2012. P. 376. Цитирую по этому изданию, русский перевод книги недостаточно полный.

⁵⁸ Ibid., p. 377.

⁵⁹ В русском переводе книги Алекса Росса упоминание о запрете исполнения музыки Яна Сибелиуса отсутствует.

⁶⁰ См. раздел “Великая Американская симфония” (The Great American Symphony) в главе 33 “Музыка и политика в Америке и союзной Европе” (chapter 33 Music and Politics in America and Allied Europe) Оксфордской истории Западной музыки Р. Тарускина и К. Гиббса (The Oxford history of Western music / Richard Taruskin; Christopher Gibbs. College ed. p. cm. N.-Y.: Oxford University press, 2013, p. 995–997).

⁶¹ По мнению канадской исследовательницы Эмили Ансари, музыка американских композиторов-симфонистов в годы холодной войны оказалась “убитой” музыкальным авангардом и его методом тотального сериализма. См. ее исследование “Звук сверхсилы: Музыкальный американизм и холодная война” (“В то же время метод гармонической организации, который некоторые считают более уместным в годы холодной войны – сериализм – начал расти в статусе. Для многих композиторов и историков холодная война, по сути, “убила” музыкальный американизм. Ansari Emily Th. Abrams. *The Sound of Superpower: Musical Americanism and Cold war*. Oxford University Press, 2018).

⁶² “В социалистической музыкальной культуре нет и не может быть почвы для открытых проявлений модернизма, глубоко чуждого, враждебного самому духу реалистического искусства. И все же отраженные веяния и влияния модернистской моды могут проникнуть в сознание советских композиторов, особенно молодых, и оказать пагубное воздействие на их творчество. Это может сказаться в надуманности, нежизненности замысла сочинения, в вычурной усложненности композиции и языка, в увлечении кричащими эффектами экстравагантных звучностей, капризной прихотью модного эксперимента...”

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

ЯРМАРКА НЕБЕСТ

Существует распространённое мнение, что творческие люди в душе непременно словно дети. Но даже они, наступает время, приходят к мысли, что надо жениться, остепениться, выкинуть дурь из головы, стать благоразумными. Сколько можно оставаться скитальцем, одиноким, без семьи? Нет сомнений в том, что пёстрая любовная мозаика и самому Александру Сергеевичу не была в великую радость. Ну, ловелас, ну, бабник, вон какой длины “донжуанский список”, так ведь и тот далеко не полный, – с него что, в душе покоя и улады прибыло? А ведь давно не мальчик. Уже и юность вроде бы миновала.

Где, какие куранты, брегет или ходики отзвонили, но “полдень мой настал”, – сказал сам себе Пушкин и решил, что пора ему, наконец, “заклечь в объятия свой” женщину, отношения с которой будут освящены законным браком. Конечно, эпоха была чувственная и одновременно, если судить-рядить жёстко, позволительно даже признать, что почти без морального чувства. Вернее, мораль, конечно, присутствовала. Однако с точки зрения общепринятых ныне (хотя и редко соблюдаемых) понятий о ней нападать на Пушкина мы ведь не станем. Но и ограничивать себя разговором о рисунке времени и нравах, ему характерных, тоже не будем.

Первые мысли о женитьбе, и весьма решительные, появляются у него осенью 1826 года в Москве. В результате у Пушкина начинается длительный – четырёхгодичный – период уже не просто любовных, а брачных страданий. Почему страданий? Потому что, с одной стороны, вряд ли можно череду из шести предложений руки и сердца в течение четырёх лет объяснить какой-то страстной любовью. Но, с другой стороны, только дети верят в то, что браки заключаются исключительно из романтических соображений. Жизнь есть жизнь. Все шесть предпринятых попыток сватовства окончились ничем. И только седьмая, повторная, попытка, когда он вновь сватался к Наталье Гончаровой, побоюсь сказать, что оказалась удачной, завершилась бракосочетанием.

Первой, к кому он сватался, была Софья Фёдоровна Пушкина (дочь бывшего воронежского губернатора Фёдора Алексеевича Пушкина и Марии Ивановны (урождённой Оболенской). Милая 20-летняя девушка. Увидел её в Москве. Вышло всё как-то скоропалительно. В доме Вяземских случилось у Пушкина шапочное знакомство с пушкинским приятелем Василием Петровичем Зубковым. Тот был женат на сестре Софьи Пушкиной – Анне Фёдоровне. В его доме поэт, скорее всего, Софью Фёдоровну и увидел. Только и знал, что она то ли его дальняя родственница, то ли однофамилица, которую после

смерти матери (отец умер пятью годами ранее) взяла к себе на воспитание Екатерина Владимировна Апраксина, жена известного в Москве своим широким образом жизни С. С. Апраксина и родная сестра князя Д. В. Голицына, Московского военного генерал-губернатора.

Увидел и с первого взгляда в неё влюбился. Впрочем, можно сказать и по-другому – мгновенно загорелся. Наносится несколько визитов в дом на Малой Никитской, 12, где Зубков снимал квартиру. Далее следует обращение к новому приятелю с просьбой стать посредником в переговорах и сватовстве его с Софьей. От знакомства до сватовства две недели. Но предложение недавнего отшельника, ставшего всеобщим кумиром, по которому сходит с ума вся Москва, не принято – Пушкин получает отказ.

Сопоставим: 8 сентября по приезде в Москву из Михайловского – аудиенция у царя, и уже в том же сентябре – знакомство с Софьей, спустя две недели – отказ. 1 ноября раздражённый Пушкин пишет прощальную записку Зубкову:

“...злой рок мой преследует меня во всём том, чего мне хочется. Прощай же, дорогой друг, – еду похоронить себя в деревне до первого января, – уезжаю со смертью в сердце”.

Считается, что Пушкин был суеверен. А главное, он сам искренне полагал, что не бывает дыма без огня, и коли народные поверья из века в век передают некие житейские приметы, пусть даже называемые людьми суевериями, прислушиваться к ним нужно. Всякий раз, как в романе “Евгений Онегин” читаю известные строки:

*Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Её тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь... —*

я вспоминаю не свидетельства пушкинских современников М. П. Погодина, Сергея Соболевского, Василия Щербакова, брата Веневитинова, племянника Л. Н. Павлицева, друга Владимира Даля, жены Павла Нащокина Веры, что на протяжении всей жизни поэта они встречали следы его суеверности, а этот текст записки, в которой присутствуют слова “злой рок”, “еду похоронить себя”, “уезжаю со смертью в сердце”. Словно он, искушая судьбу, сам на себя накликает смерть.

Первое сватовство – и такая реакция. Понятно, поэт ради красного словца способен и не такое сказать. Но тут уже вроде как за пределами адекватного отношения к слову. Пушкин же цену ему знает. Что прекрасно видно из того, какое отражение сватовство к Софье Пушкиной находит в трёх других текстах, написанных тогда же Александром Сергеевичем, – двух поэтических и одном эпистолярном.

Две недели увлечения Софьей подарили нам два пушкинских стихотворения. Одно – “Ответ Ф. Т.”, больше известное по первой строчке “Нет, не черкешенка она...” Написано безальтернативно о С. Ф. Пушкиной. На сей счёт нет никаких иных мнений. К кому обращено стихотворение, документально не установлено. Но все сходятся на том, что, возможно, к Фёдору Толстому, с которым Пушкина помирили друзья после возвращения поэта в Москву. Стихотворение стало как бы “продолжением” некоего разговора Пушкина с Толстым о Софье Фёдоровне. Датируется стихотворение серединой сентября – октябрём или двадцатыми числами декабря 1826 года. Принципиальной разницы, когда именно оно написано, здесь нет.

Ей же посвящено второе стихотворение – “Зачем безвременную скуку...” А вот тут нашему взору открывается премилая загогулина, иной раз встречаемая у поэтов (Пушкин не был ни первооткрывателем, ни исключением из “правила”). Впервые стихотворение увидело свет в “Московском вестнике” в 1827 году. Позже, в сборнике 1829 года, напечатано с датой “1821”. Однако известно, что в черновом рукописном виде стихотворение появилось

в 1820 году (1 ноября 1826 года в Москве Пушкин вновь обратился к нему и “обработал” — написал чистовик). Объяснение разноголосице в датах есть, и самое банальное. Первоначально стихотворение было “посвящено” кому-то из Раевских — Елене или Екатерине, впрочем, лирическое стихотворение могло вести свою родословную от обеих сразу. “Посвящено”, но ведь не опубликовано, а потому оставалось в виде черновика как бы ничьим. В 1826 году, когда сватался к Софье Пушкиной, поэт вспомнил о “бесхозной” безделушке и переадресовал её своей однофамилице.

Здесь является повод ещё раз порассуждать об отличиях лирического стихотворения от дневниковой записи в стихотворной форме с рифмами или без них. Но куда продуктивней будет сопоставить пушкинские стихи с пушкинской эпистолярной прозой. Уехавший “похоронить себя в деревне до первого января” уже 1 декабря из псковской гостиницы пишет В. Зубкову письмо. Можете представить себе лист плотной почтовой сероватой бумаги большого формата, без водяных знаков, с золотым обрезом (он именно таковой в реальности), на котором расположились французские буквики, выписанные пером поэта:

“Дорогой Зубков, вы не получили письма от меня, и вот этому объяснение: я сам хотел 1 декабря, т. е. сегодня, прилететь к Вам, как бомба, так что выехал тому пять-шесть дней из моей проклятой деревни на перекладной, ввиду отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня. У меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать. Взбешённый — я играю и проигрываю. Но довольно: как только мне немного станет лучше, буду продолжать мой путь почтой.

Ваши два письма прелестны. Мой приезд был бы лучшим ответом на размышления, возражения и т. д. Но так как я, вместо того, чтобы быть у ног Софи, нахожусь на постоялом дворе во Пскове, то поболтаем, т. е. станем рассуждать.

Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т. е. познать счастье. Вы мне говорите, что оно не может быть вечным: прекрасная новость! Не моё личное счастье меня тревожит, — могу ли я не быть самым счастливым человеком с нею, — я трепещу, лишь думая о судьбе, быть может её ожидающей, — я трепещу перед невозможностью сделать её столь счастливою, как это мне желательно. Моя жизнь, такая доселе кочующая, такая бурная, мой нрав неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вместе с тем, слабый, вот что внушает мне тягостное раздумье.

Следует ли мне связать судьбу столь нежного, столь прекрасного существа с судьбою до такой степени печальною, с характером до такой степени несчастным? — Боже мой, до чего она хороша! И как смешно было моё поведение по отношению к ней. Дорогой друг, постарайтесь изгладить дурное впечатление, которое оно могло на неё произвести.

Скажите ей, что я разумнее, чем имею вид, и доказательство тому — что тебе в голову придёт. Мерзкий этот Панин: два года влюблён, а свататься собирается на Фоминой неделе, — а я вижу её раз в ложе, в другой — на бале, а в третий сватаюсь! Если она полагает, что Панин прав, она должна думать, что я сошёл с ума, не правда ли? Объясните же ей, что прав я, что увидев её — нельзя колебаться, что, не претендуя увлечь её собою, я прекрасно сделал, прямо придя к развязке, что, полюбив её, нет возможности полюбить её сильнее [моего], как невозможно впоследствии найти её ещё прекраснее, ибо прекраснее быть невозможно... Ангел мой, уговори её, настрай её Паниным скверным и жени меня!

А. П.”

Что видно из этого письма? Вроде бы окончательной надежды он ещё не потерял. Пытается объяснить собственные чувства. Или своё поведение? Для меня вопрос в другом: что им движет — любовь или желание, чтобы его женили? Ответить за него никому не дано. И главное — как далеки друг от друга пушкинские строки лирические и житейско-бытовые. В прямом смысле небо и земля!

Московские кумушки по поводу ухаживания Пушкина за Софьей Пушкиной судачили вплоть до 1829 года. Не будем же мы уподобляться им. Факт остаётся фактом: сначала Пушкин решил жениться, потом решил влюбиться, однако попытка ошеломить девушку решительным наскоком не сработала. Ничего особо необычного в подобном “способе” решить “поставленную задачу”

не было. Но не сложилось. По довольно простой причине: у Софьи Фёдоровны уже был жених, некий Валерьян Александрович Панин, за которого она вскоре и вышла замуж. Буквально чуть ли не через месяц. Муж – всего лишь казначей Российского общества любителей садоводства, впоследствии станет смотрителем Московского вдовьего дома.

Была ли она с ним счастлива? Не ведаю, знаю лишь, что прожила в браке 45 лет и были в семье три сына и дочь. Какой Софья Фёдоровна стала в старости? Тоже не ведаю. Но знаю, что в пору сватовства поэта была “одна из первых московских красавиц, стройная и высокая ростом, с прекрасным греческим профилем и чёрными, как смоль, глазами, очень умная и милая девушка”, – вспоминала её современница Е. П. Янькова. Впрочем, бабушка Елизавета Петровна (урождённая Римская-Корсакова), как говорится, соврёт – недорого возьмёт. Потому что можно встретить и иное видение: мол, Софья Фёдоровна была маленькая, нежная, хорошенькая блондинка, напоминавшая хрупкую куколку из саксонского фарфора. Из чего можно сделать вывод, что воспоминания, как Восток, – дело тонкое.

Следующей, к кому сватался Пушкин, была Александра Римская-Корсакова, дочь М. И. и А. Я. Римских-Корсаковых. Новое сватовство происходит всё в том же 1826 году. Так что между первой и второй попыткой сватовства промежуток небольшой.

В “донжуанском списке” Пушкина имя “Александра” фигурирует дважды. Первый раз – на четвёртой позиции во втором столбце. Традиционно принимается как факт, что в данном случае имеется в виду падчерица П. А. Осиповой, возлюбленная её сына А. Н. Вульфа, в 1833 году вышедшая замуж за П. Н. Беклешева (ей посвящено стихотворение “Признание” – “Я вас люблю, хоть я бешусь...”).

Второй раз имя “Александра” стоит на 17-й позиции (пишущие о донжуанском списке часто почему-то обозначают его под № 15, хотя оно предпоследнее во втором столбце, в котором 18 имён, а не 16 как в первом). По поводу этого имени существуют разногласия. Одни полагают, что поэт имел в виду Александру Смирнову-Россет, другие предпочитают подразумевать как раз Александру Александровну Римскую-Корсакову (Алина, Александрина, Сашенька). В феврале 1832 года она станет женой корнета кавалергардского полка князя Александра Николаевича Вяземского, младшего сына князя Николая Семёновича Вяземского от брака с Александрой Петровной Римской-Корсаковой.

Брак её оказался несчастлив. Поговаривали, что виной тому была сама Александра Александровна. Видимо, не без оснований. Во всяком случае, отец жениха противился этому браку и называл Сашеньку “болезненной старой девкой, привередницей, каких мало”. Александра Александровна и впрямь хозяйкой оказалась плохой, имела злой нрав, допекала окружающих своей чрезмерной брезгливостью. В браке у неё было три сына, все умерли в детстве. Сама она умерла почти умопомешанной в марте 1860 года.

Дом семьи Римских-Корсаковых и в обычное время отличался радушием. Так что оставить без внимания появление в Москве Пушкина было для хозяйки дома Марии Ивановны делом просто невозможным. 26 октября в честь поэта – недавнего изгнанника – она устраивает званый вечер. Событие (а вечер с Пушкиным, по меркам московских девиц на выданье и дам всех возрастов – событие вселенского масштаба) нашло отражение в дневнике приглашённой и присутствовавшей на нём Анны Григорьевны Хомутовой, имевшей обыкновенные записывать всё, что видела и слышала:

“К 8 часам я в гостиной у Корсаковой; там собралось уже множество гостей. Дамы разделись и рассчитывали привлечь внимание Пушкина, так что, когда он вошёл, все дамы устремились к нему и окружили его. Каждой хотелось, чтобы он сказал ей хоть слово... Я издала наблюдала это африканское лицо, на котором отпечатлелось его происхождение, это лицо, по которому так и сверкал ум”.

Славящаяся своим радушием и гостеприимством на всю Москву овдовевшая Мария Ивановна в Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерниях имела огромные поместья и две с половиной тысячи душ крепостных... но вечно была в долгах. Казалось бы, они должны были её пыл бесконечных обедов, вечеров, балов, маскарадов, разных увеселений, зимой – санных катаний за городом, импровизированных завтраков хотя бы слегка притушить. Ан, нет!

Расходы расходами, но когда ты мать трёх сыновей и пяти дочерей (Варвара, Наталья, Софья, Екатерина и Александра), которых нужно выдавать за муж, поневоле будешь вести чрезмерно размахистый образ жизни и иметь вечно открытые для гостей двери дома даже ценой долгов “у целого города”. Впрочем, милое и безрассудное московское хлебосольство часто именно этой причиной и обосновывалось. А сама Марья Ивановна являла собой распространённый “тип московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова”. Князя Вяземского, которому принадлежит эта оценка, сложно заподозрить в необъективности.

Все сёстры Римские-Корсаковы считались в Москве красавицами. Разубеждать нынешнего читателя в том, что докатившиеся до нас суждения-слухи справедливы и правдивы, нет смысла. Если верить оценкам, звучащим в адрес современных кинозвёзд и див шоу-бизнеса, то все они сплошь красавицы, все без исключения сексуальны и обворожительны.

И вообще понятие “красивая женщина той поры” – понятие более чем условное. Если взглянуть на модные гравюры начала XIX века, то можно понять, что открывалось взору мужчины, когда он видел женщину на том же балу: максимум – лицо, шея и иногда плечи, в некоторых случаях – верхняя часть груди, искусно поднятая специальными ухищрениями. Такова была тогдашняя мода, в которой царствовали пышные (с кринолином) в форме колокола платья в пол, скрывающие всё и вся, да затянутая в корсет талия. Поэтому в мемуарах любое описание красивой женщины включало непременно: тонкая талия – значит, смогла утянуться до необходимого объёма, процедура, частенько оборачивавшаяся обмороками, и высокая грудь – хотя порой как раз та небольшая видимая часть и составляла реальный её размер. Даже руки были в перчатках. И мужчина, пригласивший женщину на танец, мог лицезреть лишь ту малую часть руки, что была выше длинной перчатки и ниже локтя. Но суждения общества были почти во всех случаях неизменными – красавица. Особенно если глаза и впрямь ещё не потухли и были хороши, а носик мил. Так что красивая женщина – это красиво одетая женщина. Но, как вы понимаете, богатые женщины и женщины богатых мужчин могли себе позволить красиво одеваться и делать красивые причёски.

Но примем как данность без преувеличения, что дочери Марьи Ивановны, бывшие душою и прелестью гостеприимного дома, красавицы «и особенно одна из них, намёками воспитая Пушкиным в “Онегине”», как напишет в воспоминаниях князь Вяземский.

“Одна из них” – это в адрес Александры:

*У ночи много звёзд прелестных,
Красавиц много на Москве,
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величавая луна
Средь жён и дев блеснит одна...*

Луноликая Сашенька, может, и выделялась среди сестёр, но в ту пору ей уже 23 года, и, по общепринятым понятиям, она давно считалась старой девой. Ранее у Александры был неудачный роман с графом Н. А. Самойловым. Дело как бы шло к свадьбе, но маменька жениха успела выбрать сыну другую невесту, с более весомым приданым. Сашенька от горя заболела “нервической горячкой”, спасалась от которой на Кавказских водах.

Кто повинен в этой несостоявшейся свадьбе, досужая Москва восприняла, как зачастую бывает, в полном соответствии с известной фразой: “То ли он украл, то ли у него украли – но была там какая-то неприятная история”. В результате женихи от Сашеньки отступили. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что, по описанию одной из современниц, Александра Римская-Корсакова была высока, стройна и сражала наповал прекрасными бархатными глазами. А ещё она пленяла истинно романтической бледностью и томностью, придававшими ей особенное очарование.

Объявившийся в Москве Пушкин хорошенькую Сашеньку заметил. Сегодня пишут, что он, естественно, был в неё влюблён, правда, неглубоко и недолго.

Хотя об их отношениях нам по сути ничего не известно. Разве что в 1827 году, когда Мария Ивановна с дочерью вновь отправлялась на Кавказские воды для лечения (они там пробыли целый год), Пушкин передал с ней письмо брату Льву, служившему в тех краях:

“Письмо моё доставит тебе М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приезжай на Кавказ (имеется в виду из Грузии, где служил Лев. — А. Р.) и познакомься с нею — да прошу не влюбиться в дочь”.

Та поездка на Кавказ через какое-то время обросла фантастическими слухами, будто горцы сделали набег на ехавших от тёплых вод на кыские, и М. И. Корсакова была ограблена до рубашки, а её дочь и всех слуг похитили. Позже история приобрела совершенно конкретные детали, которые из Москвы и Петербурга всегда видятся невероятно реальными: в Александру Римскую-Корсакову страстно влюбился какой-то мусульманский князь с каспийских берегов, который сначала пожелал купить её, предлагая сразу же 300 тысяч рублей задатка, затем, не получив согласия, решил её похитить и, в конце концов, соизволил посвататься. Впрочем, когда “разобрались”, выяснилось, что не в меру пылким поклонником красавицы Алины оказался Шахмал Тарковский Мехти, дагестанский князь и генерал русской службы.

Современники и, прежде всего, современницы бурно обсуждали приключения русской девушки на Кавказе. Изящнее других смысл поразившего всех сюжета выразила Е. Н. Мещерская, дочь Е. А. Карамзиной, в письме П. Вяземскому:

“Слыхали ли Вы о похищении г-жи Корсаковой каким-то черкесским князем? Об этом здесь рассказывают, но не думаю, чтобы этот слух стоил доверия. Вы об этом должны знать больше, находясь ближе к Кавказу. — Если б это была правда, какой прекрасный сюжет для Пушкина как поэта и как поклонника...”

Екатерина Николаевна как в воду глядела. История и впрямь заинтересовала Пушкина. До нас дошёл план (1831) незавершённого им произведения “Роман на Кавказских водах”, сюжет которого был основан на слухах о похищении А. А. Римской-Корсаковой черкесами. В черновых набросках героиня именуется Алиной Корс-вой (Корсаковой), и дано описание её внешности: *“...девушка лет восемнадцати, стройная, высокая, с бледным прекрасным лицом и чёрными огненными глазами”.*

Жизненный роман с реальной Алиной Корсаковой у Пушкина тоже не вылился во что-то серьёзное. Их личные отношения не прервались, но в них произошла резкая перемена: было очевидно, что взаимное увлечение сошло на нет. Что или кто было тому причиной — не ясно, но ухаживание Пушкина и бросавшиеся в глаза всем посещения им дома Римских-Корсаковых оборвались. Принято считать, что имевшие место брачные переговоры завершились неудачей. Почему? Можно лишь гадать. В декабре 1828 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу:

“Пушкин ни в кого ещё не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись. Вчера должен он был быть у Корсаковой, не знаю ещё, как была встреча”. А через месяц ему же сообщал: “Пушкин что-то во всё время был не совсем по себе. Не умею объяснить, ни угадать, что с ним было, но он не был в ударе. Постояннейшие его посещения были у Корсаковых и у цыганок; и в том, и в другом месте видел я его редко, но видал с теми и другими, и всё не узнавал прежнего Пушкина...”

В письме от 8 декабря 1831 года Пушкин сообщал жене: *“...А Корсакова выходит за князя Вяземского...”* Из чего можно предположить, что Натали была в курсе отношений Пушкина с “предшественницей”, что не удивительно: и Москва, и Петербург, как говорится, слухами полнятся.

Далее последовало драматичное ухаживание за Анной Олениной, дочерью президента Академии художеств и директора Императорской публичной библиотеки. Это увлечение, случившееся на берегах Невы, можно назвать серьёзным и длительным, чего нельзя сказать про его детективный и даже в чём-то анекдотический антураж.

“Положил глаз” на Анну Алексеевну Пушкин в начале мая 1828 года. После чего зачастил в петербургский дом Олениных и в их имение в Приютино. Всё лето продолжались совместные прогулки по заливу и Летнему саду. Сразу возникает вопрос: была это традиционная влюблённость или “любовь по расчёту”? Во всяком случае, на страсть было не похоже.

Он посвятил Анне Олениной несколько стихотворений. Он рисовал её профили на полях рукописей. Он даже прикидывал, как будет выглядеть имя его будущей супруги в сочетании с его фамилией: "Annette Pouchkine". Казалось бы, всё складывалось как нельзя более замечательно. Ведь и сама Анна Алексеевна, коей уже двадцать, всерьёз подумывает о замужестве. В своём дневнике она пишет:

"Сама вижу, что мне пора замуж: я много стою родителям, да и немного надоела им. Пора, пора мне со двора, хотя и это будет ужасно. Оставив дом, где была счастлива столько времени, я войду в ужасное достоинство жены!"

Однако, когда Пушкин завёл речь о женитьбе, от избранницы последовал решительный и тем более обидный отказ.

Хотя тут, надо признать, не всё так однозначно. Хранительницы музея в усадьбе Приютино уверяют, что влюблённый Пушкин так и не решился сделать предложение Анне Олениной.

А вот если верить петербургским легендам и преданиям, то версия финала любовных отношений Пушкина и Анны иная: якобы он получил согласие её родителей на брак, но опоздал к обеду, где хотели объявить о помолвке. И всё расстроилось. Сюжет несколько смахивает на историю с зайцем, который, по преданию, перебежал дорогу Пушкину, когда он выехал в Петербург при известии о восстании декабристов. Но в жизни, как известно, случается всякое.

Николай Скатов берётся утверждать, что дело обстояло совсем не так. Во-первых, Оленина не то чтоб была к нему совершенно равнодушной: двадцатилетняя красавица-фрейлина любила Пушкина-поэта, но влюблена она была в другого человека. Как в таких случаях говорят, её сердце принадлежало другому. Кому?! *"Зачем называть его, — напишет она в дневнике, — зачем вспоминать то счастливое время, когда я жила в мире идеальном?"* Так уж случилось, что выйти замуж по любви, о чём мечталось, не получилось.

А характером она была не из тех, кого одной волей родителей можно было отправить под венец. Более того, и матушка Анны Елизавета Марковна, и батюшка Алексей Николаевич относились к Пушкину настороженно. Хотя цену поэту старший Оленин знал. Но его одолевали сомнения, мотивы которых были очевидны. Пушкин не служил и не имел стабильного дохода, не владел землями и крепостными — когда ещё по наследству ему что-то достанется, и достанется ли. Среди возможных причин отказа Олениных пушкинист П. И. Бартенев называл так же секретный надзор, учреждённый за поэтом 28 июня 1828 года. О чём Оленин, как член Государственного совета, безусловно, знал.

При дворе прелестница Анна, изящная, грациозная, выделялась не только красотой, но и лёгким, игривым умом, влечением к искусствам, поэзии, наукам. Золотисто-русые волосы, маленькая ножка Анны Алексеевны вдохновляли поэтов, художников, скульпторов. Её учителями были Крылов и Гнедич, который посвятил ей стихи, назвал девочку "умной и милой Анет", похвалил "доброту её сердца и разума приятство".

Для Пушкина она стала олицетворением "юности и красоты". Пушкин покорял Оленину своим привычным "набором": стихами и умными разговорами. Однако в ответ находчивая девушка парировала шуточные реплики, словно бы дразня его и искушая. Из её дневника узнаём, что Аннет "с восторгом восхищалась его увлекательной поэзией". Ей льстило внимание поэта и его общество. Хотя нельзя сказать, что, с детства пребывая в кругу Карамзина, Блудова, Крылова, Гнедича, Брюллова, Батюшкова, Глинки, Мицкевича, Щедрина и иных великих современников, она таяла от одного имени Пушкина.

Удивительный феномен: они оба внимательно смотрели друг на друга. Можно даже признать, что Александр Сергеевич эту "дуэль взглядов" проиграл изначально. Потому что он привык, что оценивает девушку он, а та действует, как бы находясь в магнитном поле его притяжения. Тут же всё сразу пошло иначе.

Впервые встретил 28-летний Пушкин 19-летнюю Анну Оленину осенью или ранней зимой 1827 года. Произошло это в доме общих знакомых. Факт известен нам из дневника девушки. И вот самое интересное: рассказ об этой встрече записан ею спустя несколько месяцев, если быть точным, то 18 июля 1828 года. И история знакомства с поэтом представлена в романтической форме от 3-го лица. Другими словами, Анна сделала не обычную дневниковую запись: "была там-то, увидела того-то, выглядел он так-то, услышала

про него то-то”, — а попыталась написать некое прозаическое произведение о Пушкине. Кажется, в истории отечественной литературы это был первый опыт художественного восприятия Пушкина:

“Un jour, au bal chez la comtesse Tiesenhausen-Hitroff, Anette vit le personnage le plus intéressant de son temps et distingué dans la carrière des lettres: c’était le fameux poète Pouchkine”.

(“Однажды, на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой, Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин”).

“Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрёпанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава, природного и принуждённого, и неограниченное самолюбие — вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия”.

“Говорили ещё, что он дурной сын, но в семейных делах невозможно всё знать; что он распутный человек, но, впрочем, вся молодёжь почти такова”.

“Итак, всё, что Анета могла сказать после короткого знакомства, есть то, что он умён, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен”.

Тем не менее, многие из окружения поэта были убеждены в том, что у него с прекрасной музыкантшей и певицей бурный роман. Однако, по утверждению Петра Вяземского, Пушкин лишь создавал видимость близких взаимоотношений с той, кто видел в поэте лишь друга и занимательного собеседника.

Сама Оленина избегала его откровений, так как боялась, что услышит слова поэта, а не “мужа”: как бы “не соврал чего в сентиментальном роде...” Он посвятил ей несколько стихотворений, среди них “Ты и вы” — “Пустое Вы сердечным ты...”, “Её глаза” и хрестоматийное: “Не пой, красавица, при мне // Ты песен Грузии печальной...” Но где уверенность, что стихи, обращённые к ней, не воспринимались ею всего лишь как мадригалы, привычные для красивой девушки?

Внутренний голос говорил Пушкину, невероятно влюбчивому и темпераментному мужчине: “Тебе тридцать лет, нормальный человек в это время женится. Конечно, были романтические увлечения. Но ведь сейчас самые серьёзные намерения”. Хороший психолог и умный человек, Пушкин не учёл, что факт сватовства не является ещё доказательством глубокого и всеобъемлющего чувства. Любое мнение со стороны вряд ли будет здесь уместно, но характерно, что даже “бывшие в теме” Вяземский и Анна Керн не считали это увлечение Пушкина серьёзным.

Они были двоюродными сёстрами — Анна Керн и Анна Оленина. Керн и познакомилась с Александром Сергеевичем в доме Олениных. Так что вторая Анна была в курсе отношений поэта с Керн. Порой можно встретить мнение, будто именно это послужило причиной её отказа Пушкину. Чему верится с трудом. Ни одна, даже самая молоденькая девушка, каким бы источником “любви и вдохновенья” она ни была, отдаваемая замуж за человека — чаще всего много старше её, — смею думать, не предполагала, что у жениха она первая и будет единственной. Хотя возможные изменения супруга Анну Оленину, надо признать, волновали:

“...Как часто, увлекаемый пылкими страстями молодости, будет он забывать свои обязанности! Как часто будет любить других, а не меня... Но я преступлю ли законы долга, будучи пренебрегаема мужем? Нет, никогда!”

Впрочем, Пушкин не единственный, кто глядел в те дни в сторону Анны Алексеевны. Как-то летом 1828 года, беседуя с Крыловым, она назвала ещё двух ухажёров — претендентов на её руку: Мейендорфа и Киселёва, хотя призналась, что “не влюблена в них”. Ответ поэта она записала в дневнике:

“...Боже избави, — сказал он, — но я желал бы, чтоб вы вышли за Киселёва и, ежели хотите знать, то он сам того желает. Но он и сестра говорят, что нечего ему соваться, когда Пушкин того же желает”.

Если бы этим интрига и ограничилась... Не тут-то было! По Петербургу поползла сплетня о якобы сказанных словах поэта: “Мне бы только с родными

сладить, а с девчонкой я уж слажу сам”. Что тут же было передано Анне Алексеевне. Конечно, они привели её в состояние гнева (“яроги от речей, которые Пушкин держал на мой счёт”). Впрочем, князь Сергей Голицын по прозвищу “Фирс” – приятный музыкант и стихотворец, один из остроумнейших собеседников своего времени, известный в обществе любезностью и талантами, забавный рассказчик, но “шутник и шалун легендарный”, – защищая Пушкина, сказал, что присутствовал при этом разговоре и это было сказано “не совсем так”, обвинив в интриге Варвару Дмитриевну Полторацкую, тётку Олениной, которая желала, чтобы на Аннет женился её брат Николай.

На страницах пушкинских черновиков лета 1828 года – это время создания “Полтавы” – то тут, то там разбросаны наброски её профиля, анаграммы её имени и фамилии, а однажды встречается та самая запись “Annette Rouchkine” (правда, густо зачёркнутая). Есть свидетельства современников, что сама поэма посвящена Анне Алексеевне Олениной. Но в черновиках сохранились и наброски к восьмой главе “Евгения Онегина”, в которой Annette Olenine “награждена” автором отнюдь не комплиментарными словами: “Уж так жеманна, так мала”, “. . . Что поневоле каждый гость // Предполагал в ней ум и злость”. Словами, явно свидетельствующими об уязвлённом самолюбии Пушкина. Согласитесь, они плохо вяжутся с другими, написанными им про ту же самую Оленину:

*...то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..*

Впрочем, кто знает! Зоркий Вяземский называл её “бойкой штучкой” и говорил, что она “мала и резва, как мышь”. Что-то с трудом представляю мышь с гениальными глазами, зато ум и злость вполне подходит маленькой резвой “штучке”.

Об истинной причине, толкнувшей поэта к написанию, может, и справедливых, но обидных слов, судить не берусь. Можно лишь предположить, что третий отказ при сватовстве выбил Пушкина из седла. Оно и понятно, ведь сватается, не в любовницы зовёт, в жёны готов взять. А оказывается, что не нужен. Тут не только про жеманность и злость скажешь...

Наверно, именно здесь корни разногласия по поводу того, как принял Пушкин отказ Олениной. Причём мнения разделились даже среди современников. Одни считают, что Пушкин “играет ревнивого”, другие говорят о глубокой душевной ране поэта, залечивать которую он отправится к Анне Николаевне Вульф.

Те, кто придерживается второй точки зрения, обычно ссылаются на стихотворение Пушкина, написанное им в альбом Олениной. Есть несколько свидетельств родственников Анны, что существовал такой автограф поэта. Существовал, потому что альбом с автографом не сохранился. Причём многие полагают, что стихотворение было обращено к Анне Алексеевне (версию о том, что восемь поэтических строк обращены к ней, первым выдвинул биограф Пушкина Павел Анненков) и появилось в альбоме после неудачного сватовства.

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

Внучка Олениной, Ольга Николаевна Оом, утверждала, что в альбоме Анны Алексеевны под восьмистишием “Я вас любил...”, написанным рукой Пушкина, стояли две даты: 1829 и 1833 с пометкой “plusqueparfait – давно прошедшее”.

Чувство, выходит, давно прошло. Однако в том же 1833 году поэт напишет другое восьмистишие с другими словами:

*Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...*

Черновой текст написан в октябре 1833 года в Болдине. В беловом автографе, до нас не дошедшем, стихотворение имело помету: “1833, дорога, сентябрь”. Она означала место и время встречи с неизвестной, вызвавшей стихи. И это не единственное, что может первоначально показаться странным или требующим какого-то объяснения. С кем-то встретился, спустя месяц родились 8 строк, к кому они имеют отношение, неизвестно, но стихотворение существует...

На мой взгляд, по сей день остаётся открытым и вопрос об адресате знаменитого восьмистишия “Я вас любил...”: к кому обращено стихотворение? Многих этот вопрос удивит: как к кому?! Любовная поэтическая исповедь адресована конкретно Анне Алексеевне Олениной, в чей альбом он её вписал.

Но, по обоснованному мнению пушкиниста Татьяны Цявловской, гипотеза о том, что Анна Алексеевна является адресатом стихотворения, довольно спорна. И дело не в том, что оригинал автографа видели лишь сама Оленина и её родственники, лица как бы заинтересованные. Вполне могло быть, что Пушкин вписал стихотворение в некогда существовавший альбом девушки. Но само стихотворение было переадресовкой, то есть написано было по иному поводу, для другого человека, которому, в силу каких-то обстоятельств, стихотворение “не досталось”. А тут сложилась “удобная” ситуация сделать милый презент, в котором как на заказ соседствуют строки “Я вас любил: любовь ещё, быть может...” и “Я вас любил безмолвно, безнадежно...”, способные укрепить уверенность Олениной в том, что “посвящение” обращено к ней. Подобные поступки со стороны Пушкина, надо признать, встречались. Если это так и было, то Оленина, естественно, знать об этом не могла. И у неё были резонные фактические основания относить это стихотворение к себе.

Забегая вперёд, надо сказать, что судьбой Анне Алексеевне была дарована долгая и благополучная жизнь. Счастливая? Неизвестно. Она вышла замуж за Ф. А. Андро, сына покойного графа Ланжерона. Как она писала: “Супруг не идеальный, а простой”. Простота, как известно, хуже воровства. Её муж ревновал жену к прошлому, и “всё, что некогда наполняло её девичью жизнь, не должно было более существовать, даже как воспоминание”. Больше 40 лет Анна Алексеевна Андро прожила в кругу детей и внуков в Варшаве, где её муж служил адъютантом Паскевича, а потом был варшавским президентом. В 1850 году она обращалась к императору Николаю I с прошением о дозволении её мужу пользоваться графским титулом и фамилией своего отца, однако соответствующие бумаги, собранные ею во Франции и представленные министру юстиции, были признаны недостаточными. Впрочем, это не мешает большинству пишущих сегодня об Олениной именовать её Анной Алексеевной Андро, графиней де Ланжерон (урождённой Олениной).

Но вернёмся к моменту появления “Я вас любил...” в девичьем альбоме. Комментаторы восьмистишия обычно ссылаются на признание лирического героя таинственной незнакомке, что он её “любил безмолвно, безнадежно”. Мол, это недвусмысленно указывает на замужество Анны Алексеевны. Герой же по истечении времени испытывает новое любовное увлечение (тем самым делается намёк на возникшие отношения Пушкина с Гончаровой) и потому решает прекратить попытки покорить Оленину, ставшую Андро, но при этом по-прежнему испытывает к ней очень нежные и тёплые чувства. В последней строфе стихотворения, где звучит пожелание той, кому адресовано стихотворение: “Как дай вам Бог любимой быть другим”, он подводит черту под своим прошлым романом и заверяет, что пусть его любовь её “больше не тревожит”.

Однако прекрасную гипотезу разбивает обычная хронология: цифры всё же упрямая вещь. Обе даты — 1829 и 1833 с пометкой “plusquereparfait — давно прошедшее” — никак не соответствуют времени, когда Анна Оленина вышла замуж за Ф. А. Андро: было это много позже гибели Пушкина, в 1840 году. Так что ситуация с переадресовкой приобретает ещё больше прав на реальность, а версию, что “Я вас любил...” адресованы Анне Алексеевне, делает донельзя сомнительной.

Безусловно, стихотворение про любовь. “Да, но, — размышлял по этому поводу один из самых заметных отечественных литературных критиков XX века Ю. И. Селезнёв, — не только к такой-то женщине и не только в таком-то случае. В этом “благословляю” (“...дай вам Бог...”) не видится ли вам благословение и всей жизни, всему миру, то самое, что потом сказало и в есенинском: “Будь же ты вовек благословенно, // Что пришло процветать и умереть”? И не стоит ли за этим “личностно” поэтическим “самовыражением” поэтов самосознание народа в его способности к той “всемирной отзывчивости”, о которой прекрасно сказал Достоевский в знаменитой речи о Пушкине? Даже и в таких сугубо личностных, любовных стихах поэта вполне выявляется его народность, как, скажем, и в любовной исповеди Есенина — в его “Анне Снегиной” — гражданственность поэта”.

Получается, что “стихотворение про любовь”, случившуюся у Пушкина к Анне Олениной (или к кому иной. — **А. Р.**), по сути, вовсе не сугубо личный эпизод его жизни, не “светлая печаль” по поводу несложившихся отношений с определённым человеком с конкретными именем и фамилией. Почему? Потому что истинная поэзия не камера хранения частных проблем, не личный дневник поэта, куда он изливает в стихах личные переживания, боль и тревогу. Поэтическая боль — всегда боль за весь мир, а переживания отражают духовное состояние времени и общества. Другими словами, вам кажется, что вы читаете “стихотворение про любовь”, положим, к Анне Олениной, тогда как на самом деле вы знакомитесь не с чем иным, как философской лирикой, отражающей мироотношение поэта не к реальной возлюбленной, а женщине вообще, к любви в целом. Не понимать этого — значит не понимать ничего. Или почти ничего. Тем более, что те или иные “привязки” стихов ничего не добавляют нового их читателям в восприятии самих произведений.

Бесспорно, “привязки” ничего не добавляют, но удовлетворить любопытство всегда хочется: а к кому это в душе поэта любовь ещё не угасла? Если не Анна Оленина, тогда кто всё же “заставил” поэта произнести, бросить росчерком пера на бумагу заветные “Я вас любил...”? Может, то была Анна Керн, с которой Пушкин в период сватовства “пересекался”? Оказывается, дотошные исследователи творчества Пушкина известные строки связывали с именами не двух, а, по крайней мере, трёх женщин, за которыми тогда ухаживал поэт. Итак, Анна Оленина, Анна Керн и Каролина Адамовна Собаньская, с которой поэт познакомился в 1821 году во время южной ссылки. Именно в период, когда поэт был “то робостью, то ревностью томи” к Олениной — сватовство обязывало! — Пушкин одновременно добивался руки и польской красавицы.

По одной из версий литературоведов, стихотворение “Я вас любил: любовь ещё, быть может...”, написанное в форме прощального письма, посвящено именно ей. В ту пору Пушкин, совсем как царевич Димитрий из “Бориса Годунова”, воспользуюсь классическими словами, пред гордою полячкой “унижался”... и вынужден был прощаться с ней навек. По одной простой причине: изящная любительница искусства, прекрасная пианистка, образованная, но тщеславная и ветреная дочь киевского губернского предводителя дворянства, Каролина Собаньская (урожд. графиня Ржевуская) не собиралась связывать свою жизнь с Пушкиным.

Что ни говори, прелюбопытная это была женщина. Сестра жены Оноре де Бальзака и, следовательно, его свояченица, тётка знаменитой авантюристки Екатерины Радзивилл. В 17 лет её выдали замуж за 50-летнего польского помещика Иеронима Собаньского, о котором ходила слава человека дурно воспитанного, вечно нетрезвого, невежды и развратника. Назвать этот брак удачным не представляется возможным. Через три года, родив мужу дочь, Собаньская ушла от мужа и стала гражданской женой старика-генерала графа И. О. Витта, начальника военных поселений в Новороссии, ведавшего делами тайного сыска. “Виттова любовница” и “демоническая красавица” — так называли её в Одессе.

Как отмечал Ф. Ф. Вигель, “высокое светское образование Каролина получила в Вене, у родственницы своей Розалии Ржевуской. Салон этой Розалии некогда слыл первым в Европе по уму, любезности и просвещению его посетителей. Нашей Каролине захотелось нечто подобное завести в Одессе (когда она переехала туда. — А. Р.), и ей <это> несколько удалось”. Её салон, в котором “вообще из мужского общества собирала она всё отборное”, стал одним из самых блестящих. В числе прочих Собаньская принимала там двух соперников: Александра Пушкина и Александра Раевского.

Пушкин, по его собственному признанию, был ей обязан “опьянением любви, самой конвульсивной и самой мучительной”. Глубина и сила чувства к Каролине Собаньской наиболее ярко выразилась в стихотворении, написанном в 1823 году, — “Как наше сердце своенравно!..” В это же время было написано и другое замечательное стихотворение — “Ночь”. Проникнутое страстным любовным порывом и радостью обладания, оно позволяет заметить, что любовная лирика Пушкина не была учебником нравственности, как, может быть, этого кому-то хочется. Поэт писал о реальной жизни. А в жизни есть место даже той любви, если приглядеться, что тогда называлась плотской.

*Мой голос для тебя и ласковый, и томный
Тревожит позднее молчанье ночи тёмной.
Близь ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя...*

Об увлечении Пушкина пренебрегавшей условностями красавицей полькой, в которую он, конечно же, успел влюбиться, было бы мало известно. Но сохранились письма, написанные 9 лет спустя, 2 января 1930 года, в ответ на записку Каролины с просьбой перенести светский визит Пушкина с субботы на воскресенье. В одном из них Пушкин тогда писал:

“...убеждаюсь, что моё существование неразрывно связано с вашим; я рождён, чтобы любить вас и следовать за вами”.

Чем обернулся тот визит? Каждый остался при своём. Каролина, авантюристка по натуре и тайный агент царского правительства по призванию, равнодушная к славе поэта... попросила на память автограф. Было у неё такое хобби — она коллекционировала автографы знаменитых людей.

У Пушкина на фоне вспышки некогда случившегося увлечения — то ли любовной игры, то ли опьянения, — как отголосок былой страсти рождаются строки о том, что любовь “в душе моей угасла не совсем”. Новая встреча с прошлым доставила поэту массу возвышенных и мучительных минут надежды, а нам подарила незабываемые строки поэтической “заготовки” к предстоящей встрече. Но встреча повернулась таким образом, что автограф он дал, а восьмистишие оставил у себя до лучших времён. Позже он его впишет в альбом Анны Олениной. Но счастья и там оно ему не принесёт.

А ведь не то что помани, кивни тогда полька в знак согласия, всемирная литература получила бы уникальный “квартет”: у двух классиков, Оноре де Бальзака и Пушкина, в жёнах сёстры, графини Ржевуские.

Законы физики вроде бы далеки от литературы, но законы сохранения, которые в своей области выполняются всегда и при всех условиях (например, законы сохранения энергии, импульса, момента импульса, массы, электрического заряда), порой прихватывают и “смежные” сферы. В литературе такое, оказывается, тоже случается. Своё первое стихотворение, обращённое к Олениной (“Вы избалованы природой...”), Пушкин, судя по всему, по какой-то причине Анне Алексеевне не передал. Хотя изначально шесть строк задумывал преподнести ей в качестве поэтического подарка ко дню рождения. Однако что-то в пушкинских планах поменялось.

А спустя несколько месяцев то, что предназначалось петербургской возлюбленной, автор переадресовывает своей московской подруге. У одной барышни убыло, у другой прибыло. Пушкин к тому же для новой пассии ещё и продолжил мадригал, увеличив его до двадцати строк. Меньше чем через

год он его напечатал. Начиналось оно тем же стихом “Вы избалованы природой...” При публикации было озаглавлено: “В альбом (Е. Н. У...вой)”. Поэт не скрывал, что обращено стихотворение к Екатерине Николаевне Ушаковой.

С сёстрами Ушаковыми (черноволосой и черноокой Елизаветой и прелестной блондинкой Екатериной, грациозными и насмешливыми певуньями, “сёстрами-сиренами”) Пушкин познакомился на бале в Дворянском собрании. А вскоре общий их знакомый, как оказалось, дальний родственник Ушаковых, Сергей Александрович Соболевский, без особых церемоний привёз своего друга-приятеля в их уютный двухэтажный особняк на Средней Пресне, на Заморёновой улице. В то время это была окраина Москвы.

Там ангельский дуэт сестёр (сопрано – у Екатерины, контральто – у Елизаветы) Пушкин впоследствии мог слышать не раз. Как можно прочитать у В. Вересаева, отношения Пушкина с сёстрами Ушаковыми были “весело-беззаботными и светло-интимными”. Но ухаживать он стал за старшей, 17-летней Екатериной. Со слов пушкиноведа П. И. Бартенева, она была в полном смысле красавицей, “с пепельными волосами, тёмно-голубыми глазами, роста среднего, густые косы нависли до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься литературой”.

“Меньшая очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересует меня, потому что, по-видимому, наш знаменитый Пушкин намерен вручить ей судьбу своей жизни, ибо уже положил своё оружие у ног её, т. е., сказать просто, влюблён в неё. Это общая молва, а глас народа – глас Божий. <...> В их доме всё напоминает о Пушкине: на столе найдёте его сочинения, между нотами – “Чёрную шаль” и “Цыганскую песню”, на фортепиано – его “Талисман”, в альбоме – несколько листочков картин, стихов и карикатур, а на языке беспрестанно вертится имя Пушкина”, – отметила писательница Е. С. Телепнёва в 1827 году в своём эпистолярном дневнике (был некогда такой жанр в литературе, “письма-корреспонденции” которого адресовались непосредственно издательству).

Кажется, тогда выпала белая полоса для Пушкина. Кто из них двоих влюбился первым, а кто ответил взаимностью – для нас нет никакой разницы. Пушкин появлялся в доме Ушаковых чуть ли не всякий день, в иные дни по два-три раза. Они читали стихи, слушали музыку, дурачились, иногда отправлялись прокатиться верхом (район Пресненских прудов позволял совершать почти что сельские прогулки), девичьи альбомы Екатерины и Елизаветы заполнялись многочисленными карикатурами и стихами. Во мнении москвичей Пушкин только и занимался, что Ушаковой: на балах, на гуляньях он был возле неё, он говорил только с нею, а если случилось, что её рядом не окazyвалось, то Пушкин сидел где-нибудь в углу, потухший, и ничто уж не в силах было развлечь его.

Московская молва даже не сватала, а решительно утверждала, что “русский гений уже давно сложил к ногам красавицы с пепельными косами до колен своё сердце и до свадьбы ждать остаётся совсем немного”. Ещё бы, в апелле он адресует ей строки:

*Я очарован, я горю
И содрогаясь пред тобою...*

Их отношения настолько замечательны, что под этим посланием “Когда бывало в старину” её рукой сделано примечание:

“Стихи, писанные Сашей Пушкиным в дни оны, в 1827 году, когда Пресненское поле ещё забор не заграждал. К. Ушакова”.

“Саша” и “Катя” – казалось бы, счастливая пара и счастливая пора. Но сделать решающий шаг Пушкин опять не находит в себе сил. 16 мая 1827 года он вписал в альбом Екатерины стихотворение “В отдалении от вас...”. Как оказалось, накануне отъезда в Петербург. При этом ни объяснения, ни ссоры, ни разрыва.

Через неделю, придя в себя, Ушакова отправит полное горечи письмо брату Ивану:

“Нет, Jean, нет!

“Она исчезла, жизни сладость;

Я знала всё, я знала радость...”

Он уехал в Петербург, может быть, он забудет меня, но нет, нет, будем

лелеять надежду, он вернётся, он вернётся, безусловно! Держу пари, читая эти строки, ты подумаешь, что твоя дорогая сестра лишилась рассудка; в этом есть доля правды, но утешься: это ненадолго, всё со временем проходит, а разлука — самое сильное лекарство от причинённого любовью злом. . . Город почти пустынен, ужасная тоска (любимые слова Пушкина). Прощай, дорогой брат, надеюсь получить от тебя такое же длинное письмо. В ожидании этого удовольствия остаюсь навсегда преданная тебе, послушная, ленивая, безумная и любящая Катичка, называемая кое-кем Ангел”.

В холодном Петербурге Пушкин пробудет до марта 1829 года. Именно в тот отрезок времени у поэта была любовная вереница: увлечения фрейлиною двора Россет, “беззаконной кометой” Аграфеной Закревской и роскошной, полной неги полькой Еленой Завадовской, встреч с Анной Керн и ухаживания за Анной Олениной. После неудачного сватовства к которой, набравшись душевных сил с любящей его Анной Вульф, он вернулся в Москву. И встречи с Екатериной возобновились.

Он привёз ей из Петербурга книгу своих стихотворений и надписал. Автограф, отражающий сердечные сомнения поэта, явно был попыткой объяснить необъяснимое: “Всякое даяние — благо, всякий дар совершён свыше есть. Катерине Николаевне Ушаковой от А. П. 31 сент. 1829 г. *Nec femina, nec puer*” (“Не женщина, не дитя”). И преподнёс в качестве подарка золотой браслет очень тонкой работы. Вручил его. . . и отправился на войну в Арзрум.

Правда, перед отъездом успел расстроить почти-что состоявшуюся помолвку Екатерины с князем Петром Долгоруковым. То ли по свидетельству очевидцев, то ли по семейному преданию, то ли по очередной легенде, Пушкин, узнав о ней, примчался к Екатерине Ушаковой и на невероятный во всех отношениях вопрос: “С чем же теперь я остался?” — услышал ответ, сказанный с присущей девушке пленительной непосредственностью: “С оленьими рогами!” Петербург, конечно, лежит вдалеке от Москвы. Но слухи меж столицами бегают куда как резво. Ушакова знала и о пушкинских любовных похождениях, и о том, что поэт сватался не только к ней. В одной из карикатур в своём альбоме она, как могла, отомстила ему: изобразила Оленину, показывающую Пушкину кукиш, а под рисунком сделала подпись:

*Прочь, прочь отойди!
Какой беспокойный!
Прочь, прочь! Отвяжись,
любви недостойный!*

Что предпринимает Пушкин? В короткий срок он собрал сведения, порочащие жениха, и ознакомил с ними отца Екатерины. Какие именно? Единственное, что счёл возможным отец сказать дочери: “Девнице сие знать не подобает!” Впрочем, что девнице знать не подобало, было хорошо известно в соответствующем кругу не только московских отроков. Воспитанник Пажеского корпуса (где учились одни мальчики), князь был нетрадиционной сексуальной ориентации. В руке Екатерины князю было отказано, а Пушкин остался по-прежнему другом дома. Даже всеведущий Василий Львович Пушкин, — случилось, оказывается, и такое, — знал не все подробности происшедшего, в чём и признавался в письме князю П. А. Вяземскому (4 апреля 1829 года):

“Вот тебе новость. Кн. Долгорукой не женится на Ушаковой. Ему отказали; но причины отказа мне не совсем известны. Говорят, будто отец Ушаков кое-что узнал о нём невыгодное. Невеста и бывший жених в горе. . . Жаль бедной девицы и жаль, что родители её поступили в сем случае неосторожно и позволили дочери обходиться с женихом слишком ласково”.

Какое-то время после возвращения с Кавказа Пушкин мечется между Петербургом и Москвой. В марте 1830 года после встречи с Каролиной Собаньской поэт снова приехал в Москву, и опять начались частые визиты к Ушаковым.

“Между Екатериной Николаевной и Пушкиным в этот период завязывается тесная сердечная дружба, — интерпретировал историю романа Пушкина и Ушаковой зачинатель пушкиноведения П. И. Бартенев, — и, наконец, после продолжительной переписки Екатерина Ушакова соглашается выйти за него замуж. В это время в Москве жила известная гадалщица, у которой некогда был или бывал даже государь Александр Павлович. Пушкин не раз высказывал желание побывать у этой гадалщицы; но Ек. Н. Ушакова постоянно отго-

варивала его. Однажды Пушкин пришёл к Ушаковым и в разговоре сообщил, что он был у гадалищицы, которая предсказала ему, что он “умрёт от своей жены”. Хотя это сказано было как бы в шутку, как нелепое враньё гадалищицы, однако Ек. Н. Ушакова взглянула на это предсказание заботливо и объявила Пушкину, что, так как он не послушался её и был у гадалищицы, то она сомневается в силе его любви к ней; а с другой стороны, предвещание, хотя и несбыточное, всё-таки заставило бы её постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человека, которого она безгранично полюбит, если сделается его женою; поэтому она и решается отказать ему для него же самого. Дело разошлось. . .”

Опять вместо ожидаемого всеми предложения Ушаковой о замужестве отношения завершаются разрывом. Мы и сегодня чаще всего не можем понять, что людей вдруг связало и что потом вдруг развело в разные стороны. А тут поди разбери, что сблизило двух людей, какая химия — модное нынче выражение — дала о себе знать и почему химическая реакция прекратилась меж людьми, жившими пару веков назад.

Со стороны Пушкина, можно предположить, к тому были, по крайней мере, три причины. Одна смахивает на правду, в другую можно верить, если есть желание, третья способна всё объяснить.

Первая — грустно говорить, но Пушкин испугался. Причём, испуг был не случайный, не вдруг, а продолжительный и давний. Звонок прозвучал ещё в стихотворении “Когда, бывало, в старину. . .”, написанном и подаренном им Екатерине Ушаковой в апреле 1827 года, в одной его строке: “Но ты, мой злой иль добрый гений. . .”

Вторая — мысли Пушкина уже были заняты неприступной красавицей Натальей Гончаровой, чувства к которой поэт вскоре перестанет скрывать.

Третья позволяет понять психологию того, почему Пушкин не сделал предложение руки и сердца Екатерине Ушаковой столь же скоропалительно, как ещё недавно, после трёх встреч, Софье Пушкиной. Дело, похоже, в резвом и шаловливом характере Екатерины Ушаковой. Недавно ушедшая из жизни филолог-литературовед Нина Забабурава мотивировала поведение Пушкина так: подобный характер таит в себе известную опасность. Дружеские вольности скорее охлаждают любовь. Помните пушкинский автограф “Не женщина, не дитя”? Вдуматься — своего рода приговор, выражающий всю неопределённость установившихся отношений, неуловимую зыбкость границ, отделяющую дружескую фамильярность от любви:

“В эту пору Пушкин уже был знаком с Натальей Николаевной Гончаровой, к которой успел впервые посвататься. И хотя ничего пока не было решено, встреча с чистой, первозданной женской прелестью, может быть, заставила его более остро ощутить неженственность шаловливой дерзости”.

Со стороны Ушаковой, скорее всего, причина была одна. Она почувствовала, что Пушкин постепенно ускользает от неё к другой, и помешать этому она не в силах. Признаться в своей слабости не хотелось, и умница Екатерина нашла деликатный способ первой отказать от Пушкина. Услышав про предсказание питерской гадалки о смерти “от своей жены”, она объявила, что не желает быть причиной гибели поэта, и отпустила его восвояси. Навсегда.

Сколь можно было и сколько допускали приличия, “барышня с Пресни” выждала. 28 апреля 1830 года полетело письмо брату:

“В Москве новостям и сплетням нет конца, она только этим и существует, не знаю, куда бы я бежала из неё и верно бы не полюбопытничала, как Лотова жена. Скажу тебе про нашего самодержавного поэта, что он влюблён (наверное, притворяется по привычке) без памяти в Гончарову меньшую. Здесь говорят, что он женится, другие даже, что женат. Но он сегодня обедал у нас, и кажется, что не имеет сего благого намерения, mais on ne peut repondre de rien*.

Его брат Лев приехал с Кавказа и был у нас, он очень мил и любезен и кампанию сделал отлично, весь в крестах. Вот его bon mot** про А. Серг., когда он его увидел бегущего на гулянье под Новинским за коляской Карсов***:

* Но нельзя отвечать ни за что (фр.).

** Острота (фр.).

*** После возвращения из Арзрума Пушкин стал именовать сию пока недоступную Натали “Карсом”.

*Он прикован,
Очарован,
Он совсем огончарован...”*

В тот момент сложилась драматическая ситуация, когда вокруг Пушкина развернулась “позиционная война”. Её особенность – война шла не между двумя очаровательными московскими барышнями: сёстры Ушаковы – против сестёр Гончаровых, вернее, старшая Ушакова против младшей из Гончаровых, Наталии. Война происходила в сердце поэта, где обе избранницы странным образом сосуществовали одновременно. Кому как не женщине понять изнутри перипетии той войны с очень женским лицом. Писатель Лариса Черкашина, давно и обстоятельно занимающаяся Пушкиным, так увидела события:

“Свидетелем тех давних баталий стал альбом Елизаветы Ушаковой, счастливо сохранившийся до наших дней. Каким только нападкам не подвергалась бедная Натали, как только не высмеивали её сестрицы Ушаковы, дав волю своим злым язычкам! Один из рисунков в альбоме (кто был его автором – Катерина или Лиза – уже не узнать) запечатлел Натали в весьма комичном виде: с носовым платочком в руке, в каких-то несуразных туфлях, стоящей в луже слёз. Рисунок сопровождался целым “монологом” от имени плачущей “героини”:

“Как вы жестоки. Мне в едаких башмаках нельзя ходить, они мне слишком узки, жмут ноги. Мозоли будут”.

Намёк более чем прозрачный: туфельки малы, и Золушке не бывать принцессой. Сёстры подсмеивались над Натали вовсе не дружески – нужно же было найти хоть один изъян в “первой московской красавице”. И удар был направлен с меткостью снайпера – в самую чувствительную, болевую точку поэта, известного своей слабостью к маленькой женской ножке.

(Свадебные туфельки Натали хранятся ныне в Петербурге, в доме на Мойке. На их узеньких следах различима цифра “4”, что соответствует современному тридцать седьмому размеру. И надо полагать, ножка юной красавицы полностью гармонировала с её, по тем временам высоким, ростом!).

На рисунке изображены и тянущиеся к Натали руки с длинными хищными ногтями (известна любовь Александра Сергеевича к длинным ногтям). В левой руке, с тщательно выписанным огромным перстнем (“визиткой” поэта!), – письмо барышне. Под рисунком надпись: “Карс! Карс, брат, брат Карс!”

Предание, сохранённое в семье Ушаковых, объясняет, почему Пушкин так шутивно называл Натали, представлявшуюся ему столь же неприступной, как и турецкая крепость Карс. Но в этом прозвище заключалась и надежда – ведь крепость несколько раз бралась русскими войсками, и в последний раз совсем незадолго до описываемых событий – в 1828 году. Кстати, любопытный исторический факт – в России была выбита медаль “На взятие Карса”!

Шутливые и не очень рисунки и стихи о “Карсе” много раз появлялись в ушаковском альбоме, потому что весь роман Пушкина с Натальей Гончаровой развивался, что называется, на глазах у Екатерины Ушаковой. Поначалу его увлечение она не приняла всерьёз. Видимо, полагала: сколько таких у него уже было! Но чем дальше, тем больше дают о себе знать досада, ревность и злость. И то, что Екатерина Николаевна откровенно не жаловала новую избранницу поэта, понять нетрудно хотя бы из её письма тех дней, адресованного брату:

“Карс всё так же красива, как и была, и очень с нами предупредительна, но глазки её в большом действии, её А. А. Ушаков прозвал Царство Небесное, но боюсь, чтобы не ошибся, для меня это сущее Чистилище. Карсы в вожделенном здравии. Алексей Давыдов был с нами в собрании и нашёл, что Карс должна быть глупенька, он по крайней мере стоял за её стулом в мазурке более часу и подслушивал её разговор с кавалером, но только и слышал из её прелестных уст: да-с и нет-с. Может быть, она много думает или представляет роль невинности...”

И всё? Не совсем. Как-то Екатерина всё же не сдержалась и послала Пушкину, отъехавшему в Петербург, письмо, которое не сохранилось. Оно было без подписи, но Пушкин понял, от кого оно, и, так как жизненный ритуал влюблённости требовал выполнения обряда признаний, писем и другой атрибутики, написал “Ответ” (в стихах ответить оказалось ему легче), напечатав

его в “Литературной газете” (1830 год, № 3, 11 января) за подписью “Крс”. Идут споры: сокрыта ли в ней анаграмма “Сверчок” или спрятан “Карс”.

*Я Вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной простоте
Сих неподписанных каракул,
Но по весёлой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лёд, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.*

Последняя известная встреча Пушкина с Ушаковой произошла в июне 1830 года. Кому как, а мне, признаюсь, жаль, что у них не сложилось. Если вдуматься, с Екатериной Ушаковой Пушкин был ближе всего к собственному идеалу жены: “хороша собой, умна, иронична, приветлива и в высшей степени ответственна”. Соглашусь с В. В. Вересаевым, сказавшим об этой девушке, не только любившей Пушкина, но и умевшей его ценить:

“Не перейди ей дорогу пустынькая красавица Гончарова, втянувшая Пушкина в придворный плен, исковеркавшая всю его жизнь и подведшая под пистолет Дантеса, — подругою жизни Пушкина, возможно, оказалась бы Ушакова, и она сберегла бы нам Пушкина ещё на многие годы”.

Остаётся добавить: замуж Екатерина Николаевна вышла довольно поздно. Не то что точная дата, но даже год, когда это произошло, неизвестен. Можно встретить мнение, что случилось это в 1836 году, когда ей уже исполнилось 27 лет. Кто-то называет 1837 год. Чаше фигурирует: “После рокового 1837-го...” — с уточнением: “Во всяком случае, ей было уже под тридцать (то есть была она самой что ни на есть “перезревшей” невестой). Согласие стать женой она дала князю Дмитрию Николаевичу Наумову. Он был вдовец, много старше неё, прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка, впоследствии коллежский советник.

С каким настроением шла она под венец? Можно вопрос повернуть иначе: почему вышла замуж? В одном из писем брату она писала:

“На мой взгляд, нет ничего более отвратительного, чем старая дева — это бич человеческого рода”.

Супруг Екатерины Николаевны “вошёл в историю” разве что своей ревностью. В первый год совместной жизни (по другим сведениям, ещё перед свадьбой) он потребовал уничтожить два девичьих альбома невесты с рисунками и посвящениями Пушкина. А спустя какое-то время, опять же в приступе ревности, Наумов разломал подарок Пушкина: любимый Екатериной Николаевной золотой браслет с зелёной яшмою, который она носила на левой руке, между локтем и плечом, там, где он был сокрыт пышным рукавом платья. Из золота браслета ревнивец-муж распорядился сделать лорнет, который позже сам и разбил. Яшму отдал то ли тестю, то ли ювелиру. Кольцо же с камнем впоследствии намеренно “потерял”.

Как гласит семейное предание, похожее на легенду, сама Екатерина Николаевна незадолго до кончины велела дочери принести заветную шкатулку, где долгие годы хранила утаённые от супруга письма Пушкина, и сжечь их. Дочь умоляла оставить как память эти бесценные листки, но она повторила: “Мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна, пусть она и умрёт с нами”. Может быть, и он не сохранил письма Екатерины Ушаковой, адресованные ему, по её воле?

Стоустая светская молва была очень внимательна к Пушкину. Слухи, толки, кривотолки следовали за ним повсюду, нередко даже забегая вперёд. Как это обычно бывает, стихи поэта интересовали людей куда меньше, нежели вести

про что-то этакое. “Жёлтой” прессы как таковой ещё не было, поэтому обходились письмами. Приятели и друзья были первыми любопытствующими.

Из письма князя П. А. Вяземского жене в Москву (20 марта 1830 года):

“Из Москвы уже сюда пишут, что он женится на старшей Ушаковой. Почему же нет? А шутки в сторону, из несбыточных дел это ещё самое сбыточное”.

Из письма М. П. Погодина С. П. Шевырёву в Рим (23 марта 1830 года):

“Говорят, что он (Пушкин) женится на Ушаковой старшей и заметно степенничает”.

Из письма князя П. А. Вяземского жене в Москву (27 марта 1830 года):

“Все у меня спрашивают: правда ли, что Пушкин женится? В кого же он теперь влюблён, между прочим? Насчитай мне главнейших...”

Двухсерийная история сватовства Пушкина к Наталье Николаевне Гончаровой, растянувшаяся почти на два года, примечательна двумя моментами: она происходила параллельно с отношениями с Ушаковой и на фоне бурных отношений с Каролиной Собаньской. С той особенностью, что прошлые неудачи заставили поэта отнестись к сватовству с не свойственной ему осмотрительностью.

Каролину Собаньскую Пушкин называл демоном, но, кажется, никого он так страстно не любил, как её. Кое-кто из пушкинских приятелей был в курсе, что она писала тайные доносы. Тот же Филипп Вигель говорил, что под её щеголеватыми формами скрывались мерзости. Пушкин же, ничего не ведая о её тайной жизни, полагал, что его душа – боязливая рабыня её души.

Весной 1830 года для Пушкина жизнь буквально на разрыв. 4 марта он неожиданно расстается с Собаньской в Петербурге и едет в Москву. На Пасху 6 апреля Пушкин сделал Наталье Гончаровой предложение. То ли жест отчаяния, то ли альтернативный вариант, то ли своего рода месть любовнице, то ли последний решительный бой. На сей раз предложение было принято.

В день помолвки Пушкина с Натальей Николаевной в “Литературной газете” появляется его стихотворение “Что в имени тебе моём?”, обращённое к Собаньской. Слава богу, невеста и её круг почитателями, да и просто читателями стихов жениха не являются. Будь иначе и знай они, кому стихотворение адресовано, помолвке не бывать. Через два месяца после помолвки Пушкин снова мчит в Петербург: невесте сказано – по делам, в действительности – к Собаньской.

Знакомство с Гончаровой произошло в Москве зимою 1828-1829 годов. Начиналось оно, как обычно: на балу у танцмейстера Иогеля поэт пленён красотой 16-летней провинциалки из Полотняного Завода (обширное родовое имение Гончаровых, расположенное на реке Суходрев под Калугой). По воспоминаниям Надежды Еропкиной, знавшей Наталью Николаевну до замужества, ту очень рано стали вывозить в свет:

“Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в общении, помимо её воли, покоряли всех. Не её вина, что всё в ней было так удивительно хорошо. Но для меня так и осталось загадкой, откуда обрела Наталья Николаевна такт и умение держать себя? Всё в ней самой и манера держать себя было проникнуто глубокой порядочностью. Всё было comme il faut – без всякой фальши. <...> Пушкина пленили её необычная красота, и не менее вероятно, и прелестная манера держать себя, которую он так ценил”.

Если быть точным, когда на балу она была представлена Александру Сергеевичу, и он впервые увидел её – в белом платье, с золотым обручем на голове, – той всего 3 месяца как исполнилось шестнадцать. Тогда, надо отметить, красоту Натальи едва начали замечать в свете. А он заметил и... Позже будущей теще он напишет:

“Я полюбил её, голова моя закружилась...”

Нетерпение сердца, “пьяного от счастья”, у него столь сильно, что решение сделать Гончаровой предложение последовало без промедления. Закономерны вопросы: чем же привлекла и поразила Пушкина Наталья Гончарова? Почему выбор пал на неё? Самое смешное, что можно встретить в качестве ответа, выглядит так: *“В юном существе поэт увидел всех тех женщин, которые когда-то потрясли его воображение. Потрясли на всю жизнь. Поисками ускользающего видения он и был занят все эти годы”.*

Если вникнуть по-серьёзному, то можно ограничиться известными словами из Послания апостола Павла к Ефесянам, которое читается во время православного обряда бракосочетания: “Тайна сия велика есть”. Потому что влюбляются не за что — у любви не может быть причин, и потому невозможно сказать, за что любишь.

И тем не менее, попробуем взглянуть на ситуацию со стороны, вспомнив строки пушкинского экспромта, написанные Дж. Дау — английскому художнику, автору портретной галереи героев 1812 года, с которым Пушкин встретился на пароходе, шедшем до Кронштадта:

*Рисуй Олениной черты,
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.*

Два основных критерия в них обозначены: его избранница должна быть юной и красивой. Что касается возраста, то желание взять в жёны младую деву возникло у Пушкина, как помним, “глядя” на пару Александр Грибоедов и Нина Чавчавадзе. Что касается второго критерия, то и мужчины, и женщины — все были единодушны в признании несомненной красоты Натальи Гончаровой. Один из светских знакомых Пушкина, граф В. А. Соллогуб, в своих “Воспоминаниях” на склоне лет восторженно писал о Наталье Николаевне:

“... Никогда не видывал я женщины, которая соединяла бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой тальей, при роскошно развитых плечах и груди, её маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, зубы, уши! Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные, даже из самых прелестных женщин, меркли как-то при её появлении. <...> ... её лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы...”

“Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всём её облике... невозможно ни быть прекраснее, ни иметь более поэтическую внешность... Это образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием Творца, — так писала у себя в “Дневнике” о жене Пушкина, обладательнице “небесной и несравненной” красоты, Долли Фикельмон. — Я видела её у маменьки — это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая, — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, — глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, — взгляд не то чтобы косящий, но неопределённый, тонкие черты, красивые чёрные волосы. <...> ... её стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен, и взгляд, хотя и неопределённый, красив, в её лице есть что-то кроткое и утончённое...”

Среди других критериев, какие пьянили Пушкина, был и тот, что в его глазах брюнетка Натали была похожа на белокурую императрицу Александру Фёдоровну: и чертами лица, и изяществом сложения, и ростом, и манерой поведения. Позже он так и говорил Карлу Брюллову, автору знаменитого полотна “Последний день Помпеи”, прося его написать портрет жены: “А вот моя тёмная Мадонна”.

Немного истории: Великий Карл, однако, не вдохновился красотой Натали, и всем известный акварельный портрет (юная светская красавица в балльном платье замерла, опершись на что-то) исполнил его старший брат Александр. На портрете у прекрасной Натали в ушах серьги с дорогими бриллиантами, которые одолжил на время, когда она позировала художнику, Александру Пушкину его друг князь Пётр Мещерский. Эти алмазы, так называемые “ширинские алмазы”, были из тех, что относятся к историческим “роковым драгоценным камням”. Считалось, что их не могли безнаказанно носить женщины, не принадлежащие к роду князей Мещерских, в том числе и жёны князей.

Может ли это служить хотя бы косвенным подтверждением гипотезы, что Александра Фёдоровна (урождённая принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская) и есть искомая всеми “NN” из “донжуанского списка” Пушкина? Не уверен.

С одной стороны, её величественная и строгая фигура, представляла “законченный тип немецкой красоты”. Так, во всяком случае, отражено

в знаменитом уникальном 5-томнике “Русские портреты XVIII и XIX столетий”. Издание Великого князя Николая Михайловича”, ставшем итогом кропотливой работы на протяжении нескольких десятилетий научных сотрудников музеев, архивов и библиотек по установлению подлинных атрибуций отдельных “персон”, а также авторства опубликованных 1087 портретов.

С другой стороны, немецкий тип красоты не мешал россиянам, писавшим о жене Николая I, отдавать должное не только её красоте, но и душевным качествам разного рода.

Вот только следует иметь в виду, что порой невнимательные пишущие и читающие, говоря о супруге Николая I, ссылаются при этом на строки А. Ф. Тютчевой в её книге “При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора”:

“Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатления belle femme [красавицы]; но она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всём их существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела”.

Дело в том, что Тютчева, так пишущая о цесаревне, имеет в виду Марию Александровну, будущую российскую императрицу, супругу Александра II и мать императора Александра III. Только ли невнимательностью можно объяснить ошибку? Полагаю, людей сбивает с толку соотношение не называемой в этот момент в тексте Тютчевой цесаревны с мадоннами Альбрехта Дюрера. Фигура Александры Фёдоровны впечатляла, что и говорить, многих. Уже упоминавшийся среди поклонников Анны Керн А. В. Никитенко писал:

“У Императрицы стройная, величественная фигура, каких, я думаю, не много есть; лицо бледное, но также величественное, с оттенком добродушия; в приёмах её и обращении много приветливого и ласкового”.

У Анны Фёдоровны Тютчевой, жены И. С. Аксакова, в её книге, тем не менее, есть пассаж и об императрице Александре Фёдоровне, причём не только о её фигуре. И интересен он ещё и тем, что в нём фигурирует её муж, человек, сыгравший немалую роль в судьбе Пушкина:

“Император Николай питал к своей жене, этому хрупкому, безответному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной природы к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него это была прелестная птичка, которую он держал в перти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золочёных решёток своей клетки. Но в своей волшебной темнице птичка не вспоминала даже о своих крылышках. Для императрицы фантастический мир, которым окружало её поклонение её всемогущего супруга, мир великолепных дворцов, роскошных садов, весёлых вилл, мир зрелищ и фееричных балов заполнял весь горизонт, и она не подозревала, что за этим горизонтом, за фантазмагорией бриллиантов и жемчугов, драгоценностей, цветов, шёлка, кружев и блестящих безделушек существует реальный мир, существует нищая, невежественная, наполовину варварская Россия, которая требовала бы от своей государыни сердца, активности и суровой энергии сестры милосердия, готовой прийти на помощь её многочисленным нуждам.

Александра Фёдоровна была добра, у неё всегда была улыбка и доброе слово для всех, кто к ней подходил, но эта улыбка и это доброе слово никогда не выходили за пределы небольшого круга тех, кого судьба к ней приближала. Александра Фёдоровна не имела ни для кого ни сурового взгляда, ни недоброжелательного жеста, ни сурового осуждения. Если она слышала о несчастье, она охотно отдавала своё золото, если только что-нибудь оставалось у её секретаря после расплаты по громадным счетам модных магазинов, но она принадлежала к числу тех принцесс, которые способны были бы наивно спросить, почему народ не ест пирогов, если у него нет хлеба”.

Однако в памяти потомков Александра Фёдоровна всё же сохранилась. Для неё был возведён дворцово-парковый ансамбль “Александррия” в Петергофе, гуляя по которому и сегодня, получаешь огромное удовольствие. Её именем назван Александринский театр в Санкт-Петербурге.

Но вернёмся к Пушкину. Эта параллель (Натали, тёмная Мадонна — Александра Фёдоровна, светлая Мадонна), кто знает, может быть, определившая пушкинский выбор, позволяет наметить контур принципиального расхождения его слов о любви к Натали и подспудно сидящего в сознании решения не останавливаться на полпути, идти до конца — покончить с холостой жизнью и несоответствующим летам положением в свете.

Второе, смею думать, для него было всё же более существенным. Красивая — даже если поэт забыл, мы-то помним, как ещё недавно он писал о Софье Пушкиной, на которой решил вдруг жениться: “Прекраснее быть невозможно”. Юная — а потому невольно вспоминаются слова, якобы сказанные поэтом про Анну Оленину: “Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам”. Что греха таить, даже если слов таких он не произносил, то подобным образом думал: и тогда, и в этот раз, с Натали.

Мысли о женитьбе появляются у него осенью 1826 года. Но ещё в конце мая он писал Вяземскому из Михайловского:

“Правда ли, что Баратынский женится? Боюсь за его ум. Законная п...да — род тёплой шапки с ушами. Голова вся в неё уходит. Ты, может быть, исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет ещё 10 был холостой. Брак холостит душу”.

Приплюсуем сюда несколько слов из письма Вере Вяземской (28 апреля 1830 года). Написанные по-французски, в русском варианте они стали известны, кажется, каждому слышавшему про Пушкина и его сватовство:

“Mon mariage avec Natalie (qui par parenthese est mon cent-treizieme amour) est décidé”.

“Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена”.

Этими несколькими словами о своей невесте, справедливо проконстатируют много лет спустя, Пушкин “озадачил несколько поколений пушкинистов и читателей, по сей день разделённых на два враждебных лагеря: первородных оптимистов и мрачных скептиков. Последние обвиняют первых в идеализации жизни поэта и превращении его самого и его жены в иконы. Первородные оптимисты обвиняют мрачных скептиков в неуважении святынь русской культуры и оскорблении чести великого поэта и его жены”.

Не я первый берусь цитировать великое множество сомневающихся в великой любви Пушкина к Натали. Впрочем, сам поэт стоит первым в этом ряду. И тогда, когда заявляет:

“Более или менее я был влюблён во всех хорошеньких женщин, которых знал”.

И тогда, когда, добившись согласия своей будущей тещи, он признается ей, что невеста его не любит. И это спустя полтора года с момента, как он пришёл в восторг от божественной красоты юной Натали:

“...я могу надеяться со временем привязать её к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться”.

И дело не только в ней — он сам остыл, былая влюблённость в неё, может быть, прошла. 10 февраля 1831 года (то есть за неделю до венчания) он пишет Кривцову:

“Ты без ноги, а я женат.

Женат — или почти. Всё, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, всё уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes*. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчёты. Всякая радость будет мне неожиданности”.

Пушкина спросили, сообщает почт-директор Александр Булгаков брату: “...говорят, что вы женитесь? — Конечно, — ответил тот. — И не думайте, что это будет последняя глупость, которую я совершу в своей жизни”.

---

* Счастье можно найти лишь на проторённых дорогах (франц.).

В письме к Плетнёву сам поэт, кажется, уже жалеет, что сватовство завершилось положительно:

“Чёрт догадал меня бредить о щастии, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью”.

Соболевский припомнил, что из дома своей невесты на Большой Никитской Пушкин глядел на гробовую лавку, а потом написал “Гробовщика”. Видимо, под стать настроению. Вроде бы рвётся жениться, а хорошо ему, когда он один, без невесты. *“Ты не можешь себе представить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать”*, — пишет он Плетнёву из Болдина.

«Намереваясь отправиться в Польшу, — записывает Бартенев, — Пушкин всё напевал другу Нащокину: “Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи...”»

Накануне помолвки в письме к будущей тёще он провидчески скажет о возможности блестящего вдовства для Натальи Николаевны. А для себя на трёх страничках набрасывает историю, как в одночасье он стал женихом (“Участь моя решена. Я женюсь...”). Самые примечательные строки в ней:

“Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями. Он вынул из кармана платок, он хотел заплакать, но не мог и решил высморкаться”.

“Женитьба была несчастье его, и все близкие друзья его сожалели, что он женился”, — рассказывал Николай Смирнов.

Есть целый ряд заслуживающих внимания и доверия свидетельств, говорящих о том, что под венец Пушкин шёл неохотно, почти что по обязанности.

“Пушкин женится на Гончаровой, между нами сказать, на бездушной красавице, и мне сдаётся, что он бы с удовольствием заключил отступный трактат”, — это сообщает приятель поэта Сергей Киселёв в приписке к письму Пушкина их общему знакомому Алексею. Можно предположить, что Александр Сергеевич почти наверняка этот текст совместного письма перед отправкой прочитал и, как видим, оставил его без изменений или возражений.

Продиктованы ли эти слова обидой за несостоявшийся брак с Пушкиным Екатерины Ушаковой, ведь Киселёв, как помним, муж её сестры Елизаветы, или так и было — поди разбери.

Много лет спустя Сергей Булгаков ещё жёстче выскажется в адрес Натальи. Если дыма без огня не бывает, то это тот самый случай:

“Красота была только красотью, формой без содержания, обманным осиянием”.

“В городе опять поползли слухи, что Пушкина свадьба расходится, — пишет 16 февраля опять Александр Булгаков брату, — это скоро должно открыться. Середа — последний день, в который можно венчать (перед Великим постом. — А. Р.). Невеста, говорят, нездорова. Он был... на бале, отличался, танцевал, после ужина скрылся. — Где Пушкин, я спросил, а Гриша Корсаков серьёзно отвечал: “Он ведь был здесь весь вечер, а теперь отправился навещать невесту”. Хорош визит в пять часов утра и к больной! Нечего ждать хорошего, кажется, я думаю, что не для неё одной, но для него лучше было бы, кабы свадьба разошлась”.

“Судя по его физиономии, можно подумать, что он досадует на то, что ему не отказали, как он предполагал”, — замечает Озерова, встретившая Пушкина с Натальей Николаевной на представлении в Благородном собрании.

Трагическая грусть или горькая обречённость, по-другому не скажешь, пронизывает пушкинское письмо к сестре: *“Боюсь, Ольга, за себя, а на мою Наташу не могу иногда смотреть без слёз; едва ли мы будем счастливы, и свадьба наша, чувствую, к добру не приведёт. Сам виноват кругом и около: из головы мне выпало вон не венчаться 18 февраля, а вспомнил об этом поздно — в ту минуту, когда нас водили уже вокруг аналоя”.*

Художник Михаил Иванович Железнов, ученик великого Карла Брюллова, оставил воспоминания о своём учителе, среди которых есть фрагмент о взаимоотношениях великого художника с великим поэтом:

«Вскоре после того как я приехал в Петербург, вечером, ко мне пришёл Пушкин и звал к себе ужинать. Я был не в духе, не хотел идти и долго отказывался, но он меня переупрямил и утащил с собой. Дети Пушкина уже спали, он их будил и выносил ко мне поодиночке на руках. Не шло это к нему, было грустно, рисовало передо мною картину натянутого семейного счастья, и я его спросил: “На кой чёрт ты женился?” Он мне отвечал: “Я хотел ехать за

границу — меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что мне делать, — и женился»».

Вяземский долго не верит слухам о сватовстве Пушкина и возмущённо пишет жене:

“Ты меня мистифицируешь заодно с Пушкиным, рассказывая о порывах законной любви его. Неужели он в самом деле замышляет жениться, но в таком случае, как же может он дурачиться? Можно поддразнивать женщину, за которую волочишься, прикидываясь в любви к другой, а на досаде её основать надежды победы, но как же думать, что невеста пойдёт, что мать отдаст дочь свою замуж ветренику или фату, который утешается в горе”.

Однако спустя две недели Вяземский получил несомненное подтверждение слухов об свершившемся событии:

“Нет, ты меня не обманывала, мы сегодня на обеде у Сергея Львовича выпили две бутылки шампанского, а у него по-пустому пить двух бутылок не будут. Мы пили здоровье жениха. Не знаю ещё, радоваться ли или нет счастливо Пушкина, но меня до слёз тронуло письмо его к родителям, в котором он просит благословения их. Что он говорил тебе об уме невесты? Беда, если его нет в ней: денег нет, а если и ума не будет, то при чём же он останется с его ветреной головой?”

Двумя бедами, надо признать, предстоящее событие для Пушкина не ограничивалось. Самым печальным было то, что он сознательно стремился к браку с женщиной, которая в лучшем случае его терпит, но не любит. *“Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери, — писал Пушкин матери своей невесты в откровенном письме 5 апреля 1830 года, — я могу надеяться возбудить со временем её привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия её сердца”.*

Сегодня можно встретить точку зрения, что в год помолвки Пушкин был душевно гораздо ближе к очаровательной Ушаковой с добрым, преданным ему сердцем, чем к Гончаровой. Но его визиты в дом Ушаковых становились всё реже. Впрочем, куда чаще предлагается просто поверить Пушкину, наверное, лучше знавшему свою Мадонну, *“чистойшей прелести чистойший образец”.*

Я не уверен ни в первом, ни во втором. Судя по всему, Екатерина ждала, надеялась. В начале 1830 года она пишет брату И. Н. Ушакову:

“Карс день со дня хорошеет, равномерно, как и окружающие её крепости, жаль только, что до сих пор никто не берёт штурмом — ...недостаток пушек и пороху”.

Слово “пушек” в письме жирно подчёркнуто. Вероятно, случился момент, когда для Екатерины забрезжила слабая надежда, что “штурм” крепости отменяется: Пушкин почти отказался от бесплодных попыток взять “Карс” из-за неладов с “маминькой Карса”. Но... Как отражение настроений — “Ушаковский альбом”. Вот рядом с профилем изображением юной особы в замысловатом головном уборе (явно портрет Натали) ровным женским почерком сделана надпись:

*Любовь слепа среди света
И кроме своего —
Бесценного предмета
Не видит ничего.*

А чуть ниже той же девичьей рукой проставлены инициалы: “Н. Г.”. Кто автор немудрёных строк, Екатерина или Елизавета, — роли, полагаю, не играет.

Просить согласия на брак с Натальей Николаевной Гончаровой, как известно, Пушкин решил не сам. В качестве свата избрал Фёдора Толстого-Американца, который, как ему было известно, в семействе Гончаровых пользовался немалым влиянием. Когда Пушкин впервые посватался к Наталье, Гончаровы отнеслись к сватовству холодно и, не исключено, лишь их нежелание портить отношения с Фёдором Толстым избавило Пушкина от окончательного отказа. Не менее холоден был и приём, оказанный Гончаровыми Пушкину по его возвращении с Кавказа. И это не домыслы, это его собственные слова:

“Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчанье, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... Я уехал в Петербург в полном отчаянии”.

Когда всё же после немалого времени маменька Натали соизволила дать согласие, одно за другим стали возникать обстоятельства, как бы говорящие Пушкину: “Одумайся!”

Ключевое из них – безденежье. Нет средств содержать семью. Не на что даже сыграть более-менее приличную свадьбу. За несколько месяцев до первой попытки сватовства к Наталье Пушкин пишет И. А. Яковлеву письмо с просьбой подождать с долгом, мотивируя тем, что он весь в долгах; мало того, “я (между нами) проиграл уже около 20 тысяч... В конце мая и в начале июня денег у меня будет кучка, но покамест я на мели и карабкаюсь”. На помощь родителей рассчитывать не приходится. Все имения семейства Пушкиных заложены-перезаложены.

В конце августа 1830 года поэт отправляется из Москвы в имение своего отца. По пути “в Нижний, то есть в Лукоянов, в село Болдино” пишет письмо другу и сотоварищу по “Современнику” Петру Плетнёву:

“... Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день от дня далее. Между тем я хладен, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и её матери – отселе размолвки, колкие обиняки, ненадёжные примирения – словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое моё время – здоровье моё обыкновенно крепнет – пора моих литературных трудов настает – а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем Бог весть когда...”

Не доезжая до Болдино, Пушкин узнал о надвигающейся холере, но назад решил не поворачивать, сказался настрой писать, в просторечии называемый приливом вдохновения. То есть планировал поездку в деревню Александр Сергеевич недели на три – намеревался устроить свои предсвадебные имущественные дела, предстало вступить в права наследства имением. А вышло, что застрял на всю осень – болдинскую. Через месяц шлёт невесте жалобное письмо:

“Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с её карантинами – не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? Мой ангел, ваша любовь – единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, дед повесил француза-учителя, аббата Николя, которым был недоволен). Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней всё моё счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 вёрст и сквозь 5 карантин. Карантины эти не выходят у меня из головы...”

Письмо столь жалобное, особенно, когда его автор пишет о любви, которая мешает ему повеситься на воротах печального замка, что жалости, за отсутствием доверия к написанному, как-то не вызывает. Тем более, что знаешь: к этому времени у него на столе лежат стопки страниц, а на них написанные “Гробовщик”, “Станционный смотритель”, “Барышня-крестьянка”, 8-я глава “Евгения Онегина”, “Элегия”. Та самая элегия, где жених в преддверии свадьбы делает горькое пророчество печального будущего:

*...Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнующее море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья:
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

И тут самое время сказать несколько слов об эволюции Пушкина-лирика. Она была столь необычайно стремительной, что Юрий Тынянов даже назвал её

“катастрофической”. Заметим, это касается и пушкинской любовной лирики.

В лицейские годы у неё, собственно, два жанра: послание и элегия. Первый развивает мотивы любви – весёлые и игровые – “жизнь быстротечна”, следовательно, “лови мгновение” (слова Горация), наслаждайся дарами богини любви Венеры. Второй жанр оплакивает прошедшую любовь – юношеская вселенская меланхолия.

Двадцатые годы проходят у Пушкина под знаком байроновской элегии. Это чистой воды плач о “прошедшей” молодости и “былых” наслаждениях любви. В стихах этого периода исключительные страсти сквозь слёзы. И страстям этим находят соответствия в мире природы. Безудержным порывам романтического “я” подбираются “соответствующие” природные стихии: шторм на море, ураган, водопады и пропасти, или нечто высокое в природе – горы, небо.

Про пушкинскую лирику второй половины 20-х годов можно сказать, что для неё характерны: на тематическом уровне – драматизм, психологическая сложность, сочетание противоположных чувств, преобладание оттенков и полутонов; на стилистическом уровне – сочетание лаконизма и глубины, скупости выразительных средств и интенсивности лирического переживания. За кажущейся привычностью и традиционностью поэтических образов открывается неожиданная многозначность.

Достаточно перечитать “На холмах Грузии лежит ночная мгла. . .” Бросается в глаза, что традиционная элегическая печаль здесь неожиданно “светла”, слово “грустно” сочетается с “легко”, “уныние”, которое обычно ассоциируется с “мучением” и “тревогой”, – здесь с “ничто не мучит, не тревожит”. Стихотворение приобретает психологическую конкретность, которая выражается тончайшими оттенками и смешением чувств.

И ещё одно открытие Пушкина. Его любовная лирика требует от читателя не только сопереживания, но и размышления. Внимательное чтение “Я вас любил. . .” обнаруживает: в восьми строчках стихотворения два отречения от любви: первые четыре стиха – умиротворённое, последние четыре стиха – взволнованное. Получается, чувства лирического героя нарастают. Возникает скрытое противоречие: сначала поэт не хочет нарушать покой возлюбленной, но далее страстно напоминает ей о своей любви. Последняя строка (“Как дай вам Бог любимой быть другим”) и вовсе драматична: в ней сливаются ревность и самоотречение.

Лирический мир Пушкина, скажет Лидия Гинзбург, акцентирует “единичное, психологически конкретное событие”. И расшифрует:

“Лирическое событие – это не повествовательный эпизод, это некий неповторимый душевный опыт, ставший тем общим опытом, в котором многие узнают себя”.

В тридцатые годы у Пушкина элегия выходит на философский уровень. В только что процитированной “Элегии” тема любви сжимается до двух строк (последнее двустишие), а тема элегического страдания приобретает неожиданный философский смысл: “Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать”. Возникает новый поворот темы – вместо элегического отчаянья и разочарования высказана мудрая надежда, которая позволяет говорить о довольно парадоксальном жизнеутверждающем страдании.

Карантины продлятся ещё два месяца, на протяжении которых к написанному прибавятся “История села Горюхина”, “Каменный гость”, “Пир во время чумы”. В Москву Пушкин вернётся лишь в начале декабря. Заложённое Кистеневое принесло 38 тысяч, из них 11 уходят в долг будущей теще, Наталье Ивановне Гончаровой (урождённой Загряжской), на приданое невесте, 10 тысяч – П. В. Нащокину, тоже в долг, 17 тысяч оставлены “на обзаведение и житьё годичное”.

Шёл Рождественский пост, соответственно, по церковному уставу венчание могло быть только после святок, то есть в следующем году. Снова пришлось ждать.

18 февраля, в день свадьбы, Наталья Ивановна прислала сказать, что всё опять придётся отложить – у неё нет денег на карету. Жених денег будущей теще послал. Решил не тратиться на свадебный фрак – венчался во фраке с приятельского плеча Павла Нащокина. Святитель Филарет, митрополит Московский, настоял, чтобы венчание совершилось в приходе невесты, в недостроенном храме Вознесения у Никитских ворот (Наталья Гончарова жила

неподалёку, на Большой Никитской улице*). Там, в храмовом притворе, где обряд проводился, на решении не останавливаться на полпути, идти до конца — покончить с холостой жизнью и несоответствующим летам положением в свете — и была поставлена финальная точка.

Оглядываясь назад, позволительно сказать, что в период своего бесконечного сватовства им были созданы самые лучшие стихотворения, в которых проявился поэтический гений, преломивший его земные страсти и необузданную чувственность. Это был период, как отмечал пушкинист Б. Мейлах, когда в лирике Пушкина “любовь раскрылась со всеми её радостями и “безумием”, горечью и скорбью — в новой для поэзии диалектике противоречивых чувств”. Как тут не вспомнить слова Гоголя:

“Даже в те поры, когда он метался сам в чаду страстей, поэзия была для него святыня, — точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносил он туда необузданного, опрометчивого из собственной жизни своей; не вошла туда нагишом растрёпанная действительность. А между тем всё там до единого есть история его самого. Но это ни для кого незримо”.

Слова мудрые, но, вспоминая их, желательно не забывать, что лирика Пушкина вроде бы откровенно автобиографична. Но так ли уж она биографически точна?

---

* Старый гончаровский дом снесён в конце XIX века, а на его месте появился изящный особняк, в нём сейчас посольство Испании.

ВАЛЕНТИНА ЕРОФЕЕВА

МИР, КОТОРЫЙ ТЫ НЕСЁШЬ...

О “Большой-пребольшой книге”. О премии

В редакцию принесли книги. Гору. Гора долго лежала на стуле, горделиво возвышаясь над его спинкой.

Читать не хотелось. Просто просматривать по диагонали – почти преступно: схватываешь внешнее, а внутреннее может ускользнуть, спрятаться.

Лежали... лежали книги... Насилу открыла первую – и в прямом и в переносном смысле: пришлось взрезать крепкий целлофан.

И опрокинулся мир...

Славная Славникова, собравшая почти все литературные премии и слева, и справа, и с “центру”, с размаха швыряет читателя в бесконечную, – как оказалось, до конца романа – бездну, населённую почти босховскими персонажами. Школьное детство главного героя проходит в окружении физруков с “водянистыми глазами-пузырями”, видевшими только “толстых девочек в тугих трико”; учителя физики – тощего, “нескладного, с кадыком, похожим на древесный гриб”; матери учителя, она понадобится далее в романе, – бывшей балерины, “важной, слегка оскаленной мумии”. Главный человек в жизни подростка – тренер – у Славниковой “с коричневой печёной лысиной и чёрной шерстью на груди, где запутался, будто комар, мелкий православный крест”.

Мир природы и мир вещей, окружавших юного Ведерникова с детства, тоже изломан, искорёжен, размывает: берёза под окном – “толстая, как снежная баба”; троллейбус – “медленный, как корова”; овощи, которые нужно чистить в наказание, – “чёрные, дряблые”; кухонная плита – “поросшая жирной коростой”... И так далее, и тому подобное.

Все “красоты” мира вываливаются на читателя из корзины изобилия авторской фантазии. И это всё с первых страниц романа – глазами, скорее, не самого подростка, а именно автора. Поэтому немудрено, что и далее Славникова в романе “Прыжок в длину” (конечно же, с “любовью” испечённом к Московскому чемпионату мира в надежде на...) швыряет своего Ведерникова из одного огня да в другое полымя: “Ведерников не пьёт, пробовал – не получилось... Это спасло его от простого человеческого распада, но подвергло, как он постепенно понял, распаду худшему: разрушению в полном сознании, по жгучей песчинке, по клетке, необратимо и страшно”.

Распад... распад и разрушение, которое заботливо создают для своих персонажей славные славниковы...

К их когорте относится и автор следующей взятой из книжной горы книги – Андрей Филимонов – в своих “Рецептах сотворения мира” (какова претензия!).

“С лёгкостью необыкновенной” – вприпрыжку, ёрничая – выписан весь роман. Читать его оказалось совсем уж невыносимо: открывая любую страницу, находишь примерно такие перлы:

“Стояло лето 1916 года. Брусилов колотил австрийцев в далёкой Галиции. Распутин, как цирковой силач, держал на плечах трон самодержца и стульчик наследника. . . . Кинозвёзды затмевали надоевшую войну, . . . отравленные пирожные княгини Юсуповой, падёж двуглавых орлов с крыш правительственных зданий, бунт крокодилов в Петрограде, заглотивших полицию со всей амуницией. Чуковскому понадобилось много опиума, чтобы скрыть ужасную правду в разбитной басне. . . . Говорили, что Герберт Уэльс привёз Ленину машину времени, и они укатили в будущее, прихватив с собой изрядный кусок империи. Но это всё в столице, а провинция жила по старым календарям, не чувствуя истинного масштаба бедствий, возмущаясь только мелочами: переводом часов или новшествами в еде. Страшно раздражала овсянка, внедряемая англичанами, которые сначала были союзники, а потом стали интервенты.

– Иго-го! – кричали молодые люди, завидев на улицах барышень.

– Что это вы ржёте, как лошадей? – хихикали барышни.

– Так ведь овёс кушаем-с!”

Складывается полная уверенность, что и романист Филимонов – тоже заядлый любитель овса.

Из этой же книжной горы-горной и Александр Архангельский, напустивший туману в “Бюро проверки”, романе, по жанру заявленном как “и детектив, и портрет эпохи, и завязка сегодняшних противоречий”. События укладываются в девять дней, перенасыщенных “историей любви, религиозными метаниями, просмотрами запрещённых фильмов и допросами в КГБ” (как же без них в диссидентских романах, даже если они опаздывают со своими “разоблачениями” уже на целую эпоху).

Особенно трогательно здесь смотрятся “запрещённые фильмы”, да и допросы в КГБ, куда, конечно же, молодой человек попадает, судя по намёкам автора, не столько за посещение православного храма, сколько за параллельный этому просмотр запрещённого фильма об олимпиаде в фашистской Германии (конечно же, с обязательным намёком на пятый пункт, но здесь он высвечивается с точностью до наоборот, хотя зашифрован-запудрен до неузнаваемости).

Пресловутый пятый пункт проигрывается как-то весьма странно уже с самого начала романа в сцене встречи ученика с Учителем: “При этом он слишком резко поднял руки, повернулся – я увидел в ворота рубахи золотой нательный крест. Старинный, на тонком плетёном шнурочке. И это было, как масонский знак, как тайное послание: тебе доверено, тебя *включили!*”.

Куда включили, в какую очередную схему властителей мира сего? – а туману напущено именно на такой объём кодирования, зашифровки – нам, простым смертным читателям, конечно же, никто и не собирался объяснять-рас толковывать. Зато стратегия попадания в такого рода горы-горные литературы данной “тематикой” обеспечена стопроцентно. И неважно, что “любовь” там расчётлива и прагматична, а “религиозные метания” имеют такую широкую амплитуду, о которой можно догадаться уже по вышеприведённому фрагменту.

Вязкая стилистика “Памяти памяти” Марии Степановой оказалась такой мудрёной, что вряд ли поможет даже аннотационный толкователь. А он ласит: “Новая книга Марии Степановой – попытка написать историю собственной семьи, мгновенно приходящая к вопросу о самой возможности сохранять память о прошлом, разбор семейного архива, обращающийся взглядом на историю прошлого в настоящем, и история главных событий XX века, как она может существовать в личной памяти современного человека. Люди и их следы исчезают, вещи лишаются своего предназначения, а свидетельства говорят на мёртвых языках, описывая и отбрасывая различных посредников между собой и большой историей. Автор “Памяти памяти” остаётся и оставляет нас один на один с нашим прошлым”.

Вы что-нибудь поняли? Я, внимательно читавшая первую четверть романа, признаюсь, завязла в этой авторской (не сомневаюсь) аннотации. С чьим таким “нашим прошлым”? С прошлым дедушки Лёни из Саратова, который “намеревался поехать в Починки семьёй, имея в виду что-то вроде возвращения колен Израилевых, которых должно быть много”. Но он так и не собрался

в Починки, туда попадает, наконец-то, сама главная героиня, с которой был “путеводитель, обещавший красоты Арзамаса, и книжечка про Починки, изданная двадцать лет назад. Там упоминалась лавка еврея Гинзбурга (курсив автора. — М.С.), торговавшего швейными машинками, и это было всё”.

Опять пункт пять... Существенная часть усилий бабушек и дедушек главного персонажа (за которым притаился автор) в том, “чтобы остаться невидимыми. Достичь искомой неприметности, затеряться в домашней тьме, продержаться в стороне от большой истории...” Даже в войну это им удаётся: один — в заводской “бронь”, другой — на Дальнем Востоке воюется (простите за неологизм, но здесь именно так). Но всё бы ничего, пусть бы так и описывалось “житие” невидимок, ан нет, тут нельзя опять же и об аборигенах не упомянуть автору, хотя бы в связи со значением слова *смотрящий*. “На языке тюрьмы и зоны, *которым пользуется существенная часть тех, кто вообще говорит по-русски* (а вот теперь курсив мой. — В. Е.), *смотрящий* — тот, кто определяет правила и следит за их выполнением”. Вот и приехали — опять на круги своя.

И, чётко определившись, далее уже знаток энного количества языков (плюс вышеупомянутого русского — “тюрьмы и зоны”) свободно путешествует по всей Европе и далее в поисках следов деда Лёниного “колена Израилева”. Хотя тут же признаётся: “Моя семейная история состоит из анекдотов, почти не привязанных к лицам и именам, фотографий, опознаваемых едва ли на четверть, вопросов, которые не удастся сформулировать, потому что для них нет отправной точки и которые в любом случае некому было бы задать. Тем не менее, мне без этой книги не обойтись”. И подволакивает за собой ещё не отшатнувшегося от “семейной истории” читателя далее — через венское подземелье Михаэльскирхе, с его “инвентаризованными и приведенными в порядок человеческими костями”, к восковым телам Йозефинума, в выставочных залах которого человек разумный “сервирован как блюдо с открытой брюшной полостью, на которой, как в ресторане, выложены блестящие хорошенькие органы...” Дальше цитировать ни возможности, ни желания нет — наш родной русский язык не воспринимает этот придыхательный восторженный смак, с которым идёт красочная опись “блестящих хорошеньких”...

И я на этом сломалась. Закрывает толстый романище с изуродованной, без ручек-ножек — кем-то отбитых, — фарфоровой куколкой на обложке. Читать более не стала.

К чему это я всю опись инвентарную горы-горной привожу? Если кто ещё не догадался, то это всё — короткий, из восьми претендентов состоящий список полуфиналистов громкой *национальной* литературной премии “Большая книга”. Правда, без пухлого романа “Июнь” Димы Быкова (завсегдатая премии), в котором он кругами, на пятистах страницах — вокруг да около — ходил-ходил, да и выходил в финале громокипящее “собственное” открытие Сталин = Гитлеру, Гитлер = Сталину, в общем, близнецы-братья. Здесь, безусловно, Дима переплюнул самого себя, но коли уж он только в финале выговорил эту формулу вслух, то, может, ещё раздумает её повторить — так в лоб — при выходе романа на широкую публику. Хотя наши либерал-демократы уже не единожды озвучивали её во всяких там политических шоу-битвах на шпагах и на пистолях.

Справедливости ради стоит отметить роман Олега Ермакова “Радуга и Вереск”, который тоже встроен в этот список. Но не могли же составители списка не увидеть вот этого: “И тут Косточкин понял, почему эти грязноватые и неряшливые люди показались ему странными: у обоих были чёрные выпуклые глаза и характерные носы. Ничего подобного Косточкин в своей жизни не встречал. Евреи опрятные люди”. И страницей далее: “Издали он увидел и спины искателей синагоги, восходивших по улочке. И тут же они скрылись. Наверное, дальше пойдут уже по воздуху”. Ассоциации странные, но весьма прозрачные. Всё, знак качества ещё до семидесятой страницы романа поставлен — автор открыт для симпатий, к тому же аборигены, не ищущие синагоги, тут внедрены тоже: “На него взирали глаза подревнее этого дома, да и всего города с его башнями и домонгольскими храмами. И в то же время... выглядели парень и его товарищ как-то нелепо. ... Косточкин не мог сделать и шагу за ними. Так и стоял, ждал, пока они не скроются. Что случилось? Он же собирался сфоткать этих гостей откуда-то из пространства Шагала”.

Мда, аборигены града Смоленска, в который попадает наш герой-фотограф (любитель “тёмного пива и пары стаканчиков текилы”), напоминают ему каменных (или какие там они – бронзовые, из цемента?) уродцев московского Цветного бульвара.

А поскольку попытка фотографа Косточкина, любителя (см. выше чего), как-то слепить свою поездку в этот древний город “лихорадочно-духовной”, на наш взгляд, почти провалилась, несмотря на разнообразие ощущений, нечаянно испытанных персонажем в этом полудиком сером пространстве, то тем более встроить роман в столь почтенный список восьми претендентов хозяевам премии необходимо было во что бы то ни стало. Ведь в нём скользят зачатки модных сейчас ростков: озабоченное толкование национальной идеи, камень в огород православия (“попы снова, как при боярах, живут жирно”) и прочие завлекательные штучки, без которых устроителей обвинили бы совсем уж в полном предпочтении одной и той же “национальной” специфики.

Впрочем, читать роман Олега Ермакова всё же стоит. На своих лучших страницах автор почти достигает освоения духовного (не “лихорадочно-духовного”) пространства русской истории. Пусть через плотную маскировку, которая кое-где нивелирует достигнутое, размазывает его, но всё же от исторических фактов деться настоящему художнику всё равно некуда. А Ермаков на выходящих в историческое прошлое страницах своих даже с “помощью” вяло-инертного главного толкователя Косточкина выглядит вполне настоящим.

Опись горы-горной на этом, пожалуй, заканчиваю, хотя нетронутым, завёрнутым в плотный целлофан остался Гришковец со своим “Мемуарным романом”. Но мой лимит заглядывания в пропасть исчерпан, дорогу к обратному движению её ко мне намертво перекрываю.

ИРИНА МОНАХОВА

АФОРИСТИЧНОЕ СЛОВО БЕЛИНСКОГО

Мысли и афоризмы В. Г. Белинского / Сост. Е. А. Грачёв, Т. В. Шалыганова, Л. М. Руднева. — Прага: Vedecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ", 2018. — 296 с.

В. Г. Белинский был не только критиком и теоретиком литературы, но и философом, всю жизнь глубоко задумывавшимся над вечными тайнами бытия, так же как и над злободневными вопросами современной ему действительности. Всё это придало его критике и необыкновенную глубину, и в то же время актуальность, причём как для его современников, так и для будущих поколений.

Философская глубина в текстах Белинского соседствует с эмоциональной наполненностью, образностью, точностью формулировок. Поэтому в его статьях и письмах содержится множество афористичных высказываний, кратких, ёмких, запоминающихся мыслей, которые интересны не только в контексте его сочинений, но и сами по себе, как своего рода «кладёзь мудрости».

Вот такие крупницы мудрости великого критика и собраны в книге «Мысли и афоризмы В. Г. Белинского», которую составил знаток его творчества Евгений Александрович Грачёв (1937–2014), много лет работавший научным сотрудником Государственного музея-усадьбы В. Г. Белинского, педагог, литературовед, заслуженный работник культуры РФ. Он, к сожалению, не дожил до выхода в свет этой книги, и подготовили её к изданию заведующая сектором фондов музея-усадьбы В. Г. Белинского Татьяна Владимировна Шалыганова и специалист по просветительской работе этого музея Любовь Михайловна Руднева.

Эта книга – явное подтверждение того факта, что Белинский относится к тем редким деятелям литературы, которые далеко переросли рамки того жанра, в котором они творили, и могут быть признаны не только выдающимися мастерами в своём жанре, но и мудрецами, мыслителями, чьи размышления о жизни и наиболее яркие, меткие высказывания интересны и ценны сами по себе, даже без контекста их сочинений. Редкие писатели (а тем более критики) удастаиваются такой книги.

Читая собранные в этой книге афоризмы Белинского, иногда замечаешь, что некоторые мысли и идеи, которые время от времени появляются и звучат как новые, свежие, оказывается, давно уже высказывались, публиковались и производили большое впечатление на читателей. Действительно, новое – это хорошо забытое старое.

Одним из примеров тому может служить известный ленинский лозунг “Учиться, учиться и учиться”, который уже стал как бы поговоркой, упоминающейся зачастую независимо от первоисточника. Интересно, что за несколько десятилетий до Ленина аналогичную мысль примерно в тех же словах в своей первой крупной статье “Литературные мечтания” высказал Белинский: “Теперь нам нужно ученье! ученье! ученье!”*. Понятно, что в каждом случае, в каждую эпоху актуализация этой мысли имела свои причины и обстоятельства. Однако интересна и такая вот переключка эпох, и вневременная, всегда актуальная идея познания, развития.

И сегодня можно убедиться, что мысль Белинского по-прежнему актуальна. Нередко его цитаты встречаются не только в основательных литературоведческих исследованиях, но и в газетных, журнальных статьях на разные темы. К мудрому слову Белинского обращаются современные литературоведы и критики, обосновывая свои мысли и оценки литературных произведений, стремясь придать своему тексту яркость и основательность. Журналисты и публицисты, размышляя о событиях в сфере культуры, вспоминают яркое афористичное слово Белинского.

Сборник афоризмов Белинского вышел впервые, однако яркие и глубокие мысли великого критика давно уже привлекали внимание читателей. Так, в книге “Умное слово” (М., 1966), собравшей множество мудрых мыслей и афоризмов русских и зарубежных философов, писателей, поэтов, ученых, музыкантов и общественных деятелей, Белинский является одним из наиболее часто упоминаемых авторов. В эту книгу включено более 100 его афоризмов, в том числе, например, следующие:

“Время не губит гения, но гений торжествует над временем”;

“Дурное, ошибочное понимание истины не уничтожает самой истины”;

“Не весной и не летом, а осенью, не в пышном и благоухающем цвете, а в печальной и увядающей зелени приносит дерево свой плод”;

“Патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих местах, но в горячем чувстве любви к родине, которое умеет высказываться без восклицаний и обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всякой земле”;

“Найти причину зла — почти то же, что найти против него лекарство”;

“Искусство может быть органом известных идей и направлений, но только тогда, когда оно — прежде всего искусство”;

“Современность есть великое достоинство в художнике”;

“Литература есть сознание народа, цвет и плод его духовной жизни”;

“Литература непременно должна быть выражением — символом внутренней жизни народа”;

“Литературу не создают; она создаётся так, как создаются, без воли и ведома народа, язык и обычай”.

Не случайно, наверное, идея выпустить сборник мыслей и афоризмов Белинского возникла в музее-усадебке великого критика, где не только бережно хранится память о нём, но и сама атмосфера напоминает о пребывании здесь “неистового Виссариона”, его жизни и творчестве, его мудрости, “неистовости”, благородстве. В связи с этим нельзя не сказать несколько слов об этом мемориальном месте, связанном с памятью о Белинском.

Единственный в стране музей Белинского находится в Пензенской области, в городе Белинский (до 1948 года — город Чембар). Музей создан в 1938 году и включает два мемориальных здания (дом семьи Белинских и уездное училище, в котором учился юный Виссарион), а также находящийся по соседству дом купца Антюшина, в котором расположена экспозиция, подробно рассказывающая о жизни и творчестве великого критика. Кроме многочисленных документов, рукописей, картин, фотографий, старинных книг, здесь есть и подлинные вещи, принадлежавшие Виссариону Григорьевичу. Рассказывая о биографии великого критика, музей особенно ярко повествует о его жизни в детстве и юности — в пору формирования его человеческой и творческой индивидуальности.

Сюда, в уездный город Чембар, семья отставного штаб-лекаря Григория Никифоровича Белинского переехала из мест его службы в 1816 году. Этот город был выбран не случайно — из этих краёв происходит род Белинских

* Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. I. М., 1953. С. 102.

(скорректировал свою фамилию сам Виссарион Григорьевич, записав себя Белинским при поступлении в университет). В этом уезде, в селе Белинь дед великого критика служил священником в местном храме. Сам Белинский, позже несмотря ни на что (ни на семейные, ни на общественные неурядицы), всё же светло и благодарно вспоминал о своем детстве в Чембаре.

Надо сказать, что и сейчас музей-усадьба Белинского встречает посетителей той же светлой атмосферой, какая сохранилась и в памяти Виссариона Григорьевича о краях своего детства. К тому же и город в своей центральной, старинной части во многом сохранил исторические черты. И мы можем видеть такие же улицы и дома, какими их видел когда-то юный Виссарион. Бережно и увлеченно сохраняют память о великом земляке сотрудники единственного в мире музея Белинского. Настоящие энтузиасты, посвятившие музею многие годы, — Иван Александрович Гераськин, Нина Михайловна Анохина, Анастасия Фёдоровна Фролова, Татьяна Владимировна Шалыганова. Также энтузиастом, много лет трудившимся в музее и до последних дней жизни интересовавшимся его жизнью, был Евгений Александрович Грачёв.

Знаменательным и, мне кажется, неслучайным совпадением является то, что неподалёку отсюда в Тарханах находится имение, в котором провёл детство другой великий деятель русской культуры — М. Ю. Лермонтов. Обычно туристы, приезжающие в Пензенскую область, посещают оба музея — и музей-усадьбу В. Г. Белинского, и музей-заповедник М. Ю. Лермонтова “Тарханы”. Дорога между ними совсем не далека, но по-своему весьма познавательна. Вглядываясь в привольные лесостепные просторы, начинаешь несколько иначе видеть судьбы и личности великих людей, которые выросли и во многом сформировались здесь, и многое из этой окружающей природы вобрали в себя, в своё мировосприятие, в свою творческую индивидуальность.

Сборник “Мысли и афоризмы В. Г. Белинского” — это фактически краткий, но яркий экскурс по творчеству Белинского, литературное наследие которого огромно и составляет тринадцать томов его полного собрания сочинений. Проиллюстрирован сборник афоризмов многочисленными рисунками художника Б. И. Лебедева из цикла “В. Г. Белинский в жизни”. По собранным в этой книге афоризмам и мыслям Белинского читатель может отчасти увидеть его путь к истине, но главное — может извлечь ценные и важные для себя (потому что актуальные в любую эпоху) зёрна мудрости. А кто-то, возможно, продолжит знакомство с творчеством Белинского и в дальнейшем откроет для себя его статьи и письма.

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

“ХУДОЖНИК НАЧИНАЕТСЯ С ОЩУЩЕНИЯ ЛИЧНОЙ ОБЯЗАННОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОЕМУ НАРОДУ”

В серии ЖЗЛ вышла в свет книга о Валерии Гаврилине

На минувшей Московской международной книжной выставке-ярмарке прошла презентация книги о композиторе Валерии Гаврилине, которая выпущена издательством “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”. Её автор – Ксения Аркадьевна Супоницкая, кандидат искусствоведения, доцент кафедры хореографии ГИТИСа. Книга весьма своевременна: 17 августа 2019 года исполняется 80 лет со дня рождения Валерия Александровича Гаврилина, а 28 января – 20 лет со дня кончины этого русского гения.

Нечто удивительное со мной произошло впервые за последние несколько лет: я начал читать эту книгу с середины, прочёл главу, а потом решил всё-таки зайти с начала и оторваться не мог. Меня вёл не только сюжет жизни любимого композитора, “петербургского вологжанина”, чья музыка выражает мою частную человеческую сущность в звуке наиболее полным образом. Видимо, мелос Гаврилина, неся в себе наши неотменимые, кодовые, фундаментальные ценности, является языком эпохи и другим быть не может.

Но меня вёл и замечательный художественный язык, на котором говорит автор книги. Это не просто биографическая публицистика, а настоящая литература. Эта книга, прежде всего, художественный текст, от чтения которого я, литератор, получал ещё и наслаждение эстетическое, не только историко-биографическое, связанное с личностью моего любимого композитора.

Вчитаемся: разве так пишут музыковеды? Вот зачин книги: “Уплывают грозные облака. Лёгкий луч, боязливый и трогательный, блеснул в предрассветных сумерках. И запел, заиграл серебристым звоном колокол. То ли изпод купола, то ли из самой далёкой синевы пролился голос его, и утешил, и благословил. Заплелась поднебесные песни со сказками и небылицами, с премудростями да с потешками. Со скорбью и радостью неразрывно переплелись. А в колыбельном, самом первом доме ни писем, ни весёлых праздников, одна тоска тягучая, дремота тяжёлая. Что ни день – то слёзы, тихие

речи под вышивание. Одна другой слово скажет – и снова молчат, каждая свою думу думает. А и вся деревня-то – кроме детей и женщин нет никого.

Далека дорога до большого города. Поймут ли, примут ли? Как заколотили семейную избу, как самых родных, дорогих людей отняли, как в чужой дом с нищей поклажей босиком пришёл – кому о том сквозь слёзы скажешь?

Будто в дымке силуэты тесовых крыш. Заволокло молочным облаком безлюдную улицу. И собор, и соседская лошадь, и самое маленькое деревце потонуло в том облаке. Крёстная до утра не разбудит, матушка слова громкого не вымолвит. Это снова, спустя много лет, снится ему деревня...”

Говоря о Гаврилине, невозможно не вспоминать великого Свиридова. Он изрядно присутствует – зримо и незримо – на страницах книги Ксении Супоницкой.

Это понятно: Георгий Свиридов был не только предшественником, но и “старшим братом” Гаврилина, он был старше коллеги-единомышленника на четверть века. Однако их общность для любителей русской музыки нерассторжима. Известны потрясающие, высокие суждения Свиридова о Гаврилине (как, к слову, и Гаврилина о Свиридове). Во вступительном слове перед телевизионной передачей на Лентелевидении 8 апреля 1984 года Свиридов сказал очень важное, определяющее: “Перезвоны” Гаврилина – весьма большое по объёму произведение. Это, можно сказать, большая музыкальная фреска народной жизни. Сочинение это, как и всё творчество Гаврилина, народно по своей сути, по своему характеру, музыкальному языку. Гаврилиным схвачена современная народная жизнь в очень разных проявлениях, очень разных чувствах. Эта музыка поражает, пленяет, прежде всего, своей подлинностью, своей глубокой правдивостью. Ей веришь, это в подлинном смысле слова народное искусство, и одновременно искусство, которое несёт следы большой культуры композитора, большой освоенной им культуры. ...Вы слышите и лирику, и весёлые куски музыки, элементы народных праздников, деревенских посиделок, какие-то отзвуки старинных былин и одновременно в них слышите современную, послевоенную деревню, русскую деревню, русскую жизнь. И в этом смысле произведение Гаврилина является подлинным открытием для нашей музыки, это действительно новое слово. Никому не удавалось схватить так современную народную жизнь в песенных формах, как это сделал Гаврилин”.

Поспрашиваем автора о книге “Валерий Гаврилин” и о любимом композиторе.

– Ксения Аркадьевна, а как вы соотносите Свиридова и Гаврилина? Как целое? Как большее и меньшее? Как ствол и ветвь? Как начало и развитие? И правомерно ли такое соотнесение, нужно ль оно? И как в обоих мастерах уживаются “границы меж городом и селом” (как сказал поэт Николай Рубцов), то есть кто из них более “городской”, а кто – более “деревенский”?

– Для меня, как, вероятно, и для многих музыкантов, Свиридов и Гаврилин – это, прежде всего, два совершенно самостоятельных художника. Свиридовскую интонацию нельзя спутать с гаврилинской, как и наоборот. Безусловно, каждый из них, будучи продолжателем традиций великих предшественников, проложил свой, ярко индивидуальный путь в искусстве. Поэтому и соотнесения вроде “большее-меньшее”, “ствол-ветвь” не совсем правомерны. Мы ведь не можем сказать, что такие грандиозные гаврилиньские фрески, как, допустим, “Дом у дороги”, “Перезвоны”, “Скоморохи”, “Русская тетрадь” – это некие боковые побеги от большого свиридовского древа. И разрослось то древо пышной кроной, и где-то на кончиках ветвей породило новые причудливые цветения... Нет, авторский стиль Гаврилина абсолютно самобытен.

Его музыка светоносна и целительна, и лучится не от того, что в холодноватых водах отражает чужой далёкий блеск, а в силу собственного трепетного горения. Иные, пожалуй, да – скитальцы-мученики, вечные странники на просторах музыкального сочинительства – создают зеркала разных форм и свойств, “алгеброй поверяют гармонию”, измышляют замысловатые формулы... И Свиридову, и Гаврилину подобные ухищрения были чужды: оба они стяжали славу подлинных певцов своей земли, хранителей её самых сокровенных истин.

В связи с этим рубцовские “границы меж городом и селом” стираются сами собой. Ведь любой композитор-мелодист (будь то Моцарт, Шопен, Верди,

Чайковский, Рахманинов, Свиридов, Гаврилин...) черпает вдохновение и силы из глубоководного песенного источника своего народа. В своей творческой лаборатории он становится единовластным хозяином богатейшей сокровищницы, по-своему переосмысливает ту или иную интонацию, помещает её в новый жанровый контекст, сопрягает с поэтическим словом и пробует это слово на излом. В творчестве Гаврилина, как и Свиридова, можно найти множество фольклорных жанровых прототипов – городских (более поздних) и деревенских (восходящих к календарно-обрядовой песенности). Вопрос заключается не в том, чьё присутствие преобладает, а в особенностях авторского переосмысления каждого жанрового прообраза.

– Ксения Аркадьевна, информация вами собрана и переработана уникальная. Это – первое издание такой биографии Валерия Гаврилина. (Кстати, тома о Свиридове в серии ЖЗЛ, к сожалению, до сих пор нет!) Вы нашли точные, проникновенные слова. Вы прожили в своей душе всю жизнь любимого композитора и прошли, в известном смысле, весь его путь – если угодно, крестный путь. Без великой любви это невозможно. Ещё во время обучения в Московской консерватории вы защитили диссертацию по творчеству композитора и в 2013 году выпустили книгу “Вокальные циклы Валерия Гаврилина”. Но ведь могли бы увлечься, как говорил Гаврилин, “музыкой “в очках”. Удивительно, как и почему молодая жительница мегаполиса-миллионщика, выпускница Красноярской государственной академии музыки и театра (ныне снова Красноярский государственный институт искусств, КГИИ), ещё в молодости сроднилась с творчеством Валерия Гаврилина, насквозь пронизанного русским народным мелосом и духом, любовью и тревогой нашего народа?

– Я думаю, что мегаполис – понятие относительное. Мне кажется, что и вся необъятная Москва просто соткана из нескольких деревушек, соединённых разноцветными линиями метро. Вот, например, от моего села Юго-Западного до деревни Неглинки, где я работаю, – семнадцать минут чтения. И никто меня не заставит в эти минуты нервничать: я и в столице живу, как в своей родной Балахте.

Это сибирская деревня, где я родилась. Конечно, деревенским жителем в подлинном смысле меня назвать нельзя, поскольку мы жили в Балахте только летом и во время зимних каникул. Но при этом сельский быт я очень хорошо знаю. У нас было всё то же, что и у Гаврилина в его детстве: печка, заваulinка, пироги, вечерние посиделки... Были и песни, которые пела под баян моя бабушка – Валентина Петровна Максименко. И мы, кстати, довольно неплохо знали и народные песни, и романсы. Хорошо помню наш ёрнический детский фольклор – считалки, потешки, частушки... Всегда была одна цель – позатейливее задеть какого-нибудь своего приятеля, проживающего на соседней улице. Но не обидно задеть, а пошутить и непременно привнести в эту шутку долю вымысла – этакий авторский выверт.

Мне очень близка и хорошо понятна деревенская речь – все эти сельские рассказы, которые приводит в своих заметках Гаврилин. Вот, например, несколько строк из его книги “О музыке и не только”: “Капитолина деловито обследовала гардероб, достала материно шёлковое комбине, прозрачное крепдешинное платье, туфли на высоких каблуках, и все это моментально на себя надела. Мне стало обидно. “Ты чего, Капка, мамино взяла?” Капка, сощурившись, глянула на меня: “А чего ей одной, што ли, всё носить?” – Это показалось мне убедительным, но обида не проходила. – “Ты, Капка, дура душой, крёсна говорит. – А ты, Капа, ишо подеколонишься. Мамка дак деколонится. – А где деколоно-то?”

Кроме того, с Гаврилиным меня роднит большое горе, которое случилось в нашей семье, когда мне исполнилось пять лет. Ни войны, ни ареста близких, ни детского дома не было, но некоторое подобие разорения я хорошо помню. Мы не могли больше оставаться в старой избе, где всё напоминало о былом времени, и переехали в новый нелюбимый дом. Там бабушка часами сидела на крыльце и смотрела на гору в сторону кладбища – эта дорога и её постоянные слёзы прочно отпечатались в моём сознании. В те годы я своим детским разумом никак не могла понять, отчего это в мирное время её ребенок ушёл в армию и живой оттуда не вернулся, то есть не на войне погиб, а умер по причине чудовищной дедовщины. Даже сегодня, спустя много лет, это очень трудно вместить.

Потом, уже в школьные годы, впервые прослушав “Русскую тетрадь” Гаврилина, я многое словно заново нарисовала в своём воображении. Все наши горести и радости, похороны и праздники, летние гуляния и зимние песенные посиделки, сказочки возле печки и разливыстые баянные наигрыши — и больше уже с музыкой Гаврилина не расставалась. Потому что каждая его интонация — про всех нас, про нашу жизнь. Неслучайно Георгий Васильевич Свиридов, очень тонко чувствовавший стиль Гаврилина, писал коллеге: “Пахнуло Россией, её глубиной, и не только прошлым, а её сегодняшним днём, сегодняшним мироощущением. Люди жаждут нового искусства, но не того “нового”, которым наша музыкальная критика дружно велит восхищаться, а того искусства, которое выражает их самих, которое они безошибочно чувствуют и которое появляется у нас — увы! — так редко. И Вы — эту жажду утоляете!”

— **В книге вы много пишете о тяжёлой военно-послевоенной судьбе русской женщины, прежде всего, в деревне. И сам Гаврилин, чей отец пал на фронте, утверждал, что у нас любой разговор в искусстве следует выводить из женской русской судьбы. В этом тоже он, мальчишка поколения безотцовщины, является выразителем боли эпохи, говорящий от имени своих сверстников, от имени женщин, не дождавшихся с фронта мужей, отцов, братьев, сыновей. Так же, как говорили от имени этого поколения художники Станислав Косенков, Виктор Попков, поэты Алексей Прасолов, Юрий Кузнецов, Николай Рубцов.**

— Действительно, многие его сочинения посвящены женщине — именно она выступает главной героиней вокально-симфонической поэмы “Военные письма”, балета “Дом у дороги”, вокальных циклов “Русская тетрадь”, “Вечерок”, “Три песни Офелии”. Женские лики появляются в вокально-инструментальном цикле “Земля”, в “Песне девушки” (“Сшей мне белое платье, мама”), в песнях “Плавающая ветка”, “Я не знаю”, “Черёмуха”. Теме страдающей женской души посвящён романс (а по сути — развёрнутый женский монолог) “Осенью” на слова Т. Калининой.

В этом же ряду нужно назвать полностью сочинённое, но утраченное действие для солистки, смешанного хора, балета и симфонического оркестра “Свадьба”; сочинённый, но не записанный второй “Вечерок” (“Танцы, письма, окончание”) — вокальный цикл на слова А. Ахматовой, И. Бунина, С. Надсона, В. Гаврилина и А. Шульгиной. Одним словом, тема женщины представлена в творчестве Гаврилина глубоко и многогранно. И сам Валерий Александрович неоднократно подчёркивал, что главная тема его творчества — это тема женской судьбы. Например, в интервью 1980 года он отметил: “Когда я уже стал самостоятельно работать, я стал искать, о чём писать, для кого писать, что меня по-настоящему волнует. Это оказалась та жизнь, которая мне знакома с детства. Это Вологда и Вологодский край. <...> Здесь жили люди, которые мне первыми объяснили, не на словах, а по-разному, что такое доброта, что нужно ценить, прежде всего, в жизни, ценить в людях, здесь я впервые услышал русскую народную музыку, слышал песни, танцы, обряды, увидел гулянья, увидел человеческое горе, страдание. Здесь я прожил всю войну. Видел, как приходили с войны или, наоборот, как не приходили с войны, видел сиротливые семьи, видел женские слёзы. И, наверное, отсюда, из Вологды, я вынес и главную тему своего творчества. Это тема женской судьбы, женского характера, потому что все эти годы главные люди, которые меня окружали, были женщины: моя мать, моя нянюшка — сказочница и заботница, которая здесь похоронена, — это мои воспитательницы в детском доме, это моя любимая учительница музыки Татьяна Дмитриевна”.

— **Когда вы на одной из Свиридовских конференций в Курсе выступили с докладом о театре и игровом начале в творчестве Гаврилина, некоторые музыковеды восприняли ваш послыл весьма критично. Скажите, пожалуйста, несколько слов о “театре Гаврилина”.**

— При анализе ярко авторской интонации Гаврилина и, в частности, при рассмотрении семантической многомерности его интонаций я опираюсь на интонационную теорию Вячеслава Медушевского. Каждая авторская интонация подобна актёру со множеством театральных масок: нередко, попадая в новый жанровый контекст, она меняет своё амплуа. Один из ярчайших примеров такого рода — интонация причета из “Военных писем” (“Милый мой, хорошенький, проводи дороженькой”): оказываясь в контексте песни “Лихо”, она связывается с плясом смерти, а позже — с колокольным звоном.

Рассуждения об актёрскости интонации нередко можно встретить и в заметках самого Гаврилина, опубликованных в книгах “Слушая сердцем” и “О музыке и не только”.

Наконец, при анализе творчества Мастера очень важно иметь в виду, что большинство его произведений “выросли из театра”. То есть изначально музыка создавалась для драматического спектакля, а позже зажила новой жизнью в иных опусах — фортепианных пьесах, балетах, действиях, циклах и так далее.

— К этой же “игровой” теме, видимо, следует отнести и юмор Валерия Александровича, присущий ему, несмотря на тяжёлое детство и трудную юность. Это тоже не совсем ожидаемый угол зрения на этого Мастера, хотя юмор как характерную черту Гаврилина, ещё ребёнка, отмечала сестра будущего композитора и, чуть позже, педагоги Ленинградской муздесятилетки. Я помню, как хохотали мы на концерте Камерного хора В. Минина в Белгороде, а потом и при прослушивании пластинок, с художником С. Косенковым, когда расслышали в грандиозных “Перезвонах” словно исподволь возникающую тему “туды-сюды, сюды-отсюды”. И такого у Гаврилина немало, причём в гениальном, нерасторжимом композиционном соседстве с музыкой печальной, как, скажем, в балете “Анюта”. Поэтому интонации-перевёртыши, вероятно, связаны с самой природой его мышления.

Вы рассказываете о нелёгкой судьбе героя книги. Ранние годы, проведённые в детском доме после смерти отца и ареста матери; судьбоносная встреча с первой учительницей музыки Татьяной Дмитриевной Томашевской и другими людьми; дружба со Свиридовым, которого он считал своим учителем; непонимание и неприятие современников — всё оставило след в судьбе музыканта. На какие основные источники вы опирались в своей работе?

— В своей книге я много и охотно цитирую строки из дневника Наталии Евгеньевны Гаврилиной, вдовы композитора, — по сути, беру её в соавторы, так как уверена, что очевидец событий расскажет о них лучше, чем любой, даже самый дотошный исследователь. Кроме того, на столе моём неизменно в раскрытом виде лежит изумительная книга А. Т. Тевосяна “Перезвон: жизнь, творчество, взгляды Валерия Гаврилина” (2010). К сожалению, автор рано ушёл из жизни и не успел довести её до точки. Но была проведена серьёзнейшая работа: в монографии приводятся редкие рецензии на спектакли с музыкой Гаврилина, документы, письма, воспоминания современников, есть и анализ творчества Мастера.

Среди самых свежих публикаций, на которые я опиралась, назову очерки Санкт-Петербургского композитора Геннадия Григорьевича Белова. Именно он стал редактором гаврилинского собрания сочинений, каждый том которого сопровождал развёрнутым очерком. Все тексты будто бы написаны со слов самого автора “Русской тетради”: ведь о многих обстоятельствах Геннадий Григорьевич знал не понаслышке, был коллегой и другом Гаврилина. Поэтому и его свидетельства, равно как воспоминания друзей, коллег и знакомых Валерия Александровича, опубликованные в книге “Этот удивительный Гаврилин...” (2008), сыграли в подготовке этой монографии особую роль.

Но главное слово я, конечно, отдаю самому Валерию Гаврилину, который, как известно, был не только композитором, но и блистательным литератором. По этому поводу он однажды заметил: “Каждой возможности выступить с печатным словом радуюсь, как встрече с хорошей, дружественной компанией”.

Его статьи, выступления и интервью были опубликованы в 2005 году в сборнике “Слушая сердцем...”, записи разных лет вошли в книгу “О музыке и не только...”. Инициатором этих публикаций (как и собрания сочинений, и воспоминаний) стала Наталия Евгеньевна. Именно благодаря ей мы обрели уникальную возможность познакомиться с гаврилинскими каламбурами и присказками, стихами и ироничными замечаниями, аналитическими этюдами и эссе. А кроме того, получили представление о творческом кредо композитора: “Я живу на своей Родине, я охраняю и сохраняю её музыку”. “Моя задача — показывать людям сокровищницу их душ”.

— Гаврилина судьба отмерила меньший жизненный срок, он был почти на четверть века моложе Свиридова, а ушли они из жизни друг за другом, с интервалом в год: Свиридов — 6 января 1998 года в Москве,

Гаврилин – 28 января 1999 года в Санкт-Петербурге. Курский и вологодский уроженцы осиротили обе русские культурные столицы. Всё свершается providенциально, однако, как вы полагаете, в полной ли мере высказался Валерий Александрович или что-то недосказал, оставил незаконченное, нерасшифрованное? Вот Фонд Свиридова хранит много нерасшифрованных произведений гения и готов передать их государству. А как на этот счёт обстоят дела с наследием Гаврилина, с архивами? Есть ли они и что в них?

– К великому сожалению, большую часть сочинений Валерий Александрович унёс с собой. До недавнего времени в музыковедческой науке существовала страшная путаница. Мы читали интервью Гаврилина и узнавали из них, что в его портфеле хранились оперы, вокальные циклы, действия и множество других произведений, которых никто никогда не видел. Я писала дипломную работу по творчеству Гаврилина, и каждый раз, когда не могла найти те или иные ноты, ужасно расстраивалась. Я была уверена, что все опусы Гаврилина хранятся где-то в далёком Санкт-Петербурге и к нам в Сибирь просто не доходят. Но потом Наталия Евгеньевна Гаврилина издала Каталог сочинений Валерия Александровича, и всем открылась душераздирающая правда: опусы, названные Гаврилиным в интервью, действительно были сочинены, но он не счёл нужным их записать. Причин было множество: разочарование в замысле или отказ исполнителей (то есть нарушение ими предварительной договорённости), нехватка времени или нездоровье. Но, так или иначе, большинство произведений Гаврилина мы никогда не услышим.

У меня дома есть ксерокопии почти всех его рукописей – отрывков и набросков. По ним, увы, нельзя получить представления о том, каким именно был замысел. В основном это краткие фрагменты тем, четверостишия или отдельные поэтические строки.

Открывая Каталог Гаврилина, в разделе “Эскизы” читаем:

“Юнкер Шмидт и Марина” (опера по К. Пруткову), “Симоновские ребята” (опера на собственный сюжет), “Незабудки”. Ч. 1, 2 (“Мальчики с гитарой”. Вокальный цикл. Вариант “Парни с гитарами” по Б. Окуджаве), “Моряк и рябина” (опера на собственный сюжет), “Пьяная неделя” (шуточный вокальный цикл, сначала назывался “Скучная неделя”, работа была возобновлена в 1993 году), “Шинель” (музыкальная драма по повести Н. Гоголя. Либретто Я. Гордина), “Повесть о скрипаче Ванюше, или Утешения” (опера по Г. Успенскому. Либретто Я. Бутовского)...

Список утраченных произведений Валерия Гаврилина, увы, можно продолжать очень долго.

– Насколько широко, как вы полагаете, воспринимается творчество Гаврилина, так сказать, большим народом? И второе: есть ли шанс у этого наследия выжить во времена “плясок смерти”, когда из каждого угла гремят киркоровы и басковы, и гораздо худшее?

– Гаврилин писал не для избранных, хорошо разбирающихся в тонкостях композиторской алхимии, а для всех. Воспел в своей музыке – лучистой, искренней, как сами народные, из глубины времён доносящиеся колыбельные, плачи, частушки, наигрыши, – родную землю, её тревоги и горести, её неизбывную, гнетущую тоску и особую, кроткую радость. Гаврилин верил, что “спасение духовности России и её самобытности придёт только из русской провинции, где очень сильна связь людей с родиной, где ещё не удалось всё разрушить”. По словам автора “Перезвонов”, “художник начинается с ощущения личной обязанности по отношению к своему народу”. Поэтому и в 1990-е, когда из-за тяжёлой болезни он практически не мог выходить из дома, мучился сильными болями и бессонницей, всё равно, “через не могу”, продолжал работать и по мере сил посещал концерты, на которых исполнялись его сочинения. На этих концертах композитора не просто учтиво приветствовали – люди выражали ему свою самую искреннюю, самую преданную любовь и благодарность. Во времена, когда из всех окон лились низкопробные эстрадные песенки, а академические жанры всё сильнее углублялись в затейливое мудрствование, гаврилинская интонация стала тем живительным источником, к которому хотелось припасть и очиститься, обрести успокоение.

И сегодня, оказавшись уже в XXI столетии, я очень хочу верить, что шанс выжить у гаврилинского наследия всё-таки есть. Вы знаете, я общаюсь на музыкальные темы со многими людьми: мне интересно спрашивать представителей

иных, не музыкальных профессий о том, что именно они думают о современной российской эстраде. Из ста процентов опрошенных ни один не сказал, что ему нравится отечественная поп-музыка. Зачастую люди проявляют полное равнодушие к телевидению и его политике, в общем, восторженных откликов никогда не высказывают.

Что касается музыки Гаврилина, Свиридова, её просто мало знают. Она, к сожалению, очень редко звучит. И о том, как именно изменить эту ситуацию, сегодня должны подумать не только и не столько музыканты, а наши многочисленные чиновники – законодатели вкусов и устроители всех дел.

– Потому мы не можем не поговорить и о совсем актуальном, насущном. Как вы полагаете, что следовало бы сделать общественности и властям в направлении увековечения памяти великого соотечественника? Ведь Гаврилин по праву считается классиком русского музыкального искусства, продолжателем традиций Глинки и Мусоргского, Чайковского и Рахманинова, Шостаковича и Свиридова. В числе его хрестоматийно известных сочинений не только широко известные “Перезвоны” (хоровая симфония-действие “По прочтении Шукшина”) и балет “Анюта”, но и обретший мировую славу вокальный цикл “Русская тетрадь”, вокально-симфоническая поэма “Военные письма”, баллада “Два брата” и многие-многие другие. Все они написаны с большой любовью к Отечеству.

– Гаврилин был всецело предан России. Большая часть его произведений посвящена судьбе страны, переломным моментам в её истории; не случайно музыку Валерия Александровича помнят и любят. Его сочинения в свой репертуар включали знаменитые музыканты Зара Долуханова, Владимир Минин и Владимир Федосеев, Валерий Гергиев и Владислав Чернушенко. В балетных постановках принимали участие Народные артисты СССР Владимир Васильев и Екатерина Максимова, драматические спектакли с музыкой Гаврилина ставили Георгий Товстоногов и Зиновий Корогодский, Лев Додин и Олег Меньшиков, и многие другие выдающиеся режиссёры современности.

Валерий Гаврилин был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки (1967), Премии Ленинского комсомола (1980), Государственной премии СССР (1985), званий Заслуженного деятеля искусств РСФСР (1979) и Народного артиста РСФСР (1985).

Учитывая выдающиеся заслуги Гаврилина перед российской культурой, следовало бы объявить 2019 год Годом Гаврилина. Убеждена, что знаменательная дата должна быть отмечена по всей стране – на государственном уровне, – в том числе в виде повсеместных концертов и установки памятников композитору в Вологде и Санкт-Петербурге. В частности, необходимо отметить восьмидесятилетие выдающегося музыканта, воистину русского гения, на одной из центральных филармонических площадок Москвы – в Концертном зале имени П. И. Чайковского.

Я как раз сейчас пытаюсь инициировать обращение к президенту страны В. В. Путину, чтобы он дал соответствующие поручения Министерству культуры РФ и другим профильным структурам, отвечающим у нас за музыку и культуру. Надеюсь, что Россия не останется безучастной к юбилею великого соотечественника, дорогого для всех нас и своим творчеством прославляющего нашу Родину далеко за её пределами.

“Очень любим Ваш журнал...”

В редакцию продолжают поступать письма, в которых авторы поздравляют нашего главного редактора с днём рождения, всю редакцию с Новым годом, и мы публикуем многие из них, поскольку дорожим этой “обратной связью” с нашими читателями.

Дорогой Станислав Юрьевич!

Сердечно поздравляю Вас с днём рождения. Дай Вам Бог дальнейшей крепости, телесной и духовной, для осуществления всех Ваших творческих замыслов и для управления хотя и бумажным, но не горящим в огне и не тонущим в море житейском кораблём по названию “Наш современник”. Попутного ветра в его паруса! Поклон Вашим боевым соратникам.

P.S. А ещё, простите, штришок в продолжение Вашего разговора о “съезде победителей” Я как-то невзначай назвал чету Дорошенко “хозяевами сайта”. И меня, прежнего лауреата “Росписателя”, имевшего там авторскую страничку, удалили со всех “кнопок”, из колонки “современная литература” и вообще забанили на веки вечные, лишив права даже перекинуться словом с собратьями по перу на “общесоюзном” сайте. Притом сделали это в канун моего 80-летия, явив изощрённую мстительность и грубое самоуправство. Так что живите долго, уважаемый Станислав Юрьевич, вместе с “Нашим современником”, который остаётся для меня и многих других изгоев, чем-то не потрафивших “хозяевам сайта”, почти единственным окном (и дверью, пусть “тесной”) в нынешнюю литературу российскую.

Ещё раз кланяюсь Вам и команде “НС”.

Ваш **А. Щербаков**, коллега из Красноярска.

* * *

Уважаемая Елена Николаевна! Прошу Вас передать Станиславу Юрьевичу самые тёплые поздравления с днём рождения и пожелать ему здоровья, творческого долголетия и семейного счастья! Пусть ему сопутствует удача. Сохрани его Господь. Любящие его Лев Белов и Валентина Реймер.

P.S. С большим вниманием прочитал его книгу “И бездны мрачной на краю...” Работа достойна докторской диссертации. Не каждому это удаётся.

* * *

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Очень любим Ваш журнал. Регулярно, с очень давнего времени читаем его вместе с моей мамой, Фатхуловой Аллой Константиновной. Сначала брали в библиотеке, потом, чтобы не ждать очереди, стали выписывать. Выписываем уже 12 лет, что является лучшим свидетельством нашей преданности журналу. К сожалению, мне не всегда удаётся полностью прочесть весь журнал — не хватает времени, а мама читает его “от корки до корки”. Тем не менее, стараюсь не пропускать всё, что мне особенно интересно, или то, что порекомендует, возвращая прочитанный номер, мама. Очень нравится публицистика, с удовольствием читаю прозу и стихи полюбившихся авторов. Благодаря Вашему журналу пополняю собственную “копилку имён” своих самых

любимых современных писателей, в которой уже есть такие имена, как Альберт Лиханов, Андрей Убогий, Захар Прилепин, Андрей Антипин...

Светлана Фатхулова, Удмуртия

* * *

Уважаемая редакция!

С большим удовольствием прочла в ноябрьском номере Вашего журнала повесть “Изба-читальня” оренбургской писательницы Натальи Лесцовой. Для меня имя автора – открытие, радостная встреча с новым литературным талантом. В своё время я прочла на страницах “Нашего современника” повесть “Седьмая рана”, которая очень меня впечатлила, название запомнила, а имя автора – нет. Зато теперь точно буду знать, потому что это тоже – Наталья Лесцова.

“Изба-читальня” – это повесть о простой деревенской женщине Тоньке Чисто Чёрт, прозванной так за крутой нрав и горячую, неугомонную натуру, которая вдруг на старости лет, спасаясь от одиночества и от вынужденного безделья, вызванного одолевшим её остеохондрозом, открыла для себя новое, забытое со школьной скамьи и не любимое прежде занятие – чтение книг. Главная героиня не только полностью отдаётся этому новому увлечению, но и с радостью делится со своими односельчанками свалившимся ей в наследство от соседки-учительницы и только сейчас оценённым ею богатством – книгами.

Автор повести, Наталья Лесцова, очень точно и без прикрас рисует перед нами картину современной вымирающей русской деревни, мастерски описывает быт и непростые судьбы её жителей, с сочувствием и любовью показывает богатый мир русской души.

Хочу выразить огромную благодарность и глубокое уважение всему коллективу “Нашего современника” за то, что Ваш журнал служит камертоном настоящего современного русского литературного искусства и открывает нам, его читателям, новые замечательные имена наших современников – писателей и поэтов, критиков, учёных и политиков, равнодушных к судьбе и истории нашей страны, и дарит нам веру в то, что “есть ещё порох в пороховницах” и не оскудевает наша земля русская талантами. Здоровья Вам и Вашим семьям, новых творческих открытий, благодарных читателей и больших тиражей Вашему журналу!

P.S. Очень хотелось бы, чтобы Наталья Лесцова стала победительницей ежегодной литературной премии “Нашего современника”. Отдаю за неё свой голос. Прошу передать ей моё восхищение её талантом и пожелание больших творческих успехов и хорошего здоровья.

С уважением к Вам **Трифопова Светлана**
Республика Карелия, г. Суоярви

* * *

Здравствуйтесь, дорогой Станислав Юрьевич!

С днём рождения Вас! Сил Вам, здоровья, новых книг и новых поколений читателей. От Ваших книг, Ваших стихов светло и ясно на душе, и то, что Вы создали, не устаёт её питать... Спасибо Вам за этот неизбывный родник.

С уважением
Виктория Синюк,
преподаватель русского языка и литературы,
член Союза писателей Беларуси

* * *

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Как я рада, что есть канал “Культура”, где я увидела Гуцериева, смотрю канал “Россия 1”, где ведёт передачу В. Соловьёв, увидела Проханова, он тоже,

как и я, с 1938 года. У нас заснежило, задуло, да и пора уже – ведь Сибирь. Станислав Юрьевич, дорогой ты мой, я так рада за Убогого, да и за всех Ваших лауреатов.

Вот иногда, довольно часто, думаю: Господь Вас поцеловал в темечко, и Вас, и Вашего сына, и Убогого да и всех, всех... А Есенин какой талант, за чем жил так мало, а Пушкин, а Лермонтов, а Маяковский...

Всех люблю, особенно Вашу редакцию, лично Вас за мой журнал “Наш современник”.

В. Захарова
г. Кемерово

* * *

Добрый день, уважаемый Станислав Юрьевич!

Ваша книга “Поэзия. Судьба. Россия” буквально “перепахала” меня, внесла огромные изменения в моё мировоззрение. Как жаль, что узнала я о Ваших книгах слишком поздно. А сколько людей о них не знает ничего, а сколько, ничего не читая и не зная, городят глупости, а иногда и подлости! Меня уже предупреждали о том, чтобы я забыла о Вашем имени.

Сейчас читаю Вашу книгу “Шляхта и мы”. Пытаюсь осмыслить. Вспомнилась единственная заграничная поездка в составе молодёжной делегации – в Польшу. Пока не получается сопоставить впечатления от той “советской” Польши и той, с которой встречаешься в Вашей книге. “Помогают” поляки, уверенно засевшие в наших многочисленных политических шоу. Книгу Вашу “Шляхта и мы” читала, как курица воду пьёт. Видели Вы когда-нибудь, как она это делает? Наберёт водичку, задержит её в клюве, запрокинет голову, “подумает” и только потом глотнёт. Вот так и я. Только потом и запишу главное.

Позже перестала записывать: всё главное, всё важное, многое вовсе незнакомое, всё очень интересное, всё необходимо для думающего человека: многовековая политика польской элиты, её патологическая ненависть к восточному соседу, стремление играть роль носителей европейской культуры в России, события войны 1920 года (многие об этом вовсе не слышали), действия польской армии в годы Великой Отечественной войны, роль поляков в уничтожении евреев и огромное количество неизвестных событий и фактов.

Особую значимость приобретает книга “Шляхта и мы” для меня сейчас в свете событий, происходящих на Украине; сейчас сердце моё кровит: ведь я прожила на Украине более тридцати лет, там родные могилы, которым я никогда уже не поклонюсь. Преклоняюсь перед Вашим творчеством, белой завистью завидую Вашим энциклопедическим знаниям, буду искать Ваши глубоко продуманные и прочувствованные произведения.

Сегодня День Вашего Рождения – об этом я помню всегда. Написать не смогла – приболела, позвонить постеснялась.

Здоровья Вам и Вашим близким, всего доброго, солнечных дней и верных друзей!

С уважением и признательностью –
Галина Леонидовна Бабенко, 27 ноября 2018

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Сперва хочу сказать, что я всё думал: как будет лучше послать Вам письмо – написанным от руки или напечатанным? В итоге, беря в расчёт свой почерк и Ваши проблемы со зрением, остановился на втором варианте, хоть и понимаю, что написанное от руки письмо теплее и живее печатного текста. Надеюсь, содержание его искупит эту “печатность”.

Я, без сомнения, принадлежу к самому молодому поколению Ваших читателей. Более того: я, может быть, являюсь Вашим самым на сегодняшний день юным читателем. Мне 18. Со стихами Вашими я соприкоснулся меньше года назад и вдруг начал ощущать, что Ваша поэзия стала моей необходимостью. Сегодня в моей библиотеке находится более 10 Ваших изданий: от книги “Метель заходит в город” до сборника “Мать сыра земля”. Причём, я собрал

и несколько раритетов – книг, которых Вы даже не выставили на своём сайте: изданная в Душанбе книжка стихов и переводов из таджикской поэзии “В окружение порожистых рек” (1972), вышедшие в 1971 году в Грузии “Золотые холмы” с Вашими замечательными переводами с грузинского, а ещё – выпущенная во Фрунзе книжка “На краю небесных гор” (1972) и иркутский сборник “По белому свету” (1978). Даже обидно, что эти замечательные книги не представлены на сайте, – ведь так многие Ваши читатели могут не узнать, например, того, что Вы прекрасный переводчик поэзии! Я же с удвоенным вниманием и интересом читал стихи братьев Чиладзе, Симона Чиковани, Суюнбая Эралиева после прочтения главы Ваших воспоминаний “В угоду черни буйной”...

Но главное, о чём мне хотелось бы сказать, – это Ваши стихи, которые постоянно со мной, которые повсюду сопровождают меня, от которых у меня дыхание перехватывает и мурашки бегут по коже... Вы создали удивительный поэтический мир, полный Руси (и России), Севера (и Юга), мороза и жары (и при этом всегда – тепла). И мне, сыну гор, сроду не бывавшему на русском Севере, “на этих угрюмых просторах, где борются север и юг”, – мне в мире Вашей поэзии хорошо и уютно. Он, этот мир, не продуваем ветрами публицистики, не пожираем кострами риторики – он цельный и глубокий. Нехоженный, дикий лес и заповедник одновременно.

Ваша поэзия, как я её чувствую, – поэзия взаимоотношений Человека и Простора, Человека и Пространства (не людей – именно ЧЕЛОВЕКА, который с пространством один на один). Человек этот свободно общается с землёй и небом, ветром и солнцем, метелью и снегом... Он понимает их язык. Он чувствует “ледяное дыханье воды”, слушает “напевы случайной метели”, различает “в шуме лиственниц голос вселенной”, прекрасно ориентируется “в белых вьюгах, в пространствах бездонных”...

От Ваших строк всегда веет свежестью (иногда – метельной!). И – как следствие – Ваш взгляд на всё самое обыкновенное (и даже обыденное) – обжигающе свеж:

*Ночью глянул: построились в ряд
островерхие чёрные ели...
Над вершинами звёзды горят —
никогда ещё так не горели!*

....

*А белые ночи стоят в сосняке,
ползут на болота и взгорья,
и красная рыба по чёрной реке
крадётся из Белого моря.*

...Я чувствую снег, я вдыхаю морозный воздух, читая:

*...Недаром над розовой дымкой вдали,
всего лишь за краткое время ночлега,
как будто летящие в небе, легли
две нежных полоски свежайшего снега.*

Всё это стихи удивительной силы, темперамента и красоты. Боже мой, сколько в них молодой энергии, задора, жизни!.. Недаром вьюга, метель – частые явления в Вашей поэзии... .

И когда бы они ни мели в ваших стихах – в 60-х, в 80-х ли, в Ваши тридцать или пятьдесят – всегда они яростные, живые, всегда они “заматают” меня – читателя:

*Метель заходит в город,
как запоздалый гость.
Но чтоб пройти сквозь город,
необходима злость.
Многоэтажный ярус
домов. Углы, мосты...
Метель приходит в ярость*

*от этой тесноты.
Нахлёстывает хлёстко
закутанных людей
в квадратах перекрёстков,
в овалах площадей...*

...Метель метёт, как на другой планете!

*...метель, сверкая и шуриша,
несётся по заснеженной долине.*

*...а на мокром бетоне следы
заметают российская вьюга...*

Хочу ещё сказать об одном-единственном Вашем стихотворении, которое меня никогда не восхищало и, казалось мне, всегда было почти чуждым миру Вашей поэзии. Я говорю о самом знаменитом “Добро должно быть с кулаками...” Честное слово, Станислав Юрьевич, я даже обрадовался, когда прочёл во вступлении к книге “Путь” (одна из любимейших моих книг), которое писал Вадим Кожин, что Вы сами отнеслись к этому стихотворению плохо, назвали его порождением “словесно лихой, но абстрактной и безличной манеры”. Ещё больше меня обрадовало мудрое стихотворение “Постой, неужто?..” Но вот думаю: как же Вам “аукнулись” стихи о добре с кулаками уже лет через 15–20 после их написания! Не будь у Вас у самого этих “кулаков”, не было бы ни выступления на дискуссии “Классика и мы”, ни письма в ЦК, ни воспоминаний “Поэзия. Судьба. Россия”, ни блестящей публицистики, ни исторических исследований... Стихи эти не вписываются в Ваш поэтический мир, но судьбу Вашу во многом определяют. Ещё более важным в этом смысле мне представляется стихотворение “Вызываю огонь на себя...” Всё так. Именно так. Столько лет вызываете, столько лет побеждаете и столько лет — в одиночку. И ещё подумалось: как горестно и неожиданно переключаются два совершенно разных и непохожих Ваших стихотворения: “В окружении порожистых рек...” и “Вызываю огонь на себя...” (они ещё и как нарочно совпадают анапестом — впрочем, это вообще размер, наиболее часто Вами используемый). Одно как бы “завершает” другое (речь, конечно, не о поэтической “завершённости-незавершённости”, но о судьбоносном смысле этих стихотворений, написанных с интервалом друг от друга более чем в 10 лет...). В одном:

*Как ни горько, но знай, человек:
на друзей до конца не надейся...
...и рассчитывая сам на себя.*

В другом (как бы продолжение):

*Плюнул. Выстоял. Дух закалил.
Затоптал адский пламень ногами...*

А самое горькое —

*Я иду — победитель огня,
предвкушаю — дружина моя
от восторга и радости ахнет!
Но шарахнулись вдруг от меня:
— Адским пламенем, — шепчутся, — пахнет!..*

Горькое, но и одновременно — победительное, несмотря ни на что и вопреки всему.

Кстати, в силу своего возраста, моё знакомство с Вашими стихами началось далеко не с “Добра”, а, кажется, с самих “Коней НКВД” (прочёл их в сборнике “Реквием” 1989 года), которые заворожили и “унесли” меня — этот ритм, этот абсолютно точно переданный эффект езды, цокота копыт, ухабов, раскачивания телеги из стороны в сторону... Удивительное стихотворение!

Станислав Юрьевич, если вдруг Вы найдёте нужным ответить на это письмо, то я задам Вам два вопроса по поводу посвящений и адресатов. Читая Ваши воспоминания об Анатолии Передрееве, в одном из абзацев буквально перед моими глазами встало стихотворение “Звонит: — Спаси! Умру!..”, однако Вы его не приводите в тексте. Правильно ли оно “пришло”, я не ошибаюсь, что это — о Передрееве? И ещё вопрос, связанный уже со стихотворением самого Анатолия Константиновича: стихотворение “Памяти поэта” (“Мы все, как можем, на земле поём..”) я прочёл впервые в книжке “Возвращение” 1972 года и был уверен, что оно посвящено памяти Рубцова. Но в посмертном передреевском сборнике “Любовь на окраине” я увидел, что стихи написаны за три года до гибели Рубцова, в <19>68 году.. И вот вопрос: кому они посвящены? Неужели А. Яшину, который умер как раз в 68-м? Но ведь у Передреева есть ещё стихотворение “Александрю Яшину”, написанное в те же годы, потому я засомневался в правильности своей догадки ещё пуще (изначально я думал, что Яшину “Памяти поэта” как посвящение “великовато”, это должно быть о поэте куда более значимом). Был бы рад, если б Вы разрешили сомнения, назвав адресата стихотворения*..

Станислав Юрьевич! У меня лежат (и постоянно читаются и перепечатываются) 15 Ваших книг стихов и переводов, но, к сожалению, нет ни одного издания воспоминаний, публицистики, исторических исследований. Всё это я нахожу и читаю в интернете, но признаюсь: не люблю так читать, мне нужна КНИГА, которую держишь в руках, и ещё даже не раскрывши — радуешься. Потому мне бы очень хотелось приобрести все те книги, которые выставлены на Вашем сайте (и конечно, вместе с книгой “Сквозь слёзы на глазах”, хоть всё её содержание, каким бы ни было оно, мне хорошо известно). Только вот не знаю, можно ли сделать так, чтобы книги были высланы в Армению?.. Понимаю, что с этими вопросами нужно обращаться непосредственно в редакцию, но пишу сразу Вам как автору ещё и с потаённой мыслью-надеждой: а вдруг мне посчастливится получить одну из книг с автографом?.. Вот была бы радость!

...У меня, стыдно сказать, даже нет томов Ваших воспоминаний! Но вот недавно в одной из наших библиотек нашёл книгу “Терновый венец России” — потрясён! Могучая книга, исторический документ, убедительнейшая художественно и документально. Я счастлив, что не пробирался сквозь завалы лжи и “осторожной правды”, наличествующих во множестве других воспоминаний, а сразу соприкоснулся с Вашей Книгой. Ни капли осторожничанья, скрытничанья, умалчивания чего-то. Каждая глава, каждая страница написаны ярко, сильно, зримо и эмоционально (написаны Поэтом!), и, как я уже сказал, неимоверно убедительно. Потрясённый и замороженный, я бросился искать второй том (“Умом Россию не понять”), но увы — его уже не найти. В любом случае я пообещал себе достать оба тома, потому что такие книги должны быть дома — их мало прочесть, к ним нужно возвращаться, а также читать вслух домочадцам (как я — маме), не говоря о возможных отпрысках, которым будет полезно прочесть Ваш труд, чтобы разобраться в недалёком прошлом и окружающей их действительности. Но Вашего двухтомника нет на сайте (в разделе “Где приобрести книги?”), потому пока не знаю, как быть...

Станислав Юрьевич, я не мог не приложить к этому письму нескольких моих стихотворений, не мог упустить возможности показать дорогому и любимому поэту плоды того, чему я решил посвятить жизнь (вернее, чему она, не спросясь, решила посвятить самоё себя). Главное, я уверен в одном: у Вас ни на секунду не мелькнёт горькой мысли, что письмо являлось “прелюдией” к стихам. Потому что важнее всего мне было написать Вам, а что касается стихов, то тут я должен признаться (не знаю даже, как выглядит такое признание со стороны): мне показалось, что не послать стихи вместе с письмом будет НЕ ЧЕСТНО с моей стороны. И уж по крайней мере, упустить этот шанс — непростительно по отношению к самому себе.

...Не знаю, когда до Вас долетит это письмо, но уверен в одном: долетит непременно. И непременно будет вручено Вам. Полностью доверяю редакции, откуда на мои сомнения (по поводу того, как посылать письмо: заказным или обычным — удобно ли редакции получить заказное) ответ пришёл через 10 (!) минут после отправки вопроса.

---

* В стихотворенье “Памяти поэта” речь идёт о Николае Заболоцком.

Есть примета, что поздравлять с днём рождения до наступления самого дня нельзя. Но знаю, что письмо Вы прочтёте после 27 числа (оно едва долетит к самому к началу декабря, а то и к середине), а потому – ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ! Поздравляю с этим днём всех нас, Ваших читателей! Здоровья Вам, такого же крепкого, как Ваша мужественная рука! Света, радости, сил! Храни Вас Господь.

*...Надо мужество иметь —
не ссылаться на эпоху,
чтобы божеское — Богу
вырвать, выкроить суметь.*

Это написано большим человеком и поэтом. Вы всю жизнь так “вырываете” и “выкраиваете”, и Господь Вас не оставляет — и не оставит никогда! Жму Вашу сильную и честную руку, низко кланяюсь Вам!

С любовью и восхищением из Еревана
Константин Шакарян

* * *

Уважаемая редакция!

В одном из номеров журнала “Наш современник” я прочитала главы из романа писателя, журналиста Вячеслава Щепоткина “Дуэль алмазных резидентов”. Они меня так захватили, что я стала искать книгу. И вот только что закончила читать этот большой роман, который автор определил, как политико-экономический детектив. Я не только прочла его на одном дыхании, но и жила им. Главный герой эпопеи в борьбе за процветание алмазно-бриллиантовой отрасли нашей малой и большой родины — человек по имени Владислав Антонович Широков. В нём угадывается по характеру и поступкам экс-президент компании “АЛРОСА”, второй Президент Республики Саха (Якутия) Вячеслав Анатольевич Штыров.

В те трудные для меня дни, когда я буквально с больничной койки, под капельницами, дистанционно руководила моей большой бизнес-структурой, в которой неожиданно завелась так называемая “паршивая овца”, Широков стал для меня ролевой моделью.

На фоне моих незначительных сложностей то, что приходилось преодолевать полюбившемуся мне герою, было представлено в огромных масштабах, на высоком накале битвы за наши традиционные ценности: патриотизм, порядочность, целеустремленность, мудрое умение вести за собой людей... И я, вслед за героем романа, преодолела свои, значимые для меня трудности, победила, выполнила и перевыполнила при поддержке моих бизнес-партнёров план объёма продаж. А они и не ведали, что за нашей общей маленькой победой стоит такой Человек! По сути — Герой нашего времени. А ведь Вячеслав Анатольевич Штыров не только в книге, он в реальной жизни именно такой — человек слова и дела, опытный, мощный, умеющий ладить с людьми. Он столько всего значительного, доброго сделал для нашего края, что и не перечесть.

На нашей корпоративной встрече я поделилась этим с моими коллегами. Все были несказанно поражены! Так замечательная книга повлияла на судьбу мою и моей организации. Ведь если бы мы не выполнили план, нас бы расформировали, а меня лишили статуса, который в моей деловой карьере я сохраняю уже почти четверть века.

Не скрою, были минуты отчаяния, казалось, что не дотянем до необходимого уровня. Но я делала небольшой перерыв в работе и за чашкой чая или кофе вновь погружалась в чтение, черпая в книге новые силы. И снова, почти в режиме авиадиспетчера, отслеживала финансовые потоки (вернее, тоненькие ручейки!), звонила, писала сообщения, мотивируя своих партнёров на заказы.

Я уверена, такие книги должны стать настольными для каждого руководителя любого уровня и для тех, кто хочет чего-то добиться в жизни. И особенно для тех, кому нужна вера в честность, порядочность, высокая степень ответственности перед своим делом и людьми.

Надежда Сенькина,
преподаватель, журналист, предприниматель.
г. Якутск

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Волгоградская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького выражает Вам искреннюю благодарность за безвозмездную помощь в комплектовании библиотеки Вашим журналом в 2018 году.

Журнал “Наш современник” является самым востребованным литературно-художественным журналом у наших читателей.

Но и сегодня, к огромному огорчению горожан и сотрудников библиотеки, в связи с отсутствием финансирования мы не можем оплатить подписку на 2019 год. Обращаемся к Вам с просьбой выделить библиотеке один экземпляр годовой подписки на 2019 год.

Заранее благодарны.
Директор **С. В. Косовцева**

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Здоровья Вам и благополучия, Станислав Юрьевич. И относитесь философски к подлости и предательству бывших “друзей”, поберегите своё сердце. Все эти огрызки и иже с ними, все они – суета сует. Как мудро сказал Юрий Кузнецов: “Хоть они доживут до седин, // Но сметёт их минутная стрелка”. А Вы – СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ, Вы в русской литературе уже навсегда.

Храни Вас Бог!
Лапузин, Владивосток

* * *

Дорогой и уважаемый Станислав Юрьевич!

Из Москвы я поехал поездом до Киева. Поезд из Киева отъезжал после восьми вечера, и свободного времени у меня было предостаточно. Не имея желания ходить по городу, целый день просидел на железнодорожном вокзале, чтобы прислушаться к украинскому общественному настроению. Должен заметить, что большей частью народ разговаривает на русском, некоторая часть людей вшивает русские слова в украинскую речь. Чистого украинского услышать не пришлось. Ночь провёл в поезде, наутро оказался в Черновцах – областном центре Буковины.

Когда я приехал к своей маме в село Испас на Буковине, сказал ей, что был в Москве, встретился с Вами. Мама тут же велела передать Вам привет с пожеланиями долголетия, когда буди Вам звонки. Но звонки с Украины в Россию блокируются систематически. Пришлось звонить уже по возвращении в Алма-Ату. Надышался сливающейся правящей кликой пропаганды о том, что из-за Путина война на Донбассе и гибнут молодые парни, что из-за Путина жизнь плохая на Украине и цены растут. Но я заметил такую вещь: общество начинает раскалываться, бандеровская пропаганда “циничного бандеры” Порошенко даёт всходы чертополоха. Те, кто в селе меня ругал за русский язык, в этот раз стали себя вести лояльней, без упрёков. По телевизору на некоторых каналах стали вести передачи и показывать фильмы на русском языке. По радио всё без изменений. В новостях ничего не поменялось, все 24 часа суток! Для того чтобы понять, что происходит на Украине или “в Украине”, как там теперь говорят, решил порыться в интернете. Нашёл не очень приятные слова. Вот фрагмент речи президента Объединённой еврейской общины Украины, гражданина Израиля Игоря Коломойского в Хайфе в честь Рош ха-Шана 25 сентября 2014 года об Украине (<https://vena45.livejournal.com/4077159.html>): **“Мы провели на украинцах опыт. Мы взяли лишь языковое различие и надавили на историю, где выставили русских главными врагами процветания “Незалежной”. Спустя 20 лет пропаганды мы получили идеальных бойцов против русских в виде их славянских братьев. Теперь же любого представителя Украины, убившего русского, будут называть героем. Я надеюсь, мы разорвали их отношения лет на сто.**

Теперь будет очень легко уничтожить самих украинцев, оторвав их от России, давая им деньги под проценты на войну, а затем за долги забрать у них всё. И те, кто останется, – калеки, женщины и старики – они уже сопротивляться не смогут совершенно”.

Вспомнил Ваш очерк в **“Нашем современнике” (№ 5, 2015), “Разделили и мы неделимое, или Письма с Украины, которой нет”**, где Вы привели слова Галины Петровны Савченко из Киева: **“Дорогой Станислав Юрьевич, с подачи сионистской хунты, управляемой из Вашингтона, необандеровцы захватили-таки власть на Украине: их реабилитировали, им назначили пенсии. И они распоясались...”**

Ну, как тут не вспомнишь добрым словом Вашу историческую книгу **“Жрецы и жертвы Холокоста. Кровавые язвы мировой истории”**. Всё в одном флаконе! **“Жрецы”** оценили эту Вашу книгу! Будем иметь надежду, что грядущее время тоже оценит такой ценой, которую эта книга и её автор заслуживают.

Каждый раз, прочитывая письма читателей, я думаю, сколько же времени, сил приходится Вам, дорогой и многоуважаемый Станислав Юрьевич, тратить при подготовке публикаций журнала, чтобы читатели ценили и любили его, и хотели читать. Мало того, что не просто прочитали, а чтобы у каждого внутренне возникало чувство понимания протекающих жизненных событий не только русского народа, но и других народов, совместно с ним проживающих! Поразительно, что у Вас хватает времени не только хранить русскую литературу в её классических традициях, но и отслеживать события, происходящие в мире, не только ближнего зарубежья, но и дальнего, которое не всегда относилось благосклонно ни к СССР, ни к России. Вы всегда находите общий язык со всеми, это талант и умение человека, понимающего жизнь и происходящее в этой жизни.

Ваши книги в книжных магазинах бывают весьма редко. И этому есть своя причина, вполне веская: **в книгах правда, а с ложью ей быть не место!**

Так пусть и этот день рождения будет радостным для Вас и для всех, кто Вас знает, читает! Думаю – **все, кто с Вами общался личным общением, чтением книг, журнала, пожелают, чтобы Вы ещё долго радовали всех нас своим творчеством и присутствием в наше непростое время!**

Дай Вам Бог крепкого-крепкого здоровья и многая-многая лета!

А. О. Шерник, Алма-Ата

* * *

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

Прежде всего, я Вас поздравляю с **Днём Рождения** и желаю Вам долгих лет жизни, здоровья и творческих успехов.

Рад за Вас и Вашего сына, спасибо Вам обоим за труды. Благодаря Вашему труду, Ваш журнал стал новогодним подарком для России и для всех, кто его читает. Я верю, как тяжело в наше время, чтобы Ваше мнение всем нравилось. Вы немало сделали хорошего для многих писателей. Не всегда Ваш журнал выписывает наша библиотека (из-за недостатка денег), но я думаю, что у Вас достаточно силы воли быть выше того негатива, который приходится Вам слушать. Ещё раз Вам всего доброго везде и во всём! Для тьмы людей он другом стал!

С уважением к Вам

Ю. А. Ковязин, ветеран войны

* * *

Здравствуйте, дорогой и уважаемый Станислав Юрьевич!

Прежде всего, позвольте Вас поздравить от всей души с днём рождения – вероятно, уже с прошедшим, поскольку наша почта медлительна. Поздравляю Вас, я одновременно поздравляю и себя. И не только потому, что мой собственный день рождения почти совпадает с Вашим (всего на один день раньше).

Если бы Вы не явились на этот свет и не состоялись в том качестве, в каком знаю Вас я и ещё тысячи моих соотечественников, лично для меня (и для них, конечно) ныне было бы “пусто на земле”, как поётся в одной прекрасной песне. “Наш современник” выписываю, читаю и радуюсь, что журнал и его главный редактор не сдаёт позиций.

Будьте здоровы, благополучны, долготерпеливы и долговечны назло Вашим недругам и на радость друзьям, сподвижникам. А журналу желаю открыть новые талантливые имена, как в поэзии, так и в прозе.

Со всей моей сердечностью
Елена Иванова (Пятигорск).

* * *

Доброго здоровья, дорогой Станислав Юрьевич!

Беспокоит Вас Людмила Межиньш из Риги. Получили Ваш хороший “Наш современник”. Здорово. И спасибо огромное. Где бы мы могли его купить? Стихи – первое, с чего начинаем чтение любого журнала. Подобраны хорошо, прозу читаем медленно, затем журналы передаём литературным друзьям. Знайте: “Наш современник” всегда был, есть и, дай Бог, будет любимым журналом русских писателей, живущих в Латвии. Обстоятельства наши здесь всем известны, русские школы и библиотеки уже не русские.

Надеюсь, Вам не надоела моя писанина, ведь ясно, что время, хоть, слава Богу, и не деньги, но не считаться с ним нельзя, Станислав Юрьевич! Если Вы решите, что наши стихи достойны публикации в “НС”, мы, конечно, обрадуемся. А пока вот, высылаем. Благодарим Вас за любое решение, а в целом, спасибо, что Вы у нас есть. Держитесь ещё крепче, чем держались. Будем нужны если – хорошо. Мы и можем быть нужны, возможно, только России. Хочется так думать.

С уважением, с любовью
Л. и П. Межиньш
4.12.2018 г.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

(Жизнь замечательных людей)

Когда в январе 2001 года скончался Вадим Валерианович Кожинов и об этом было сообщено в одном большом “либеральном” литературном собрании – в зале, в котором не было ни друзей, ни единомышленников ушедшего, повисло напряженное молчание. И присутствовавший корреспондент одной “демократической” газеты, написал, словно бы даже против своего желания, что в этот момент все почувствовали: “Ушла эпоха”.

Признание чрезвычайно симптоматичное. И обладающее тем смыслом, о котором едва ли догадывались собравшиеся.

Первая мысль, которая приходит здесь на ум: с Кожиновым ушла единственная спокойная эпоха в России XX столетия. Эпоха, располагавшая к неторопливому собиранию мысли, обдумыванию важнейших онтологических, судьбоносных узлов исторического бытия России и мира. И нет никакого противоречия в том, что создание и публикация основных исторических и историософских кожиновских сочинений – “История Руси и русского Слова” и “Россия. Век XX” – пришлось на время всероссийского и всемирного катаклизма, на 1990-е годы XX века. Их появление было подготовлено всей предшествующей работой мысли теоретика литературы, литературного критика, литературоведа, историка, историософа.

Имя Вадима Валериановича Кожинова много лет ассоциировалось преимущественно с его работами в области теории литературы и на nive литературной критики. В последнее время о нём вспоминают преимущественно как об историографе.

Но, по существу, о нём следовало бы говорить, как о творце, органически соединившем в себе науку о литературе с наукой – отечественной историей.

Он родился в 1930 году, школьником встретил Великую Отечественную, с 1948 по 1953 гг. учился на филологическом факультете МГУ, после которого был принят на работу в отдел теоретических проблем Института мировой литературы, где и защитил кандидатскую диссертацию по становлению европейского романа в XVI–XVII веках.

Решающее значение для кожиновской научной, критической, исторической работы, а также для всего его мировоззрения имело знакомство с М. М. Бахтиным – сначала с книгой “Проблемы творчества Достоевского”, изданной в 1929 году, а затем и с самим учёным, которому Кожинов в конце концов помог перебраться на постоянное жительство в Москву. Именно благодаря Кожинову были в начале 1960-х годов изданы книги Бахтина “Проблемы поэтики Достоевского” и “Творчество Франсуа Рабле”, заново открывшие для России уникального отечественного философа и мыслителя. И именно во многом благодаря Бахтину Кожинов пришел к простой и в то же время совершенно неочевидной для многих его современников мысли: важна не “позиция”, занятая по отношению к тем или иным трагическим узлам истории, а понимание исторического процесса в целом.

История и литература существовали в мировосприятии Кожина как единое целое, и поэтическое слово, исследованию которого он посвятил большую часть своей жизни, обрело для него свою подлинную ценность в контексте Большой Истории. Стремление разгадать смысл этого слова и было его сверхзадачей в процессе работы над “Книгой о русской лирической поэзии XIX века”, книгой “Стихи и поэзия”, над предисловиями к поэтическим сборникам его ближайших друзей – Николая Рубцова, Владимира Соколова, Анатолия Передреева, Василия Казанцева, Станислава Куняева, Юрия Кузнецова. “Эти поэты... – писал он в статье “Полнокровность поэтического мира”, – осознанно стремились к тому, чтобы в полной мере возродить, воскресить заветы русской классической поэзии, усматривая в этом отнюдь не собственно литературную, а жизненную, бытийственную задачу. Сейчас чуть ли не каждый литератор говорит о великих ценностях, утраченных или извращённых в катаклизме революции. Поэты же, о которых я говорю, сумели если и не осмыслить в полной мере, то всем существом почувствовать, пережить всё это три десятилетия назад (статья писалась в 1992 году. – С. К.). И более того – выразить в поэтическом слове, право же, сильнее и глубже, чем это делают столь многие ныне, чаще всего попросту следуя за общим поветрием...”

Но сама по себе исследовательская работа Кожина с поэтическим словом его современников и их недалёких предшественников свидетельствовала не только о ценностях утраченных, но о ценностях обрётённых и созданных в той самой эпохе, которую он некогда пытался отвергнуть в своём молодом максимализме неофита.

Начав свой путь как теоретик литературы (он принимал участие в числе других молодых сотрудников ИМЛИ в написании 3-томного научного труда “Теория литературы”, издал книги “Виды искусства” и “Происхождение романа”) – он с середины 1960-х всё большее внимание уделял современной литературе, но уделял не как обыкновенный критик.

Собственно говоря, критика как таковая мало что значила в его восприятии жизни и литературы, как единого целого.

“В чём задача филолога? Он должен положить руку на пульс произведения”, – эти слова университетского профессора, великого пушкиниста Сергея Михайловича Бонди стали для Кожина своеобразным камертоном в его литературно-критической деятельности. Точнее сказать, в работе литературоведа над произведениями современных поэтов и прозаиков.

“Меня по-настоящему интересовали лишь те явления современной литературы, – писал он в предисловии к книге “Статьи о современной литературе”, вышедшей в 1982 году, – которые, на мой взгляд, имеют основания стать предметом литературоведения – или, иными словами, полноправной войти в историю отечественной литературы... Меня всегда увлекала задача утверждения достоинства тех истинных писателей, которые не пользовались в данный момент широким признанием. Не буду скрывать, что мне особенно дороги написанные в середине 1960-х годов статьи, воздающие должное таким художникам, как В. Белов, Н. Рубцов, В. Соколов, В. Шукшин, чьё творчество обрело позднее самое высокое и самое широкое признание”.

Думается, что статьи В. Кожина “Голос автора и голоса персонажей”, “Стихи должны быть, как открытое окно...”, “Николай Рубцов” (статья, выросшая в книгу) – лучшее из донны написанного о Белове, Соколове и Рубцове. Также своего рода образцом разбора прозаического произведения стала статья “Проблема автора и путь писателя. На материале двух повестей Юрия Трифонова”, где Кожин блистательно доказал: несмотря на всю “перевёрнутость” одной и той же сюжетной ситуации в “Студентах” и “Доме на набережной” – никакой реальной эволюции во взглядах автора не произошло.

* * *

Кожин любил переворачивать “общепринятые” представления о том или ином писателе или том или ином литературном периоде. Причём сначала встречал взрыв неприятия, а спустя время им сформулированное становилось “общим местом”, а о самом Вадиме Валериановиче (как и часто бывает) уже “не вспоминалось”.

Но отдельные его заключения и ныне с трудом находят себе место на “литературоведческой” территории.

В 1965 году, во время своего очередного смыслового “перелома”, он писал М. М. Бахтину: “Последнее время очень увлекаюсь последекабристским периодом русской культуры (1826–1840). Удивительное время. Самое **прекрасное**”.

Эти слова писались не без определённого вызова. И в официальных, и в “диссидентских” кругах это время характеризовалось преимущественно, как “безвременье николаевской реакции”. Актуализировался Юрий Тынянов с его характеристикой 1830-х годов: “Как страшна была жизнь превращаемых, жизнь тех из двадцатых годов, из которых перемещалась кровь! Они чувствовали на себе опыты, направляемые чужой рукой, пальцы которой не дрогнут... С Лермонтова идёт по слову и крови гнилостное брожение, как звон гитары”... В моде были книги Аркадия Белинкова “Юрий Тынянов” (автор которой особо никогда и не скрывал своей холодной ненависти к России), Александра Лебедева “Чаадаев” (этот автор, соученик Кожинова на филфаке МГУ, был в конце 1940-х ярким гонителем “космополитов”, а в 1960-е, “записавшись в либералы”, объявил Чаадаева убеждённым западником – и разоблачению этой злонамеренной “легенды” Вадим Валерианович посвятил немало страниц). В “Книге о русской лирической поэзии XIX века” (глава “После Пушкина. Тютчев и его школа”) Кожинов убедительно, доказательно развенчивал построения как Тынянова, утверждавшего, что Пушкин не оценил таланта Тютчева, так и Лидии Гинзбург и Андрея Битова, утверждавших, что Тютчев “боролся” с Пушкиным. Особо обращает на себя внимание следующее утверждение Кожинова: “Всем поэтам тютчевской школы... присущи отчётливые антииндивидуалистические тенденции. И это, безусловно, связано с их славянофильской идеологией”.

Эта мысль далее во многом уточнялась и обогащалась её автором в различных работах, а также в основном, главном сочинении В. В. Кожинова – биографии Фёдора Ивановича Тютчева, писавшейся в конце 1970–начале 1980-х годов и изданной в серии ЖЗЛ лишь в 1988 году. Кожинов представил Тютчева во всём его гармоническом единстве великого русского поэта, выдающегося дипломата, проницательного публициста и как бы заново раскрыл смысл его поэтического творчества. “Для Тютчева всё подлинное бытие России вообще совершалось как бы на глубине, недоступной поверхностному взгляду. Истинный смысл этого бытия и его высшие ценности не могли – уже хотя бы из-за своего беспредельного духовного размаха – обрести предметное, очевидное для всех воплощение...”

Хорошо известно, что любой, пишущий о любимом писателе, вкладывает в написанное и свой жизненный опыт, и свои пристрастия и увлечения – и во многом смотрит в описываемый им художественный мир, как в зеркало. И трудно отделаться от мысли, что Кожинов актуализировал в Тютчеве близкое себе самому.

“Поскольку каждое, даже само по себе частное событие своего времени являлось перед Тютчевым как определённое звено во всемирной истории, нет ничего парадоксального в том, что потрясённое видение Космоса сочеталось в его душе со страстным интересом к сегодняшней газете”.

Читая Кожинова, видишь, как важен для него диалог, полемика с предшественниками и современниками, и в этом непрекращающемся обстоятельном разговоре цитаты и ссылки сменяют друг друга и создаётся солидная разноголосица мнений, тенденций, высказываний по самым разным проблемам, удерживаемая голосом автора, объединённая актуализированной Кожиновым темой... В своих неустанных трудах на поприще русского слова и дела, он стремился окружать себя единомышленниками и соратниками. Когда он писал о том, как Тютчев “жадно искал людей, которые смогли бы действовать с ним заодно в области внешней политики”, он писал отчасти и о себе самом, искавшем и находившем соратников, действующих с ним заодно в области познания культуры, истории, политических процессов.

Мир Кожинова – это совокупность широких, богатейших, разнообразных творческих миров. Он исследовал все художественные направления – от крайностей авангарда до классической русской традиции, осенённой именем Пушкина, от мира славянофилов, до, казалось бы, изученного, но и ныне во

многим только приоткрывающегося мира былинного слова и древнерусской книжности. “Да есть ли хоть что-то, чего Вы не знаете?” – бросил ему один из его оппонентов, как бы с иронической подкладкой, но на деле – будучи действительно поражён кожиновскими познаниями. Далеко не каждый мог выйти с ним на открытую полемику (Кожинов воспринимал лишь серьёзную аргументацию, готовность к диалогу с обеих сторон, вне зависимости от убеждений того или иного оппонента; он не переносил “обличений”, “нередко патологически нервных и комически многословных”, по его же собственному выражению), и силу и тяжесть кожиновских аргументов почувствовали на себе многие – от Льва Аннинского до Алеся Адамовича, от Бенедикта Сарнова до Андрея Нуйкина.

Он находился в постоянном поиске, состоянии постоянной жажды новых открытий – неизведанных исторических и литературных полей, новых имён в современной литературе, кинематографе, русском мелосе. И постоянно расширял границы своего собственного мировосприятия. К концу 1960-х годов, нащупывая подступ к таким своим статьям, как “К методологии истории русской литературы”, “Национальная литература: прошлое или будущее”, “О главном в наследии славянофилов”, “О поэтической эпохе 1850-х годов”, когда он сам, по его признанию, “думал, что следует непосредственно “продолжать” и “развивать” наследство... Киреевского, Хомякова, Григорьева, Леонтьева... и даже прямо писал об этом (насколько это получалось в тогдашних условиях печатания)” – он уже думал о “размыкании” своего “идейного” круга, к выходу на своеобразный “слом стены” между классической славянофильской и классической западнической мыслью (“Давно хочу выйти за пределы своих “национальных” идеалов, но ещё не знаю куда”, – писал он М. М. Бахтину). Собственно сама классическая русская литература и подсказала направление поиска. Кожинов пришёл к необходимости “воскрешения” в новой реальности всеобъемлющей мысли, проникнутой подлинным историзмом, свойственной Пушкину, Чаадаеву, Тютчеву, Достоевскому, не разделённой на “славянофильское” и “западническое” ответвления.

Для Кожинова любая историческая дискуссия, касалась ли она взаимоотношений Руси с Хазарским каганатом или национального состава первого советского правительства, питалась живыми токами современности и была непосредственным зеркальным отражением страстей, бурлящих в жизни, творящейся на его глазах. С конца 1970-х годов его внимание всё более и более сосредотачивалось на истории России, которая не отделялась от истории русского художественного слова. “Первой ласточкой” такого рода “органического исследования” стала статья “И назовёт меня всяк сущий в ней язык...”, опубликованная в 11-м номере “Нашего современника” за 1981 год, после чего через несколько месяцев был снят с должности подписавший этот номер в печать первый заместитель главного редактора журнала Юрий Селезнёв, а сама кожиновская работа стала сигналом для составления памятного постановления “О творческой связи литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства” (изданного в общих рамках начатой Ю. Андроповым борьбы с “русизмом”), после чего цензурные ограничения, налагаемые на русскую мысль в печати, стали особенно жёсткими. В связи с этой статьёй невозможно снова не вспомнить о **диалоге** – на сей раз, диалоге единомышленников – Вадима Кожинова и Юрия Кузнецова, который в стихотворении “Повернувшись на Запад спиной...” как бы соединял голоса Достоевского и Кожинова в единый звуковой поток, воссоединял образы классика и современника, цитирующего и цитируемого, – и мысль этого двуединого персонажа направлена на Восток.

*Повернувшись на Запад спиной,
К заходящему солнцу славянства,
Ты стоял на стене крепостной.
И гигантская тень пред тобой
Убегала в иные пространства.*

Плодом их бесед стало и написанное тогда же Кузнецовым стихотворение “Для того, кто по-прежнему молод...” с прямым обращением к монологам Версилова в “Подростке” и Ивана в “Братьях Карамазовых” – о том, что европейские “священные камни кроме нас, не оплачет никто”.

Кожинов обладал увивительным магнетизмом, он втягивал множество людей в своё поле, и в этом поле каждый — на время или навсегда — вырастал и в его, и в собственных глазах. Множество мыслей, щедро разбросанных им и не воплощённых в собственных статьях и книгах, подбиралось благодарными и внимательными собеседниками и воплощалось уже в их трудах, которыми потом зачитывались думающие читатели.

Последние годы жизни Кожинова были непосредственно связаны с журналом “Наш современник”, членом редколлегии которого он стал после прихода на место главного редактора Станислава Куняева. Книги “История Руси и русского Слова”, “Россия. Век XX” стали своеобразным стержнем хребта журнала, выстраивали его политическую и интеллектуальную линию. Кожинов стал, если угодно, “теневым идеологом” издания, привлекая на его страницы множество авторов — от Игоря Шафаревича до Сергея Кара-Мурзы и Александра Панарина. Авторы разных, подчас категорически не согласных между собой, но умеющих вести подлинно интеллигентный диалог и вместе работающих на общее русское дело.

Огромный интерес в книге “Россия. Век XX” вызвала у читателя серия глав, посвящённых “черносотенцам”. Кожинов впервые показал, что люди, исповедовавшие “черносотенную” идеологию, представляли культурнейший слой России начала XX века и — единственные в то время — понимали происходящее и прозревали грядущие катаклизмы. Он показал также, что эти идеи, пусть не оформленные в сознании, исповедовали и широкие народные массы, “третья сила”, которая в сложившихся исторических условиях была обречена на поражение. Но поражение политическое не стало поражением духовным, смысловым, что и показал писатель в последующих главах “Истории”. То же можно сказать и о Кожинове, и о его единомышленниках на рубеже XX–XXI веков. Их “консерватизм”, обращённый в будущее, осуществлявший не рвущуюся связь времён, был не ко двору ни у государственного и партийного официоза, ни у новоявленных “революционеров” вполне буржуазного разлива. И до сих пор мудрое и объединяющее кожиновское слово, по сути, изгнано из мира современных телеристалищ и “ток-шоу” на “исторические темы” по причине крайнего неудобства существования нынешних “дуэлянтов” (и с той, и с другой стороны) рядом с ним.

Завершить это небольшое предисловие хотелось бы словами Валентина Распутина, сказанными им через месяц после кончины Вадима Валериановича.

“...Мы настолько привыкли, что у нас есть Вадим Валерианович Кожинов, и он, сколько бы ни путали путаники отечественной культуры и истории, всё расставит по местам, поймает за руку, всему даст точное объяснение... — настолько привыкли, что и в горе прежде явилась невпопад какая-то детская обида: да что же это он? Как теперь без него?”

“Исследователь” и “следователь” — слова близкие, одного корня, и означают поиски правды. Кожинову в его последнее, самое тяжкое для России преступное десятилетие, быть может, больше даже подходит “следователь” — в нравственном смысле: свои поиски он вёл не бесстрастно, не по-буквоедски, а словно спасая самую близкую судьбу, торопясь представить доказательства оговора и подтасовок. Даже тому, что происходит на наших глазах, Вадим Валерианович давал своё самостоятельное объяснение, и оно оказывалось более верным. Он постоянно находился рядом с нами, но шёл как бы чуть обочь — откуда видно лучше и где потайное смещение культурных и общественных пород оставляет читаемые знаки.

Что говорить! Он был одним из тех и даже более чем кто-либо другой, кто помогал нам добывать Отчизну нашу. Он очень нужен сегодня и как нужен был бы завтра...”

(Продолжение следует)

ТВОРЧЕСКИЕ ИТОГИ 2018 ГОДА

Премия имени В. В. Кожина за статьи “Учиться, учиться и ещё раз учиться...” (№ 4) и “Чему учит история?” (№ 11) присуждена Александру Константиновичу СМОЛКО;

Премия имени Л. М. Леонова (номинация “Молодые прозаики”) за главы из романа “Время весны” (№ 9) присуждена Сергею ДОРОВСКИХ;

Премия имени Ю. П. Кузнецова (номинация “Молодые поэты”) за подборку стихов “Рубцы от улыбок и драк” (№ 10) присуждена Ивану АЛЕКСАНДРОВСКОМУ;

Премия имени А. Г. Кузьмина (номинация “Молодые историки и публицисты”) за статью “Русский Акрополь: центральный холм Севастополя” (№ 8) присуждена Платону БЕСЕДИНУ;

Ежегодные премии за лучшие произведения 2018 года присуждены:

— Виктору БОЧЕНКОВУ, историку, литературоведу — за статью “Русский Гомер” (№ 11);

— Михаилу ДЕЛЯГИНУ, публицисту, политологу — за статьи “Особенности современного общества” (№ 2); “2024: Новые цели — глобальная перспектива” (№ 5); “Интеллектуальные элиты как фактор силы” (№ 10);

— Максиму ЕРШОВУ, поэту — за подборку стихов “А всё-таки Россия” (№ 8);

— Василию КАЗАНЦЕВУ, поэту — за подборку стихов “Счастья зов” (№ 5);

— Владимиру КАЗМИНУ, прозаику — за рассказ “Негр из АТО” (№ 4);

— Юрию КЛЮЧНИКОВУ, поэту — за подборку стихов “Огненные крылья” (№ 1);

— Юрию КОЗЛОВУ, прозаику, эссеисту — за статью “Творчество Виктора Лихоносова и современная русская литература” (№ 7);

— Наталье ЛЕСЦОВОЙ, прозаику — за повесть “Имба-читальня” (№ 11);

— Мушни ЛАСУРИА, поэту — за главу “Русские писатели” романа в стихах “Отчизна” (№ 12);

— Алле НОВИКОВОЙ-СТРОГАНОВОЙ, литературоведу — за статьи “Истинное чудо” (№ 4); “Евангельская концепция в творчестве И. С. Тургенева: роман “Рудин” (№ 11);

— Захару ПРИЛЕПИНУ, прозаику, очеркисту — за статьи “Высоцкий как наш современник” (№ 3); “Памяти героя” (№ 10);

— Александру ПРОХАНОВУ, прозаику, очеркисту — за романы “Гость” (№ 1); “Певец боевых колесниц” (№ 6);

— Елене ТУЛУШЕВОЙ, прозаику, очеркисту — за статьи “Почём дети?”; “Выстрелы в школе” (№ 3);

— Андрею УБОГОМУ, прозаику, эссеисту — за эссе “Словарь исчезнувших вещей” (№ 6);

— Михаилу ЧВАНОВУ, прозаику, очеркисту — за статьи “Лестница в небо” (№ 5); “Кто ты, Иван Аксаков?” (№ 10).

Поздравляем лауреатов!